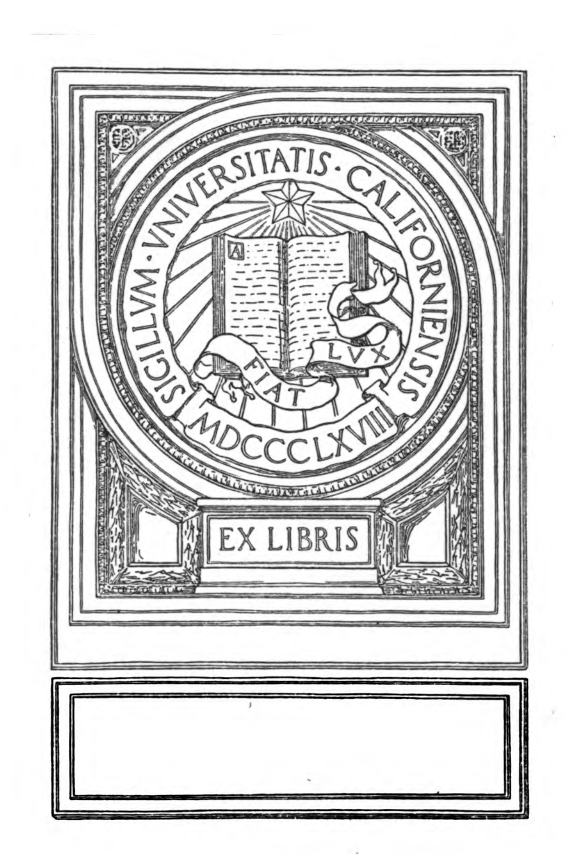
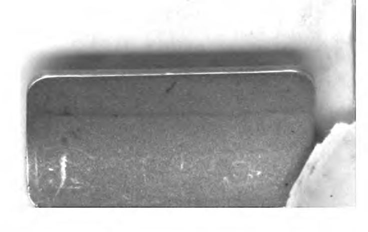
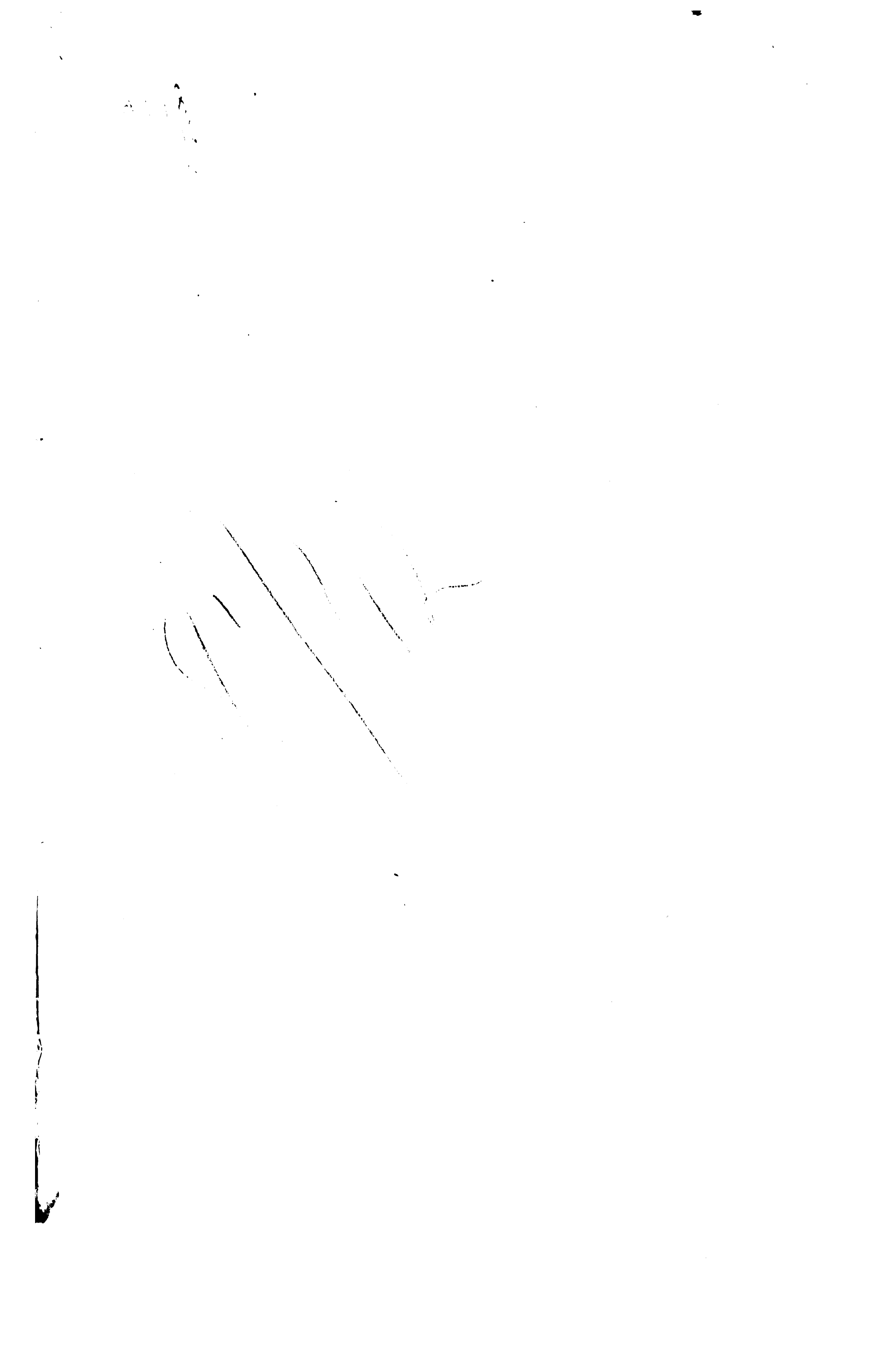
UC-NRLF
$B 598 639


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS





Годъ V-й. № 2-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

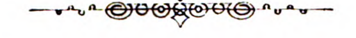
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1896 г.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896.

СОДЕРЖАНІЕ.

Годъ V-й. № 2-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

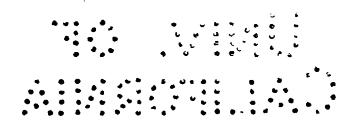
САМООБРАЗОВАНIЯ.

ФЕВРАЛЬ

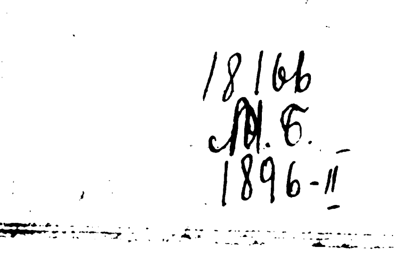
1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 24-го января 1896 года. С.-Петербургъ.



СОДЕРЖАНІЕ.



ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе) *).

V.

— Ахъ, какая прелесть!—крикнула Катя, вбѣгая по темной и грязной лѣстницѣ.—Восторгъ...

Подымавшаяся за ней Честюнина никакъ не могла понять,—напротивъ, эта петербургская лѣстница произвела самое непріятное впечатлѣніе.

— Маша, я счастлива, совершенно счастлива!—кричала Катя откуда-то сверху.—Что же ты молчишь?

— Я рѣшительно не понимаю ничего, Катя...

— А ты понюхай, какой здѣсь воздухъ?

— Кошками пахнетъ...

— Вотъ-вотъ, именно въ этомъ и прелесть. Мнѣ такъ надоѣли эти антре, парадныя лѣстницы, швейцары, а тутъ просто духъ захватываетъ отъ всякихъ запаховъ... ха-ха-ха!.. Прелесть, восторгъ... ура!..

— Пожалуйста, тише, сумасшедшая...

Потомъ все стихло. Когда Честюнина поднялась въ пятый этажъ, ей представилась такая живая картина: въ отворенныхъ дверяхъ стояла полная женщина въ дымчатыхъ очкахъ, стриженая и съ папиросой, а передъ ней стояла Катя, улыбающаяся, свѣжая, задорная.

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1896.

— Вы это чему смѣетесь?—угрожающимъ тономъ спрашивала дама съ папиросой.

— А развѣ здѣсь запрещено смѣяться?

— Не запрещено, но вы, во-первыхъ, чуть не оборвали звонка, а потомъ, когда я открыла дверь, захохотали мнѣ прямо въ лицо... Это доказываетъ, что вы дурно воспитаны.

— Я?! Нѣтъ, ужъ извините, сударыня...—бойко отвѣтила Катя.—Во-первыхъ, я кончила институтъ, во-вторыхъ, мой папаша дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ-третьихъ, у насъ на подъѣздѣ стоитъ швейцаръ Григорій, который въ теченіе своей жизни не пропустилъ на лѣстницу ни одной кошки, въ-четвертыхъ...

— У васъ отдается комната?—перебила Честюнина.

Дама съ папиросой строго оглядѣла ее съ ногъ до головы и, загораживая дверь, грубо спросила:

— А вы почему думаете, что я должна сдавать комнату?

— Намъ указалъ вашъ адресъ студентъ... такой бѣлокурый... По фамиліи Крюковъ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло...

Дама величественно отступила. Она теперь сосредоточила все свое вниманіе на Катѣ.

— Да вы намъ комнату свою покажите...—приставала Катя, заглядывая въ дверь направо.

— Сюда нельзя, во-первыхъ,—остановила ее дама.—А затѣмъ, кому изъ васъ нужна комната?

— Мнѣ...—успокоила ее Честюнина.

— Ну, это другое дѣло.

Когда сердитая дама съ папиросой повела дѣвушекъ по длинному корридору, въ который выходили двери отдѣльныхъ комнатъ, Катя успѣла шепнуть:

— Какая милашка... Я въ нее влюблена. Понимаешь? Ахъ, прелесть...

Свободная комната оказалась рядомъ съ кухней, что еще разъ привело Катю въ восторгъ. Помилуйте, пахнетъ не то лукомъ, не то кофе—прелесть... Однимъ словомъ, обстановка идеальная. Отдававшаяся въ наймы комната единственнымъ окномъ выходила въ брандмауэръ сосѣдняго дома. Изъ мебели полагался полный репертуаръ: столъ, просиженный диванъ, желѣзная кровать, два стула и комодъ.

— Собственно говоря, я отдаю комнаты только знакомымъ,—не безъ достоинства объясняла дама съ папироской.— И жильцы у меня постоянные, изъ года въ годъ. Вы, вѣроятно, провинціалка?

— Да, я издалека... Можетъ быть, вы слыхали, есть такой городъ Сузумье?

— Сузумье?!.. Боже мой, что же это вы мнѣ раньше не сказали, милая... Я, вѣдь, тоже изъ тѣхъ краевъ. Конечно, вы слыхали про профессора Приростова? Это мой родной братъ...

При послѣднихъ словахъ она вызывающе посмотрѣла на Катю, точно хотѣла сказать: вотъ тебѣ, выскочка, за твоего папеньку дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Да-съ, родная сестра, и все тутъ.

— Меня зовутъ Парасковьей Игнатьевной,—уже милостивѣе сообщила она.—А васъ? Марья Гавриловна—хорошее имя. Меня мои жильцы прозвали, знаете какъ? Парасковеей Пятницей... Это упражняется вашъ знакомый Крюковъ. Впрочемъ, я до него еще доберусь...

Катя больше не могла выдерживать и прыснула. Это былъ неудержимый молодой смѣхъ, заразившій даже сестру извѣстнаго профессора. Она смотрѣла на хохотавшую Катю и сама смѣялась.

— А знаете... знаете...—говорила Катя сквозь слезы.— Знаете, у васъ, дѣйствительно, есть что-то такое... Парасковея Пятница, именно! Боже мой, да что же это такое?...

Въ слѣдующій моментъ Катя бросилась на шею къ Парасковьѣ Пятницѣ и расцѣловала ее.

— Нѣтъ, я не могу! Вѣдь это разъ въ жизни встрѣчается... Какъ я васъ люблю, милая Парасковея Пятница!...

Эта нѣжная сцена была прервана апплодисментами,—въ дверяхъ стоялъ давешній бѣлокурый студентъ.

— Браво!.. Какія милыя телячьи нѣжности... Я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что вы подеретесь для перваго раза и торопился занять роль благороднаго свидѣтеля.

— Пожалуйста, не трудитесь острить,—вступилась Катя.— Вы—запоздалый и никогда не поймете всей красоты каждаго движенія женской души. А въ частности, что вамъ угодно?

— Что, влетѣло?—шутила Приростова.—Ахъ, молодежь, молодежь... Вотъ посмотришь на васъ и какъ-то легче на душѣ сдѣлается. Когда я была молода, у насъ въ Казани...

— Ну, теперь началась сказка про бѣлаго бычка: „у насъ въ Казани",—замѣтилъ студентъ.—Когда вы доѣдете, Парасковья Игнатьевна, до своего знаменитаго брата, постучите мнѣ въ стѣну... Я буду тутъ рядомъ. Я даже начну за васъ: „Когда я была молода, у насъ въ Казани"...

Когда веселый студентъ ушелъ въ комнату рядомъ, Приростова вздохнула и проговорила:

— Вѣроятно, подъ старость всѣ люди дѣлаются немного смѣшными, особенно когда вспоминаютъ далекую молодость... Можетъ быть, Крюковъ и правъ, когда вышучиваетъ меня. А только онъ добрый, хотя и болтунъ... Вотъ что, дѣвицы, хотите кофе?

— Съ удовольствіемъ перехватимъ кофеевъ, — отвѣтила Катя, стараясь выражаться въ стилѣ студенческой комнаты.

Когда Приростова ушла въ кухню, Честюнина проговорила, дѣлая строгое лицо:

— Знаешь, Катя, ты держишь себя непозволительно... Я тебѣ серьезно говорю. Парасковья Игнатьевна почтенная женщина, я это чувствую и не хорошо ее вышучивать... Вообще, нужно быть поскромнѣе.

— Я больше не буду, милая, строгая сестрица... Но я не виновата, что она говоритъ: молодежь. И потомъ, ты забываешь, что если бы не я, такъ тебѣ не видать бы Парасковеи Пятницы, какъ своихъ ушей. Чувствую, что ты устроишься здѣсь.

— И мнѣ тоже кажется...

Приростова повела „дѣвицъ" къ себѣ въ комнату, устроенную на студенческую руку. Такая же кровать, простенькій диванъ, комодъ, два стула и двѣ этажерки для книгъ. Честюнина обратила вниманіе прежде всего на эти этажерки, гдѣ были собраны изданія: Молешоттъ, К. Фогтъ, Бокль и т. д. Очевидно, это были все авторы, дорогіе по воспоминаніямъ юности. На стѣнѣ у письменнаго стола были прибиты прямо гвоздями порыжѣвшія и засиженныя мухами фотографіи разныхъ знаменитостей, а затѣмъ цѣлый рядъ портретовъ. Эти послѣдніе, вѣроятно, представляли память сердца.

Приростова показала на молодого мужчину съ самыми длинными волосами и таинственно объяснила:

— Мой мужъ, Иванъ Михайловичъ...

Пока „дѣвицы" пили кофе, Приростова успѣла сообщить всю свою біографію. Да, она родилась въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, въ помѣщичьей семьѣ, отдана была потомъ въ институтъ, а потомъ очутилась въ Казани.

— Ахъ, какое это было время, дѣвицы! Вы ужъ не испытаете ничего подобнаго—да... Развѣ ныньче есть такіе люди?.. Да, было удивительное время, и мнѣ просто жаль Крюкова, когда онъ смѣется надо мной! Онъ не понимаетъ, бѣдняжка, что и самъ тоже состарится, и вы, дѣвицы, тоже состаритесь, а на ваше мѣсто придетъ молодежь ужъ другая...

Честюнина переѣхала на новую квартиру въ тотъ же день и была совершенно счастлива. Вышло только одно неудобное обстоятельство—она уѣхала, не простившись съ дядей. Онъ засѣдалъ въ какой-то коммиссіи. Тетка приняла видъ жертвы, покорившейся своей судьбѣ, и съ особенной ядовитостью соглашалась со всѣмъ.

— Комната въ восемь рублей? Прекрасно... Рядомъ живетъ студентъ — отлично. Дядя будетъ очень радъ. Онъ всегда стоитъ за женскую равноправность... Впрочемъ, это въ воздухѣ, и я кажусь тебѣ смѣшной.

— Что вы, тетя...—попробовала оправдаться Честюнина.— Я не рѣшаюсь приглашать васъ къ себѣ, но вы убѣдились бы своими глазами, что ничего страшнаго нѣтъ.

Много напортила своими комическими восторгами Катя, но она такъ смѣшно разсказывала и такъ заразительно хохотала, что сердиться на нее было немыслимо. Впрочемъ, когда Честюнина уходила совсѣмъ, она догнала ее въ передней и принялась цѣловать со слезами на глазахъ.

— Что ты, Катя?—удивилась та.—Ты плачешь?

— Да, да... Это глава изъ романа петербургской кисейной барышни. Я презираю себя и завидую тебѣ... Кланяйся Парасковеѣ Пятницѣ. Она хорошая...

Честюнина вздохнула свободнѣе, когда очутилась, наконецъ, на улицѣ. Ее точно давили самыя стѣны дядюшкиной квартиры, а швейцара Григорія и горничной Даши она просто начала бояться. Сейчасъ ее не смущалъ даже роко-

вой мѣшокъ, который производилъ все время такую сенсацію. Тамъ, на Выборгской сторонѣ, такіе пустяки не будутъ имѣть никакого смысла...

Приростова встрѣтила новую квартиранку по родственному и сейчасъ же спросила про Катю.

— Мнѣ кажется, что она на другой дорогѣ,—замѣтила она.—Я хочу сказать, что эта дѣвушка живетъ изо дня въ день барышней, безъ всякой цѣли впереди. А это грустно...

Какъ была рада Честюнина, когда, наконецъ, очутилась въ собственномъ углу. Вѣдь нѣтъ больше счастья, какъ чувствовать себя независимой. Вотъ это мой уголъ и никто, рѣшительно никто не имѣетъ права вторгаться въ него. Дѣвушка полюбила эти голыя стѣны, каждую мелочь убогой обстановки и впередъ рисовала себѣ картины трудовой жизни, о которой столько мечтала раньше. Да, сонъ свершился на яву...

Первой вещью, которую пришлось пріобрѣсти, была дешевенькая лампочка. Когда загорѣлъ первый огонекъ, дѣвушка сѣла къ письменному столу, чтобы написать письма матери и „къ нему". Письмо матери удалось. Она описывала дорогу, семью дяди, свое поступленіе на курсы, новую квартиру,—впечатлѣнія были самыя пестрыя. Но второе письмо совершенно не удалось. Честюнина написала цѣлыхъ пять писемъ, и всѣ пришлось разорвать. Все это было не то, чего она желала. А какъ много хотѣлось написать... Что-то мѣшало, точно выростала невидимая стѣна, заслонявшая прошлое, и въ результатѣ получался фальшивый тонъ. Она перечитала письмо „отъ него" разъ десять и поняла только одно, что ей не отвѣтить въ этомъ простомъ и задушевномъ тонѣ.

— Какой онъ хорошій...—шептала она, испытывая почти отчаяніе.

VI.

Первая лекція... Это было что-то необыкновенное, какъ молодой сонъ. Въ громадной аудиторіи, устроенной амфитеатромъ, собралось до полуторасотъ новенькихъ курсистокъ. Кого-кого тутъ не было: сильныя брюнетки съ далекаго юга, бѣлокурыя нѣмки, русоволосыя дѣвушки средней Рос-

сіи, сибирячки съ типомъ инородокъ. За вычетомъ племенныхъ особенностей, оставался одинъ общій типъ — преобладала сѣрая дѣвушка, та безвѣстная труженица, которая несла сюда все, что было дорогого. Красивыхъ лицъ было очень немного, хотя этого и не было замѣтно. Всѣ переживали возбужденное настроеніе и поэтому говорили громче обыкновеннаго, смѣялись какъ-то принужденно и вообще держались неестественно. На нѣкоторыхъ скамьяхъ образовались самыя оживленныя группы. Очевидно, сошлись землячки, и Честюнина невольно позавидовала, потому что изъ Сузумья она была одна, и опять переживала тяжелое чувство одиночества. Впрочемъ, были и другія дѣвушки, которыя тоже держались особнячкомъ, какъ и она. Одна такая дѣвушка, сухая и сгорбленная, съ зеленоватымъ лицомъ и какими - то странными темными глазами, которые имѣли такой видъ, точно были наклеены—сѣла на скамью рядомъ съ ней.

— У васъ, кажется, нѣтъ никого знакомыхъ?- заговорила она дѣловымъ тономъ, поправляя большіе очки въ черепаховой оправѣ.

— Да...

— И у меня тоже.

— Вы издалека?

— О, очень издалека... съ юга.

Она назвала маленькій южный городокъ и засмѣялась,— этотъ городъ существовалъ только на картѣ, а въ дѣйствительности былъ деревней.

Потомъ она прибавила совершенно другимъ тономъ:

— А вы видите, вонъ тамъ, на третьей скамейкѣ сидитъ бѣлокурая барышня?..

— Да, вижу...

— Вы ее не знаете? Она меня очень интересуетъ... Вотъ сейчасъ она повернулась въ нашу сторону... Знаете, я ее ненавижу. Вѣдь вижу въ первый разъ и ненавижу... Вы когда-нибудь испытывали что-нибудь подобное? А со мной бываетъ... Я даже ненавижу иногда людей, которыхъ никогда не видала.

Аудиторія вдругъ притихла, и Честюнина только сейчасъ замѣтила, что вошелъ профессоръ. Это былъ полный мужчина среднихъ лѣтъ, въ военно-медицинскомъ мундирѣ.

Не смотря на свою нѣмецкую фамилію — Шмадтофъ, онъ имѣлъ наружность добродушнаго русскаго мужичка. Окладистая борода съ просѣдью, каріе большіе глаза, мягкій носъ, крупныя губы, походка съ развальцемъ—во всемъ чувствовалось какое-то особенное добродушіе. Онъ внимательно осматривалъ, дожидаясь, пока стихнетъ шумъ, а потомъ заговорилъ жирнымъ басомъ. Онъ „читалъ" общую анатомію и демонстрировалъ свое чтеніе рисунками цвѣтнымъ карандашемъ по матовому стеклу. Выходило очень красиво, и вся аудиторія ловила каждое слово опытнаго лектора. Честюнина забыла все, превратившись въ одинъ слухъ. Вѣдь это была уже настоящая наука, святая наука, и читалъ лекцію настоящій профессоръ, имя котораго встрѣчалось въ ученой литературѣ. Встрѣчавшіеся въ лекціи научные термины тоже говорили о совершенно новой области знанія и всѣ записывали ихъ въ особыя тетрадки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ особъ, не считавшихъ это нужнымъ.

Послѣ лекціи курсистки обступили профессора. Онъ рекомендовалъ разныя сочиненія по анатоміи, пособія и атласы.

— Посмотрите, какъ та юлитъ около профессора,—шепнула Честюниной новая знакомая, указывая глазами на бѣлокурую курсистку.—Я тоже хотѣла подойти, а теперь не подойду. Противно смотрѣть...

Вторая лекція была по химіи, въ другой аудиторіи, гдѣ были устроены приспособленія для химическихъ опытовъ. Профессоръ славился больше своей музыкой, чѣмъ учеными трудами. Онъ имѣлъ смѣшную привычку приговаривать въ затруднительныхъ случаяхъ слово „исторія". „А вотъ мы подогрѣемъ эту исторію... кхе! кхе... да. А изъ этой исторіи получится у насъ формула..." Честюнину поражало больше всего то, что новенькія курсистки знали уже впередъ каждаго профессора. Кто-то уже составилъ опредѣленныя характеристики о каждомъ, и онѣ передавались изъ одного курса въ другой. Были свои любимые профессора и были нелюбимые. О каждомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили стереотипные анекдоты. Каждая курсистка являлась на лекцію уже съ предвзятымъ мнѣніемъ и молодой непогрѣшимостью. Честюниной не нравилась именно эта черта. Развѣ не могло быть почему-нибудь ошибки? Да и кто судьи...

Потомъ, развѣ онѣ явились сюда для какого-то суда надъ профессорами? По этому поводу у ней вышелъ горячій споръ съ давешней курсисткой въ черепаховыхъ очкахъ, которая сообщала ей профессорскія характеристики.

— Знаете, это совсѣмъ не интересно...—замѣтила Честюнина.—Сначала мнѣ было больно слышать, а теперь не интересно. Вѣдь это не относится къ наукѣ, а мы пришли сюда учиться. Потомъ, это отдаетъ немного провинціальной сплетней... А главное, кому это нужно? Неужели вамъ легче, если вы впередъ, не зная человѣка, рѣшаете по чужимъ отзывамъ, что онъ дуракъ? Въ этомъ случаѣ я никому бы не повѣрила... Конечно, есть разница, но отъ генія до дурака слишкомъ еще много мѣста...

— Однимъ словомъ, вы желаете быть милой золотой серединой? Могу поздравить впередъ съ полнымъ успѣхомъ...

— Кажется, вы желаете меня ненавидѣть?

— Это уже дѣло мое...

Произошла непріятная размолвка, и Честюнина почувствовала, что нажила себѣ врага. Темные глаза изъ-подъ черепаховыхъ очковъ смотрѣли на нее съ такой ненавистью. Было и непріятно, и неловко. Съ этимъ непріятнымъ чувствомъ она вернулась и домой и только дома вспомнила, что еще не обѣдала.

— И я тоже не обѣдала,—успокоила ее Приростова.—Знаете, дома заводить кухню не стоитъ. И хлопотъ бабьихъ много, и просто невыгодно. Потомъ, полная зависимость отъ какой-нибудь кухарки, кухонныя дрязги... Я предпочитаю брать обѣдъ изъ кухмистерской. Въ будущемъ всѣ будутъ обѣдать въ кухмистерскихъ, какъ сейчасъ берутъ булки изъ булочной.

На первый разъ кухмистерская произвела на Честюнину довольно благопріятное впечатлѣніе. Чего же можно было требовать за двадцать пять копѣекъ? Это и дома не приготовить. Дома она иногда помогала матери по хозяйству и знала цѣны на разную провизію, такъ что могла сдѣлать сравненіе съ петербургскими цѣнами на все. Впрочемъ, все это были такіе пустяки, о которыхъ не стоило даже говорить. Все заключалось тамъ, въ академіи, которая произвела на нее впечатлѣніе именно храма науки. За этими стѣнами

накопленъ научный матеріалъ вѣками и сюда, какъ въ сокровищницу, несли свои вклады ученые подвижники всѣхъ временъ и народовъ. И какое же значеніе могло имѣть такое ничтожное обстоятельство, какъ питаніе. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ...

Вечеромъ Честюнина писала письмо Нестерову.

„Дорогой Андрей, пишу тебѣ счетомъ шестое письмо—пишу и рву, потому что все какъ-то выходитъ не то, что хотѣлось бы написать. А тутъ еще твое письмо, такое задушевное, простое и любящее... Но мнѣ въ немъ—говорю откровенно—не понравилось одно, именно, что всѣ твои мысли и чувства сводятся исключительно на личную почву. Ты знаешь, какъ я отношусь къ тебѣ, но личная жизнь какъ-то отходитъ въ сторону, когда встрѣчаешься съ общечеловѣческими явленіями. Думаю, что въ этомъ ни для кого обиднаго ничего нѣтъ. Да, есть вещи, которыя стоятъ неизмѣримо выше и нашихъ маленькихъ радостей, и нашихъ маленькихъ горестей... Признаюсь откровенно, что я сегодня много разъ вспоминала о тебѣ. И когда? На первыхъ лекціяхъ. Профессоръ читаетъ, а мнѣ обидно, что вотъ ты не слышишь этого и что нельзя подѣлиться съ тобой первыми впечатлѣніями. Мнѣ даже казалось, что я какъ будто измѣняю тебѣ... Самое обидное чувство. А сейчасъ я сижу, и мнѣ дѣлается совѣстно... Вѣдь я самая счастливая дѣвушка въ Россіи, гораздо больше счастливая, чѣмъ если бы выиграла двѣсти тысячъ. Ты подумай, сколько тысячъ въ Россіи дѣвушекъ, которыя мечтаютъ о высшемъ образованіи и никогда его не получатъ. Вѣдь женщинѣ такъ трудно вырваться изъ своей семейной скорлупы, и нужно слѣпое счастье, чтобы попасть въ число избранныхъ. Именно это думала я сегодня на первыхъ лекціяхъ, когда въ аудиторіи собрались со всѣхъ концовъ Россіи сотни дѣвушекъ...“

Это письмо было прервано легкимъ стукомъ въ дверь.

— Войдите...

Вошелъ дядя, и Честюнина бросилась къ нему на шею.

— Милый дядя, какъ я рада тебя видѣть... Какъ это мило съ твоей стороны пріѣхать ко мнѣ.

— Да? И я радъ, что ты рада, Маша...

Дядя сѣлъ, оглядѣлъ комнату и проговорилъ, продолжая какую-то тайную мысль:

— Только, голубчикъ, это между нами... Дома я сказалъ, что ѣду въ коммиссію. Понимаешь?

Старикъ смутился и вопросительно посмотрѣлъ на племянницу.

— Это я говорю на случай, если заѣдетъ къ тебѣ шелопай Женька. Онъ все передаетъ матери... Да, такъ ты совсѣмъ устроилась, Маша?

— Да, совсѣмъ... И лучшаго ничего не желаю.

— Вотъ и отлично... А главное, ты знаешь только себя одну и нѣтъ никого, кто имѣлъ бы право быть недовольнымъ тобой. Это самая великая вещь чувствовать себя самимъ собой...

Старикъ прошелся по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ письменному столу и машинально взялъ начатое письмо.

— Дядя, нельзя... Это маленькій секретъ.

— Ахъ, виноватъ... Я такъ, безъ всякаго намѣренія.

Пока Честюнина прятала начатое письмо, онъ смотрѣлъ на нее улыбающимися глазами и качалъ головой.

— Вотъ и попалась...—пошутилъ онъ.—Впередъ будь осторожнѣе.

— Тебѣ я все могу сказать, дядя... Дурного ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, не нужно, Маша. Твои личныя дѣла должны оставаться при тебѣ... Потомъ можешь пожалѣть за излишнюю откровенность, а я этого совсѣмъ не хочу. Лучше разскажи, какъ ты устроилась, какое впечатлѣніе на тебя произвели первыя лекціи и Петербургъ вообще. Для меня это особенно интересно...

Дѣвушка съ увлеченіемъ принялась разсказывать объ Академіи, профессорахъ и первыхъ лекціяхъ. Она даже раскраснѣлась и глаза заблестѣли. Анохинъ смотрѣлъ на нее и любовался. Ахъ, если бы у него была такая дочь...

— Да, да, хорошо, Маша, — повторялъ онъ. — Очень хорошо...

Старику все нравилось—и эта бѣдная комната, и поданный самоваръ съ зелеными полосами, и кухарка чухонка. Да, вотъ и онъ когда-то жилъ такъ же и такъ же былъ счастливъ. Даже вкусъ дрянного чая изъ мелочной лавочки остался такимъ же.

— Знаешь что, Маша,—заговорилъ Анохинъ:—мы какъ нибудь махнемъ съ тобой въ Сузумье... Этимъ лѣтомъ возьму я отпускъ на мѣсяцъ и поѣду вмѣстѣ съ тобой. Хочется еще разъ взглянуть на родныя мѣста и на новыхъ людей, которые тамъ сейчасъ живутъ. Вѣдь все новое, голубушка...

— Не собраться тебѣ, дядя...

— А вотъ и соберусь!.. Ты думаешь, что я жены испугаюсь? А возьму отпускъ и поѣду... Что въ самомъ дѣлѣ ждать! Могу я, наконецъ, хоть одинъ мѣсяцъ по человѣчески прожить... Кое-кто еще изъ друзей дѣтства найдется, съ которыми когда-то въ школѣ учился. Это школьное родство, вѣдь, остается на всю жизнь... Вотъ и ты такъ же будешь потомъ вспоминать свою Академію. Главное, тутъ ужъ нѣтъ никакихъ житейскихъ расчетовъ и эгоизма, а самыя святыя чувства... Только хорошіе товарищи могутъ быть хорошими людьми—это мое мнѣніе.

Старикъ засидѣлся чуть не до полуночи, отдаваясь своимъ далекимъ воспоминаніямъ о Сузумьѣ. Перебирая старыхъ знакомыхъ, онъ, между прочимъ, упомянулъ и фамилію Нестерова.

— А какъ его звали, дядя?

— Илья Ильичъ... да. Мы съ нимъ на одной партѣ сидѣли. Такъ онъ умеръ?

— Да, лѣтъ уже десять, какъ умеръ. Я знаю его сына Андрея. Онъ часто бывалъ у насъ...

— Служитъ?

— Да, въ земствѣ.

— Хорошее дѣло.

Въ головѣ дѣвушки мелькнула счастливая мысль о возможности черезъ дядю пристроить Андрея куда-нибудь на службу въ Петербургъ. Если бы старикъ выдержалъ характеръ и поѣхалъ лѣтомъ въ Сузумье, все могло бы устроиться само собой.

Когда дядя ушелъ, на дѣвушку напало тяжелое раздумье. Ей сдѣлалось какъ-то особенно жаль хорошаго старика, а потомъ явилась грустная мысль о томъ, что, вѣроятно, каждый подъ старость кончаетъ такъ же, т. е. умираетъ глубоко неудовлетвореннымъ.

VII.

Первый мѣсяцъ въ Академіи имѣлъ опредѣляющее значеніе. Занятія шли своимъ чередомъ и своимъ чередомъ складывались понемногу новыя знакомства. Приростова полюбила скромную жиличку и по своему старалась, чтобы ей не было скучно.

— Только у меня нынче интересныхъ жильцовъ нѣтъ, Марья Гавриловна,—съ грустью говорила она.—Ничего, хорошіе ребята, а особеннаго ничего нѣтъ... Вонъ хоть взять Жиличку—хорошій малый, а пороху не выдумаетъ. Большой пріятель Крюкова... Они изъ одной гимназіи. Крюковъ тотъ егоза, всѣхъ на свѣтѣ знаетъ...

Крюковъ завертывалъ къ пріятелю почти каждый день, хотя трудно было подыскать двухъ такихъ непохожихъ людей. Жиличко, смуглый, сгорбленный, съ цѣлой копной черныхъ кудрей на головѣ, отличался большой нелюдимостью и крайней застѣнчивостью. Онъ, въ сущности, даже не жилъ, какъ другіе, а вѣчно отъ кого-то прятался. Потомъ онъ постоянно занимался и въ его комнатѣ горѣлъ огонь далеко за полночь,— Приростова ставила послѣднее въ особенную заслугу, а Крюковъ утверждалъ, что изъ Жиличко выйдетъ замѣчательный человѣкъ, хотя онъ пока еще и не опредѣлился.

Съ Крюковымъ Честюнина встрѣчалась обыкновенно въ комнатѣ Приростовой. Онъ заходилъ туда, кажется, съ единственной цѣлью подразнить Парасковею Пятницу.

— Вотъ что, Честюнина,—заявилъ онъ разъ.—Что вы сидите, какъ мышь въ своей норѣ? Я васъ познакомлю съ нашей компаніей... Насъ немного, но мы проводимъ время иногда недурно.

— Въ самомъ дѣлѣ, познакомь ее,—просила Приростова.— Вы тамъ что-то такое читаете и прочее.

— Однимъ словомъ, я зайду какъ-нибудь за вами и тому дѣлу конецъ,—рѣшилъ Крюковъ.—Хотите, въ среду нынче?

— Что же, я съ удовольствіемъ,—согласилась Честюнина.

Въ среду вечеромъ Крюковъ явился за ней. Онъ имѣлъ сегодня какой-то забавно-дѣловой видъ. Пока они шли на Петербургскую Сторону, Честюнина переживала жуткое чувство робости. Ей казалось, что она дѣлаетъ какой-то особенно-рѣ-

шительный шагъ. Вѣдь такими знакомствами опредѣлялось до нѣкоторой степени будущее. Потомъ, ей опять начинало казаться, что она такая глупая провинціалка и что всѣ будутъ смѣяться надъ ней.

— Вотъ здѣсь,—сурово проговорилъ Крюковъ, останавливаясь въ глубинѣ какого-то переулка передъ двухъ-этажнымъ домикомъ.—Сегодня будетъ читать Бурмистровъ... О, это замѣчательная голова!.. Онъ университетскій...

Они поднялись во второй этажъ. Въ передней уже слышался гулъ споpившихъ голосовъ. Большая комната была затянута табачнымъ дымомъ. Крюковъ громко отрекомендовалъ гостью и предоставилъ ее своей судьбѣ. Она съ кѣмъ-то здоровалась, слышала фамиліи и все перепутала. Сначала ей показалось, что въ комнатѣ собралось человѣкъ двадцать, но было всего одиннадцать, когда подсчитала потомъ—семь студентовъ и четыре курсистки. Въ одной она узнала ту дѣвушку, съ которой тогда ѣхалъ Крюковъ по Николаевской дорогѣ. Ея появленіе очевидно, прервало, какой-то разговоръ.

— Господа, будемте продолжать, — заявляла съ протестующимъ видомъ низенькая курсистка.—Бурмистровъ, мы ждемъ вашей программы...

Въ уголкѣ сидѣлъ длинный худой студентъ, теребившій козлиную рыжеватую бородку. Онъ какъ-то весь съежился и заговорилъ надтреснутымъ голосомъ, быстро роняя слова:

— Да, безъ программы нельзя... Это главное. Видите ли, дѣло въ тотъ, что мы всѣ слишкомъ рано специализируемся и опускаемъ изъ виду болѣе серьезное, а можетъ быть, и болѣе важное общее образованіе. Вы—медикъ, онъ—механикъ, тамъ—горный инженеръ, но этого мало... Есть общее, что должно соединить и медика, и механика, и горнаго инженера, что создаетъ солидарность интересовъ и безъ чего, собственно говоря, жить даже не стòитъ.

Честюниной очень понравилась рѣчь этого студента, потому что, про себя она сама часто думала то же самое. Вопросъ шелъ о той границѣ, которая должна отдѣлять спеціальность отъ общаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но эта простая мысль вызвала массу споровъ.

— Общее образованіе уже заключается въ каждой спеціальности!—выкрикивалъ какой-то широкоплечій студентъ

съ окладистой бородой.—Да и какъ проводить эти границы?.. Это одинъ формализмъ. Прежде всего спеціальность, а потомъ жизнь уже сама натолкнетъ на общіе вопросы. Да, я повторяю—это послѣднее не дѣло школы, а дѣло жизни. Еще проще: гдѣ у васъ время для этого общаго образованія? Въ вашемъ распоряженіи всего какихъ-нибудь пять лѣтъ, чтобы изучить всю медицину, съ громаднымъ кругомъ соприкасающихся съ ней наукъ, и вы едва успѣете только оріентироваться въ этой области и въ концѣ концовъ выйдете изъ Академіи, строго говоря, все-таки недоучкой. Наконецъ, есть извѣстная добросовѣстность: какъ я буду лѣчить, не чувствуя себя въ курсѣ дѣла. Паціентъ мнѣ довѣряетъ свою жизнь и ему нѣтъ дѣла до моего общаго развитія...

— Но исключительная спеціализація создаетъ одностороннихъ людей,—сказала низенькая курсистка. — Наконецъ, каждый имѣетъ право на извѣстный отдыхъ, а перемѣна занятій въ этомъ случаѣ лучше всего достигаетъ цѣли. Вашъ паціентъ не проиграетъ отъ того, что будетъ имѣть дѣло съ разносторонне образованнымъ человѣкомъ, у котораго неизмѣримо шире умственнный горизонтъ, развитѣе способность къ анализу и обобщеніямъ...

Честюнина слушала всѣ рѣчи съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ и приходила про себя къ печальному заключенію, что она согласна какъ-то со всѣми, что ее глубоко огорчало, какъ ясное доказательство ея полной несостоятельности въ подобнаго рода вопросахъ. Впрочемъ, было два такихъ случая, когда ей хотѣлось возразить, но она не рѣшилась. Вотъ другое дѣло низенькая курсистка—та такъ и рѣжетъ. Какъ хорошо умѣть говорить и имѣть для этого смѣлость.

— Кто это такая? — спросила Честюнина курсистку, ѣхавшую съ Крюковымъ.

— Это? А Морозова... Васъ удивляетъ, что она постоянно споритъ—это ея главное занятіе.

— Но, вѣдь, она говоритъ правду...

— У кого-нибудь слышала, ну, и повторяетъ... Завтра будетъ повторять все, что говорилъ Бурмистровъ. Вамъ понравился онъ?

— Да... Хотя особеннаго я ничего не нахожу въ немъ.

— Не находите?—переспросила дѣвушка, съ удивленіемъ глядя на Честюнину, какъ на сумасшедшую.—Впрочемъ, вы еще новичокъ и не знаете... *Это геніальный человѣкъ.* Да... И вдругъ Морозова лѣзетъ съ нимъ спорить... Да и Крюковъ, кажется, туда же порывается. Нужно его остановить...

Честюниной еще въ первый разъ пришлось видѣть кружковаго божка, и она дальше слушала только одного Бурмистрова и тоже удивлялась и негодовала, что другіе рѣшаются съ нимъ спорить. Ей казалось необыкновенно умнымъ рѣшительно все, что онъ говорилъ. Въ чемъ заключалась геніальность Бурмистрова, она такъ и не узнала, да, говоря правду, даже и не интересовалась этимъ—просто геніальный, чего же еще нужно? Вѣдь всѣ это знаютъ, и она была счастлива, что сидитъ съ нимъ въ одной комнатѣ, слушаетъ его и можетъ смотрѣть на него сколько угодно.

Съ этого перваго сборища Честюнина возвращалась домой въ какомъ-то туманѣ. Ее провожалъ Жиличко. Онъ просидѣлъ весь вечеръ, сохраняя трогательное безмолвіе и теперь сопровождалъ свою даму, какъ тѣнь. Дѣвушкѣ хотѣлось и смѣяться, и плакать, и говорить, и слушать, какъ говорятъ другіе, а онъ молча шагалъ рядомъ, какъ манекенъ изъ папье-маше.

— Послушайте, Жиличко, вы живы?

— Я? Да... А что?

— Говорите же что-нибудь, если вы живы...

Онъ что-то пробормоталъ, засунулъ глубже руки въ карманы и опять шагалъ своимъ мертвымъ шагомъ. Честюнина и не подозрѣвала, какъ этому неловкому молодому человѣку хотѣлось быть и находчивымъ, и остроумнымъ, и веселымъ, и какъ онъ былъ счастливъ, что она идетъ рядомъ съ нимъ, такая жизнерадостная, вся охваченная такимъ хорошимъ молодымъ волненіемъ. Онъ такъ и промолчалъ до самой квартиры, молча пожалъ дамѣ руку и, какъ тѣнь, исчезъ въ своемъ добровольномъ казематѣ.

Укладываясь спать, Честюнина вдругъ почувствовала какое-то неопредѣленно тяжелое настроеніе, точно она сдѣлала что-то нехорошее. Ахъ, да, она опять измѣнила Андрею... А развѣ могутъ быть, развѣ смѣютъ быть умнѣе его, лучше вообще?..

— Нѣтъ, ты одинъ хорошій!..—повторяла она про себя, засыпая и напрасно стараясь отогнать соперничавшую тѣнь геніальнаго человѣка Бурмистрова.

На другой день на лекціи къ ней подсѣла курсистка, ѣхавшая съ Крюковымъ, и проговорила:

— Давайте, познакомимтесь... Моя фамилія: Лукина. Мы вчера были представлены, но не разговорились, да и трудно было это сдѣлать, когда говорилъ Бурмистровъ. Ахъ, кстати, вы вчера ушли раньше, а мы еще оставались, и онъ спрашивалъ о васъ... да. Вы должны быть счастливы, потому что за нимъ всѣ ухаживаютъ.

Честюнина густо покраснѣла отъ этого комплимента и поняла только одно, что обязана настоящимъ знакомствомъ только случайному вниманію геніальнаго человѣка. Лукиной просто хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить о немъ, и она воспользовалась первымъ попавшимся подъ руку предлогомъ.

— Вѣдь онъ произвелъ на васъ впечатлѣніе?—приставала Лукина.

— Да, и притомъ очень хорошее, но мнѣ не нравится только одно... Вотъ вы сказали, что за Бурмистровымъ ухаживаютъ всѣ, а это напоминаетъ дѣтство, когда гимназистки обожаютъ какого-нибудь учителя.

— Ахъ, это совсѣмъ не то!.. Учителей тысячи, а Бурмистровъ одинъ. Да, одинъ... Я, правда, знаю нѣсколько другихъ кружковъ, гдѣ есть свои пророки—Горючевъ, Луценко, Щучка, но имъ до Бурмистрова какъ до звѣзды небесной далеко. Рѣшительно отказываюсь понимать, что можетъ въ нихъ нравиться... А Бурмистровъ совсѣмъ другое.

Это былъ бредъ безнадежно влюбленной дѣвушки, и Честюнина посмотрѣла на нее съ невольнымъ сожалѣніемъ. Что бы сказала вотъ эта Лукина, если бы увидѣла Андрея? Но въ глубинѣ души у Честюниной оставалось пріятное чувство, что Бурмистровъ спросилъ о ней. Значитъ, онъ замѣтилъ ее... Она даже улыбнулась про себя. Что же, въ гимназіи ее находили хорошенькой—не красавицей, а хорошенькой, хотя въ послѣднее время она совершенно забыла объ этомъ обстоятельствѣ, увлеченная совсѣмъ другими мыслями. И все-таки пріятно быть хорошенькой, хотя для того только, чтобы обращать на себя вниманіе геніальныхъ людей. Вотъ

Лукина, бѣдняжка, совсѣмъ ужъ не блещетъ красотой и, по всей вѣроятности, завидуетъ ей... Однимъ словомъ, цѣлый потокъ самыхъ непозволительныхъ глупостей, и Честюнина опять краснѣла, точно кто-нибудь могъ подслушать ихъ.

VIII.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ Честюнина успѣла совершенно освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, и ей начинало казаться страшнымъ, что она когда-то могла жить иначе. Утромъ лекціи, три раза въ недѣлю вечернія занятія гистологіей и анатоміей, а потомъ домашнія занятія. Остававшееся свободнымъ время уходило на сонъ, и дѣвушка жалѣла, что въ суткахъ только двадцать четыре часа.

Да, время летѣло быстро, и Честюнина не успѣла оглянуться, какъ уже наступило Рождество, принесшее съ собой воспоминанія о далекой родинѣ, о счастливомъ дѣтствѣ, о старушкѣ матери. Хотѣлось взглянуть, какъ они всѣ тамъ живутъ. Святки—время веселое, а здѣсь придется просидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Къ дядѣ Честюнина ходила иногда по воскресеньямъ, чтобы не обидѣть старика, и убѣдилась только въ одномъ, что вся семья страшно скучала. Катя нѣсколько разъ приставала къ ней:

— Маня, а какъ ты будешь проводить святки?

— Да никакъ... Буду отсыпаться, а потомъ читать. Работы по горло...

— Послушай, ты превратишься въ синій чулокъ, и я буду тебя бояться.

— Что же, очень естественно, если и сдѣлаюсь синимъ чулкомъ. Ничего страннаго въ этомъ не вижу... Напримѣръ, тебѣ я нисколько не завидую.

— Я особь статья... Мнѣ все мало, чего ни дай. Вѣрнѣе, мнѣ нравится только то, что недоступно, а только попало въ руки, и конецъ...

— Избалованная салонная барышня...

— Подожди, эта салонная барышня еще удивитъ міръ... Кромѣ шутокъ. Вотъ увидишь сама, а пока страшный секретъ. Никто, никто не знаетъ...

Катя нѣсколько разъ пріѣзжала навѣстить Честюнину и

держала себя крайне странно. Посидитъ хмурая и сейчасъ же начинаетъ прощаться, а то заберется въ комнату хозяйки и примется ее дразнить. Вообще, съ ней что-то дѣлалось непонятное. Разъ на прощаньи она шепнула Честюниной.

— Прощай, милая... Можетъ быть, больше не увидимся.

— Это еще что за глупости?

— Да такъ... Все надоѣло до смерти. Сегодня у насъ вторникъ, а въ пятницу ты прочтешь въ газетахъ: „Трагическое происшествіе на Васильевскомъ Островѣ. Молодая дѣвушка А—а, дочь д. с. совѣтника, отравилась морфіемъ. Невозможно описать все отчаяніе престарѣлыхъ родителей". Вотъ и ты меня тогда пожалѣешь...

— Нисколько.

Когда Катя ушла, Честюнина пожалѣла, что отнеслась къ ней слишкомъ сурово. Эта взбалмошная дѣвушка способна была на все. Честюнина даже хотѣла въ пятницу съѣздить на Васильевскій Островъ навѣстить ее, но Катя предупредила. Она явилась разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая, задорно свѣжая и заявила:

— Я за тобой, несчастный синій чулокъ... Будетъ тебѣ киснуть. Такъ и состаришься за своими книжками, а у меня есть билетъ въ оперу. Понимаешь: цѣлая ложа. Охъ, чего только мнѣ стоила эта ложа, если бы ты знала... Папа согласился дать денегъ съ перваго раза, а мама подняла цѣлый скандалъ. Но я добилась своего...

— Для чего же тебѣ ложу? Можно было взять кресло...

— Ничего ты не понимаешь... Я дѣвушка изъ общества и мнѣ неприлично одной ѣхать въ кресло. Кстати, вѣдь ты никогда не бывала въ оперѣ и должна меня благодарить.

— Что же, я дѣйствительно съ удовольствіемъ...

— Фу! какимъ тономъ говоришь, точно я тебя запрягаю, чтобы везти на тебѣ воду. Ну, одѣвайся... Гдѣ твоя роскошь?..

Самый парадный костюмъ Маши привелъ Катю въ отчаяніе. Вѣдь невозможно же показываться въ такихъ тряпкахъ передъ публикой... Но потомъ она сообразила, что въ театрѣ будутъ и другія такія же курсистки, такъ что съ этимъ можно помириться.

*

У воротъ ихъ ждалъ лихачъ Ефимъ. Катя всю дорогу болтала, какъ вырвавшаяся изъ клѣтки птица.

— Знаешь, чѣмъ я извожу маму? Ха-ха... Самое простое средство. Возьму и замолчу. Нарочно верчусь у ней на глазахъ и молчу. Она можетъ вынести эту пытку только одинъ день, а на другой начинаетъ волноваться и на третій сдается на капитуляцію. Такъ было и съ ложей... Представь себѣ, какую физіономію сдѣлаетъ мама, когда ей придется еще платить Ефиму.

— А какая сегодня опера?

— Кажется „Жизнь за Царя"... Нѣтъ, виновата: „Фаустъ". Ты любишь „Фауста"? А какъ будетъ пѣть Раабъ, Палечекъ, Крутикова... Вотъ увидишь.

Честюнина давно мечтала попасть въ оперу и была рада, что увидитъ именно „Фауста". Уже на подъѣздѣ ее охватило лихорадочное настроеніе. Такая масса экипажей, яркое освѣщеніе, масса публики. Катя была здѣсь, повидимому, своимъ человѣкомъ. Ее встрѣтилъ знакомый капельдинеръ, принимавшій платье, и другой капельдинеръ торопливо бросился отпирать ложу бэль-этажа. Катя съ небрежно-строгимъ видомъ заняла мѣсто у барьера и еще болѣе небрежно принялась разсматривать публику въ лорнетъ. Честюнина вся замерла въ ожиданіи чего-то волшебнаго.

— Неужели мы будемъ сидѣть въ ложѣ однѣ?—спросила она.

— Нѣтъ, это неприлично... Съ нами будетъ сидѣть Эженъ. Эта каналья уже взялъ съ меня взятку...

Эженъ, дѣйствительно, явился, надушонный, завитой, вылощенный. Онъ только-что былъ въ ложѣ напротивъ, гдѣ сидѣли двѣ балетныхъ звѣздочки.

— Что за коммиссія, создатель, быть братомъ двухъ взрослыхъ сестеръ,—острилъ онъ.

— Коммиссія эта тебѣ стоитъ ровно десять рублей, которые ты уже получилъ,—рѣзко оборвала его Катя.

— Судьба ко мнѣ несправедлива: она дала мнѣ сестру Екатерину и постоянно лишаетъ кредитнаго билета съ портретомъ Екатерины. Поневолѣ приходится довольствоваться несчастными десятью рублями...

Оркестръ заигралъ увертюру, и Честюнина больше ничего

не слышала. Первое дѣйствіе просто ее ошеломило. Вѣдь это просто несправедливо давать столько поэзіи... Какая музыка, какое пѣніе, сколько чего-то захватывавшаго и уносившаго въ счастливую радужную даль. Для такихъ минутъ стоило жить... Да, хорошо жить и стоитъ жить. Ей было и хорошо, и жутко, и она боялась расплакаться глупыми бабьими слезами.

Послѣ одного дѣйствія, когда публика съ какимъ - то ожесточеніемъ вызывала Раабъ десятки разъ, Катя обернулась къ Честюниной, посмотрѣла на нее какими-то сумасшедшими глазами и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ меня будутъ такъ же вызывать, Маня...

— Тебя? Но у тебя нѣтъ голоса.

— Я буду великой драматической артисткой... да. Иначе не стоитъ жить... Только, ради Бога, это между нами. Я уже готовлюсь...

Честюнина теперь понимала взбалмошную сестру, крѣпко сжала ея руку и отвѣтила:

— Я тебѣ предсказываю впередъ успѣхъ... У тебя есть главное: темпераментъ...

Онѣ возвращались изъ театра черезъ Васильевскій Островъ. Честюнина сидѣла молча, подавленная массой новыхъ впечатлѣній, а Катя опять болтала.

— Я тебѣ съ удовольствіемъ уступаю науку, Маня.. Да, бери всю науку, а мнѣ оставь искусство. О, святое искусство, полное такихъ счастливыхъ грезъ, поэтическихъ предчувствій и тайнъ сердца. Наука еще когда доползетъ до того, что всѣмъ нужно и дорого, а искусство уже даетъ то, чего не выразить никакими словами и формулами. Вѣдь каждая линія живетъ, каждая краска, жестъ, поза, малѣйшая модуляція голоса, и на все это сейчасъ же получается живой отвѣтъ... Боже, помоги мнѣ!.. Я буду великой артисткой?..

Домой Честюнина возвращалась въ томъ же чаду, съ какимъ выходила изъ театра. Дѣйствительность точно переставала существовать, а въ ушахъ еще раздавались безумныя слова Кати, счастливой своей молодой дерзостью.

Опомнилась она только у себя въ комнатѣ, гдѣ на столѣ ее ждало письмо Андрея. Увы! сегодня въ теченіи всего вечера

она ни разу не вспомнила о немъ, и это письмо точно служило отвѣтомъ на ея новую измѣну.

„Милая Маруся, сижу одинъ и жду новаго года... Гдѣ-то ты теперь?.. У меня въ душѣ шевелятся нехорошія мысли... Знаешь, я внимательно перечиталъ сегодня всѣ твои письма и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ: твой хохочущій студентъ Крюковъ просто идіотъ, а пророкъ Бурмистровъ противенъ. Меня удивляетъ, какъ это ты такъ легкомысленно заводишь новыя знакомства“...

Честюнина не дочитала письма, оставивъ эту прозу до завтра.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вліяніе жилищъ на здоровье, нравственность и матеріальное благосостояніе людей.

Обыкновенно, подъ гигіеной подразумѣваютъ такую науку, которая занимается исключительно однимъ физическимъ здоровьемъ. Но это представленіе о гигіенѣ невѣрно. Она захватываетъ всю жизнь человѣческую. Наша духовная и тѣлесная жизнь до того неразрывно связаны между собою, что, заботясь о сохраненіи одной изъ нихъ, мы не можемъ въ то же время совершенно пренебрегать другой. Гигіена стремится не только избавить насъ отъ болѣзней и доставить намъ болѣе продолжительное существованіе, но и увеличить наше благо.

Основываясь на такомъ воззрѣніи на гигіену, я попытаюсь здѣсь разъяснить вліяніе жилищъ не только на физическое здоровье людей, но и на ихъ нравственность и матеріальное благосостояніе.

Въ настоящее время накопилось множество статистическихъ данныхъ, которыя доказываютъ, что дурныя жилища увеличиваютъ болѣзненность и смертность населенія.

Villermé по статистическимъ даннымъ за 1822—1826 гг. составилъ для Парижа таблицу, въ которой количество смертныхъ случаевъ сопоставлено съ величиной квартирной платы. Эта таблица доказываетъ, что смертность находится въ обратномъ отношеніи къ квартирной платѣ. Чѣмъ дороже квартира, слѣдовательно, чѣмъ она лучше, тѣмъ смертность меньше, а чѣмъ дешевле, тѣмъ смертность больше.

Изъ этой таблицы видно, что въ той части города, гдѣ квартирная плата въ среднемъ выводѣ была:

605 фр.	одинъ	смертн.	случ.	прих.	на	71	чел.
498 »	»	»	»	»	»	66	»
172 »	»	»	»	»	»	50	»
148 »	»	»	»	»	»	44	»

Въ Берлинѣ, по даннымъ Dupertiaux, въ рабочихъ кварталахъ умираетъ 1 изъ 29 челов., а въ лучшихъ—1 изъ 53 чел.

Въ Пештѣ о каждомъ умершемъ, между прочимъ, собираются слѣдующія свѣдѣнія: сколько комнатъ въ квартирѣ, гдѣ онъ умеръ

и сколько человѣкъ въ ней живетъ. По этимъ двумъ признакамъ, выражающимъ скученность населенія, смертность за 1874—1875 гг. распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Квартиры.	Средній возрастъ умершаго старѣе пяти лѣтъ.
1 — 2 жильца въ одной комнатѣ.....	47,16 л.
2 — 5 » » » »	39,16 »
5 —10 » » » »	37,10 »
болѣе 10 » » » »	32,03 »

Въ Лейпцигѣ въ 1875—1876 гг. смертность была распредѣлена по улицамъ, въ которыхъ приходилось на одну отопляемую комнату жителей:

0 — 1 чел.	изъ 100 чел. ежегодно умираетъ	1,13 чел.
1 — 1,5 »	» » » » »	1,82 »
1,5— 2 »	» » » » »	1,98 »
2 — 2,5 »	» » » » »	2,56 »
2,5— 3 »	» » » » »	2,73 »
и болѣе 3 »	» » » » »	2,36 »

Слѣдовательно, въ тѣхъ улицахъ, гдѣ на одну отопляемую комнату приходится болѣе трехъ человѣкъ, умираетъ втрое больше, нежели въ тѣхъ, гдѣ на одну отопляемую комнату приходится менѣе одного человѣка.

Для дѣтей эта разница оказывается еще значительнѣе.

Въ возрастѣ 0—1 года это отношеніе сост.	418 : 111
» » 1—5 » » » »	48 : 13

Въ самыхъ плохихъ квартирахъ (болѣе 3 челов. на одну комнату) смертность дѣтей до одного года превосходитъ въ 4 раза смертность дѣтей того же возраста, живущихъ въ квартирахъ, въ которыхъ приходится на одну комнату менѣе одного человѣка; въ возрастѣ отъ одного до пяти лѣтъ—въ $3^1/_2$ раза, послѣ пяти лѣтъ—въ два раза.

Насколько пагубно дѣйствуютъ дурныя жилища на дѣтей, доказываетъ примѣръ Лилля, одного изъ самыхъ худшихъ по своимъ жилищамъ городовъ Франціи. Тамъ изъ 21.000 дѣтей, жившихъ въ подвалахъ, умерло 20.700, не достигнувъ пятилѣтняго возраста.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены нѣкоторые европейскіе города съ обозначеніемъ процента переполненныхъ и подвальныхъ квартиръ и процента смертности въ нихъ:

Города.	% переп. кварт.	Подв. кварт.	Смертн. на 1.000 жит.
Франкфуртъ-на-Майнѣ....	5,3%	4 кварт.	21,0 чел.
Лейпцигъ..............	6,1%	1,95%	26,0 »
Гамбургъ...............	7,5%	5,9 %	29,0 »
Берлинъ................	12,6%	10,8 %	37,0 »

Изъ этой таблицы видно, что чѣмъ больше въ городѣ переполненныхъ и подвальныхъ квартиръ, тѣмъ больше смертность.

Для Петербурга д-ръ Гюбнеръ составилъ таблицу, въ которой приведена смертность и процентъ переполненныхъ квартиръ. Имъ были взяты два холерныхъ года—1871—1872. За признакъ переполненія онъ принималъ 6 и болѣе человѣкъ на одну комнату.

Если изъ этой таблицы мы возьмемъ двѣ первыхъ части съ наибольшимъ процентомъ переполненныхъ квартиръ и двѣ послѣднихъ съ наименьшимъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

Части города.	% переп. кварт.	Смертн. на 1.000.
Выборгская..........	19,4%	40,3 челов.
Алекс.-Невская......	17,9%	46,1 »
Казанская...........	3,9%	27,2 »
Адмиралтейская......	2,7%	24,0 »

Мы находимъ здѣсь огромную разницу въ смертности.

Въ тюрьмахъ не одинъ разъ наблюдалось вредное дѣйствіе скученности на арестантовъ. Парксъ разсказываетъ слѣдующій случай относительно двухъ вѣнскихъ тюремъ.

Въ одной общей, дурно устроенной и очень тѣсной тюрьмѣ, съ 1834 г. по 1847 годъ умирало ежегодно 86 чел. на 1.000 жит., а въ другой—съ 1850 г. по 1854 г. умирало лишь 14 на 1.000 жит. Всѣ условія жизни въ обѣихъ тюрьмахъ были совершенно одинаковы, только скученность въ первой была значительно больше, нежели во второй.

Насколько благотворно можетъ подѣйствовать улучшеніе жилищъ на здоровье населенія, намъ доказываетъ Бирмингамъ. Тамъ съ 1865 года было устроено до 9.000 домовъ съ дешевыми квартирами. Съ тѣхъ поръ значительно уменьшилась заболѣваемость, а смертность населенія понизилась съ 24 до 15 чел. на 1.000 жителей.

Дурныя жилища способствуютъ распространенію заразныхъ болѣзней. Д-ръ Bell, одинъ изъ брадфордскихъ врачей для бѣдныхъ, объясняетъ большую смертность горячечныхъ больныхъ своего округа условіями ихъ жилищъ. Онъ говоритъ, что это центры, изъ которыхъ распространяется болѣзнь и смерть, поражающія также и живущихъ при лучшихъ условіяхъ людей, позволяющихъ гноиться въ Англіи подобнымъ язвамъ. Д-ръ Embalt, врачъ ньюкестьльскаго госпиталя, говоритъ: «Безъ сомнѣнія, причина продолжительности и распространенія тифа заключается въ чрезмѣрномъ скопленіи человѣческихъ существъ и въ нечистотѣ ихъ жилищъ. Дома, въ которыхъ, обыкновенно, живутъ рабочіе, находятся въ глухихъ переулкахъ и закрытыхъ дворахъ. По отноше-

нію къ свѣту, воздуху, пространству и чистотѣ они представляютъ настоящій образецъ недостаточности и нездоровья, позоръ для каждой цивилизованной страны».

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣднюю холерную эпидемію заболѣвали и умирали преимущественно люди, принадлежащіе къ низшему классу петербургскаго населенія. Если взять статистическія данныя относительно эпидеміи, то мы находимъ слѣдующее.

Въ 1892 году изъ 4.269 человѣкъ, заболѣвшихъ холерою, 2.246 человѣкъ помѣщались въ углахъ и артеляхъ, а въ 1893 году изъ 2.572 человѣкъ, заболѣвшихъ холерою, въ такихъ же квартирахъ помѣщалось 1.495 чел. Слѣдовательно, большая половина заболѣвшихъ помѣщалась въ углахъ и артеляхъ, гдѣ существуютъ наихудшія квартирныя условія.

Д-ръ Герцигъ доказалъ вредное вліяніе дурныхъ санитарныхъ условій жилищъ на населеніе цѣлаго города. Майнбарнгеймъ, въ Баваріи, окруженъ очень высокой городской стѣной; улицы въ немъ узки, въ дома, особенно находящіеся около стѣнъ, мало попадаетъ дневнаго свѣта и чистаго воздуха. Населеніе этого города не бѣдно, но рекрутскій наборъ доказываетъ, что число негодныхъ къ воинской повинности тамъ почти ежегодно возрастаетъ. Большинство неспособныхъ страдаетъ болѣзнями, зависящими отъ общей слабости организма. Въ другихъ, хотя и болѣе бѣдныхъ, мѣстностяхъ этого округа санитарныя условія и здоровье населенія находятся въ гораздо лучшемъ состояніи.

Ежедневное наблюденіе намъ показываетъ, что тѣ люди, и особенно дѣти, которые рѣдко бываютъ на свѣжемъ воздухѣ, отличаются блѣдностью, малокровіемъ и часто страдаютъ различными болѣзнями, которыя развиваются преимущественно въ организмѣ съ пониженнымъ физіологическимъ обмѣномъ веществъ, напр., хроническими страданіями дыхательныхъ органовъ. Это явленіе чаще всего наблюдается среди бѣднаго населенія, въ квартирахъ котораго постоянно господствуетъ большая скученность и недостатокъ воздуха и свѣта. Но мы видимъ, что и достаточные люди, которые рѣдко выходятъ на открытый воздухъ, отличаются блѣдностью, малокровіемъ и легко заболѣваютъ. Кто не наблюдалъ на дѣтяхъ того благотворнаго вліянія, которое на нихъ оказываетъ пребываніе лѣтомъ на дачѣ, гдѣ, обыкновенно, они проводятъ большую часть времени на открытомъ воздухѣ? Такъ какъ всѣ прочія условія жизни, напр., питаніе, остаются прежними, то благотворное вліяніе дачъ мы должны приписать исключительно свѣжему воздуху и обилію солнечнаго свѣта. Очень часто маленькія дѣти, послѣ переселенія на дачу, быстро крѣпнутъ и скоро начинаютъ ходить.

Дурное вліяніе испорченнаго воздуха жилищъ особенно наглядно намъ доказываютъ тѣ случаи, когда чувствительный человѣкъ, привыкшій жить въ чистой атмосферѣ, войдетъ въ комнату, наполненную сильно испорченнымъ воздухомъ. У него сразу появляется тошнота, головокруженіе и даже обморокъ.

Въ литературѣ извѣстны случаи, которые намъ доказываютъ, что жилище можетъ убійственно дѣйствовать на людей. Разсказываютъ, что послѣ сраженія при Аустерлицѣ французы засадили 300 плѣнныхъ австрійцевъ въ очень тѣсную тюрьму. Въ короткое время изъ 300 умерло 260 человѣкъ. Въ 1756 году, послѣ взятія форта Вильямъ, бенгальскій набабъ велѣлъ запереть 146 англичанъ въ небольшую, каменную, съ двумя рѣшетчатыми окнами, тюрьму, которая называлась «черной ямой». Кубическое содержаніе воздуха въ этой тюрьмѣ было такъ мало, что плѣнные испытывали ужасныя мученія и за ночь изъ нихъ умерло 123 человѣка. На судахъ съ невольниками, которыхъ запирали въ трюмы во время бури, такъ же бывали случаи, что невольники вслѣдствіе недостатка воздуха умирали въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ, многочисленныя статистическія данныя и ежедневное наблюденіе намъ доказываютъ, что дурныя квартиры вредно вліяютъ на наше физическое здоровье и сокращаютъ нашу жизнь. Въ настоящее время наука разъясняетъ, отъ какихъ условій зависитъ пагубное вліяніе дурныхъ жилищъ, и что въ нихъ разрушаетъ здоровье.

Нѣкоторые газы, которые скопляются при извѣстныхъ условіяхъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, дѣйствуютъ ядовито на человѣческій организмъ. Окись углерода, которая образуется вслѣдствіе неполнаго сгоранія различныхъ веществъ, служитъ причиной отравленія, въ общежитіи называемаго угаромъ. Этотъ газъ очень часто встрѣчается въ жилищахъ бѣдняковъ, которые всѣми способами стараются сохранить тепло и рано закрываютъ печныя трубы. 0,04% содержанія окиси углерода въ комнатномъ воздухѣ дѣйствуетъ уже отравляющимъ образомъ на человѣка. Постоянное вдыханіе минимальныхъ количествъ этого газа можетъ вызвать признаки хроническаго отравленія: продолжительную головную боль, головокруженіе и разстройство питанія. Опыты Хардина надъ собаками доказываютъ, что если отравленія окисью углерода повторяются періодически въ теченіе цѣлаго мѣсяца, то у собакъ появляется пораженіе нервныхъ центровъ, въ видѣ разрушительныхъ измѣненій тканей головнаго мозга.

Д-ръ Motet разсказываетъ, какъ быстро и сильно иногда дѣйствуетъ окись углерода. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, гдѣ находилась

грѣлка съ горячими углями. Уже черезъ три минуты онъ почувствовалъ признаки отравленія: сильную слабость, головокруженіе, тошноту, рвоту. Открывъ окно и приказавъ вынуть грѣлку, онъ едва могъ доѣхать до дому. Сильная слабость у него оставалась впродолженіи четырнадцати дней, и только черезъ шесть недѣль онъ началъ чувствовать себя сравнительно хорошо.

Изъ другихъ вредныхъ газовъ, находящихся въ дурныхъ квартирахъ, мы можемъ указать на амміакъ, который при вдыханіи раздражаетъ дыхательные органы и производитъ судорожное сжатіе гортани, и на сѣроводородъ, уже въ малыхъ количествахъ дѣйствующій убійственно на человѣка.

Въ переполненныхъ квартирахъ, гдѣ въ одной комнатѣ помѣщается по нѣскольку человѣкъ, въ воздухѣ накопляются продукты жизнедѣятельности человѣческаго организма. Изъ этихъ продуктовъ мы назовемъ дурно-пахучіе углеводороды, которые образуются вслѣдствіе разложенія органическихъ веществъ, накопляющихся въ значительномъ количествѣ на платьѣ и на тѣлѣ нечистоплотныхъ людей. Присутствію газообразныхъ продуктовъ жизнедѣятельности человѣческаго организма приписываютъ особенно вредное дѣйствіе переполненныхъ жилищъ. Грязная мебель, грязный полъ, стирка и сушка бѣлья въ комнатахъ, сушка мокраго платья и обуви также способствуютъ образованію различныхъ веществъ, портящихъ комнатный воздухъ.

При искусственномъ освѣщеніи комнатъ воздухъ портится различными продуктами горѣнія. При горѣніи сальныхъ свѣчей выдѣляется много неполныхъ продуктовъ горѣнія: сажа, окись углерода, жирныя кислоты, акролеинъ, очень дурнопахучій газъ, который мы особенно ясно чувствуемъ при тушеніи сальной или стеариновой свѣчи. При освѣщеніи керосиномъ, если лампа плоха или керосинъ недостаточно чистъ, въ комнатный воздухъ попадаютъ легкіе углеводороды и сѣрная кислота.

Вредное дѣйствіе свѣтильнаго газа состоитъ въ томъ, что иногда въ немъ содержится амміакъ, который при горѣніи соединяется съ ціанистой кислотой и образуетъ ядовитую соль—ціанистый аммоній. Въ свѣтильномъ газѣ содержится также сѣрнистая кислота, которая при горѣніи превращается въ сѣрную, и сѣрнокислый амміакъ, вредно дѣйствующій на растенія. При освѣщеніи газомъ можетъ образоваться также окись углерода, которая производитъ хроническое отравленіе нашего организма. Этотъ ядовитый продуктъ неполнаго горѣнія образуется преимущественно въ томъ случаѣ, если газовая горѣлка не снабжена стекломъ. Свѣтильный газъ можетъ служить причиной взрыва и пожара.

Взрывъ происходитъ въ томъ случаѣ, если свѣтильный газъ накопляется въ комнатномъ воздухѣ въ такомъ количествѣ, что образуется смѣсь, состоящая изъ одной части газа и 4—10 частей воздуха. Войдя въ комнату, наполненную такой смѣсью, съ зажженной свѣчей, мы производимъ взрывъ.

Дурная земляная насыпка въ накатахъ нашихъ половъ служитъ причиной образованія продуктовъ разложенія органическихъ веществъ. Эммерихъ производилъ химическое изслѣдованіе этой насыпки въ нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ домахъ г. Лейпцига. Его изслѣдованія показали, что насыпка въ накатахъ половъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ состоитъ преимущественно изъ золы и грязнаго песку, въ которыхъ, кромѣ того, находятся гніющія тряпки, гнилая солома, бумага, дерево и проч. Всѣ эти вещества, находясь въ состояніи разложенія, даютъ массу летучихъ продуктовъ, которые заражаютъ комнатный воздухъ и вредно дѣйствуютъ на здоровье обитателей.

Пыль, носящаяся въ комнатномъ воздухѣ, состоитъ изъ органическихъ и неорганическихъ веществъ, которыя попадаютъ въ комнату отчасти вмѣстѣ съ наружнымъ воздухомъ, но, главнымъ образомъ, заносятся нами съ улицы на платьѣ и обуви. Эта пыль состоитъ изъ песку, глины, угля, солей и изъ мертвыхъ органическихъ веществъ, остатковъ животныхъ и растеній, обломковъ, насѣкомыхъ, перьевъ, шерсти, эпидермиса, который безпрерывно слущивается съ поверхности нашего тѣла.

Количество всей пыли вообще зависитъ отъ количества людей, отъ ихъ чистоплотности, ихъ занятій и вентиляціи. Чѣмъ больше людей, въ комнатѣ, чѣмъ они неряшливѣе и чѣмъ хуже вентиляція, тѣмъ больше пыль носится въ комнатномъ воздухѣ. Если обитатели занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, при которомъ образуется масса мельчайшихъ и легкихъ частичекъ, напримѣръ, трепаньемъ льна, то количество пыли въ воздухѣ также увеличивается.

Значительное количество неорганической и органической пыли въ воздухѣ оказываетъ вредное вліяніе на наше здоровье. Тиндаль доказалъ, что вдыхаемая нами пыль остается въ легкихъ. Вскрытіе людей, работавшихъ въ пыльной атмосферѣ, показываетъ, что у нихъ въ легкихъ отлагаются частички угля, желѣза, песку, табачная пыль. Частички пыли попадаютъ не только въ дыхательные пути, но проникаютъ до легочныхъ пузырьковъ, въ легочную ткань и даже въ лимфатическія железы, находящіяся у корня легкихъ. Само собою понятно, что присутствіе въ легкихъ этихъ постороннихъ веществъ должно нарушать ихъ нормальное состояніе и способствовать различнаго рода заболѣваніямъ.

Насколько пагубно дѣйствуетъ пыль на наши легкія, доказываютъ наблюденія надъ людьми, работающими въ пыльной атмосферѣ. Гиршъ нашелъ, что изъ 100 больныхъ рабочихъ, занимающихся въ пыльной атмосферѣ, легочной чахоткой страдало 13,3—28,0%, тогда какъ среди работавшихъ въ болѣе чистой атмосферѣ чахоточныхъ было только 11,1%. Статистическія свѣдѣнія доказываютъ, что въ Лондонѣ изъ 33 умершихъ женщинъ, занимающихся чисткой платья, 28 умираетъ отъ легочной чахотки.

Кромѣ пыли, въ комнатномъ воздухѣ находится множество зародышей живыхъ существъ: плѣсневые и дрожжевые грибки, зародыши микроорганизмовъ, производящихъ порчу и гніеніе органическихъ веществъ: мяса, хлѣба, пива, дерева и проч., и болѣзнетворные зародыши, служащіе причиной различныхъ болѣзней.

Различныя изслѣдованія показываютъ, что число микроорганизмовъ въ комнатахъ всегда превосходитъ ихъ число на открытомъ воздухѣ. Фрейденрейхъ изслѣдовалъ воздухъ на Тунскомъ озерѣ надъ водой, въ окрестностяхъ гостинницы и въ комнатахъ этой же гостинницы. Онъ нашелъ въ 10 кубич. метрахъ воздуха: надъ водой 8 зародышей, въ окрестностяхъ гостинницы 25, въ комнатѣ гостинницы 600. Такимъ образомъ, оказывается, что количество микроорганизмовъ въ комнатахъ превосходитъ ихъ количество надъ водой въ 75 разъ, а въ окрестностяхъ въ 24 раза. То же показываютъ и другія изслѣдованія.

Количество микроорганизмовъ въ комнатахъ можетъ достигать очень значительныхъ цифръ. Микель опредѣлялъ количество микроорганизмовъ въ своей спальнѣ, которая находилась въ старомъ, густо населенномъ домѣ. Въ среднемъ выводѣ онъ тамъ нашелъ 36.000 зародышей въ 1 куб. мет. воздуха. А въ новомъ домѣ въ той же мѣстности въ среднемъ выводѣ оказалось только 4.560 зародышей въ 1 куб. метрѣ.

Въ школьныхъ помѣщеніяхъ Гессе нашелъ 2.000 — 35.000 микроорганизмовъ въ 1 куб. мет. воздуха, въ среднемъ 14.990, изъ которыхъ 8.952 бактеріи и 6.038 грибковъ.

Для насъ особенную важность имѣютъ болѣзнетворные зародыши. Что въ комнатномъ воздухѣ могутъ находиться такіе зародыши, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что для зараженія многими заразными болѣзнями, напримѣръ, корью, скарлатиной, оспой, достаточно побывать въ комнатѣ больного, не касаясь его. Кромѣ того, различные опыты доказываютъ, что болѣзнетворные зародыши, носящіеся въ воздухѣ, могутъ заражать животныхъ. Бухнеръ дѣлалъ опыты надъ сибирской язвой и доказалъ, что если животныя вдыхаютъ воздухъ, содержащій зародыши этой

болѣзни, то они заболѣваютъ ею. Опыты Таппенейра и Швенингера доказываютъ возможность зараженія животныхъ туберкулезными бациллами, если они дышутъ воздухомъ, въ которомъ носятся эти зародыши. Въ больничныхъ палатахъ, гдѣ лежали чахоточные больные, въ воздухѣ были найдены туберкулезныя бациллы. Опыты нѣкоторыхъ ученыхъ доказываютъ, что въ воздухѣ могутъ находиться и другіе болѣзнетворные зародыши. Микель нашелъ, что нѣкоторыя бактеріи, носящіяся въ воздухѣ, могутъ вызвать у кроликовъ весьма тяжелое заболѣваніе, кончающееся быстрой смертью. Кромѣ того, въ хирургическихъ палатахъ онъ нашелъ бациллъ, которыя вызывали у морскихъ свинокъ мѣстные воспалительные процессы, и микрококковъ, впрыскиваніе которыхъ подъ кожу вызывало у молодыхъ животныхъ нарывы, а у старыхъ—піэмію. Павловскій въ воздухѣ больничныхъ палатъ нашелъ диплококковъ, производящихъ у крысъ крупозное воспаленіе легкихъ, а въ хирургическихъ—бѣлый стафилококкъ, который животнымъ также причинялъ болѣзнь.

Изъ другихъ постоянныхъ составныхъ частей комнатнаго воздуха мы должны указать на важное значеніе влажности для нашего здоровья. Водяные пары постоянно находятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ комнатномъ воздухѣ. При нормальныхъ условіяхъ относительная влажность должна колебаться между 60 и 75%. Но благодаря своей способности приспособляться, человѣкъ можетъ выдерживать значительныя отклоненія отъ этой нормы. Въ Восточной Сибири, напримѣръ, относительная влажность иногда падаетъ до 20—10%. Въ сырую погоду воздухъ можетъ быть совершенно насыщенъ водяными парами и человѣкъ выноситъ такое количество влаги. Но это приспособленіе къ очень сухому и очень влажному воздуху продолжается только извѣстное время. Если слишкомъ сухой или слишкомъ влажный воздухъ дѣйствуетъ на насъ продолжительное время, въ нашемъ организмѣ появляются различныя разстройства нормальныхъ отправленій.

Въ комнатахъ относительная влажность воздуха колеблется въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Зимой при центральномъ отопленіи горячимъ воздухомъ относительная влажность комнатнаго воздуха бываетъ сравнительно мала=35—40%. Впрочемъ, это бываетъ только въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ мало народу, гдѣ не готовятъ кушанья, не стираютъ и не сушатъ бѣлья. Если же въ жилыхъ комнатахъ стираютъ, стряпаютъ, сушатъ мокрое бѣлье и платье, если въ нихъ скопляется много людей, то комнатный воздухъ можетъ быть почти совершенно насыщенъ водяными парами. Особенно часто количество влажности превышаетъ норму въ подваль-

ныхъ помѣщеніяхъ, которыя обыкновенно бываютъ переполнены людьми. Профессоръ Эрисманъ, при изслѣдованіи петербургскихъ подваловъ, постоянно находилъ тамъ болѣе 80% относительной влажности.

То значеніе, которое имѣетъ для нашего здоровья слишкомъ большое количество влаги въ комнатномъ воздухѣ, очевидно изъ нижеприведенныхъ соображеній.

Какъ извѣстно, съ поверхности нашего тѣла и черезъ легкія безпрерывно выдѣляются водяные пары, которые отнимаютъ у насъ извѣстное количество тепла. Само собою понятно, что въ сухомъ воздухѣ количество водяныхъ паровъ, выдѣляемыхъ нашимъ тѣломъ, должно быть больше, нежели въ насыщенномъ водяными парами. Это доказывается и различными опытами.

Профессоръ Эрисманъ производилъ опыты надъ рукой и нашелъ, что при относительной влажности воздуха въ 77% она теряла 2.728 грм. воды, а при 15%—58.085 грм. Температура, вентиляція и продолжительность опыта были одинаковы въ обоихъ случаяхъ.

Такъ какъ безпрерывное выдѣленіе водяныхъ паровъ съ поверхности нашей кожи способствуетъ удаленію различныхъ продуктовъ жизнедѣятельности нашего тѣла, то задерживаніе ихъ должно вредно дѣйствовать на нашъ организмъ. Кромѣ того, большая влажность воздуха препятствуетъ потерѣ тепла, идущаго на испареніе водяныхъ паровъ съ поверхности нашего тѣла и черезъ легкія. По Гельмгольцу, 12—15% всего тепла мы теряемъ при испареніи воды черезъ кожу и 8—10%, вслѣдствіе выдыхаемаго нами воздуха и водяныхъ паровъ. Слѣдовательно, если задерживается выдѣленіе водяныхъ паровъ, то задерживается выдѣленіе около 25% образуемаго нами тепла.

По всей вѣроятности, каждый наблюдалъ на самомъ себѣ, что въ сырую и теплую погоду у насъ появляется особенно сильное чувство духоты и тяжести. Намъ кажется, что не хватаетъ воздуха и прохлады. Это особенное чувство духоты и тяжести объясняется тѣмъ, что черезъ кожу и черезъ легкія не выдѣляется того количества водяныхъ паровъ и тепла, которое необходимо для нашего благосостоянія.

При одинаковой температурѣ во влажномъ воздухѣ, наше тѣло теряетъ больше тепла, нежели въ сухомъ. Водяные пары представляютъ лучшій проводникъ тепла, нежели воздухъ. Поэтому, съ увеличеніемъ ихъ количества увеличивается теплопроводность воздуха и потеря тепла нашимъ тѣломъ. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ холодную погоду.

Всякій знаетъ, что въ туманный морозный день, когда содержаніе водяныхъ паровъ въ воздухѣ бываетъ очень велико, намъ при одномъ и томъ же градусѣ кажется холоднѣе, нежели въ ясный день съ меньшимъ содержаніемъ водяныхъ паровъ. Въ туманный холодный день сырость пронизываетъ насъ насквозь, забирается въ наше платье и добирается до тѣла.

Тѣ ткани, которыя мы употребляемъ для одежды, обладаютъ способностью поглощать водяные пары изъ воздуха. Напримѣръ, шерсть поглощаетъ водяныхъ паровъ болѣе $^1/_5$ своего вѣса, бумага, полотно $^1/_7$—$^1/_8$ своего вѣса. При опытахъ замѣчено, что въ сухомъ воздухѣ наша одежда поглощаетъ меньше водяныхъ паровъ, а во влажномъ больше. Линротъ производилъ изслѣдованіе различныхъ тканей при большей или меньшей относительной влажности воздуха. Оказалось, что фланель при 27% относительной влажности поглощала 36 частей воды на 1.000 частей ткани, а при 98%—235 частей, въ туманѣ—273 части.

Хотя опыты доказываютъ, что количество воды, поглощаемой нашей одеждой, уменьшается, если она на насъ одѣта, но все-таки эта зависимость отъ влажности воздуха остается. Этимъ поглощеніемъ нашей одеждой влажности изъ воздуха объясняется то пронизывающее чувство сырости, которое мы испытываемъ въ холодную и сырую погоду. Пропитываясь влажностью, наше платье становится лучшимъ проводникомъ тепла, и мы скорѣе зябнемъ. Кто не знаетъ, какъ бываетъ холодно въ сыромъ или мокромъ платьѣ.

Этими двумя условіями: задерживаніемъ испаренія воды изъ нашего тѣла и лучшей теплопроводностью воздуха, насыщеннаго водяными парами, объясняется вредное вліяніе сырыхъ жилищъ на наше здоровье. Если сырое жилище тепло, оно только задерживаетъ испареніе водяныхъ паровъ и выдѣленіе тепла изъ нашего тѣла. Намъ въ комнатахъ душно и тяжело. Если сырое жилище холодно, оно отнимаетъ у насъ много тепла вслѣдствіе лучшей теплопроводности влажнаго воздуха. Это обстоятельство должно особенно способствовать развитію различныхъ болѣзней, которыя, до извѣстной степени, зависятъ отъ простуды. Послѣднее слово здѣсь понимается въ томъ смыслѣ, что охлажденіе тѣла въ извѣстныхъ случаяхъ способствуетъ появленію болѣзни. Къ такимъ болѣзнямъ принадлежатъ: воспаленіе зѣва, гортани, бронхъ, насморкъ, ревматизмъ. По всей вѣроятности, сырыя жилища, отнимая много тепла отъ нашего тѣла и тѣмъ уменьшая его способность противостоять заразѣ, могутъ служить причиной и другихъ заболѣваній.

Сырость въ квартирахъ можетъ причинять вредъ нашему здоровью и другими способами. На сырыхъ стѣнахъ, обыкновенно, появляется плѣсень, продукты жизнедѣятельности которой портятъ комнатный воздухъ и, такимъ образомъ, вредно дѣйствуютъ на наше здоровье. Кромѣ того, въ деревянныхъ стѣнахъ или въ деревянныхъ частяхъ каменнаго дома, если онъ сыръ, появляется трутникъ, портящій дерево и выдѣляющій особенный ядовитый продуктъ, который, по мнѣнію многихъ авторовъ (Унгефугъ, Окснеръ, Палекъ), вызываетъ у человѣка отравленіе съ характеромъ наркоза.

Хорошее освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ также необходимо для сохраненія нашего здоровья. Солнечный свѣтъ дѣйствуетъ благотворно на все живое: на животныхъ и на растенія. Безъ него все хирѣетъ и чахнетъ. Растеніе, посаженное въ темнотѣ, растетъ блѣднымъ, хилымъ и не накопляетъ въ себѣ питательныхъ веществъ. Дѣти въ темныхъ подвалахъ также, подобно растеніямъ, растутъ хилыми, блѣдными и рахитичными. Это явленіе объясняется тѣмъ, что солнечный свѣтъ возбуждаетъ жизнедѣятельность всѣхъ организмовъ. Подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта протоплазма сокращается болѣе энергично, обмѣнъ веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ усиливается, поглощается больше кислорода и выдѣляется больше углекислоты. Поэтому, днемъ люди вообще бываютъ дѣятельнѣе и энергичнѣе, нежели ночью. Замѣчено также, что ростъ молодыхъ организмовъ совершается быстрѣе при дневномъ свѣтѣ, нежели въ темнотѣ, различныя острыя болѣзни имѣютъ болѣе благопріятное теченіе въ хорошо освѣщенныхъ дневнымъ свѣтомъ жилищахъ, что различныя хроническія болѣзни, напр., сочленовный ревматизмъ быстро проходитъ, если заболѣвшую часть подвергнуть непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей. Доказано, что заразныя болѣзни особенно часто посѣщаютъ тѣ жилища, куда доступъ дневного свѣта затрудненъ.

Послѣднее обстоятельство объясняется научными опытами, которые намъ показываютъ, что солнечный свѣтъ дѣйствуетъ пагубно на болѣзнетворныхъ зародышей. Его пагубное дѣйствіе распространяется не только на живыхъ зародышей, но и на ихъ споры. Отъ этого зависитъ оздоровляющее вліяніе солнечныхъ лучей на наши жилища. Заразныя болѣзни особенно часто посѣщаютъ темные подвалы и чердаки не только потому, что тамъ существуетъ недостатокъ свѣжаго воздуха, но и вслѣдствіе недостатка солнечнаго свѣта.

Нѣкоторые писатели также обращали вниманіе на то вліяніе, которое оказываетъ жилище на своихъ обитателей, и изображали это въ художественныхъ образахъ. Г-нъ Вл. Короленко нарисо-

валъ намъ очень трогательную картину того вліянія, которое оказываетъ жилище на здоровье дѣтей. Кто не узнаетъ въ его маленькой Манѣ («Въ дурн. обществѣ») несчастнаго рахитичнаго ребенка, который такъ часто встрѣчается въ дурныхъ квартирахъ?

Статистика намъ доказываетъ, что дурная квартира способствуетъ разрушенію нравственнаго здоровья ея жильцовъ. Въ 1849 году въ Парижѣ было предпринято изслѣдованіе меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ жило большинство бѣднѣйшихъ парижскихъ работниковъ. При изслѣдованіи обращалось вниманіе на качество квартиры и на поведеніе проживавшихъ тамъ лицъ. Жильцы были раздѣлены на четыре группы. 1) Хорошія помѣщенія. Подъ этимъ понятіемъ подразумѣвались опрятныя, чистыя и здоровыя комнаты, съ хорошимъ воздухомъ и съ достаточнымъ количествомъ мебели и посуды, находящихся въ хорошемъ состояніи. 2) Сносныя. Это помѣщенія, которыя заставляютъ желать многаго относительно санитарныхъ условій, опрятности и меблировки, но, тѣмъ не менѣе, могутъ считаться удовлетворительными съ точки зрѣнія самихъ жителей, если принять во вниманіе низкое соціальное положеніе и привычки послѣднихъ. 3) Дурныя. Это неопрятныя комнаты, съ недостаточнымъ количествомъ воздуха и свѣта, съ мебелью, поточенною червями или покрытою лохмотьями. 4) Весьма дурныя помѣщенія, настоящія кануры, иногда совсѣмъ лишенныя свѣта, грязныя, наполненныя вонючимъ и заразительнымъ воздухомъ, выносить который возможно только вслѣдствіе долговременной и постоянной привычки, Въ нихъ единственную движимость составляютъ лохмотья. Всѣхъ помѣщеній было изслѣдовано 2.360; изъ нихъ было: 922 хорошихъ, 958 сносныхъ, 230 дурныхъ и 250 весьма дурныхъ. Жило въ нихъ 21.567 мужчинъ и 6.262 женщины.

Обитатели этихъ жилищъ относительно своего поведенія были раздѣлены также на четыре группы. Въ первую вошли трудолюбивые, бережливые, трезвые, рѣдко оставляющіе работу и вообще ведущіе правильный образъ жизни. Во вторую тѣ, которые не имѣютъ большихъ пороковъ и дурныхъ привычекъ, напр., работники, оставляющіе по временамъ работу, чтобы погулять; женщины, нравственность которыхъ хотя не безукоризненна, но которыя не предаются излишествамъ и занимаются работой. Въ третью группу вошли мужчины, предающіяся лѣности и пьянству, и женщины подозрительнаго поведенія. Въ четвертую—люди, принадлежащіе къ самому испорченному или опасному классу общества, никогда не работающіе, пріобрѣтающіе средства существованія постыднымъ или неизвѣстнымъ способомъ, и проводящіе большую часть времени въ пьянствѣ и ссорахъ.

Парижъ въ то время былъ раздѣленъ на 12 округовъ, по которымъ и была составлена таблица. Lespeyres принялъ 100 за среднее качество жилищъ и нравственности Парижа. Въ сравненіи съ этой цифрой и были составлены три таблицы по округамъ. 12 округовъ были раздѣлены на двѣ группы, по 6 округовъ въ каждой. Въ первой таблицѣ находятся группы округовъ съ наименьшимъ и съ наибольшимъ числомъ хорошихъ помѣщеній; во второй—съ наибольшимъ и съ наименьшимъ весьма дурныхъ. Въ третьей—хорошія и сносныя помѣщенія соединены вмѣстѣ, а также и поведеніе соединено по двѣ группы.

Таблица I.

	% хорошаго помѣщенія.	% хорошаго поведенія.	% весьма дурного.	% хорошаго поведенія.	% весьма дурного.
		мужчинъ.		женщинъ.	
6 округовъ съ наименьш. числомъ хорош. помѣщеній.	89	96	156	97	114
6 округовъ съ наибольш. числомъ хорош. помѣщеній.	114	104	39	103	86

Таблица II.

	% весьма дурного помѣщен.	% весьма дурного повед.	% хорошаго.	% весьма дурного.	% хорошаго.
		мужчинъ.		женщинъ.	
6 округовъ съ наибольш. числомъ весьма дурн. помѣщеній.	124	141	94	122	101
6 округовъ съ наименьш. числомъ весьма дурн. помѣщеній.	55	34	108	70	100

Таблица III.

	% помѣщенія.	% хорошаго и сносн. повед.	% дурного и весьма дурнаго поведенія.	% хорошаго и сносн. повед.	% дурного и весьма дурного поведенія.
		мужчинъ.		женщинъ.	
6 округовъ съ наименьш. числомъ хорошихъ и сносныхъ помѣщеній. .	94	94	118	96	106
6 округовъ съ наибольш. числомъ хорошихъ и сносныхъ помѣщеній. .	107	109	71	109	91

Изъ этихъ таблицъ видно, что чѣмъ больше число дурныхъ квартиръ, тѣмъ больше людей дурного поведенія, а чѣмъ меньше такихъ квартиръ, тѣмъ больше людей хорошаго поведенія. Это особенно ясно видно изъ таблицы, въ которой приведено наибольшее и наименьшее число весьма дурныхъ помѣщеній. Въ этой таблицѣ (II) отношеніе весьма дурныхъ квартиръ къ хорошимъ равняется 124 : 55, а отношеніе жильцовъ весьма дурного поведенія къ хорошему, равняется 141 : 34 для мужчинъ и 122 : 70 для женщинъ.

Д-ръ Симонъ, производившій изслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшихъ жителей городовъ, говоритъ: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ мнѣ игнорировать и другія его стороны. Достигнувъ высокой степени, оно влечетъ за собою, почти неизбѣжно, такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую наготу, что ихъ можно принять скорѣе за скотскія, нежели за человѣческія. Дѣйствіе этихъ вліяній равносильно уничтоженію всѣхъ нравственныхъ началъ, притомъ тѣмъ большему, чѣмъ дольше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ проклятіемъ, это—крещеніе въ безчестіи, и совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, въ другихъ отношеніяхъ стремилась въ ту сферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и нравственной чистотѣ».

Другой врачъ, Hunter, говоритъ слѣдующее о дѣтяхъ въ рабочихъ кварталахъ Лондона: «Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти до этого вѣка тѣснаго скучиванія бѣдныхъ, но не нужно быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказать, чего можно ожидать отъ дѣтей, которыя воспитываются теперь при обстоятельствахъ, не имѣющихъ себѣ равныхъ въ этой странѣ и вполнѣ приспособленныхъ къ тому, чтобы ихъ будущая практическая жизнь была жизнью опасныхъ классовъ, потому что часть ночи они проводятъ съ лицами разныхъ возрастовъ, пьянствуя, бранясь и совершая всякія непристойности».

Какъ живутъ въ петербургскихъ угловыхъ квартирахъ, которыя отличаются наихудшими качествами, намъ разсказываетъ Нелли («Униженные и оскорбленные»). Она жила въ углу въ подвалѣ съ больной матерью.

«Тамъ было очень темно и сыро,—говоритъ она,—и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ также жила одна старушка и жилъ отставной чи-

новникъ и все приходилъ пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель и обнимала меня, а сама вся, бывало, дрожитъ, а чиновникъ кричитъ и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ побить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жаль ее и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника».

Только въ этихъ сырыхъ и мрачныхъ подвалахъ могутъ создаваться такіе мрачные, ожесточенные и непримиримые характеры, какимъ была Нелли. Отъ природы у нея было нѣжное и привязчивое сердце, но жизнь ожесточила ее, закрыла ея сердце толстой корой, которую добрымъ людямъ удалось только съ трудомъ разбить. И пьянство, и ложь, и развратъ, которыя она встрѣчала въ своей дурной квартирѣ,—все это способствовало ея ожесточенію, ея ненависти къ людямъ. Въ этомъ мрачномъ подвалѣ она научилась видѣть въ людяхъ только враговъ, которые злы, ожесточены и не прощаютъ другъ другу. На ея мрачныхъ воззрѣніяхъ отразилось мрачное жилище. Да и гдѣ было ей набраться свѣтлыхъ впечатлѣній? Въ этомъ мрачномъ подвалѣ, гдѣ на каждомъ шагу ей встрѣчаются мрачныя картины? Вотъ отецъ, который никакъ не хочетъ простить свою умирающую дочь! Вотъ бѣдная старушка, которую бьетъ пьяный чиновникъ! Вотъ Бубнова, которая употребляетъ всѣ усилія, чтобы сгубить беззащитнаго ребенка! Вотъ какія картины приходится видѣть дѣтямъ въ этихъ мрачныхъ жилищахъ! Могутъ ли они при такихъ условіяхъ оставаться дѣтьми?

Насколько въ Петербургѣ распространены дурныя жилища, указываютъ намъ слѣдующія слова проф. Эрисмана.

«По сообщеніямъ г. Якоби,—говоритъ онъ въ своей статьѣ о подвальныхъ жилищахъ Петербурга,—въ Аренсбергѣ между рабочимъ населеніемъ его округа рѣдко встрѣчается тотъ «подрывающій благосостояніе души и тѣла» случай, чтобы цѣлое семейство помѣщалось въ одной только комнатѣ и тамъ удовлетворяло бы всѣмъ своимъ потребностямъ, т.-е. въ комнатѣ, которая служила бы и кухней, и прачечной, и спальней для большого числа людей, гдѣ на небольшомъ пространствѣ, въ тѣхъ же самыхъ четырехъ стѣнахъ лежали бы вмѣстѣ съ другими членами семейства родильница, больной со здоровыми, умершій съ живыми. Но то, что г. Якоби рѣдко видѣлъ въ округѣ Аренсберга, составляетъ самое обыкновенное явленіе въ петербургскихъ подвалахъ, и Якоби совершенно справедливо называетъ вліяніе такой вопіющей житейской обстановки подрывающимъ благосостояніе души и тѣла».

Безъ всякаго сомнѣнія, на молодыхъ, еще неустановившихся людей окружающая обстановка должна оказывать особенно сильное вліяніе и они ей подчиняются тѣмъ въ большей степени, чѣмъ постояннѣе она на нихъ дѣйствуетъ и чѣмъ они неопытнѣе. Напр., для юныхъ деревенскихъ жителей, попавшихъ въ столицу для заработка, мы можемъ нарисовать слѣдующую картину, въ которой, несомнѣнно, отразится вліяніе жилищъ.

Представимъ себѣ восемнадцати — двадцатилѣтняго деревенскаго юношу, который пріѣхалъ въ Петербургъ для заработка и попалъ въ артель извозчиковъ, ѣздящихъ отъ хозяина.

Помѣщенія низшаго класса петербургскаго населенія отличаются чрезмѣрной скученностью. Есть не мало помѣщеній, гдѣ въ одной комнатѣ живетъ двадцать и болѣе человѣкъ. Представимъ себѣ, что въ одну изъ такихъ комнатъ попалъ и нашъ деревенскій юноша. Въ этой комнатѣ ему постоянно приходится жить съ самыми разнообразными людьми. Здѣсь есть и дурные, и порядочные, но общій нравственный уровень невысокъ. Здѣсь даже господствуетъ особенная нравственность. Здѣсь не считается постыднымъ обмануть хозяина, пропить одежду или лошадиный кормъ. Объ этомъ деревенскій юноша постоянно слышитъ разсказы отъ своихъ товарищей. Кромѣ того, онъ постоянно слышитъ разсказы и о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно получить въ трактирѣ. Тамъ и свѣтло, и тепло, и чисто сравнительно съ ихъ канурой, и половой услуживаетъ, какъ барину. Сидя въ темномъ, сыромъ, душномъ и грязномъ подвалѣ, гдѣ нерѣдко бываетъ холодно и слишкомъ шумно, гдѣ онъ постоянно бываетъ свидѣтелемъ дракъ и ссоръ своихъ товарищей, и чувствуя потребность въ лучшемъ, юный извозчикъ всѣми своими мыслями стремится въ этотъ трактирный рай, такъ какъ о чемъ-либо иномъ лучшемъ онъ не имѣетъ никакого представленія. Вотъ, наконецъ, удачный заработокъ даетъ ему возможность испытать всю прелесть трактирныхъ развлеченій. Онъ сидитъ въ большой и свѣтлой комнатѣ, гдѣ гораздо чище и теплѣе, нежели въ ихъ подвалѣ. Ему услуживаетъ половой, предупредительно подавая требуемое. Онъ приказываетъ завести органъ, и это тотчасъ же исполняется. Здѣсь онъ чувствуетъ себя не тѣмъ приниженнымъ, зависимымъ существомъ, какимъ онъ чувствовалъ себя въ этомъ мрачномъ подвалѣ, гдѣ хозяинъ можетъ разнести его въ пухъ и прахъ, а иногда даже и поколотить. Здѣсь онъ чувствуетъ себя болѣе полноправнымъ существомъ, нежели въ своемъ мрачномъ подземельѣ. Здѣсь онъ чувствуетъ себя какъ будто настоящимъ человѣкомъ. Неудивительно, что, возвратившись въ свой мрачный

подвалъ, въ среду своихъ дикихъ и нерѣдко пьяныхъ и буйныхъ товарищей, онъ начинаетъ чувствовать тоску и недовольство жизнью. Его мысли все чаще и чаще устремляются въ трактиръ, гдѣ онъ испыталъ такъ много пріятныхъ ощущеній. Все чаще и чаще онъ начинаетъ тамъ тратить свои сбереженія, свой заработокъ. Домой онъ уже не посылаетъ денегъ. Ему самому мало.

Представимъ себѣ теперь противоположный случай. Жилище, въ которое попалъ юный деревенскій извозчикъ, просторно, свѣтло, сухо и тепло. Въ нѣсколькихъ, довольно большихъ, комнатахъ помѣщается по четыре—пять человѣкъ. Новичекъ попалъ въ такую комнату, гдѣ помѣщались порядочные люди, не пьяницы и не развращенные. Въ этой комнатѣ въ свободное время читаютъ газеты или книги, есть гармоника, находятся и пѣвцы. Здѣсь говорятъ больше о своихъ домашнихъ, о разныхъ деревенскихъ нуждахъ, мечтаютъ о томъ, чтобы хорошенько устроить свой деревенскій домъ, или купить здѣсь лошадь, сдѣлаться самому хозяиномъ и перевезти сюда семью, такъ какъ въ деревнѣ жить не при чемъ. Здѣсь не мечтаютъ о трактирномъ разгулѣ, а о домашнемъ довольствѣ и о самостоятельности. Само собою понятно, что новичекъ, попавшій въ такую комнату, будетъ наталкиваться только на хорошіе примѣры и вслѣдствіе этого будетъ болѣе застрахованъ отъ дурныхъ увлеченій.

Несомнѣнно, улучшеніе жилищъ оказало бы вліяніе на увеличеніе производительности страны. Возьмемъ хотя бы Петербургъ. По отчетамъ думскихъ врачей, къ которымъ обращается преимущественно бѣдное населеніе столицы, оказывается, что въ 1893 году къ нимъ обращалось съ ревматизмомъ 1.593 взрослыхъ мужчинъ и 3.419 взрослыхъ женщинъ. Причиной ревматизма служатъ, главнымъ образомъ, сырыя квартиры, которыми такъ изобилуетъ Петербургъ. Предположимъ, что каждый заболѣвшій былъ неспособенъ къ работѣ впродолженіи недѣли. Считая дневной заработокъ мужчинъ, приблизительно, въ одинъ рубль, а заработокъ женщинъ въ 60 коп., мы получимъ 25.150 р. 80 к. ихъ недѣльнаго заработка. Слѣдовательно, Петербургъ, благодаря только одному ревматизму среди рабочаго населенія, теряетъ на 25 тысячъ производительнаго труда. Мало того: ревматизмъ часто оставляетъ послѣ себя такіе незгладимые слѣды, что человѣкъ остается калѣкой на всю жизнь и оказывается неспособнымъ къ производительному труду. Кромѣ того, ревматизмъ служитъ главной причиной пороковъ сердца. Люди съ порокомъ сердца плохіе работники и часто нуждаются въ медицинской помощи. Сердечныхъ больныхъ къ думскимъ врачамъ въ 1893 году обращалось

2.228 взрослыхъ мужчинъ и женщинъ. Слѣдовательно, болѣе двухъ тысячъ человѣкъ мало или вовсе неспособныхъ къ производительному труду. Такіе люди постоянно прихварываютъ и постоянно теряютъ рабочіе дни или живутъ на счетъ чужого труда.

Но этимъ не оканчиваются всѣ потери, которыя несетъ Петербургъ, благодаря только одному ревматизму. Онъ затрачиваетъ массу денегъ на больницы и амбулаторіи, куда обращается бѣдное населеніе. Кромѣ того, работникъ, вслѣдствіе временной потери способности къ труду, принужденъ жить на счетъ другихъ или раззорять свое собственное хозяйство, можетъ быть, навсегда, продавая или закладывая то одну, то другую необходимую въ домашнемъ обиходѣ вещь.

Такія потери несетъ Петербургъ благодаря только одному ревматизму. Но вѣдь распространеніе другихъ болѣзней зависитъ также въ значительной степени отъ жилища. Въ 1893 году въ Петербургѣ среди взрослаго бѣднаго населенія было 23.777 случаевъ заразныхъ заболѣваній.

Громадные матеріальные потери несетъ петербургское населеніе также вслѣдствіе дѣтской смертности. Въ Петербургѣ болѣе ²/₅ умершихъ составляютъ дѣти до пяти лѣтъ.

Смерть маленькихъ дѣтей, обыкновенно, принято считать за ничто. Но это мнѣніе несправедливо. Смертность маленькихъ дѣтей влечетъ за собой извѣстныя матеріальныя потери для страны.

«Ранняя смерть дѣтей причиняетъ странѣ неисправимый экономическій ущербъ,—говоритъ профессоръ Эрисманъ,—и должна считаться однимъ изъ величайшихъ бѣдствій населенія, такъ какъ черезъ быстрое вымираніе дѣтей и черезъ быструю смѣну поколѣній безвозвратно теряется весь запасъ труда, заботъ и матеріальныхъ средствъ, которые общество приложило къ своимъ слишкомъ рано погибшимъ членамъ. Всѣ умирающія дѣти являются между нами, такъ сказать, гостями и, пока живы, только потребляютъ, пользуются плодами труда остального общества, никогда не возвращая ему своимъ трудомъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя на нихъ были затрачены».

Такимъ образомъ, благодаря смертности дѣтей, общество несетъ безвозвратныя матеріальныя потери. А какъ жилище увеличиваетъ дѣтскую смертность, доказываетъ вышеприведенный примѣръ города Лилля, гдѣ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ изъ 21.000 дѣтей умерло 20.700, не достигнувъ пятилѣтняго возраста.

Дурныя жилища причиняютъ намъ и другія матеріальныя потери. Какъ уже было выше сказано, наше платье способно по-

глощать водяные пары. Это поглощеніе совершается тѣмъ больше, чѣмъ больше въ воздухѣ водяныхъ паровъ. Слѣдовательно, чѣмъ сырѣе квартира, тѣмъ больше влаги содержитъ наше платье. Какъ извѣстно, при довольно высокой температурѣ влажность способствуетъ гніенію и тлѣнію органическихъ веществъ. Температура нашихъ комнатъ, обыкновенно, бываетъ настолько высока, что процессъ гніенія можетъ совершаться. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ сырыхъ квартирахъ платье сравнительно быстро портится. Влага и теплота способствуетъ въ немъ развитію тѣхъ микроорганизмовъ, которые производятъ гніеніе и тлѣніе органическихъ веществъ, которые разрушаютъ или, лучше сказать, съѣдаютъ наше платье. Всѣмъ извѣстно, что платье и мягкая мебель въ сырыхъ квартирахъ быстро портятся. Вслѣдствіе этого намъ приходится скорѣе дѣлать себѣ новое платье и больше затрачивать на одежду въ сырыхъ квартирахъ, нежели въ сухихъ.

Кромѣ того, сырыя квартиры требуютъ отъ насъ больше дровъ, нежели сухія. Въ сухой комнатѣ мы при 14—15° R чувствуемъ, что намъ тепло, а въ сырой и при 16—17° R намъ кажется холодно, такъ какъ сырой воздухъ и сырыя стѣны отнимаютъ у насъ много тепла. Поэтому, въ сырой квартирѣ намъ надо топить больше, чтобы чувствовать тепло. Въ сырой квартирѣ приходится тратить больше дровъ также потому, что ея стѣны пропитаны водой и вслѣдствіе этого быстрѣе проводятъ тепло наружу, нежели сухія. Вотъ почему въ сырыхъ квартирахъ, сколько ихъ не топятъ, все кажется холодно. Благодаря большей топкѣ и скорой порчѣ платья и мебели, сырыя квартиры приносятъ немаловажный ущербъ нашему карману.

Въ тѣхъ жилищахъ, куда слишкомъ мало или вовсе не попадаетъ солнечнаго свѣта, также приходится тратить больше дровъ. Всякій знаетъ, что если окна обращены на югъ и въ жилище попадаетъ много солнечнаго свѣта, то такая квартира всегда оказывается теплѣе, нежели обращенная окнами на сѣверъ, такъ какъ солнечные лучи нагрѣваютъ стѣны и предметы, находящіеся въ комнатахъ. Поэтому въ такихъ квартирахъ приходится затрачивать меньше на отопленіе.

Въ тѣхъ квартирахъ, куда мало проникаетъ солнечнаго свѣта, приходится затрачивать больше на освѣщеніе, потому что въ такихъ жилищахъ всегда поздно свѣтаетъ и раньше смеркается, а иногда по цѣлымъ днямъ господствуетъ полумракъ.

На основаніи всего выше сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что жилище не только разрушаетъ физическое и нрав-

ственное здоровье общества, но приноситъ вредъ и его матеріальному благосостоянію. Этотъ матеріальный вредъ выражается въ томъ, что, живя въ дурной квартирѣ, работникъ, который кормилъ цѣлую семью, заболѣваетъ, теряетъ способность къ труду и ему съ семьей приходится жить на счетъ другихъ. Этотъ матеріальный вредъ выражается въ томъ, что временная потеря трудоспособности человѣка, служащаго поддержкой цѣлой семьи, можетъ повлечь за собой ея раззореніе, которое будетъ или совсѣмъ непоправимо, или поправимо только съ большимъ трудомъ. Эта матеріальная потеря выражается въ томъ, что человѣкъ, глядя на свое раззоренное хозяйство можетъ запьянствовать и такимъ образомъ почти совсѣмъ утратить свою способность къ производительному труду. Эти матеріальныя потери выражаются въ громадной смертности дѣтей, уносящихъ съ собой въ могилу всѣ заботы и всѣ расходы, которые были на нихъ затрачены. Эти матеріальныя потери выражаются въ томъ, что въ дурныхъ жилищахъ тратится больше дровъ, керосину, скоро портится платье. Дурная квартира требуетъ массу непроизводительныхъ тратъ. На тѣ же средства въ хорошей квартирѣ можно прожить гораздо лучше, такъ какъ мы дѣлаемъ сбереженія на освѣщеніи, на отопленіи, на платьи, не говоря уже о сохраненіи здоровья, этого необходимаго элемента для производительнаго труда. Все это даетъ намъ право сказать, что улучшеніе жилищъ должно поднять экономическій уровень каждой страны.

Вотъ почему за границей начинаютъ обращать особенное вниманіе на улучшеніе жилищъ рабочаго класса. Тамъ пробудилось сознаніе, что жилище оказываетъ вліяніе не только на физическое здоровье, но и на нравственность, на счастье и матеріальное благосостояніе общества. И нельзя не согласиться, что люди, которые стремятся измѣнить гигіеническія условія жилищъ неимущихъ классовъ, руководятся истиннымъ человѣколюбіемъ, такъ какъ они стремятся не только сохранить физическое здоровье населенія, но и увеличить его благо и его счастье.

Женщ.-врачъ **М. И. Покровская.**

НАРОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦѢ.

Шумнаго города блескъ обаятельный,
Звуки веселыхъ рѣчей
Не уживаются съ Музой моей,
Скромной, немного мечтательной.

—

Вотъ и теперь моя мысль далеко:—
Тамъ, гдѣ стоитъ твоя школа убогая.
Что-жъ ты задумалась такъ глубоко,
Правды великой поборница строгая?
Что-жъ твою душу печально томитъ?
Вьюга поетъ надъ полями безбрежными...
Развѣ, чтó жадная память хранитъ,
Не примирилось съ мятелями снѣжными?
Завтра вбѣгутъ они шумной гурьбой...
Какъ хороши ихъ привѣты несмѣлые!
И замелькаютъ опять предъ тобой
Головы темныя, русыя, бѣлыя!
О! научи же ихъ въ жизни хранить
Дѣтскую правду съ ихъ думами ясными,
Чтобъ и они могли такъ же любить,
Чтобы—какъ ты—они были прекрасными!

Вл. Ладыженскій.

ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ.

(Изъ записокъ сельскаго учителя).

I.

Бѣлесоватый разсвѣтъ робко брезжитъ въ окна моей школьной квартиры. Шесть часовъ. Надо подниматься—начинать свой обычный будничный день. Сторожъ Димитрій успѣлъ уже, кажется, управиться съ печкой, кончить свою незамысловатую стряпню и теперь возится съ самоваромъ. По обыкновенію, вставать не хочется, теплая постель соблазняетъ полежать еще, но разсудокъ беретъ свое, и я встаю. Подниматься въ шесть часовъ вошло уже въ привычку, и отступленія позволяются только въ праздникъ.

Въ моей комнатѣ—она и спальня, и кабинетъ, и зала, и гостиная — температура низковата, а по окнамъ, сплошь разрисованнымъ узорами мороза, пробравшагося даже до вторыхъ рамъ, я заключаю, что на дворѣ температура еще ниже. Это обстоятельство, я знаю, неминуемо отразится на числѣ пришедшихъ учениковъ. Село большое, по населенію равное любому уѣздному городу, разбросано и раздѣлено широкими и глубокими буераками и оврагами, и концы приходится дѣлать нѣкоторымъ ученикамъ изъ дома въ школу довольно-таки порядочные—версты 2—3.

Отворяю дверь въ прихожую. Оттуда повѣяло тепломъ отъ истопившейся печки, пахнуло запахомъ сварившихся щей и каши. Вотъ онъ и Димитрій, школьный сторожъ, онъ же и поваръ. Это — не старикъ, николаевскій служака, по обыкновенію большой ворчунъ и резонеръ, какъ принято представлять себѣ школьныхъ сторожей. Онъ — молодой малый, лѣтъ 22— 23, уже женатый; кончилъ школу, въ которой состоитъ теперь сторожемъ, и всецѣло принадлежитъ къ

людямъ новаго поколѣнія. Большой охотникъ до чтенія, онъ особенно увлекается поэзіей и самъ пописываетъ стихи въ свободныя минуты. Я зналъ его еще съ прошлаго года, когда онъ приходилъ ко мнѣ за книгами. Пріѣхавъ нынѣшній годъ къ занятіямъ, я нашелъ его въ школѣ уже сторожемъ.

Димитрій—безусый, безбородый, здоровый дѣтина, съ широкимъ лицомъ и завивающимися по концамъ длинными волосами. Его немножко конфузитъ его должность, надъ нимъ подсмѣиваются кое-кто изъ односельцевъ стараго закала: „вотъ, дескать, какой здоровый лодырь стариковскую должность правитъ, на легкой работѣ состоитъ. Тебѣ бы, поди, въ работники къ мужику идти, на линію *), аль бы молотить“. Влекла къ школѣ, главнымъ образомъ, по его словамъ, возможность быть постоянно около книгъ, пользоваться чтеніемъ вдосталь и упражняться часто въ письмѣ. Самое школьное дѣло онъ любитъ и стремится современемъ сдѣлаться учителемъ въ школѣ грамотности. Это его завѣтная мечта. Онъ не пьетъ, не курить и не нюхаетъ.

Семейное положеніе Димитрія мнѣ извѣстно. Отецъ у него мужикъ вполнѣ стараго закала, упрямъ и деспотиченъ. На грамотность смотритъ съ презрѣніемъ, допекаетъ ею и сына, который ни въ чемъ ему не подходитъ. Отсюда частыя семейныя ссоры. Отецъ говоритъ: „Дѣлай такъ, по моему“. Сынъ видитъ, что это невыгодно и безполезно, что лучше бы сдѣлать иначе, и возражаетъ. Старикъ стоитъ на своемъ и напускается на сына. Вообще, онъ сильно его недолюбливаетъ и постоянно попрекаетъ грамотностью. Мать любитъ его и заступается передъ отцомъ, за что иногда терпитъ отъ того побои. Жена Димитрія, насколько я знаю, бабенка смирная, безгласная; относится онъ къ ней не то чтобы вполнѣ тепло, но и не безучастно, кажется, болѣе въ силу привычки. Главная причина, женили его на ней не спросясь, нужна была въ домъ рабочая сила, а ему жениться не хотѣлось, тянуло совсѣмъ въ другую сторону—къ ученію. Когда онъ еще учился, у него былъ живъ старшій братъ, по словамъ Димитрія, усердный работникъ. Это-то и помогло Димитрію кончить курсъ. Когда насталъ голодный годъ, Димитрій вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, гонимые нуждой, отправились на линію на заработки. Тамъ, на Кавказѣ, застала ихъ холерная година, и братъ умеръ.

---

*) На заработки въ Донскую и Кубанскую области, вообще же на Кавказъ.

Димитрій остался одинъ въ семьѣ сынъ-работникъ.

Димитрія ученики мало слушали и не боялись; нѣкоторые даже попросту звали его „Митькой", чѣмъ онъ сильно огорчался, готовясь современемъ стать учителемъ.

— И что такое это значитъ, Викторъ Іововичъ, ничуть-то они меня не слушаютъ, — вотъ оказія-то! — сокрушался онъ.

II.

На дворѣ мятель, вѣтеръ рѣзкій, какъ говорятъ „сиверко".

— Пыль,—говоритъ Димитрій, входя съ лопатой, которой отгребалъ снѣгъ отъ крыльца.

Самоваръ водружается на столѣ. Съ нимъ дѣлается уютнѣе въ комнатѣ и свѣтлѣе на душѣ. Удивительное дѣло! Ничтожная вещица—и такъ мѣняетъ настроеніе. Встаешь, бывало, въ самомъ пессимистическомъ настроеніи. Все-то представляется тебѣ въ мрачномъ свѣтѣ — и обстановка, и твоя работа, а разгуляешься, появится самоваръ на столѣ—и ничего себѣ, встряхнешься и на душѣ посвѣтлѣетъ. И завтракъ обычный на столѣ: жареная на свиномъ салѣ картофель, пересыпанная мукой; запахъ ея пріятно щекочетъ обоняніе. Приступаю съ газетой въ рукахъ—почитать ужъ теперь вплоть до окончанія уроковъ не придется—къ подкрѣпленію себя на всѣ уроки. Занятія обыкновенно начинаются у насъ часовъ въ 9-ть, въ началѣ и срединѣ учебнаго года: послѣ двухъ уроковъ полагается большая перемѣна, длящаяся съ четверть часа, иногда и болѣе, до получаса. На обѣдъ не отпускаемъ. Ребята носятъ съ собою хлѣбъ и другую снѣдь на цѣлый день. На обѣдъ неудобно отпускать, опять-таки за дальностью разстоянія.

Изъ окна, съ правой стороны, видна часть крыльца и пространство передъ нимъ. Вотъ мелькнула сѣренькая шапка и маленькая фигурка въ засаленномъ старенькомъ полушубкѣ, забѣлѣлись онучи. Это я знаю кто: первый мой ученикъ, гордость училища и примѣръ для учениковъ—Тихонъ Колесниковъ. Курсъ онъ, собственно, кончилъ уже три года назадъ. Учился отлично. Такъ какъ ему еще не было 11-ти лѣтъ, то учитель, мой предшественникъ, и предсѣдатель экзаменаціонной коммиссіи обязали его ходить еще годъ въ школу для закрѣпленія вынесенныхъ знаній. И онъ проходилъ не только одинъ этотъ годъ, но ходитъ вотъ уже и третій. Посѣщенія его отли-

чаются замѣчательною аккуратностью: не было дня, чтобы онъ пропустилъ урокъ безъ уважительной причины, не смотря ни на какую погоду и на то, что весь курсъ старшей группы онъ зналъ отлично, слѣдовательно, могъ иногда и пропускать уроки. Приходитъ онъ, обыкновенно, раньше всѣхъ и позже всѣхъ уходитъ. Вотъ и сейчасъ: дверь отворилъ тихохонько, также и затворилъ; прошелъ незамѣтно въ классъ и сѣлъ на свое мѣсто. Его рѣдко-рѣдко можно слышать въ классѣ. Говоритъ онъ, когда отвѣчаетъ въ классѣ, или разсказываетъ, не громко, но слова произноситъ отчетливо; только когда приходится обращаться къ нему съ внѣшкольными разговорами, то уже еле расслышишь. Закраснѣется весь, улыбается, чтобы скрыть смущеніе. Содержаніе же прочитанныхъ статей передаетъ связно и точно. Это замѣчательный чтецъ, онъ поглощаетъ книги такъ, что на него не напасешься. Школьную библіотеку перечитываетъ уже вторично. Я достаю ему книги на сторонѣ. Затѣмъ, онъ грамматически правильно пишетъ и хорошо излагаетъ свои мысли на бумагѣ. Онъ не только мастерски пишетъ пересказъ, но и статьи на самостоятельныя темы. Къ *учености* его Димитрій относится съ большимъ уваженіемъ и иногда прибѣгаетъ за совѣтами и справками въ затруднительныхъ случаяхъ: какъ написать вѣрнѣе, понять прочитанное или рѣшить задачку. Ученики тоже его уважаютъ и никогда не задѣваютъ.

Мы съ о. Александромъ, законоучителемъ нашей школы, всегда обращаемся къ нему, какъ къ кладезю всяческихъ знаній. Переспросишь всѣхъ учениковъ старшаго отдѣленія о чемъ-нибудь уже извѣстномъ, что они должны знать, и всѣ молчатъ, къ великому твоему огорченію.

— Ну-ка, Тихонъ Колесниковъ, — обращаешься къ нему,—скажи-ка ты.

И не было случая, чтобы онъ забылъ спрашиваемое правило или другое что и затруднился въ отвѣтѣ.

Одно нехорошо въ немъ — излишняя его застѣнчивость, доходящая до смѣшного. Бывало, утромъ, выйдя изъ училища, видишь его идущимъ съ книгами въ классъ. Тогда онъ непремѣнно постарается скрыться изъ глазъ, или завернетъ за уголъ дома, или спрячется за находящійся напротивъ хлѣбный магазинъ, и ужъ выждетъ тамъ, пока не уйдешь. Онъ—большакъ у родителей. Кромѣ него, есть еще маленькій братъ. Ни лошади, ни коровы у нихъ нѣтъ.

Тихона мы думаемъ пристроить въ какое-нибудь подхо-

дящее учебное заведеніе: въ фельдшерскую школу или учительскую семинарію. Это ужъ, такъ сказать, нравственный долгъ. Дѣло только въ томъ, что ни въ одно изъ этихъ учебныхъ заведеній по лѣтамъ онъ еще не подходитъ. Смущаетъ меня и его здоровье, на что нѣкоторые обращали вниманіе. Иногда во время уроковъ я замѣчаю на лицѣ его необыкновенный румянецъ, причемъ глаза его сверкаютъ подозрительнымъ блескомъ, и потомъ, сложеніе вообще у него не важное.

— Не болитъ у тебя ничего, Тихонъ?—спросишь его.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтитъ.

За Тихономъ начинаютъ сходиться ученики всѣхъ трехъ группъ. Приходятъ они по одиночкѣ и ватажками, человѣка въ три-пять и больше. Дверь безпрестанно хлопаетъ, пропуская струю холоднаго воздуха, который проникаетъ черезъ дверныя щели ко мнѣ. По крыльцу, а потомъ въ прихожей раздается рѣзкій стукъ ребячьихъ колодокъ, подвязываемыхъ ими къ лаптямъ и промерзшихъ отъ дальней ходьбы. Надо сказать, что ученики нашей школы всѣ и въ морозъ, и въ ростепель ходятъ въ лаптяхъ. Для предохраненія ногъ отъ сырости и забивающагося въ лапти снѣга, къ лаптямъ прикрѣпляются веревками деревянныя колодки. Эти колодки имѣютъ не болѣе вершка вышины и не пропускаютъ сырости лишь тогда, когда снѣгъ растворяется на такую же глубину, но въ ростепель, когда нога иной разъ по колѣно погружается въ снѣжную воду, колодки совсѣмъ не достигаютъ своего назначенія. Въ эту пору года только приходится дивиться приспособляемости ребячьихъ организмовъ, которая позволяетъ имъ безнаказанно цѣлый день ходить съ мокрыми ногами. При этомъ надо еще замѣтить, что и онучи ихъ, изъ обыкновеннаго домотканнаго бѣлаго сукна, служатъ отличными проводниками сырости. Въ сапогахъ у насъ въ школѣ найдется человѣкъ пять, не болѣе.

Сначала въ школѣ тихо. Ребята жмутся къ печкѣ, грѣются. Иные приходятъ степенно, неизмѣнно здороваясь со сторожемъ или просто со стѣнами, когда никого нѣтъ, не торопясь раздѣваются и садятся по своимъ мѣстамъ; другіе врываются шумно, внося сразу безпорядокъ и суету. Черезъ затворенную дверь комнаты я узнаю многихъ учениковъ не только своихъ группъ, но и младшей. И тутъ есть такіе, въ приходѣ и неприходѣ которыхъ бываешь заинтересованъ, хотя по настоящему всѣ бы должны быть для насъ одинаковы. Но

ужъ таково свойство человѣческой натуры. Старшіе ученики не смѣшиваются съ учениками другихъ группъ и примыкаютъ къ нимъ только любители побаловать. Они до начала уроковъ разбиваются парами и тройками и дѣлаютъ что-нибудь касающееся уроковъ: повѣряютъ задачки, прослушиваютъ другъ друга по закону, а то такъ окружаютъ Тихона, который, ко всему, горяздъ еще на всякія замысловатыя штучки. Къ старшимъ постоянно лѣзутъ средніе и младшіе, глазѣя на ихъ какіе-нибудь рисунки или доморощенныя задачки. У всѣхъ ребятъ, въ особенности старшаго отдѣленія, я давно подмѣтилъ страсть къ рисованію, и очень сожалѣю, что по неимѣнію времени не могу поощрить ее, удѣляя на рисованіе часть учебнаго времени. Выражается это у нихъ въ копированіи картинокъ въ книгѣ для чтенія и въ самостоятельныхъ попыткахъ изобразить какой-либо предметъ.

Классъ начинаетъ мало-по-малу наполняться шумомъ и гуломъ голосовъ, шмыганьемъ и топотомъ ногъ. Въ прихожей около печки настоящая давка. Одни разсказываютъ о своихъ вчерашнихъ похожденіяхъ, другіе спорятъ—у кого лучше книга и кто лучше читаетъ, третьи твердятъ разученное наизусть стихотвореніе, хвастаясь, кто лучше выучилъ. Вотъ двое учениковъ младшаго отдѣленія, родственники, которые пріѣзжаютъ въ школу верхомъ на лошади и потомъ пускаютъ ее одну домой. Старшій, бѣловолосый, съ вѣчно полураскрытымъ ртомъ, серьезенъ и дѣловитъ не по лѣтамъ. Онъ разсказываетъ о путешествіи изъ дома въ школу многочисленнымъ собравшимся вокругъ него ученикамъ дѣловито, спокойно, тѣ хохочутъ и переспрашиваютъ его. Ихъ особенно занимаетъ обстоятельство, какъ это лошадь одна возвращается домой и какъ это они вдвоемъ усаживаются на нее.

Время приближается къ девяти—началу занятій. Подъѣзжаютъ и подходятъ ученики изъ привилегированныхъ. Впрочемъ, у насъ ихъ немного: одинъ ученикъ и двѣ ученицы, изъ которыхъ одна учится въ старшей группѣ и чаще пріѣзжаетъ въ школу; другая учится въ младшей и ее обыкновенно сопровождаетъ работникъ или кто-нибудь изъ домашнихъ. Это—дочери здѣшнихъ коммерсантовъ. Держатся онѣ, большею частью, особнякомъ, такъ какъ товарокъ имъ еще нѣтъ: въ нашей школѣ, кромѣ нихъ, вовсе нѣтъ дѣвочекъ. Поступила, было, въ началѣ учебнаго года одна, да и та съ физическимъ недостаткомъ: хромая, ходившая при помощи костыля; она походила дня два и потомъ выбыла со-

всѣмъ. Мать, приводившая ее, сначала завѣряла, что они будутъ ее привозить въ школу, такъ какъ ей было неудобно по дальности разстоянія.

— Вѣдь, ей у насъ все одно въ чернички идти, и къ ученію она у насъ дюже охотится,—говорила она.

— Почему же въ чернички-то ей идти?

— Да потому, что убогенькая она, къ нашей крестьянской работѣ не пригодна...

III.

Является моя сотрудница. Пора начинать занятія. Ребята собираются на молитву не сразу. Нѣкоторыхъ не оторвешь отъ кадки съ водой. Они словно боятся, что послѣ напиться не успѣютъ, словно раньше нельзя было этого сдѣлать. Молитвы у насъ читаются наизусть, по заведенному разъ порядку, всѣ утреннія, какъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ молитвенникѣ. Читаетъ обыкновенно очередной по списку, онъ же и дежурный. Младшіе назначаются для чтенія уже тогда, когда научаются читать и выучиваютъ по книгѣ молитвы наизусть. Не смотря на это ежедневное чтеніе молитвъ, на ежедневную поправку чтецовъ, не всѣ ученики правильно читаютъ: либо пропустятъ что, либо переиначатъ слова. Тщетно наказываешь имъ и заучивать какъ слѣдуетъ, и читать передъ сномъ и утромъ,—все полнаго знанія не достигается. Напримѣръ, я до сихъ поръ не добьюсь, чтобы они произносили въ символѣ—„судите живымъ и мертвымъ“, а не „живыхъ и мертвыхъ“. Объясняю я это слишкомъ мудренымъ для крестьянскихъ дѣтишекъ языкомъ церковно-славянскимъ и неудобопонятностью смысла. Это замѣтно и изъ того, что стихотворенія они, напр., заучиваютъ буквально, безъ искаженія словъ.

По стѣснившейся въ младшемъ классѣ, гдѣ читается молитва, толпѣ учениковъ, по рѣдинамъ въ ней, я замѣчаю, что нынѣшній холодъ, по обыкновенію, лишилъ насъ нѣсколько учениковъ. Молитва кончена. Ребята разсаживаются по мѣстамъ, нѣкоторые неисправимые опять-таки протискиваются къ кадкѣ съ водой или же подъ шумокъ выбѣгаютъ на дворъ.

Перекличка открываетъ, кого не достаетъ сегодня.

— Отчего Василій Ѳоминъ не пришелъ?

— Студено, говоритъ, дюже... Ему далеко...

— Ну, а Петра Тинякова почему нѣтъ? Вѣдь ему близко...

— У него лапти разбились, не въ чемъ идти...

Досаднѣе всего бываетъ, когда не приходятъ хорошіе ученики: надо начинать новое, а ихъ нѣтъ; приходится либо откладывать новое и пробавляться старымъ, или идти дальше, что тоже неудобно. Два названные ученика средняго отдѣленія принадлежатъ къ числу способныхъ,—первый, вдобавокъ, беретъ еще своей смирнотой и скромностью, второму вредитъ его шаловливость. А вотъ еще цѣлая парта въ среднемъ отдѣленіи пустуетъ. Тутъ ужъ заранѣе знаю, въ чемъ дѣло. На этой партѣ сидятъ, какъ я ихъ называю, „отпѣтые“. Это временно пересаженные въ среднее отдѣленіе изъ младшаго, да такъ въ немъ и оставшіеся. Дѣло въ томъ, что въ началѣ учебнаго года младшее отдѣленіе было переполнено, а „отпѣтыхъ“, какъ слабѣйшихъ по знаніямъ, рѣшено было еще на годъ оставить въ младшемъ. Читали они еще сносно. Главная же слабость ихъ была ариѳметика. Поэтому, когда въ младшей группѣ проходились звуки, не было смысла оставлять ихъ тамъ: они бы тамъ только шалили, а потомъ какъ-то само собой вышло, что они остались въ средней группѣ. Насчетъ шалостей это были мастера первой руки. Пробовалъ я разсаживать ихъ между хорошими учениками и посредственными, но это не помогало: балуясь сами, они втягивали въ баловство и тѣхъ. Кромѣ того, къ сидѣнью вмѣстѣ съ ними и эти другіе ученики относились несочувственно и старались всячески выжить ихъ отъ себя.

Первый урокъ у меня ариѳметика, чередующаяся между старшимъ и среднимъ отдѣленіями: день начинаю этотъ урокъ въ одномъ, другой въ другомъ. Ариѳметика берется для перваго урока какъ наиболѣе серьезный предметъ, дающійся вообще ребятамъ труднѣе, въ особенности рѣшенія задачъ. А тутъ на свѣжія-то головы думаешь достигнуть лучшихъ результатовъ. Начинаю съ старшихъ. Эти, за исключеніемъ одного, всѣ на лицо. Въ среднемъ нѣтъ десяти; итого отсутствуетъ на сегодня 11. Я прочитываю изъ задачника очередную задачку, вызываю ученика, который и записываетъ ее на классной доскѣ; другіе записываютъ въ грифельныя доски. Задача повторяется однимъ—двумя учениками съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни одного не пропускать при повтореніи. Такимъ образомъ, задачка задана. Остается рѣшить ее. Тихонъ рѣшаетъ первый. Я обхожу учениковъ и смотрю, какъ кто рѣшаетъ; при уклоненіяхъ стараюсь подвести ученика къ рѣшенію посредствомъ наводящихъ вопро-

совъ. Тутъ представляется ученикамъ большой соблазнъ по части списыванья задачки у сосѣдей, отличающихся способностью болѣе или менѣе быстро усваивать суть задачъ. Вопросъ: какъ избѣгнуть этихъ нежелательныхъ уклоненій? Стараюсь достигать этого разсаживаніемъ учениковъ, благо позволяетъ мѣсто, отдѣленіемъ хорошо рѣшающихъ отъ слабыхъ, а главное—силою убѣжденія во вредѣ этого. Не всѣ ученики относятся къ этимъ мѣрамъ какъ должно; нѣкоторые и обходятъ ихъ, и ухитряются списывать задачки у товарищей. Такіе ученики очень скоро попадаются. Спросишь, какъ рѣшалъ; онъ, конечно, послѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ словъ, умолкаетъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ списывателей — Яковъ Сидоровъ, или по уличному Бобровъ. Маленькій, бѣленькій, круглолицый, съ быстро бѣгающими глазами, онъ не отличается способностями, особенно къ ариѳметикѣ, но онъ и не безнадежный тупица. Въ среднемъ отдѣленіи онъ отличался баловствомъ и лѣнью; съ переводомъ въ старшее нѣсколько посмирнѣлъ и остепенился, если и балуетъ, то больше втихомолку. Иногда прямо-таки поражаешься, какъ это онъ ухитряется списывать задачку и у кого. Сейчасъ смотришь — у него совсѣмъ получается не то, или вовсе ничего нѣтъ на доскѣ, и онъ думаетъ надъ рѣшеніемъ. Только отвернешься немного и потомъ подойдешь къ нему—у него ужъ не то, и онъ съ самой серьезной рожицей, дѣловито, выписываетъ задачку въ строчки. Смотришь у сосѣдей—тѣ еще рѣшаютъ, начинаешь спрашивать объясненія — непремѣнно собьется на нѣтъ. Послѣ дѣло-то объяснилось очень просто. Старшимъ я задаю на домъ задачки, слѣдующія по порядку въ задачникѣ. Рѣшенныя задачи они приносятъ на просмотръ мнѣ, причемъ выписываютъ ихъ на бумажкахъ по строчкамъ. Рѣшаютъ неравно: иные больше, иные меньше. Нѣкоторые по приходѣ оставляютъ свои книги и всѣ работы въ столѣ, а сами уходятъ играть до начала занятій. Вотъ Яковъ-то здѣсь и пользуется случаемъ и преспокойно списываетъ рѣшенныя задачки, задаваемыя и очередныя.

Вотъ еще ученица изъ привилегированныхъ—Ольга Куркина. Она замѣчательно благонравна и не смѣла до робости, такъ что когда отвѣчаетъ что-нибудь мнѣ или о. Александру постоянно опускаетъ глаза долу и сначала порозовѣетъ, потомъ поблѣднѣетъ. Я слышалъ, что запугалъ ее отецъ излишнею строгостью. Этимъ онъ думаетъ успѣшнѣе привить ей

просвѣщеніе, а вмѣсто этого, какъ водится, привилъ ей чрезмѣрную робость, доходящую до запуганности. Ольга у меня въ классѣ единственное ситцевое пятнышко на фонѣ холстинныхъ рубахъ, сермяжины и лаптей, щеголяющая нѣкоторою изысканностью костюма. Всегда она является въ классъ скромненько, но чисто одѣтою и причесанной, что дѣлаетъ, конечно, честь ей и ея родителямъ. Вообще же наши школяры, за исключеніемъ Тихона Колесникова, всегда отличающагося бѣлизной своей рубашки, не отличаюгся опрятностью одѣянія, за это было уже мнѣ замѣчаніе отъ начальства съ включеніемъ его въ ревизіонную книгу. Нѣкоторые ученики носятъ рубахи и штаны прямо-таки по мѣсяцамъ. Конечно, ведешь съ ними изъ-за неряшества систематическую борьбу и все-таки результатовъ настоящихъ не достигаешь. На иныхъ, дѣйствительно, бываетъ не хорошо смотрѣть: передъ тобой сидитъ какой-то комокъ грязи. Видя постоянно такихъ учениковъ передъ глазами, какъ-то ужъ присматриваешься къ нимъ, привыкаешь, но на свѣжаго человѣка, я понимаю, они должны производить удручающее впечатлѣніе.

— Когда же ты перемѣнишь рубаху?—обращаешься къ одному изъ такихъ неисправимыхъ чумичекъ.

— Да у меня только одна рубаха и естъ, — говоритъ тотъ въ свое оправданіе.

— У него матери нѣтъ,—поясняютъ другіе ребята, его сосѣди. Тотъ кукситcя и подноситъ грязнѣйшій рукавъ къ глазамъ.

Предъ такимъ аргументомъ приходится пасовать. Такихъ сиротъ найдется у меня человѣка четыре. За то досадно бываетъ, когда знаешь, что имущественное положеніе родителей сносно, иногда даже и хорошо, родители живы, и онъ все-таки щеголяетъ въ грязнѣйшемъ бѣльѣ. Тутъ опять являются мнѣ на помощь сами же ребята, изобличая такого замарашку.

— У нихъ пять скирдовъ хлѣба стоитъ, да лошадей однѣхъ десять инда,—наперерывъ объявляютъ они.

Съ такими обыкновенно не церемонишься, строго-настрого наказывая имъ перемѣнить на другой день бѣлье. Моя сотрудница, ранѣе меня поступившая въ эту школу, разсказывала, что нѣкоторые родители поступавшихъ учениковъ отнеслись крайне непріязненно къ этимъ требованіямъ чистоты и побрали своихъ дѣтей изъ школы, подбивая и

другихъ къ тому же. Тоже недовольство проскальзываетъ и сейчасъ. Вотъ и лавируй тутъ между Сциллой и Харибдой, между требованіями начальства и взглядами населенія.

Извиненіемъ ребячьей неряшливости служатъ отчасти самыя условія ихъ жизни и обстановки, отъ земляныхъ половъ ихъ жилищъ, на которыхъ они въ большинствѣ спятъ въ той же одеждѣ, до неудобства, сопряженнаго съ частымъ мытьемъ бѣлья зимою, тѣмъ болѣе, что въ селѣ нѣтъ даже рѣчки для полосканья и водой для этого приходится пользоваться изъ колодцевъ. О баняхъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ; моются первобытнымъ образомъ, на морозѣ и рѣдко.

Ольга Куркина по ариѳметикѣ довольно слаба. Она иногда, какъ замѣтно, прибѣгаетъ къ позаимствованію готоваго у сосѣдей, тѣмъ болѣе, что за нею какъ разъ вся парта настоящихъ математиковъ съ Тихономъ во главѣ. Однако, она добросовѣстнѣе въ этомъ случаѣ Якова и прибѣгаетъ къ позаимствованіямъ только тогда, когда ужъ не можетъ совсѣмъ рѣшить. Она и трудолюбива, хотя иногда, бываетъ, и полѣнивается-таки, что отражается на приготовленіи уроковъ. Хотя она у насъ одна только ученица, но имѣетъ замѣтное вліяніе на облагороженіе ребячьихъ нравовъ, особенно въ старшей группѣ. Они держатъ себя солиднѣе при ней, одѣваются опрятнѣе и особыхъ шалостей себѣ не позволяютъ.

Задача подходитъ къ концу. Вдругъ, среди сравнительной тишины класса, раздается хлопанье сѣнныхъ дверей и стукъ промерзшихъ колодокъ, наша классная дверь съ шумомъ распахивается и въ нее вваливается ватага „отпѣтыхъ" съ рыжимъ Батищевымъ во главѣ. Лица у нихъ, не смотря на холодъ, разгоряченныя, волосы слегка прихвачены пòтомъ ко лбу. Они нѣсколько смущены. Степанъ Батищевъ, рыжій, по обыкновенію, какъ угорь, или, лучше, теленокъ, кружитъ головой, словно стараясь спрятаться на глазахъ всѣхъ. Повторяется неизмѣнная сцена.

— Отчего такъ поздно пришелъ и они тоже?

— Да намъ *далеко*, — таращa изподлобья глаза, говоритъ за всѣхъ Батищевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—предупреждаютъ ребята,—они это нарочно: играли въ шары все время, они всегда такъ-то!..

Опоздавшіе оставляются мною безъ мѣста, т.-е. остаются стоять до конца урока. Теперь ужъ я окончательно убѣждаюсь, что они дорогой преспокойно занимаются игрой, на ходу, такъ сказать, и это продѣлывается ими уже не разъ.

Этотъ Батищевъ феноменъ въ своемъ родѣ, но только феноменъ особенный, такъ сказать, отрицательнаго свойства. Во всемъ классѣ нѣтъ баловнѣе и тупѣе его. Какъ ни взглянешь на него, постоянно на лицѣ его смѣхъ, кривитъ губы безсмысленная улыбка; скоситъ онъ при этомъ глаза и растянетъ ротъ до ушей, да еще фыркаетъ вдобавокъ. И самъ смѣется, и своихъ сосѣдей, такихъ же „отпѣтыхъ", смѣшитъ. Я съ нимъ не мало уже бился, пока онъ хоть нѣсколько отполировался, т.-е. сталъ вести себя получше. Правда, и физіономія его вызывала невольно улыбку: рыжій, почти красный, съ блѣдно-голубыми глазами и веснушчатымъ краснымъ лицомъ, онъ вдобавокъ былъ еще косноязыченъ. Оказалось послѣ, что онъ ходитъ въ школу уже третью зиму. Мой предшественникъ, выведенный изъ терпѣнія его шалостями и тупостью, исключилъ, было, его изъ училища; то же совѣтовалъ мнѣ сдѣлать и о. Александръ, но мнѣ жаль было поступить съ нимъ такъ, тѣмъ болѣе, что мѣста свободныя были; все, думалось, выйдетъ изъ него какой-нибудь толкъ. Не говоря о счисленіи, которое положительно ему не давалось, онъ и читать доселѣ не могъ иначе, какъ страшно искажая слова и повсюду приставляя къ нимъ союзъ *и*. Онъ былъ изъ зажиточнаго семейства, и вотъ за неряшество часто приходилось его пробирать, потому что онъ по мѣсяцамъ не мѣнялъ бѣлья.

По рѣшеніи задачи, рѣшившій ее на классной доскѣ объяснялъ рѣшеніе, другіе свѣрялись въ своихъ доскахъ съ рѣшеніемъ и слушали объясненіе. Я задалъ другую задачу, вызвалъ другого ученика къ доскѣ. Тихонъ опять не заставилъ себя ждать и рѣшилъ ее первымъ. Такимъ образомъ рѣшили мы за урокъ три задачи, а урокъ положенъ у насъ часовой. Этого, конечно, недостаточно, но бываетъ, что попадется трудная задача—и двѣ, даже одну рѣшишь; вообще это уже хорошо, когда удастся за урокъ рѣшить задачъ пять. Урокъ кончается. Ребята расправляютъ уставшіе члены и дружно выходятъ изъ-за партъ. Дверь съ трескомъ растворяется Батищевымъ, устремившимся къ ней однимъ изъ первыхъ. Классы оглашаются шарканьемъ ногъ, возгласами. Младшіе тоже повскакали съ своихъ мѣстъ и смѣшались съ моими. Атмосфера въ младшемъ классѣ, не смотря на открытую форточку, какая-то пыльнопромозглая, не знаю, какъ у меня, гдѣ, впрочемъ, пыли не занимать стать. Пыль эта, мельчайшая и несноснѣйшая, носится въ воздухѣ повсюду;

она образуется отъ ребячьихъ одеждъ и обуви и поднимается ими съ пола ногами.

Моя сотрудница говоритъ, что Димитрій сегодня переусердствовалъ, загоняя побольше тепла въ классы, и подпустилъ немного угарцу. Пострадали отъ него сидящіе около печки и отдушниковъ. Вьюшки, поэтому, у трубъ открываются. Димитрій недоволенъ: говоритъ, что простынетъ обѣдъ. Я тоже съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ объ этомъ помышляю, но что дѣлать: общіе интересы важнѣе частныхъ, и я приношу себя въ жертву. Надо сказать, что русской печки у насъ въ школѣ нѣтъ, и обѣ такъ-называемыя здѣсь „грубы".

Мы съ сотрудницей пробираемся ко мнѣ въ комнату. Здѣсь довольно прохладно. Окна отходятъ еще плохо. Мы садимся по бокамъ стола и начинаемъ говорить. Говоримъ о злобахъ дня: сколько у кого не пришло учениковъ (у нея, оказывается, двѣнадцати не явилось сегодня), о холодѣ и разныхъ училищныхъ нуждахъ: того-то не хватаетъ, то-то слѣдуетъ завести. Ребята шумно воюютъ. Въ классахъ дымъ коромысломъ. То я, то собесѣдница выходимъ для усмиренія расходившихся. Ребята безпрестанно отворяютъ дверь и глазѣютъ на внутренность моей комнаты. Вотъ одинъ явился съ жалобой.

— Что ты?

Молчитъ и всхлипываетъ, не отнимая рукъ, ладонями кверху, отъ глазъ.

Снова вопросъ и снова всхлипыванія.

— У меня Ни-ко-ла-ай Халѣевъ хлѣбъ по-ѣ-ѣлъ...

Нечего дѣлать, надо идти дѣлать разслѣдованія.

— Ты поѣлъ у него хлѣбъ?

— Нѣтъ, не ѣлъ... Я свой ѣлъ... Спросите вонъ у Клязьмина.

И обвиняемый съ видомъ полнѣйшей невинности таращитъ глаза на насъ.

— Онъ, онъ, мы видѣли, — кричатъ окружающіе насъ ребята.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричатъ другіе, но робко и нерѣшительно.

Въ этихъ случаяхъ всегда раздѣляются на партіи, и у нашалившаго всегда находятся сторонники, его товарищи.

Хлѣбъ изслѣдуется у заподозрѣннаго; оказывается, дѣйствительно, хлѣба у него много, какъ будто и не трогалъ вовсе.

— Сколько было хлѣба у Рыбникова?

Ребята услужливо показываютъ.

— Вотъ эдакій шматокъ былъ,—говорятъ они, показывая на хлѣбъ руками, сколько его было.

Взываемъ къ доброй волѣ похитителя, чтобы возвратилъ похищенное, а такъ какъ онъ противится, то у него приходится отчуждать долю потерпѣвшаго, уже съѣденную. Потерпѣвшій успокоительно всхлипываетъ, а провинившійся надувается какъ клещъ.

Съ этимъ разбирательствомъ перемѣна нѣсколько затянулась. Зовемъ на мѣста. Такъ какъ приходится сзывать голосомъ, потому что колокольчика у насъ не имѣется, то собираются не сразу. Но вотъ пришелъ послѣдній запоздалый. Двери затворяются, все замолкаетъ. Начинаются занятія. Теперь у меня ариѳметика съ средними, у которыхъ первый урокъ былъ самостоятельныя письменныя упражненія по русскому. Старшіе разучиваютъ наизусть стихотвореніе. Начинаемъ съ письменныхъ упражненій съ показаніемъ новаго случая умноженія и дѣленія. На этотъ разъ ребята оказываются въ ударѣ и усвоиваютъ новое довольно быстро. Убѣдившись, что они усвоили это, даю задачу. Порядокъ рѣшенія тотъ же, что у старшихъ. Одну рѣшили, даю другую. То же самое. На слабыхъ, которыхъ въ среднихъ-таки наберется, я махнулъ уже рукой. Сначала хотѣлъ ихъ подровнять и занимался съ ними даже отдѣльно по воскресеньямъ, но они оказались неисправимы; такъ я ихъ и бросилъ на произволъ судьбы. Теперь они пробавляются больше списываньемъ и такъ изощрились въ этомъ, что иногда вводятъ въ заблужденіе: думаешь, рѣшаютъ самостоятельно. Сидитъ, напримѣръ, такой субъектъ отъ хорошаго ученика на почтительномъ разстояніи, заглянуть къ нему въ доску ему нельзя, а между тѣмъ задачка, смотришь, у него рѣшена вѣрно. Ужъ какъ они ухитряются — не понимаю. Вотъ еще одинъ изъ такихъ учениковъ, Гаврила Батищевъ. Онъ уже второй годъ въ среднихъ, старичекъ. Ему тринадцать уже лѣтъ, четырнадцатый, а между тѣмъ, ростомъ онъ съ восьмилѣтняго, буквы *ш* до сихъ поръ не выговариваетъ. Типиченъ онъ чрезвычайно: голова большая и косматая, носъ смѣшно вздернутъ и ротъ полуоткрытъ; говоритъ какимъ-то гортаннымъ неровнымъ голосомъ. Онъ самый неисправимый изъ замарашекъ въ училищѣ; вѣчно рубаха его и одежда до онучъ включительно бываетъ чернѣе грязи и вдобавокъ рубаха на

рукавѣ или еще гдѣ разорвана, виситъ клочками. И съ его такою неряшливостью поневолѣ приходится мириться, потому что матери у него нѣтъ, а отецъ на линію ушелъ и онъ самъ проживаетъ у дяди; значитъ, полусирота, что называется. Вотъ по поводу его знаній я и недоумѣваю. Иногда посмотришь у него задачу—вѣрно.

— Ты списалъ?

— Нѣтъ, самъ рѣсилъ, не списывалъ.

И даже обиженный видъ сдѣлаетъ.

Вызываю его къ доскѣ, даю задачку. Рѣшаетъ. Видно, что человѣкъ соображаетъ, шепотомъ вычисляетъ и закатываетъ даже глаза подъ лобъ. Рѣшилъ — и сталъ этакимъ фертомъ.

— Ну, какъ же ты рѣшилъ, говори.

Объясняетъ, хотя и спутанно, съ поправками.

— Ну, а раздѣли мнѣ 288 на 8.

Начинаетъ соображать, шевелитъ губами и поднимаетъ глаза кверху.

— Сто,—выпаливаетъ онъ, наконецъ.

Ребята фыркаютъ. Гаврила, думая поправиться, говоритъ число за числомъ, и все невпопадъ.

— Тысся, — наконецъ, окончательно выговариваетъ онъ и такъ и останавливается на этомъ.

Между тѣмъ, на доскѣ сейчасъ раздѣлилъ вѣрно сходныя съ заданнымъ числа. Его наводишь на рѣшеніе, заставляешь дѣлимое расчленять на части и потомъ дѣлить по частямъ—ничего не помогаетъ.

— Садись уже,—говорю ему, и спрашиваю о томъ же у другого слабаго ученика. Тотъ отвѣчаетъ вѣрно, да ужъ и нельзя не отвѣтить, потому что ребята по своей скверной привычкѣ уже успѣли выскочить съ отвѣтомъ. Это подсказыванье тоже не малое зло, съ которымъ приходится вести безпрестанную борьбу и все-таки искоренить его вполнѣ не удается. Дѣйствую въ этомъ случаѣ убѣжденіемъ во вредѣ подсказываемаго для нихъ же, разными взысканіями и думаю, что систематическимъ, твердымъ преслѣдованіемъ зла достигну цѣли.

Вторая перемѣна. Ребята въ безпорядкѣ тѣснятся въ проходѣ.

— Батюшка пришелъ,—объявляетъ кто-то изъ старшихъ, торопливо вбѣгая въ классъ.

— Батюска присолъ, — подтверждаетъ и Гаврила, уже успѣвшій побывать на дворѣ и съ шапкою въ рукахъ.

Вѣсть эта проносится между старшими и средними. Старшіе вынимаютъ св. исторію изъ сумокъ и, положивъ передъ собой и позаткнувъ уши, начинаютъ подчитывать заданный урокъ по закону.

О. Александръ стоитъ въ моей комнатѣ и бесѣдуетъ съ учительницей. Опять тѣ же разговоры: о холодахъ, ученикахъ, дешевизнѣ хлѣба до политики—армянскаго вопроса и японско-китайской войны включительно.

— А на селѣ опять, слышно, горячка бродитъ: у Ѳоминыхъ малый заболѣлъ, не пришелъ нынче,—говоритъ учительница.

— Да когда она у насъ, спросите, переводилась, горячка-то эта самая! только лѣтомъ и весной и отпустило-то маленько... Вотъ нынче ночью только вздремнулъ было—стучатъ...

— Кто тамъ, говорю, узнайте... — Отъ Прониныхъ, говорятъ, пріѣхали...—Вотъ-те разъ, думаю,—кто у нихъ боленъ-то?—спрашиваю.—Да Семенъ, говорятъ, самъ.—Я себѣ опять: вотъ такъ штука! Намедни еще, да когда, бишь? Во вторникъ видѣлъ его. Дѣлать нечего, встаю, ѣду... Холодъ былъ на дворѣ... Пріѣзжаемъ — ребятишки кричатъ, жена его съ ногъ сбилась, а онъ безъ памяти и языка лежитъ... — Отчего раньше, говорю, не послали? Досадно, знаете... А жена мнѣ: Въ одночасье это съ нимъ... Напутствовалъ я его съ трудомъ, а теперь, слышу, померъ ужъ, хоронить завтра... А мужикъ-то, мужикъ-то какой былъ!.. Вы его видѣли? Дубъ мужикъ, одно слово, да умница, смирный, вѣжливый...

Мы пожалѣли покойника, потужили о его семьѣ — ребята малъ-мала меньше—и умолкли. Жутко сдѣлалось вдругъ, полнѣйшею безпомощностью повѣяло изъ глубины этихъ занесенныхъ снѣгомъ уличекъ и переулковъ сельскихъ, что виднѣются изо всѣхъ оконъ школы.

„Вотъ оно человѣческое существованіе-то въ деревнѣ“, думалось въ это время: „такъ-то и съ тобой можетъ случиться: занеможешь въ „одночасье“, а помочь некому“.

А на дворѣ бушуетъ непогода. Вѣтеръ жалобно завываетъ въ трубѣ...

IV.

Конецъ и второй перемѣнѣ. Третій урокъ. О. Александръ занимается со старшими, у меня съ среднимъ идетъ урокъ объяснительнаго чтенія. Мы другъ другу не мѣшаемъ, хотя

нѣкоторые изъ ребятъ той и другой группы отвлекаются отъ своего предмета чужимъ: изъ старшихъ прислушиваются къ чтенію, уроку среднихъ, средніе развѣшиваютъ уши въ сторону старшихъ. Очередная статейка читается по частямъ каждымъ ученикомъ по порядку, чтеніе каждаго поправляется мною и объясняется значеніе словъ, а разъ этого недостаточно—надо еще пополнить объясненіе какимъ-нибудь разсказомъ, касающимся объясняемаго слова или понятія. Самъ разсказываешь, а между тѣмъ, смотришь на часы: а то, бываетъ, увлечешься—и не кончишь статейки, не переслушаешь чтенія всѣхъ. Поневолѣ приходится втискивать урокъ въ рамки. Затѣмъ, прочитанное разказывается учениками. Нѣкоторые читаютъ почти безъ поправки, твердо, отчетливо, духъ радуется, ихъ слушая; и ударенія, и интонаціи,—словомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Вотъ одинъ изъ такихъ учениковъ, Борисъ Прасоловъ, замѣчательно симпатичный мальчуганъ, серьезный не по лѣтамъ какъ-то: ему всего тринадцать лѣтъ. Онъ по всѣмъ предметамъ идетъ у меня молодцомъ, только немножко вредитъ ему правописаніе, которое у него хуже другихъ. Онъ, кажется, не отличается хорошимъ здоровьемъ: блѣденъ, грудь впалая и узкія плечи. Подкупаетъ онъ своею наружностью; въ сѣрыхъ глазахъ его видна мысль. Разсказываетъ онъ немножко медлительно, но плавно и отчетливо, причемъ глаза смотрятъ какъ-то сквозь тебя. Онъ не говоритъ по книжному; иногда ввернетъ и чисто мѣстное выраженіе вродѣ: „пыль“, „дюже“ и др., но оно у него выходитъ къ дѣлу, а не такъ, какъ у другихъ, зря...

Вдругъ отворяется съ трескомъ дверь—она всегда у насъ такъ-то—изъ-за нея просовывается бабья голова, закутанная до самыхъ глазъ въ платокъ.

— Что тебѣ, тетка?

Она выступаетъ совсѣмъ изъ дверей.

— Гдѣ тутъ мой-то? не вижу, дюже ихъ у васъ много,—говоритъ она, приглядываясь къ ребятамъ.

Ребята таращутъ глаза на бабу и улыбаются. Эта сцена, хотя онѣ часто у насъ наблюдаются, всегда занимаетъ ихъ.

— Да кто онъ *твой-то*?

— Да Ванька...

— Какой Ванька? Ихъ вѣдь у насъ много...

— Да Исаковъ Ванька...

Дѣло выясняется.

Самъ виновникъ несвоевременнаго визита конфузливо улы-

бается, опустивъ глаза въ землю, а между тѣмъ молчитъ, когда идутъ разспросы.

— Тебѣ его зачѣмъ надо-то?

— Да вотъ лепешекъ ему принесла, даве-то онъ не дождался, все боялся—опоздаетъ.

И баба передаетъ свертокъ съ лепешками по назначенію, а сынишка ея еще болѣе конфузится во время этой процедуры и поспѣшно прячетъ узелокъ въ сумку.

Заботливая мать уходитъ. Занятія, прерванныя этой сценой, продолжаются. У о. Александра обычная исторія: Яковъ Сидоровъ не знаетъ урока. Сказалъ нѣсколько словъ сначала—и замолкъ безнадежно, не смотря на вспомогательные вопросы. О. Александръ сокрушенно смотритъ на него, тотъ уставился въ полъ. Зловѣщее молчаніе.

— Ну, садись ступай, — со вздохомъ говоритъ о. Александръ и вкатываетъ въ журналѣ Якову единицу, вызывая отвѣчать урокъ другого.

Стрѣлка на школьныхъ часахъ быстро подвигается къ часу. Послѣдняя статейка прочитана всѣми и потомъ вся цѣликомъ еще мною. Урокъ конченъ. Въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ начинаетъ чувствоваться утомленіе; тянетъ присѣсть. Опять классъ наполняется шумомъ и гуломъ, опять дверь поминутно хлопаетъ, отворяясь и затворяясь. Рѣзкій сквознякъ прохватываетъ до костей, когда проходишь прихожей въ свою комнату: дверь отворена и форточка напротивъ нея также; весьма неудобная вентиляція.

О. Александръ недоволенъ: не особенно хорошо, по его словамъ, отвѣчали урокъ. Онъ также утомился, съ средними не думаетъ заниматься. Выкуривъ папиросу, онъ прощается съ нами и уходитъ изъ училища. А у насъ еще два урока. Говорить ужь не хочется: голосъ усталъ, горло.

— По мѣстамъ, по мѣстамъ! — зовемъ ребятъ. Они собираются. Среднимъ я даю самостоятельную работу: численныя упражненія, и съ старшими начинаю урокъ объяснительнаго чтенія. Начинаю съ Тихона. Читаетъ онъ, какъ я уже сказалъ, замѣчательно даже для своего исключительнаго положенія, просто заслушаешься; передаетъ прочитанное почти буквально. Книга ему, конечно, знакомая, но не настолько, чтобы онъ могъ такъ ее знать, чтобы передавать содержаніе прочитанныхъ статей точь-въ-точь не по словамъ, а по смыслу, отступая отъ этого лишь тогда, когда попадется слишкомъ мудреное или витіеватое предложеніе. Слѣдующій читаетъ

Андрей Плутохинъ, мальчуганъ тоже славный, только немного упрямый и застѣнчивый. Рожица у него такая привлекательная и вмѣстѣ съ тѣмъ плутоватая; взглядъ веселый и ясный. Густые темные волосы падаютъ ему на лобъ, какъ онъ ихъ ни приглаживаетъ, и онъ такъ смѣшно ими встряхиваетъ, когда они налѣзаютъ ему на глаза. Читаетъ онъ порядочно, но какъ-то скрадываетъ окончанія словъ, съ особенною мягкостью произнося. У него есть двоюродный братъ, Кузьма, съ которымъ они вмѣстѣ живутъ. Онъ тоже учился въ нашей школѣ и лишь недавно выбылъ изъ старшаго отдѣленія, куда онъ поступилъ вмѣстѣ съ Андреемъ. Онъ однихъ лѣтъ съ Андреемъ, но второй кажется старше его. По внѣшности онъ тоже выдѣляется изъ общаго уровня. Въ средней группѣ онъ учился лучше, чѣмъ когда поступилъ въ старшую. Здѣсь онъ сталъ манкировать, небрежничать и, наконецъ, въ одинъ день не явился въ училище. Спрашиваю — оказывается, не хочетъ идти, залѣнился. Я нѣсколько разъ посылалъ за нимъ и все безуспѣшно.

— Убѣгъ въ огородъ, говорятъ, и затаился...

Наконецъ, онъ прислалъ и книги, и такимъ образомъ, ликвидировалъ свои дѣла со школой. Мнѣ было его жаль, какъ способнаго ученика. Тѣмъ болѣе это было досадно, что я передъ началомъ учебнаго года бралъ его въ числѣ трехъ учениковъ на сельско-образовательную выставку, съ отдѣломъ и по народному образованію, въ нашемъ губернскомъ городѣ В*. Ѣздилъ тогда и Тихонъ.

Какъ урокъ объяснительнаго чтенія, такъ сейчасъ дѣлается ощутительнымъ пробѣлъ въ нашей школѣ по части учебныхъ пособій: у насъ очень ограниченное количество наглядныхъ пособій; только и есть, что глобусъ, магнитъ и картины по св. исторіи, этнографіи и географическія карты, да и то не всѣ. Читаешь, напримѣръ, статью въ средней группѣ по Баранову, ч. II—о „Строеніи человѣческаго тѣла“, а наглядно показать этого не на чемъ, кромѣ маленькихъ рисунковъ въ имѣющихся въ нашей библіотечкѣ книжкахъ. Точно также и въ старшей группѣ. Читаемъ статью по III книгѣ Баранова же—„Горная страна“, а у ребятъ очень смутное понятіе о горахъ вообще и о горныхъ породахъ, хотя на словахъ стараешься дать имъ понятіе объ этомъ. Я не говорю уже о такихъ недосягаемыхъ предметахъ, какъ электричество, явленіе грозы; это уже прямо объясняешь на вѣру. Кстати о горахъ. Одинъ у меня ученикъ старшей группы

побывалъ съ отцомъ на линіи и видѣлъ издали Кавказскія горы, о чемъ и заявилъ при моемъ объясненіи. Я попросилъ его объяснить, какія онѣ ему показались, передать свое впечатлѣніе. Онъ оживился и разсказалъ:

— Бѣлыя онѣ такія, глядѣть инна больно... Похоже какъ на шапку какую... А бѣлыя, говорятъ, онѣ оттого, что снѣгъ на нихъ лежитъ... Еще говорятъ, верстъ триста до нихъ будетъ, а видать—совсѣмъ близко...

Этого ученика, Прокофія Ѳомина, я тоже отличаю отъ рядовыхъ учениковъ. Онъ уже порядочный по возрасту: ему идетъ 15-й годъ. Скроменъ и старателенъ, любитъ читать и передаетъ прочитанное умѣло, не упуская изъ виду главной мысли. У него интеллигентное лицо: нѣсколько мечтательные сѣрые глаза, тонкій продолговатый носъ и свѣтлые, слегка вьющіеся волосы. Въ прошломъ году, чуть не въ срединѣ учебнаго года, отецъ взялъ его изъ средней группы, почему, посаженный мною въ началѣ нынѣшняго года въ старшую, онъ не совсѣмъ перевариваетъ матеріалъ по ариѳметикѣ и русскому безъ достаточнаго усвоенія проходимаго въ средней. Отецъ взялъ его потому, что былъ онъ нуженъ дома: ходили на линію на заработки. Живетъ онъ на дальнемъ концѣ села, версты за 2 отъ школы, такъ что концы ему приходится дѣлать порядочные. Ничего, когда погода хорошая, но когда сильные холода, какъ теперь, или ростепель, вьюга, тогда плохо. Придется въ весеннюю распутицу оставлять такихъ при училищѣ, хотя у насъ общежитія не полагается, и это нѣсколько стѣсняетъ, конечно.

У среднихъ не совсѣмъ спокойно: хихиканье и возня. Слышится это съ задней парты, гдѣ сидятъ „отпѣтые". Надоѣло имъ списывать задачки у другихъ; всѣ шеи, поди, повывернули, вытягивая ихъ по направленію сосѣднихъ партъ. Я сначала дѣлаю видъ, что не замѣчаю, а самъ высматриваю, въ чемъ дѣло. Вотъ и средняя парта, на которой сидитъ Василій Тиняковъ, всегда готовый поддержать всякую шалость, тоже заволновалась.

Что же дѣлается на задней партѣ и кто зачинщикъ? Оказывается, рыжій Батищевъ налѣпилъ на лобъ кружокъ изъ бумаги, скорчилъ страшную рожу, которая и безъ того у него рожа, и то прячется, то выныриваетъ такъ изъ-за парты. Отсюда и этотъ заглушенный смѣхъ, и возня за партами. Онъ до того увлекся своею ролью, что и не замѣчаетъ, что я смотрю на него. Василій Тиняковъ—хитрый, шельма,

малый! — за минуту готовый поддерживать рыжаго и еще подбавить чего-нибудь своего, теперь предательски, даже какъ-то сокрушенно, киваетъ мнѣ на него головой: вотъ, дескать, что выдѣлываетъ, что съ нимъ будешь дѣлать! Я подхожу тихонько къ рыжему, и въ самый интересный моментъ, когда онъ, нырнувъ подъ парту, готовъ вынырнуть оттуда во всей красѣ,—хватаю его за руку и вывожу изъ-за парты. Тотъ сейчасъ же измѣняетъ физіономію, прикидываясь вполнѣ невиннымъ, куксится, дѣлая видъ, что хочетъ плакать, и даже выжимаетъ изъ себя нѣсколько слезинокъ; старается свалить все на сосѣдей, Демьяна Колесникова и Леонтія Попова, дескать, они во всемъ виноваты, чуть-ли не приклеили ему бумажку и насильно впихивали и выпирали его изъ-за парты; ну, однимъ словомъ, онъ—полнѣйшая жертва. Обвиняемые, пораженные такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, сначала даже не знаютъ, что сказать въ свое оправданіе. Глаза ихъ вытаращены и рты раскрыты отъ изумленія.

— Ахъ, ты, Господи!.. Да что же это онъ брешетъ... Да какъ же это?.. Да я... да мы,—оправдывается Демьянъ.

И, наконецъ, они оба, понявъ всю несообразность взводимаго на нихъ обвиненія, усматриваютъ въ немъ только одну смѣшную сторону и смѣются вмѣстѣ со всѣми.

Забавникъ изолируется, т. е. ставится въ уединенный уголъ, носомъ къ стѣнѣ. „Инцидентъ“ исчерпывается. Заканчивается скоро и урокъ.

V.

Утомились и мы, учащіе, утомились замѣтно и ребята. Классная пыль просто дѣлается невозможной для всякаго свѣжаго человѣка, но для нашего брата она уже привычна, хотя надо сказать правду—плохая это привычка. Пыль лѣзетъ въ ротъ, въ носъ, въ глаза и въ уши, забирается во всѣ поры тѣла и прямо-таки затрудняетъ дыханіе. Это не простая земляная пыль, землей и пахнущая. Нѣтъ, это пыль какая-то особенная, мельчайшая, одежная и тѣльная, съ особеннымъ специфическимъ запахомъ. Попробуешь на глазу—грязно, поднесешь платокъ къ носу—тоже, плюнешь—опять слѣды ея. На губахъ у ребятъ и даже у учительницы черныя полосы отъ пыли. Она и свѣтъ въ классѣ превращаетъ въ какой-то сѣрый. Дѣло, между тѣмъ, близится къ вечеру.

Холодъ на дворѣ крѣпнетъ. Холодомъ вѣетъ и у насъ въ классѣ, а въ моей комнатѣ отъ сосѣдства двери уже совсѣмъ холодно. Рѣзкій наружный воздухъ врывается въ двери. Ребята возвращаются со двора посинѣлые, съежившіеся.

— Шапки, шапки надѣвайте! — наказываешь имъ, но изъ нихъ непремѣнно кто-нибудь проберется безъ шапки, иной прямо отъ теплой печки, около которой сидѣлъ. Не въ привычкѣ, вообще, у сельскихъ ребятъ беречься, хоть ты что хочешь! Пятый урокъ начинаю опять съ старшими Это третій мой съ ними урокъ, а съ урокомъ о. Александра—четвертый съ учителемъ. Этотъ третій урокъ я чередую непремѣнно съ старшими и средними. Вчера, напримѣръ, онъ приходился на среднюю группу, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, и два дня сряду даешь его въ одной группѣ. Теперь урокъ по русскому языку. Урокъ, сравнительно, легкій, такъ что, принимая во вниманіе порядочное утомленіе ребятъ, онъ не настолько еще труденъ, чтобы плохо усвоялся. Среднимъ я задаю разучивать наизусть стихотвореніе, окончательно выучиваемое уже на дому. Я говорю примѣры и вызываю Степана Нечаева къ доскѣ писать ихъ. Написавши достаточное количество ихъ, Андрей Плутохинъ читаетъ первое предложеніе и производитъ разборъ его, причемъ выясняется сущность новаго слова, затѣмъ читаетъ Куркина и т. д. по порядку. Послѣ этого я обращаю вниманіе учениковъ на разницу въ произношеніи и правописаніи слова и затѣмъ посредствомъ наводящихъ вопросовъ наталкиваю учениковъ на самое правило правописанія этого слова и затѣмъ слѣдуетъ и точное опредѣленіе его. Убѣдившись изъ этихъ отвѣтовъ, что всѣ его поняли, я даю заранѣе приготовленный диктантъ на это правило. Чтеніе-ли, письмо-ли обнаруживаютъ индивидуальныя особенности каждаго. Вотъ, сейчасъ при письмѣ смотрю я на нихъ — и онѣ, эти особенности, какъ на ладони передо мною. Возьму Степана Нечаева. Онъ способный, идетъ недурно по всѣмъ предметамъ и работяга малый, не лѣнтяй. Одно вредитъ ему: излишняя торопливость. Онъ, какъ его называетъ о. Александръ, „торопыга“: начнетъ этакъ бойко, разгонитъ, что называется, а сведетъ хоть и не на нѣтъ, а все же и не на то, что обѣщалъ по началу. Ростомъ онъ здоровый, не по лѣтамъ даже: говоритъ, что ему только тринадцатый годъ. И внѣшность его курьезна, совсѣмъ ужъ не интеллигентна: большіе выпуклые глаза, крошечный широкій носъ и выпятившіяся скулы придаютъ его

лицу что-то инородческое. Еще ихъ общій съ Андреемъ Плутохинымъ недостатокъ: говорятъ тихо, иногда ничего не разберешь. Такихъ тихоголосыхъ у меня не мало; одинъ есть въ средней группѣ — такъ тотъ, мало того, что тихо говоритъ, но еще и ротъ закрываетъ при этомъ. Диктантъ конченъ. Работы просматриваются мною тутъ же на мѣстѣ, что не всегда удается сдѣлать. Понимаешь, конечно, что такой порядокъ удобенъ и для дѣла, и въ смыслѣ экономіи времени вечеромъ: меньше работы за ученическими тетрадями и упражненіями и больше можно посвятить времени на чтеніе и вообще на свои дѣла.

Уже и солнце садится: окна окрашиваются багрянцемъ зимней вечерней зари, глянувшей изъ-за разорвавшихся свинцовыхъ тучъ. Въ классѣ замѣтно темнѣетъ. Дежурный по классу собираетъ тетради и письменныя принадлежности и ставитъ на площадку книжнаго шкафа. Средніе закрываютъ книжки и собираютъ ихъ въ сумки.

— Книжки не будете перемѣнять?—спрашиваютъ ребята.

— Нѣтъ, ребята, подержите у себя до завтра; кстати, завтра будете и разсказывать.

У насъ, если время позволяетъ, а также и силы, положенъ еще сверхкомплектный урокъ, шестой. Онъ состоитъ собственно въ томъ, что ребята передаютъ содержаніе взятыхъ ими для чтенія книжекъ. Иногда этотъ урокъ бываетъ и пятымъ. Это у насъ нововведеніе нынѣшняго учебнаго года. Иниціатива его принадлежитъ училищному совѣту. Школьная библіотека непремѣнно должна исчерпываться учениками и на это будетъ обращаться вниманіе при ревизіяхъ. За то сдѣланы нѣкоторыя исключенія по счисленію и правописанію. Къ концу занятій обыкновенно приходятъ для обмѣна книгъ любители почитать изъ окончившихъ и вообще сельскихъ грамотеевъ. Я уже знаю, что человѣка два пришло и дожидаются въ сторожевской, бесѣдуя съ Димитріемъ. Усталость до того доходитъ, что эта процедура обмѣна становится уже въ тягость. Скорѣе бы кончить и отдохнуть. Читается молитва. Ребята торопливо крестятся, поталкивая другъ друга. Классъ опять оглашается шумомъ и гамомъ, шорохомъ ребячьихъ просаленныхъ полушубковъ.

— Завтра приходить? — спрашиваетъ на ходу Гаврила Батищевъ, постоянно отыскивая какіе-то *свои* праздники.

— А то какже... Какой еще нашелъ завтра праздникъ?..

— Какза: помнисся, бабы говорили...

Ребята хохочутъ.

— Приходить, приходить, никакого праздника нѣтъ...

— А я завтра не приду,—объявляетъ еще одинъ ученикъ.

— Отчего такъ?

— Дома некому... Отецъ съ гречихой ѣдетъ и мать съ нимъ.

Вотъ крѣпкій, какъ сбитень, и розовый Димитрій Должиковъ, не смотря на мое заявленіе насчетъ раздачи книгъ, протискивается впередъ, смѣшно подергиваетъ плечами и своимъ тягучимъ голосомъ проситъ почитать книжечки.

— Дядя проситъ,—говоритъ онъ въ оправданіе своей просьбы.—Дайте „Ночь передъ Рождествомъ“.

— Хорошо, обожди...

Выходящая волна моихъ ребятъ встрѣчается съ отпущенными тоже младшими. Въ дверяхъ происходитъ заминка.

— Проходите, проходите, ребята!—взываетъ Димитрій, возвышаясь среди ребячьей толпы.

— Прощайте, прощайте!—громко выкрикиваютъ ребята, тѣснясь въ дверяхъ.

Нѣкоторыхъ совсѣмъ не узнаешь: укутаны по дѣвичьи платками. Глянешь на нихъ—отворачиваются, стыдно имъ своего убора.

Школа мало-по-малу пустѣетъ и вотъ совсѣмъ опустѣла. Толпа свалила, за исключеніемъ Тихона Колесникова и пришедшихъ за книгами. Книги надо еще выписать и потомъ записать и дать новыхъ. Я удовлетворяю одного, другого и третьяго и остаюсь одинъ. Приходитъ Димитрій и готовитъ къ обѣду. Темнѣетъ болѣе и болѣе. Въ классахъ тишина и безмолвіе. Одинокіе шаги гулко раздаются въ пространствѣ. Какъ странно отзывается эта тишина послѣ царившаго здѣсь недавно шума. Кажется, дрожатъ еще въ пыльномъ воздухѣ звонкіе ребячьи голосишки. Димитрій открываетъ фортки, и рѣзкій вѣтеръ проносится время отъ времени по классамъ, понижая еше болѣе и безъ того низкую температуру.

Сажусь обѣдать. Аппетитъ уже притупился, да и стряпня Димитрія попростыла, чуть тепленькія щи и каша—обычное меню моего обѣда. Скоро простываетъ все въ нашихъ печкахъ, а тутъ еще открывали трубы. Да ужъ и по времени не рано: наши училищные часы перевалили за четыре. Димитрій охаетъ, что съ обѣдомъ онъ нынче сплоховалъ, что онъ у него холодный.

— А въ волость становой пріѣзжалъ, цѣнить, говорятъ,

будутъ... Опять недоимщиковъ собирали, въ пожарный сарай позаперли и ключъ мнѣ староста отдалъ. „Блюди“, говоритъ, „Митюха, а то самаго запру, ежели что...“ Не хотѣлъ я брать, давалъ Устинычу — правленскій сторожъ — тоже не беретъ... Еще я слышалъ, въ волость бумага будто пришла насчетъ милостиваго манихвеста, будто скостка большая недоимщикамъ будетъ,—разсказывалъ мнѣ Димитрій сельскія новости.

Волость напротивъ училища; пожарный сарай, гдѣ вмѣстѣ съ волостными хранятся дрова училищныя, сбоку училища, саженяхъ въ пяти. Въ этотъ-то сарай частенько сгоняются недоимщики. Посидятъ они тамъ съ часъ—ихъ выпустятъ. Оригинальное наказаніе за неплатежъ податей: словно, отсидѣвши и назябшись въ сараѣ, высидитъ недоимку неплательщикъ.

Пообѣдавъ, залегаю на постель и растягиваюсь пластомъ. Тяжелое оцѣпѣненіе сковываетъ члены; въ тягость шевельнуть пальцемъ, повернуться. Въ головѣ—ни одной мысли, абсолютный покой, но какой-то особенный, словно все существо твое пришиблено, оглушено... И сонъ смежаетъ вѣки, тяжелый, безъ сновидѣній. Сквозь дремоту слышно хлопанье сѣнной двери, шорохъ овчинныхъ полушубковъ, покашливанье и, наконецъ, громкое „здравствуйте“, обращенное къ Димитрію.

Меня непріятно коробитъ несвоевременный приходъ: только задремлешь, забудешься—вдругъ кто-нибудь придетъ,—послѣ уже и не заснешь.

— Дома учитель?

— Дома. А вамъ что?

— За книжками мы...

Въ комнатѣ совсѣмъ уже темно и холодно. Димитрій приходитъ открывать трубу: хочетъ затапливать мою печь. По спинѣ пробѣгаетъ морозъ. Надо вставать—удовлетворять читателей. Печка растапливается. Разгорающійся огонекъ своимъ блескомъ весело освѣщаетъ прихожую съ замызганнымъ поломъ, дѣлается уютнѣе и теплѣе. Теплѣе становится и на душѣ. Непріязненное чувство противъ пришедшихъ за книгами и нарушившихъ мой кейфъ проходитъ.

— Ну, что же, за книгами пришли?

— Да, было, за книгами... Дайте ужъ еще...

— Что же, прочли всѣ? Понравились?

Изъ трехъ пришедшихъ, которыхъ я знаю: Ѳедора Ѳомина, Василія Халѣева и Ивана Бочарова,—все кончившихъ

школу, выдѣлился одинъ—Ѳедоръ Ѳоминъ, черноволосый, съ простоватымъ лицомъ, парень.

— Вотъ у меня одна дюже аппетитная книжечка „О Сибири и переселенцахъ“, за эту вамъ спасибо великое, а эти такъ-себѣ—басенныя... Дайте вы мнѣ теперь о какихъ-нибудь народахъ и земляхъ иныхъ... нѣтъ ли о китайцахъ, что это за народъ такой, желательно знать... слышалъ я о нихъ много, а читать вотъ не приходилось...

Оказывается, политика проникла и къ намъ въ медвѣжій уголъ: и здѣсь уже знаютъ о японско-китайской войнѣ, толкуютъ о томъ, что Китай проситъ „заступы“ у *насъ*.

Я говорю, что о китайцахъ книжки у насъ нѣтъ, и предлагаю ему разныя примѣнительно къ его вкусу, а любитъ онъ, какъ самъ выражается, о „разныхъ народахъ и государствахъ“, а также и военнаго и духовно-нравственнаго содержанія.

— Ну, дайте мнѣ „Севастопольскіе разсказы“.

— Нѣту, взято.

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Вотъ не добьюсь я этой книжки... Вы ужъ, пожалуйста, придержите её, если принесутъ...—Я обѣщаю.

— Ну, изъ „Сельскихъ Бесѣдъ“ какую дайте...

Говоритъ онъ нараспѣвъ, медлительно. Это читатель уже съ опредѣлившимися вкусами, любитъ потолковать о политикѣ и особенностяхъ того или другого народа. Мы иногда разводимъ съ нимъ насчетъ этого антифоніи.

Наконецъ, онъ удовлетворенъ: получилъ „Сельскую Бесѣду“ и о „Японіи и японцахъ“ изъ „Читальни народной школы“.

Остальные два любители беллетристики и „божественнаго“ по постамъ; не прочь проглотить и сказочку, которую,—они дѣлаютъ видъ,— будто берутъ не для себя. Вообще, они чтеніе любятъ всякое, и „басенное“; иныя книги изъ школьной библіотечки перечитываютъ уже по другому разу.

Проводивъ ихъ, велю Димитрію ставить самоваръ, а самъ отправляюсь побродить, подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Охъ, студено, не ходите! — совѣтуетъ Димитрій.—Я ходилъ даве въ лавку — такъ за носъ и цапаетъ, терпѣнья просто нѣтъ...

Я, однако, пошелъ. „Цапаетъ“, дѣйствительно. Село погружено въ безмолвіе. Огоньки тускло мигаютъ въ мужиц-

кихъ избахъ, освѣщая свѣжіе сугробы на улицѣ. Тропка отъ школы до дороги ужъ заметена твердымъ, скрипучимъ подъ ногами снѣгомъ; дорога вдоль села—тоже. Я зашагалъ по ней по прямому направленію, куда всегда привыкъ ходить. Рѣзкая заметь неслась на встрѣчу, обдавая лицо жгучимъ мельчайшимъ снѣгомъ. Все было дѣвственно бѣло и... мертвенно. Я миновалъ церковь, прошелъ еще немного и повернулъ назадъ: носъ, уши и все лицо нестерпимо щипало отъ рѣзкаго холода. Жутко было на улицѣ, леденящимъ отчаяніемъ вѣяло отъ этихъ, насквозь промерзшихъ, миніатюрныхъ оконцевъ.

„А что теперь дѣлается въ полѣ и каково-то горюнамъ проѣзжимъ приходится?"—и отъ одной этой мысли холодъ проходилъ по спинѣ. У Тихона тоже мерцаетъ огонекъ. Навѣрное, читаетъ вслухъ. Вокругъ него, вѣроятно, собрались отецъ и мать; можетъ, пришелъ еще кто изъ сосѣдей „послухать" Тихоново чтеніе.

На меня пахнуло пріятнымъ тепломъ, когда я вошелъ въ прихожую школы, озаренную веселымъ свѣтомъ ярко пылающихъ дровъ. Димитрій сидѣлъ противъ печки и помѣшивалъ кочергою прогоравшія дрова. Я вошелъ въ комнату. На столѣ стояла зажженная лампа и кипѣлъ самоваръ. Теперь тутъ было уютно, не то, что утромъ. Осзѣщенная свѣтомъ лампы и согрѣтая тепломъ топящейся печки, съ поющимъ самоваромъ на столѣ, комната выглядѣла теперь совсѣмъ иначе. Заваривъ чай, съ газетой въ рукахъ, я подсѣлъ поближе къ самовару и подъ его звенящія переливчатыя пѣсенки сталъ читать любимую газету. Да, многими пріятными вечерами обязанъ я ей, этой газетѣ, которой, увы, нѣтъ уже теперь. Съ ней я короталъ свое одиночество, и она скрашивала его. Въ мракъ нашихъ заброшенныхъ потемокъ, въ холодъ одиночества несла она, бывало, свѣтъ и тепло...

Живительная теплота разлилась по тѣлу отъ выпитаго стакана чая. Послѣ чаю у насъ съ Димитріемъ литературный вечеръ. Я читаю вслухъ „Мертвыя души", и онъ съ увлеченіемъ слушаетъ и восторгается, а то заразительно хохочетъ. Почитавъ до опредѣленнаго времени, принимаюсь за просмотръ ученическихъ работъ, а Димитрій, помѣшивая уже прогорѣвшія дрова въ печкѣ, долго еще восклицаетъ: „ну, Гоголь, ай да Гоголь!" или повторяетъ слова автора, въ которыхъ онъ описываетъ наружность Собакевича, гдѣ

говорится, что природа немного трудилась надъ ней, какъ надъ обрубкомъ дерева плотникъ, — и снова закатывается смѣхомъ такъ заразительно, что невольно улыбаюсь и я. Наконецъ, закрывъ печную трубу, онъ успокаивается и садится у себя въ сторожевской или сочинять новое стихотвореніе, или читать. Бьетъ десять часовъ. Изъ сторожевской слышится мѣрное похрапыванье Димитрія. Онъ встаетъ рано, часа въ 4, и ему нельзя засиживаться долго.

Надо еще записать уроки въ классный журналъ, приготовиться къ завтрашнимъ урокамъ. Окончивъ и это, занимаюсь своимъ дѣломъ. Одиннадцать. Начинаетъ клонить ко сну. Бужу Димитрія. Онъ вынимаетъ изъ печки разогрѣтый ужинъ, который оказывается горячѣе обѣда. Мы немного еще бесѣдуемъ съ нимъ по поводу прочитаннаго, сельской жизни, житейскихъ дѣлъ и, наконецъ, замолкаемъ. Затворившись въ своихъ комнатахъ, каждый готовится закончить обычный будничный школьный день. Почитавъ еще немного на сонъ грядущій, тушу огонь; глаза смыкаются, книга выпадаетъ изъ рукъ, и сонъ быстро приходитъ. Въ классахъ жуткая тишина; гдѣ-то скребется мышь да вѣтеръ хлопаетъ наружной накладкой.

В. Дмитріевъ.

ИЗЪ ФИНСКАГО БЫТА.

I.

Женитьба.

Расзказъ I. Ахо *).

Іохани Ахо (псевдонимъ; настоящая фамилія его Бруфельтъ), небольшую вещь котораго мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, род. въ 1861 г. въ Лаюплахти (Куопіосск. губ.), гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. 11-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Куопіосскій лицей, окончивъ который перешелъ въ Гельсингфорсскій университетъ. Но въ университетѣ Бруфельтъ не сдалъ экзамена, слѣдовательно, считается не кончившимъ курса. Онъ былъ занятъ въ то время мыслью посвятить себя всецѣло журналистикѣ. И вотъ въ 1882 г мы встрѣчаемъ Бруфельта въ качествѣ репортера одной извѣстной финской газеты. Черезъ 4 года онъ уже становится во главѣ отдѣльной газеты, а въ 1887 г. приглашается редакторомъ газеты, издаваемой въ его родномъ городѣ Куопіо. Вскорѣ послѣ этого Бруфельтъ получилъ отъ Финляндіи литературную стипендію, которая дала ему возможность познакомиться съ жизнью Западной Европы. Періодъ 1889—1890 г. онъ провелъ въ Парижѣ. Вернувшись изъ заграничнаго путешествія онъ былъ приглашенъ главнымъ редакторомъ въ журналѣ «Päiwälehti», издаваемомъ въ Гельсингфорсѣ, и до настоящаго времени состоитъ въ этой должности. Кромѣ мелкихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ газетахъ и журналахъ, Бруфельтъ написалъ нѣсколько большихъ романовъ и повѣстей. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися являются: «Жена пастора», «Одинокій» и два сборника литературныхъ эскизовъ, извѣстныхъ въ Финляндіи всѣмъ и каждому и носящихъ заглавіе «Щепки».

Вотъ что разсказалъ однажды старый тальманъ **):

Много свадебъ устроилъ я на своемъ вѣку и много сорочекъ получилъ я въ подарокъ за свои труды. Но никогда мнѣ не доводилось устроить болѣе счастливаго союза, чѣмъ тотъ, какимъ

---

*) Для болѣе близкаго знакомства съ этимъ талантливѣйшимъ представителемъ финской литературы, редакція имѣетъ въ виду помѣстить въ ближайшемъ нумерѣ его большой разсказъ «Отверженный».

**) Членъ общиннаго совѣта сельской общины.

оказался бракъ кузнеца съ Анной-Лизой Тенгутаръ! Да и то надо сказать, что въ прочихъ случаяхъ, пожалуй, съумѣли бы обойтись безъ меня, но эти двое въ жизнь свою не сошлись бы, если бы я не взялся ихъ поженить!

Онъ всегда былъ очень тихій человѣкъ и довольно неповоротливъ, какъ это часто бываетъ съ кузнецами. Конечно, и ему случалось задумываться, пока нагрѣвалось въ горнѣ желѣзо или когда онъ лѣвой рукой поворачивалъ раскаленную полосу на наковальнѣ, а правая точно сама собою выковывала нѣсколькими ударами молотка вершковые гвозди. Подумывалъ, конечно, и онъ о женитьбѣ, въ особенности, когда жены другихъ кузнецовъ приносили имъ завтракъ, а онъ оставался на одномъ хлѣбѣ, потому что некому было готовить для него. Но ни съ кѣмъ онъ не дѣлился такими размышленіями, а потому изъ этого ничего и не выходило. Между тѣмъ, всякая дѣвушка пошла бы за него съ радостью: человѣкъ онъ былъ хорошій и непьющій; водились у него и кое-какія сбереженія, а главное, работникъ онъ былъ, какихъ мало.

— Почему ты не женишься?—спросилъ я его однажды.

— Оно, конечно,—замялся онъ.—На мысли оно приходить-то приходило... Только все это были одни пустыя размышленія...

— Отчего же ты не взялся за дѣло въ серьезъ?

— Да такъ... Ничего не вышло...

— Ну, на этотъ разъ надо, чтобы вышло что-нибудь путное!—сказалъ я рѣшительно.

— Оно, конечно... Только врядъ-ли какая захочетъ идти за меня!

— Предоставь дѣло мнѣ, такъ скоро самъ увидишь, найдется ли такая, которая за тебя пойдетъ.

— По мнѣ, пожалуй...

— Значитъ, по рукамъ? Смотри же!.. Сейчасъ у меня нѣтъ никого на примѣтѣ; но если ты подождешь недѣльку, до слѣдующаго воскресенья, я что-нибудь придумаю. Согласенъ?

— Дѣлай, какъ знаешь...

Когда въ слѣдующее воскресенье я снова пришелъ къ кузнецу, дѣвушка была у меня уже намѣчена.

— Вотъ что!—удивился онъ, когда я назвалъ дѣвушку, но ничего къ этому не прибавилъ и разспрашивать меня не сталъ.

— А развѣ неладно? Это та самая Анна-Лиза, которая въ прошломъ году служила у управляющаго,—пояснилъ я ему.—Развѣ ты ея не знаешь?

— Какъ не знать! Приходилось иногда видѣть ее, когда она роходила мимо кузницы къ рѣкѣ.

— Что же ты на это скажешь?

— Да пойдетъ ли она?

— Сказано вѣдь было: предоставь это дѣло мнѣ. Развѣ ты раздумалъ?

— Нѣтъ, отчего же... Приходится и впрямь предоставить тебѣ...

Этимъ все было вырѣшено и лишней болтовни у насъ съ нимъ не было.

Случилось это во время покоса. Передъ осенью мнѣ довелось быть на дальнихъ хуторахъ, гдѣ тогда проживала и Анна-Лиза. Была она въ то время безъ мѣста и помѣщалась у своихъ родственниковъ, помогая имъ въ работѣ за столъ и квартиру.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ на хуторъ, они, должно быть, угадали, что мнѣ было нужно, потому что позвали они меня сразу въ горницу и тотчасъ же приставили кофейникъ къ огню.

Напились мы кофею, какъ слѣдуетъ. Потомъ всѣ посторонніе ушли, и я остался съ глазу на глазъ съ Анной-Лизой. Само собою разумѣется, я тутъ же и объяснилъ, для чего заѣхалъ.

— Ты только шутишь! — проговорила на это Анна-Лиза и не захотѣла мнѣ вѣрить.

— Нѣтъ, я сказалъ правду—все до единаго слова!—увѣрялъ я ее.—Говори лучше прямо, нравится ли тебѣ мое предложеніе?

— Хорошо ли смѣяться надъ бѣдной сиротой?—уперлась она въ своемъ недовѣріи.

— Говорю тебѣ, это не шутки и не насмѣшки, Анна - Лиза. Ужъ если я взялся за дѣло, стало быть, это не вздоръ! Не будемъ лучше болтать по-пусту и говори, не сходя съ мѣста, сколько ты желаешь получить на сговорѣ? Сама должна понимать, что шутить мнѣ не приходится...

— Да статочное ли это дѣло?..

— Говори, сколько тебѣ? А то еще проще, бери сколько тебѣ нужно... бери сама, смѣло.

И я разложилъ передъ нею на столѣ пятьсотъ марокъ бумажками.

Она поломалась еще немножко, потомъ махнула рукой и взяла со стола пятьдесятъ марокъ.

— Бери всю сотню, иначе не хватитъ!—ободрялъ я ее.

— Нѣтъ... хватитъ.

— Если хватитъ, тѣмъ лучше!

И опять дѣло было вполнѣ вырѣшено.

— Теперь приготовь свое приданое и въ январѣ пріѣзжай въ городъ на ярмарку. Кузнецъ тоже всегда бываетъ на ярмаркѣ.

Тамъ мы выправимъ ваши бумаги да купимъ кстати кольца. А пока прощай!

Съ этимъ я и уѣхалъ съ хутора.

Въ январѣ Анна-Лиза пріѣхала въ городъ на ярмарку, но кузнеца тамъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе, мы выправили бумаги, привели все въ порядокъ, и я составилъ заявленіе о брачномъ оглашеніи, подъ которымъ Анна-Лиза поставила свое тавро. При этомъ мы условились, что если кузнецъ не пойдетъ на попятный, оглашеніе состоится на пасху, а свадьбу мы отпразднуемъ около Троицы.

— Зачѣмъ ты не пріѣхалъ въ городъ взглянуть на свою невѣсту?—спросилъ я кузнеца, когда вернулся домой.

— Не пришлось какъ-то...

— Ужъ не хочешь ли ты отступиться отъ сватовства?

— Ну вотъ! Зачѣмъ отступаться?

— Въ такомъ случаѣ, ставь свое тавро на этомъ заявленіи. Она уже свое поставила.

Я вынулъ изъ бумажника бумагу и развернулъ ее передъ нимъ.

— Не лучше ли тебѣ подписаться за меня?—предложилъ онъ.

— Нѣтъ, этого не водится.

Тогда онъ поставилъ свой крестъ рядомъ съ тавромъ Анны-Лизы, а я взялся устроить остальное и своевременно доставилъ бумаги въ пасторатъ.

Кузнецъ, можетъ быть, и раздумывалъ о предстоящемъ ему бракѣ, но остался вѣренъ себѣ и не пріѣхалъ даже въ церковь къ первому оглашенію. Невѣсты онъ все еще не видѣлъ, какъ слѣдовало.

— Отчего ты не пріѣхалъ?—снова напустился я на него.

— Не довелось... Къ тому же, ты самъ сказалъ, что я могу положиться на тебя во всемъ...

Однако, вѣнчаться пришлось-таки ему самому, ужъ отъ этого-то онъ не отвертѣлся! Но раскаяваться ему не пришлось, потому что живутъ они теперь на зависть всѣмъ сосѣдямъ. Свадьбу отпраздновали передъ Троицынымъ днемъ, а уже къ Рождеству мы распивали у него пиво по случаю рожденія первенца, и съ тѣхъ поръ у нихъ рождаются будущіе кузнецы ежегодно.

Но безъ меня ничего бы у нихъ не устроилось, и всѣхъ этихъ ребятъ не было бы на свѣтѣ!

II.

Отецъ въ Америкѣ.

Разсказъ Алкiо.

Авторъ помѣщаемыхъ двухъ разсказовъ Алкiо интересенъ, какъ представитель крестьянской литературы въ Финляндiи. Оставаясь настоящимъ крестьяниномъ-землепашцемъ, онъ занимается литературой въ свободное время и видитъ въ ней одно изъ средствъ для распространенiя гуманности и просвѣщенiя въ народѣ. Въ рядѣ очерковъ онъ касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ народной жизни, стараясь всегда отмѣтить извѣстный недостатокъ этой жизни и необходимость гуманности для его устраненiя. Въ нашемъ журналѣ мы постараемся познакомить читателей ближе съ интереснымъ и важнымъ явленiемъ въ финской литературѣ, въ которой создалась цѣлая школа писателей-народниковъ, но не въ русскомъ специфическомъ значенiи слова. Они сами принадлежатъ къ народу, въ рядахъ котораго остаются и для котораго пишутъ. Цѣль ихъ не въ прославленiи народнаго быта, въ назиданiе интеллигенцiи, а — въ просвѣщенiи этого народа, которому они не противопоставляютъ интеллигенцiи, какъ чего-то ему чуждаго, почти враждебнаго, что должно каяться передъ нимъ, смиряться и платить какiе - то «долги». Совершенно напротивъ—они идутъ на встрѣчу финской интеллигенцiи, стремясь слить въ одно могучее теченiе — порывы народа къ свѣту и безкорыстныя усилiя финской интеллигенцiи помочь ему въ этомъ.

Какъ и тысячи другихъ бѣдныхъ хуторянъ, которымъ надоѣло голодать, Микко Вареслахти, въ свою очередь, заразился мечтой перебраться въ Америку. Эта мечта такъ цѣпко засѣла у него въ головѣ, что не давала ему ни минуты покоя, и онъ не переставалъ раздумывать объ Америкѣ въ продолженiе всего января и всего февраля. Онъ уже не могъ раздумывать объ этомъ, какъ обо всемъ другомъ, а размышлялъ съ какимъ-то страданiемъ и точно тосковалъ по Америкѣ. Дѣло въ томъ, что при мысли объ Америкѣ у него являлись надежды на всевозможное счастiе, въ которое на родинѣ онъ извѣрился.

Сначала эти мечты были его тайной. Но какъ-то, когда его жена горько жаловалась на тяжелыя времена и проговорила въ тоскѣ: «Никогда намъ не вырваться изъ этой нищеты!»—онъ не выдержалъ.

— Небось, вырвемся, если мнѣ удастся весною уѣхать въ Америку!—пробормоталъ онъ.

— Ты, въ Америку?—вскричала она, и въ глазахъ ея вспыхнули огоньки, а все лицо ея освѣтилось радостью. И для нея далекая Америка являлась обѣтованной страной, при мысли о которой пробуждались всякiя надежды.

Въ этотъ день она уже больше не жаловалась. Ея уваженіе къ мужу значительно возрасло, и она стала относиться къ нему съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ когда-либо.

Весною путешествіе дѣйствительно состоялось. Онъ заложилъ свой хуторъ и полученныхъ денегъ было достаточно на его переселеніе. Жену и дѣтей онъ оставлялъ пока на родинѣ. Впослѣдствіи онъ предполагалъ ихъ выписать къ себѣ въ Америку, если бы не предпочелъ вернуться домой обогатившимся человѣкомъ.

Однако, по мѣрѣ того, какъ день отъѣзда Микко приближался, жена становилась все задумчивѣе и печальнѣе. На вопросы мужа, что съ нею, она ничего опредѣленнаго не отвѣчала, но оставалась видимо чѣмъ-то озабочена.

Наступилъ день отъѣзда. Жена плакала съ утра, не переставая.

— Да не плачь же! — уговаривалъ ее Микко. — Богъ дастъ, разстаемся не надолго.

— Конечно, но...

— Но что?

Она не договорила, а ему показалось, что въ ея опасеніяхъ было какое-то оскорбительное для него подозрѣніе, и потому онъ больше не разспрашивалъ.

Въ самую послѣднюю минуту она бросилась ему на шею и, громко рыдая, проговорила:

— Не забудь меня тамъ... Помни, — на мнѣ остаются дѣти...

— Забыть? Въ умѣ ли ты? Ты напрасно обижаешь меня такими подозрѣніями.

— Нѣтъ, милый Микко, я не хочу тебя обидѣть. Но въ жизни бываетъ столько зла и убречься бываетъ иногда трудно... а я остаюсь здѣсь одна съ тремя маленькими дѣтьми на шеѣ... Вѣдь хуторъ заложенъ и въ случаѣ чего будетъ отнятъ... Какъ мнѣ не страшиться? Не сердись на меня, отецъ, мое сердце переполнено тревогой!..

Микко хотѣлъ, было, отвѣтить рѣзкимъ словомъ, но жена продолжала плакать у его груди, а возлѣ стояли всхлипывавшія дѣти, и сердце его смягчилось. Потомъ онъ сталъ цѣловать дѣтей, по очереди благословлялъ ихъ и самъ чуть не зарыдалъ...

Господи, Боже мой! Никогда Микко не думалъ, что минута разлуки будетъ такъ тяжела! Если бы теперь кто-нибудь предложилъ ему хоть какую-нибудь работу на родинѣ, никогда бы онъ не уѣхалъ...

Но работы не было, а доходы съ крошечнаго хутора были недостаточны и... оставалось только уѣзжать на поиски счастья.

Онъ уѣхалъ.

Два дня продолжала жена плакать, и сердце ея сжималось отъ самыхъ горькихъ опасеній. Но постепенно слезы высохли и снова явились розовыя мечты о долларахъ. Даже дѣти имѣли понятіе объ этихъ долларахъ и разсказывали другимъ дѣтямъ:

— Отецъ теперь въ Америкѣ и будетъ намъ посылать много долларовъ, на которые можно купить все, что захочешь.

Сначала отъ Микко получались письма очень часто. Отъ времени до времени онъ присылалъ и денегъ, пока еще лишь не большими суммами, но съ обѣщаніемъ скоро прислать гораздо больше.

Однако, проходили года, а настоящаго «американскаго» счастья Микко не находилъ, и письма отъ него становились все рѣже и рѣже, промежутки же между посылками денегъ все длиннѣе. По его словамъ, времена были плохи даже въ Америкѣ; притомъ онъ никакъ не могъ остановиться на выборѣ постояннаго труда, а вдобавокъ довольно долго хворалъ. Впрочемъ, онъ не унывалъ и уговаривалъ жену не терять надежды на скорую перемѣну судьбы къ лучшему.

Но она не ободрялась. Ея исхудѣвшее лицо осунулось и выражало глубокую тоску. Работала она, сколько могла, но силы ей иногда измѣняли, и хлѣба въ домѣ съ каждымъ днемъ становилось меньше.

Прошло уже пять лѣтъ съ отъѣзда Микко. Цѣлыхъ два года не было отъ него писемъ.

Наступила весна.

Вернулись съ далекаго юга ласточки и дѣятельно занялись устройствомъ новыхъ гнѣздъ подъ крышами избъ на хуторѣ. Не переставая таскать травинки и вить свое гнѣздо, онѣ громко щебетали, точно разсказывали игравшимъ на дворѣ дѣтямъ о чудныхъ странахъ полудня, гдѣ зрѣетъ виноградъ и вѣтви фиговыхъ деревьевъ низко склоняются къ землѣ подъ тяжестью созрѣвшихъ плодовъ. Дѣти не могли понять, о чемъ щебетали ласточки, но чувствовали, что это было о чемъ-то прекрасномъ, и невольно всплескивали своими исхудавшими рученками.

— Можетъ быть, эта ласточка видѣла отца?—предположила однажды дѣвочка, средняя по возрасту изъ дѣтей.

— Да, но почемъ это узнать?—отвѣтилъ старшій братъ, а младшій, который совсѣмъ не помнилъ отца, почему-то спросилъ:

— Отецъ былъ очень сильный?

— Еще бы!—съ увѣренностью отвѣтилъ старшій.

— Ахъ, если бы отецъ поскорѣе вернулся!—вскричала дѣвочка, подумавъ.

Но отецъ не возвращался и не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Зазеленѣла трава и зацвѣли ягодные кусты въ огородѣ. Мать съ трудомъ перекапывала гряды и вмѣстѣ съ дѣтьми сажала картофель. И всѣ четверо были оживленнѣе: даже лица дѣтей порозовѣли. Въ самомъ воздухѣ лѣтомъ есть точно пища, а пищи они давно уже не получали сколько надо было.

Стало свѣтлѣе на душѣ матери. Лѣтомъ столько красоты въ природѣ, что не вѣрится въ безысходность горя, и невольно оживаютъ надежды... Она вынесла полушубокъ, овчинную шапку, и рукавицы Микко, и все это развѣсила для просушки на заборъ. Когда вернется, пусть увидитъ, что, какъ плохо ни приходилось семьѣ, а его вещи въ сохранности и не поѣдены молью!

Вотъ показался изъ за угла богатый сосѣдъ, давшій Микко деньги подъ залогъ его хутора.

— Ну, получили вы какія-нибудь вѣсти отъ вашего Микко?— спросилъ онъ, останавливаясь у забора.

Бѣдная женщина смутилась. Отвѣтить отрицательно ей казалось неприличнымъ, а солгать не хотѣлось...

— Въ послѣднее время онъ что-то... гм... не пишетъ...

— Экій мошенникъ! Ну, какъ знаете, а если онъ не поторопится разсчитаться со мною, я принужденъ буду продать вашу землишку. Скоро поля ваши не будутъ стоить и гроша, такъ плохо вы ихъ обработываете!

Ея сердце болѣзненно сжалось и точно остановилось биться, такъ страшно ей стало при этой угрозѣ. Она не въ силахъ была даже отвѣтить. Только когда, глядя на нее, сосѣдъ сжалился и обѣщался подождать еще годъ, она въ силахъ была передохнуть.

Пришла осень.

Чаще прежняго плачетъ мать. Въ своей безысходной тоскѣ она стала раздражительна и по временамъ съ болѣзненной горячностью прикрикиваетъ на дѣтей. Въ такія минуты они робко сбиваются въ темномъ углу за печкой и одинъ изъ нихъ шепчетъ:

— А все отъ того, что отецъ не возвращается!

На это замѣчаетъ другой:

— Еще бы онъ вернулся! Вишь, люди говорятъ: у него другая хозяйка.

Дѣти неясно понимаютъ то, что люди говорятъ объ ихъ отцѣ. Но, такъ какъ они видятъ, что мать не перестаетъ плакать, то догадываются, что отецъ поступаетъ очень нехорошо, и что ихъ

мать выбивается изъ силъ. Ясно они сознаютъ только то, что они всегда, всегда бываютъ голодны...

Но отецъ, попрежнему, далеко, и вѣстей отъ него не получается уже никакихъ...

III.

Изъ-за короба.

Разсказъ Алкю.

Коробъ, который ставится на дровни и въ которомъ возятъ разныя малоцѣнныя сыпучія вещества, всегда бываетъ почти общимъ имуществомъ. Если кто-нибудь смастеритъ себѣ такой коробъ, всѣ сосѣди имъ пользуются безъ церемоній.

У Эллу Картунена былъ коробъ, который стоялъ возлѣ амбара подъ дождемъ и былъ уже довольно плохъ. Однажды, этотъ коробъ заняли сыновья вдовы Пакарайненъ, которымъ надо было свезти что-то въ городъ. Они были порядочные неряхи и по возвращеніи изъ города забыли доставить занятую вещь обратно на хуторъ Картунена, а бросили коробъ у себя на заднемъ дворѣ. Тамъ его увидѣлъ Ленасъ Туппу, который приготовлялъ золу для стекляннаго завода и которому не въ чемъ было доставить золу на заводъ. Онъ попросилъ позволенія воспользоваться коробомъ и обѣщался затѣмъ доставить вещь обратно Эллу Картунену. При этомъ выяснилось, что коробъ провалялся на заднемъ дворѣ болѣе года, за что старуха задала порядочную головомойку своимъ сыновьямъ. Но парни умѣли оправдываться, какъ нельзя лучше, да и Картуненъ ни разу не напомнилъ о своемъ коробѣ, въ которомъ, очевидно, не нуждался... Наконецъ, такъ какъ старый Туппу брался доставить коробъ по принадлежности, стоило ли такъ много о немъ разговаривать?

Туппу возилъ золу всю зиму, а къ веснѣ заболѣлъ и умеръ. Почемъ могла знать овдовѣвшая старуха Туппу, откуда при жизни онъ добылъ свой старый, полусгнившій коробъ, валявшійся возлѣ коровника? Она только разъ и воспользовалась этой вещью, а именно, когда свезла остатки золы на заводъ, чтобы выручить деньги, необходимыя на погребеніе.

Послѣ Туппу остались долги, и заимодавцы потребовали, чтобы все его движимое и недвижимое имущество было продано съ аукціона. Противъ этого нечего было возражать и аукціонъ состоялся въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Между прочимъ, проданъ

былъ и старый коробъ, доставшійся за двадцать пенни скупщику тряпья Меткунену, который, кстати, скупилъ и все имѣвшееся въ домѣ тряпье.

— Меткуненъ ловкачъ!—подшучивали надъ нимъ мужики.— Чтобы не везти свой коробъ порожнемъ, онъ накупитъ товару и поѣдетъ съ полнымъ возомъ.

— Точь-въ-точь такой же коробъ былъ прежде у Картунена,— замѣтилъ одинъ изъ парней.

— Можетъ быть, Туппу купилъ коробъ у Картунена, когда взялся жечь золу?—предположилъ другой и больше о коробѣ не разсуждали.

Меткуненъ починилъ коробъ, придѣлалъ его къ санямъ и сталъ въ немъ возить свой товаръ. Однажды, путешествуя по хуторамъ для закупки тряпья, онъ заѣхалъ къ Картунену.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Эллу, когда вышелъ на дворъ и увидѣлъ возъ тряпичника.—Вѣдь это мой коробъ, Меткуненъ! Откуда ты его взялъ?

— Что такое? Тво-ой? Оботри губы, милый человѣкъ! Если хочешь знать, я купилъ этотъ коробъ на аукціонѣ послѣ Ленаса Туппу и заплатилъ за вещь двадцать пенни наличными деньгами.

— Во всякомъ случаѣ, коробъ мой, и свою собственность я тутъ же у тебя отберу. Никогда въ жизни я не продавалъ короба Туппу... Ей-Богу отберу!

— Вотъ какъ, ты хочешь отобрать у меня коробъ? — разсмѣялся Меткуненъ.—Посмотрѣлъ бы я, какъ ты бы сдѣлалъ это!

— Свою собственность я всегда могу отобрать, гдѣ бы ни увидѣлъ ее!—уперся Картуненъ.—Года три эта вещь пропадала неизвѣстно гдѣ... Но теперь она не уйдетъ отъ меня! Выбирай-ка свое тряпье и отдавай лучше коробъ добромъ.

— Охо! Я честно купилъ вещь на наличныя деньги, въ чемъ могу присягнуть на Евангеліи... Ни за что я не отдамъ коробъ, хоть бы ты... Можешь требовать деньги съ вдовы Туппу.

— Какое мнѣ дѣло до вдовы Туппу? Если у тебя есть дѣла съ нею, самъ ихъ и вѣдай. А я отберу коробъ, вотъ и все!

И Эллу въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ своротить коробъ съ дровней. Но этого Меткуненъ не допустилъ.

— Нѣтъ, милый другъ!—сказалъ онъ насмѣшливо.—Для этого у тебя руки коротки, и короба ты не получишь. Такъ и запиши!

Съ этими словами онъ оттолкнулъ Картунена, вскочилъ въ коробъ и пустилъ лошадь вскачь, посвистывая и посмѣиваясь себѣ въ бороду.

Картуненъ остался съ носомъ и сильно разозленный остановился у воротъ, провожая возъ тряпичника долгимъ взглядомъ.

— И такъ-то онъ поступаетъ со мною, хотя знаетъ, что я въ своемъ правѣ!—раздумывалъ онъ.—Выходитъ, что Меткуненъ настоящій мошенникъ, который не стыдится оставлять у себя чужую вещь!

Цѣлый вечеръ Картуненъ былъ не въ духѣ, поминалъ чорта при всякомъ случаѣ и старался сообразить, кому онъ одолжилъ коробъ въ послѣдній разъ. Но этого ни онъ, ни кто-либо другой не могли припомнить... Черезъ нѣсколько дней онъ даже сходилъ къ старухѣ Туппу, но и та ничего не могла объяснить. Она только знала, что коробъ давно уже стоялъ у нихъ во дворѣ, и думала, что онъ ихній. На аукціонѣ же распоряжались кредиторы, и имъ же достались всѣ вырученныя деньги. Ея дѣло было сторона, и отвѣчать за коробъ ей не приходилось.

Вернувшись домой, Картуненъ съ горечью разсказалъ о своей неудачѣ батраку.

— Вамъ слѣдовало крѣпче стоять за свое и силой отобрать коробъ у Меткунена!—сказалъ батракъ.

— Гм... Пожалуй, этого не слѣдовало! Но я имѣю право пожаловаться въ сходъ и привлечь обидчика къ суду. Пусть знаетъ, что со мною...

Онъ не договорилъ своей угрозы, но отъ этого она получила лишь еще больше торжественности.

Сказано — сдѣлано. Картуненъ не могъ успокоиться, пока не направился къ немдеману *) Мьелонену. Дорогой онъ съ наслажденіемъ раздумывалъ о томъ, какъ Меткунена будутъ судить за кражу или за укрывательство краденыхъ вещей. Онъ никакъ не могъ припомнить, чему именно подвергался отвѣтчикъ за такія противозаконныя дѣянія, но надѣялся въ точности узнать это отъ опытнаго Мьелонена, который, небось, понаторѣлъ въ законахъ за многіе годы службы по выборамъ.

Однако, Мьелоненъ, когда узналъ всѣ подробности дѣла, только посмѣялся надъ нимъ. «Начать судебное преслѣдованіе изъ-за такого хлама — слыханное ли это дѣло? Нѣтъ, братъ, одумайся лучше и вспомни, что судебныя издержки бываютъ немалыя, а вещь твоя стоитъ всего двадцать пенни!»

— Все это я знаю,—возразилъ Картуненъ. — Но Меткуненъ поступилъ со мною такъ дьявольски несправедливо, что ему не мѣшаетъ поплатиться, а судебныя издержки падутъ вѣдь на него...

*) Въ каждой сельской общинѣ въ Финляндіи бываетъ по два или по нѣскольку выборныхъ немдемановъ, которые принимаютъ жалобы, производятъ нѣкоторыя дознанія и вообще подготовляютъ дѣла сельскаго суда, на засѣданія котораго пріѣзжаетъ особый судья.

— Нѣтъ, послушай, ты затѣваешь глупости... Во всякомъ случаѣ, пусть меня заберетъ сатана, если я возьмусь помогать тебѣ въ этомъ вздорномъ дѣлѣ.

Эллу обидѣлся и ушелъ огорченный.

«Просто смотрѣть тошно, какимъ высокомѣріемъ дьяволъ надѣлилъ Мьелонена! Дѣло вѣдь нешуточное, потому что совершена кража! Ужъ не знакомъ ли онъ съ Меткуненомъ и не тянетъ ли въ его сторону?»

Къ счастью, онъ вспомнилъ, что на послѣднемъ сходѣ вторымъ немдеманомъ былъ выбранъ Адамъ Нетула. Тотъ былъ славный мужикъ, не чета этому гордецу, и во всякомъ случаѣ не успѣлъ еще испортиться. Къ нему можно было обратиться смѣло. А этотъ Мьелоненъ... Да какъ онъ смѣлъ не принять жалобы? Положительно слѣдовало притянуть его самого къ отвѣтственности... Послетѣло бы съ него спеси, если бы его обвинить въ самоуправствѣ!

На слѣдующій день онъ поѣхалъ къ новому немдеману Нетула.

Они были старые друзья, и Адамъ радушно вышелъ къ нему на встрѣчу, самъ привязалъ его лошадь и повелъ въ горницу. гдѣ тотчасъ же предложилъ трубку. Картуненъ даже повеселѣлъ, видя, что служба по выборамъ еще не успѣла повліять на характеръ его друга.

Сначала они такъ дружески разговорились о всякой всячинѣ, что Картуненъ чуть не забылъ о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ. Впрочемъ, тѣмъ приличнѣе вышло, когда онъ заговорилъ объ этомъ напослѣдокъ. Онъ даже усмѣхался, когда сказалъ, вспомнивъ о дѣлѣ:

— Кстати, у меня есть къ тебѣ дѣльце, милый другъ. Я долженъ просить тебя предать суду Меткунена за укрывательство краденаго имущества.

— Ого! Неужели?.. Ну, что же дѣлать... бываетъ... Въ чемъ же дѣло?

Картуненъ разсказалъ все, какъ было.

— Дѣло, разумѣется, не въ цѣнѣ короба, — сказалъ онъ въ заключеніе,—но важно то, что онъ пренебрегаетъ справедливостью, да и я обиженъ... Наконецъ, если позволять растаскивать свое имущество, то начнутъ съ мелочей, а тамъ и цѣнное потащатъ. Останешься безо всего.

— Да, да, пожалуй, такъ!—согласился немдеманъ.—Пусть поплатится.

— А во сколько обойдутся ему судебныя издержки?

— Одна марка десять пенни за разборъ дѣла... Свидѣтелей вызывать?

— Еще бы!

Адамъ обѣщался вызвать всѣхъ свидѣтелей, по шестидесяти пенни за каждаго...

Картуненъ потиралъ руки. Не мало приходилось заплатить злодѣю! То-то вотъ! Лучше бы не кочевряжился и добромъ уступилъ коробъ. Было бы не такъ убыточно... Но ужъ если пошелъ на то, что не побоялся обмошенничать самого Картунена въ глаза!.. Ого!..

Меткуненъ поперхнулся, когда ему была вручена повѣстка о явкѣ вь судъ по обвиненію въ укрывательствѣ краденаго имущества. Затѣмъ онъ сталъ клясться и ругаться, какъ язычникъ, а въ заключеніе божиться, что привлечетъ Картунена къ отвѣтственности за клевету и оскорбленіе чести.

— Если хочешь,—предупредительно предложилъ ему ласковый немдеманъ,—я сегодня же вручу повѣстку и Картунену. За однимъ и обдѣлаемъ, разъ ужъ я выѣхалъ по общественнымъ дѣламъ.

Это вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ Меткунена, и онъ тутъ же изготовилъ встрѣчную жалобу, безпрекословно уплативъ впередъ все, что слѣдовало.

Передъ отъѣздомъ, однако, Адамъ вспомнилъ, что долженъ сдѣлать все, что возможно, для примиренія сторонъ, и сталъ уговаривать Меткунена помириться. Но это только хуже озлобило Меткунена.

— Вотъ какъ! Примириться? Нѣтъ, благодарю покорно. Картуненъ узнаетъ, что значитъ законъ и право, за это я тебѣ ручаюсь. Будь я повѣшенъ, если не узнаетъ!

Прошло нѣсколько недѣль и, наконецъ, наступилъ день разбирательства судомъ этого важнаго дѣла. Ожидавшій начала разбирательства народъ толпился на волостномъ дворѣ и отъ нечего дѣлать сталъ примирять тяжущихся.

— Смѣшно судиться изъ за такой дряни! — говорилъ одинъ старикъ.—Да и судья у насъ этого не любитъ. Какъ бы вамъ не влетѣло...

Картуненъ отвѣчалъ, что проситъ за него не безпокоиться. Ему-то ужъ во всякомъ случаѣ опасаться нечего! Въ сущности, онъ вѣдь добивался только справедливости, а ссоры ни съ кѣмъ не затѣвалъ.

Меткуненъ злобно посмѣивался. По его мнѣнію, примиреніе могло легко состояться, если Картуненъ начиналъ трусить. Пусть заплатитъ судебныя издержки и признается, что наклеветалъ по глупости—вотъ и дѣло съ концомъ!

Съ этого ни того, ни другого нельзя было сдвинуть. Наконецъ, наступила очередь дѣла и ихъ позвали въ присутственную комнату. Противники вошли: впереди Картуненъ, позади него Меткуненъ.

— Ну, держись, милый Картуненъ! Тебѣ попадетъ полностью, что слѣдуетъ!—шепнулъ ему тряпичникъ.

— Ахъ ты мошенникъ, мошенникъ, Меткуненъ! — шепотомъ же отвѣтилъ ему истецъ.—Если бы уступилъ краденое добромъ, тебѣ бы не пришлось теперь дрожать передъ судомъ.

Разборъ дѣла, которое всѣ и безъ того знали во всѣхъ подробностяхъ, не затянулся. Свидѣтелей даже не приводили къ присягѣ. Затѣмъ всѣхъ удалили и судьи заперлись для постановленія приговора.

Истецъ и отвѣтчикъ вмѣстѣ съ публикой дожидались въ сѣняхъ.

— Любопытно, на сколько времени упрячутъ нашего тряпичника?—злорадствовалъ Картуненъ.

— Подожди, подожди, Картуненъ. Сейчасъ узнаешь, кто изъ насъ правъ, а кто простой клеветникъ.

Тяжущихся потребовали въ присутствіе для выслушанія приговора. За ними протискались впередъ свидѣтели и любопытные.

Началось чтеніе постановленія: «...а потому судъ постановилъ»,— звучали слова приговора: — «Ильѣ Картунену получить обратно отъ отвѣтчика коробъ, какъ свою несомнѣнную, законную собственность—».

— Слышишь, дружокъ? То-то вотъ, старый плутяга!

«...Но, принимая во вниманіе, что дѣйствіями обоихъ противниковъ руководило преслѣдуемое закономъ сутяжничество, согласно §§ — — — и въ виду — — — постановляется подвергнуть обоихъ пенѣ по двадцати марокъ съ каждаго за злоупотребленіе исковымъ правомъ. Судебныя же издержки раздѣлить между обоими пополамъ...»

— Если еще разъ сунетесь въ судъ съ подобными вздорными дѣлами, пеня будетъ удвоена! — внушительно прибавилъ судья по окончаніи чтенія.

Немдеманы смѣялись; смѣялись и публика, и свидѣтели; самъ судья прикусывалъ губу, чтобы не улыбнуться.

Меткуненъ и Картуненъ въ величайшемъ смущеніи и торопливо выплачивали деньги. Только въ сѣняхъ, нахлобучивая шапки на всклокоченныя головы, они немного опомнились.

Очутившись рядомъ, они переглянулись.

— Ну, если не вышло по моему, такъ не вышло и по твоему!

Съ финскаго **В. Фирсовъ.**

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Ѳепинскаго.**

*(Продолженіе *).*

15 іюня, Буффало.

Я разглядываю обширную и высокую залу. Какъ много здѣсь солнечнаго свѣта, какое обиліе воздуха! На стѣнахъ висятъ картины, на которыхъ изображены сцены изъ жизни дѣтей; по угламъ разставлены маленькіе стулья, куда ни за что не сядетъ семилѣтній мальчуганъ, считая это ниже своего достоинства. Посрединѣ пола вдѣланы два огромныхъ круга, одинъ въ другомъ—по нимъ дѣти становятся въ хороводы. Это комната, служащая для игръ зимою и въ ненастное время. Съ любопытствомъ разсматриваю детали. Мое удивленіе, какъ вижу, приводитъ сопровождающую меня «миссъ» въ нѣсколько ироническое настроеніе, точно она имѣетъ дѣло съ крестьяниномъ, зазѣвавшимся на столичныя диковины. Наконецъ, проводникъ мой, рѣшивъ, что я уже слишкомъ долго изучаю пустое пространство, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери и открываетъ... стѣну. Въ случаѣ надобности двѣ и три комнаты могутъ образовать одну огромную залу. Передо мною открывается комната такой же величины, съ такимъ же обиліемъ свѣта и воздуха. Рядами разставлены низкіе столики; каждый изъ нихъ окруженъ вѣнцомъ крошечныхъ стульевъ, среди которыхъ высится одинъ большой—для учительницы. Въ другой, въ третьей комнатѣ — то же самое, только стулья повыше. Я нахожусь въ фребелевскомъ саду. Очутился я въ немъ самымъ неожиданнымъ образомъ и совсѣмъ не въ урочный часъ. Проходя мимо и замѣтивъ надпись, я рѣшилъ зайти

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, 1896 г.

въ надеждѣ, что мнѣ не покажутъ дверей, — и нисколько не ошибся насчетъ заморской предупредительности. О нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, я даже начинаю жалѣть, что затѣялъ это дѣло. Измученный цѣлымъ днемъ пребыванія на Ніагарѣ, я долженъ теперь разсматривать рисунки и работы дѣтей, слушать изложеніе системы обученія и всякихъ мелочей. Стараюсь—изъ признательности къ моему проводнику—выказать любопытство; «миссъ» принимаетъ это за чистую монету и посвящаетъ меня все въ болѣе и болѣе мелкія подробности. Она разсказываетъ о томъ, какъ школа знакомитъ дѣтей съ окружающимъ ихъ міромъ. Когда урокъ касается судовъ, учительница вмѣстѣ со школой предпринимаетъ экскурсію по озеру и показываетъ дѣтямъ суда. По возвращеніи, дѣти въ теченіе недѣли вырѣзываютъ изъ бумаги, рисуютъ, дѣлаютъ модели того, что видѣли, затѣваютъ игры, подражая дѣйствіямъ команды, поютъ пѣсни, касающіяся мореплаванія. Я просматриваю цѣлые вороха этихъ рисунковъ и моделей; иной разъ требуется довольно много сообразительности, чтобы угадать, что́ именно желалъ изобразить какой-нибудь четырехлѣтній гражданинъ. Преподаваніе перестаетъ быть безконечно скучнымъ разсказомъ о томъ, что у воробья двѣ ноги, а у коровы четыре, что глаза находятся спереди, а хвостъ сзади; ученіе становится въ высшей степени занимательнымъ. Ребенокъ видитъ собственными глазами, и притомъ не на картинкѣ, а въ дѣйствительности, самый простой предметъ извѣстной группы, дѣлаетъ модель его, срисовываетъ и, такимъ образомъ, учится наблюдать жизнь. Потомъ онъ переходитъ къ болѣе сложнымъ предметамъ—отъ простой повозки къ вагону, отъ вагона къ поѣзду. У насъ фребелевская система впадаетъ въ рутину, въ Америкѣ она полна жизни и способна къ развитію.

Школа, которую я осматриваю, занимаетъ цѣлое зданіе, уже во время закладки фундамента его предназначавшееся для этой цѣли. Припоминаются мнѣ наши дѣтскіе сады, гнѣздящіеся въ тѣсныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ, куда не проникаетъ солнечный лучъ, который хотя-бы ради шутки заглянулъ туда. Размѣры школы довольно велики: въ ней обучается болѣе сотни дѣтей. Я невольно проявляю изумленіе. «Миссъ» снова улыбается. Очевидно, это пріятно щекочетъ ея патріотическую гордость, и она говоритъ, что посѣщаемое мною фребелевское заведеніе вовсе не одно изъ лучшихъ. Въ Санъ-Франциско есть зданія со стеклянными крышами, чтобы побольше было свѣта и солнца, съ нарочно устроенными цвѣточными клумбами, за которыми заботливо ухаживаютъ, съ открытыми галлереями вокругъ дома, гдѣ

происходятъ уроки въ хорошую погоду. У дѣтей есть въ саду свои грядки; они копаютъ, сѣютъ, полютъ. Да чего только тамъ нѣтъ! Въ другомъ мѣстѣ имѣется нѣчто въ такомъ же родѣ, хотя и съ нѣкоторыми отличіями. А тамъ... но пора прекратить это перечисленіе.

Сумерки уже спустились на землю, когда я, наконецъ, освободился. Я долженъ былъ обѣщать американкѣ осмотрѣть фребелевскую выставку въ Чикаго.

16 іюня, Буффало.

Я обхожу общественныя учрежденія вмѣстѣ съ редакторомъ одного изъ мѣстныхъ польскихъ органовъ печати. Мы были въ зданіи муниципалитета и въ тюрьмѣ, посѣтили и пожарную команду. Меня поражаетъ предупредительность американскихъ властей. Хотя мы пришли въ тюрьму въ такое время, когда, судя по вывѣшенному объявленію, уже никого не впускали, но нѣсколькихъ словъ объясненія было достаточно, чтобы нарушить запрещеніе. Насъ предоставили самимъ себѣ; безъ единой живой души бродили мы по тюремнымъ корридорамъ, заглядывали черезъ рѣшетки въ камеры, входили въ тѣ изъ нихъ, двери которыхъ были открыты; никто не слѣдилъ за нами и, если бы мы хотѣли, то могли бы пробыть тамъ, сколько угодно. Въ пожарномъ депо дежурный съ полчаса водилъ насъ повсюду, объяснялъ намъ механизмъ организаціи, показывалъ орудія. Онъ проявлялъ такую предупредительность по отношенію къ намъ, какая невозможна и даже непонятна въ Европѣ. Замѣтимъ, что онъ не ожидалъ получить отъ насъ «на чай», о чемъ, повидимому, за Атлантическимъ океаномъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія *).

Жены европейской интеллигенціи, выселившейся ради заработка въ Новый Свѣтъ, очень недовольны здѣшними отношеніями. Здѣсь нѣтъ прислуги, и европейская дама сама подметаетъ комнаты, сама возится на кухнѣ! Въ прислуги идетъ здѣсь только новоприбывшая изъ Стараго Свѣта дѣвушка, да и та бросаетъ это дѣло, какъ только ближе познакомится съ условіями, которыя для «барынь» становятся все хуже, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе на западъ. Въ Буффало самая низкая плата прислугѣ три доллара (вдвое больше рублей!) въ недѣлю. При-

*) Съ этимъ совпадаютъ показанія и другихъ путешественниковъ. Такъ, г. Витковскій въ книгѣ своей «За океаномъ» разсказываетъ, что, прибывъ въ Нью-Іоркъ, онъ далъ носильщику на вокзалѣ, сверхъ указанной платы «5 центовъ, еще на чай. Носильщикъ вернулъ ему добавку со словами: 2Оставьте эту европейскую привычку. Я такой же джентльменъ, какъ и вы».

слуга садится за столъ вмѣстѣ съ господами, и рабочій день ея кончается въ шесть часовъ вечера. Вопросъ о прислугѣ—вопросъ «жгучій» среди болѣе убогихъ слоевъ «высшаго» класса. Сливки плутократіи пользуются услугами негровъ: эти существа «болѣе низкой» расы,—надъ которыми, словно проклятіе, тяготѣетъ воспоминаніе о прежнемъ рабствѣ,—могутъ быть устраняемы отъ той фамильярности, на которую въ силу обычая заявляетъ притязанія бѣлая прислуга. Семьи, которыя у насъ, кромѣ кухарки, держатъ еще горничную, здѣсь обходятся безъ той и безъ другой. Поэтому, семья нерѣдко живетъ въ особаго рода отеляхъ, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, если имѣетъ для этого достаточныя средства. Если же ихъ нѣтъ, то барынѣ приходится работать на кухнѣ. Результатомъ этого является значительное пониженіе гастрономическихъ вкусовъ. Супъ обыкновенно не варится, такъ какъ требуетъ слишкомъ много времени. Обѣдъ приготовляется изъ консервовъ, мяса и рыбы, которые можно получить въ коробкахъ, изъ печенья, овощей. Все это подается заразъ, даже въ томъ случаѣ, когда имѣется пара горячихъ блюдъ, чтобы хозяйкѣ не вставать во время обѣда.

Интеллигенты-эмигранты обоего пола горько жалуются на Америку. Если пріѣзжій рабочій чувствуетъ себя тамъ, какъ въ раю, то интеллигенція крайне недовольна. Американская культура течетъ по широкому руслу, но она выросла изъ народа, и притоки, которые въ нее вливаются, образуются изъ тѣхъ же народныхъ элементовъ. Потребности, обычаи, эстетическіе вкусы значительно отличаются отъ тѣхъ, къ какимъ привыкъ интеллигентный европеецъ, воспитанный въ атмосферѣ привилегій и праздности.

17 іюня, дорогой между Буффало и Чикаго.

Ѣду на самомъ медленномъ поѣздѣ, какой только есть между этими городами, именно на поѣздѣ «эмиграціонномъ», такъ какъ хочу ближе познакомиться съ эмигрантами и разсчитываю встрѣтить среди нихъ земляковъ. Выше я уже говорилъ, какимъ образомъ плутократическое лицемѣріе, прикрываясь маскою общаго равенства создало въ американскомъ поѣздѣ фактическое неравенство. Оно нашло еще и другіе пути для обхода демократической традиціи: завело поѣзда различной скорости, изъ которыхъ каждый носитъ особое названіе и пробѣгаетъ извѣстное разстояніе съ различною быстротою или въ различную пору дня. Разница во времени громадная. Мой поѣздъ, хотя мы ѣдемъ съ невѣдомою у насъ скоростью, будетъ тащиться почти цѣлыя сутки, между тѣмъ какъ знаменитый «Flyer» (летающій), около двухъ

недѣль курсирующій по Гудзоновской линіи, проѣхалъ бы это разстояніе въ десять часовъ. Цѣна зависитъ отъ скорости, быть можетъ, и отъ того, пересѣкаетъ ли поѣздъ извѣстную мѣстность днемъ или ночью и даетъ или не даетъ глазамъ возможность наслаждаться видами. Данью обложено даже удовольствіе, доставляемое природой изъ оконъ вагона. Ничего даромъ!

Дѣлаю новое открытіе. Въ моемъ поѣздѣ даже номинально два класса. Лицемѣріе сбросило съ себя маску и выступило открыто. Пока дѣло касалось американскихъ согражданъ, надо было сохранить хоть внѣшнее приличіе. Но эмигрантская чернь еще не люди! Ихъ загнали въ задніе вагоны, куда забираюсь и я, несмотря на неудовольствіе кондуктора, совѣтующаго мнѣ отправиться въ первый классъ, на который я имѣю право. Одинъ внѣшній видъ этихъ вагоновъ свидѣтельствуетъ о томъ, что это помѣщенія для паріевъ. Вхожу во внутрь вагоновъ. Вмѣсто мягкихъ креселъ—соломенныя сидѣнія, чистота не такая образцовая, кондукторъ не такъ предупредителенъ. Но вся обстановка можетъ быть названа идеальною по сравненію съ нашимъ третьимъ классомъ. Замѣтимъ, цѣна билетовъ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ поѣзда, и такіе билеты даются только настоящему переселенцу.

Я нахожусь среди истиннаго вавилонскаго столпотворенія. Итальянцевъ больше всего; грязь на нихъ самихъ и около нихъ поневолѣ представляется проявленіемъ народнаго духа. Нѣсколько нѣмцевъ и скандинавовъ, горсть поляковъ изъ-подъ Августова. Всѣ ѣдутъ въ Чикаго, гдѣ есть у нихъ знакомые; одинъ, восемнадцатилѣтній подростокъ, исповѣдуется передо мною въ своихъ смѣлыхъ планахъ. Онъ хочетъ непремѣнно завѣдывать хозяйственными счетами и отправился въ Америку въ надеждѣ, что его завѣтная мечта осуществится тамъ скорѣе.

Я не въ силахъ оторвать глазъ отъ мѣстности, по которой мы проѣзжаемъ. Во всей полнотѣ развертывается здѣсь роскошь американской природы. Песковъ не видно, трава по поясъ. Отъ времени до времени холмистая мѣстность пересѣкается глубокими оврагами. Пашня явно носитъ на себѣ слѣды того, что плугъ земледѣльца лишь съ очень недавняго времени началъ взрѣзывать эту почву: изъ-подъ покрова хлѣбовъ часто выглядываютъ пни. Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Кливеленда начинаются непрерывныя фруктовыя плантаціи. На горизонтѣ нигдѣ не виднѣется деревни: каждый домикъ стоитъ вдали одинъ отъ другого—варварское прошлое не оставило послѣ себя даже внѣшняго скелета прежней общинной солидарности въ видѣ деревенскаго скопленія.

Съ перваго момента своего появленія здѣсь, человѣкъ селился согласно съ принципами частной собственности и согласно съ этими принципами устраивалъ свои жилища. Домики улыбаются намъ среди густой зелени и прелестью своей скорѣе напоминаютъ мнѣ наши виллы, чѣмъ крестьянскія избы. Многочисленность поселеній и близость ихъ другъ къ другу свидѣтельствуютъ, что я нахожусь въ полосѣ мелкаго землевладѣнія. Пытаюсь открыть слѣды мужицкой рутины въ обработкѣ земли. Но изъ оконъ вагона не замѣчаю той шашечной доски хлѣбовъ, какая разстилается передъ глазами въ Старомъ Свѣтѣ. Это свидѣтельствуетъ о большихъ размѣрахъ фермы и о болѣе раціональномъ способѣ веденія хозяйства. Земледѣлецъ еще не трясется здѣсь надъ каждымъ клочкомъ земли, но хлопочетъ о сбереженіи своего труда. Изгородей онъ не заводитъ. Онъ втыкаетъ въ землю колъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него—другой, верхушки ихъ соединяетъ третьимъ, и т. д.; такимъ образомъ создаются ограды, которыя бѣгутъ зигзагомъ, захватывая значительный участокъ земли. Иногда на лугу пасется десятокъ-другой коровъ, ничѣмъ не напоминающихъ жалкой скотины нашего крестьянина. Въ теченіе шестичасовой ѣзды я одинъ только разъ замѣтилъ человѣка, работающаго въ полѣ. Онъ, кажется, боронилъ, но не ручаюсь. Орудіе было неизвѣстной для меня формы, наверху оно было снабжено сидѣніемъ, на которомъ сидѣлъ земледѣлецъ.

По временамъ попадаются и болѣе крупныя поселенія. Они производятъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго. Улицы всегда широкія, домики низкіе, деревянные, деревьевъ множество; около желѣзнодорожной линіи ожидаетъ электрическій трамвай, вдоль улицы тянутся фонари, формою своею показывающіе, что они черпаютъ свѣтъ изъ того же источника; посреди улицъ—кучи мусору, мостовыхъ не имѣется.

Передъ въѣздомъ въ Кливелендъ намъ пришлось остановиться минуты на двѣ и ждать, чтобы товарный поѣздъ очистилъ путь. Нѣсколько рабочихъ, работавшихъ на желѣзнодорожной линіи, подошли къ переселенческимъ вагонамъ и бросили выглядывавшимъ оттуда людямъ оскорбительное «scabs» (*струпья*, т. е. въ данномъ случаѣ *жалкія*, *паршивыя существа*). Въ ихъ глазахъ сверкала ненависть.

«Scabs»!—въ этомъ словѣ заключается вся исторія переселенческаго движенія. Переселенецъ—желанный гость для однихъ только обладателей крупныхъ капиталовъ, но для класса наемниковъ онъ предвѣстникъ нищеты. И не потому, чтобы на американской землѣ не хватало для кого-нибудь хлѣба или труда.

Нѣтъ! Земля эта еще далеко не густо заселена и можетъ пріютить не одинъ еще милліонъ людей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе на житейскомъ морѣ. Но эмигрантъ, — какъ, напр., эти грязные итальянцы, которыхъ я въ первую минуту принялъ за банду цыганъ,—человѣкъ съ низкимъ уровнемъ потребностей, и для него минимальная плата еще очень хороша. Гдѣ бы онъ ни появился, онъ вездѣ понижаетъ заработокъ и лишаетъ работы стараго обывателя.

Начинаю жалѣть, что я не въ своемъ вагонѣ. Тамъ яркое освѣщеніе давало бы возможность читать самую мелкую печать, и на удобномъ сидѣніи пріятнѣе было бы работать. Здѣсь же, въ переселенческомъ вагонѣ, съ трудомъ разбираю отдѣльныя слова, небольшія лампы едва разсѣяваютъ ночной мракъ, хотя горятъ ярче, нежели по ту сторону океана. Просматриваю описаніе знаменитаго «Flyer'a», которое раздается даромъ на станціяхъ. Эта небольшая, изящная брошюра, со множествомъ плановъ и рисунковъ, должна, по моему, носить другое названіе, а именно: «Какъ путешествуетъ американская плутократія». Огромныя разстоянія благопріятны для усовершенствованій: поѣзда—это гостинницы на колесахъ, гдѣ къ вашимъ услугамъ кровать, читальня, обѣдъ, даже ванна. Богатство страны проявляется съ такой роскошью, о какой Европа не имѣетъ понятія. Бархатъ и шелкъ, красное дерево и мраморъ—вотъ матеріалы, изъ которыхъ сдѣлана мебель, стѣны покрыты позолотой и рѣзьбой.

«Flyer» разъ въ сутки ходитъ по Гудзоновой линіи, пробѣгая англійскую милю въ 32 секунды! Время—деньги для американскаго плутократа, онъ нуждается въ скорыхъ, удобныхъ и безопасныхъ поѣздахъ и готовъ дорого платить за нихъ. Поѣздъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ вагоновъ; на мѣста необходимо записываться заранѣе: локомотиву не придется тащить пустыхъ сидѣній. Даже биржа отчасти перенесена въ поѣздъ: на каждую станцію телеграфная проволока приноситъ извѣстія о курсахъ, а кондукторъ вывѣшиваетъ ихъ въ вагонѣ. Плутократы сообразно съ этимъ высылаютъ свои распоряженія, и не одинъ, можетъ быть, сидя въ вагонѣ, загребаетъ милліоны!

На горизонтѣ показалось солнце. Изъ медленно разсѣявающейся мглы выступаютъ наружу безконечные лучи. Куда ни повернись, вездѣ безпредѣльная поверхность зеленѣющей травы, мѣстами совершенно сухой, мѣстами увлажненной водою. Порой мелькнетъ слѣдъ человѣческихъ рукъ. Человѣкъ является здѣсь лишь въ опредѣленное время года, коситъ траву, приготовляетъ помощью пресса кирпичи изъ сѣна, складываетъ ихъ въ пирамиды и раз-

сылаетъ по желѣзнымъ дорогамъ въ разные уголки американскаго материка. Стало быть, здѣсь мы видимъ земледѣльческое хозяйство, имѣющее дѣло исключительно съ производствомъ сѣна!

Глазъ устремляется въ зеленое море, забывая то, что видитъ въ вагонѣ. Я начинаю оправдывать американцевъ, понимаю теперь, что, можетъ быть, непріятная необходимость заставила ихъ отдѣлить переселенцевъ и предоставить имъ худшія мѣста. Вагонъ буквально превратился въ хлѣвъ! Отъ умывальника по всѣмъ направленіямъ текутъ ручьи, переселенцы льютъ воду на полъ, хотя рукомойникъ стоитъ подъ краномъ. Вокругъ итальянцевъ—кучи мусору. И если бы только одного мусору!..

22 іюня, Чикаго, «city» (т. е. старый городъ).

Улицы безъ конца, невообразимая грязь, закоптѣлые дома, надъ ними воздухъ, пропитанный туманомъ, сажей, пылью, кровавое солнце проглядываетъ, какъ въ туманѣ, даже въ жару—слѣды грязи на улицахъ, немощенные переулки, достойные какого-нибудь Цѣханова (мѣстечко въ Польшѣ), ряды многоэтажныхъ казармъ въ серединѣ города, далѣе ряды все уменшающихся деревянныхъ домиковъ до одноэтажныхъ включительно, тяжелый воздухъ, спирающій дыханіе въ груди — вотъ первое впечатлѣніе, какое произвелъ на меня пресловутый городъ. Живу здѣсь уже съ недѣлю и еще не составилъ лучшаго представленія. Прибавьте къ этому еще не прекращающуюся жару. Словомъ, Чикаго,—по крайней мѣрѣ тѣ его кварталы, которые я до сихъ поръ успѣлъ узнать,—въ высшей степени запущенъ. Возвращаясь поздно вечеромъ домой, ступаю осторожно: досчатыя панели изобилуютъ возвышеніями и углубленіями.

Огромныя разстоянія, улицы, тянущіяся на протяженіи двухъ нашихъ миль, маленькіе деревянные домики. Можно подумать, что кто-то сложилъ въ одну кучу нѣсколько сотенъ мѣстечекъ, вродѣ нашихъ уѣздныхъ городишекъ, только улицы сдѣлалъ правильными и широкими, а также снабдилъ имъ сѣтью телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. Это сравненіе даетъ самое вѣрное понятіе объ американскихъ городахъ, лежащихъ къ западу.

23-го іюня, Чикаго, выставка.

Съ балюстрады, окружающей крышу главнаго корпуса зданія промышленности и искусства, любуюсь выставкой, которая стелется у моихъ ногъ со своими бѣлыми строеніями, коврами зелени, рощами кустарниковъ, прудами и островками, усѣянная ползающимъ, словно черви, пестрымъ человѣчествомъ. Своимъ оживленіемъ и движеніемъ выставка рѣзко отличается отъ без-

конечной поверхности озера, гладкой, чистой, спокойной. Съ другой стороны разстилается городъ. Ближайшія части его—кварталы зажиточныхъ гражданъ, купающіеся въ зелени,—еще видимы глазу, хотя и окутаны слегка прозрачнымъ саваномъ мглы и пыли; а далѣе все совершенно исчезаетъ въ туманѣ сажи. Однѣ лишь фабричныя трубы выдѣляются изъ этого облака и выпускаютъ еще болѣе темныя облака дыму, которыя мало-помалу расплываются въ окружающей атмосферѣ пыли. Еще далѣе торчатъ какія-то башни, можетъ быть, «дома до небесъ», но въ этомъ я не увѣренъ, такъ какъ теряю способность что-либо различать въ непрозрачномъ воздухѣ. Ужасное зрѣлище! На балюстрадѣ я купаюсь въ морѣ чистаго воздуха и въ незапятнанныхъ ничѣмъ лучахъ солнца, а у ногъ моихъ стелется неизмѣримое и чистое пространство воды озера и цѣлыя площади зелени,—здѣсь всѣ чувства мои возмущаются противъ проклятыхъ гигіеническихъ условій, въ которыхъ стонутъ милліоны человѣческихъ существъ. Жилища безъ свѣта, площади безъ растительности, облака пыли, самые разнообразные скверные запахи. Развѣ нельзя считать города настоящими нарывами на общественномъ тѣлѣ? Я понимаю Рескина, который, руководясь эстетической точкой зрѣнія, бросилъ перчатку всемогуществу современной индустріи. И всетаки—всетаки Чикаго еще идеалъ: въ немъ нѣтъ подвальныхъ жилищъ, люди не гнѣздятся, какъ кролики, въ многоэтажныхъ домахъ, улицы широкія.

Мысль съ отвращеніемъ бѣжитъ отъ картинъ, которыя запятнали чистоту природы, и паритъ надъ всѣмъ, что̀ меня непосредственно окружаетъ. Когда я гуляю внизу, по парку Джаксона, то всегда имѣю дѣло лишь съ частицей Бѣлаго Города *). Цѣлое дробится и теряется въ мелочахъ. Тогда я уподобляюсь эстетическому кроту, умѣющему различать «тонкости», но не способному обнять картины во всей ея цѣльности. Здѣсь, на высотѣ,—если не ошибаюсь,—двухсотъ футовъ, «тонкія» порицанія и восторги, т. е. порицанія и восторги крота, должны казаться до наивности смѣшными. Что̀ тамъ внизу представляется хаотическимъ сборищемъ строеній, то̀ отсюда, сверху, складывается въ гармоническую и явственную мозаику. Какъ все мощное и смѣлое, эта картина вызываетъ въ душѣ зрителя крикъ восторга и приводитъ въ мечтательное настроеніе. Мнѣ чудится, будто я стою передъ наружнымъ скелетомъ отдаленнаго будущаго! Я любуюсь огромными куполами, для созданія которыхъ требовались нѣкогда десятки лѣтъ и нужны были виртуозы строительнаго

*) Кварталъ, гдѣ помѣщалась выставка.

искусства, и которые нынче родятся и выростають въ нѣсколько недѣль. Развѣ не шедевръ и это зданіе, стоя на вершинѣ котораго я даю волю своему воображенію? Чтобы обойти балюстраду кругомъ, мнѣ нужно болѣе десяти минутъ; изъ подъ балюстрады поднимается кверху стеклянная крыша главнаго корпуса, у ногъ моихъ закругляется, понижаясь, поверхность нижняго свода, который, опустившись внизъ, опять поднимается и образуетъ остроконечную крышу, распростертую надъ павильонами. Дядюшка Самъ *) хвалится тѣмъ, что впервые земной шаръ несетъ на своемъ хребтѣ подобное чудовище. Передъ нами новый вѣкъ архитектуры, вѣкъ желѣза, стекла и «штафа» **), и онъ шутя сокрушаетъ традиціонныя формы, насмѣхается надъ архитектоническими трудностями, издѣвается надъ семью чудесами древняго міра. Возбужденная мысль уносится въ будущее, и изъ клочковъ Бѣлаго Города создаетъ поэтическую канву. Земля превратилась въ одно громадное поле, покрытое садами, и на лонѣ его копошится новая человѣческая раса, сильная и здоровая. Она отложила въ сторону нѣкоторыя машины, ибо мышцы жаждутъ физическаго упражненія; люди предпочитаютъ собственноручно сгребать сѣно, нежели пользоваться машинными автоматами. Средь зелени полей и рощъ-садовъ высятся зданія такой же архитектуры, какую мы видимъ въ Бѣломъ Городѣ. Эти громадныя зданія ничто иное, какъ шатры, которые можно разобрать въ нѣсколько дней и перенести при помощи желѣзной дороги въ любое мѣсто, куда переселяется орда цивилизованныхъ кочевниковъ. Плески волнъ озера, поѣздà электрической желѣзной дороги, змѣями извивающіеся на линіи каждую минуту, движущіеся потоки человѣческихъ головъ—все это заставляетъ мысль сочетать далекое будущее съ кочевою жизнью. А среди этихъ ордъ будущаго, перекочевывающихъ со своими шатрами съ полей къ морю или въ горы, будутъ тамъ и сямъ торчать нынѣшніе города, совершенно покинутые, съ нѣсколькими смотрителями, являя собою памятники минувшаго, осѣдлаго прошлаго, точно такъ-же, какъ нынче, на неприступныхъ скалахъ, дремлютъ замки средневѣковыхъ коршуновъ, жестокихъ, хищныхъ, но смѣлыхъ и не торговавшихъ честью.

Одинъ вопросъ всплываетъ изъ глубины на поверхность моря сознательной мысли. Если бы Новалиса или кого-нибудь изъ ро-

---

*) Прозвище Соединенныхъ Штатовъ, составленное изъ начальныхъ буквъ англійскаго ихъ названія: *U*nited *S*tates—*U*ncle *S*am.

**) Штафъ (staff)—особая смѣсь изъ гипса, аллюминія, глицерина и декстрина, которая накладывается въ видѣ тѣста и, высохнувъ, очень прочна и похожа на мраморъ.

мантиковъ посадить на эту балюстраду, по которой я расхаживаю, неужели и тогда воображеніе ихъ уносилось бы къ средневѣковому разнообразію? И развѣ весь романтизмъ не былъ стономъ натуръ, которыхъ давилъ развивающійся шаблонъ мѣщанскаго филистерства съ его эстетикой «тонкостей»—эстетикой крота, съ его почитаніемъ бюрократической гладкости формы, съ его культомъ такта?...

24 іюня, Чикаго, выставка.

Передо мною движется кресло на колесахъ. Въ немъ растянулась дама и запросто болтаетъ съ юношей, двигающимъ его сзади. На лицѣ юноши выражается умъ и смѣлость; свѣтлоголубая куртка изобличаетъ въ немъ одного изъ служителей выставки, которые зарабатываютъ деньги тѣмъ, что развозятъ посѣтителей въ креслахъ.

Это интересная страничка американскихъ обычаевъ, одна изъ тѣхъ, которыя заставятъ меня, вернувшись на родину, долго еще тосковать по Америкѣ. Когда организовалась служба при подвижныхъ креслахъ, студенты мѣстнаго университета выговорили себѣ первенство въ этомъ дѣлѣ и такимъ образомъ добываютъ средства для дальнѣйшихъ занятій. Труда здѣсь никто не стыдится! Этотъ принципъ процвѣтаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ; простой дровосѣкъ, если только у него на плечахъ предпріимчивая голова, можетъ смѣло разсчитывать на высокое положеніе. Нашъ студентъ отвѣтилъ бы пощечиной тому, кто предложилъ бы ему прибѣгнуть къ подобному источнику средствъ къ жизни. Онъ предпочитаетъ, чтобы ножки растанцовавшихся дамъ трудились ради него на благотворительныхъ балахъ; милостыни онъ не стыдится, но трудъ считаетъ ниже своего достоинства...

25 іюня, Чикаго, «State Street.»

Общественная жизнь иногда имѣетъ свои непосредственныя проявленія. Тогда со всею силой и выразительностью выступаютъ наружу свойственныя ей тенденціи. State Street (улица штатовъ) въ полуденное время, когда всего сильнѣе кипитъ дѣловая жизнь, становится воплощеніемъ сущности современнаго общества. Насколько хватаетъ глазъ, вездѣ толкутся людишки, образуя сплошную массу, которая вся цѣликомъ движется; иногда кто-нибудь выскочитъ изъ нея, пробѣжитъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и, отыскавъ въ толпѣ мѣсто, гдѣ посвободнѣе, снова тонетъ въ ней.

Эта цѣльность движенія исчезаетъ, когда мы очутимся внутри самого потока. Всякій идетъ по своему, иной спѣшитъ, какъ бѣшеный, другой пытается дать отпоръ уносящему его теченію.

Каждый думаетъ только о себѣ, чужія ноги и платья нисколько его не интересуютъ. Если вы идете медленно, да къ тому-же сохранили въ себѣ капельку вѣжливости, т. е. вниманія къ другимъ, васъ будутъ толкать направо и налѣво, топтать, сбивать съ ногъ. Не ждите извиненія, если кто-нибудь наступитъ вамъ на ногу или толкнетъ васъ локтемъ, ибо, во первыхъ, извиняться некогда, а во-вторыхъ—ваша, а не его вина, что вы не глядѣли въ оба. И не только ваши ноги, но и ваши часы въ опасности. Береги и тѣ, и другіе! Поэтому каждый смотритъ на всѣхъ исподлобья, такъ же какъ и всѣ на него. «Homo homini lupus est» (человѣкъ для человѣка—волкъ)—вотъ принципъ, которымъ управляется человѣческій потокъ на «State Street». Здѣсь осуществилась полная равноправность обоихъ половъ: мужчина не уступитъ женщинѣ, женщина же пусть не ждетъ извинительныхъ объясненій, если мужская нога наступитъ на оборку ея платья. А когда пойдетъ дождь и надъ головами раскидываются зонтики—тогда начинается настоящая битва: дѣйствительнымъ оказывается одно только право сильнаго, кулакъ торжествуетъ, этика, гласящая о солидарности, изгоняется съ проклятіемъ. Собраніе враждебныхъ другъ другу атомовъ—и ничего болѣе! Вотъ въ мелкомъ масштабѣ картина «дѣлового» общества.

27 іюня, Чикаго, City.

Дѣтвора неограниченно властвуетъ надъ улицей. Дерзость еще отъ земли не видныхъ обывателей выше всякаго представленія, на какое способна голова пріѣзжаго. Европейскіе родители, оказавшись обладателями такого бѣснующагося утѣшенія, думали бы, что произвели на свѣтъ висѣльниковъ. Мои знакомые, воспитанные въ Старомъ Свѣтѣ и заброшенные судьбою за Атлантическій океанъ, не щадятъ словъ для выраженія своего негодованія. И однако же изъ этихъ сорви-головъ выростаютъ не висѣльники, а граждане, гораздо болѣе самостоятельные и энергичные, чѣмъ прилизанные и остриженные птенцы нашей части свѣта, привыкшіе къ тому, чтобы ихъ долго держали подъ крылышкомъ опеки. Шестилѣтніе сопляки добываютъ себѣ средства къ жизни продажей газетъ, а двѣнадцатилѣтніе молокососы предпринимаютъ далекія путешествія. Въ сегодняшней газетѣ есть телеграмма объ одномъ подобномъ жителѣ Сѣверной Каролины. Ему захотѣлось видѣть выставку, и онъ пѣшкомъ отправился изъ дому. Только что онъ прибылъ въ одинъ городокъ въ штатѣ Тенесси, пройдя пѣшкомъ 130 миль. Никто его не задержитъ и не отправитъ къ родителямъ.

Нѣсколько примѣровъ шалостей. По вечерамъ, посреди улицъ,— прибавимъ, съ деревянными строеніями, — пылаютъ огромные костры. Это молодое поколѣніе разгоняетъ скуку жизни и устраиваетъ «ауто-да-фе», на которомъ нерѣдко можетъ оказаться букварь, а еще чаще доска, выкраденная изъ панели или изъ стѣны какого-нибудь сарая. Всякій разъ, когда я выхожу за порогъ своего жилища, я могу наблюдать какъ съ троттуара—онъ возвышается фута на два надъ улицей—толпы мальчиковъ и дѣвочекъ карабкаются на фонари и съѣзжаютъ по нимъ внизъ. Къ частымъ развлеченіямъ принадлежитъ еще подкладыванье камней подъ трамваи. Вагонъ съ трескомъ разламываетъ или откидываетъ препятствіе въ сторону, зачинщики же держатся, по возможности, подальше—знаютъ отлично, что могутъ получить отъ кондуктора не особенно пріятную награду; одинъ только трехлѣтній пузырь, пассивный участникъ этой затѣи, стоитъ возлѣ самыхъ рельсовъ, ковыряя въ носу, и съ важнымъ видомъ выслушиваетъ проклятія кондуктора. Иногда молодые обыватели начинаютъ перебрасываться камнями, разумѣется, не заботясь о томъ, что могутъ задѣть по головѣ старшаго соотечественника. Черезъ недѣлю большой праздникъ—четвертое іюля. Дѣтвора Дядюшки Сама торжественно готовится къ нему: на улицахъ и въ переулкахъ ужъ стрѣляютъ петарды, изъ-подъ ногъ прохожаго взвиваются ракеты. Малыши кладутъ взрывчатые капсули на рельсы трамваевъ; разумѣется, кромѣ треска, нѣтъ никакихъ послѣдствій.

2 іюля, Чикаго, выставка.

Очарованный, сижу я среди гула и шума двигающихся машинъ въ отдѣлѣ земледѣлія. Я таковъ же, какъ та толпа, которую вижу передъ предлагаемой рекламой. Люди, говорящіе на разнообразныхъ языкахъ, въ разнообразныхъ одеждахъ, таращатъ глаза на чудеса, которые показываетъ имъ въ окошкѣ Дядюшка Самъ— пружина свертывается, и въ проходѣ одно за другимъ появляются земледѣльческія орудія невѣдомой формы. Я полагаю, если бы нашего крестьянина, проведшаго всю свою жизнь надъ матушкой-землей и котораго отцы и праотцы не вѣдали инаго труда, перенести сюда и сказать ему, что онъ видитъ передъ собою земледѣльческія машины, онъ обидѣлся бы на вертопраха за насмѣшку надъ его простотой. Послѣ продолжительнаго осмотра онъ открылъ бы, наконецъ, нѣсколько извѣстныхъ ему формъ: узналъ бы плугъ или, вѣрнѣе, догадался бы, что данное орудіе должно быть плугомъ, по острію, составляющему самую рутинную часть снаряда,

которымъ человѣкъ рѣжетъ лоно земли. Удивило бы его въ плугѣ нехристей только сидѣніе, поднимающееся кверху. Что̀ бы это могло значить? Неужели подростокъ или, пожалуй, и заморскій крестьянинъ имѣетъ даже такія претензіи, неужели онъ сидитъ на плугѣ и увеличиваетъ своимъ тѣломъ тяжесть для бѣдной скотины? Увы! бываютъ у него и такія прихоти, и, сидя на плугѣ, онъ держитъ еще въ губахъ сигару и читаетъ газету...

Я расхаживаю внутри зданія, на стѣнѣ котораго въ одномъ мѣстѣ замѣчаю надпись: «Желѣзная эпоха въ земледѣліи» и присматриваюсь къ открывающимся передо мною загадкамъ. Для чего служитъ, напр., этотъ рядъ вилокъ, расположенныхъ на подобіе спицъ въ колесѣ телѣги, заходящихъ при своемъ оборотѣ на другія такія же спицы, а эти послѣднія еще на третьи? Или что такое это полотно подъ вращающейся лѣстницей, которое, совершивъ оборотъ, возвращается на прежнее мѣсто? Это невѣдомые для меня предметы съ невѣдомымъ назначеніемъ. А между тѣмъ, значительную часть жизни я провелъ въ деревнѣ, и мнѣ знакомы наши хозяйственныя орудія. Одно мнѣ ясно: американецъ не утруждаетъ своихъ ногъ ходьбой. Почти на каждомъ изъ этихъ мудреныхъ орудій устроено сидѣніе, и это нѣсколько помогаетъ мнѣ разобраться въ незнакомыхъ мнѣ формахъ. Я догадываюсь, что сидѣніе прилажено всегда къ орудію, движущемуся по полю, и представляетъ видоизмѣненный серпъ, косу, борону, замѣняетъ руку, разбрасывающую зерна; плуги я исключаю, такъ какъ узнаю ихъ сразу по острію. Гдѣ нѣтъ сидѣній, тамъ передо мною находятся видоизмѣненные цѣпы, вилы и другія родственныя имъ орудія. Проведя эту первую классификаціонную линію, мнѣ уже легче догадаться, къ чему служатъ различные «ребусы». Этимъ я занимаюсь ужъ нѣсколько дней. На помощь мнѣ приходятъ щедро раздаваемые при каждомъ орудіи каталоги съ разноцвѣтными рисунками. Къ рисунку приложено описаніе, какъ пользоваться даннымъ орудіемъ, а также прибавлены рисунки и описаніе того, какими орудіями пользовался человѣкъ въ прошломъ для тѣхъ же цѣлей. Это сопоставленіе американской рутины и европейскаго прогресса даетъ мнѣ ключъ къ пониманію тайнъ, нагроможденныхъ въ зданіи агрономической техники.

При выходѣ замѣчаю родную соху и пару другихъ памятниковъ, которые просуществовали у насъ со временъ легендарнаго потопа. Неужели и ихъ еще употребляютъ? Какое тамъ! Надпись гласитъ, что подобными орудіями обрабатывали землю въ Миссури въ 1840 году. Такъ, стало быть, это экземпляръ изъ музея, остатокъ древности, показываемый, какъ рѣдкость.

3 іюля, вечеромъ, Чикаго, «City».

Толпы людей загородили мнѣ дорогу. Вдоль улицы тянутся, словно змѣи, огромныя пожарныя трубы. Миную еще одну преграду. Во мракѣ ночи неясно выдѣляются чудовища, фыркающія клубами дыма изъ трубъ, а внизу пылающія огнемъ. Одно, другое, пятое.,. Это паровые насосы. Передо мною происходитъ американскій пожаръ!

Пламени не видно. То изъ-за одного, то изъ-за другого дома поднимаются столбы дыма. Внимательнѣе вглядѣвшись, вижу, что они исходятъ изъ паровыхъ машинъ. Наконецъ, замѣчаю цѣлые лѣса лѣстницъ. Огонь, повидимому, успѣли уже потушить. Меня удивляетъ, что я не вижу пожарныхъ, что толпа облѣпила снаружи домъ, въ которомъ начался пожаръ. Въ толпѣ шмыгаютъ мальчишки и—вѣдь мы наканунѣ 4-го іюля—пускаютъ ракеты надъ головами публики, а подъ ноги бросаютъ мелкія взрывчатыя капсюли. Большая ракета брыжжетъ, вертится по землѣ и плюетъ дождемъ искръ, а средь нихъ пляшетъ босоногій бѣсенокъ. Пыхтѣніе паровыхъ насосовъ, взрывы ракетъ, гулъ толпы, давка, свистки—да ужъ не находимся ли мы среди бомбардируемаго города? А!—Полисменъ! Съ удивленіемъ смотрю на эту почтенную фигуру, ибо совсѣмъ забылъ объ ея существованіи. Стоитъ онъ, словно гетманъ съ булавой, и съ флегматическимъ спокойствіемъ поглядываетъ на мальчишку, пляшущаго въ искрахъ ракеты.

4 іюля, Чикаго, «City».

Со вчерашняго вечера я нахожусь словно въ осажденномъ городѣ. Непрерывный гулъ ракетъ продолжался до поздней ночи—я уснулъ подъ его отголоски. Выстрѣлы, словно изъ пушки, разбудили меня въ пять часовъ и съ тѣхъ поръ не прекращались ни на минуту. Вѣдь это день св. Джулая (Юлія), какъ выражается о 4-мъ іюлѣ американецъ «польскаго вѣроисповѣданія». Газеты полны каррикатурами. Дядюшка Самъ, словно сумасшедшій, скачетъ на одной ногѣ, стрѣляетъ изъ револьвера, ракеты лопаются на улицѣ, искры разсыпаются въ воздухѣ. Но больше всего удѣлено мѣста не видному еще отъ земли герою сегодняшняго торжества. Вотъ одна изъ каррикатуръ: девять часовъ утра, огромный ящикъ съ ракетами уже пустъ, а мальчишка пристаетъ со слезами, чтобы дали ему еще. А вотъ другая: гражданинъ-полисменъ стоитъ, вытянувшись во весь ростъ, съ поднятой кверху булавой въ рукѣ, и зорко слѣдитъ, какъ вчера ему было приказано, за ракетами въ узкихъ улицахъ, среди рядовъ деревянныхъ домовъ. Вѣдь онѣ могутъ обратить цѣлый переулокъ въ пылаю-

щій костеръ. Стражъ общественнаго порядка отъ усердія таращитъ свои буркалы, а въ это время какой-то пузырь подсовываетъ сзади огромную ракету подъ эту почтенную особу, зажигаетъ фитиль и, не дожидаясь дальнѣйшихъ послѣдствій, улепетываетъ со всѣхъ ногъ. Выводъ: предоставимъ все свободному теченію и упразднимъ стражей, излишнихъ въ странѣ Вашингтоновъ.

Моя хозяйка жалуется мнѣ на свою дѣвочку, которая, даже не позавтракавъ, побѣжала пускать ракеты. Молодымъ поколѣніемъ овладѣло неистовство; кромѣ фейерверковъ, ничего болѣе для него не существуетъ. Ребята толкутся на улицахъ; одинъ малышъ остановился посреди троттуара и машетъ небольшой ракетой, которая орошаетъ прохожихъ обильнымъ дождемъ искръ, другой направилъ ракету побольше прямо на улицу и поджигаетъ ее, ничуть не заботясь о томъ, въ какомъ направленіи произойдетъ взрывъ. Приходится идти осторожно, такъ какъ мальчикъ ни на что не обращаетъ вниманія, даже на своего пріятеля-помощника: одинъ изъ нихъ подноситъ фитиль, другой внимательно всматривается, забывъ, что огонь можетъ опалить ему лицо. Другіе, которые уже успѣли извести всѣ свои запасы и не могутъ выпросить у родителей ни гроша на новыя ракеты, носятся, какъ бѣшеные щенки: гдѣ бы ни шли приготовленія, они мчатся туда во весь опоръ, чтобы быть хотя бы только свидѣтелями. Дорогой захожу къ знакомому врачу. Онъ какъ разъ осматриваетъ девятилѣтняго мальчика, которому товарищъ всадилъ въ лицо нѣсколько зеренъ. Виновникъ этого дѣла ждетъ въ сосѣдней комнатѣ результата операціи и платитъ врачу изъ собственнаго кармана. Сегодня это уже вторая операція! Герой первой прибѣжалъ въ большой тревогѣ, опасаясь, что ему, пожалуй, отрѣжутъ палецъ. Страхъ былъ напрасенъ, а потому мальчикъ съ радостью согласился на небольшую операцію. Только мать была въ претензіи— вѣдь онъ нетолько пустилъ по вѣтру долларъ до полудня, но еще вытащилъ изъ кармана ея второй на врача.

Интересныя это картинки. Онѣ выразительно гласятъ о той свободѣ, какою пользуются здѣсь дѣти.

Опять выхожу на улицу. Гулъ не прекращается. Порой выскакиваетъ на троттуаръ взрослый обыватель и стрѣляетъ изъ ружья, или же высовывается изъ окна рука—и вправду, это женская рука!—и стрѣляетъ вверхъ изъ револьвера. Изъ-подъ трамваевъ раздается непрерывный громъ. И не удивительно: капсули торчатъ на рельсахъ и лопаются съ трескомъ. Виновники нетолько не улепетываютъ, но еще прицѣливаются ракетами въ проѣзжаю-

щихъ. А что еще будетъ вечеромъ, когда ночь опуститъ свой покровъ и распространится мракъ, жаждущій огненныхъ эффектовъ!?

7 іюля. Чикаго, «City».

Вотъ образцы рекламъ на вывѣскахъ: «Магазинъ модъ, величайшій на всемъ земномъ шарѣ»; «Величайшая газета въ мірѣ за два цента». Образцы описаній: «Величайшій и тяжелѣйшій на землѣ кусокъ стали, поднятый на такую высоту, на какую до сихъ поръ еще никогда не поднимали тяжестей». «Фейерверки, какихъ еще міръ не видѣлъ и которые можно пустить на невѣдомую доселѣ высоту». Если ужъ нѣтъ возможности приплести земной шаръ, то вмѣсто него упоминается штатъ, кварталъ, наконецъ, даже улица. «Нашъ магазинъ самый большой на этой улицѣ».

Американецъ неслыханнымъ образомъ упростилъ эстетику. Она основана для него на высокихъ цифрахъ. Описывая великолѣпіе парка, зданія, моста, всегда начинаютъ съ того, сколько пошло на него кирпичей, дерева, стекла. Американецъ менѣе интересуется внѣшнимъ видомъ, т. е. тѣмъ, на что цѣнитель красоты прежде всего обращаетъ вниманіе; болѣе интереснымъ кажется вопросъ, превзошло-ли данное созданіе руки человѣческой по размѣру своихъ собратій на землѣ? Если нѣтъ, то самая красивая вещь теряетъ очень много, даже утрачиваетъ всю свою прелесть. Думается мнѣ, что Аполлонъ Бельведерскій былъ бы во сто разъ больше оцѣненъ американцемъ, если бы равнялся высотою нью-іоркской статуѣ свободы или былъ бы сдѣланъ изъ какого-нибудь необыкновеннаго матеріала, напр., изъ желѣза, добытаго изъ упавшихъ на землю метеоровъ. Путеводители съ возможною щепетильностью стараются удовлетворить такому артистическому вкусу денежныхъ тузовъ! Раскрываемъ одинъ и наталкиваемся какъ разъ на описаніе отвратительнаго балагана, въ которомъ помѣщается театръ, гостинница и множество конторъ. «Изъ великолѣпныхъ зданій нашего города», читаемъ мы, «*Аудиторія* — самое великолѣпное. Это знаменитѣйшее зданіе на всемъ американскомъ материкѣ: это пріютъ большой оперы, прекраснѣйшей гостинницы мамонтовой величины, мѣстонахожденіе множества конторъ—однимъ словомъ, на всемъ земномъ шарѣ нельзя найти зданія, которое могло бы идти съ ней въ сравненіе. Въ ней воплотилась современная идея архитектуры, какъ въ римскомъ Колизеѣ—идея древняго міра. Чикагскій духъ трепещетъ въ ней и отражается въ ея постройкѣ».

И въ самомъ дѣлѣ, зданіе это—квинтэссенція чикагской эстетики: въ главномъ корпусѣ десять этажей, въ дрянной башнѣ—

шестнадцать, вѣситъ оно 110.000 тоннъ, пошло на него 17 милліоновъ кирпичей, его газо- и водопроводныя трубы имѣютъ 25 миль въ длину, въ немъ насчитывается 10 тысячъ электрическихъ лампъ. Вотъ образецъ мѣстной эстетики!

Это влеченіе къ большимъ размѣрамъ я встрѣчалъ въ Америкѣ повсюду, но въ «величайшемъ изъ продовольственныхъ городовъ»— одно изъ прозвищъ Чикаго — влеченіе это хватило черезъ край. Житель этого города очень любитъ прилагательныя превосходной степени. Гдѣ онъ не можетъ ихъ примѣнить, тамъ предметъ теряетъ въ глазахъ его часть своей цѣнности. Въ стѣнахъ Чикаго столько предметовъ, дѣйствительно величайшихъ въ мірѣ, что у коренныхъ обитателей города зашелъ умъ за разумъ. Они стали оцѣнивать художественность аршиномъ и мѣрой. Вообще, душа «завоевателей міра» (прозвище жителей Чикаго) достойна изученія. Къ сожалѣнію, я не знакомъ ни съ однимъ изъ здѣшнихъ психіатровъ, а то я спросилъ бы его о характерѣ здѣшней «маніи величія»—не отличается ли она тѣми же чертами, какія обнаруживаются на вывѣскахъ. Въ старой части свѣта страдающій маніей величія считаетъ себя папой, королемъ, графомъ, а близь Мичигана, по всей вѣроятности, мнитъ себя крупнѣйшимъ на всемъ земномъ шарѣ банкиромъ или лицомъ, выстроившимъ высочайшую башню. Манія эта существуетъ въ болѣе умѣренной формѣ среди мѣстной плутократіи. Зародыши ея можно усмотрѣть и въ жаргонѣ мѣстной прессы, исповѣдующей эстетику денежныхъ тузовъ и загрязнившей своимъ дыханіемъ дѣльныя фигуры мелкаго мѣщанства прошлаго вѣка: посѣщеніе какого-нибудь чудовища изъ камня она считаетъ чуть ли не дѣломъ, достойнымъ Вашингтона или Франклина. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести образецъ здѣшняго газетнаго стиля, когда дѣло касается близкихъ сердцу вещей. «Четвертое іюля — вотъ такъ штука! Это подтвердятъ четверть милліона людей, сердца которыхъ слились въ общемъ торжествѣ. Четверть милліона людей стояло тамъ, гдѣ сотня племенъ, народовъ и королевствъ создала самое грандіозное зрѣлище, какое только когда-либо и гдѣ-либо представлялось глазамъ человѣка; всѣ скажутъ въ одинъ голосъ, что ничего подобнаго не видывали ни на землѣ, ни подъ землею, ни въ какомъ бы то ни было другомъ уголкѣ вселенной (такъ!). День этотъ сравнялся своимъ великолѣпіемъ со всѣми войнами, пышностью—со всякими парадами. Воздвигнутъ былъ патріотическій алтарь, достигающій до самыхъ границъ страны и могущій удовлетворить самыя ненасытныя натуры! Толпы были неисчислимы. Исторія записала болѣе мелкія группы и отмѣтила въ числѣ

событій, какъ чудо по своимъ размѣрамъ. У Александра было меньше полчищъ, когда онъ шелъ покорять востокъ, когорты Ганнибала были лишь небольшимъ отрядомъ... (тутъ воскрешены изъ мертвыхъ Цезарь, Аттила, Карлъ Великій, Крестовые походы, Наполеонъ и множество другихъ). Сборище это станетъ достояніемъ исторіи, какъ показатель для нашей эпохи!»

Забавное преувеличеніе, эстетика выскочки-плутократа, но это тряпки на тѣлѣ дѣльнаго ребенка. Не будемъ забывать этого! Такое самомнѣніе можетъ существовать только при сознаніи собственной силы.

10 іюля, выставка. Зданіе для дѣтей.

Частица американской жизни, перенесенная на выставку! Прислуги не существуетъ. Какъ же, въ такомъ случаѣ, матерямъ уйти изъ дому? Неужели имъ отказаться отъ удовольствія осмотрѣть Бѣлый Городъ? Совсѣмъ нѣтъ! Онѣ берутъ съ собою дѣтей и оставляютъ ихъ въ *Убѣжищѣ*; старшіе будутъ упражнять свои мускулы въ «гимназіумѣ», за младшими будутъ присматривать въ фребелевскомъ саду, а за грудными малютками—въ ясляхъ.

Надписи на дверяхъ сердечно приглашаютъ войти. «Какую воткнешь вѣточку, такое будетъ и дерево!» «Малыя сіи со временемъ выростутъ и сдѣлаются большими міра сего». «Дѣти—надежда страны». «Взрослые суть тѣ же дѣти бóльшаго роста». Возвышенныя изрѣченія! Но—осторожность: не будемъ довѣрять словамъ. Эпоха всеобщаго торгашества держится того принципа, что языкъ на то и данъ человѣку, чтобы легче было надувать и дѣлать гешефты. Янки всегда преслѣдуетъ рекламою какую-нибудь цѣль: онъ навострился прикрывать отвратительнѣйшую погоню за барышомъ красивыми словечками. Сверху позолота, внутри грязь!

Kitchen Garden (школа поваренная искусства). Маленькіе красные стулья, среди нихъ небольшіе столики, нѣсколько десятковъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ чепчикахъ на головѣ и въ бѣлыхъ верхнихъ одеждахъ—ужъ не знаю, право, подъ какимъ названіемъ слыветъ этотъ нарядъ въ арсеналѣ костюмовъ нашихъ дамъ. Это школа, которая должна привить дѣвушкамъ добродѣтели прабабушекъ, мало-по-малу исчезающія подъ убійственнымъ дыханіемъ современной техники. То, что прежде являлось само собой, какъ необходимое послѣдствіе тогдашнихъ условій жизни, теперь должно искусственно воспитываться при помощи внушенія и гипнотизма. Вотъ, во что обратился культъ Знича! *). Прибитая досчечка гла-

*) У древнихъ литовцевъ такъ назывался огонь, который поддерживался передъ божествами и служилъ символомъ домашняго очага.

ситъ о цѣляхъ учрежденія. «Школа повареннаго искусства» должна уничтожать отвращеніе къ домашнимъ занятіямъ—вотъ какъ далеко зашло уже развитіе по ту сторону Атлантическаго океана!— и возвысить въ глазахъ женщины ея обязанности, представивъ ихъ молодому уму во всей прелести.

Урокъ только-что начался. Дѣвочки хоромъ поютъ о томъ, что должна дѣлать хозяйка, когда приблизится обѣденное время. По окончаніи пѣнія, нѣсколько дѣвочекъ вышло на середину и принялись накрывать столики. Что можно было бы сдѣлать въ двѣ минуты, на то понадобилось около четверти часа. Одна изъ дѣвочекъ кладетъ ножъ, потомъ отходитъ—нѣтъ, ножъ плохо положенъ, а потому она возвращается и перекладываетъ его. И все-таки онъ положенъ нехорошо, черенокъ лежитъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Подходитъ наставница и произноситъ отрывокъ изъ американскаго *savoir vivre* (умѣнье жить). Ахъ, это цѣлая наука! Хотя я какъ нельзя лучше представляю себѣ, что двуногое млекопитающее способно обратить самую простую вещь въ самую сложную, но никогда не думалъ, чтобы нужна была такая масса знанія для того, чтобы накрыть столъ... Наконецъ, совершивъ одно таинство, приступили къ другому. Нѣсколько дѣвочекъ усѣлось за столомъ. Наставница зорко слѣдитъ, какъ бы онѣ не согрѣшили, а то вдругъ онѣ возьмутъ не тотъ ножъ для фруктовъ или неумѣло разложатъ салфетку!

Такая же торжественность проявляется во всякой мелочи: дѣвочки съ пѣснями моютъ полъ, готовятъ обѣдъ. Даже метлы, висящія на стѣнахъ, имѣютъ торжественный видъ—онѣ убраны лентами, словно вербы.

Я здѣсь уже не впервый разъ. Школа въ *Убѣжищѣ дѣтей* представляетъ вѣтвь главнаго заведенія въ Нью-Іоркѣ и попытку пересадить эту вѣтвь на чикагскую почву. Американскіе галантерейные магазины помѣщаютъ въ окнахъ живыхъ манекеновъ, косметическія лавки—живыхъ экземпляровъ съ косами до земли, заведеніе г-на X.—дѣло не въ фамиліи—сняло комнату въ зданіи для дѣтей и ежедневно выставляетъ себя на показъ передъ публикой. Педагогическая реклама! Я знаю уже лица нѣкоторыхъ дѣвушекъ и сразу отличаю ихъ въ толпѣ пріѣзжихъ. Вмѣсто торжественнаго выраженія, замѣчаю на ихъ лицахъ скуку, выдрессированныя маріонетки машинально совершаютъ таинства Знича. Можетъ быть, это куклы, купленныя у родителей и предназначенныя для приманки... Реклама, гипнозъ, терзанія юной души!

Фирма какого-то «Sloyd'а». За столиками толпа дѣтей. Небольшіе станки—въ своемъ родѣ шедевры, такъ что хочется

усѣстся за нихъ и приготовлять модели. Но еще лучше свѣтитъ на дворѣ солнце и манитъ къ себѣ! Поэтому я убѣгаю отъ этой дрессировки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покидаю выставку педагогическаго гешефта. Я предпочитаю облокотиться на балюстрадѣ и сверху разсматривать центральный залъ. Посрединѣ висятъ трапеціи, стоятъ кóзлы, изъ угловъ выглядываютъ гири. Это «гимназіумъ». И здѣсь свила себѣ гнѣздо реклама. Но здѣсь она не убиваетъ юнаго духа внушеніемъ, не лишаетъ дѣтей свободы и воздуха, не напечатлѣваетъ на лицѣ ихъ отвращенія и нетерпѣнія. Мальчики и дѣвочки упражняютъ свои мускулы, одинаково скачутъ черезъ кóзлы, поднимаютъ однѣ и тѣ же гири. Дѣвочки нарядились въ соотвѣтственный костюмъ: талію ихъ облекаетъ голубая матроска, юбка доходитъ только до колѣнъ, изъ-подъ нея виднѣются панталоны, покрывающія ноги и напоминающія турецкіе шаровары. Дѣти выходятъ изъ «гимназіума» съ румянцемъ на лицѣ, съ глубоко дышащими легкими. При видѣ такихъ результатовъ, я забываю о гешефтѣ.

Я люблю смотрѣть на ясли въ окно. Въ комнатѣ находятся дѣти двухъ лѣтъ и моложе. Въ открытыя двери виднѣется мраморная ванна, вдоль стѣны стоятъ шкапы съ цѣлыми грудамя чистаго бѣлья. По серединѣ устроены замкнутыя перила, внутри ихъ устланное пространство; нѣсколько маленькихъ американцевъ учатся ползать на четверинкахъ и знакомятся съ прелестями товарищеской жизни. Подальше огромная качающаяся колыбель усыпляетъ въ своихъ объятіяхъ еще пару грудныхъ младенцевъ. Около стѣнъ разставлены кроватки съ колышущейся подстилкой, прикрытыя пологомъ, который умѣряетъ свѣтъ, но не лишаетъ дѣтскую грудь воздуха. Каждую минуту входитъ то одна, то другая мать, возится нѣкоторое время съ своимъ малюткой, и опять исчезаетъ — идетъ на выставку. Подобіе фаланстера!

Другая комната — это салонъ старшаго поколѣнія, уже переставшаго трудиться надъ изученіемъ того, какъ надо ставить ноги. Вмѣсто колыбелекъ—ряды кроватокъ, опрятныхъ до чрезвычайности. Маленькіе столики и стульчики соотвѣтствуютъ росту гостей, постоянно посѣщающихъ этотъ салонъ. На стѣнахъ картинки, понятныя для трехлѣтняго ума; на полу—кегли, мячи.

И въ той, и въ другой комнатѣ возятся няньки. Дѣло въ томъ, что это заведеніе представляетъ еще и школу для этихъ рядовыхъ педагогической арміи. Отношеніе начальницы къ подчиненнымъ иное, нежели нашихъ содержательницъ фребелевскихъ заведеній къ своимъ боннамъ. Не во всемъ, видно, Америка опередила міръ, и американскіе «boss'ы»—мѣстное названіе принципаловъ—не доросли еще до европейской спеси.

Покидаю убѣжище для дѣтей съ непріятнымъ чувствомъ. Педагогическое искусство выступило здѣсь на показъ во всей своей полнотѣ. Но современные педагогическіе пріемы не достались въ руки людямъ, считающимъ воспитаніе священнодѣйствіемъ! Пріемы эти сдѣлались рычагомъ гешефта! Убѣжище для дѣтей— не святилище; этого придется еще долго ждать. Это педагогическая биржа, торгующая, пустословящая, выхваливающая свой товаръ и помышляющая о наживѣ!

13 іюля, Чикаго, на съѣздѣ фольклористовъ*).

Кабинетная моль остолбенѣла бы отъ ужаса, если бы ей пришлось быть свидѣтельницей такой «профанаціи» науки! Ученые позабыли о своемъ олимпійскомъ величіи и смѣшиваются съ сѣрой толпой профановъ. Сосѣдъ мой, полное ничтожество, достоинство котораго не возрасло отъ переѣзда черезъ Атлантическій океанъ—объ именахъ не станемъ упоминать—трогаетъ меня за плечо, и когда я наклоняюсь къ нему, дѣлаетъ ироническія замѣчанія о «ненаучности» американскихъ конгрессовъ. «Не проведутъ они меня въ другой разъ», грозится онъ и, наконецъ, наскучивъ безсмысленнымъ повтореніемъ одного и того же, переходитъ къ темамъ болѣе веселымъ: въ душѣ Вагнера**) оживаетъ европейскій кавалеръ, замѣчанія объ американскомъ дилеттантствѣ умолкаютъ, ихъ смѣняютъ другія—объ американкахъ.

Да, есть чѣмъ возмущаться мандаринамъ! Въ Европѣ обыкновенно собирается кружокъ десяти или болѣе ученыхъ мужей, окружаетъ себя китайскою стѣной, закрывая двери передъ профанами, и разбираетъ тѣ или другіе вопросы. Разборъ этотъ, обыкновенно, сводится къ вѣжливому выслушиванью доклада коллеги, къ позѣвыванью исподтишка, лишь бы только не замѣтилъ этого докладчикъ, и къ нѣсколькимъ критическимъ замѣчаніямъ приличія ради. Здѣсь, на американскомъ континентѣ, дѣло обстоитъ иначе. Огромная зала, переполненная публикой. Ученые рефераты превратились въ чтенія, съѣздъ сдѣлался рядомъ лекцій. Мы сидимъ на эстрадѣ, словно въ витринахъ выставки. Каждый изъ насъ, по очереди, входитъ на каѳедру, высказываетъ свои взгляды и уходитъ, сопровождаемый рукоплесканіями или, если наскучилъ слушателямъ, нескрываемыми зѣвками. Репортеры срисовываютъ физіономіи и записываютъ содержаніе чтенія, то-же дѣлаетъ кое-кто изъ публики. По окончаніи доклада, то одна, то другая дама подходитъ къ докладчику и проситъ его запи-

*) Т. е. лицъ, занимающихся народной поэзіей.

**) Изъ «Фауста» Гете.

сать свою фамилію въ альбомъ или хоть на вѣерѣ, иногда разспрашиваетъ о деталяхъ или оспариваетъ выводы. «Настоящій театръ!» стонетъ мой сосѣдъ...

Пусть театръ, но несомнѣнно одно,—онъ приноситъ много пользы. Наука сливается съ широкимъ потокомъ жизни, какъ одинъ изъ водоворотовъ этого потока, завоеванія ея становятся общедоступными, обладаніе ею демократизуется. Популярность изложенія не находится въ непримѣримомъ антагонизмѣ съ научностью и не должна обязательно сочетаться съ пустословіемъ.

Чѣмъ ближе узнаю американокъ, тѣмъ больше чувствую къ нимъ симпатіи. Въ данную минуту я думаю о своихъ товаркахъ по съѣзду. Одна изъ нихъ состоитъ предсѣдательницей какого-то общества фольклористовъ, другая совершила путешествіе вглубь Африки и съумѣла держать въ повиновеніи банду въ нѣсколько сотъ негровъ, составлявшихъ ея отрядъ. Въ Европѣ каждая такая женщина сдѣлалась бы невыносимо надменной, чѣмъ-то вродѣ павлина, то и дѣло распускающаго хвостъ. Европейская ученая женщина считаетъ первою своею обязанностью подражать по обезьяньи кабинетной моли, а такъ какъ женскій мозгъ обыкновенно до тонкости воспринимаетъ всякаго рода мелочи—одежду, манеру держать себя, изящество—то женщины доводятъ отраженіе натуры крота патентованной учености до невыносимаго совершенства

Въ товаркахъ моихъ не вижу и слѣда павлиньяго чванства: очевидно, участіе въ съѣздахъ и въ публичныхъ собраніяхъ перестало быть для нихъ рѣдкостью. Можетъ быть, и самый характеръ folklore'a (народной поэзіи), постоянно служащаго ареной дилеттантизма, не даетъ проявляться этому качеству.

Между референтками—нѣсколько молодыхъ «миссъ» изъ отдаленныхъ уголковъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ мѣстечекъ вродѣ нашихъ глухихъ медвѣжьихъ уголковъ. Ихъ манера держать себя свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ срослись съ общественною жизнью. Всѣ онѣ смѣло и спокойно высказываютъ свои взгляды. Одна изъ нихъ обращается ко мнѣ съ нѣсколькими замѣчаніями. Она поразительно похожа на одну изъ моихъ варшавскихъ знакомыхъ, особу вполнѣ интеллигентную, но которая въ присутствіи публики прежде всего покраснѣла бы, потомъ нервно разсмѣялась и въ концѣ концовъ утратила бы, пожалуй, способность къ членораздѣльной рѣчи. Американка не краснѣетъ, голосъ ея не дрожитъ нервно. Она читаетъ докладъ такъ, какъ будто чувствуетъ себя въ кругу ближайшихъ друзей.

15 іюля, Чикаго.

Я лучше узнаю Чикаго. Огромный городъ раскинулся на гораздо болѣе обширномъ пространствѣ, нежели Парижъ. Иныя улицы больше десяти англійскихъ миль длиною. Въ нѣдрахъ своихъ Чикаго скрываетъ не одну только грязь и закоптѣлые дома, какъ показалось мнѣ въ первый день. Не знаю, есть ли на свѣтѣ другая такая страна, гдѣ плутократія такъ щепетильно умѣла бы выдѣлять себя изъ среды прочихъ смертныхъ. Ноги трудящагося Михеля (т. е. рабочаго) топчутъ еще мостовую улицы Викторіи и другихъ кварталовъ западнаго Берлина; въ Америкѣ же два народа—плутократія и трудящійся людъ—почти не знаютъ о существованіи другъ друга. Есть люди, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ Чикаго и полагающіе, что весь городъ, на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ одну мусорную кучу.

Близъ парка Линкольна, вдоль берега Мичигана тянется прелестная мѣстность, освѣжаемая въ лѣтнюю пору вѣтеркомъ съ озера, ежедневно орошаемая фонтанами изъ автоматическихъ насосовъ, изобилующая деревьями и привѣтливыми лужайками. Среди роскошной растительности возвышаются зданія, которыя украли свой стиль изъ всевозможныхъ временъ и мѣстъ и воскресили его здѣсь, въ этой зеленой оправѣ изъ травы. Феодальные зáмки и средневѣковые готики, мавританскіе дворцы и швейцарскіе домики перемѣшиваются другъ съ другомъ и манятъ къ себѣ взоры своимъ разнообразіемъ. Вотъ резиденціи плутократіи! Асфальтовыя мостовыя, гранитные тротуары, ни одного трамвая, ни одной телѣги, грохочущей по улицѣ, деревенская тишина и свѣжій воздухъ. Ни малѣйшаго слѣда пыли и грязи, ни единой крупинки сажи на стѣнахъ или на лужайкахъ. Только тамъ, вдали, на горизонтѣ виднѣется облако, черное, зловѣщее. Ужъ не ураганъ ли то приближается? Нѣтъ, это атмосфера, висящая надъ Чикаго простыхъ смертныхъ.

Я ужъ разъ говорилъ, что Чикаго производитъ на меня впечатлѣніе сотни сложенныхъ въ одну кучу медвѣжьихъ уголковъ. Теперь долженъ прибавить, что каждый изъ подобныхъ уголковъ имѣетъ свою особую физіономію. Одинъ опочилъ въ пеленахъ тумана сажи, другой купается въ запахѣ колбасныхъ лавокъ и гнойныхъ лужъ. Одинъ кварталъ представляетъ еще настоящую деревню, съ немощеными улицами, съ неогороженными пространствами, съ хлѣбными полями и огородами позади домиковъ, со скромными вербами вдоль тротуаровъ—символомъ безсилія нашего крестьянина. Въ другихъ мѣстахъ—парки, окруженные вѣнцомъ роскошныхъ виллъ, или отдѣльныя мѣстечки, вродѣ колоніи Пулльмана.

Настоящій калейдоскопъ разноцвѣтныхъ маленькихъ городковъ.

18 іюля, Чикаго, въ массонскомъ святилищѣ.

Что бы ни принесло будущее, въ зодчествѣ сохранится имя Чикаго, такъ какъ городъ этотъ вызвалъ къ жизни свою собственную архитектуру: огромныя зданія, съ громоздящимися другъ на друга рядами оконъ. Библейскіе миѳы сохранили для насъ легенды о наказаніи человѣческой гордыни, пытавшейся пробить башней небо. Чикагскіе капиталисты вздумали также осуществить это гордое намѣреніе и выстроили свои «дома до небесъ», которыя верхушками своими издѣваются надъ тучами.

Дороговизна участковъ земли въ торговомъ кварталѣ ужасающая, по нѣскольку тысячъ долларовъ за квадратный футъ. Не имѣя возможности разростаться въ ширину, зданія, подобно соснамъ въ густой чащѣ, тонкими и стройными башнями поднимаются кверху. Что начато было подъ вліяніемъ необходимости, то завершила мода. Какъ только одинъ плутократъ пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что выстроилъ домъ, высочайшій на всемъ земномъ шарѣ, другой изъ зависти сталъ добиваться пальмы первенства, пока, наконецъ, какъ послѣдній плодъ соревнованія, не возникло массонское святилище въ 20 этажей. Въ иныхъ мѣстахъ въ торговомъ кварталѣ одинъ «домъ до небесъ» помѣстился рядомъ съ другимъ такимъ же домомъ. Останавливаясь на углу улицъ Адамса и Дирборна и направляя свои взоры въ глубину послѣдней, я вижу передъ собою почти исключительно такія современныя «вавилонскія башни». Онѣ нетолько заносчиво громоздятся кверху, но и отличаются довольно значительною толщиною; фасадъ таращитъ на улицу сотни глазъ, изъ которыхъ каждый сверкаетъ золотыми и серебряными надписами. Это вывѣски, выписанныя на стеклѣ. Среди великановъ затесался какой-то карликъ—въ немъ всего лишь семь этажей.

Сижу ужъ не знаю въ которомъ этажѣ, должно быть, въ восьмомъ—въ массонскомъ святилищѣ, на удобной скамейкѣ. Въ этомъ зданіи только сидѣнія вмѣстѣ съ плевальницами деревянныя, все остальное сдѣлано изъ огнеупорнаго матеріала. Лѣса—желѣзные, полъ изъ гранитной мозаики покрываетъ терракотовое тѣло, столбы—желѣзные, лѣстницы изъ того же металла или изъ самаго плохого сорта мрамора. За стѣны цѣпляются стеклянные цвѣты, чашки, колокольчики. Это электрическія лампочки. Четверть зданія занимаетъ рядъ образующихъ полукругъ подъемныхъ машинъ—всего ихъ шестнадцать. Такой экипажъ съ людьми каждую минуту или опускается внизъ, или поднимается наверхъ. Въ немъ человѣкъ жмется къ человѣку—все биткомъ набито. Подъемныя машины работаютъ неустанно.

Вообще, намъ, европейцамъ, трудно даже понять, какую необходи-

мую часть торговыхъ зданій въ Чикаго составляютъ эти снаряды. Лѣстницы являются какъ бы рудиментарными органами. Но архитекторъ еще не вполнѣ сбросилъ съ себя пеленки традиціи. Онъ съумѣлъ выстроить двадцатиэтажный домъ, но лишить его лѣстницъ—нѣтъ, на это у него не хватаетъ смѣлости! Отдыхаю уже съ полчаса, набрасываю замѣтки, подъемныя машины мелькаютъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, около тысячи людей успѣло уже, пожалуй, подняться и спуститься, но никто еще не взобрался даже на ближайшій этажъ по лѣстницѣ—впрочемъ, виноватъ, теперь какъ разъ поднимается почтальонъ. Лѣстницы оказываются здѣсь настолько ненужными, что въ одномъ зданіи, а именно въ зданіи *Chàmber of Commerce* (палатѣ торговли), владѣлецъ сдѣлалъ наемную плату одинаковой для всѣхъ этажей. Однако, существуетъ все-таки одинъ «домъ до небесъ», устранившій этотъ рудиментарный органъ и окончательно уничтожившій лѣстницы. Изумительная смѣлость! Ибо человѣку гораздо легче сокрушить за собою всѣ мосты, нежели нарушить какую-нибудь мелочь, освященную традиціей... Мраморныя лѣстницы доходятъ только до перваго этажа, а затѣмъ исчезаютъ; подъемныя машины поднимаютъ и спускаютъ входящихъ и выходящихъ дѣльцовъ. Каждая изъ этихъ машинъ сопровождается электрическимъ пульсомъ, показывающимъ вверхъ или внизъ движется экипажъ, и на которомъ этажѣ онъ находится. Шестнадцатиэтажное зданіе безъ лѣстницъ—вотъ послѣднее слово архитектуры большихъ городовъ.

Система подъемныхъ машинъ — это пищеводъ «домовъ до небесъ». Онъ занимаетъ довольно много мѣста въ ихъ организмѣ, почти четвертую часть въ массонскомъ святилищѣ. Все прочее состоитъ изъ каморокъ, предназначенныхъ для различныхъ *offices* (конторъ). Массонское святилище есть огромный пріютъ Мамоны. Можно подумать, что это голубятня зашибателей деньги. Передъ отверстіями пищевода въ каждомъ этажѣ находится площадка, отъ которой бѣгутъ корридоры. Вдоль корридоровъ—двери, снабженныя нумерами: здѣсь помѣстилась контора адвоката, тамъ—контора дантиста, врача. Получается то же впечатлѣніе, что̀ отъ монастыря съ его узкими, длинными корридорами, съ его многочисленными кельями; но отсутствуетъ монастырская тишина. Люди безпрестанно входятъ и выходятъ. Въ открытыя двери въ *office'ахъ* видна роскошная меблировка — одно изъ необходимыхъ условій рекламы. Изъ иныхъ келій доносится смѣхъ, кто-то насвистываетъ арію весьма подозрительнаго характера—дѣти современной Мамоны обыкновенно почитаютъ еще и другую богиню, Veneram vagam.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АСТРОФОТОГРАФІЯ НА МОСКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Александру Александровичу Назарову.

Почти ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и тотъ, кому посвящаются эти строки, и пишущій ихъ готовились къ выпускнымъ экзаменамъ, со своими товарищами, математиками четвертаго курса московскаго университета. Недавно же, Александръ Александровичъ заявилъ мнѣ, что, желая дать осязательное выраженіе своей неизмѣнной признательности родному университету, онъ жертвуетъ извѣстную сумму на улучшеніе обсерваторіи, предоставляя мнѣ полнѣйшую свободу въ томъ, что именно пріобрѣсть или сдѣлать. Такимъ образомъ, обсерваторія обогатилась, *между прочимъ*, и фотографическимъ снарядомъ, краткому описанію котораго посвящена эта статья.

Конечно, ничего не можетъ быть утѣшительнѣе для университета, какъ такая память о немъ, какъ благодарность за теоретическую науку, высказанная послѣ столькихъ лѣтъ сложной, вполнѣ практической дѣятельности; ибо университетъ стоитъ на стражѣ интересовъ чистаго знанія, обязанъ разсѣвать его сѣмена и въ своей тяжелой работѣ поддерживается глубочайшимъ убѣжденіемъ, что какъ только въ обществѣ или въ цѣломъ государствѣ, даже весьма могущественномъ и богатомъ, падаетъ стремленіе къ свѣту и духовному совершенствованію, такъ такое общество и государство неминуемо начинаютъ слабнуть и чахнуть, превращаясь мало-по-малу въ древо, неприносящее плода.

§ 1.

Астрофотографическіе снаряды, т. е. инструменты, служащіе для фотографированія звѣзднаго неба, находятся въ настоящее время въ начальномъ періодѣ своего развитія. Только типъ астрографа, принятаго въ международной работѣ по составленію новой

карты неба, можно считать выработаннымъ и установленнымъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ наблюдатель самъ долженъ обдумать свой снарядъ и приладить его къ намѣченнымъ задачамъ и къ средствамъ, которыми онъ располагаетъ.

Поэтому, получивъ возможность построить для обсерваторіи подобный снарядъ, я составилъ схематическій чертежъ и сумму требованій, которымъ онъ долженъ былъ удовлетворить, и обдумалъ, затѣмъ, выборъ механика, который осуществилъ бы этотъ планъ на самомъ дѣлѣ. При постройкѣ новыхъ аппаратовъ послѣднее обстоятельство имѣетъ важное значеніе, ибо механикъ, обладая необходимою опытностью и искусствомъ, долженъ искренно стараться удовлетворить предъявленнымъ ему требованіямъ и проявить свой конструкторскій талантъ въ тѣсной, предписанной ему рамѣ; у мастеровъ, пользующихся большею или меньшею извѣстностью, такого рода предупредительность встрѣчается далеко не всегда, а у нѣкоторыхъ и совсѣмъ отсутствуетъ.

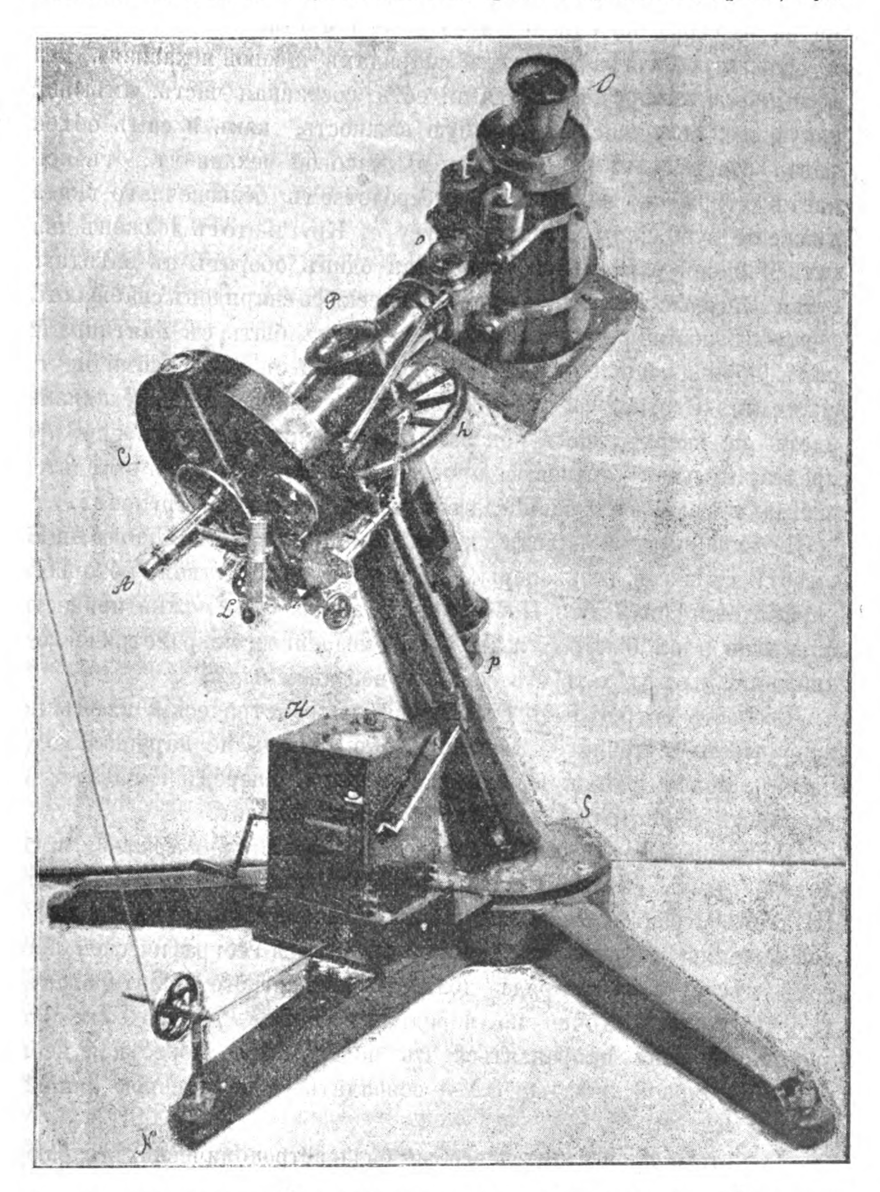
Я обратился къ г. Г. Гейде (G. Heyde) въ Дрезденѣ и, какъ оказалось, выборъ былъ удачный и снарядъ сдѣланъ во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошо.

Снарядъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Астрофотографическіе аппараты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ требуютъ исполненія болѣе тщательнаго, нежели обыкновенные приборы. Прежде всего, они должны быть построены весьма солидно, для устраненія малѣйшихъ гнутій и самыхъ незначительныхъ смѣщеній ихъ частей, при всевозможныхъ положеніяхъ зрительнаго аппарата. И дѣйствительно, какъ видно на чертежѣ, нашъ инструментъ представляетъ нѣчто весьма солидное и основательное.

Тяжелая, наклонная чугунная колонна имѣетъ длину, считая по нижней сторонѣ, равную 115 сантиметрамъ.

Разстояніе *Pp* равно 78 с.м.; линія *Pp* есть первая, такъ называемая, полярная или часовая ось вращенія. Разстояніе *SN* равно 136 с.м. Вторая ось вращенія, ось склоненія, перпендикулярна къ первой. Внутри ея помѣщена зрительная труба съ объективомъ *o* и окуляромъ *A*. Отверстіе объектива равно 75 миллиметрамъ, фокусная длина одному метру, увеличеніе трубы 20 и 100 разъ. Конечно, внутри трубы, сейчасъ за объективомъ, находится довольно большая прямоугольная призма, отражающая лучи, прошедшіе черезъ объективъ по направленію къ окуляру. Это контрольная труба. Въ полѣ зрѣнія ея находится крестъ паутинныхъ нитей, освящаемый ночью масляною лампочкою *L*, подвѣшенною такъ, что при всевозможныхъ положеніяхъ снаряда она остается вертикальною и горѣніе совершается спокойно и правильно.

Фотогрифическій объективъ Штейнгейля *O* имѣетъ свободное отверстіе въ 110 милл. и фокусную длину, равную 639 милл. Желѣзная, конической формы, камера снабжена сзади толстою, скрѣпленною мѣдными наугольниками, рамою краснаго дерева, куда



вдвигаются касетты. Вставленная на свое мѣсто касетта крѣпко прижимается четырьмя довольно толстыми мѣдными винтами; головка одного изъ нихъ видна на чертежѣ. Устройство касетты отличается отъ обыкновеннаго, и стеклянная пластинка внутри ея прижимается

къ своему мѣсту особою досчечкою, распредѣляющею давленіе равномѣрно на всю поверхность стекла. Отсюда понятно, что разъ кассетта вставлена и всѣ винты зажаты, камеру можно ворочать какъ угодно, объективомъ вверхъ или внизъ, фотографическая пластинка ни на волосокъ не сдвинется со своего мѣста.

Въ астрофотографическихъ снарядахъ часовой механизмъ, движущій всю камеру за звѣздами, есть составная часть, имѣющая такую же, если еще не большую важность, какъ и самъ объективъ. На рисункѣ *H* обозначаетъ часовой механизмъ; отъ него идетъ стержень, передающій, посредствомъ безконечнаго винта, движеніе зубчатому часовому кругу *h*. Кругъ этотъ долженъ двигаться очень равномѣрно, совершая одинъ оборотъ въ звѣздныя сутки. Часовые механизмы астрономическихъ снарядовъ снабжаются центробѣжными регуляторами и не могутъ быть съ маятниками, какъ обыкновенные часы, ибо механизмы съ маятниками идутъ скачками. Струна, на которой виситъ гиря часового механизма, идетъ не вверхъ, какъ показано на рисункѣ, снятомъ еще при предварительной установкѣ; а опускается внизъ и гиря находится всегда подъ поломъ башни, въ которой стоитъ инструментъ.

Вблизи окуляра находится тяжелый противовѣсъ *C*, играющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль опоры для ключей, посредствомъ которыхъ управляется снарядъ. Поворачивая эти ключи, можно привести аппаратъ и въ быстрое, и въ очень медленное, микрометрическое, движеніе, или сдѣлать его совсѣмъ неподвижнымъ.

Особымъ остроуміемъ отличается микрометрическій ключъ по направленію суточнаго движенія, ибо, отнюдь не нарушая хода часовъ, можно подвинуть немного снарядъ впередъ и назадъ, и исправить моментально малѣйшую ошибку часовъ.

Описанный штативъ называется *параллактическимъ*; имъ должны быть снабжены непремѣнно всѣ подобные инструменты. Штативъ строится особо для каждаго мѣста, ибо наклоненіе главной колонны къ горизонту должно равняться географической широтѣ мѣста. Весь снарядъ долженъ быть строго оріентированъ, т. е. поставленъ точно по меридіану. Линія *Pp*, продолженная вверхъ, должна направляться къ полюсу міра, пересѣкая небо близъ Полярной звѣзды; *SN* — совпадать съ полуденною линіей, *S*—къ югу.

Для этого производится особый рядъ астрономическихъ наблюденій, и окончательныя поправки дѣлаются винтами, находящимися на концахъ ножекъ.

Теперь можно представить себѣ совершенно ясно, какъ происходитъ самый процессъ фотографированія.

Камера направляется на часть неба, которую желаютъ снять, часовой механизмъ пускается въ ходъ, выбирается контрольная звѣздочка и ставится на освѣщенный лампочкою крестъ нитей контрольной трубы.

Сколько бы ни продолжалась экспозиція, контрольная звѣздочка должна оставаться все время точно на перекресткѣ паутинныхъ нитей, всякое малѣйшее ея сдвиженіе или, точнѣе, лишь стремленіе сойти съ нитей немедленно исправляется ключемъ. Вотъ для этого постояннаго наблюденія за снарядомъ астрономъ и находится у окуляра трубы все время.

Обычная продолжительность экспозиціи при нашихъ снимкахъ есть *пять часовъ*. Такое значительное время объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы впервые получаемъ возможность перенести изысканія въ міръ очень малыхъ звѣздъ, не записанныхъ и не сосчитанныхъ до сихъ поръ, представляющихъ безграничное поле для новыхъ изслѣдованій.

Послѣ пятичасовой экспозиціи звѣздочки десятой величины являются на нашихъ пластинкахъ рѣзкими и ясными, какъ уколы иглы; снарядъ, значитъ, функціонируетъ безукоризненно и наблюдатель владѣетъ имъ вполнѣ.

Нашъ снарядъ, въ отличіе отъ другихъ, нынѣ употребляемыхъ въ астрономической практикѣ, и для характеристики его формы, я называю *экваторіальною камерою*.

Современный астрономическій инструментъ есть, конечно, механизмъ, не имѣющій себѣ равнаго по точности и тонкости.

Астрономъ никогда не полагается на слово механика, но самъ изслѣдуетъ снарядъ во всѣхъ его частяхъ. Для такого рода изслѣдованій выработанъ теперь цѣлый рядъ остроумнѣйшихъ пріемовъ и способовъ. Въ настоящее время приходится лишь удивляться, какимъ образомъ механики достигаютъ такой поразительной точности. Способы, употребляемые ими, составляютъ, по большей части, если не тайну, то, по крайней мѣрѣ, полутайну, и мы не имѣемъ яснаго представленія о томъ, какъ дѣлятъ свои круги братья Репсольдъ, въ Гамбургѣ, какимъ образомъ въ мастерской Бамберга придаютъ стальнымъ осямъ вращенія необыкновенно точную форму, какъ шлифуетъ свои уровни Рейхель или какіе пріемы употребляютъ мюнхенскіе оптики. Знаемъ только, напр., что поверхности стеколъ фотографическаго объектива Штейнгейля, пока этотъ объективъ находится въ его рукахъ и не вставленъ еще въ оправу, удаляются отъ математически точной шаровой поверхности не болѣе, какъ на одну *стотысячную* долю миллиметра.

Надо прибавить, что въ Германіи правительство сильно содѣйствуетъ разнымъ отраслямъ труда, чему блестящимъ доказательствомъ служитъ, между прочимъ, техническое отдѣленіе великолѣпнаго Физико-Техническаго Государственнаго Института въ Шарлоттенбургѣ, близъ берлинскаго Тиргартена. Въ этомъ учрежденіи трудныя задачи современной физики, требующія сложнѣйшихъ приспособленій, и обыденные вопросы ремесленной, даже кустарной, практики подвергаются точному, систематическому изслѣдованію.

У насъ до сихъ поръ не былъ построенъ ни одинъ точный астрономическій снарядъ, по крайней мѣрѣ механикомъ здѣшнимъ, а не выписаннымъ иностранцемъ. Время ли не пришло еще для этого, или въ суммѣ нашихъ способностей, а можетъ быть, и въ нашемъ характерѣ, чего-то пока недостаетъ—сказать трудно. Одно несомнѣнно: механикъ-художникъ настоящаго времени долженъ соединять въ себѣ серьезное теоретическое знаніе съ огромнымъ терпѣніемъ и упорно преслѣдовать свою задачу много лѣтъ подъ рядъ. Подобная мастерская не достигаетъ даже часто своего полнаго развитія въ первомъ поколѣніи, и одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ механиковъ повторялъ: «главное—имѣть сына».

§ 2.

Пятичасовая экспозиція! Пять часовъ напряженнаго вниманія, часто на сильномъ холодѣ; пять часовъ труда, нерѣдко обращеннаго въ ничто набѣжавшими облаками,—это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Но за то, если все обошлось благополучно, если проявленіе доведено до конца совершенно удачно, и изъ маленькой черной комнатки въ подвалѣ обсерваторіи выходитъ безукоризненный негативъ, то имущество обсерваторіи получило несомнѣнное приращеніе. Это вѣдь не рисуночекъ, не забавная картинка, а портретъ уголка вселенной, портретъ вѣрный, полный интереса и содержанія.

Мы снимаемъ на пластинкахъ 24 $\times$ 30 сантиметровъ и ввели этотъ размѣръ потому, что онъ всегда находится въ торговлѣ, хотя астрономическая камера, по своей симметріи, требовала бы квадратной пластинки.

Такъ какъ, при выше данномъ фокусномъ разстояніи фотографическаго объектива, одинъ градусъ на пластинкѣ равенъ 11,16 милл., то нашъ снарядъ даетъ сразу очень большія части неба, хотя на краяхъ пластинки звѣзды выходятъ уже искаженными.

Фотографія даетъ намъ единственное средство видѣть такого рода изображеніе неба. Въ самомъ дѣлѣ, простымъ глазомъ мы

можемъ сразу окинуть значительную часть небосклона, за то видимъ лишь крупныя, главныя звѣзды. Призвавъ на помощь сильную трубу, получаемъ возможность наблюдать весьма слабыя свѣтила, но обозрѣваемъ сразу лишь очень малое пространство, равное одной десятой части диска луны или еще меньшее, такъ что въ этомъ случаѣ изображаешь изъ себя близорукаго зрителя, пристально всматривающагося въ одно мѣсто громадной картины. На фотографическомъ же стеклѣ имѣемъ сразу сотни квадратныхъ градусовъ неба. Тутъ есть блестящія звѣзды первой величины и рядомъ съ ними стоятъ крошечныя, недоступныя даже трубамъ значительной оптической силы. Если случайно въ этомъ мѣстѣ неба находилась одна изъ малыхъ планетъ, то, вслѣдствіе перемѣщенія ея между звѣздами въ продолженіи экспозиціи, изображеніе ея не круглое, а вытянутое въ небольшую черточку; такъ что сама планета подчеркиваетъ свое существованіе и можетъ быть отличена съ перваго взгляда. Самыя лучшія современныя карты неба, въ сравненіи съ фотографіями, суть грубыя, неумѣлыя изображенія, не дающія никакого понятія о дѣйствительномъ видѣ ночного неба. Мы имѣемъ уже и прекрасныя фототипныя воспроизведенія нашихъ негативовъ, но, по своей дороговизнѣ, они еще не могутъ служить иллюстраціями общедоступной статьи.

Оригинальный негативъ служитъ для точныхъ измѣреній и есть документъ, съ которымъ надо справляться во всѣхъ важныхъ или сомнительныхъ случаяхъ. На немъ всегда найдется достаточное число хорошо извѣстныхъ и точно опредѣленныхъ по своему положенію звѣздъ, такъ-называемыхъ фундаментальныхъ, къ которымъ и можно отнести положеніе всякой другой звѣзды.

Затѣмъ, подобный негативъ мы переснимаемъ, увеличивая его почти въ два раза. Такимъ образомъ, получается карта величиною въ 44×54 сантиметровъ, дающая на бѣломъ фонѣ черныя звѣзды; при томъ взята бумага, на которой можно удобно писать и чертить. Въ этой формѣ фотографія представляетъ рабочую карту, которую наблюдатель беретъ съ собою на башню для сравненія съ небомъ. На ней звѣзды первой величины изображаются большими кружками, діаметромъ въ три миллиметра слишкомъ; кружки эти разъ въ тридцать больше діаметра самыхъ малыхъ звѣздочекъ, такъ что карта даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно точную относительную яркость. Хотя для того, чтобы превратить фотографическіе діаметры въ обыкновенно употребляемыя величины, нужно сдѣлать особое изслѣдованіе, и, желая достигнуть возможной точности, это изслѣдованіе придется повторить для каждой пластинки особо; но на пластинкѣ такая масса звѣздъ, а фотометри-

чески опредѣлять блескъ такъ трудно, что очень стоитъ этимъ заняться.

Но въ этомъ отношеніи надо быть осторожнымъ, разные инструменты весьма различно рисуютъ изображенія звѣздъ, и нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, совсѣмъ не годятся для фотометрическихъ цѣлей.

Скажу болѣе, какъ это ни странно, но мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, почему звѣзды изображаются на фотографіяхъ кружками такого большого діаметра. Прежде полагали, что это просто происходитъ отъ распространенія свѣтового дѣйствія по чувствительному слою, кругомъ во всѣ стороны отъ маленькаго изображенія свѣтлой звѣзды на пластинкѣ, отъ нѣкоторой «свѣтопроводимости» фотографическаго слоя. Теперь остроумными опытами доказано, что такая причина дѣйствительно есть, но дѣйствіе ея лишь второстепенное. Затѣмъ, подвергая вычисленію вліяніе диффракціи, хроматической и сферической аберрацій, оказывается, что ни одна изъ этихъ причинъ не объясняетъ вполнѣ происхожденія такихъ большихъ звѣздныхъ дисковъ. Они не могутъ происходить также отъ дѣйствія лучей, дважды отраженныхъ отъ внутреннихъ поверхностей сложнаго объектива. Даже комбинація всѣхъ названныхъ причинъ недостаточна для объясненія интересующаго насъ явленія.

Профессоръ Шейнеръ изъ потсдамской обсерваторіи полагаетъ, что наибольшую роль при этомъ играютъ лучи, неправильно преломленные и разсѣянные краями объектива; и что наилучшій объективъ, имѣющій совершенно точную форму, теряетъ ее отчасти, какъ только будетъ вставленъ въ оправу, вслѣдствіе нажиманія оправы на его края. Въ подтвержденіе своего взгляда, онъ ссылается, между прочимъ, на то, что закрываніе краевъ объектива діафрагмой уменьшаетъ кружки звѣздъ.

Не зная въ точности причины происхожденія звѣздныхъ дисковъ, мы не можемъ приписывать теоретическаго значенія формуламъ, составленнымъ въ послѣднее время для перехода отъ діаметровъ къ фотометрически выраженному блеску звѣздъ. Всѣ эти формулы имѣютъ чисто эмпирическій характеръ, что, впрочемъ, отнюдь не уменьшаетъ ихъ практической пользы. Если для какой-нибудь звѣзды замѣтимъ сильное разногласіе между фотографическою и оптическою величиною, то это будетъ указывать на особенность спектра звѣзды, заслуживающую старательнаго изслѣдованія.

Я не разъ указывалъ на то, что необыкновенная плодотворность примѣненія фотографіи къ изученію звѣзднаго неба обусловливается, главнымъ образомъ, однимъ свойствомъ фотографической

пластинки, свойствомъ суммировать дѣйствіе свѣтовыхъ лучей и, слѣдовательно, давать все меньшія и меньшія звѣзды, невидимыя даже въ сильныя трубы, по мѣрѣ большей и большей продолжительности экспозиціи. И дѣйствительно, напр., проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ, составившій себѣ въ послѣднее время громкую извѣстность открытіемъ многихъ новыхъ планетъ, изъ числа астероидовъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ, самъ не видалъ никогда въ трубу ни одного изъ открытыхъ имъ фотографически новыхъ свѣтилъ, по причинѣ ихъ чрезвычайной малости.

Вооруженный фотографическимъ аппаратомъ человѣкъ получаетъ какъ бы возможность перемѣщаться въ пространствѣ, подвигаясь непрерывно къ звѣздамъ. По мѣрѣ удлиненія экспозиціи, какъ бы отъ приближенія къ нимъ, стоящія на предѣлахъ зрѣнія звѣздочки становятся свѣтлѣе и ярче, за ними показываются еще меньшія, которыя, въ свою очередь, можно вызвать сильнѣе и за ними увидимъ еще новыя, затѣмъ начнутъ проглядывать слабые контуры туманностей, этихъ загадочныхъ космическихъ массъ, въ лонѣ которыхъ зарождаются новыя солнца,—и такъ далѣе, безъ перерыва, и не предвидится ни конца, ни границы!

Фотографическій снимокъ есть листъ, покрытый письменами, но письмена эти начертала не человѣческая рука и надо выучиться ихъ понимать.

Изображенныя положенія и яркости звѣздъ не соотвѣтствуютъ одному опредѣленному моменту времени. На фотографіи звѣзды изображены, по положенію и блеску, такъ, какъ онѣ видны были съ земли въ моментъ фотографированія. Но фотографирующіе лучи принесли намъ вѣсти, весьма различной давности. Лучъ свѣта, пролетающій мгновенно самыя значительныя земныя разстоянія, въ звѣздномъ пространствѣ превращается въ путника, медленно подвигающагося по своей дорогѣ. Изъ одной звѣзды лучъ вышелъ, можетъ быть, десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и мы ее видимъ такъ, какъ она была тогда; но рядомъ стоящая маленькая звѣздочка послала вѣсть, нами теперь полученную, можетъ быть пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

И не надо думать, что всѣ явленія звѣзднаго неба совершаются такъ медленно, что для нихъ столѣтія уподобляются краткимъ моментамъ. Нѣтъ, періоды нѣкоторыхъ перемѣнныхъ звѣздъ измѣряются часами. Такимъ образомъ, прослѣдивъ въ одну ночь всѣ фазы такой звѣзды, мы лично были свидѣтелями и нѣкоторымъ образомъ пережили давно минувшій моментъ космогонической ея исторіи.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ повѣствуется о томъ, какъ Господь сказалъ Аврааму: «посмотри на небо и сосчитай звѣзды, если ты можешь счесть ихъ». Въ этихъ простыхъ словахъ, какъ нельзя лучше, выражено врожденное человѣку смутное понятіе безпредѣльности звѣзднаго неба.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти слова; много лѣтъ труженикъ земли упорно стремился познать чудный, окружающій его міръ Божій, и нынѣ, при размышленіи о звѣздахъ, насъ охватываетъ чувство—наилучшій плодъ вѣковыхъ усилій — чувство сознательнаго удивленія предъ величіемъ вселенной!

Проф. **В. Цераскій.**

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

(Критика матеріализма).

Прив.-доц. Г. Челпанова.

(*Окончаніе*) *).

Переходя къ разсмотрѣнію матеріализма въ отечественной наукѣ, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ затрудненіемъ: кого слѣдуетъ считать матеріалистомъ, если авторъ не считаетъ себя открыто таковымъ? Мы видѣли признаки матеріалистической философіи; самый главный это — тотъ, что по этой философіи есть только одна субстанція—*матерія*, *вещество*, что же касается духовныхъ явленій, то они суть не что иное, какъ продуктъ дѣятельности вещества или такое же *свойство* вещества, какъ и остальныя его свойства. Если кто-либо заявляетъ, что *мысль есть не что иное, какъ движеніе вещества*, то онъ матеріалистъ. Если кто-либо говоритъ: «*мозгъ есть причина духовныхъ явленій*», то онъ тоже матеріалистъ; если кто-либо утверждаетъ, что психологіи, какъ отдѣльной науки о душевныхъ явленіяхъ нѣтъ и быть не можетъ, тотъ долженъ быть признанъ матеріалистомъ, потому что онъ, конечно, отождествляетъ мысль съ какимъ-либо движеніемъ вещества.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу, мы должны замѣтить, что человѣческое существо состоитъ изъ двухъ частей: изъ души и тѣла; спрашивается, что изъ нихъ главное и что подчиненное? Одни говорятъ, что душа есть особенная сущность, и что тѣло является простымъ орудіемъ души, другіе говорятъ, что сама душа есть только результатъ взаимодѣйствія различныхъ физическихъ элементовъ. Разсмотримъ этотъ вопросъ ближе.

---

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1896 г. Въ статьѣ «Мозгъ и Мысль», въ январьской книгѣ, на стр. 37, три первыхъ строчки должны быть помѣщены въ концѣ той же страницы, послѣ словъ: «которыя не могутъ и т. д.».
Ред.

Прежде всего спросимъ себя, что человѣкъ *знаетъ*, что подлежитъ человѣческому вѣдѣнію. Такъ какъ часто одинъ примѣръ говоритъ больше, чѣмъ длинное, отвлеченное разсужденіе, то обратимся и мы на этотъ разъ къ примѣру. Положимъ, я вижу предъ собою апельсинъ. Что я о немъ знаю? Я знаю, что онъ имѣетъ круглую *форму*, что онъ имѣетъ оранжевый *цвѣтъ*; я знаю, что если прикоснусь къ нему, то долженъ буду ощутить *шероховатую* поверхность; я знаю, что если бы я бросилъ его на полъ, то онъ издалъ бы особенный *звукъ*, если бы я толкнулъ его, то онъ пришелъ бы въ *движеніе*. Форму, протяженность, цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. п., я воспринимаю посредствомъ *органовъ чувствъ*. Все то, что обладаетъ только что-перечисленными качествами называется *міромъ внѣшнимъ*. Но есть другой міръ, который не можетъ быть познанъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ—это *міръ внутренній*, *міръ душевный*. Сюда относятся всѣ наши чувствованія, желанія, душевныя волненія, страданія, наслажденія, мышленіе, воспріятіе и т. д. Словомъ, *все* то, чего мы не можемъ знать при помощи внѣшнихъ органовъ чувствъ, а только при помощи такъ-называемаго *внутренняго чувства* *). Уже сразу мы

---

*) Мы не сомнѣваемся въ томъ, что терминъ «внутреннее чувство» у многихъ изъ нашихъ читателей вызоветъ недоумѣніе. Многіе навѣрно скажутъ: «да развѣ какое-нибудя *внутреннее чувство* существуетъ? или если бы даже оно и существовало, то развѣ ему можно довѣрять? Вѣдь нельзя же строить психологическую науку на такомъ шаткомъ основаніи, какъ показанія внутренняго чувства. Въ старой психологіи можно было говорить о какомъ-то внутреннемъ чувствѣ или внутреннемъ опытѣ. Старая психологія такъ тѣсно сливалась съ метафизикой, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она пользовалась такимъ мистическимъ источникомъ, какъ внутренній опытъ; современная же научная психологія, разрабатываемая при помощи естественно-научныхъ методовъ, должна совершенно исключить такой ненадежный источникъ, какъ внутренній опытъ». Вотъ разсужденіе которое чаще всего приходится слышать отъ натуралистовъ, когда заходитъ рѣчь о внутреннемъ опытѣ. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе и въ нашей литературѣ. Такъ, напр., въ статьѣ нашего знаменитаго физіолога Сѣченова «Кому и какъ разрабатывать психологію?» мы находимъ, что «у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ *внутренняго чувства*». И это мнѣніе повторяется на разные лады представителями естествознанія. Но справедливо ли это мнѣніе на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Утверждать, что психическія явленія могутъ быть познаваемы инымъ путемъ, а не изъ внутренняго опыта, это почти тоже—что утверждать, что слѣпой можетъ видѣть, что глухой можетъ слышать. Мы здѣсь не имѣемъ возможности подробно выяснять ту мысль, что психическія явленія могутъ быть познаваемы только лишь изъ внутренняго опыта и изъ самонаблюденія, а желаемъ только указаніемъ на взгляды современныхъ выдающихся психологовъ обратить вниманіе на эту мысль.

можемъ видѣть коренное различіе, существующее между одними и другими явленіями: явленія, относящіяся къ міру *физическому*, обладаютъ качествомъ *протяженности*, а явленія психическія этимъ качествомъ не обладаютъ. Это различіе имѣетъ весьма важное значеніе, и кто его не пойметъ, тотъ не будетъ въ состояніи понять критики матеріалистическаго ученія.

Этотъ пунктъ представляетъ особенную важность и потому нуждается въ поясненіи. Мы утверждаемъ, что между явленіями психическими и явленіями физическими есть коренное различіе; явленія физическія обладаютъ протяженностью, къ явленіямъ же психическимъ протяженность не примѣнима, т. е. явленія психическія не протяженны, а если они не протяженны, то они не совершаются въ пространствѣ; не совершаются въ пространствѣ—

Вотъ эти взгляды. *Льюисъ*, авторъ «Физіологіи обыденной жизни», философъ позитивнаго направленія, возражая отрицателямъ самонаблюденія, говоритъ: «безъ помощи самонаблюденія всѣ факты внѣшняго наблюденія будутъ также безсодержательны, какъ слова на печатномъ листѣ для глаза, не умѣющаго истолковать смыслъ ихъ внѣшнихъ знаковъ». *Бэнъ*, англійскій психологъ, по тому же поводу говоритъ: «когда мы желаемъ постигнуть какое-либо психическое явленіе, то для этого существуетъ только методъ внутренняго опыта». Ту же самую мысль высказываетъ *Д. С. Милль* (Система Логики. кн. VI, гл. IV, § 2) и *Спенсеръ* (Основанія Психологіи, т. I, § 56). *Рибо*, профессоръ экспериментальной психологіи въ Сорбоннѣ (въ Парижѣ), находитъ, что «самонаблюденіе есть первый шагъ психологіи». (Современная Германская психологія. 1895 г., стр. 5). Въ недавно вышедшей книгѣ *Бинэ*: «Введеніе въ экспериментальную психологію» на стр. 32 мы читаемъ слѣдующее: «можно сказать, что самонаблюденіе является основой психологіи, оно такъ опредѣленно характеризуетъ ее, что всякое изслѣдованіе, произведенное при помощи самонаблюденія, вполнѣ заслуживаетъ быть названнымъ психологическимъ, а всякое изслѣдованіе, пользующееся другимъ методомъ, указываетъ на другую науку. И мы позволяемъ себѣ особенно подчеркнуть этотъ пунктъ, который очень часто упускается изъ виду въ новѣйшихъ изысканіяхъ по физіологической психологіи». Замѣтьте, это говоритъ Бинэ, натуралистъ. То же самое говоритъ и *Вундтъ*, глава современной физіологической психологіи (см. его «Основанія Физіологической Психологіи». М. 1880 г., 1—5). Но самымъ убѣдительнымъ должно быть мнѣніе *Герцена*, профессора физіологіи въ Лозаннскомъ университетѣ, который въ своей книгѣ «Общая физіологія души», говоритъ: «Физіологи могли бы цѣлыя столѣтія объективно изучать нервы и мозгъ, и все же не съумѣли бы составить себѣ ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое ощущеніе, мысль, желаніе, если бы *не испытывали субъективно этихъ состояній*». Исключать изъ данныхъ психологіи ту сторону мозговыхъ процессовъ, которую мы можемъ познать только съ помощью *внутренняго чувства*—субъективно, было бы столь же неразумно, какъ исключать изъ данныхъ физики и химіи какую-либо сторону относящихся сюда фактовъ, раскрываемую однимъ изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ». Можно ли послѣ этого утверждать, что внутреннее чувство, самонаблюденіе есть какой-то мистическій источникъ, какъ это дѣлаютъ очень многіе?

значитъ и не движутся. Явленія психическія не протяженны и не движутся и этимъ они отличаются отъ всего матеріальнаго, которое обладаетъ протяженностью и движется въ пространствѣ. Читатель можетъ, пожалуй, сказать, что для него несомнѣнно, что все матеріальное обладаетъ протяженностью и что оно движется въ пространствѣ, а что психическія явленія не обладаютъ протяженностью и не движутся въ пространствѣ, то это для него вовсе не очевидно, а потому онъ желалъ бы, чтобы было приведено *научное доказательство* этого положенія. На это требованіе нашего читателя мы можемъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ: «Докажите намъ *научно*, что матеріальныя тѣла обладаютъ протяженностью». На это читатель, знакомый съ логикой, скажетъ намъ, что не всѣ положенія могутъ быть научно доказаны, что всякая наука опирается на положенія *непосредственно очевидныя* и что къ числу ихъ относится и утвержденіе, что матеріальныя тѣла протяженны: всякій, кто понимаетъ слова «матеріальное тѣло» и «протяженность», тотчасъ произнесетъ предложеніе: «матеріальныя тѣла протяженны»; для него это предложеніе не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ. Если бы мы вздумали усомниться въ истинности положеній этого рода, то вся наша наука должна была бы пасть. Мы согласны съ этимъ разсужденіемъ нашего читателя; и онъ долженъ согласиться съ нами въ томъ, что утвержденіе о непротяженности психическихъ явленій относится точно также къ числу непосредственно очевидныхъ, недоказанныхъ положеній, что оно основывается на такой же очевидности, на какой основывается утвержденіе о протяженности матеріальныхъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія явленія мы называемъ психическими? Психическими явленіями мы называемъ чувства, мысли, желанія и т. под. Можемъ ли мы сказать, что чувство голода обладаетъ какою-нибудь протяженностью? Конечно, нѣтъ. Нельзя же сказать, голодъ въ два аршина, голодъ круглый или четыреугольный, широкій, длинный и т. под. То же самое нужно сказать объ эстетическомъ *чувствѣ*, о *желаніи* идти въ театръ и т. под. Теперь мы можемъ обобщить и сказать, что все то, что мы называемъ *психическимъ*, пространственной протяженностью не обладаетъ, а если оно пространственной протяженностью не обладаетъ, то къ нему не приложимы никакія другія категоріи пространственной протяженности: о немъ нельзя сказать, что оно движется въ пространствѣ, потому что двигаться въ пространствѣ можетъ только то, что протяженностью обладаетъ, а что протяженностью не обладаетъ, то въ пространствѣ двигаться не можетъ; слѣд. въ этомъ отношеніи между матеріей и мыслью есть абсолютная противоположность.

Согласны ли вы съ тѣмъ, что мы имѣемъ право произнести сужденіе, что чувство голода протяженностью не обладаетъ, не приводя никакого доказательства? Конечно, это положеніе въ доказательствѣ не нуждается, оно непосредственно очевидно. Кто только понимаетъ слово «голодъ» и слово «протяженность», тотъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что голодъ протяженностью не обладаетъ, совершенно такъ, какъ никто не сомнѣвается въ томъ, что все матеріальное протяженностью обладаетъ; кто, въ самомъ дѣлѣ, сталъ бы требовать, чтобы ему доказали, что матерія обладаетъ протяженностью? И такъ, слѣд., то положеніе, что все психическое не протяженно, относится къ числу непосредственно очевидныхъ положеній, изъ которыхъ вообще строится всякая наука.

Теперь пойдемъ дальше. Что дѣлается съ человѣкомъ въ то время, когда онъ переживаетъ чувства *гнѣва*? Для разрѣшенія этого вопроса мы приглашаемъ физіолога и психолога. На нашъ вопросъ, что дѣлается съ человѣкомъ, когда онъ гнѣвается, *физіологъ* отвѣчаетъ: «въ то время у человѣка сердце начинаетъ биться сильнѣе, дыханіе дѣлается учащеннѣе, къ головному мозгу приливаетъ кровь» и т. д. На тотъ же вопросъ *психологъ* отвѣчаетъ: въ состояніи негодованія человѣкъ переживаетъ крайне непріятное чувство, продолженіе котораго для него не желательно *). Отсюда для насъ ясно, что въ человѣкѣ *въ одно и то же время* могутъ происходить два порядка явленій; въ одно и то же время у него совершается рядъ явленій физическихъ и рядъ явленій душевныхъ. Вотъ тутъ-то и возникаетъ для насъ самая трудная задача. Разрѣшить, какъ происходятъ душевныя явленія, *зависятъ*-ли они отъ тѣлесныхъ явленій или нѣтъ? Какая у нихъ существуетъ *связь* съ явленіями тѣлесными, физическими, *можетъ ли, напримѣръ, совершаться какое-нибудь душевное явленіе безъ того, чтобы его не сопровождало какое-нибудь физическое?* или, можетъ быть, ни одно душевное явленіе не можетъ совершаться безъ соотвѣтствующаго физическаго?

Я приведу факты, которые обыкновенно приводятся философами всѣхъ школъ для доказательства *связи* или какого-либо рода *зависимости* между душевными и тѣлесными явленіями, а читателямъ предлагаю обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: доказываютъ ли приводимые примѣры *причинную* зависимость или простой *параллелизмъ*, доказываютъ ли они на самомъ дѣлѣ, что мозгъ есть *причина* духовныхъ явленій, или же, можетъ быть, они доказываютъ, что *явленія физическія и явленія психическія*

*) Этотъ примѣръ принадлежитъ греческому философу Аристотелю.

совершаются параллельно, одновременно, и что нѣтъ возможности доказать *причинной зависимости* между этими двумя родами явленій. Матеріалисты, какъ мы видѣли, склонны утверждать первое; по ихъ мнѣнію, многочисленные физіологическіе факты доказываютъ *зависимость* явленій психическихъ отъ физическихъ; съ уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ духовная дѣятельность уничтожается, съ ослабленіемъ физической дѣятельности ослабляется и зависящая отъ нея дѣятельность психическая.

Вотъ эти факты:

«Пороки образованія головного мозга: микроцефалія и водянка мозга обусловливаютъ уничтоженіе или пониженіе умственныхъ способностей до полнаго идіотизма и самаго глубокаго слабоумія; обширныя воспаленія, перерожденія, давленіе, малокровіе мозговыхъ сосудовъ, наконецъ, одуряющія средства совершенно уничтожаютъ умственныя способности» *).

Степень интеллектуальнаго развитія въ животномъ царствѣ обусловливается *отношеніемъ величины большихъ полушарій къ остальной массѣ* центральной нервной системы. Если же принять во вниманіе одинъ лишь головной мозгъ, то окажется, что, чѣмъ болѣе преобладаютъ полушарія надъ среднимъ мозгомъ, тѣмъ высшую степень интеллектуальнаго развитія представляетъ животное. У карпа большія полушарія уступаютъ въ величинѣ даже зрительнымъ буграмъ, а у лягушки они уже превосходятъ послѣдніе своими размѣрами. У голубя полушарія простираются уже сзади до мозжечка. Параллельно съ этимъ возрастаетъ и степень интеллектуальнаго развитія у названныхъ животныхъ. Въ мозгу собаки полушарія покрываютъ уже совершенно четверохолмія, но мозжечекъ лежитъ еще позади нихъ. И только у человѣка большія полушарія вполнѣ прикрываютъ собою и мозжечекъ.

Степень интеллектуальнаго развитія находится въ зависимости отъ *обилія бороздъ* въ полушаріяхъ. Въ то время, какъ у низшихъ животныхъ (рыба, лягушка, птица) совсѣмъ еще нѣтъ бороздъ, у *кролика* мы видимъ уже двѣ поверхностныхъ бороздки съ каждой стороны; у собаки полушарія представляются уже покрытыми множествомъ извилинъ. Особенно бросается въ глаза изобиліе извилинъ и бороздъ у *слона*, самаго умнаго и благороднаго изъ животныхъ. Даже у безпозвочныхъ, напр., у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ съ развитымъ инстинктомъ, находили извилины на полушаріяхъ головного мозга. У людей высоко одаренныхъ часто находили богатый извилинами мозгъ **).

---

*) *Ландуа*. Учебникъ физіологіи человѣка 1886 г., стр. 891.

**) Тамъ же стр. 894—5.

Обширныя статистическія наблюденія показываютъ, что *умственное превосходство всегда сопровождается величиной мозга* болѣе, чѣмъ обыкновенной. Вотъ табличка вѣсовъ мозга нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей:

Кювье	64,5	унціи.
Аберкромби	63	»
Уэбстеръ	53,5	»
Кэмпбелль	53,5	»
Морганъ	52,75	»
Гауссъ	52,6	»

Среднiй вѣсъ мужскаго мозга европейца 49,5 унціи, женскаго—44 унціи. У идіотовъ находили мозги, вѣсившіе 27 унцій., 25,75; 22,5; 19,75; 18,25; 15,13 и 8,5 унцій. Средній вѣсъ мозга, помѣшаннаго на 2,5% ниже средняго вѣса здороваго человѣка *).

Антропологи доказываютъ, что вмѣстимость череповъ низшихъ расъ значительно меньше, чѣмъ у высшихъ.

Впрочемъ, при опредѣленіи духовнаго значенія мозга у человѣка и животнаго, дѣло идетъ не только о его величинѣ, именно общей величинѣ, которая можетъ быть только очень не совершеннымъ масштабомъ для силы его дѣятельности, но также и о прочихъ отношеніяхъ формъ и сложенія. «Не только *количество*, но и *качество* нервныхъ образованій и обусловливаемая этимъ величина силы дѣйствія и дѣятельность смѣны отдѣльныхъ элементовъ имѣетъ рѣшающее значеніе относительно силы духовной дѣятельности» **).

Можно доказать, что факты сознанія и душевныя явленія сопровождаются дѣятельностью мозга, подобной дѣятельности другихъ органовъ, какъ, напр., мускуловъ во время ихъ дѣятельности. Дѣятельность сознанія сопровождается слѣдующими явленіями: во-1-хъ, *приливомъ крови къ органамъ*, во-2-хъ, *повышеніемъ температуры* и, въ-3-хъ, *увеличеніемъ количества химическихъ продуктовъ, происходящихъ вслѣдствіе окисленія тканей*. Въ дѣйствительности всѣ эти явленія находятся въ зависимости одно отъ другого. Всякая работа, производимая мускуломъ, сопровождается разрушеніемъ вещества этого органа — это разрушеніе порождаетъ извѣстныя *химическія* соединенія; теплота является результатомъ происходящихъ при этомъ химическихъ соединеній. Мозгъ обладаетъ тѣми же свойствами, что и мускулы, и обнару-

*) См. *Бэнъ*. Душа и тѣло. Кіевъ. 1884, стр. 26.
**) См. *Бюхнеръ*. Stoff u. Kraft, 17-е изд., стр. 268.

живаетъ свои свойства тѣмъ въ бóльшей степени, чѣмъ значительнѣе умственная работа *).

Чтобы доказать, что мозговая дѣятельность сопровождается *приливомъ* крови къ мозгу, беремъ стеклянный сосудъ, наливаемъ нѣкоторое количество воды, устанавливаемъ вертикальную тонкую стеклянную трубочку такъ, чтобы она погружалась въ воду; эта трубочка должна служить для насъ указателемъ уровня воды въ сосудѣ. Затѣмъ, то лицо, надъ которымъ мы сейчасъ будемъ производить опытъ, погружаетъ руку, сжатую въ кулакъ, въ сосудъ съ водой; смотримъ на уровень воды, какъ онъ обозначается въ трубочкѣ. Будемъ предлагать испытуемому лицу различные вопросы, чтобы дать работу его уму, напр., предлагать какія-нибудь сложныя умственныя вычисленія, говорить на мало извѣстномъ ему языкѣ и т. п., тогда окажется, что вода въ трубочкѣ станетъ опускаться. Чѣмъ объяснить это опусканіе воды въ трубочкѣ при умственномъ напряженіи? Когда человѣкъ начинаетъ напряженно мыслить, то кровь со всего организма начинаетъ усиленно притекать къ головному мозгу, и всѣ другія части тѣла освобождаются отъ крови, между прочимъ, и рука; поэтому кровь отливаетъ отъ руки къ мозгу; объемъ руки уменьшается, жидкость въ трубочкѣ опускается. Если же лицо, надъ которымъ производится опытъ, перестанетъ напряженно мыслить, то кровь опять приливаетъ къ рукѣ отъ мозга, объемъ руки увеличивается, и жидкость въ трубочкѣ поднимается.

Этотъ простой опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что кровь необходима для дѣятельности нервной системы **).

Опытъ Броунъ-Секуара также доказываетъ *вліяніе крови на психическіе процессы*. Броунъ-Секуаръ отсѣкъ голову собакѣ, потомъ впустилъ въ отдѣленную отъ туловища голову окисленную кровь и признаки жизни вновь проявились. Броунъ-Секуаръ позвалъ животное и глаза собаки обратились въ ту сторону, откуда ей послышался голосъ ея хозяина ***).

Прекращеніе доступа артеріальной крови къ высшимъ мозговымъ центрамъ производитъ мгновенное прекращеніе сознанія. *Качество и количество крови, циркулирующей въ этихъ центрахъ, производитъ замѣтныя измѣненія въ характерѣ душевныхъ явленій* ****). Шредеръ фонъ-деръ-Кольбъ разсказываетъ про одного паціента, что когда его пульсъ доходилъ до 50 или 60 ударовъ

---

*) *Paulhan*. Physiologie de l'esprit, стр. 36 и д.

**) См. «Міръ Божій» 1892 г. № 11.

***) Paulhan, ук. с. 38—9.

****) *Хэкъ Тюкъ*. Духъ и тѣло.

въ минуту вслѣдствіе пріема лѣкарственнаго вещества digitalis, онъ былъ спокоенъ или въ угнетенномъ настроеніи духа; когда пульсъ поднимался до 90 ударовъ, онъ приходилъ въ маніакальное состояніе. Другой врачъ разсказываетъ, что его паціентъ при 40 ударахъ былъ въ полусонномъ состояніи, при 50 — въ меланхолическомъ, при 70—внѣ себя, при 90—приходилъ въ бѣшенство.

Поднятіе температуры нервныхъ центровъ доказывается слѣдующими опытами. *Шиффъ* вводилъ въ мозгъ собаки термоэлектрическія иглы. Когда животное было достаточно наркотизовано, Шиффъ пробуравилъ его черепъ въ равныхъ разстояніяхъ отъ средней линіи и ввелъ въ мозгъ, оба полюса термоэлектрическаго столба. Всякое возбужденіе чувствъ производило отклоненіе зеркала гальванометра, указывая, такимъ образомъ, на повышеніе температуры. Кусокъ сала, поднесенный къ носу животнаго, причинялъ наиболѣе сильное отклоненіе. Шиффъ добивался также отклоненій зеркала, воздѣйствуя на душевную дѣятельность своихъ собакъ, заставляя ихъ слушать лай, кошачье мяуканье и пр. *).

Брока̀ производилъ эксперименты надъ человѣкомъ, пользуясь термометромъ, приложеннымъ одной стороной къ головѣ индивидуума въ то время, какъ другая сторона была защищаема отъ вліянія внѣшней тетпературы покровомъ изъ ваты. Заставляя читать громкимъ голосомъ студентовъ-медиковъ, онъ констатировалъ, что послѣ десяти минутъ чтенія температура мозга поднялась отъ 33,82° до 34,23° **).

Окисленіе мозга производитъ между другими солями также фосфорнокислыя и сѣрнокислыя. *Біассонъ* взвѣсилъ точно фосфаты и сульфаты, входившіе въ его организмъ путемъ питанія, и фосфаты и сульфаты, выходившіе изъ него путемъ изверженія. Онъ узналъ, что количество такихъ солей, вырабатываемыхъ посредствомъ почекъ, было относительно гораздо болѣе значительно тотчасъ вслѣдъ за умственной работой.

Весьма важное значеніе имѣетъ самый *химическій составъ мозга*, относительно котораго мы, впрочемъ, до сихъ поръ знаемъ мало достовѣрнаго. Но извѣстно, что мозгъ дѣтей, стариковъ, животныхъ, по отношенію къ мозгу взрослаго человѣка, очень бѣденъ тѣми своеобразными фосфоръ содержащими веществами, которыя въ химическомъ составѣ центральныхъ частей нервной

*) *Герценъ*. Общая физіологія души. Спб. 1890. ч. II, стр. 80 и д.

**) Paulhan. 39.

*

системы играютъ такую важную роль, и въ среднемъ встрѣчаются тѣмъ въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ выше животное или человѣкъ по умственному развитію. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій *Борсарелли* въ особенности слѣдуетъ, что среднее содержаніе фосфора мозга значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось, и что между всѣми органами тѣла мозгъ содержитъ самое большее количество фосфора, напр., два раза больше, чѣмъ мускульное вещество. Это подтверждается только что указанными изслѣдованіями *Біассона*, который показалъ, что напряженная духовная дѣятельность производитъ то, что въ выдѣленіяхъ почекъ появляется большое количество фосфорокислыхъ алкалій, а также изслѣдованіями *Геритье*, который констатировалъ, что содержаніе фосфора въ мозгу въ старческомъ возрастѣ или при слабоуміи уменьшается почти до половины и затѣмъ понижается почти до степени дѣтскаго возраста. Сильныя душевныя движенія обнаруживаются въ томъ, что количество фосфора въ выдѣленіяхъ увеличивается, между тѣмъ, наоборотъ, при функціональныхъ нарушеніяхъ мозговой дѣятельности замѣчается уменьшеніе этихъ веществъ. Эти факты дѣлаютъ несомнѣнными то обстоятельство, что *содержанію фосфора въ мозгу принадлежитъ особенное значеніе* и заставляетъ насъ предполагать, что между нимъ и духовной работой существуетъ опредѣленное отношеніе. «Они показываютъ, говоритъ Бюхнеръ, что тотъ литературный шумъ, который въ свое время былъ поднятъ по поводу извѣстнаго Молешоттовскаго выраженія «*безъ фосфора нѣтъ мысли*», доказываетъ только невѣжество обвинителей» *).

Наконецъ, мнѣ остается указать еще на одинъ рядъ фактовъ, чтобы картина связи между дѣятельностью мозга и умственной дѣятельностью была полнѣе.

Въ недавнее время психофизіологи нашли возможность измѣрять *скорость* человѣческой мысли при помощи очень точныхъ инструментовъ, показывающихъ время въ тысячныхъ доляхъ секунды. Напр., для одного изъ простѣйшихъ актовъ мысли нужно,

*) Stoff u. Kraft 274 и д. Исходя изъ этого положенія Молешотта, Агассицъ доказывалъ, что рыбаки должны быть умнѣе, чѣмъ, напр., земледѣльцы, потому что они по преимуществу питаются рыбой, которая содержитъ гораздо больше фосфора, чѣмъ другіе виды пищи. Любопытно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ это выраженіе, что безъ фосфора нѣтъ мысли, очевидно въ французской литературѣ было извѣстно раньше, на что указываетъ слѣдующее мѣсто изъ Бальзака: «Знаете ли, что бо̀льшая или меньшая доза фосфора дѣлаетъ человѣка геніемъ или злодѣемъ, умнымъ или идіотомъ, добродушнымъ или преступникомъ». (Романъ «Шагреневая кожа». Написанъ въ 1830 году).

приблизительно 0,078 сек. Изъ этихъ чрезвычайно точныхъ измѣреній оказывается, что человѣкъ мыслитъ, напр., скорѣе утромъ, чѣмъ вечеромъ; скорѣе тогда, когда онъ бодръ, чѣмъ когда онъ утомленъ; при помощи этихъ измѣреній доказывается, что люди пожилые мыслятъ медленнѣе, чѣмъ молодые и т. д., пріемы нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ, алкоголя и пр. вліяютъ на скорость или замедленіе умственной дѣятельности. Изъ этихъ опытовъ становится понятнымъ, что *вмѣстѣ съ измѣненіемъ мозгового вещества, съ измѣненіемъ его питанія измѣняется и самое качество (т.-е. скорость) умственной дѣятельности.*

Вотъ вамъ обильное количество фактовъ, которые показываютъ несомнѣнно, что *между явленіями душевными и тѣлесными есть какая-то связь*,—весь вопросъ заключается въ томъ, какова эта связь? Едва ли кто-нибудь въ настоящее время станетъ отвергать эти факты. Мы съ своей стороны считаемъ всѣ эти факты болѣе или менѣе доказанными научно и достовѣрными въ той мѣрѣ, въ какой вообще могутъ быть доказываемы научные факты. Весь вопросъ въ томъ, какъ объяснить эти факты. Какъ мы видѣли, философы матеріалистической школы доказывали, что тѣлесныя явленія суть *причина* явленій психическихъ. Но это утвержденіе, какъ мы увидимъ ниже, неправильно.

Теперь мы разсмотримъ взгляды тѣхъ ученыхъ, главнымъ образомъ, представителей естествознанія, которые, собственно, не могутъ быть названы матеріалистами, въ строгомъ смыслѣ слова, потому что они не занимались спеціально разрѣшеніемъ *философской* проблемы объ отношеніи души къ тѣлу, а иногда даже прямо отказывались отъ принадлежности къ этой школѣ философовъ, но, тѣмъ не менѣе, они должны быть признаны матеріалистами, потому что, будучи поставлены въ необходимость изслѣдовать явленія физіологическія, находящіяся въ тѣсной связи съ явленіями психическими, они исходили изъ того положенія, что *явленія психическія суть по существу явленія матеріальныя*, или что они являются *результатомъ дѣятельности матеріальныхъ частичекъ нашего мозга.* Таковы, въ большинствѣ случаевъ, взгляды физіологовъ на сущность душевныхъ явленій.

Въ статьѣ «*Движеніе, какъ основное начало психическихъ явленій*» *), нѣкій *Б. Л.*, очевидно, натуралистъ, разбираетъ два замѣчательныхъ сочиненія по психологіи, *Горвича*: «Анализъ душевныхъ явленій на психологической почвѣ» и *Вундта:* «Физіологическая психологія». Оба эти писателя одинаково отвергаютъ

*) Журналъ: «Знаніе» (1876). Декабрь.

матеріалистическую точку зрѣнія. Авторъ же указанной статьи находитъ, что это противорѣчитъ духу естествознанія. «Поэтому,—говоритъ онъ,—въ настоящей статьѣ мы намѣрены, отбросивъ у избранныхъ нами писателей *несвойственные ихъ нисколько принципы*, установить на основаніи выработанныхъ ими главнѣйшихъ элементовъ то краеугольное начало, которое должно лечь въ основу психологіи будущаго». «По нашему мнѣнію,—говоритъ авторъ указанной статьи,—существуютъ факты, которые бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на такъ-называемый *химизмъ* мысли. Какъ извѣстно, давно уже въ умахъ физіологовъ и реальныхъ философовъ бродила смутная идея о томъ, что *психическая жизнь, разсматриваемая съ самой общей точки зрѣнія, есть продуктъ химическихъ реакцій.* Существуютъ признаки, указывающіе на то, что психическіе процессы имѣютъ тѣсное *родство съ силой молекулярнаго движенія.* Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ мозгъ ничего не могло войти, кромѣ нервнаго возбужденія или живой молекулярной силы, развитой химическими процессами, и, слѣдовательно, все, что происходитъ въ головномъ мозгу, можетъ происходить лишь на счетъ этой молекулярной силы. Во-вторыхъ, сильнымъ доводомъ сродства психическихъ процессовъ съ движеніемъ служитъ то обстоятельство, что въ концѣ всѣхъ этихъ психическихъ процессовъ видимо получается та живая молекулярная сила, которая выражается сокращеніемъ мышцъ. Въ-третьихъ, психическіе процессы совершаются во времени, и съ этой стороны могутъ быть измѣрены. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что психическая дѣятельность происходитъ лишь на счетъ молекулярнаго движенія, освобождаемаго химическими процессами, и что эта дѣятельность измѣрима во времени, мы приходимъ къ заключенію что психическая или *душевная жизнь человѣка есть особый родъ движенія*, ибо нѣтъ ничего, что, протекая во времени и имѣя своимъ источникомъ движеніе, не было бы само движеніемъ».

Д-ръ Зеленскій въ своемъ сочиненіи: «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства» приходитъ къ тому выводу, что *психическіе феномены*, *въ сущности*, *тождественны со всѣми механическими процессами*, т. е. представляютъ не что иное, какъ молекулярное движеніе мозговой и нервной массы. Съ его точки зрѣнія, душевныя явленія суть только «мыслевыя тѣла». Это одно изъ самыхъ типичныхъ выраженій матеріалистической догмы *).

Ковалевскій, профессоръ Казанскаго университета, въ своей

*) См. его объ умѣ и методѣ воспитанія. Спб. 1890. Стр. 46 и слѣд.

статьѣ: «Какъ смотритъ физіологія на жизнь вообще и на психическую въ частности» *), высказываетъ воззрѣніе, имѣющее несомнѣнно матеріалистическій характеръ. «Изъ приведеннаго краткаго очерка отношеній нервной машины къ предполагаемой психической силѣ,—по его мнѣнію,—нельзя не замѣтить, что дѣло смотритъ иначе, чѣмъ думаютъ психологи. Вы видите, что изъ основного свойства нервной системы, а именно изъ ея матеріальной памяти физіологія въ состояніи вывести уже довольно сложные психическіе процессы. Большая часть свойствъ, приписываемыхъ психологами психической силѣ, суть свойства матеріи. Физіологія можетъ сказать, что *сознаніе* не есть сила, но лишь *свойство* нервныхъ процессовъ, проявляющееся при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Физіологія же потому въ состояніи рѣшать вопросы объ образованіи и ходѣ психическихъ процессовъ, что они, какъ *матеріальные*, совершаются въ пространствѣ и во времени, а для подобныхъ изслѣдованій она владѣетъ методами и средствами, которые растутъ съ каждымъ днемъ».

Профессоръ *Сѣченовъ* **), слѣдующимъ образомъ доказываетъ, какъ онъ выражается, *сродство психическихъ явленій* съ *тѣлесными*. «Физіологія,—говоритъ онъ,—представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается *родство психическихъ явленій* съ такъ-*называемыми нервными процессами въ тѣлѣ*, *актами чисто соматическими*. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ: 1) самые простѣйшіе изъ психическихъ актовъ требуютъ для своего прохожденія опредѣленнаго времени, и тѣмъ бóльшаго, чѣмъ сложнѣе актъ. 2) Психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія анатомо-физіологической цѣлости головного мозга. 3) Зачатки, или, по крайней мѣрѣ, зачатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно, *изъ чисто матеріальныхъ субстратовъ яйца и сѣмени*. 4) Чрезъ посредство этихъ же *матеріальныхъ субстратовъ* передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., *наслѣдственность талантовъ*. 5) Ясной границы между завѣдомо-соматическими, т. е. тѣлесными нервными актами, и явленіями, которыя всѣми уже признаются психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи».

Приведенные выше взгляды оказываются весьма типичными для матеріалистической школы. Забывая, что между явленіями

---

*) Казань. 1876.

**) Психологическіе этюды («Вѣстникъ Европы», 1873 г., апр., стр. 554).

физическими и психическими есть абсолютное различіе, физіологи стараются всѣми возможными способами доказать, что между ними существуетъ опредѣленное родство, доказываемое будто цѣлымъ рядомъ научныхъ данныхъ и что изъ этого положенія вытекаетъ необходимость при изслѣдованіи душевныхъ явленій изслѣдовать ихъ физіологическія условія и что такимъ способомъ для насъ окажется возможнымъ объяснять психическія явленія. Но какъ возможно объяснить явленія психическія изъ физіологическихъ, если между ними на самомъ дѣлѣ существуетъ то коренное различіе, о которомъ мы говорили выше? Вѣдь это кажется положительной невозможностью. Очевидно, слѣдовательно, что физіологи допускаютъ какую-то ошибку. Даже при поверхностномъ разсмотрѣніи ихъ взглядовъ эту ошибку весьма легко отыскать. Заявляя, что они намѣрены говорить о явленіяхъ психическихъ, они на самомъ дѣлѣ говорятъ о явленіяхъ *физическихъ*; вмѣсто того, чтобы говорить о процессахъ *въ душѣ*, они говорятъ *о процессахъ въ мозгу* и, вслѣдствіе этого неправильнаго отождествленія по отношенію къ душевнымъ процессамъ, они употребляютъ выраженія, которыя отнюдь къ нимъ приложимы быть не могутъ. Психическіе акты, какъ таковые, *непространственны*, а, слѣдовательно, о движеніи ихъ, какъ о движеніи матеріальныхъ вещей, мы говорить не можемъ. Мы можемъ говорить о *движеніи молекулярныхъ частицъ* мозга, но говорить о *психическомъ движеніи* не имѣетъ никакого смысла; между тѣмъ, какъ мы видѣли, указанные писатели утверждаютъ, что психическія явленія суть движенія. Спрашивается, движенія чего? Такъ какъ движеніе немыслимо безъ движущагося, то, очевидно, *движеніе вещества*; слѣдовательно, Сѣченовъ, напр., отождествляетъ психическія явленія съ движеніями вещества, и въ этомъ смыслѣ долженъ быть отнесенъ въ группу матеріалистовъ.

На сколько сильно стремленіе у физіологовъ, у натуралистовъ отождествлять явленія психическія съ физическими явленіями въ мозгу, показываютъ слѣдующія выдержки изъ книги профессора психіатріи Варшавскаго университета *П. Ковалевскаго*: «Основы механизма душевной дѣятельности» *). «Намъ желается,—говоритъ онъ,—указать пути, по которымъ *ощущенія проникаютъ въ область мозговой корки*»... и затѣмъ далѣе: «Изъ предыдущаго мы знаемъ, что *ощущенія изъ субкортикальныхъ узловъ*, *проникая* къ мозговой коркѣ, центру сознанія, превращается тамъ въ представленіе». Проф. Ковалевскій, вмѣсто того, чтобы говорить о движеніи *воз-*

*) Харьковъ. 1887.

бужденія нервовъ, что, конечно, въ виду матеріальнаго характера этого послѣдняго, необходимо должно происходить, говоритъ о *движеніи ощущенія*; а это, разумѣется, совершенно немыслимо вслѣдствіе нематеріальности этого процесса.

Такого рода выраженія, какъ у проф. П. Ковалевскаго, мы постоянно встрѣчаемъ у тѣхъ физіологовъ, которые не отдаютъ себѣ отчета въ различіи между процессами физическими и психическими и вслѣдствіе этого, разумѣется, впадаютъ въ матеріализмъ. По мнѣнію П. Ковалевскаго, напр., «*біологическіе процессы трансформируются въ субъективныя проявленія*, т.-е. физіологическія процессы даютъ *начало* психическимъ».

Теперь мы считаемъ возможнымъ перейти къ *критикѣ* матеріализма.

Какъ мы видѣли, сущность матеріализма, какъ философской системы, сводится къ утвержденію, что въ *мірѣ есть только матерія*, что мысль есть только продуктъ дѣятельности или движенія матеріи или что мысль просто есть движеніе вещества.

Разсмотримъ первый аргументъ, именно что *въ мірѣ есть только матерія*. На чемъ основываетъ матеріализмъ свое утвержденіе, что въ мірѣ существуютъ только матеріальныя явленія, а что духовныя явленія суть только видимость? Матеріалистъ разсуждаетъ такъ, «что вещество существуетъ—это для меня несомнѣнно, потому что оно обладаетъ постоянствомъ, устойчивостью; вещи матеріальныя обладаютъ продолжительностью существованія, а явленія духовныя? они отличаются удивительнымъ непостоянствомъ, одно духовное состояніе смѣняется другимъ и каждое изъ нихъ обладаетъ лишь кратковремоннымъ существованіемъ, такъ что существованіе матеріи для меня, — говоритъ матеріалистъ,—является несомнѣннымъ, а существованіе духа подвержено сомнѣніямъ».

Но здѣсь матеріалистъ допускаетъ самую очевидную ошибку. Что наши духовныя состоянія измѣнчивы—это доказываетъ только ихъ бо́льшую сложность или бо́льшую трудность для воспріятія, но отнюдь не доказываетъ нереальности этихъ явленій. И даже можно сказать больше: если бы мы, съ философской точки зрѣнія, захотѣли усомниться въ реальности духовныхъ или физическихъ явленій, то, конечно, реальность послѣднихъ подвержена большему сомнѣнію, потому что наши духовныя состоянія мы знаемъ прежде, чѣмъ явленія матеріальныя, *внутренній опытъ предшествуетъ опыту внѣшнему*. Матеріальныя явленія, тѣла не только не *абсолютно дѣйствительны*, какъ это склонны утверждать матеріалисты, но они вообще не имѣютъ никакой абсолютной дѣйствитель-

ности, они имѣютъ только *относительное* существованіе. Какое-либо тѣло черно, мягко, твердо, имѣетъ форму и протяженность, занимаетъ пространство и оказываетъ сопротивленіе; но всѣ эти качества присущи ему благодаря тому, что его воспринимаетъ субъектъ, обладающій мыслительной способностью и опредѣленными чувствами, а слѣд. сознаніе. Безъ языка нѣтъ вкуса, безъ глаза нѣтъ свѣта и цвѣта, безъ чувственности и разсудка нѣтъ пространства и нѣтъ тѣла, *безъ субъекта нѣтъ объекта*. Шопенгауэръ *) заставляетъ вести слѣдующій разговоръ между субъектомъ и объектомъ (т.-е. между духомъ и матеріей). Матерія говоритъ: «я существую и внѣ меня нѣтъ ничего; міръ есть только моя преходящая форма. Ты субъектъ (или сознаніе)—простой *результатъ одной части этихъ формъ* и совершенно случаенъ: еще нѣсколько мгновеній и ты больше не существуешь. Я же остаюсь изъ вѣка въ вѣкъ». На это субъектъ (духъ) отвѣчаетъ: «это безконечное время, которое, какъ ты хвастаешь, ты существуешь, и безконечное пространство, которое ты наполняешь, существуетъ только въ моемъ представленіи, которое тебя воспринимаетъ, и благодаря которому ты только и существуешь». Въ другомъ мѣстѣ **) Шопенгауэръ остроумно осмѣиваетъ тѣхъ, которые предполагая, что въ мірѣ только матерія имѣетъ *абсолютное* существованіе, стараются изъ нея вывести сознаніе: «Матеріалисты,—говоритъ онъ,—полагаютъ матерію какъ несомнѣнно существующее. Затѣмъ они стараются найти первоначальное простѣйшее состояніе матеріи и развить изъ него всѣ послѣдующіе, восходя отъ простого *механизма* къ *химизму*, къ способности *произростанія*, *ощущенія*. Если бы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалась бы способность *ощущенія*, *познанія*, которая явилась бы простымъ *измѣненіемъ матеріи*. Если бы мы такимъ образомъ слѣдовали за разсужденіями матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣха, увидавши вдругъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ—*познаніе*, уже предполагалось какъ неизбѣжное условіе при исходной точкѣ—простой матеріи. Такимъ образомъ неожиданно открылось бы громадное petitio principii; ибо вдругъ оказалось бы послѣднее звено исходною точкою, на которой уже держалось первое, цѣпь превратилась бы въ кругъ, а матеріалистъ уподобился бы господину Минхгаузену, плавающему верхомъ на лошади въ водѣ, обнявшему ногами

---

*) *Паульсенъ*. Введеніе въ философію. 1894, стр. 76—7.

**) Міръ какъ представленіе и воля. М. 1888, стр. 33—4.

лошадь, а самого себя вытаскивающему за перекинувшуюся напередъ собственную косу».

Другими словами, *мы не можемъ признать существованіе матеріи безъ того, чтобы не признать въ то же время существованія нашего сознанія, которымъ оно единственно обусловливается.* Наше понятіе о матеріи есть духовный продуктъ: мы не знаемъ, что такое матерія независимо отъ нашего понятія о ней. Духовное, поэтому есть то, что намъ первоначально извѣстно, явленія же внѣшняго міра суть не что иное, какъ наши представленія, всѣ свойства вещества (твердость, цвѣтъ и т. п.) суть только лишь наши представленія, а если мы, кромѣ того, предполагаемъ еще матерію, то это представленіе чисто *гипотетическое*, благодаря которому мы желаемъ сдѣлать понятной вѣчную смѣну внѣшнихъ явленій. Мы замѣчаемъ, что внѣшній міръ находится въ непрерывномъ измѣненіи, что одни качества постоянно уступаютъ мѣсто другимъ; чтобы объяснить, какъ можетъ происходить такая смѣна, мы предполагаемъ еще *матерію.*

И такъ, слѣдовательно, оказывается, что разсужденія матеріалистовъ, будто бы въ мірѣ реально существуетъ только матерія— неосновательно, потому что реальность сознанія оказывается въ философскомъ отношеніи гораздо болѣе обоснованной; что если ужъ сомнѣваться въ реальности чего-либо, то скорѣе это можно было бы сдѣлать по отношенію къ матеріи, а отнюдь не сознанія.

Разсмотримъ теперь то положеніе матеріалистовъ, что *мысль есть движеніе.* Многіе физіологи повторяютъ эту фразу, вовсе не желая глубже вникнуть въ смыслъ ея; если бы они это сдѣлали, то они скоро убѣдились бы, что на самомъ дѣлѣ она совершенно лишена всякаго смысла *). Лучшіе натуралисты высказывались именно

---

*) Строго говоря, положеніе «*мысль есть движеніе вещества*» нельзя назвать *догмой* матеріализма; это положеніе могло бы быть названо *догмой* только въ томъ случаѣ, если бы оно *доказывалось*, на самомъ же дѣлѣ здѣсь никакого доказательства нѣтъ; здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ неправильнымъ употребленіемъ слова «мысль». Кто понимаетъ значеніе слова «мысль», тотъ никогда не скажетъ, что она есть движеніе вещества. Матеріалисты же обыкновенно не понимаютъ значенія словъ «мысль», «психическій»; т. е. они произносятъ это слово, какъ и философы, но не понимаютъ, что оно означаетъ; т. е., другими словами, они произносятъ слово «психическій» и думаютъ, что они говорятъ о *психическомъ*, на самомъ же дѣлѣ они говорятъ о процессахъ *физіологическихъ*, совершающихся въ мозгу. Эта ошибка весьма любопытна и съ точки зрѣнія логики ее даже трудно классифицировать. Если кто-нибудь, напр., хочетъ доказать какое-нибудь положеніе и доказываетъ его неправильно, то мы такое неправильно доказываемое положеніе называемъ *заблужденіемъ, ошибкой.* Назовемъ ли мы заблужденіемъ или ошибкой, если напр., слѣпой не *видитъ* цвѣтовъ, или глухой не *слышитъ* звуковъ? Это

противъ этого положенія. *Гризингеръ*, знаменитый психіатръ, по этому поводу говоритъ: «Всѣ эти колебательныя и волнообразныя движенія, все относящееся къ электричеству и механикѣ все-таки еще не душевное явленіе, не представленіе. Какимъ образомъ первыя могутъ стать вторыми — эта загадка останется неразрѣшимой до конца вѣковъ, и мнѣ кажется, что если бы сію минуту сошелъ ангелъ съ неба и объяснилъ намъ все это, то умъ нашъ былъ бы совершенно не въ состояніи понять, какъ это мысль возникаетъ изъ матеріальныхъ измѣненій мозга?» *) По мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго физіолога *Дюбуа-Реймона*, «сознаніе не объяснимо изъ его матеріальныхъ условій». «Астрономическое познаніе мозга, высшее, какое мы можемъ требовать о немъ, не раскрываетъ намъ ничего, кромѣ движущейся матеріи. Но никакимъ мыслимымъ расположеніемъ или движеніемъ матеріальныхъ частичекъ мы не можемъ перекинуть мостъ въ царство сознанія». Никоимъ образомъ нельзя понять, какъ изъ совокупнаго дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть сознаніе **).

Изъ *матеріи никоимъ образомъ объяснить сознаніе невозможно* ***); если бы мы имѣли микроскопы, обладающіе увеличительной силой, въ милліонъ разъ бо̀льшей той, которой они теперь обладаютъ, и если бы мы при помощи такихъ микроскоповъ могли разглядѣть движенія мельчайшихъ частицъ матеріи съ полной ясностью, если бы мы могли проникнуть въ процессы химическаго соединенія, то и то никоимъ образомъ не были бы въ состояніи понять, какимъ образомъ изъ движенія матеріальныхъ частицъ рождается сознаніе или мысль, какъ тому учатъ матеріалисты.

Но самый главный аргументъ противъ матеріализма заклю-

просто *недостатокъ* извѣстнаго чувства и ничего больше. Въ отождествленіи *мысли* съ движеніемъ вещества есть извѣстнаго рода недостатокъ чувства и ничего больше. Позвольте привести пояснительный примѣръ. Въ цвѣтовомъ ощущеніи бываетъ недостатокъ, который называется цвѣтовой слѣпотой. Люди, страдающіе этимъ недостаткомъ употребляютъ тѣ же слова, что и нормально видящіе, т. е. они употребляютъ слова: зеленый, красный, на самомъ же дѣлѣ они не различаютъ этихъ цвѣтовъ: вмѣсто зеленаго употребляютъ красный, вмѣсто краснаго зеленый. Точно такимъ же образомъ и матеріалисты употребляютъ слово *психическій*, какъ и другіе философы, но вмѣсто психическихъ процессовъ думаютъ о явленіяхъ физическихъ. Если такой недостатокъ въ цвѣтовой слѣпотѣ мы назовемъ *органическимъ* недостаткомъ, то читатель легко догадается, какъ назвать этотъ недостатокъ у тѣхъ, кто отождествляетъ психическое съ физическимъ!

*) Цитируется у Остроумова ук. с., стр. 73—4.

**) Дюбуа-Реймонъ. О границахъ естествознанія.

***) Этого же мнѣнія держатся знаменитые современные натуралисты *Тиндаль*, *Лудвигъ*, *Фиккъ* и др.

чается въ слѣдующемъ. Мы видѣли, что физіологія приводитъ множество фактовъ, указывающихъ на то, что *между явленіями физическими и между явленіями психическими есть постоянная связь*, можно сказать, что нѣтъ ни одного психическаго акта, который не сопровождался бы какими-либо физіологическими; отсюда матеріалисты дѣлали тотъ выводъ, что психическія явленія *зависятъ* отъ физическихъ. Но такое толкованіе можно было бы давать только въ такомъ случаѣ, если бы психическія явленія были бы *слѣдствіями* физическихъ процессовъ, т. е. если бы между тѣми и другими существовало такое же причинное отношеніе, какъ между двумя явленіями физической природы, изъ которыхъ одно есть слѣдстіе другого. На самомъ же дѣлѣ это вовсе невѣрно. *Между физическими и психическими процессами не существуетъ никакого причиннаго отношенія*. Процессы сознанія не суть *слѣдствія* физическихъ процессовъ.

Чтобы понять это, разберемъ, что нужно понимать подъ словомъ *причина* въ естественно-историческомъ смыслѣ *).

Въ явленіяхъ матеріальныхъ *причинность* тождественна съ *закономъ сохраненія силы*, который называется также закономъ *превращенія физическихъ силъ*. По этому закону физическая сила существуетъ въ различныхъ формахъ, изъ которыхъ каждая въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ превратима въ другія. Переходъ одной формы въ другую совершается безъ всякой потери силы или ея количества. *Причинность, какъ сохраненіе силы, есть перенесеніе или перевоплощеніе опредѣленнаго количества силы*. Возьмемъ примѣръ. Положимъ пароходъ приводится въ движеніе паромъ. Расширеніе пара есть слѣдствіе работы теплоты. Теплота происходитъ отъ горѣнія или химическаго соединенія сожженнаго угля и кислорода. Каменный уголь произошелъ изъ угля растеній первобытныхъ вѣковъ, произростаніе которыхъ требовало извѣстнаго расхода солнечной теплоты. Такимъ образомъ, хотя и кажется, что между солнечной теплотой первобытныхъ вѣковъ и движеніями парохода нѣтъ никакой связи, однако, вышеприведенными соображеніями можно доказать, что между ними существуетъ *связь причинности*. При потенціальныхъ энергіяхъ кажется, что мы созидаемъ силу безъ предшествующей эквивалентной силы, вызываемъ маленькими причинами великія дѣйствія. Причиною обнаруженія большого количества силы можетъ быть обстоятельство совершенно ничтожное. Руки дитяти достаточно для того, чтобы разрядить баттарею военнаго судна или сжечь городъ. Это

---

*) Объ этомъ см. *Троицкій*. Учебникъ логики. Книга II, стр. 169—173.

есть дѣйствіе, переводящее потенціальную энергію въ актуальную. Если мы возьмемъ это опредѣленіе причинности, то мы должны будемъ признать, что, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, мы не можемъ допустить причинной связи между мозговой дѣятельностью и психическими явленіями.

«По закону причинности *), вездѣ принятому въ естественныхъ наукахъ, мы можемъ говорить о причинной связи двухъ явленій только въ томъ случаѣ, когда *дѣйствіе изъ причины можетъ быть выведено по опредѣленнымъ законамъ.* Такое выведеніе въ собственномъ смыслѣ возможно только въ *однородныхъ* процессахъ. Это выведеніе возможно провести во всей области естественныхъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, такое выведеніе мыслимо, потому что расчлененіе этихъ явленій постоянно приводитъ къ процессамъ движенія, въ которыхъ дѣйствіе въ томъ смыслѣ эквивалентно своей причинѣ, что при соотвѣтствующихъ условіяхъ причинное отношеніе можно обратить, т.-е. слѣдствіе можно сдѣлать причиной, а причину слѣдствіемъ. Такъ, напримѣръ, паденіе какой-либо тяжести съ опредѣленной вышины производитъ двигательное дѣйствіе, посредствомъ которой тяжесть такой же величины можетъ быть поднята на ту же высоту. Ясно, что *о такой эквивалентности между нашими психическими дѣятельностями и между сопровождающими ихъ физіологическими* процессами не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствіями послѣднихъ всегда могутъ быть только процессы *физическаго* характера. Только благодаря этому и возможна въ природѣ та *замкнутая причинная связь,* которая находитъ свое полное выраженіе въ *законѣ сохраненія энергіи*; *этотъ законъ нарушался бы всякій разъ, когда тѣлесная причина производила бы духовное дѣйствіе*».

Физическій процессъ въ мозгу образуетъ замкнутую въ себѣ причинную связь, нигдѣ не наступаетъ членъ, который не былъ бы физической природы. Напримѣръ, какой-либо человѣкъ переходитъ черезъ улицу; вдругъ его называютъ по имени, онъ поворачиваетъ голову къ тому, кто его зоветъ. Физіологъ весь этотъ процессъ могъ бы построить чисто механически; онъ показалъ бы, какимъ образомъ воздѣйствіе звуковыхъ волнъ на слуховой органъ возбуждаетъ въ слуховомъ нервѣ опредѣленный нервный процессъ, какимъ образомъ этотъ процессъ распространяется къ центральному органу, который, наконецъ, приходитъ къ иннерваціи извѣстныхъ группъ двигательныхъ нервовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ оказалось движеніе головы въ

*) См. *Вундтъ.* Ст. Gehirn й. Seele въ его Essays.

томъ направленіи, откуда шли звуковыя волны. Всѣ эти процессы приходятъ къ физическому процессу безъ всякаго *перерыва*. Но, кромѣ того, здѣсь происходитъ еще и другой процессъ, котораго физіологъ въ своихъ объясненіяхъ не долженъ принимать въ разсчетъ, но о которомъ онъ какъ мыслящій и объясняющій свои мысли человѣкъ говоритъ: слуховыя *ощущенія* вызвали представленія и чувства, позванный услышалъ свое имя, онъ обернулся, чтобы узнать, кто его позвалъ, и затѣмъ онъ увидѣлъ тамъ своего стараго знакомаго. Эти *процессы совершаются рядомъ съ физическимъ процессомъ, но не вмѣшиваются въ него. Воспріятіе и представленіе не образуютъ членовъ физическаго причиннаго ряда* *). Они не вмѣшиваются въ процессы физическіе. «Животное или человѣческое тѣло, говоритъ физіологъ *Герингъ*, не измѣнится въ глазахъ физика отъ того, что животное способно чувствовать удовольствіе или боль, что съ матеріальными отправленіями тѣсно связаны радости и страданія духа, живое воображеніе и сознаніе. Для него тѣло остается все тою же массой матеріи, которая подлежитъ тѣмъ же несокрушимымъ законамъ, которымъ подлежитъ и вещество камня и вещество растенія. *Ни впечатлѣніе, ни представленіе, ни даже сознательная воля не могутъ составлять звена этой цѣпи матеріальныхъ обстоятельствъ, образующихъ физическую жизнь организма.* Если я отвѣчаю на заданный мнѣ вопросъ, то матеріальный процессъ, совершающійся въ это время между нервными волокнами органа слуха и мозгомъ, долженъ оставаться только матеріальнымъ, чтобы достигнуть двигательныхъ нервовъ голосового аппарата. Процессъ этотъ не можетъ, достигши извѣстной части мозга, внезапно *обращаться въ нѣчто невещественное*, чтобы по прошествіи извѣстнаго времени въ другой части снова принять форму вещественнаго проявленія» **).

Если бы теорія матеріалистовъ была правильна, то нужно было бы ожидать, что физическій процессъ въ извѣстныхъ пунктахъ обнаруживаетъ *перерывъ* и именно тамъ, гдѣ въ качествѣ членовъ причинной связи выступаютъ *психическія событія*. Если бы нервное движеніе было *причиной* ощущенія, то оно, какъ таковое, должно было бы уничтожиться, а взамѣнъ его должно возникнуть *ощущеніе*. Но мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что это невозможно, если примемъ въ соображеніе, что можетъ порождать движеніе вообще. Напримѣръ, движеніе шара А имѣетъ

---

*) Паульсенъ. Введеніе въ философію. 85—6.

**) Цитир. у Остроумова ук. с. стр. 77—78.

своимъ слѣдствіемъ *движеніе* шара B, т.-е. первое движеніе пропадаетъ: вмѣсто него возникаетъ опредѣленное одинаково большое движеніе второго шара. Извѣстное движеніе вызываетъ теплоту, т.-е. движеніе пропадаетъ, вмѣсто него появляется опредѣленное количество теплоты; то же самое должно было бы быть и въ нашемъ случаѣ: *вмѣсто уничтожившагося движенія должно было бы возникнуть ощущеніе* или представленіе, какъ его эквивалентъ. Но представленіе не есть что-либо матеріальное; поэтому, для физики причинная связь имѣла бы здѣсь пробѣлъ, въ физическомъ процессѣ отсутствовало бы звено. Это противорѣчило бы непрерывности физическихъ процессовъ, наблюдаемыхъ во всей природѣ. *Допущеніе превращенія движенія не въ другую форму движенія, не въ потенціальную физическую энергію, но въ нѣчто, что физически вообще не существуетъ,*— есть предположеніе, котораго физикъ не можетъ допустить.

Превращеніе движенія или физической энергіи въ мысль, въ чистые процессы сознанія — для натуралиста было бы равносильно уничтоженію энергіи. Слѣдовательно, матеріализмъ невозможенъ съ точки зрѣнія естествознанія *).

Поэтому, ради послѣдовательности матеріалисту остается признать ощущеніе первичнымъ свойствомъ всякой матеріи или, по крайней мѣрѣ, свойствомъ матеріи организованной, но, ставъ на эту точку зрѣнія, матеріализмъ отказывается отъ своего основного положенія. Вотъ почему Бюхнеръ, желая отстоять свои прежнія воззрѣнія, сталъ на новую точку зрѣнія, которая не можетъ

*) Ср. съ этимъ мнѣніе *Дюбуа-Реймона* Ueber die Grenzen des Naturer-Kentniss 1891, стр. 41.

Теперь читатель легко можетъ видѣть, въ какой связи находится матеріализмъ и естествознаніе. Можно сказать, что данныя естествовѣдѣнія совсѣмъ не подтверждаютъ положеній матеріализма. И даже, наоборотъ, наиболѣе выдающіеся представители естествознанія высказывались противъ возможности матеріалистическаго толкованія душевныхъ явленій. Назовемъ такія имена, какъ *Гельмгольцъ, Дю-Буа-Реймонъ, Фирордтъ, Лудвигъ, Фиккъ*. Изъ нашихъ русскихъ физіологовъ *Бакстъ*, открывая въ 1871 году курсъ физіологіи, во вступительной лекціи доказывалъ, что мнѣніе объ особенной связи физіологіи съ матеріализмомъ основано на невѣжествѣ и что, напротивъ, естествознаніе скорѣе способно указать слабыя стороны матеріализма. (См. Ибервегъ - Гейнце. Ист. Филос. 1890 г., стр. 549). Англійскій физикъ *Тэтъ* въ книгѣ «Новѣйшіе успѣхи физическихъ знаній говоритъ: «Существуетъ многочисленная группа людей, которые утверждаютъ, что воля и сознаніе — чисто физическія явленія. Это заблужденіе обусловлено тѣмъ легковѣріемъ, которое характеризуетъ невѣжество и бездарность». Изъ этого легко видѣть, что *матеріализмъ есть порожденіе естествовѣдовъ, а не естествовѣдѣнія.*

быть названа матеріалистической въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ послѣднемъ изданіи своего «Stoff ünd Kraft» онъ находитъ, что признаніе матеріи безжизненной совершенно ни на чемъ не основано. По его мнѣнію, матеріи, какъ таковой, должны быть приписаны на ряду съ *физическими* свойствами и свойства *психическія*. Здѣсь мы у него находимъ вставки, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ положеніемъ чистаго матеріализма, что *мысль есть функція матеріи*, что можно было бы признать въ томъ случаѣ, если бы мы допустили одну субстанцію въ мірѣ—матеріальную. У Бюхнера мы находимъ признаніе субстанціи, но не матеріальной. «Мышленіе и протяженность,—говоритъ онъ,—могутъ быть разсматриваемы какъ двѣ стороны или способы явленія *одного и того же единичнаго существа*, каковое существо, однако, по своей природѣ остается неизвѣстнымъ». «*Духъ и природа въ концѣ концовъ одно и то же*». Эта *монистическая* точка зрѣнія, которая никакъ не можетъ быть связана съ матеріализмомъ и къ которой долженъ былъ прибѣгнуть Бюхнеръ, чтобы отстоять частности матеріалистическаго ученія,—по нашему мнѣнію, самымъ неопровержимыъ образомъ доказываетъ полную несостоятельность этого ученія въ его ходячей формѣ.

Многіе могутъ сказать, что критика матеріализма, въ сущности, никакого значенія не имѣетъ, что наука ничего не теряетъ, ничего не выигрываетъ отъ того, будетъ ли признанъ матеріализмъ или нѣтъ. Психологическая наука будетъ идти своимъ путемъ, т. е. она будетъ разрабатываться съ одинаковымъ успѣхомъ, будетъ ли признано, что *мысль есть продуктъ мозговой дѣятельности* или что явленія духовныя будутъ только *параллельны* физическимъ; все равно, психологію нельзя разрабатывать безъ физіологіи или изученія физіологическихъ явленій. Но намъ кажется, что отрѣшеніе отъ матеріалистическаго взгляда на душевныя явленія имѣетъ важное *методологическое* значеніе; тѣ, которые слишкомъ проникнуты воззрѣніемъ, будто душевныя явленія имѣютъ матеріальный характеръ, въ объясненіи ихъ будутъ постоянно стремиться къ теоріямъ, которыя по своей произвольности будутъ хуже всякой метафизики. Возьмемъ примѣры. «Чѣмъ больше въ данномъ мозгу заключается клѣтокъ, чѣмъ больше въ нихъ занято квартиръ различными ощущеніями и представленіями,—говоритъ профессоръ Ковалевскій *),—тѣмъ больше у насъ будетъ матеріала для сужденія и мышленія, тѣмъ богаче будутъ наши познанія и свѣдѣнія, тѣмъ больше шансовъ быть умнымъ и образованнымъ чело-

*) Механизмъ душевной дѣятельности стр. 49—51.

вѣкомъ. По Мейнерту въ мозговой коркѣ находится отъ 600 до 1.200 милліоновъ клѣтокъ». Спрашивается, достанетъ ли въ этихъ клѣткахъ «квартиръ для представленій»? Профессоръ Ковалевскій высчитываетъ, что въ теченіе жизни человѣка у него должно образоваться не менѣе 1.387.584.000 представленій. Но затѣмъ онъ уменьшаетъ это число до 46.252.800 штукъ (у Бэна ихъ 200.000). Съ этимъ едва ли можно согласиться. Измѣрять число представленій возможно было бы, если бы твердо была установлена единица для этого измѣренія. Однако, такой единицы нѣтъ. «Представленіе шахматной доски,—справедливо спрашиваетъ Остроумовъ *),—одно это представленіе или 64? Поле микроскопа, наполненное микробами—одно представленіе или милліонъ ихъ?» Такого рода попытки можно встрѣтить только у физіолога, имѣющаго односторонній взглядъ на душевныя явленія.

Часто отъ физіологовъ можно слышать слѣдующаго рода заявленіе. «Собственно психологія, какъ таковая, обречена на полное безплодіе; если же мы желаемъ раскрыть психическіе законы, то для этого мы должны *изучить строеніе и функцію нашего мозга*». На самомъ дѣлѣ это утвержденіе совсѣмъ не вѣрно: знаніе функцій мозга далеко не можетъ быть въ такой мѣрѣ необходимымъ для психолога, какъ это часто предполагаютъ физіологи.

Конечно, какъ всякое знаніе, это знаніе въ высшей степени интересно и полезно само по себѣ, но *не для раскрытія законовъ психической жизни*, потому что то, что намъ извѣстно изъ психологіи, отличается гораздо большей достовѣрностью, чѣмъ то, что намъ извѣстно изъ анатоміи мозга; въ психологіи мы имѣемъ опредѣленные *факты*, а въ физіологіи однѣ лишь *гипотезы*. Мы не можемъ говорить о томъ, что знаніе функцій отдѣльныхъ частей мозга можетъ раскрыть для насъ какіе-либо психологическіе законы. На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное. Знаменитый анатомъ *Мейнертъ*, занимаясь изысканіемъ функцій мозга, руководствовался тѣмъ раздѣленіемъ психическихъ функцій, которое онъ нашелъ въ психологическихъ сочиненіяхъ, шелъ, слѣдовательно, *отъ психологіи къ физіологіи, а не наоборотъ, какъ склонны утверждать многіе*. Нѣкоторые, наприм., думаютъ, что соединеніе нервныхъ клѣтокъ при помощи нервныхъ волоконъ есть какъ бы объясненіе того психическаго явленія, что нѣкоторыя представленія связываются другъ съ другомъ. Напр., представленіе *a* связывается съ представленіемъ *b*; нѣкоторые думаютъ, что это можно объяснить такимъ образомъ, что пред-

*) Ук. соч. 54.

ставленію *a* соотвѣтствуетъ дѣятельность клѣтки *a*, представленію *b* соотвѣтствуетъ дѣятельность клѣтки *b*, а соединеніе этихъ двухъ клѣтокъ соотвѣтствуетъ соединенію этихъ двухъ представленій. Но это невѣрно, и вотъ почему: соединеніе двухъ представленій есть несомнѣнный *фактъ*, а соединеніе двухъ клѣтокъ, якобы соотвѣтствующихъ этимъ двумъ представленіямъ, есть *гипотеза*, пока ничѣмъ неоправданная.

Я хочу иллюстрировать это положеніе однимъ любопытнымъ случаемъ. Недавно между вѣнскимъ анатомомъ *Штриккеромъ* и психологомъ *Штумфомъ* возникъ такого рода споръ: по поводу одной теоріи Штриккеръ упрекнулъ Штумфа въ томъ, что «должно быть, когда онъ писалъ свою теорію, онъ не имѣлъ совершенно яснаго представленія относительно строенія мозговой коры». А Штумфъ для возраженія Штриккеру беретъ ту же самую книгу его, въ которой содержится это возраженіе, и тамъ находитъ слѣдующія выраженія: «Совершенно не наше дѣло доказывать, говорилъ Штриккеръ, извѣстны ли намъ эти нервные пути, или же нѣтъ. *Ассоціація есть несомнѣнный фактъ*». «Это положеніе относительно ассоціаціи представленій совсѣмъ не есть гипотеза». «Выраженіе «ассоціація» перешло также въ физіологію и здѣсь оно опирается только на *гипотезу*». Эти показанія для насъ въ высшей степени цѣнны, потому что они принадлежатъ анатому и ясно характеризуютъ отношеніе физіологіи и психологіи.

Кромѣ того, намъ кажется, что ясное постиженіе того положенія, что мысль не есть функція мозга, имѣетъ громадное значеніе и для выработки правильнаго философскаго міровоззрѣнія, потому что понять, что въ мірѣ существуютъ не одни только матеріальныя явленія или что матерія совсѣмъ не есть то, что подъ нею разумѣютъ физики,—значитъ кореннымъ образомъ измѣнить обычный въ естествознаніи взглядъ на природу вещей.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

*(Продолженіе *).*

III.

Въ тотъ же самый поздній вечеръ, который такъ непріятно окончился для горничной миссъ Сьювель, сэру Джоржу Тресседи пришлось вести довольно странный разговоръ.

Простившись съ Летти, онъ, подъ предлогомъ усталости, отказался отъ приглашенія пройти въ курильную комнату; но онъ не легъ спать. Ему, такъ же какъ и Летти, трудно было удержаться отъ искушенія посидѣть у камина и пораздумать. Онъ еще не начиналъ раздѣваться, когда услышалъ стукъ въ дверь. На его приглашеніе войти, въ дверяхъ появился лордъ Фонтеной.

— Можно мнѣ къ вамъ, Тресседи?

— Сдѣлайте одолженіе!

Тѣмъ не менѣе, Джоржъ посмотрѣлъ на посѣтителя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Онъ не былъ лично друженъ съ Фонтеноемъ.

— Ну, я радъ, что вы еще не легли; я уѣзжаю завтра утромъ, а мнѣ хочется прежде сказать вамъ нѣсколько словъ. Можете вы подарить мнѣ 10 минутъ?

— Конечно. Садитесь пожалуйста. Только—долженъ сознаться, я сильно утомленъ. Если это что-нибудь важное, я не обѣщаю сообразить, какъ слѣдуетъ.

Лордъ Фонтеной не сразу отвѣтилъ. Онъ стоялъ у камина, устремивъ глаза на папиросу, которую продолжалъ держать въ рукахъ, и молчалъ. Джоржъ смотрѣлъ на него, съ трудомъ скрывая неудовольствіе.

---

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1896 г.

— Это была жаркая борьба,—проговорилъ, наконецъ, Фонтеной медленно,—и вы ее выиграли. Наша партія имѣла повсюду успѣхъ на нынѣшнихъ выборахъ. Но ваша побѣда самая значительная изъ всѣхъ, какія намъ удалось одержать. Ваши рѣчи обратили на себя вниманіе—это видно по тому, какъ ими занимается пресса, хотя вы еще новичокъ въ политикѣ. Въ палатѣ вы будете нашимъ лучшимъ ораторомъ,—конечно, со временемъ, когда пріобрѣтете опытность. Что касается меня, я долженъ подготовляться недѣли двѣ, чтобы сказать что-нибудь порядочное. Безъ этого я ничего не могу. Вы съ самаго начала примете участіе въ преніяхъ. Такъ я именно этого и ожидалъ.

Онъ остановился. Джоржъ безпокойно двигался на стулѣ и ничего не говорилъ.

Фонтеной продолжалъ:

— Вы, надѣюсь, не примете за навязчивость того, что я вамъ скажу,—но, вы помните мои письма къ вамъ въ Индію?

Джоржъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Они ставили вопросъ рѣзко,—проговорилъ Фонтеной,—но по моему все-таки недостаточно рѣзко. Нынѣшнее недостойное министерство держится благодаря помощи тираніи, тираніи рабочихъ. Они называютъ себя консерваторами, на самомъ дѣлѣ они просто государственные соціалисты, скрытые соціалисты-революціонеры. Мы съ вами вступили въ парламентъ, чтобы, по возможности, сломить эту тиранію. Нынѣшній годъ и будущій имѣютъ грамадное значеніе. Если мы на время обуздаемъ Максвеля и его друзей, если мы придадимъ смѣлости либераламъ, если мы сплотимся и объединимъ наши силы, разсѣянныя въ странѣ,—наша цѣль будетъ достигнута. Тогда мы можемъ сказать, что создали противовѣсъ нынѣшнему направленію; на будущихъ выборахъ наша побѣда обезпечена, и тогда свобода, или, лучше сказать, жалкіе остатки ея будутъ спасены для цѣлаго поколѣнія. Но чтобы имѣть успѣхъ, каждый изъ насъ долженъ дѣлать громадныя усилія, приносить громадныя жертвы.

Фонтеной остановился и посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Джоржъ полулежалъ въ креслѣ съ закрытыми глазами. Съ какой стати, думалось ему, выбралъ Фонтеной именно этотъ часъ и эту ночь, чтобы повторять всѣ эти избитыя истины; вѣдь онъ уже говорилъ ихъ и въ своихъ безчисленныхъ рѣчахъ, и почти въ каждомъ письмѣ, которое Джоржъ получалъ отъ него.

— Я и не думаю, что намъ предстоитъ дѣтская игра,—отвѣчалъ онъ, подавляя зѣвокъ.—Надѣюсь, что, выспавшись сегодня ночью, я еще лучше пойму всю серьезность положенія.—Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на собесѣдника.

Фонтеной бросилъ папиросу въ каминъ и стоялъ съ минуту молча, заложивъ руки за спину.

— Послушайте, Тресседи,—сказалъ онъ наконецъ;—вы помните, въ какомъ положеніи были мои дѣла при вашемъ отъѣздѣ изъ Англіи? Я васъ мало зналъ, но, думаю, вы, также какъ и многіе другіе юноши, многое знали обо мнѣ?

Джоржъ сдѣлалъ ожидаемый отъ него знакъ согласія.

— Конечно, я зналъ кое-что о васъ,—сказалъ онъ улыбаясь,—это было не трудно.

Фонтеной тоже улыбнулся, но не весело. Веселость сдѣлалась невозможной для этого человѣка, постоянно удрученнаго работой, постоянно чувствовавшаго нѣкоторую горечь.

— Я былъ сумасшедшій,—быстро проговорилъ онъ,—я сумасшествовалъ открыто, у всѣхъ на глазахъ. Но я наслаждался жизнью. Не думаю, чтобы кто-нибудь наслаждался больше меня. Каждый день моей прежней жизни можетъ служить опроверженіемъ того, что говорятъ добрые люди, будто надо быть добродѣтельнымъ, чтобы быть счастливымъ. Я бездѣльничалъ, я кутилъ; я былъ порочёнъ, и въ то же время я былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ людей на свѣтѣ. Лошади, скачки—это было мое величайшее наслажденіе. До сихъ поръ, вспоминая эти утра въ манежѣ, выѣздку моихъ жеребятъ, все разнообразіе, всѣ волненія моей тогдашней жизни, я не могу отдѣлаться отъ желанія, чтобы она снова вернулась. А между тѣмъ, въ послѣдніе три года я не купилъ ни одной лошади, не видѣлъ ни одной скачки, не держалъ ни одного пари. Я посѣщаю общество только изъ политическихъ соображеній и почти не пью вина. Я отказался отъ всего, что прежде мнѣ доставляло удовольствіе, отказался вполнѣ. Въ силу этого я, кажется, имѣю право заявить своимъ сторонникамъ мое твердое убѣжденіе, что, пока каждый изъ насъ и всѣ мы не откажемся отъ удобствъ и удовольствій личной жизни, пока мы не согласимся не щадить себя и переносить непріязнь парламента, подобно парнелитамъ, выступая впередъ кстати и не кстати, пока мы не рѣшимъ жертвовать всѣмъ ради дѣла—намъ лучше совсѣмъ не начинать борьбы, такъ какъ безъ этого мы не можемъ одержать побѣды.

Джоржъ обхватилъ руками колѣна и упрямо смотрѣлъ въ огонь. Читать проповѣди дѣло хорошее, но Фонтеной положительно злоупотребляетъ имъ; онъ несомнѣнно сдѣлалъ много, но несомнѣнно только потому, что это было ему пріятно.

— Ну,—сказалъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой взглянувъ на своего собесѣдника,—я, право, не понимаю, что вы хотите сказать.

Можетъ быть, вамъ представляется, что мнѣ не слѣдуетъ думать о женитьбѣ?

Подъ наружною безпечностью его тона скрывалось значительное раздраженіе. Онъ отчасти угадывалъ, что подразумѣвалъ Фонтеной, и хотѣлъ показать, что не намѣренъ подчиняться ему.

Фонтеной тоже засмѣялся и такъ же не весело, какъ и раньше. Затѣмъ, онъ отвѣчалъ спокойнымъ тономъ:

— Я именно это и хотѣлъ сказать. Если вы, сразу послѣ выборовъ, при началѣ такой критической сессіи, отдадите лучшія силы своей души чему-нибудь другому, а не предстоящей намъ борьбѣ, я буду смотрѣть на васъ, какъ на потеряннаго для насъ человѣка, на время, по крайней мѣрѣ, какъ на человѣка, до нѣкоторой степени измѣнившаго намъ.

Кровь прилила къ щекамъ Джоржа.

— Честное слово!—вскричалъ онъ, вскакивая,—вы слишкомъ требовательны!

Фонтеной поспѣшилъ отвѣтить въ примирительномъ тонѣ.

— Я хотѣлъ бы только поддержать машину въ порядкѣ.

Джоржъ нѣсколько минутъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ онъ остановился:

— Послушайте, Фонтеной! Я не могу смотрѣть на дѣло такими же глазами, какими вы смотрите, и всего лучше будетъ, если мы сразу объяснимся. Для меня мое избраніе дѣло, въ сущности, простое. Я его принимаю и принимаю всѣ его послѣдствія, такъ же какъ сдѣлалъ бы всякій другой человѣкъ. Я присоединился къ вашей партіи и къ вашей программѣ и намѣренъ поддерживать ее. Я вижу, что политическое положеніе затруднительно и не думаю отступать. Но я не стану приносить свою личную жизнь въ жертву политикѣ, какъ не приносилъ и отецъ мой, когда былъ членомъ парламента. Если революція должна разразиться, она разразится, не смотря ни на васъ, ни на меня. И кромѣ того— позвольте мнѣ замѣтить вамъ—вашъ образъ дѣйствій въ концѣ концовъ невыгоденъ и для дѣла. Ни одинъ человѣкъ не можетъ работать, какъ вы, безъ отдыха и безъ всякихъ развлеченій. Вы этого не вынесете, и тогда что будетъ съ нашимъ дѣломъ?

Лордъ Фонтеной посмотрѣлъ на своего собесѣдника какъ-то странно, точно что-то разсчитывая. Онъ какъ будто быстро соображалъ въ умѣ разные pro и contra и въ концѣ концовъ рѣшилъ оставить начатый разговоръ, втайнѣ сожалѣя, что затѣялъ его.

— Ну да, конечно,—сказалъ онъ,—все, что я вамъ говорилъ, представляется вамъ простою назойливостью съ моей стороны.

Надѣюсь, вы со временемъ перемѣните свое мнѣніе и простите мнѣ. Я разсчитываю на силу обстоятельствъ. Вы въ этомъ сами убѣдитесь, когда настоящимъ образомъ вступите въ борьбу. Въ этой тираніи рабочей партіи есть нѣчто, что возбуждаетъ всѣ страсти человѣка и дурныя, и хорошія. Если она не возбудитъ васъ, значитъ я въ васъ сильно ошибался. Что касается меня, обо мнѣ не стоитъ заботиться. Мало на свѣтѣ людей, такихъ сильныхъ, какъ я. Вы, кромѣ того, забываете...

Онъ остановился. Въ послѣдніе годы, послѣ своего перерожденія, лордъ Фонтеной очень рѣдко говорилъ самъ о себѣ. Но въ эту минуту, взглянувъ на него, Джоржъ сразу замѣтилъ, что его собесѣдникъ находится подъ вліяніемъ какого-то мрачнаго личнаго чувства.

— Вы забываете,—продолжалъ онъ,—что я ничему не учился ни въ школѣ, ни въ университетѣ, и что человѣкъ, который хочетъ быть руководителемъ партіи, долженъ такъ или иначе платить за это драгоцѣнное право. Когда вы уѣзжали изъ Англіи, единственный финансовый документъ, который я понималъ, была книга съ записью закладовъ. Я зналъ изъ исторіи только то, что можно узнать, когда живешь среди людей, дѣлающихъ исторію, и былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы пользоваться даже такими знаніями. Я не понималъ самаго простого экономическаго разсужденія, и я ненавидѣлъ всякіе хлопоты. Я долженъ былъ мучиться, какъ каторжникъ, чтобы достичь того, чего я достигнулъ. Вы удивились бы, если бы могли иногда видѣть меня ночью, видѣть, что дѣлаю, что я принужденъ дѣлать, чтобы не казаться невѣждой въ самыхъ элементарныхъ вещахъ.

Джоржъ былъ тронутъ. Тонъ говорившаго принялъ выраженіе спокойнаго достоинства, не смотря на горькое смиреніе, заключавшееся въ словахъ его.

— Вы меня окончательно пристыдили,—сказалъ онъ искренно, хотя нѣсколько смущенно.—Пожалуйста, не лишайте меня вашего довѣрія; я постараюсь сдѣлать все, что могу.

— Покойной ночи,—сказалъ лордъ Фонтеной, протягивая руку. Онъ не добился никакихъ обѣщаній, Джоржъ почувствовалъ и высказалъ ему неудовольствіе, но, не смотря на это, взаимная дружба ихъ сдѣлала значительный шагъ впередъ.

Джоржъ заперъ за нимъ дверь и вернулся къ камину, чтобы обдумать весь этотъ странный разговоръ. Ничего въ жизни не встрѣчалъ онъ болѣе удивительнаго, чѣмъ это превращеніе игрока и мота въ страстнаго руководителя труднымъ дѣломъ. Онъ видѣлъ одно только свойство, общее и тому человѣку, какимъ онъ

помнитъ Фонтеноя, и политическому дѣятелю, за которымъ онъ обязался слѣдовать,—это свойство была необыкновенная сила воли. Даже Фонтеной во время своихъ безумствъ не былъ ни веселымъ, ни пріятнымъ членомъ общества, но его твердая воля, его сумасбродная, неугомонная энергія давали ему власть надъ людьми болѣе мягкаго темперамента. Эта воля и эта энергія жили въ немъ до сихъ поръ, еще болѣе прежняго закаленныя и сосредоточенныя. Джоржъ Тресседи по временамъ сомнѣвался только, вполнѣ ли самъ онъ готовъ подчиниться имъ.

Онъ сравнительно недавно лично познакомился съ Фонтеноемъ. Года четыре его не было въ Англіи и онъ вернулся на родину всего за три мѣсяца до выборовъ въ Маркетъ-Мальфордѣ. Непосредственной причиной его возвращенія было письмо, полученное имъ отъ Фонтеноя, но раньше между ними не было никакихъ прямыхъ сношеній.

Обстоятельства, вызвавшія продолжительное отсутствіе Тресседи, имѣютъ отношеніе къ его послѣдующей исторіи, и мы потому объяснимъ ихъ здѣсь. Отецъ его, сэръ Вильямъ, владѣлецъ Фёртъ Плэса, въ Западной Мерсіи, умеръ въ тотъ годъ, когда Джоржъ, его единственный сынъ, вышелъ изъ университета. Сынъ рѣшилъ немедленно отправиться путешествовать, такъ какъ послѣ отца остались значительные долги, а его отвращеніе къ юридической дѣятельности, къ которой онъ подготовлялся, сильно возрасло, когда онъ получилъ свободу дѣлать что хочетъ. Онъ считалъ даже, что обязанъ путешествовать, если намѣренъ принимать участіе въ общественной или парламентской жизни, а ни къ какой другой профессіи, по его словамъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Кромѣ того, было необходимо соблюдать экономію въ расходахъ. Въ его отсутствіе можно сдать въ наймы лондонскій домъ, лэди Тресседи будетъ спокойно жить въ Фёртѣ на пенсіи, а дяди будутъ завѣдывать его каменноугольными копями.

Лэди Тресседи была на все согласна, кромѣ суммы пенсіи, назначенной ей; эта сумма была, по ея словамъ, до нелѣпости мала. Дяди, пожилые, практическіе люди, не могли понять, почему молодое поколѣніе не хочетъ сразу, безъ всякихъ отсрочекъ запрягаться въ дѣло, какъ запрягались они сами. Джоржъ настаивалъ на своемъ и приводилъ не мало доводовъ въ свою пользу. Въ университетѣ онъ не лѣнился, хотя никогда не былъ въ числѣ особенно прилежныхъ студентовъ. Подъ вліяніемъ естественнаго честолюбія и хорошаго наставника, онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя знанія и былъ молодымъ человѣкомъ, полнымъ вопросовъ, обрыв-

ковъ идей, зарождающихся интересовъ, пытливости и сильнаго желанія, которое онъ, впрочемъ, не рѣшался высказывать—отличиться на поприщѣ политической дѣятельности. Пока онъ еще былъ въ университетѣ, онъ—вѣроятно, подъ вліяніемъ одного изъ товарищей — увлекался восточными вопросами и будущимъ положеніемъ Англіи въ Азіи; какъ только онъ получилъ свободу самостоятельно располагать собой и своими умѣренными доходами, такъ у него загорѣлась свойственная всѣмъ англичанамъ страсть самому все видѣть, трогать, изслѣдовать, загорѣлось естественное въ молодомъ человѣкѣ желаніе ѣхать туда, куда ѣхать опасно и куда обыкновенно не ѣздятъ. Его пріятель — сынъ извѣстнаго географа—унаслѣдовавшій отъ отца инстинкты изслѣдователя,— собирался въ это время путешествовать по Малой Азіи, Арменіи и Персіи, Джоржъ твердо рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и его семейнымъ пришлось покориться.

Молодой человѣкъ говорилъ, что уѣзжаетъ на годъ; но прошелъ годъ, прошло еще два года, наступилъ четвертый годъ со времени его отъѣзда, а онъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія возвратиться. Судя по письмамъ, приходившимъ отъ него на родину, онъ побывалъ въ Персіи, въ Индіи и на Цейлонѣ; всюду находилъ себѣ друзей и пріятно проводилъ время; на Цейлонѣ онъ служилъ даже 8 мѣсяцевъ частнымъ секретаремъ у губернатора, который очень полюбилъ его; передъ самымъ пріѣздомъ его онъ лишился, вслѣдствіе несчастнаго случая на морѣ, молодого человѣка, совершенно необходимаго ему для поддержанія губернаторскаго дома. Оттуда Тресседи проѣхалъ въ Китай и Японію, изъ Пекина сдѣлалъ экскурсію въ Монголію, побывалъ на Формозѣ, познакомился въ Сайгонѣ съ нѣсколькими французскими морскими офицерами и провелъ съ ними двѣ, три веселыя, безпутныя недѣли; поѣздилъ по Сіаму и черезъ Бирму вернулся въ Калькутту со смутнымъ намѣреніемъ въ непродолжительномъ времени сѣсть на корабль и отправиться на родину.

Между тѣмъ, живя на Цейлонѣ, онъ помѣстилъ за своею подписью нѣсколько статей въ одной большой англійской газетѣ; эти статьи и знакомство съ нѣкоторыми значительными лицами, которымъ естественно нравился интеллигентный, не глупый, молодой человѣкъ, хорошей семьи и съ хорошими манерами—обратили на него вниманіе. Тонъ его статей былъ строго англійскій и имперіалистскій. Первая изъ нихъ появилась передъ его посѣщеніемъ Сайгона, и Тресседи благодарилъ свою счастливую звѣзду, что его друзья французы менѣе интересуются иностранной литературой, чѣмъ практическою жизнью. Онъ, впрочемъ, гордился

своимъ первымъ литературнымъ успѣхомъ и, благодаря этому успѣху, въ умѣ его скристаллизовались многія идеи и чувства, являвшіяся первоначально не обоснованной политической теоріей, а просто предразсудками путешественника, привыкшаго видѣть своихъ соотечественниковъ всюду побѣдителями и встрѣчать любезный пріемъ у оффиціальныхъ лицъ. Онъ продолжалъ писать, и съ каждой статьей убѣжденія его становились тверже, превратились въ вѣру, наконецъ, въ страсть, и, по возвращеніи домой, онъ считалъ, что выработалъ себѣ извѣстную философскую систему, которой будетъ держаться до конца жизни. Это была обыкновенная система интеллигентнаго наблюдателя съ изысканными вкусами, система, основанная на идеѣ величія Англіи и безконечной важности предстоящей ей задачи, на идеѣ о правѣ господства; умственной аристократіи, о неспособности демократіи, о естественныхъ прерогативахъ высшихъ расъ, и на личномъ глубокомъ уваженіи къ добродѣтелямъ администраторовъ и арміи.

Когда подобнаго рода убѣжденія крѣпко засядутъ въ мозгу человѣка, нельзя ожидать, что онъ будетъ относиться сочувственно къ демократическому правленію. Тресседи читалъ англійскія газеты съ возраставшимъ отвращеніемъ. Отъ этой маленькой Англіи зависѣла судьба самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта, а Англія—это былъ англійскій рабочій, которому льстили всѣ партіи. Онъ безтолково шумѣлъ и волновался дома, въ то время какъ имперія, ея администрація и защита, все, чѣмъ жила эта прозябающая «уличная толпа», подвергались опасности погибнуть отъ истощенія, встрѣчали препятствія своей дѣятельности вслѣдствіе неразумныхъ фантазій выродившейся расы. Глубокая ненависть къ правленію толпы укоренилась въ душѣ Тресседи, постепенно переходя въ послѣдніе три мѣсяца его пребыванія въ Индіи въ желаніе вернуться на родину, занять свое мѣсто въ борьбѣ политическихъ партій, сказать свое слово. «Власть должна принадлежать наиболѣе способнымъ, а не большинству»—вотъ въ краткихъ словахъ теорія, выведенная имъ на основаніи трехлѣтняго опыта.

Къ этому присоединялось и вліяніе его личныхъ дѣлъ. Онъ былъ землевладѣльцемъ въ Западной Мерсіи, каменноугольномъ округѣ, и ему принадлежало нѣсколька копей. Его дяди, имѣвшіе свою долю въ имѣніи, посылали ему постоянно отчеты о ходѣ дѣлъ. Съ каждымъ отчетомъ Тресседи находилъ, что дѣла идутъ все хуже, доходовъ получается все меньше. Дѣйствительно, письма дядей были наполнены жалобами и тревожными извѣстіями. Послѣ долгаго період мира въ каменноугольной промышленности, казалось приближалось время горячей борьбы между хозяевами и ра-

бочими. «Намъ приходится черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ колотить ихъ»,—писалъ одинъ изъ дядей,—«и скоро придетъ это время».

Неразуміе, грубость и требовательность рабочихъ, тиранія рабочаго союза, возрастающая дерзость лицъ, стоящихъ во главѣ этого союза,—вотъ о чемъ писали Тресседи въ каждомъ письмѣ съ родины. И банкирскій счетъ Тресседи представлялъ непріятный комментарій къ этимъ корреспонденціамъ. Копи работали почти въ убытокъ; но еще ни одна изъ партій не рѣшила пускать въ ходъ насиліе.

Тресседи продолжалъ жить въ Бомбеѣ, хотя считалось, что онъ возвращается домой, когда къ нему пришло письмо лорда Фонтеноя.

Лордъ Фонтеной мелькомъ упоминалъ о томъ, что они встрѣчались раньше и что между нимъ и Тресседи были отдаленныя родственныя связи; говорилъ въ лестныхъ выраженіяхъ объ убѣжденіяхъ и способностяхъ Тресседи, описывая возникновеніе и цѣль новой парламентской партіи, главою и основателемъ которой состоялъ онъ самъ; и, въ концѣ концовъ, убѣждалъ его вернуться домой какъ можно скорѣе и выступить депутатомъ отъ округа Маркетъ Мальфорта, гдѣ семья его пользовалась большимъ вліяніемъ. Послѣ общихъ выборовъ, происходившихъ въ іюнѣ и вернувшихъ власть умѣренно консервативному министерству, депутатъ отъ Маркетъ Мальфорда заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью. Вакандія его можетъ открыться очень скоро. Фонтеной просилъ отвѣтить ему телеграммой и выѣхать съ первымъ же пароходомъ.

Тресседи частью по слухамъ, частью изъ газетъ уже зналъ въ общихъ чертахъ исторію лорда Фонтеноя за послѣдніе годы. Первая политическая рѣчь Фонтеноя, которую онъ прочелъ въ газетахъ, произвела на него впечатлѣніе почти фарса, пусть бы Дикъ лучше занимался своими жеребцами! Вторую рѣчь онъ перечелъ дважды: какъ въ ней, такъ и въ программѣ партіи, писанной тою же рукой и появившейся въ газетахъ, и въ письмѣ только-что полученномъ имъ, высказывалось что-то, чего онъ какъ будто ждалъ. Слогъ былъ необработанъ и грубоватъ, но Тресседи почувствовалъ въ немъ сильную ноту вождя партіи.

Онъ ходилъ цѣлый часъ по улицамъ Бомбея, раздумывая надъ письмомъ, затѣмъ послалъ телеграмму и на возвратномъ пути къ завтраку домой взялъ себѣ билетъ на пароходѣ.

Вотъ какимъ путемъ произошло знакомство этихъ двухъ людей. Послѣ возвращенія Джоржа, они были постоянно вмѣстѣ. Фонтеной внесъ всю колоссальную силу своей дѣятельности въ выборную борьбу Маркетъ Мальфорда и Джоржъ чувствовалъ, что многимъ обязанъ ему.

Оставшись одинъ въ эту ночь, Тресседи долго не могъ успокоиться и заснуть. Несмотря на его возраженія, слова Фонтеноя и вліяніе его личности вернули ему прежнее равновѣсіе души. Интересы честолюбія и умственной дѣятельности овладѣли имъ съ прежнею силою. Миссъ Сьювель несомнѣнно помогла ему очень пріятно провести послѣднія три недѣли; но, въ концѣ концовъ, стоитъ-ли объ этомъ много думать?

Ея маленькая фигура возникала передъ его умственными взорами, пока огонь постепенно угасалъ въ каминѣ; отрывки ея болтовни звучали въ ушахъ его. Онъ начиналъ стыдиться самого себя. Фонтеной былъ правъ. Теперь не время объ этомъ думать. Конечно, онъ когда-нибудь долженъ жениться; онъ ѣхалъ на родину съ смутнымъ намѣреніемъ жениться; но свѣтъ великъ и на немъ много женщинъ. Вѣроятно, благодаря матери, въ его душѣ было мало романическихъ наклонностей. Онъ съ дѣтства хорошо зналъ характеръ матери и ея отношенія къ отцу, и не могъ, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, питать убѣжденія, что всѣ взрослые и преимущественно всѣ матери — святые. Въ Индіи онъ имѣлъ нѣсколько увлеченій; но тамошніе романы только подтвердили его съ дѣтства составленныя мнѣнія. Если бы ему пришлось высказать словами свое мнѣніе о женщинахъ, онъ сказалъ бы нѣчто весьма рѣзкое, даже грубое, что не мѣшало ему, однако, считать ихъ общество въ высшей степени пріятнымъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ размышленій, онъ проснулся на слѣдующее утро именно въ томъ расположеніи духа, какое Летти предвидѣла по собственнымъ соображеніямъ. Ему непріятно было думать, что онъ и Летти Сьювель проведутъ вмѣстѣ еще два или три дня. Онъ и мать его должны остаться въ Мальфордѣ нѣсколько дней, пока рабочіе кончатъ передѣлки въ ихъ домѣ за 20 миль оттуда, на противоположной сторонѣ округа Маркетъ Мальфордъ. Между тѣмъ, исключительно для его развлеченія предполагалось устроить охоту. Хорошо бы придумать какое-нибудь важное дѣло, требующее его присутствія въ городѣ!

Онъ сошелъ къ завтраку около десяти часовъ. Въ столовой сидѣла только Эвелина Уаттонъ и ея мать, большинство мужчинъ уже уѣхало.

— Ну, садитесь и занимайте насъ, сэръ Джоржъ, — сказала миссисъ Уаттонъ, протягивая ему руку съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.—Мы въ самомъ унылом расположеніи духа, мужчины всѣ разъѣхались, Флори простудилась и лежитъ въ постели, а Летти уѣхала съ поѣздомъ въ 9 часовъ 30 минутъ.

Передавая чашку кофе Джоржу, она замѣтила, что извѣстіе поразило его.

— Миссъ Сьювель уѣхала? Что же это такъ неожиданно? — спросилъ онъ.—Я думалъ, миссъ Летти пробудетъ здѣсь до конца недѣли.

Миссисъ Уаттонъ пожала плечами.

— Она прислала мнѣ въ половинѣ девятаго записочку съ извѣстіемъ, что мать ея не совсѣмъ здорова и ей нужно ѣхать домой. Она прибѣжала попрощаться со мною, поболтала о разныхъ разностяхъ, со всѣми расцѣловалась и—исчезла. Я слышала, что она позавтракала, что ей привели экипажъ, значитъ, мнѣ было не о чемъ хлопотать. Я никогда не мѣшаюсь въ дѣла современныхъ молодыхъ женщинъ.

Она подняла лорнетъ и посмотрѣла пристально и съ любопытствомъ на Трèсседи. Лицо его ничего не сказало ей, и такъ какъ она вообще равнодушно относилась къ чужимъ чувствамъ, то скоро забыла свое любопытство.

Эвелина Уаттонъ, прелестная, свѣжая дѣвочка, къ которой очень шелъ ея утренній костюмъ, раза два робко взглянула на него, передавая ему горчицу и уксусъ.

Она въ это время переживала періодъ поэзіи и счастливой мечтательности. Всѣ люди представлялись ей необыкновенно хорошими, особенно, если они были молоды. Летти никогда особенно ей не нравилась и не принадлежала къ числу ея друзей. Но она ни о комъ не могла думать дурно, и ея маленькое сердечко нѣжно билось въ присутствіи всего, что имѣло отношеніе къ любви и браку. Она съ восхищеніемъ слѣдила за Джоржемъ и Летти. И зачѣмъ это Летти бѣжала? Она сочувственно поглядывала на сэра Джоржа, и ей казалось, что у него очень серьезный и огорченный видъ.

Между тѣмъ, Джоржъ не былъ огорченъ; по крайней мѣрѣ, ему самому казалось, что онъ нисколько не огорченъ. Послѣ завтрака онъ пошелъ въ библіотеку, насвистывая и вспоминая очень нравившееся ему стихотвореніе одного изъ современныхъ поэтовъ, гдѣ говорилось о томъ, что «они цѣловали крылья, принесшія его вчера, и благодарили эти крылья за то, что они унесли его сегодня».

Ему, впрочемъ, не долго пришлось заниматься поэзіей: мать его вбѣжала въ комнату и напомнила ему, что онъ обѣщалъ имѣть съ ней разговоръ. Послѣ этого разговора Джоржъ сталъ молчаливъ и раздражителенъ. Расточительность его матери была дѣйствительно невыносимо нелѣпа. За послѣдніе четыре года онъ былъ освобожденъ отъ ежедневныхъ заботъ о денежныхъ дѣлахъ, которыя отравили его молодость и заставили его потерять уваже-

ніе къ матери. И онъ наслаждался этой свободой. Но оказалось, что онъ льстилъ себя иллюзіей и что всѣ заботы только копились къ его возвращенію. Ея теперешнія требованія—и онъ очень хорошо зналъ, что они были не послѣднія—превосходили всю наличность, какою онъ располагалъ у своего банкира.

Лэди Тресседи, съ своей стороны, думала съ негодованіемъ и отчаяніемъ, что онъ относился къ ней совсѣмъ не такъ, какъ долженъ относиться единственный сынъ, особенно сынъ, вернувшійся къ матери-вдовѣ послѣ четырехъ-лѣтняго отсутствія. Можно ли было думать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ она не надѣлаетъ долговъ, получая такіе нищенскіе доходы? Правда, онъ обѣщалъ дать ей немного денегъ, но далеко не достаточно и никакъ не въ настоящую минуту. Ему надобно еще «осмотрѣться дома». Лэди Тресседи страшно сердилась на него и на себя, что не съумѣла лучше доказать ему, насколько ея обязательства были важны и не терпѣли отлагательства.

Онъ непремѣнно долженъ понять, что ей каждую минуту грозитъ скандалъ. Противный извозчикъ, у котораго она нанимала лошадей, и два или три модные магазина не согласны ни накакія сдѣлки; она пускала въ ходъ всевозможныя уловки, и все напрасно. Больше рѣшительно она ничего не можетъ сдѣлать.

Что касается другихъ дѣлъ,—но мысль о нихъ она съ ужасомъ прогоняла отъ себя. Счастье навѣрно повернется къ ней когда-нибудь, должно повернуться! Нечего говорить объ этомъ именно теперь, когда Джоржъ въ такомъ отвратительномъ расположеніи духа.

Какъ это странно и какъ непріятно! Онъ и ребенкомъ никогда не былъ ласковымъ и кроткимъ, какъ другія дѣти. А теперь, Богъ знаетъ что! И почему это именно у *ея* сына такія непріятныя манеры!

Не смотря на всѣ ухищренія, ей не удалось заставить Джоржа вступить съ ней еще разъ въ разговоръ. Она принимала при немъ видъ оскорбленной невинности, а про себя день и ночь ломала голову, придумывая, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Между тѣмъ Джоржъ вовсе не чувствовалъ себя счастливымъ всѣ эти дни. Его забрасывали поздравленіями и, судя по газетамъ, «вся Англія,—какъ выражалась лэди Тресседи,—говорила о немъ». Ему казалось даже смѣшно, какъ мало удовольствія доставляло ему все это. Мрачное расположеніе духа не покидало его. Онъ перебиралъ въ умѣ всевозможные предлоги, чтобы избѣжать задуманной охоты, и уѣхать. Но его сильно упрашивали остаться, а онъ чувствовалъ себя обязаннымъ Уат-

тонамъ. Поэтому онъ остался, но стрѣлялъ такъ неудачно, что это усилило его недовольство всѣмъ свѣтомъ и заставило прочихъ охотниковъ сомнѣваться, чтобы репутація индѣйскаго охотника имѣла какое-нибудь значеніе, когда приходится имѣть дѣло съ британскими фазанами.

Затѣмъ, онъ обратился къ дѣламъ. Онъ попытался прочесть нѣкоторые парламентскіе отчеты, оставленные ему Фонтеноемъ и испещренные отмѣтками Фонтеноя. Но онъ быстро отбросилъ ихъ: онъ боялся, что при томъ мрачно раздраженномъ настроеніи, въ какомъ находился, они заставятъ его изъ духа противорѣчія перемѣнить убѣжденія, прежде чѣмъ онъ вступитъ въ парламентъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для послѣдней охоты, слуга вмѣстѣ съ прочей почтой принесъ ему рано утромъ письмо, которое онъ быстро распечаталъ, отбросивъ въ сторону всѣ остальныя.

Это было письмо миссъ Сьювель, которая просила его очень мило и въ очень короткихъ словахъ, если можно, возвратить ей книгу, которую онъ бралъ у нея.

«Маменька почти совсѣмъ оправилась отъ своей простуды,— писала она.—Надѣюсь, что охота доставила вамъ удовольствіе, и что вы читаете *всѣ* Синія книги лорда Фонтеноя».

Джоржъ написалъ отвѣтъ прежде, чѣмъ сошелъ къ завтраку, самое обыкновенное письмецо, которое казалось ему верхомъ пошлости. Онъ сломалъ два пера прежде, чѣмъ кончилъ его. Послѣ этого онъ отправился одинъ на большую прогулку и все раздумывалъ, что это такое съ нимъ случилось. Неужели маленькая колдунья пустила каплю стараго всѣмъ извѣстнаго яда въ его жилы? Конечно, нѣкоторыя женщины умѣютъ придать жизни радость и оживленіе, а другія, какъ, напр., его мать или миссисъ Уаттонъ, превращаютъ ее въ сплошную скуку и пошлость.

Съ дѣтства на Тресседи находили по временамъ припадки меланхоліи, какого-то внутренняго недовольства, при которомъ весь свѣтъ представлялся ему въ мрачномъ видѣ, воля его парализовалась, онъ ненавидѣлъ себя и презиралъ своихъ сосѣдей. Очень можетъ быть, что полусознательное опасеніе, какъ бы эта болѣзненная черта не развилась въ ущербъ остальнымъ, заставило его, тотчасъ по выходѣ изъ университета, страстно стремиться къ путешествіямъ и къ перемѣнѣ обстановки. Этимъ же объясняются разные неожиданные поступки его и кажущееся непостоянство его вкусовъ. Въ теченіе трехъ недѣль, которыя онъ провелъ въ одномъ домѣ съ Летти Сьювель, онъ ни разу не замѣтилъ въ себѣ этого непріятнаго настроенія. А теперь, черезъ четыре дня послѣ отъѣзда, онъ положительно тосковалъ; ему

хотѣлось снова услышать ея голосъ, шелестъ ея изящнаго платья; снова видѣть ея вызывающіе манеры, въ которыхъ было что-то дразнящее, ея молчаливую улыбку, передъ которой онъ чувствовалъ себя вполнѣ безсильнымъ, хотѣлось прикоснуться къ ея узенькой холодной ручкѣ, которая такъ охотно ложилась въ его руку.

Отчего уѣхала она такъ неожиданно? Онъ не вѣрилъ приведенному ею предлогу, и былъ въ полномъ недоумѣніи. Можетъ быть, она поняла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и не желала этого оборота? Если такъ, то почему же? Кто или что мѣшаетъ?..

Что касается Фонтеноя...

Тресседи ускорилъ шагъ, когда ему вспомнился этотъ вѣчно работающій, надоѣдливый человѣкъ. Будетъ онъ или не будетъ заниматься политикой, во всякомъ случаѣ, онъ хочетъ жить! Для него, въ сущности, было бы очень выгодно жениться теперь же. Вѣдь не можетъ же онъ жить вмѣстѣ съ матерью! Онъ готовъ исполнять свой долгъ относительно ея, но она ежеминутно раздражаетъ и конфузитъ его. Онъ будетъ гораздо счастливѣе, когда женится, будетъ гораздо болѣе способенъ заниматься дѣломъ. Онъ не влюбленъ страстно, вовсе нѣтъ. Но, нечего себя обманывать—онъ такъ сильно желаетъ быть въ обществѣ Летти Сьювель, какъ давно не желалъ ничего въ жизни. Ему хочется имѣть право унести къ себѣ этотъ музыкальный ящичекъ со всѣми его мелодіями и заставить его играть въ своемъ домѣ, чтобы наслаждаться его музыкой. Почему же нѣтъ? Онъ устроитъ ему отличную обстановку, онъ хорошо вознаградитъ его.

Что касается прочаго, онъ, не раздумывая, рѣшилъ, что Летти Сьювель изъ хорошей семьи и хорошо воспитана. Она обладала всѣми внѣшними достоинствами, какія самый строгій вкусъ могъ требовать отъ женщины. Она ни въ какомъ обществѣ не пристыдитъ мужа. Напротивъ, она можетъ быть подругой для него. И у нея, навѣрно, прекрасный характеръ, иначе эта прелестная дѣвочка, Эвелина Уаттонъ, не любила бы ее такъ нѣжно.

Между тѣмъ, «прелестная дѣвочка» очень волновалась тою небольшою ролью, какую взяла на себя. Тресседи, который прежде разговаривалъ съ ней только по обязанности, вдругъ нашелъ, что она очень симпатична и можетъ очень мило говорить съ нимъ о Летти. Онъ совершенно увлекся этимъ разговоромъ, и ночью, послѣ его признаній, Эвелина, съ сильно бьющимся сердцемъ, мечтала о томъ времени, когда какой-нибудь мужчина будетъ глядѣть на нее, ради нея самой, такъ, какъ глядѣлъ Тресседи ради другой. Она забыла, что когда-нибудь осуждала Летти, что нахо-

дила ее тщеславною или эгоистичною. Мало того, она превратила ее въ какую-то героиню; она вспоминала всевозможныя милыя вещи, какія можно было сказать о ней, для того только, чтобы удержать молодого депутата въ своемъ уголкѣ и поговорить съ нимъ, и съ гордостью чувствуя, что она *знаетъ*, что она содѣйствуетъ.

Послѣ большой охоты, когда всѣ другіе джентльмены чувствовали себя утомленными и сонными, Джоржъ весь весь вечеръ болталъ съ Эвелиной или, лучше сказать, заставлялъ ее болтать. Леди Тресседи нѣсколько разъ останавливалась около нихъ. Она слышала, какъ слова «Летти», «миссъ Сьювель» перебрасывались отъ одного собесѣдника къ другому. Они подолгу останавливались на всякомъ разговорѣ, въ которомъ рѣчь шла о миссъ Сьювель; когда же разговоръ начинался о чемъ-нибудь, не имѣвшемъ къ ней отношенія, онъ быстро падалъ, точно дурно брошенный мячъ. Мать отходила отъ нихъ съ кислой улыбкой.

Она всѣ эти дни слѣдила за сыномъ, точно кошка за мышью, стараясь угадать, что именно случилось, каковы его настоящія намѣренія. Она вовсе не желала имѣть невѣстку и въ тайнѣ боялась, что Летти Сьювель займетъ это мѣсто. Но такъ или иначе, она должна была угождать Джоржу, ея собственные интересы требовали этого. Будущее могло устроиться какъ-нибудь, главное, необходимо было заботиться о настоящемъ.

На слѣдующее утро миссисъ Уаттонъ прочла въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писемъ, что Летти Сьювель должна была надняхъ пріѣхать гостить въ имѣніе миссисъ Корфильдъ, въ Сѣверной Мерсіи, недалеко отъ Фѣртъ Плэса, принадлежавшаго Тресседи

— Моя свояченица удивительно быстро поправилась,—проговорила миссисъ Уаттонъ насмѣшливо.—Знаете вы Корфильдовъ, сэръ Джоржъ?

— Совсѣмъ не знаю,—сказалъ Джоржъ.—Приходилось иногда слышать о нихъ отъ сосѣдей. Говорятъ, они очень пріятные люди. Миссъ Сьювель будетъ у нихъ весело.

— Корфильдъ? — сказала лэди Тресседи, склонивъ голову на бокъ и качая чашку въ своихъ, украшенныхъ бриліантами, рукахъ.—Что такое? Аспазія Корфильдъ! Боже мой, дорогой Джоржъ, вѣдь это одна изъ моихъ старинныхъ пріятельницъ!

Джоржъ засмѣялся короткимъ, раздраженнымъ смѣхомъ, которымъ онъ часто отвѣчалъ на замѣчанія матери.

— Извините, маменька; я могу отвѣчать только за себя. Насколько помню, я никогда не видалъ ее ни въ Фѣртѣ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

— Боже мой! Аспазія Корфильдъ и я,—проговорила лэди Трес-

седи въ томномъ раздумьи,—Аспазія Корфильдъ и я, мы обмѣнивались выкройками платьевъ и покупали шляпки въ одномъ и томъ же магазинѣ, когда намъ было восемнадцать лѣтъ. Я цѣлую вѣчность не видала ее! Но Аспазія была очень милая дѣвушка и какъ она меня любила!

Она поставила чашку на столъ со вздохомъ, который долженъ былъ означать упрекъ Джоржу. Но Джоржъ только еще болѣе углубился въ свою утреннюю корреспонденцію. Миссисъ Уаттонъ изъ-за своей газеты строго посмотрѣла на мать и на сына.

— Я увѣрена, что у этой женщины нѣтъ ни одного стараго друга на свѣтѣ. Какъ-то Джоржъ Тресседи раздѣлается съ нею?

Уаттоны были много лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Тресседи. Послѣ смерти сэра Уильяма и отъѣзда Джоржа, миссисъ Уаттонъ мало безпокоилась о лэди Тресседи, въ чемъ она, впрочемъ, слѣдовала примѣру всей Западной Мерсіи. Но теперь, когда Джоржъ снова появился на сценѣ, какъ многообѣщающій политическій дѣятель, его мать, пока онъ не былъ женатъ, всюду принимали ради него. Поэтому, миссисъ Уаттонъ сочла своею обязанностью пригласить ее къ себѣ на время выборовъ, чувствуя при этомъ, что приноситъ большую жертву.

— Она мнѣ всегда до слезъ надоѣдала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я увидѣла, что серъ Уильямъ ухаживаетъ за ней,—говорила она Летти.—Гдѣ онъ ее подцѣпилъ? Я удивляюсь, какъ это она осталась порядочной женщиной; видъ у нея совсѣмъ не порядочный! Мнѣ всегда хочется спросить ее за завтракомъ, для чего она одѣвается къ обѣду за двѣнадцать часовъ до обѣда!

Вскорѣ послѣ этого маленькаго разговора о Корфильдахъ лэди Тресседи ушла къ себѣ въ комнату, нѣсколько времени сидѣла задумавшись, держа свой письменный несессеръ на колѣняхъ, и затѣмъ написала письмо. Она очень ясно замѣтила, что, послѣ возвращенія Джоржа, ее стали любезно приглашать во многіе дома, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ не выказывали особеннаго желанія принимать ее. Она охотно примирилась съ этимъ положеніемъ. Она рѣдко выказывала какую-нибудь горечь. Ей хотѣлось одного—веселиться, по своему наслаждаться жизнью. Тѣхъ, кто осуждалъ ее за это, она считала глупыми; но это не мѣшало ей сходиться съ ними, если это ей было нужно и если они выказывали ей малѣйшее расположеніе.

— Отлично,—проговорила она про себя, заклеивъ письмо и любуясь имъ.—Я удивительно ловко умѣю устраивать такого рода дѣла. Конечно, въ отвѣтъ на мое письмо Аспазія Корфильдъ пригласитъ его, и пригласитъ меня, если она сколько-нибудь понимаетъ

приличія, хотя она не хотѣла меня знать цѣлыхъ 15 лѣтъ. У нея много дочерей. Можетъ быть, я играю въ руку миссъ Сьювель, не знаю! Ну, что жъ, надобно все-таки попробовать!

Въ тотъ же день послѣ обѣда мать и сынъ уѣхали въ Фёртъ Плэсъ.

Джоржъ, который, по возвращеніи изъ Индіи, провелъ всего нѣсколько недѣль въ Фёртѣ, могъ найти не мало дѣла и въ домѣ, и внѣ дома. Домъ поражалъ своею грязью и безпорядкомъ. Необходимо было произвести передѣлки въ саду и въ усадьбѣ. Его дѣла, какъ владѣльца копей, были въ критическомъ положеніи. И въ то же время Фонтеной безпрестанно преслѣдовалъ его политическою корреспондецiей, для поддержанія которой требовалось не мало умственной дѣятельности и энергіи. Но онъ устранялся отъ всего, исключая корреспондеціи съ Фонтеноемъ. Когда ему приходило въ голову, что его вялое настроеніе происходитъ вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія видѣть Летти Сьювель, онъ отгонялъ эту мысль. Нѣтъ, это было просто вліяніе индійскаго климата. Англійская зима скоро забывается и ее приходится опять вспоминать, точно непріятный урокъ.

Черезъ недѣлю послѣ ихъ пріѣзда въ Фёртъ, Джоржъ сидѣлъ одинъ за завтракомъ, когда его мать влетѣла въ комнату въ пестромъ платьѣ, сопровождаемая звономъ колецъ и лаемъ маленькихъ собачекъ.

Она держала въ рукахъ нѣсколько открытыхъ писемъ и, подбѣжавъ къ сыну, положила руки ему на плечи.

— Ну,—съ неудовольствіемъ подумалъ Джоржъ,—теперь она начнетъ хитрить!—

— Ахъ ты, гадкій мальчикъ!—говорила она, обнимая его и склоняя на бокъ голову.—Кто это былъ такой неласковый и сердитый съ бѣдной, старой мамой? Кому надобно немножко развлечься, прежде чѣмъ онъ засядетъ за свою скучную работу? Кто повезетъ свою маму въ гости въ одинъ очень пріятный домъ, если его пригласятъ, а? Скажи-ка, кто?

Она щипнула его за щеку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ уклониться.

— Ну, маменька, вы, конечно, можете дѣлать, что вамъ угодно,—сказалъ Джоржъ, вставая съ мѣста, чтобы достать себѣ ветчины.—А я не собираюсь никуда уѣзжать изъ дома.

Лэди Тресседи улыбнулась.

— Во всякомъ случаѣ, ты можешь прочесть письмо Аспазіи Корфильдъ,—сказала она, протягивая его ему.—Ты знаешь, это вѣдь очень недурной домъ. Они переманили главнаго повара Драйбурговъ, и Аспазія умѣетъ занимать гостей.

— Аспазія! Какой тонъ дружескаго покровительства! — Джоржъ покраснѣлъ за мать.

Но онъ все-таки взялъ письмо. Онъ прочелъ его, отложилъ въ сторону, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на стаю птицъ, слетѣвшихся къ корму, который онъ бросалъ имъ на снѣгъ.

— Ну, что же? поѣдешь ты?—спросила его мать.

— Если вамъ этого очень хочется,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія съ видимымъ смущеніемъ.

Лицо лэди Тресседи сіяло улыбкой, когда она усѣлась за столъ и принялась накладывать себѣ кушанье. Но, когда сынъ вернулся къ столу, она сразу замѣтила, что его нельзя дразнить, и поняла, что онъ не намѣренъ откровенничать съ ней, хотя она и угадываетъ его чувства. Она сдержалась и начала болтать о Корфильдахъ и ихъ знакомыхъ. Онъ отвѣчалъ ей, и къ концу завтрака между ними установились такія хорошія отношенія, какихъ не было въ послѣднія недѣли.

Въ то же утро онъ далъ ей чекъ на ея неотложные расходы и это сдѣлало ее счастливой женщиной; она обнимала его, проливала слезы благодарности и онъ старался терпѣливо переносить и то, и другое.

Въ первыхъ числахъ декабря они отправились вмѣстѣ къ Корфильдамъ. Они нашли у нихъ многочисленное общество и Летти Сьювель гостила тамъ на правахъ общей любимицы. При первомъ прикосновеніи ея руки, при первомъ взглядѣ ея глазъ, туча, висѣвшая надъ Джоржемъ, разсѣялась.

— Зачѣмъ вы бѣжали?—спросилъ онъ ее при первомъ удобномъ случаѣ.

Летти разсмѣялвсь, играла этимъ вопросомъ цѣлыхъ четыре дня, во время которыхъ Джоржъ ни разу не чувствовалъ скуки, и затѣмъ сдалась. Она позволила ему сдѣлать ей предложеніе и милостиво отвѣчала ему согласіемъ.

На слѣдующей недѣлѣ Тресседи поѣхалъ вмѣстѣ съ Летти къ ея родителямъ въ Гельбекъ. Онъ встрѣтилъ тамъ больного отца, замѣчательно легкомысленную и непослѣдовательную мать и младшую сестру, Эльзи, на которой, повидимому, лежали всѣ заботы о поддержаніи хозяйства.

Отецъ, страдавшій хроническою, неизлѣчимою болѣзнью, сохранилъ остатки недюжиннаго ума. Онъ былъ очень доволенъ, что Тресседи становится его зятемъ, хотя въ тѣхъ немногихъ разговорахъ и практическихъ вопросахъ, какіе они имѣли, молодой человѣкъ старался выяснить ему, на сколько скромны его денежныя средства. Летти рѣдко входила въ комнату отца, а

когда входила, Сьювель обращался съ ней, какъ съ пріятной гостьей, а не какъ съ дочерью. И онъ, и мать, очевидно, очень гордились ею, и онъ постоянно толковалъ Джоржу, какая она красавица и какіе имѣла успѣхи въ обществѣ.

Съ младшей сестрой Тресседи никакъ не могъ подружиться. Она была некрасива, болѣзненна и очень молчалива. У нея были, повидимому, развиты научные интересы и она много читала. На сколько онъ могъ судить, сестры не были дружны.

— Не сердитесь на меня за то, что я беру ее у васъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ Эльзи и смотря черезъ ея плечо на Летти, спускавшуюся съ лѣстницы.

Въ спокойныхъ глазахъ дѣвушки мелькнулъ веселый огонекъ. Она сдержала себя и любезно отвѣчала:

— Мы не надѣялись сохранить ее! Прощайте!

IV.

— О, Тюлли, посмотрите, гдѣ моя мантилья! Вы ее уронили! Подержите, пожалуйста, мой вѣеръ и дайте мнѣ бинокль.—Говорившая эти слова была миссъ Сьювель. Она сидѣла рядомъ съ пожилой лэди въ ложѣ С.-Джемсъ-Голля. Давался концертъ, и такъ какъ на немъ долженъ былъ играть Іоахимъ, то всѣ мѣста въ залѣ быстро занимались.

Потребовавъ бинокль, Летти встала и внимательно оглядывала толпу, входившую въ боковыя двери.

— Нѣтъ! Его нѣтъ! Вѣроятно, его задержали въ палатѣ, — сказала она съ досадой. — Право, Тюлли, вы могли бы хоть достать программу! Я должна обо всемъ сама заботиться!

— Дорогая моя,—возразила ея собесѣдница,—вы мнѣ не сказали, что вамъ нужна программа.

— Не понимаю, почему это вамъ надобно все сказать! Конечно, мнѣ нужна программа. Не онъ ли это? Нѣтъ! Какая скука!

— Сера Джоржа, вѣроятно, задержали, — робко проговорила компаньонка.

— Какое оригинальнос замѣчаніе, не правда ли, Тюлли?—насмѣшливо замѣтила миссъ Сьювель, снова опускаясь на свое кресло.

Лэди, съ которой она говорила, замолчала, инстинктивно ожидая, пока нервы Летти успокоятся. Это была нѣкто миссъ Тюллохъ, служившая прежде гувернанткой у г-дъ Сьювель; теперь Летти, живя въ городѣ, часто брала ее съ собой въ качествѣ компаньонки. Летти, обыкновенно, жила у своей старой тетки на Кавендишъ-скверѣ, и такъ какъ эта лэди не выѣзжала

по вечерамъ, то компаньонка была ей необходима, а Марію Тюллохъ она могла пригласить всегда, когда хотѣла. Она жила гдѣ-то въ Уэстъ-Кенсингтонѣ, получая 70 фунтовъ въ годъ доходу. Летти брала ее съ собой въ театръ, на концерты, въ галлереи и отъ времени до времени дарила ей какое-нибудь свое старое платье. Миссъ Тюллохъ дорожила ея знакомствомъ, какъ единственнымъ развлеченіемъ въ своей однообразной жизни въ меблированныхъ комнатахъ и всегда съ полною готовностью исполняла всѣ ея приказанія. Она не видала того, чего не должна была видѣть, и исчезала при первомъ знакѣ. Кромѣ того, она имѣла вполнѣ порядочный видъ въ своемъ неизмѣнно черномъ платьѣ съ кружевной отдѣлкой, своими тонкими чертами лица и робкими манерами; ея присутствіе рядомъ съ блестящей красавицей казалось вполнѣ приличнымъ.

Когда первая пьеса программы была исполнена, Летти еще разъ встала съ биноклемъ въ рукахъ и начала искать своего жениха среди запоздавшихъ посѣтителей. Она кланялась многимъ знакомымъ, но Джоржа Тресседи не было видно, и она сѣла на мѣсто въ такомъ расположеніи духа, что не могла ни слушать, ни наслаждаться, хотя главный исполнитель уже вышелъ на эстраду.

— Вы почему-нибудь особенному хотите видѣть сэра Джоржа именно сегодня вечеромъ?—робко спросила Тюлли въ слѣдующій перерывъ.

— Конечно! — сердите отвѣчала Летти, — какіе вы предлагаете глупые вопросы, Тюлли! Если я не увижу его сегодня вечеромъ, онъ можетъ выпустить изъ рукъ этотъ домъ на Брунъ-стритѣ. Агенты говорили мнѣ, что на него есть много желающихъ.

— А онъ находитъ его слишкомъ дорогимъ?

— Только изъ-за *нея*. Если она заставитъ его выплачивать себѣ такую огромную пенсію, конечно, для него все будетъ слишкомъ дорого. Но я надѣюсь, — онъ не станетъ этого дѣлать,

— Лэди Тресседи страшно много тратитъ, — проговорила тихимъ голосомъ миссъ Тюллохъ.

— Пусть она тратитъ сколько хочетъ, только не его, не *нашихъ* денегъ,—сказала Летти,—я не допущу, чтобы она тратила и все свое, и все наше состояніе, какъ она дѣлала до сихъ поръ. Пока Джоржъ былъ заграницей, онъ предоставлялъ ей жить въ Фёртѣ и проживать всѣ доходы съ имѣнія, исключая 500 ф. въ годъ, которые пересылались ему. И не смотря на это, она надѣлала столько долговъ, что онъ не знаетъ, чѣмъ и уплатить ихъ. Онъ далъ ей денегъ на Рождествѣ и навѣрно далъ еще на-

дняхъ. О, нѣтъ,—рѣзкимъ тономъ проговорила Летти, выпрямляясь,—этому долженъ быть положенъ конецъ. Я не знаю, много ли мнѣ удастся сдѣлать до свадьбы, но, по крайней мѣрѣ, я заставлю его нанять этотъ домъ.

— А что, лэди Тресседи хорошо къ вамъ относится? Она вѣдь въ городѣ, не правда ли?

— Да, она въ городѣ. Хорошо ли она ко мнѣ относится? — сказала Летти съ легкимъ смѣхомъ. — Она меня терпѣть не можетъ. Но мы съ ней вполнѣ любезны другъ съ другомъ.

— Кажется, она старалась устроить вашу свадьбу?—спросила компаньонка, старавшаяся, главнымъ образомъ, сказать что-нибудь пріятное.

— Да, она привезла его къ Корфильдамъ и дала мнѣ это понять. Я не понимаю, для чего она это сдѣлала. Должно быть, ей хотѣлось выманить у него что-нибудь. Ахъ, вотъ онъ и пришелъ!

И Летти встала, улыбаясь и кланяясь, между тѣмъ какъ высокая, стройная фигура Тресседи пробиралась вдоль средняго прохода.

— Противная палата! Что васъ такъ задержало?—вскричала она, пока онъ садился между нею и миссъ Тюллохъ.

Джоржъ Тресседи смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Сердитое выраженіе лица, которое видѣла Тюлли нѣсколько минутъ тому назадъ, совершенно исчезло, и тонкія черты его казались Джоржу верхомъ изящества. При его приближеніи глаза ея заблистали, румянецъ на щекахъ сталъ ярче. Но въ то же время она вовсе не казалась наивной дѣвочкой. Она знала, что ему не нравятся ingénues, и она никогда не была при немъ ни сентиментальной, ни нервной.

— Неужели вы думаете, я бы остался хотя минутку больше того, что было необходимо?—спросилъ онъ, улыбаясь и пожимая ея маленькую ручку подъ предлогомъ передачи программы.

Первыя ноты новаго квартета Брамса, тонкія и нѣжныя, пронеслись въ воздухѣ. Любители музыки, пришедшіе, главнымъ образомъ для этой пьесы, готовились слушать и наслаждаться. Джоржъ и Летти попытались обмѣняться нѣсколькими словами прежде, чѣмъ подчиниться общему молчанію, но какой-то пожилой джентльменъ, сидѣвшій рядомъ съ ними, посмотрѣлъ на нихъ съ такимъ гнѣвомъ и презрѣніемъ, что они засмѣялись и замолчали.

Для Джоржа въ этомъ не было ничего непріятнаго. Онъ былъ утомленъ; а молчать, сидя рядомъ съ Летти, казалось ему не только отдыхомъ, но и удовольствіемъ. Кромѣ того, музыка пріят-

но дѣйствовала на него. Она возбуждала въ немъ разныя поэтическіе и художественные образы, доставлявшіе ему наслажденіе. Онъ слушалъ игру артистовъ, а въ мозгу его возникали прелестныя картины: онъ видѣлъ какіе-то чудные лѣса, неясныя очертанія какихъ-то фантастическихъ существъ, тихія рѣки, высокія деревья, стройно поднимающіяся къ небесамъ, какія-то сцены то мольбы и упрековъ, то страданія, разрѣшающагося въ радостные клики. Ко всему этому примѣшивалась его собственная исторія, его собственныя чувства; гордость при мысли, что нѣжное существо, сидящее рядомъ съ нимъ, принадлежитъ ему; чувство молодости, сознаніе, что онъ вступаетъ въ жизнь, что онъ сдѣлалъ первый шагъ на томъ поприщѣ, на которомъ призванъ дѣйствовать. Онъ жадно слушалъ музыку, предоставляя картинамъ одна за другою мелькать въ его воображеніи и вполнѣ отдаваясь всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, что съ нимъ рѣдко случалось. Онъ далеко не былъ поглощенъ исключительно любовью: музыка вызывала у него сотню другихъ очаровательныхъ и возбуждающихъ образовъ. Но все-таки ему было вдвое пріятнѣе, отъ того, что Летти сидитъ рядомъ съ нимъ. Онъ былъ вполнѣ доволенъ и ею, и самъ собою; вполнѣ увѣренъ, что устроилъ все къ лучшему. Музыка какъ будто подчеркивала, выясняла это сознаніе.

Когда она кончалась и громъ апплодисментовъ стихъ, Летти спросила у него шепотомъ:

— Порѣшили вы съ домомъ?

Онъ улыбнулся ей, не слыша, что она говоритъ, но любуясь ея туалетомъ, запахомъ фіалки, распространявшимся при каждомъ ея движеніи, тоненькими пальчиками, державшими вѣеръ. Всѣ мелочи, украшавшія ее, имѣли для него своеобразную прелесть. Они удивляли и забавляли его, отгоняли отъ него скуку.

Она повторила свой вопросъ.

Онъ сдвинулъ брови и все лице его вдругъ измѣнилось.

— Ахъ, такъ трудно рѣшить, что дѣлать,—сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ скуки.

Летти играла вѣеромъ и молчала.

— Развѣ онъ вамъ нравится гораздо больше другихъ домовъ?— спросилъ онъ.

Летти взглянула на него съ удивленіемъ.

— Еще бы! это домъ,—сказала она,—а другіе...

— Лачуги? Да, это, пожалуй, правда. Маленькій лондонскій домъ отвратителенъ. Можетъ быть, мнѣ удастся уговорить ихъ взять подешевле.—Летти покачала головой.

— Этотъ домъ сдается совсѣмъ не дорого,—сказала она рѣшительно.

Онъ продолжалъ хмуриться, какъ человѣкъ, котораго насильно заставляютъ думать о непріятныхъ вещахъ.

— Хорошо, дорогая, если вамъ этого такъ сильно хочется, я его возьму. Обѣщайте только, что будете ласковы ко мнѣ и тогда, когда насъ объявятъ банкротами.

— Мы будемъ держать жильцовъ, и я буду прислуживать имъ,—сказала Летти, слегка коснувшись своею рукою его руки.— Всякому захочется жить у насъ, вы увидите. А мы будемъ принимать только старшихъ сыновей пэровъ. Кстати, видите вы лорда Фонтеноя?

Былъ антрактъ и всѣ вокругъ нихъ, не исключая и миссъ Тюллохъ, также стояли, разговаривали, разсматривали сосѣдей.

Джорджъ вытянулъ шею и увидѣлъ Фонтеноя, сидѣвшаго рядомъ съ какою-то лэди по другую сторону прохода.

— Кто эта лэди?—спросила Летти.—Я видѣла его съ ней вчера въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Джорджъ улыбнулся.

— Это, если вы хотите знать, романъ Фонтеноя!

— О, разскажите мнѣ сейчасъ же!—потребовала Летти.— Не можетъ быть, чтобы у него былъ романъ, чтобы у него было сердце; онъ весь набитъ Синими книгами.

— Я и самъ такъ думалъ до послѣдняго времени. Но я теперь знаю больше о господинѣ Фонтеноѣ.

— Кто же она такая?

— Ея фамилія миссисъ Аллисонъ. Не правда ли, какіе у нея красивые бѣлые волоса? А ея лице—какое-то полу-святое; она похожа отчасти на игуменью монастыря, отчасти на принцессу. Видали ли вы когда-нибудь такіе бриллiанты?—Джорджъ расправилъ усы и усмѣхнулся, глядя на Фонтеноя.

— Разскажите мнѣ скорѣй!—говорила Летти, хлопая его по рукѣ.—Что она вдова и онъ собирается жениться на ней? Отчего вы мнѣ раньше ничего не разсказывали? Отчего вы мнѣ не разсказали въ Мальфордѣ?

— Оттого, что я и самъ не зналъ,—отвѣчалъ Джорджъ, смѣясь.—О, это очень странная исторія, слишкомъ длинная, чтобы разсказывать ее теперь. Она вдова, но онъ, повидимому, не собирается жениться на ней. У нея есть взрослый сынъ, только-что поступившій въ университетъ, и онъ считаетъ, что ему будетъ обидно, если мать выйдетъ замужъ. Если Фонтеной захочетъ познакомить васъ съ ней, не отказывайтесь. Ей принадлежитъ Кэстль-Льютонъ и у нея собирается прелестное общество. Да, если бы я зналъ въ Мальфордѣ то, что я знаю теперь!

И онъ снова разсмѣялся, вспомнивъ ночное посѣщеніе Фонтеноя въ его комнату и ихъ разговоръ. Кто бы подумалъ, что этотъ проповѣдникъ когда-нибудь серьезно думалъ о женщинѣ и поддавался женскому обаянія, мало того, что онъ былъ созданіемъ и рабомъ женщины?!

Любопытство Летти было возбуждено, и она замучила бы Джоржа вопросами, если бы не увидѣла, что Фонтеной всталъ и направляется въ ихъ сторону.

— Боже мой!—вскричала она,—онъ къ намъ идетъ. Не понимаю, зачѣмъ, вѣдь онъ меня не любитъ.

Пробравшись къ нимъ, Фонтеной поклонился миссъ Съювель съ тою любезностью, какую онъ высказывалъ всѣмъ вообще. Онъ принялъ извѣстіе о бракѣ Джоржа съ соблюденіемъ всѣхъ приличій и прислалъ невѣстѣ очень хорошенькій свадебный подарокъ. Но Летти, какъ и многія женщины, никогда не чувствовала себя съ нимъ вполнѣ свободно.

Онъ постоялъ около невѣсты одну или двѣ минуты, обмѣниваясь съ Летти обычными замѣчаніями по поводу исполнителей и публики; затѣмъ онъ обратился къ Джоржу, и лицо его приняло другое выраженіе.

— Намъ, я думаю, нѣтъ надобности возвращаться туда сегодня ночью?

— Куда, въ палату? Боже мой, нѣтъ! Груби и Гавершонъ съумѣютъ занять вечеръ безъ всякой непріятности для кого бы то ни было, кромѣ самихъ себя. Министерство сидитъ безмолвно. Вы, должно быть, цѣлый день отдѣлывали свою рѣчь?

Фонтеной пожалъ плечами.

— Я никакъ не могу высказать все, что мнѣ нужно. Вы придете въ палату въ пятницу, миссъ Сьювель?

— Въ пятницу?—Летти видимо недоумѣвала.

Джоржъ засмѣялся.

— Я вамъ объяснялъ. Скажите, что должны готовить приданое, если хотите, чтобы васъ оставили въ покоѣ.

Смѣхъ блисталъ въ глазахъ его, когда онъ переводилъ ихъ съ Летти на Фонтеноя. Онъ уже давно замѣтилъ, что Летти неспособна серьезно интересоваться общественными дѣлами. Это его нисколько не огорчало. Но ему было смѣшно подумать, что Летти все-таки придется говорить о политикѣ, и говорить съ людьми въ родѣ Фонтеноя.

— Ахъ, вы имѣете въ виду вашу резолюцію! — вскричала Летти.—Вѣдь я вѣрно говорю—резолюцію? Да, я, конечно, приду. Это нелѣпо, такъ какъ я ничего объ этомъ не знаю. Но Джоржъ

говоритъ, что я должна придти, и такъ какъ я обѣщаю ему повиноваться ему, то я и повинуюсь!

Шутить съ Фонтеноемъ былъ напрасный трудъ. Онъ стоялъ подлѣ нея, не улыбаясь, не зная, что отвѣчать. Она видѣла, что ей нельзя быть «женственной», и рѣшила снова обратиться къ политикѣ.

— Это вѣдь будетъ серьезное нападеніе на мистера Доусона, не правда ли?—спросила она его.—Вы и Джоржъ, вы сходите съ ума изъ за какой-то вещи, которую онъ сдѣлалъ? Онъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не правда ли? Да, конечно! И онъ уничтожаетъ промышленность и притѣсняетъ фабрикантовъ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы объяснили мнѣ все это! Я спрашивала у Джоржа, а онъ запрещаетъ мнѣ говорить объ этомъ.

— О, ради Бога!—вскричалъ Джоржъ,—оставьте эти разговоры. Я пришелъ сюда, чтобы повидаться съ вами и послушать Іоахима. Впрочемъ, я долженъ предупредить васъ, Летти, мнѣ будетъ некогда жениться, разъ начнется походъ Фонтеноя противъ Максвеля, а этотъ походъ будетъ продолжаться до второго пришествія.

— Отчего противъ Максвеля?—спросила Летти съ недоумѣніемъ. — Я думала, что вы хотите нападать на мистера Доусона.

Джоржъ, немного раздраженный тѣмъ, что она продолжала разговоръ, началъ объяснять ей, что Максвель не болѣе, какъ «простой пэръ» и не имѣетъ никакого дѣла съ палатою общинъ, и что Доусонъ является оффиціальнымъ представителемъ группы и политики Максвеля въ нижней палатѣ. Летти поняла, что показала себя не съ выгодной стороны; она покраснѣла, начала нервно играть вѣеромъ и отъ души желала, чтобы Джоржъ скорѣе кончилъ свои объясненія.

Фонтеной и не думалъ помочь Джоржу читать его политическую лекцію. Онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, потомъ сталъ кого-то искать глазами и, наконецъ, сказалъ Летти.

— Максвели, какъ я вижу, здѣсь сегодня вечеромъ.

Онъ указалъ на группу, стоявшую налѣво въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

— Вы видали ее, миссъ Сьювель, не правда-ли?

— О да, часто!—отвѣчала Летти, которой этотъ вопросъ былъ непріятенъ и которая все-таки поднималась на цыпочки, чтобы увидѣть.

— Я немного знакома съ нею, но она какъ-то никогда не узнаетъ меня. Она была въ субботу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ такомъ *ужасномъ* костюмѣ; онъ положительно безобразилъ ее.

— Ужасномъ!—повторилъ Фонтеной съ недоумѣніемъ.—Одинъ художникъ, я забылъ его имя, подошелъ ко мнѣ и выражалъ свои восторги по поводу этого костюма; онъ говорилъ, что костюмъ въ совершенствѣ представляетъ какую то флорентійскую картину,—я забылъ какую, можетъ быть, я никогда и не слыхалъ о ней.

Летти сдѣлала презрительную гримасу. По выраженію лица ея видно было, что въ этомъ дѣлѣ она, во всякомъ случаѣ, понимаетъ, что говоритъ. Не смотря на это, глаза ея слѣдили за темноволосой головой, на которую указалъ ей Фонтеной.

Лэди Максвель была въ эту минуту центромъ большой группы, преимущественно мужчинъ, изъ которыхъ каждому хотѣлось, повидимому, сказать ей нѣсколько словъ. Она разговаривала съ большимъ оживленіемъ, обращаясь по временамъ къ высокому, широкоплечему господину съ просѣдью, который стоялъ молча и улыбаясь въ концѣ группы. Летти зимѣтила, что многіе бинокли съ балкона обращались на эту маленькую толпу; что всѣ около нихъ, лучше сказать, всѣ женщины наблюдали за лэди Масквель и старались получше разсмотрѣть ее. Молодая дѣвушка почувствовала въ сердцѣ тайную зависть и недоброжелательность.

На лѣстницѣ, которая вела изъ комнаты артистовъ, вдругъ показалась фигура всѣмъ извѣстнаго аккомпаніатора. Антрактъ былъ конченъ, и публика снова приготовилась слушать.

Фонтеной поклонился и распрощался.

— Вы видите, онъ меня не познакомилъ,—сказала Летти не безъ сожалѣнія, усаживаясь на свое мѣсто.—И какой онъ некрасивый! Всякій разъ, какъ я его вижу, мнѣ кажется, онъ становится все безобразнѣе.

Джоржъ сдѣлалъ неопредѣленный знакъ утвержденія, но на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ согласенъ съ нею. Утомленіе на лицѣ Фонтеноя было замѣтнѣе, чѣмъ когда-либо; глаза его почти совсѣмъ провалились; цвѣтъ его широкаго лица, съ рѣзкими чертами, покраснѣлъ и погрубѣлъ вслѣдствіе недостатка сна и движенія; темные волоса его быстро сѣдѣли и вылѣзали. Не смотря на все это это, мужчина могъ найти нѣчто привлекательное въ этой некрасивой головѣ и въ этой длинноногой фигурѣ и не могъ считать особенно умною женщину, которая не замѣчала этой привлекательности.

Послѣ концерта, когда Джоржъ и Летти стояли среди толпы въ сѣняхъ, онъ сказалъ ей съ улыбкой:

— Ну, что же, нанять домъ?

— Если вы хотите сдѣлать что-нибудь непріятное, — быстро

отвѣтила она,—не спрашивайте у меня. Дѣлайте, и потомъ ожидайте, когда вернется мое хорошее расположеніе духа.

— Пріятная перспектива! Развѣ вы не понимаете, что, когда вы такъ ставите вопросъ, я готовъ нанять Букингемскій дворецъ для вашего удовольствія? А какъ вы думаете, моя мать не назоветъ насъ слишкомъ расточительными?

— Ахъ, не могутъ же всѣ люди быть бережливыми!—вскричала Летти.

Онъ видѣлъ, какъ она вздернула голову и сжала губы, но это только забавляло его. Хотя онъ никогда не говорилъ съ Летти о матери и ея дѣлахъ, онъ очень хорошо понималъ, что ея желаніе взять именно этотъ домъ до нѣкоторой степени имѣло отношеніе къ его матери и что Летти и лэди Тресседи уже начинали ненавидѣть другъ друга. Для чего же Летти скрывать свои чувства? Онъ особенно любилъ ее именно за ея искренность.

Въ толпѣ вокругъ нихъ произошло движеніе и Летти, взглянувъ вверхъ, увидѣла, что стоитъ подлѣ высокой лэди, темные глаза которой глядятъ на нее.

— Какъ поживаете, миссъ Сьювель?

Летти, нѣсколько смущенная, протянула руку и отвѣчала. Лэди Максвель увидѣла рядомъ съ ней высокго молодого человѣка съ красивымъ, неправильнымъ лицомъ. Джоржъ невольно поклонился, и она отвѣчала ему легкимъ поклономъ. Затѣмъ она исчезла въ толпѣ своихъ знакомыхъ.

— Велѣли вы пріѣхать вашей каретѣ?—спросилъ у нея кто-то.

— Нѣтъ, я ѣду домой на извозчикѣ. Я замучила сегодня обѣихъ лошадей. Альдусъ идетъ въ клубъ узнать, не слышно ли чего-нибудь о Девизѣ.

— Ахъ, о выборахъ?

Она кивнула, затѣмъ увидѣла мужа, стоявшаго у двери и дѣлавшаго ей знаки, и поспѣшила къ нему.

— Какая голова!—вскричалъ Джоржъ, съ восхищеніемъ глядя на нее.

— Да, — неохотно подтвердила Летти. — У нея великолѣпные волосы, такіе черные, длинные, волнистые. Какъ это смѣшно, она говоритъ, что замучила своихъ лошадей! Очень на нее похоже! Точно она не могла бы держать пятьдесятъ лошадей, если бы захотѣла! Ахъ, Джоржъ, вотъ нашъ экипажъ! Скорѣй, Тюлли!

Они направились къ выходу. Въ толпѣ Джоржъ почти обнималъ Летти, чтобы защитить ее. Прикосновеніе къ ея тонкой фигуркѣ, близость ея нѣжнаго личика приводили его въ восторгъ. Когда карета увезла ихъ, и онъ повернулъ домой по Пикадилли,

онъ нѣсколько минутъ шелъ, не замѣчая ничего окружающаго, сознавая только какое-то смутное ощущеніе удовольствія.

Стояла теплая февральская ночь. Послѣ продолжительныхъ морозовъ и оттепелей подулъ западный вѣтеръ и можно было предвидѣть скорое наступленіе весны. Во время концерта шелъ дождь, но теперь погода разгулялась и быстро бѣгущія облака оставляли за собой большіе куски синяго неба, на которомъ сіяли звѣзды.

По улицамъ дулъ теплый, сыроватый вѣтеръ. Когда разсѣянность Джоржа понемногу прошла, онъ почувствовалъ физическое удовольствіе отъ этого мягкаго воздуха. Какъ хороша жизнь, какъ хорошо быть молодымъ и способнымъ, какъ хорошъ этотъ шумный, многолюдный Лондонъ и какъ хорошо будущее съ его надеждами! Одною изъ первыхъ радостей этого будущаго представлялась ему его женитьба; какъ онъ умно сдѣлалъ, что посватался! Его будущая жена была не святая и не философъ. Нѣтъ, слава Богу. Онъ не желалъ ни того, ни другого у своего домашняго очага. «Похвала, порицаніе, любовь, поцѣлуи»—всего этого онъ будетъ имѣть вдоволь, живя съ Летти, но ничего въ излишествѣ. У него останется достаточно свободнаго мѣста для другого, для другихъ страстей; напр., для политическаго честолюбія, для искусства ладить съ людьми и управлять ими. Онъ новичекъ, начинающій, и уже мечтаетъ управлять! Но онъ чувствуетъ, что нога его стоитъ на первой ступени лѣстницы. Фонтеной совѣтуется съ нимъ, оказываетъ ему все больше и больше довѣрія. Не смотря на то, что онъ женихъ, онъ быстро пріобрѣтаетъ знанія по разнымъ вопросамъ, и живая умственная работа доставляетъ ему удовольствіе. Ихъ маленькая группа въ парламентѣ, дружная, неутомимая, смѣлая, пріобрѣтаетъ все больше значенія, все больше обращаетъ на себя вниманіе общества. Это нападеніе на Доусона, министра внутреннихъ дѣлъ, который хочетъ во все вмѣшиваться и всѣмъ распоряжаться, выдвинетъ ихъ. Фабриканты «модныхъ» и «опасныхъ» предметовъ, преслѣдуемые административной энергіей министерства, присоединились къ партіи Фонтеноя, громко жалуясь на несправедливость. Нѣкоторая часть либераловъ, преимущественно одна дѣятельная группа промышленниковъ-виговъ должна была, по всей вѣроятности, вотировать вмѣстѣ съ ними; что касается соціалистической рабочей партіи, она дурно относилась къ министерству и на нее нельзя было полагаться. Нападеніе и защита займутъ, вѣроятно, двѣ ночи, такъ какъ министерство, допуская важность нападокъ, рѣшило, въ случаѣ, если пренія не закончатся въ пятницу, отвести для нихъ и понедѣльникъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло вызоветъ шумъ. Джоржъ, вѣроятно, произне-

сетъ свою первую рѣчь во вторую ночь; по правдѣ сказать, онъ очень много думалъ о ней, хотя разговаривая съ Летти, постоянно смѣялся надъ нею, дѣлалъ видъ, что не придаетъ ей значенія и не хотѣлъ, чтобы Летти пришла слушать его.

Потомъ, послѣ Святой, будетъ внесенъ биль Максвеля, и тогда завяжется настоящая война. Бѣдная маленькая Летти! Она мало будетъ пользоваться своими преимуществами новобрачной, когда начнется эта борьба! Но раньше будетъ Святая и ихъ свадьба; послѣ свадьбы онъ увезетъ ее—покорную, счастливую плѣнницу—недѣли на двѣ въ деревню, окружитъ ее и себя «поясомъ теплыхъ вѣтровъ» и будетъ исполнять всѣ ея капризы.

Онъ повернулъ по С.-Джемской улицѣ, миновалъ Мальбороуъ и направился къ Уарвинъ-скверу, гдѣ жилъ съ матерью.

Вдругъ онъ увидѣлъ толпу прямо передъ собой, въ направленіи Буккингемскаго дворца. Извозчичья карета и лошадь стояли среди улицы; извозчикъ, красный, безъ шляпы, говорилъ что-то съ полицейскимъ, который держалъ въ рукахъ открытую записную книжку, а изъ толпы слышались рыданія.

Онъ подошелъ ближе.

— Кого-нибудь зашибли?—спросилъ онъ полицейскаго, когда тотъ закрылъ свою записную книжку.

— Наѣхали на маленькую дѣвочку, сэръ.

— Не могу ли я помочь? Не надо ли сходить за докторомъ?

— Нѣтъ, сэръ. Въ каретѣ ѣхала лэди. Она сама перевязываетъ ногу дѣвочкѣ и говоритъ, что отвезетъ ее въ больницу.

Джоржъ сталъ на одну изъ скамеекъ подъ деревьями и посмотрѣлъ черезъ головы стоявшихъ въ то пространство среди толпы, которое оберегали полицейскіе. Маленькая дѣвочка лежала на землѣ или, лучше сказать, на кучѣ платья; другая дѣвочка, повидимому, лѣтъ шестнадцати, стояла подлѣ нея и горько плакала, какая-то лэди...

— Боже мой!—вскричалъ Тресседи и, соскочивъ со скамейки, подбѣжалъ къ полицейскому.—Проведите меня, пожалуйста, туда! Я думаю, что могу быть полезенъ. Эта лэди...—онъ произнесъ ея имя на ухо полицейскому.

Полицейскій поклонился.

— Посторонитесь, пожалуйста,—обратился онъ къ толпѣ,—пропустите этого джентльмена.

Толпа разступалась неохотно. Но въ эту минуту ее раздвинули изнутри и сквозь нее прошла маленькая процессія, для которой двое полицейскихъ соединенными усиліями расчищали дорогу. Впереди шелъ полицейскій, неся на рукахъ дѣвочку, вѣроятно, лѣтъ двѣнадцати. Ея правая нога лежала неподвижно на его рукѣ въ

импровизированномъ лубкѣ изъ зонтиковъ и платковъ. За нимъ слѣдовала лэди, которую Джоржъ узналъ и которая вела за руку другую дѣвочку. Лэди была безъ шляпки и въ полу-бальномъ туалетѣ. Изъ-подъ ея ротонды, съ тяжелымъ собольимъ воротникомъ, виднѣлось свѣтлое, шелковое платье, уже пострадавшее отъ уличной грязи, а когда она подошла къ фонарю, около котораго стояла карета, брилліанты на ея рукахъ засіяли. Пока она проходила сквозь толпу, Джоржъ замѣтилъ, что одинъ или два человѣка узнали ее и что пошелъ общій говоръ.

Она сама не слышала этого. Джоржъ сразу увидѣлъ, что распоряжается она, а не полицейскій. Когда они подошли къ каретѣ, она отдавала ему приказанія быстрымъ повелительнымъ тономъ, который не оставлялъ мѣста для колебаній.

— Извозчикъ пьянъ,—сказала она;—кто повезетъ?

— Одинъ изъ насъ, милэди.

— Кто—другой полицейскій? Пусть онъ сейчасъ же возьметъ возжи, прежде чѣмъ я сяду. Лошадь молодая и, пожалуй, дернетъ. Хорошо. Теперь подайте мнѣ ребенка, когда я скажу.

Она сѣла въ карету. Джоржъ видѣлъ, что полицейскому трудно справиться со своей ношей. Онъ подошелъ помочь ему, и они вдвоемъ подняли дѣвочку и бережно уложили ее на колѣни ея покровительницы.

Затѣмъ Джоржъ подошелъ къ открытой дверцѣ кареты и поднялъ шляпу:

— Не могу ли я еще чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ, лэди Максвель? Я сейчасъ видѣлъ васъ въ концертѣ.

Она повернулась, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, услышавъ свое имя, и посмотрѣла на говорившаго. Затѣмъ она, повидимому, все поняла.

— Право не знаю,—сказала она, колеблясь.—Да, конечно, вы можете помочь мнѣ. Я везу дѣвочку въ больницу. Но тутъ есть еще другая дѣвочка. Не можете ли вы отвезти ее домой? она очень разстроена. Нѣтъ, постойте, не можете ли вы прежде свезти ее въ Георгіевскую больницу, куда я ѣду? Ей хочется видѣть, куда мы помѣстимъ ея сестру.

— Я позову другой кэбъ и пріѣду въ больницу вмѣстѣ съ вами.

— Благодарю васъ. Позвольте мнѣ только сказать нѣсколько словъ сестрѣ.

Онъ подвелъ плачущую дѣвушку, лэди Максвель наклонилась и сказала ей нѣсколько словъ кроткимъ, ласковымъ голосомъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ она говорила съ другими. Дѣвушка поняла; ея лицо прояснилось и она позволила Трессели увезти себя.

Одинъ изъ полицейскихъ сѣлъ на козлы кареты при смѣхѣ толпы, и экипажъ двинулся. Нѣсколько шляпъ поднялось, Джоржъ услышалъ нѣсколько привѣтственныхъ криковъ.

— Говорю вамъ,—раздался голосъ въ толпѣ, — я съ перваго взгляда узналъ ее, я много разъ видалъ ея портретъ въ газетахъ и на окнахъ магазиновъ. Честное слово, она красавица! А видѣли вы ея брилліанты?

— Идемъ скорѣе!—сказалъ Джоржъ, нетерпѣливо подводя порученную его попеченіямъ дѣвушку къ экипажу, который другой полицейскій позвалъ для нихъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ, дѣвушка и полицейскій догоняли лэди Максвель со всею скоростью, на какую была способна лошадь, равнодушная къ ихъ дѣлу. Джоржъ попытался сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе своей сосѣдкѣ, и дѣвочка, успокоенная его добродушнымъ обращеніемъ, начала слезливымъ тономъ разсказывать, какъ и когда съ ними случилось несчастіе; она говорила, что у нея есть старшая сестра въ Крауфордъ-стритѣ и что онѣ были у нея въ гостяхъ; что онѣ живутъ съ бабушкой въ Уестминстерѣ; что у бѣдной Лиззи было мѣсто въ прачешной, и она должна будетъ лишиться его; что лэди, которая перевязала ногу Лиззи, выпрашивала зонтики и платки у стоявшихъ тутъ людей, и т. д.

Джоржъ слушалъ ее разсѣянно. Въ умѣ его все время мелькали драматическіе и комическіе эпизоды сцены, свидѣтелемъ которой онъ былъ. Драматизмъ тутъ былъ несомнѣнно, хотя довольно дешеваго сорта. Могъ ли онъ, могъ ли кто-либо другой познакомиться съ этой необыкновенной женщиной при болѣе странныхъ обстоятельствахъ? Онъ смѣялся, думая о томъ, какъ будетъ разсказывать эту исторію Фонтеною. Красавица, сверкая брилліантами, стоитъ на колѣняхъ въ своемъ шелковомъ платьѣ среди грязной улицы и перевязываетъ ногу маленькой прачки,— это было такъ несовмѣстимо съ образомъ Марчелы Максвель, что онъ не могъ не смѣяться, точно при стеченіи невѣроятныхъ обстоятельствъ въ какой - нибудь глупой пьесѣ.

Отчего она казалась такой красавицей? Черты лица ея были вовсе не правильны; но цвѣтъ лица, выраженіе, тонкость линій— это было нѣчто несравненное! Съ другой стороны, ея манеры... нѣтъ! онъ пожалъ плечами. Воспоминаніе о ея мужественной или, пожалуй, скорѣй мальчишеской энергіи и самоувѣренности непріятно дѣйствовало на него.

Они почти догнали карету; больничный служитель только-что приготовлялся взять больную дѣвочку отъ лэди Максвель, когда

Тресседи выскочилъ изъ экипажа и подошелъ узнать, не нужна ли его помощь.

Къ сожалѣнію для него, оказалось, что онъ не нуженъ. Лэди Максвель и служитель все сдѣлали безъ него. Когда они входили въ больницу, Джоржъ услышалъ тѣ слова, съ которыми она обратилась къ служителю, поддерживавшему ногу дѣвочки. Она говорила быстро, дѣловымъ тономъ и служитель отвѣчалъ такъ же какъ полицейскій, очевидно, вполнѣ понимая ее и выказывая ей почтительность, которая относилась не исключительно къ ея важному виду и нарядному костюму. Это удивляло Джоржа.

Онъ и старшая дѣвочка послѣдовали за нею въ пріемную комнату. Дежурный врачъ и сидѣлка пришли туда же и сломанная нога была уложена въ лубокъ. Дѣвочка все время стонала и плакала, а Тресседи стоило не малаго труда успокаивать старшую сестру. Послѣ этого докторъ и сидѣлка понесли больную.

— Они хотятъ уложить ее въ постель,—сказала лэди Максвель, обращаясь къ Джоржу.—Я пойду вмѣстѣ съ ними. Не будете ли вы такъ добры подождать меня? Сестра,—она заговорила менѣе дѣловымъ тономъ и съ улыбкой дотронулась до руки старшей дѣвочки,—можетъ придти наверхъ, когда маленькую раздѣнутъ.

Маленькая процессія вышла изъ комнаты и Джоржъ остался одинъ съ дѣвушкой, отданной на его попеченіе. Какъ только младшая сестра исчезла, старшая опять начала болтать, прерывая себя по временамъ слезами. Джоржъ не обращалъ на нее большого вниманія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и чувствуя какую-то странную раздражительность. Онъ никакъ не воображалъ, что женщина можетъ принимать такъ холодно услуги совершенно посторонняго человѣка.

Черезъ четверть часа явилась сидѣлка и позвала сестру. Тресседи она сказала, что онъ тоже можетъ придти, если хочетъ, а дѣвочка бросила на него быстрый, робкій взглядъ, какъ бы прося его не покидать ее въ этомъ незнакомомъ, страшномъ мѣстѣ. Они вмѣстѣ пошли за сидѣлкой по бѣлымъ каменнымъ лѣстницамъ и по полутемнымъ корридорамъ, гдѣ все было тихо; только изъ за запертыхъ дверей одной палаты до нихъ донесся бредъ больного, и маленькое блѣдное личико дѣвочки стало еще блѣднѣе.

Наконецъ, сидѣлка, приложивъ палецъ къ губамъ, повернула ручку одной двери, и Джоржъ вдругъ почувствовалъ какое-то странное удовольствіе.

Они стояли на порогѣ дѣтской палаты. Съ каждой стороны ея тянулся рядъ снѣжно-бѣлыхъ кроватокъ, желтыя стѣны были

увѣшаны картинами, полъ поражалъ безукоризненной чистотой. На другомъ концѣ комнаты горѣлъ огонь въ большомъ каминѣ. Въ срединѣ стоялъ простой деревянный столъ, уставленный стклянками и разными лѣкарственными снадобьями; на немъ возвышалась лампа подъ абажуромъ, а подлѣ него стоялъ стулъ для сидѣлки. Въ кроватяхъ спали дѣти различнаго возраста, нѣкоторыя зарывшись въ подушки, точно маленькіе звѣрки, другія на спинѣ, вытянувшись, неподвижно. Воздухъ былъ теплый, но легкій, чувствовался неизбѣжный запахъ антисептическихъ средствъ. Въ этой большой удобной комнатѣ, съ правильными линіями и пріятною окраскою, съ мягкимъ свѣтомъ лампы и смутно очерченными фигурами въ кроватяхъ, было что-то поэтичное, какое то общее выраженіе нѣжной гуманности.

Лэди Максвель и сидѣлка стояли около одной кровати направо отъ двери. Дѣвочку раздѣли, и она лежала тихонько съ осунувшимся, страдальческимъ личикомъ, которое она быстро повернула къ вошедшей сестрѣ. Вся сцена представляла для Тресседи нѣчто новое и трогательное. Но послѣ перваго впечатлѣнія, все его вниманіе невольно обратилось на лэди Максвель, и онъ замѣчалъ остальное только по скольку оно относилось къ ней. Она сбросила свою тяжелую ротонду, можетъ быть, для того, чтобы помочь раздѣвать дѣвочку. Сверху открытаго платья на ней была надѣта какая-то тонкая кружевная шаль или накидка. Самое платье было свѣтло-зеленое; въ полусвѣтѣ больничной палаты пятна грязи и пыли не были замѣтны на немъ и при всякомъ движеніи ея шелковая матерія отливала мягкимъ блескомъ. Поэтическая прелесть ея головы, увѣнчанной черными волосами, ея красивая шея и покатыя плечи выдѣлялись какъ-то особенно изящно въ этой большой комнатѣ съ ея блѣдной окраской и прямыми линіями. Слѣдя за ней глазами, Тресседи снова почувствовалъ, что въ его встрѣчѣ съ нею было нѣчто драматическое и знаменательное, но это чувство не смягчило зарождавшагося въ немъ антагонизма противъ нея.

Когда они вошли, она повернулась и сдѣлала сестрѣ знакъ подойти поближе.

— Подойдите, посмотрите, какъ ей здѣсь хорошо! И потомъ скажите этой лэди, какъ васъ зовутъ и гдѣ вы живете.

Дѣвушка робко приблизилась. Пока она разговаривала съ сестрой и съ сидѣлкой, лэди Максвель вдругъ оглянулась и увидѣла Тресседи, стоявшаго у стола въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

По лицу ея скользнуло выраженіе удивленія. Онъ увидѣлъ, что,

занятая несчастнымъ происшествіемъ и дѣвочками, она совершенно забыла его. Но она быстро вспомнила и улыбнулась.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ отвезете ее домой? Это очень любезно съ вашей стороны. Ея бабушка совсѣмъ иначе отнесется къ этому несчастью, если кто-нибудь пріѣдетъ и все объяснитъ ей. Видите ли, они оставятъ ея ногу въ лубкѣ на ночь, а завтра положатъ въ гипсъ. Вѣроятно, они продержатъ ее въ больницѣ не больше трехъ недѣль, такъ какъ у нихъ всѣ мѣста заняты.

— Вы, повидимому, хорошо знаете больничные порядки.

— Я сама одно время была сидѣлкой не долго,—отвѣчала она нѣсколько сухо, какъ бы желая подчеркнуть, что теперь она уже не рабочая женщина, а важная лэди.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ. Я слышалъ объ этомъ отъ Эдварда Уаттона.

Она бросила на него быстрый взглядъ.

Онъ почувствовалъ, что она только теперь обратила вниманіе на него, какъ на личность.

— Вы знаете м. Уаттона? Вы, кажется, сэръ Джоржъ Тресседи, не правда ли? Вы избраны депутатомъ отъ Маркетъ Мальфорда въ ноябрѣ? Я помню. Мнѣ ваши рѣчи не понравились.

Она засмѣялась, онъ также засмѣялся.

— Да, я вступилъ въ парламентъ въ интересное время, когда тамъ готовится борьба.

Улыбка ея исчезла.

— Не хорошая борьба!—серьезнымъ голосомъ произнесла она.

— Этого я не могу сказать. Все зависитъ отъ того, любите-ли вы вообще борьбу и увѣрены ли въ правотѣ своего дѣла.

Она съ минуту колебалась и затѣмъ сказала:

— Неужели лордъ Фонтеной можетъ считать себя правымъ.

Легкій оттѣнокъ презрѣнія въ ея голосѣ разсердилъ его.

— Не то ли же говорятъ всѣ партіи о своихъ противникахъ?

Она снова посмотрѣла на него, на этотъ разъ съ любопытствомъ. Онъ, очевидно, былъ очень молодъ, моложе ея, какъ ей казалось. Но беззаботное спокойствіе и самоувѣренность его манеръ составляли полную противоположность съ его юношескимъ лицомъ, и это заинтересовало ее. Ея губы нехотя раздвинулись въ улыбку.

— Можетъ быть,—проговорила она.—Но вѣдь иногда, понимаете, это должно быть справедливо. Впрочемъ, мы, конечно, не можемъ обсуждать этотъ вопросъ здѣсь, въ часъ ночи, вонъ сидѣлка уже дѣлаетъ мнѣ знаки. Вы въ самомъ дѣлѣ очень добры.

Если будете недалеко отъ насъ въ воскресенье, можетъ быть, вы зайдете и разскажете?

— Конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ. Я приду и дамъ вамъ подробный отчетъ о томъ, какъ выполню ваше порученіе.

Она протянула ему тонкую руку. Старшая дѣвочка съ красными отъ слезъ глазами, была снова передана на его попеченіе, и они быстро покатили въ кэбѣ къ Вестминстеру, по адресу, который она дала.

Завидовать ли Максвелю?—разсуждалъ самъ съ собой Трес-седи и не рѣшался дать утвердительный отвѣтъ. Такая женщина, не смотря на всю ея красоту, не могла бы увлечь его, такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(*Продолженіе*) *).

II.

Что дѣлается въ Галиціи для народнаго просвѣщенія.

Присоединенная по первому раздѣлу Польши къ Австріи, Галиція продолжительное время влачила самое плачевное существованіе. Австрія никогда не была увѣрена въ томъ, что Галиція останется навсегда за нею, поэтому она желала въ возможно краткій срокъ выжать изъ нея все, что удастся. Вслѣдствіе этого, Галиція стала поприщемъ всякихъ эксплоататорскихъ экспериментовъ. Въ Галиціи былъ введенъ безпощадный германизаторскій режимъ, который наводнилъ ее толпами нѣмецкихъ культуртрегеровъ, быстро сколачивавшихъ себѣ значительныя состоянія цѣною пота и крови мѣстнаго населенія. Всякое проявленіе самостоятельной жизни было убиваемо въ самомъ зародышѣ. Издѣлія вѣнскихъ и другихъ нѣмецкихъ фабрикъ заполонили галиційскіе рынки, а попытки мѣстнаго населенія основать свою собственную промышленность были подавляемы самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ.

Почти сто лѣтъ прозябала Галиція въ такомъ положеніи и только послѣ неудачной итальянской и прусской кампаніи, когда Австрія принуждена была обратиться къ содѣйствію «своихъ народовъ», эга несчастная страна вздохнула свободнѣе и мало-помалу стала приходить въ себя.

Въ 1867 году Галиція получила значительную автономію въ области народнаго образованія. Законъ 22 іюня этого года ввелъ въ галиційскихъ школахъ преподаваніе на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, а немного спустя, императорскимъ рескриптомъ былъ учрежденъ спеціальный «Краевой школьный совѣтъ», въ вѣдѣніе котораго должны были перейти всѣ низшія и среднія

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1896.

учебныя заведенія Галиціи. Такимъ образомъ, Галиція получила свое самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія, дѣятельность котораго не распространялась только на высшія учебныя заведенія, какъ университеты, политехникумъ, и т. д.

Положеніе народнаго образованія въ то время, когда «школьный совѣтъ» приступилъ къ самостоятельной дѣятельности, было крайне печально. Во всей Галиціи существовало de jure 2.476 народныхъ школъ, de facto же многія изъ нихъ значились только на бумагѣ. Остальныя, дѣйствительно существовавшія, не могли принести населенію большой пользы, такъ какъ не было ни достаточнаго количества педагогически образованныхъ учителей, ни удовлетворительныхъ программъ, ни порядочныхъ помѣщеній. Вслѣдствіе всего этого, «школьному совѣту» предстояла не легкая работа, и прошло нѣсколько лѣтъ, пока были собраны необходимыя статистическія свѣдѣнія и окончены приготовленія къ реорганизаціи и правильной постановкѣ школьнаго дѣла.

Только въ 1873 году въ Галиціи было введено безплатное и обязательное обученіе для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ. Черезъ годъ послѣ изданія этого закона число фактически существующихъ школъ Галиціи было доведено до 2.362.

Само собою разумѣется, страна, эксплоатированная самымъ безпощаднымъ образомъ въ теченіе почти ста лѣтъ, только очень медленно могла придти въ себя. Это отражается и на школьномъ дѣлѣ. До конца 1893 года удалось основать и развить только 3.812 школъ.

Слѣдя за ходомъ развитія школьнаго дѣла, мы видимъ, что количество новыхъ школъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ все быстрѣе и быстрѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается и число дѣтей, посѣщающихъ эти школы. Въ 1874 году ихъ было всего 172.506. Въ 1885 г. число учениковъ галиційскихъ народныхъ школъ поднялось до 372.230, въ 1890 г. до 477.820, а въ 1893 г. уже до 563.509. Такой быстрый, сравнительно, ростъ количества учащихся не могъ не отразиться и на состояніи грамотности въ Галиціи. Любопытны данныя, касающіяся этого послѣдняго факта. Къ сожалѣнію, имѣющіяся на лицо относятся только къ 1890 году. Изъ нихъ слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи число неграмотныхъ значительно уменьшилось. Такъ, напр.:

		1888 г.		1890 г.			
Въ Жидаговскомъ	окр. . .	85%	негр.	65%	негр.	т.-е. на	20%
» Хшановскомъ	» . .	60%	»	41%	»	»	—19%
» Бжескомъ	» . .	77%	»	61%	»	»	—16%
» Величскомъ	» . .	70%	»	55%	»	»	—15%
» Станиславовскомъ	» . .	83%	»	60%	»	»	—14%

и т. д. Такихъ округовъ, гдѣ число неграмотныхъ уменьшилось на 10—12%, довольно много. Вообще, чѣмъ далѣе на западъ къ границамъ Силезіи, тѣмъ менѣе неграмотныхъ. Если въ нѣкоторыхъ округахъ число неграмотныхъ по статистикѣ еще очень велико, то нужно принимать во вниманіе то обстоятельство, что благодѣяніемъ обязательнаго обученія пользовалось только младшее поколѣніе галичанъ, люди, родившіеся послѣ 1866 года, т.-е. тѣ, которые въ 1873 году достигли шести-лѣтняго возраста. Вслѣдствіе этого, статистика, принимающая во вниманіе общую цифру населенія даннаго округа, показываетъ большое число неграмотныхъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ люди въ возрастѣ 20—30 лѣтъ грамотны почти поголовно, какъ, напр., во многихъ западныхъ округахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Галиціи число неграмотныхъ крайне ничтожно, не смотря на то, что тамъ школы учреждены только въ самое послѣднее время. Это объясняется тѣмъ, что крестьяне, не будучи въ состояніи дождаться, пока «школьный совѣтъ» учредитъ въ ихъ общинѣ школу, нанимали грамотнаго человѣка, по большей части отставного солдата, который за ничтожное вознагражденіе обучалъ дѣтей.

Съ распространеніемъ грамоты возрастало и желаніе крестьянъ отдавать дѣтей въ школу, но многія бѣдныя общины никакъ не могли собрать сумму, необходимую для постройки зданія школы, оплаты учителя и т. д. Поэтому, «школьный совѣтъ» постоянно заваленъ просьбами жителей тѣхъ селеній, гдѣ еще нѣтъ школъ, объ ихъ открытіи. Не смотря на то, что львовскій ландтагъ съ каждымъ годомъ значительно увеличиваетъ сумму, ассигнуемую на нужды народнаго образованія, ея все-таки не хватаетъ на удовлетвореніе и пятой части требованій. Страна слишкомъ бѣдна для этого, и чтобы дѣло народнаго образованія подвигалось какъ можно скорѣе, потребовалось содѣйствіе школьнымъ властямъ самого общества.

Общество въ Галиціи поняло это и стало дѣятельно помогать «школьному совѣту», приступивъ къ организаціи «Общества народной школы», которое уже теперь, не смотря на то, что существуетъ всего три года, развиваетъ очень энергическую дѣятельность и приноситъ громадную пользу народному образованію въ Галиціи.

«Общество народной школы» основано по иниціативѣ университетской молодежи, которая, указывая на дѣятельность «Чешской Матицы» и нѣмецкаго «Шульферейна», побудила демократическую часть общества въ Галиціи къ организаціи подобнаго учреж-

денія и на галиційской почвѣ. Идея «Общества народной школы» пріобрѣла всеобщую симпатію, а когда оно было основано (въ мартѣ 1892 года), къ нему примкнули всѣ демократическіе элементы Галиціи. Предсѣдателемъ «Общества» былъ избранъ самый выдающійся современный польскій поэтъ—Адамъ Аснывъ.

«Общество» поставило себѣ главной цѣлью основывать школы, помогать бѣднымъ общинамъ при постройкѣ и организаціи новыхъ школъ, снабжать бѣдныхъ дѣтей учебными пособіями, одеждой, а въ случаѣ необходимости, и пищей, давать возможность народнымъ учителямъ пополнять свое образованіе и вознаграждать самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ изъ нихъ. Считая заботу о школѣ первой своей обязанностью, «Общество народной школы» имѣло въ виду также и посылать въ народъ странствующихъ учителей, и основывать народныя читальни, и объявлять конкурсы на лучшія популярныя сочиненія, и поддерживать народныя періодическія изданія.

«Общество народной школы» распространило свою дѣятельность не только на Галицію, но и на сосѣднія провинціи Австріи съ польскимъ населеніемъ: Силезію и Буковину. Чтобы обнять всю эту территорію своимъ вліяніемъ, «Общество» издало около 25.000 воззваній и уполномочило слишкомъ 350 лицъ къ основанію мѣстныхъ кружковъ «Общества». На призывъ «Общества народной школы» откликнулась вся польская интеллигенція Галиціи, Силезіи и Буковины. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія, и вскорѣ почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи появились мѣстные кружки. Въ настоящее время такихъ кружковъ болѣе *шестидесяти*. Въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ во Львовѣ, Краковѣ, Станиславовѣ, существуетъ по два кружка: мужской и дамскій. Обыкновенно дамскій развиваетъ гораздо болѣе энергичную дѣятельность, нежели мужской. Вообще, женщины играютъ въ «Обществѣ народной школы» очень выдающуюся роль. Онѣ собираютъ пожертвованія, устраиваютъ въ пользу «Общества» вечера, лекціи, лоттереи, гулянья, собираютъ свѣдѣнія о нуждахъ школьнаго дѣла, организуютъ помощь школьнымъ дѣтямъ и т. д.

Если мы подведемъ итогъ дѣятельности «Общества народной школы», то увидимъ, что, не смотря на столь краткое существованіе, ему удалось сдѣлать довольно много. Въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ оно собрало болѣе *семидесяти тысячъ* гульденовъ. Это дало ему возможность построить три самостоятельныя народныя школы въ восточной Галиціи и содѣйствовать постройкѣ новыхъ школъ въ семнадцати общинахъ. Кромѣ того, «Общество» основало болѣе пятидесяти народныхъ читаленъ по деревнямъ и мѣстечкамъ и

нѣсколько библіотекъ для учителей. Затѣмъ, оно снабжало болѣе трехсотъ народныхъ школъ книжками и другими учебными пособіями, а посѣщающую эти школы дѣтвору — теплой одеждой и обувью. «Общество» выписывало нѣсколько десятковъ экземпляровъ популярнаго изданія для бѣдныхъ крестьянъ и субсидировало народный журналъ «Польскій народъ» (Polski Lud).

Главное вниманіе обратило «Общество народной школы» на тѣ мѣстности, гдѣ славянскому населенію угрожаетъ денаціонализація, т.-е. на Буковину, восточную Галицію, самую западную ея полосу и Силезію. Въ Буковинѣ, гдѣ польское населеніе въ послѣднее время сильно возрастаетъ, господствующимъ языкомъ въ школѣ является румынскій, и поэтому дѣти польскихъ крестьянъ-колонистовъ, попадая въ эти школы, современемъ теряютъ свою національнноть. Поэтому-то «Общество народной школы» стало добиваться у буковинскихъ школьныхъ властей введенія преподаванія польскаго языка. Во многихъ мѣстностяхъ его заботы увѣнчались полнымъ успѣхомъ; тамъ же, гдѣ не удалось пока еще добиться преподаванія польскаго языка, «Общество» само оплачиваетъ учителей этого предмета.

Однако, самая большая опасность угрожаетъ польскому населенію западной пограничной съ Силезіей полосы. Тамъ существуетъ городъ Бяла съ большимъ количествомъ нѣмецкаго населенія, которое стремится онѣмечить польскихъ рабочихъ и крестьянъ. Нѣмецкій «Шульферейнъ» развилъ тамъ очень энергическую дѣятельность и успѣшно германизируетъ населеніе. Вотъ на этотъ-то пунктъ и обратило «Общество народной школы» свое вниманіе. Чтобы противодѣйствовать германизаторской дѣятельности нѣмцевъ, необходимо пустить въ ходъ то же самое средство, какимъ они владѣютъ. Чтобы вырвать изъ когтей германизаторовъ дѣтей, нужно снабдить этихъ послѣднихъ народной школой, сооруженной на частныя средства, такъ какъ нѣмецкая дума Бялы никогда не согласится ассигновать сумму, необходимую для постройки и организаціи польской школы. А для учрежденія школы въ довольно крупномъ городѣ, такой школы, которая могла бы успѣшно соперничать съ богатыми школами нѣмецкаго «Шульферейна», нужна сумма не малая, приблизительно, около 50.000 гульденовъ.

И вотъ, «Общество народной школы» издаетъ воззваніе, въ которомъ доказываетъ всю необходимость постройки сельской школы въ Бялѣ и призываетъ на помощь все польское общество. Это послѣднее не замедлило откликнуться. Сборъ пожертвованій пошелъ такъ успѣшно, что въ скоромъ времени можно было уже приступить къ покупкѣ мѣста подъ школу и къ закладкѣ самого зданія.

Но мало дать народу школу и выучить его читать. Слѣдуетъ еще позаботиться о томъ, чтобы онъ не забылъ пріобрѣтенныхъ въ школѣ свѣдѣній, чтобы онъ имѣлъ матеріалъ для чтенія и средства для образованія послѣ выхода изъ школы. Необходимы, слѣдовательно, читальни, книжки и газеты для народа.

И въ этомъ отношеніи галиційское общество дѣлаетъ довольно много. Количество народныхъ читаленъ, обществъ, издающихъ и распространяющихъ народныя изданія, народныхъ періодическихъ изданій весьма значительно, а дѣятельность галиційскаго общества на этомъ поприщѣ постоянно усиливается и приводитъ къ результатамъ, которые отражаются въ политическо-общественной жизни всей страны.

Еще до полученія Галиціей автономіи были попытки издавать популярныя сочиненія и распространять ихъ между народомъ, но первое «Общество народнаго просвѣщенія» возникло во Львовѣ въ 1867 году. Это общество задалось цѣлью покрыть всю Галицію сѣтью своихъ филіальныхъ отдѣленій, но достигнуть этого ему, къ сожалѣнію, не удалось. Оно успѣло организовать всего около двадцати такихъ «окружныхъ отдѣленій», основать нѣсколько десятковъ народныхъ читаленъ и издать нѣсколько книжекъ для народа. Нѣсколько лѣтъ спустя, это первое «Общество народнаго просвѣщенія» принуждено было прекратить свою дѣятельность, такъ какъ оно не встрѣтило поддержки ни въ средѣ интеллигенціи, ни въ народѣ. Первая еще не понимала въ достаточной мѣрѣ своихъ обязанностей по отношенію къ народу; этотъ же послѣдній... не умѣлъ еще и читать.

Только съ 1881 года начинается усиленная дѣятельность галиційской интеллигенціи на этомъ поприщѣ. Школы, перешедшія въ вѣдѣніе «Краевого школьнаго совѣта» уже привели кое къ какимъ результатамъ. Народъ уже былъ подготовленъ. Молодое поколѣніе галиційскихъ крестьянъ уже умѣло и желало читать и съ жадностью набрасывалось на всякую предлагаемую ему книжку.

Въ восьмидесятыхъ годахъ сразу, почти одновременно, возникаютъ различныя общества для распространенія просвѣщенія среди народа. Одни издаютъ книжки и брошюры для народа, другіе основываютъ по деревнямъ и мѣстечкамъ народныя читальни, третьи приступаютъ къ экономической организаціи народныхъ массъ, при помощи популярныхъ изданій. Появляется цѣлый рядъ періодическихъ изданій, предназначенныхъ для народа самаго разнообразнаго содержанія, начиная съ сельскохозяйственныхъ и популярно-научныхъ и кончая политическими.

Первое общество народнаго просвѣщенія снова возникло во

Львовѣ въ 1881 году. Въ слѣдующемъ 1882 году такое же общество появилось въ Краковѣ. Отъ двухъ столицъ края не хотѣла отстать и провинція, поэтому мы видимъ, какъ во второстепенныхъ городахъ (Тарновѣ, Станиславовѣ) и даже мѣстечкахъ (Горлицахъ, Яслѣ) возникаютъ такія же общества.

Самую энергическую дѣятельность развили три изъ нихъ: Львовское, Краковское и Тарновское. Львовское общество основало до 1893 года 18 городскихъ читаленъ, 4 библіотечки въ казармахъ и *236* сельскихъ читаленъ, спеціально для крестьянъ. Во всѣхъ этихъ читальняхъ было свыше 80.000 книжекъ. Тарновское, дѣйствующее только въ своемъ округѣ, открыло 35 читаленъ. Краковское—*578* городскихъ и сельскихъ читаленъ съ 90.000 книжекъ.

Кромѣ этихъ обществъ, народными читальнями занимается и «Общество земледѣльческихъ кружковъ», основанное, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, для поднятія уровня экономической, умственной и нравственной жизни галиційскаго крестьянства и имѣющее въ настоящее время около 70.000 членовъ-крестьянъ. При каждомъ «кружкѣ» этого общества непремѣнно находится и читальня. И нѣкоторые «кружки» «Общества народной школы», о которомъ мы говорили выше, основываютъ читальни, преимущественно городскія. Въ различныхъ ремесленныхъ и рабочихъ ферейнахъ, которыхъ въ Галиціи довольно много, тоже имѣются библіотеки и читальни.

Въ настоящее время населеніе западной Галиціи, страны по размѣрамъ меньше средней русской губерніи, обладаютъ слишкомъ 1.000 читаленъ. Кромѣ того, въ восточной Галиціи существуетъ нѣсколько сотенъ малорусскихъ читаленъ для русинскаго населенія, основанныя обществомъ «Просвіта», «Качковскаго» и частными лицами, преимущественно уніатскими священниками.

Въ 1882 г., по инціативѣ покойнаго І. И. Крашевскаго, основано общество «Польская Матица» (Macierz polska), которое задалось цѣлью издавать и распространять между народомъ книжки. «Польская Матица» старается достигнуть того, чтобы книжка проникла въ самыя отдаленныя захолустья, въ настоящіе медвѣжьи углы. Съ этой цѣлью «Польская Матица» до конца 1893 г. основала около 170 коммиссіонерскихъ книжныхъ складовъ по деревнямъ и мѣстечкамъ. Этими складами завѣдуютъ делегаты «Польской Матицы», почти все народные учителя. Со времени своего основанія «Польская Матица» издала болѣе 60 книжекъ самаго разнообразнаго содержанія: беллетристическихъ, сельскохозяйственныхъ, историческихъ и т. д. До сихъ поръ разошлось около 400.000 экземпляровъ изданій этого общества. Нѣкоторыя изданія распространи-

лись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ: такъ, напримѣръ, знаменитой поэмы Адама Мицкевича «Панъ Тадеушъ» пошло въ народъ болѣе 50.000 экз. Кромѣ этого, ежегодно расходится по 3.000 экз. календаря «Польской Матицы». Послѣдняя издаетъ также двѣ народныя газетки—одну политическо-научную «Воскресенье» (Niedziela), другую сельскохозяйственную «Сельскій хозяинъ» (Gospodarz wiejski). Кромѣ дохода отъ продажи этихъ изданій, «Польская Матица» получаетъ субсидію отъ галиційскаго ландтага въ размѣрѣ 5.000 гульд. ежегодно.

Львовскій «Комитетъ для изданія книжекъ для народа» основанъ въ томъ же году, что и «Матица». Это общество имѣетъ болѣе 12 тысячъ членовъ, которые получаютъ двѣнадцать книжечекъ ежегодно, доплачивая за это всего 1 гульденъ, т. е. около 80 копеекъ. «Комитетъ» издаетъ сочиненія на польскомъ и малорусскомъ языкахъ для русинскихъ крестьянъ. До сихъ поръ «Комитетъ» распространилъ около 250.000 экземпляровъ своихъ изданій. «Польская Матица» издаетъ сочиненія большаго объема, отъ десяти до двадцати печатныхъ листовъ, «Комитетъ» же ограничивается изданіемъ маленькихъ книжечекъ, преимущественно беллетристическаго содержанія.

Основанное въ 1888 году «Общество имени Станислава Сташица» издало и распространило между народомъ около 100.000 экземпляровъ популярныхъ сочиненій по исторіи и дешевыхъ перепечатокъ классическихъ произведеній польской литературы.

Въ 1892 г. инспекторъ народныхъ училищъ Северинъ Удзѣля и директоръ народной школы Станиславъ Паслекъ предприняли изданіе «Двухкрейцеровой библіотеки» для народа. Въ теченіе двухъ лѣтъ изданіе этой библіотечки достигло числа 240.000 экземпляровъ. Въ 1894 году «Двухкрейцеровая библіотечка» перешла въ другія руки и получила названіе «Грошовое изданіе им. Ѳаддея Костюшки». Молодые люди, ставшіе во главѣ этого послѣдняго издательскаго учрежденія, развили самую энергическую дѣятельность, а нѣкоторыя брошюрки расходятся въ двадцати и болѣе тысячахъ экземпляровъ.

Кромѣ этихъ главныхъ, существуетъ еще нѣсколько мелкихъ обществъ, занимающихся изданіями и распространеніемъ между народомъ популярныхъ книжекъ. Въ Галиціи распространяются также и изданія варшавскія, познанскія и силезскія. Въ послѣднее время польскіе крестьяне въ Галиціи все чаще и чаще принимаются за книжки, не относящіяся къ т. н. народной литературѣ, за сочиненія, предназначенныя для интеллигенціи, за изданія польскихъ классическихъ писателей, историческую беллетристику и вообще за всѣ тѣ книжки, которыя имъ доступны по цѣнѣ.

Охота къ чтенію въ средѣ крестьянства возрастаетъ очень быстро, по мѣрѣ того, какъ увеличивается число народныхъ школъ и возрастаетъ количество грамотныхъ. Галиційскихъ читателей изъ крестьянъ можно раздѣлить на три категоріи. Къ первой принадлежатъ тѣ крестьяне, которые окончили нѣсколько классовъ гимназіи *) или какую-нибудь спеціальную школу, которые бывали въ большихъ городахъ или на фабрикахъ. Эти читаютъ свободно «большія» газеты, польскихъ поэтовъ и романистовъ (особенно популярны историческіе романы Крашевскаго и историческая трилогія Сенкевича). Эта категорія смотритъ не безъ презрѣнія на «народныя» изданія и покупаетъ только книги, не имѣющія подписи: «для народа». Ко второй категоріи принадлежатъ жители деревни, въ которой школа существуетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двадцать. Они уже ознакомились съ исторіей своей родины, интересуются всѣми вопросами общественной и политической жизни и читаютъ съ большимъ интересомъ статьи и сочиненія, посвященныя экономическимъ, сельскохозяйственнымъ и политическимъ темамъ. Эта категорія главнымъ образомъ и потребляетъ «народную» литературу. Наконецъ, къ третьей категоріи читателей, если ихъ только можно назвать читателями, принадлежатъ крестьяне, не умѣющіе читать. Въ такихъ селахъ, гдѣ еще нѣтъ школы или она существуетъ только съ очень недавняго времени, крестьяне просятъ священника, учителя или кого-нибудь изъ грамотныхъ читать имъ книжки и газеты. Крестьянскія газеты имѣютъ много подписчиковъ между неграмотными.

Громадное вліяніе на культурное развитіе крестьянскихъ массъ въ Галиціи имѣютъ спеціально для крестьянъ издаваемыя газеты.

Первыя попытки издавать газеты и журналы для крестьянъ въ Галиціи относятся еще къ сороковымъ годамъ, когда въ Краковѣ былъ основанъ небольшой журнальчикъ, выходившій два раза въ мѣсяцъ. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, одно за другимъ появляются различные изданія этого рода, однако, всѣ они скоро прекращаютъ свое существованіе, такъ какъ не было ни способныхъ писателей для народа, ни, что̀ еще важнѣе, достаточнаго числа грамотныхъ крестьянъ, которые бы подписывались на эти изданія.

Въ 1875 году священникъ Станиславъ Стояловскій издавалъ двѣ небольшія народныя газетки «Вѣнокъ» и «Пчелку». Это были первыя, въ полномъ смыслѣ слова, «народныя» газетки. Стояловскій

*) Въ Галиціи, особенно въ западной, такихъ довольно много; есть между крестьянами и окончившіе полный курсъ гимназіи.

(который получилъ громкую извѣстность въ послѣднее время, благодаря преслѣдованіямъ, посыпавшими на него со стороны галиційскаго духовенства за его демократическую дѣятельность между крестьянами) прекрасно зналъ народъ, любилъ его и, что важнѣе всего, умѣлъ писать для него. Обладая недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ, Стояловскій умѣлъ заинтересовать читателей крестьянъ своими блестящими статьями и вскорѣ пріобрѣлъ для своихъ органовъ не только массу подписчиковъ, но и сотрудниковъ между крестьянами. Крестьяне стали посылать въ «Вѣнокъ» и «Пчелку» корреспонденціи и статейки, свидѣтельствующія о томъ, что, благодаря школамъ, просвѣщеніе сдѣлало уже большіе успѣхи между крестьянами.

Въ 1883 году «Польская Матица», о дѣятельности которой мы говорили выше, основываетъ органъ «Воскресеніе», получившій довольно широкое распространеніе между крестьянами.

Въ настоящее время въ Галиціи выходитъ около десятка періодическихъ изданій для народа. Между ними есть и сельскохозяйственныя, и популярно-научныя, и политическія. Самое лучшее изъ нихъ—это органъ г. Болеслава Вислоуха «Другъ народа», существующій съ 1889 года и имѣющій около пяти тысячъ подписчиковъ крестьянъ.

Любопытна исторія развитія этого органа. Сначала редактору и его сотрудникамъ изъ интеллигенціи приходилось самимъ заполнять каждый № «Друга народа» отъ начала до конца. По мѣрѣ распространенія изданія между народомъ, крестьяне начинаютъ присылать краткія сообщенія о своихъ дѣлахъ съ просьбой помѣстить ихъ въ журналѣ. Сначала эти сообщенія имѣли форму писемъ и корреспонденцій о различныхъ фактахъ изъ жизни крестьянъ, о злоупотребленіяхъ податныхъ и другихъ властей, объ эксплуатаціи крестьянъ ростовщиками и т. д. Вскорѣ, кромѣ корреспонденцій, стали приходить въ редакцію и самостоятельныя статьи по различнымъ вопросамъ, интересующимъ крестьянское населеніе, затѣмъ появились и стихотворенія, и маленькіе разсказы, и даже повѣсти, написанныя крестьянами.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія, «Другъ народа» превратился въ чисто крестьянскій органъ, такъ какъ всѣ, помѣщавшіяся въ немъ статьи принадлежали самимъ крестьянамъ. Редактору оставалось только отъ времени до времени помѣстить руководящую статью и составить хронику; обо всемъ остальномъ заботились уже сами крестьяне. Въ настоящее время «Другъ народа» имѣетъ, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ случайныхъ сотрудниковъ, два-три десятка такихъ крестьянъ, которые пишутъ въ немъ постоянно

изъ номера въ номеръ. Многіе изъ нихъ пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью; къ такимъ принадлежатъ: Яковъ Бойко, Матвѣй Шарый, Шмыдъ, Завада, Радо и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ, другіе обнаруживаютъ выдающееся поэтическое дарованіе. Изъ крестьянъ-публицистовъ первое мѣсто занимаетъ Яковъ Бойко, войтъ (староста) села Гремботево, избранный во время послѣднихъ выборовъ депутатомъ въ галиційскій ландтагъ. Это молодой, красивый крестьянинъ, который, благодаря усиленному чтенію, пріобрѣлъ серьезное образованіе и выступилъ въ «Другѣ народа» въ качествѣ публициста по различнымъ вопросамъ, касающимся крестьянской жизни въ Галиціи. Статьи Бойки отличаются ясностью, строгостью аргументаціи, живымъ полемическимъ задоромъ и основательнымъ знакомствомъ съ разбираемыми вопросами. Статьи Бойки перепечатываются и органами для интеллигенціи, вслѣдствіе оригинальности и самостоятельности взглядовъ ихъ автора.

Другой талантливый публицистъ-крестьянинъ (тоже избранный, осенью прошлаго года, депутатомъ во львовскій ландтагъ), кромѣ массы статей, написалъ очень любопытную повѣсть, въ которой съ немалымъ сатирическимъ талантомъ обличаетъ всякіе беззаконія, творящіяся въ Галиціи во время выборовъ.

Вообще, статьи, присылаемыя крестьянами въ редакцію «Друга народа» и другихъ крестьянскихъ газетокъ, касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Въ нихъ разсматриваются и всякіе мелкіе недостатки общинныхъ законовъ, въ нихъ разбираются и подвергаются критикѣ всякіе проекты экономическихъ реформъ, въ нихъ затрагиваются и политическія, и литературныя темы. Крестьяне-публицисты обнаруживаютъ большое знакомство со всѣмъ тѣмъ, о чемъ пишутъ; между ними есть даже спеціалисты, которые съ любовью изучаютъ и обработываютъ одну какую-нибудь тему, выказывая рѣдкую оригинальность мысли и предлагая свои собственные проекты.

Въ 1893 году появился въ одномъ изъ западно-галиційскихъ городовъ—Новомъ Сончѣ—органъ, въ которомъ не только пишутъ, но который и издаютъ, и редижируютъ сами крестьяне. Это «Мужицкій Союзъ» (Zviazek Chlopski), издаваемый крестьяниномъ-депутатомъ Поточкомъ.

Въ дѣлѣ просвѣщенія очень важную роль играютъ лекціи и бесѣды, на которыя собираются крестьяне по воскресеньямъ и праздникамъ. Обыкновенно такія лекціи происходятъ въ народныхъ читальняхъ и земледѣльческихъ кружкахъ. Народный учитель, священникъ или вообще кто-нибудь изъ интеллигенціи чи-

таетъ крестьянамъ лекцію на историческую популярно-научную или сельскохозяйственную тему, а послѣ окончанія лекціи крестьяне обращаются къ лектору, требуя у него объясненія различныхъ, относящихся къ этой темѣ, вопросовъ.

Въ городахъ такія лекціи и бесѣды происходятъ въ различныхъ ремесленныхъ и рабочихъ ферейнахъ. Почти во всѣхъ большихъ городахъ и даже мѣстечкахъ Галиціи существуютъ т. н. «Силы»—образовательныя общества, членами которыхъ состоятъ рабочіе безъ различія пола. «Силы» играютъ роль рабочихъ клубовъ. Въ нихъ устраиваются вечеринки съ танцами, различныя собранія, любительскія представленія и лекціи. Въ каждой «Силѣ» существуетъ библіотечка и читальня, въ которой рабочій находитъ достаточное число періодическихъ изданій. Разъ въ недѣлю, а кое-гдѣ и чаще устраиваются въ «Силѣ» бесѣды слѣдующимъ, довольно оригинальнымъ способомъ. Въ читальнѣ «Силы» виситъ на стѣнѣ небольшой ящикъ, въ который рабочіе опускаютъ листки бумаги съ вопросами самаго различнаго характера. Въ тотъ день, когда должны происходить бесѣды, карточки съ вопросами вынимаются, прочитываются по очереди, а кто-нибудь изъ присутствующихъ даетъ на нихъ отвѣтъ. Въ этихъ бесѣдахъ принимаютъ, разумѣется, участье, кромѣ рабочихъ, и интеллигенты, по большей части университетская молодежь.

Въ Галиціи существуетъ и «Общество народнаго театра», но такъ какъ оно основано очень недавно, то о его дѣятельности трудно что-нибудь сказать.

Таковъ краткій перечень того, что дѣлается для народнаго просвѣщенія въ Галиціи, въ той Галиціи, которую справедливо можно назвать «пятномъ невѣжества» въ сравненіи съ какой-нибудь Чехіей, гдѣ количество грамотныхъ доходитъ до 98% общаго числа народонаселенія.

Л. Василевскій.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

*(Продолженіе *).*

III.

Генералъ Бонапартъ.

Мартъ 1796 года окончилъ для нашего героя «годы странствія», годы лишеній, мелкихъ стычекъ съ судьбой и опереточной корсиканской политики. Началось поприще великаго полководца и еще болѣе великаго уловлятеля человѣческихъ душъ.

Мы только что слышали отъ Жозефины о впечатлѣніи, какое на нее производилъ взоръ Буонапарте. По ея словамъ, этотъ взоръ импонировалъ даже директорамъ. Очевидно, бѣдный и совершенно съ виду не внушительный генералъ чувствовалъ въ себѣ великія силы и онъ это даже высказывалъ невѣстѣ: «Моя шпага при мнѣ, и съ ней я пойду далеко»».

Вандемьеръ это доказалъ.

Но чтобы сдѣлаться «генераломъ вандемьера», требовалось пройти довольно тяжелый и отнюдь не военный путь. Это была стратегія исключительно житейская, тонкая,—часто неуловимая, но сложная сѣть ловкихъ фразъ, маленькихъ услугъ, дипломатической суровости, салонной лести, гражданской реторики. И всего этого въ немалыхъ и артистически разсчитанныхъ дозахъ: такихъ эпикурейцевъ и *rois fainéants*, какъ Баррасъ, трудно расшевелить и заставить работать въ чужихъ интересахъ, еще труднѣе заставить красавицъ директоріи серьезно относиться къ фигурѣ захудалаго артиллериста.

Но всѣ препятствія побѣждены и пріобрѣтена громадная опытность.

Буонапарте съ самаго начала не уважалъ французскихъ республиканцевъ, а познакомившись ближе съ нравами и людьми дирек-

---

*) «Міръ Божій», № 1, 1896 г.

торіи, онъ долженъ былъ махнуть рукой на ихъ конституцію, на ихъ представительство и даже на ихъ генераловъ. Тамъ театральная фальшивая реторика, здѣсь эгоизмъ и малодушіе, а у генераловъ или цезарскіе инстинкты, или ограниченный воинственный азартъ.

Какъ удобно и необыкновенно полезно воспользоваться всей этой «сущностью вещей»!

До сихъ поръ Буонапарте не выходилъ изъ предѣловъ семейныхъ наслѣдственныхъ талантовъ: даже легкомысленный Карло отлично пристраивалъ многочисленныхъ членовъ своей семьи, сумѣлъ провести дочь въ самое святилище дворянскаго французскаго воспитанія, въ пансіонъ г-жи Ментенонъ—Сенъ-Сиръ. Сынъ съ такимъ же искусствомъ будетъ потомъ составлять карьеры братьевъ. Едва ставъ главнокомандующимъ внутренней арміи, недавно еще живя впроголодь, онъ посылаетъ семьѣ громадныя суммы, по шестидесяти тысячъ ливровъ, Іосифу обѣщаетъ четыреста тысячъ...

Но это потому, что обезпечена собственная карьера. Надо идти дальше, чтобы вести за собой всю семью, вплоть до королевскихъ троновъ.

И генералъ Бонапартъ идетъ.

Теперь онъ въ благословеннѣйшей европейской странѣ, среди богатѣйшихъ городовъ, предъ единственными въ мірѣ хранилищами человѣческаго художественнаго генія. Въ самой Франціи нѣтъ ничего подобнаго: директорія рѣшительно бѣдствуетъ, даже военныхъ курьеровъ посылаетъ на счетъ театральныхъ кассъ, не платитъ жалованья ни чиновникамъ, ни солдатамъ, оставляетъ армію безъ хлѣба и одежды. Это обанкрутившееся государство, защищаемое голодными патріотами.

Генералъ Бонапартъ намѣренъ все преобразовать. Директоріи онъ обѣщаетъ горы денегъ, солдатамъ — великолѣпный обѣдъ и новые мундиры, генераламъ—всѣ сокровища Италіи. Въ прокламаціи къ арміи онъ описываетъ лишенія солдатъ, спѣшитъ завѣрить, что «правительство ничего не можетъ дать имъ», и зоветъ ихъ въ «богатыя провинціи», «большіе города»: «тамъ вы найдете почести, славу, богатство».

Такъ могъ говорить проконсулъ, воюющій на свой страхъ и привязывающій армію лично къ своей особѣ, своими благодѣяніями.

Обѣщанія блистательно выполняются. Италія подвергается разграбленію, какого не видала со временъ средневѣковыхъ нашествій. Уже спустя какой-нибудь мѣсяцъ, директорія получаетъ

на два милліона драгоцѣнныхъ металловъ и камней. двадцать четыре картины знаменитѣйшихъ художниковъ. Съ одной провинціи главнокомандующій получаетъ милліонъ контрибуціи. И не проходитъ мѣсяца, чтобы онъ не послалъ нѣсколькихъ милліоновъ въ Парижъ, въ рейнскую армію. Въ теченіе одного 1796 года Бонапартъ грабитъ Италію на *четыреста милліоновъ*, и пишетъ директоріи: «чѣмъ больше вы мнѣ будете присылать людей, тѣмъ легче мнѣ ихъ прокормить».

Разумѣется... Но, помимо прокормленія, получается и другой результатъ: войска республики превращаются въ гвардію цезаря, и чѣмъ больше правительство будетъ ихъ присылать, тѣмъ яснѣе будетъ обнаруживаться новая сила и тѣмъ вѣрнѣе гибель самого правительства. Директорія этого не понимаетъ, да и не хочетъ понимать, была бы только полна завѣтная касса для дѣлежки.

Естественно, солдаты пользуются всѣми плодами своихъ побѣдъ и начинаютъ обожать своего генерала. Теперь онъ у нихъ *le petit Caporal*,—знаменитое прозвище, которому суждено производить волшебное впечатлѣніе на гренадеровъ; послѣ каждаго сраженія они на собственномъ совѣтѣ награждаютъ его солдатскими чинами [28]). Его сѣрый сюртукъ становится легендарнымъ символомъ. Одинъ видъ полководца охватываетъ ряды лихорадочнымъ восторгомъ. Тяжело раненые впослѣдствіи не будутъ уходить съ поля сраженія, пока на нихъ смотритъ вождь и пока не исполнена назначенная имъ задача [29]). Одно его слово доводитъ героевъ до самозабвенія...

И генералъ отлично знаетъ эту психологію. Онъ по ночамъ изучаетъ кадры арміи и твердитъ наизусть имена старыхъ солдатъ. Трудно и представить, что̀ совершается въ душѣ гренадера, когда къ нему приближается «маленькій капралъ» и называетъ его по имени! [30]). И какое неизъяснимое счастье для воина напоминать обожаемому и непобѣдимому вождю, что онъ, солдатъ, тамъ-то былъ трубачемъ, и главное, знать, что вождь также хорошо помнитъ эти вещи. А когда вождю вздумается вдругъ лично пожаловать крестъ заслуженному ветерану, слезы текутъ по черному изсѣченному лицу и губы шепчутъ въ молитвенномъ экстазѣ: «я сегодня умру за него, это—навѣрное»... [31]).

Какая страшная сила для полководца заключена въ этихъ солдатскихъ чувствахъ! Но это не чувства гражданъ и даже не па-

---

[28]) Шатобріанъ. *O. c.* III, 143; ср. *Mémorial* объ ит. экспедиціи.

[29]) *Souvenirs du duc de Vicence.* Paris. 1837. I, 147.

[30]) M-me Rémusat. *Ib.* in. 669.

[31]) Duc de Vicence. I, 250.

тріотовъ: это—полчища, не знающія иного отечества, кромѣ палатки цезаря, иной славы, кромѣ его похвалъ, иныхъ почестей, кромѣ его наградъ. Ихъ взоры стихійно пріурочены къ его звѣздѣ,—и ряды пойдутъ за нимъ одинаково противъ отечественной свободы и противъ внѣшняго врага. Это—«нервныя машины», какъ называетъ ихъ самъ цезарь,—необыкновенно мужественныя, восторженныя, но все-таки машины и одушевленныя не какой-либо идеей, а чужой эгоистической волей. Такая армія могла быть создана изъ французскаго народа, для котораго сочинялись самыя демократическія конституціи! Одинъ итальянскій походъ Бонапарта обнаружилъ настоящую французскую натуру. Ее выразилъ самъ полководецъ въ нѣсколькихъ мѣткихъ словахъ: французы вовсе не нуждаются въ свободѣ и республикѣ, имъ нужна военная слава, нужно удовлетвореніе національному самолюбію... Можетъ быть, вообще это заключеніе и невѣрно, но для наполеоновской эпохи оно вполнѣ отвѣчаетъ событіямъ и характерамъ.

Не добычей, конечно, и не наградами только достигнутъ такой результатъ. Французы, все-таки не преторьянцы эпохи римскаго упадка, не рабы «хлѣба и зрѣлищъ». Независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ событій, это нація съ развитымъ воображеніемъ, съ наклонностью къ эффектному героизму, и въ особенности къ эффектной реторикѣ. За фразу французъ можетъ простить весьма многое, прежде всего ложь и даже жестокость. Г-жа Сталь очень остроумно слѣдитъ за возникновеніемъ разныхъ *mots* во время революціи. Напримѣръ, правительство сокращаетъ государственный долгъ на двѣ трети: въ Парижѣ говорятъ, долгъ *мобилизированъ*. Послѣ 13-го вандемьера создается новое словечко—«свободоубійцы»—*liberticides*, очевидно въ противовѣсъ *régicides*, и оно прикрываетъ жесточайшія мѣры противъ враговъ директоріи [32]). И всѣ французы наперерывъ повторяютъ драгоцѣнное словцо, избавляющее, говоритъ г-жа Сталь, отъ необходимости самостоятельно оцѣнивать факты.

Бонапартъ, конечно, знаетъ и эту психологію. Какъ человѣкъ дѣла, онъ ее презираетъ до глубины души, но безпрестанно пускаетъ въ ходъ съ искусствомъ настоящаго артиста.

Отсюда знаменитый «механизмъ бюллетеней», пресловутыя обращенія къ арміи. Болѣе разсудительные французы составили поговорку: *Il ment comme un bulletin*, секретари Бонапарта разсказываютъ, сколько имъ стоило нравственныхъ мученій писать завѣдомую ложь. Но генералъ обращался не къ острословамъ, кото-

---

[32]) *O. compl.* XIII. 105, 107 etc.

рыхъ онъ искренне ненавидѣлъ, хотя и побаивался, а къ солдатамъ, и слишкомъ деликатному секретарю говорилъ прямо: «Вы глупецъ, въ этомъ дѣлѣ вы ничего не понимаете»... [33]).

Но плохо приходилось не однимъ секретарямъ. Генералы читали нерѣдко совершенно фантастическіе отчеты о сраженіяхъ и стычкахъ. «Случалось, иной генералъ узнавалъ изъ бюллетеней о побѣдѣ, которой никогда не одерживалъ, или о рѣчи, которой никогда не говорилъ. Другой—вдругъ видѣлъ себя превознесеннымъ въ газетахъ и старался придумать, по какому случаю онъ заслужилъ такое отличіе» [34]).

Но случалось и другое: на самомъ дѣлѣ отличившійся генералъ не находилъ своего имени въ бюллетеняхъ. Тогда онъ и его солдаты обращались къ Бонапарту съ слезной жалобой и просили славы, «которою онъ располагалъ». Бонапартъ умѣлъ отвѣтить такъ, что энтузіазмъ моментально охватывалъ обиженныхъ: «Вы и ваши солдаты—дѣти», говорилъ полководецъ, «слава существуетъ для всѣхъ... Въ другой разъ будетъ ваша очередь пополнить своимъ именемъ бюллетени» [35]).

Слова, откровенныя до наивности: очередь—не совершить дѣйствительный подвигъ, а попасть подъ перо бонапартовскаго секретаря. А это перо само по себѣ совершаетъ и подвиги, и описываетъ неудачи, и совершенно не смущается никакими противорѣчіями. Сегодня оно оповѣщаетъ французовъ, что у всей австрійской царствующей фамиліи нѣтъ и 100.000 франковъ, и даже генералы уже нѣсколько лѣтъ въ глаза не видятъ золотой монеты, а нѣсколько дней спустя оказывается, въ одномъ только городѣ Мюратъ захватилъ 200.000 флориновъ [36]). Съ особеннымъ блескомъ и могуществомъ Наполеонъ будетъ пользоваться этимъ механизмомъ во время похода въ Россію. Вплоть до послѣдняго бюллетеня армія и Франція будутъ слышать только о побѣдахъ и тріумфахъ. Недостатка въ трофеяхъ Наполеонъ никогда не могъ испытывать. Еще до этого похода, онъ приказывалъ вышивать непріятельскія знамена, прострѣливалъ ихъ пулями, и отправлялъ въ Парижъ, на удивленіе «великой націи» [37]).

Но солдаты этимъ не могли смущаться. Спеціально для нихъ

---

[33]) Bourrienne. II, 281, 342; Богдановичъ. *Исторія отечественной войны.* III, 301.

[34]) *B. E.* in. 181.

[35]) Эпизодъ съ генер. Ланномъ.

[36]) *Correspondance de Nap. I.* XI, 351, 358.

[37]) Дубровинъ. *Наполеонъ I въ соврем. ему русск. обществѣ.* Р. Вѣстн. 1895 г., VII, 91.

у Бонапарта обширный репертуаръ литературы отъ напыщенной реторики: вродѣ — сорокъ вѣковъ смотрятъ съ пирамидъ, до казарменнаго остроумія, каковы, напримѣръ, выходки бюллетеней противъ прусской королевы, невѣроятныя публичныя издѣвательства надъ ея интимной жизнью.

И солдаты, очарованные фразой или, необыкновенно счастливые, что могутъ обращаться съ именемъ королевы своихъ враговъ, какъ съ именемъ лагерной маркитантки, чувствовали безконечную благодарность къ великому фокуснику.

И Бонапартъ, сознавая свою силу, гордился ей и послѣ своихъ ораторскихъ упражненій самодовольно заявлялъ окружающимъ: «вотъ какъ надо обращаться съ арміей!..» [38]).

Оставались генералы. Ихъ нельзя было купить фразой и виномъ или бульономъ, хотя бы главнокомандующій раздавалъ его собственноручно [39]). Здѣсь нужны были средства посущественнѣе, и Бонапартъ съ итальянскаго похода начинаетъ систематическое развращеніе генераловъ, потомъ маршаловъ—золотомъ. Здѣсь онъ дѣйствуетъ, какъ тріумвиръ: старается просто купить своихъ помощниковъ, задушить ихъ совѣсть всевозможными благами земными, отдѣлить ихъ отъ прочихъ гражданъ отличіями, громадными имуществами, блестящимъ положеніемъ.

Искушеніе не особенно трудно. Все это—солдаты, въ громадномъ большинствѣ умственно ограниченные, вышедшіе изъ самыхъ низшихъ слоевъ черни. Что должно происходить съ ихъ головами, когда сегодня дали милліонъ, завтра другой, послѣзавтра—титулъ графа, немного спустя принца, а тамъ и короля? Такова карьера Мюрата, трактирнаго полового, Массены, сына виноторговца, Нея — сына бочара, Ожеро — сына каменьщика, перваго герцога Лефевра—сына мельника, и такъ безъ конца.

Ничего, конечно, нельзя возразить противъ самого происхожденія героевъ: таланты не знаютъ сословій. Но это хорошо въ демократическомъ граждански-развитомъ обществѣ, а не тамъ, гдѣ фигура мѣщанина въ дворянствѣ искони была самой благодарной темой сатиры. Самъ Бонапартъ отрицалъ у французовъ всякія способности къ республиканскимъ порядкамъ, не признавая у нихъ никакихъ свободныхъ гражданскихъ чувствъ, и именно поэтому создавалъ изъ ничего герцоговъ и принцевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, съ наибольшей гордостью титулы эти носили бывшіе революціонеры, вродѣ Фуше и Талейрана. Лично необыкновенно

---

[38]) Слова, послѣ прощанія съ гвардіей, во время отреченія.

[39]) *Mém.* II, 704.

Генералъ Бонапартъ

скупой и разсчетливый Бонапартъ не жалѣлъ денегъ для своихъ слугъ. Они скопляли невѣроятныя богатства, помимо дворцовъ и земель. Полмилліона ренты считалось самымъ скромнымъ состояніемъ и такую ренту имѣлъ развѣ какой-нибудь Камбасаресъ, не совершавшій никакихъ военныхъ подвиговъ и способный только къ законнической и канцелярской работѣ.

Но другіе къ чему были способны?

На гражданскомъ поприщѣ, мы выдѣли, у Бонапарта не могло быть серьезныхъ противниковъ. На военномъ мы знаемъ много несомнѣнно храбрыхъ генераловъ вродѣ Ожеро, Бертье, особенно Мюрата, Массены, Сульта... Никто изъ нихъ не боялся пушекъ. но никто также и не носилъ въ душѣ ничего другого, кромѣ боевой отваги, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока денегъ казалось маловато. А потомъ исчезла и доблесть, и вѣрность, и честь.

Для доказательства достаточно вспомнить, что именно самые облагодѣтельствованные и храбрые маршалы первые измѣнили Наполеону и, какъ увидимъ, воспользовались первымъ же случаемъ унизить и оскорбить его лицомъ къ лицу.

Иного результата и не могъ ждать тонкій искуситель душъ человѣческихъ. У Бонапарта не было ни идеи, ни цѣли, способной вызвать у его сподвижниковъ благородный энтузіазмъ, взволновать сердце и отдать его во власть великаго человѣка. Вопросъ шелъ о личномъ успѣхѣ, о цезаризмѣ, о побѣдѣ одного эгоиста надъ десяткомъ другихъ. Приходилось дѣйствовать на низшіе инстинкты, на алчность и тщеславіе. Бонапартъ такъ и поступалъ, вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ своемъ тлетворномъ вліяніи на республиканскихъ генераловъ.

Его отзывы о нихъ самые презрительные. Бертье — приближеннѣйшій къ нему маршалъ,—по мнѣнію очевидцевъ, даже его другъ, и Наполеонъ не уставалъ повторять, что въ умственномъ отношеніи онъ—полное ничтожество, Мюратъ—тоже; это знаетъ даже вся армія. То же самое Моро, Ожеро, Ней, даже Бернадоттъ, Ланнъ. Вся разница между ними въ степени ограниченности: послѣдніе два, напримѣръ, кое-какъ справляются съ мыслями, но за то Мюратъ и Бертье совершенно невмѣняемы, какъ самостоятельныя личности.

А между тѣмъ, Мюратъ—мужъ сестры Наполеона и король неаполитанскій, Бертье—незамѣнимый исполнитель его приказаній, по временамъ вызывавшій у него даже нѣкоторое теплое чувство.

Что же сказать о второстепенныхъ генералахъ?

Можетъ быть, они и не глупы, можетъ быть, и самъ Бонапартъ отчасти преувеличилъ недостатки маршаловъ, за исключе-

ніемъ Бертье и Мюрата, — во всякомъ случаѣ всѣ они сначала наемники цезаря, потомъ перебѣжчики и слуги другого господина.

«Я всѣхъ ихъ возвысилъ не по ихъ разуму», откровенно говорилъ Наполеонъ, и самъ указывалъ, какъ у якобинцевъ, вдругъ очутившихся принцами, закружилась голова. Такъ онъ выражался о самомъ умномъ изъ нихъ, Бернадоттѣ, будущемъ шведскомъ королѣ, Карлѣ XIV.

Сначала Бонапартъ гордился своей политикой, давая славу тѣмъ, кто былъ не въ состояніи съ ней справиться. Но логика нравственнаго закона жестоко отомстила за растлѣніе человѣческой природы, за преступные пути къ власти. Мы увидимъ, какія муки пришлось пережить императору въ минуту невзгодъ и паденія... Кругомъ не нашлось ни друзей, ни спутниковъ несчастья, не нашлось именно тамъ, гдѣ мощная рука съ неограниченной щедростью сыпала золото и почести...

Но пока около Наполеона совершенно преданная свита. Здѣсь даже состязаются въ рабскихъ инстинктахъ. Напримѣръ, между Даву и Мюратомъ происходитъ слѣдующая бесѣда.

Даву говоритъ о преданности своего сослуживца Маре Наполеону. Если бы цезарь приказалъ ему разрушить Парижъ и истребить все населеніе, Маре сохранилъ бы тайну, но вывелъ бы изъ города свою семью. Онъ—Даву—поступилъ бы иначе: изъ боязни вызвать подозрѣнія, онъ оставилъ бы въ обреченномъ городѣ жену и дѣтей [40]).

Зато у Даву было милліонъ ренты, хотя Бонапартъ не считалъ его среди лучшихъ генераловъ [41]).

Замѣчательно, Бонапартъ производилъ въ началѣ подавляющее впечатлѣніе именно на тѣхъ, кто впослѣдствіи нанесъ ему жесточайшія оскорбленія. Ожеро, напримѣръ, не могъ опомниться отъ эффекта при первой встрѣчѣ съ Бонапартомъ въ Италіи. То же самое чувствовалъ Вандаммъ. Въ результатѣ Вандаммъ измѣнилъ Наполеону во время битвы при Ватерло; Ожеро, кромѣ того, поносилъ бранью сверженнаго императора въ лицо, говорилъ съ нимъ на ты, на привѣтствія отвѣчалъ презрительными жестами и первый изъ маршаловъ въ прокламаціи къ арміи объявилъ Наполеона тираномъ, «принесшимъ въ жертву своему жестокому честолюбію милліоны жертвъ».

Всѣ эти факты по существу вполнѣ естествены. Ожеро и Ван-

---

[40]) *Marmont*. I, 194.

[41]) Наполеонъ затруднялся назвать *лучшихъ* генераловъ, и, вынужденный собесѣдникомъ, назвалъ наименѣе громкія имена, кромѣ, развѣ, генераловъ Ламарка и Фуа, Suchet, Clauzel, Gérard. *Mém*. II, 654 etc.

даммъ слыли суровыми вояками, отчаянными республиканцами, и стушевались и даже оторопѣли, лишь только Бонапартъ заговорилъ съ ними въ тонѣ повелителя. Забавно слышать отъ Ожеро, какъ онъ слова не могъ вымолвить въ отвѣтъ на сухія распоряженія генерала и только по выходѣ изъ главной квартиры пришелъ въ себя и жестоко выругался [42]). Бѣдные граждане фантастической республики!

Тѣмъ болѣе бѣдные, что Бонапартъ отнюдь не былъ демоническимъ непреодолимымъ существомъ; такимъ онъ казался только горе-богатырямъ и ограниченнымъ бреттёрамъ. Намъ раскроется тайна бонапартовской психологіи, когда мы увидимъ великаго баловня счастья въ паденіи. Тогда мы будемъ имѣть основанія рѣшить вопросъ, много ли было дѣйствительнаго личнаго величія и нравственной мощи у геніальнаго полководца? А теперь посмотримъ, какъ смотрѣли болѣе проницательные люди на эту способность приводить въ онѣмѣлое состояніе смѣльчаковъ вродѣ республиканца Ожеро, легкомысленныхъ директоровъ и деликатной Жозефины.

«Бонапартъ обладалъ великимъ талантомъ пугать слабыхъ и пользоваться людьми безнравственными» [43]). Вотъ вся политика противъ тѣхъ, кто поумнѣе, и тѣхъ, у кого весь капиталъ въ безсознательныхъ капральскихъ доблестяхъ. Ближайшій спутникъ Бонапарта и его поклонникъ разсказываетъ нѣсколько сценъ, какъ умѣлъ его господинъ пользоваться своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, искусно съ благосклоннаго тона переходилъ въ сухой и рѣзкій, никогда на самомъ дѣлѣ не теряя хладнокровія, извнѣ обнаруживая жестокіе припадки гнѣва [44]). Папа быстро оцѣнилъ, эти таланты, обозвавъ цезаря *comediante*, *tragediante*. И дѣйствительно, артистическія способности—одно изъ наслѣдій итальянскаго происхожденія Буонапарте: ими онъ пользовался всюду, отъ лагеря до дворца.

Не всѣхъ только онѣ ослѣпляли. Впослѣдствіи Александръ I—одинъ изъ невольныхъ зрителей наполеоновскихъ сценическихъ представленій—просто посмѣется надъ ухищреніями и драматическимъ краснорѣчіемъ французскаго императора [45]).

---

[42]) Прокламація Ожеро и его поведеніе въ *Nouvelle relation de l'itinéraire de Napoléon de Fontainebleau à l'ile d'Elbe*, redigé par le comte de Waldbourg. Truchsess. Paris. 1815, 20, 68. О встрѣчѣ Ожеро съ Бонап. въ Италіи. Taine. *Le régime moderne*. I, 21.

[43]) M-me Staël. XIII, 27.

[44]) Duc de Vicence. I, 303; ср. Ремюза. В. E. in. 672.

[45]) Дубровинъ. *Р. В.* in. 106.

Но эти упражненія были совершенно на мѣстѣ сначала въ Италіи, потомъ въ Египтѣ и, наконецъ, въ разныхъ имперскихъ собраніяхъ. Лишь изрѣдка кое-кто догадывался сдѣлать страшному человѣку энергическій отпоръ, и тогда обнаруживалось и замѣшательство, и даже кротость. Когда же этотъ отпоръ устроитъ сама судьба, отъ великаго человѣка останется одинъ призракъ... Но до этого еще далеко...

Плѣнивъ армію, Бонапарту необходимо забросить сѣти на Парижъ: вѣдь, все-таки тамъ пребывала «нація» и источникъ всякихъ конституцій. И вотъ здѣсь-то обнаружился весь дипломатическій геній и вся чисто корсиканская отвага въ притворствѣ, во лжи, въ нарушеніяхъ даннаго слова.

Сначала Бонапартъ, повидимому, искренній и очень симпатичный, Бонапартъ, только что разставшійся съ горячо любимой женой. Онъ теперь могъ оцѣнить, чего стóитъ ея «приданое» и вообще бракъ съ дамой большого столичнаго свѣта, хотя бы репутація этой дамы далеко не напоминала простоту республиканскихъ нравовъ. Но по республикѣ и нравственность, а кромѣ того именно «доброта» Жозефины особенно полезна Бонапарту.

Она живетъ въ полное удовольствіе, окружена друзьями и подругами, вѣсти о побѣдахъ ея мужа привлекли къ ней вниманіе всего Парижа, у нея даже оказалось необыкновенно лестное прозвище: республиканцы не могутъ жить безъ каламбуровъ и Жозефина—*Notre Dame des victoires*.

Мужъ все это знаетъ, и засыпаетъ ее письмами. Жозефина ихъ, конечно, читаетъ своему маленькому двору, и вскорѣ вездѣ узнаютъ, какой страстный супругъ — этотъ побѣдоносный генералъ, какой онъ чувствительный любовникъ и начитанный поэтъ. Еще къ невѣстѣ «нашъ маленькій генералъ» писалъ посланія совершенно въ духѣ Сенъ-Прё, вспоминалъ о горячихъ поцѣлуяхъ, полученныхъ наканунѣ отъ «доброй» Жозефины, умолялъ больше не цѣловать его: поцѣлуи жгутъ его кровь, онъ не можетъ успокоиться ночь и день, вспоминая объ «упоительномъ вечерѣ» и глядя на портретъ милой...

Забудемъ пока, что въ нѣсколько мѣсяцевъ мечтательный Ромео какимъ-то чудомъ превратится въ Фальстафа и подъ жгучимъ солнцемъ Египта будетъ разыгрывать чуть не сцены «оленьяго парка».

Пока весь Парижъ не наговорится о романтическихъ наклонностяхъ генерала. Какъ онъ любитъ жену! Какой онъ восторженный поклонникъ Оссіана!.. Удивительно только, откуда взялся у Наполеоне Буонапарте такой стиль, такая сила и такое изяще-

ство языка? Еще предъ отъѣздомъ въ Италію онъ написалъ одному изъ директоровъ письмо, гдѣ находились такія фразы: «La confiance que m'a montre le Directoire... *me fait un devoir* de l'instuire de toutes mes actions... C'est un *gage de* plus *de* ma ferme resolution *de* ne trouver *de* salut que dans la Republique». Таковъ французскій языкъ Бонапарта въ мартѣ, а въ іюнѣ его письма можно помѣстить въ романъ завзятаго парижскаго bel-esprit...

Напримѣръ, такія изліянія.

«Моя жизнь непрестанный кошмаръ. Роковое предчувствіе мѣшаетъ мнѣ свободно дышать. Я не живу больше, я утратилъ болѣе чѣмъ жизнь, болѣе чѣмъ счастье, болѣе чѣмъ покой; у меня почти нѣтъ надежды».

«Я всегда былъ счастливъ, моя судьба никогда не противилась моей волѣ, а теперь меня постигъ ударъ въ единственномъ дорогомъ для меня предметѣ. У меня нѣтъ ни аппетита, ни сна, ни интереса къ дружбѣ, къ славѣ, къ отчизнѣ; ты, ты, и—весь остальной міръ не существуетъ, онъ будто ничто для меня».

Дальше мы узнаемъ, что и побѣды Бонапартъ одерживаетъ только ради удовольствія Жозефины: иначе онъ «все бросилъ бы и упалъ бы къ ногамъ» супруги. Именно такъ говорятъ античные герои въ трагедіяхъ любимаго поэта Бонопарта—Корнеля... *Онъ* умоляетъ *ее* увѣровать въ его безграничную любовь; любовь эту онъ изображаетъ необыкновенно ухищренными выраженіями, будто изъ романа какой-нибудь г-жи Жанлисъ. Поклявшись, что для него не существуютъ другія женщины, герой продолжаетъ: «Моя душа въ твоемъ тѣлѣ; день, когда ты перемѣнишься, или день, когда ты перестанешь жить,—будетъ днемъ моей смерти; природа, земля прекрасна въ моихъ глазахъ только потому, что ты на ней обитаешь. Если ты этому не вѣришь, если твоя душа не убѣждена, не проникнута этимъ, ты меня огорчаешь, ты не любишь меня. Существуетъ магнетическая жидкость (un fluide magnétique) между существами, любящими другъ друга»...

Надо помнить, — Бонапартъ читалъ Вертера и такъ же внимательно, какъ и *Новую Элоизу*. Но онъ хочетъ превзойти «безуміе» своихъ предшественниковъ. Прочитавъ въ письмѣ Жозефины, будто она беременна, бѣдный главнокомандующій заболѣваетъ ея болѣзнью,—Je suis bien malade de ta maladie!—и въ то же время готовится «выйти изъ жизни», если у супруги окажется любовникъ.

«Перестанешь жить», «выйду изъ жизни» напоминаютъ бюллетени, и, несомнѣнно, все это беретъ начало въ одномъ и томъ же источникѣ.

Библіотека изъ краснорѣчивыхъ беллетристовъ и поэтовъ сослу-

жила большую службу великому артисту. Онъ полной рукою бралъ цитаты или въ письма къ Жезефинѣ, или въ тѣ же бюллетени. Вѣдь, это оружіе одного качества и съ одинаковымъ назначеніемъ, различны только цѣли.

Въ бюллетенѣ читаемъ: «Можно сказать, что смерть ужасалась и бѣжала предъ нашими рядами, чтобы броситься на ряды враговъ» [46]).

Въ письмѣ еще любопытнѣе:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, я обожаю тебя съ каждымъ днемъ все больше: это доказываетъ, какъ невѣрно изреченіе Лабрюйэра, что любовь приходитъ внезапно».

Свѣтская дама должна быть довольна литературнымъ образованіемъ своего корреспондента, если онъ даже по такому случаю ссылается на автора.

Наконецъ, послѣдняя поза мелодраматическаго ingénu:

«Ахъ, я прошу тебя, покажи мнѣ какіе бы то ни было твои недостатки, будь не такъ прекрасна, не такъ граціозна, не такъ нѣжна, и въ особенности не такъ добра!»... «Весь міръ слишкомъ счастливъ, если онъ можетъ тебѣ нравиться». Припѣвъ этихъ арій:

«Милліонъ поцѣлуевъ и даже Счастливчику, не смотря на его злость».

Счастливчикъ, собачка Жозефины, прекрасно дополняетъ литературную идиллію, довольно ловко разыгранную подъ громъ пушекъ, оргію грабежей и опустошеній.

Впрочемъ, добрая Жозефина, повидимому, не особенно довѣряла вертерьядамъ своего мужа.

«Чудакъ этотъ Бонапартъ!» (Il est drôle ce Bonaparte), восклицала она, передавая произведенія мужа друзьямъ.

Но мужу именно послѣднее и требовалось. Благодаря Жозефинѣ онъ устроился какъ солдатъ, благодаря ей, онъ прослыветъ интереснымъ джентльмэномъ, большимъ любителемъ литературы, примѣрнымъ супругомъ. Впослѣдствіи, онъ бюллетени будетъ подписывать такъ: «Бонапартъ, главнокомандующій, членъ института», и даже во время имперіи во главѣ liste civile будетъ стоять: 1.500 фр., какъ члену французской академіи...

Это отнюдь не помѣшаетъ академику держать своихъ «товарищей» въ самыхъ ежовыхъ рукавицахъ, объявлять имъ публичные выговоры за неблагонамѣренныя сочиненія, грозить всю академію

---

[46]) *Correspondance*. XI, 459. Первыя письма изъ Испаніи у Lévy. *O. c.* 115.—Съ іюля 1796 г.—*Lettres de Nap. à Josephine*. Bruxelles. 1833, 2 тома

разогнать, какъ «скверный клубъ», за одно лишь намѣреніе допустить рѣчь Шатобріана къ публичному чтенію,—рѣчь, заключавшую нѣсколько реторическихъ фразъ о свободѣ.

И все-таки Бонапартъ достигалъ великихъ результатовъ своей игрой на тему чувствъ, поэзіи и республиканскаго самоотверженія.

Да, ко всѣмъ итальянскимъ лаврамъ героя, въ Парижѣ прибавили вѣнокъ гражданина, рыцаря свободы.

И иначе нельзя было думать.

Первые античные бюсты, какіе онъ присылаетъ изъ Италіи,— бюсты обоихъ Брутовъ. Ихъ теперь поставятъ въ залѣ законодательнаго корпуса,—въ свое время, конечно, удалятъ.

Прокламаціи Бонапарта къ разнымъ городамъ и республикамъ Италіи написаны будто рукой Катона. Эти прокламаціи, разумѣется, гораздо больше предназначаются для Парижа, чѣмъ для Милана или Венеціи, и парижане ихъ передаютъ изъ устъ въ уста: въ одной говорится о побѣдѣ свободы надъ тиранніей, въ другой— о торжествѣ надъ невѣжествомъ, и такъ далѣе, все самыя либеральныя и возвышенныя чувства.

Жаль только, что это тотъ - же «механизмъ бюллетеней» и истина здѣсь также «играла весьма второстепенную роль».

Вотъ, напримѣръ, два документа отъ мая 1796 года.

Одинъ обращенъ къ «итальянскому народу» и гласитъ: «Французскій народъ другъ всѣхъ народовъ, имѣйте довѣріе къ нему».

Одновременно въ письмахъ къ директоріи читаемъ: «Мы изъ этой страны извлечемъ 20 милліоновъ контрибуціи», и то потому лишь, что край «совершенно истощенъ пятилѣтней войной».

Годъ спустя Венеція узнаетъ отъ Бонапарта, что только она «достойна свободы» и французскій генералъ употребитъ всѣ усилія укрѣпить ея свободу и покрыть славой Италію.

Всего недѣли за три директорія получила донесеніе, гдѣ признавалось необходимымъ уничтожить венеціанское правительство, а сами венеціанцы обзывались «народомъ глупымъ, трусливымъ и совершенно несозданнымъ для свободы»...

Ясно, директорія знала секретъ бонапартовскаго механизма, но отнюдь не протестовала, даже пользовалась имъ.

Во время пребыванія Бонапарта въ Италіи, директоры устроили такъ называемое 18-ое фруктидора (4-ое сентября), т.-е. направили гренадеровъ въ представительное собраніе и арестовали всѣхъ «законодателей», кого считали своими врагами.

Генерала для этой операціи правители попросили у Бонапарта и онъ имъ прислалъ знакомаго намъ суроваго республиканца,

Ожеро, и тотъ исполнилъ порученіе съ истинной любовью къ искусству.

Трудно и представить фактъ болѣе краснорѣчивый и внушительный. Если какой-нибудь Ожеро и Баррасъ могли безнаказанно все что угодно дѣлать съ основными учрежденіями государства, что́ же и говорить о прославленномъ, геніальномъ вождѣ и даровитѣйшемъ обольстителѣ бѣднаго человѣчества! И кромѣ того, самъ же этотъ генералъ въ сущности и былъ виновникомъ успѣшнаго насилія. Посылая Ожеро въ Парижъ, Бонапартъ сочинялъ самыя республиканскія прокламаціи къ арміи, разжигалъ у солдатъ слѣпую ненависть къ врагамъ конституціи, на самомъ дѣлѣ къ тѣмъ, кого онъ самъ считалъ таковыми, и заставлялъ глубокомысленныхъ политиковъ, въ родѣ Бертье, на военномъ праздникѣ провозглашать тосты цитатами изъ бюллетеней [47])...

Трудно и пересчитать, сколько зайцевъ убивалъ Бонапартъ подобнымъ пріемомъ. И, какъ видимъ, для этой охоты отнюдь не требовалось особенныхъ умственныхъ усилій и еще менѣе—мужества. Дичь сама бѣжала въ засаду и съ каждымъ моментомъ все выше поднимала чувство презрѣнія у своего властителя. Впослѣдствіи Наполеонъ даже не будетъ и скрывать этого чувства, а его товарищъ и приближенный объяснитъ все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.

«Можно сказать, что во Франціи рѣшительно всѣ сокращали для Бонапарта путь, приведшій его къ власти» [48]).

Никто, конечно, не станетъ уменьшать силы военнаго генія Наполеона и значенія его побѣдъ. Но вопросъ не въ войнѣ и не въ побѣдахъ надъ внѣшними врагами, а въ торжествѣ надъ внутренней политикой государства. Полководецъ можетъ превратиться въ цезаря лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Задолго до Бонапарта исторія знала такое превращеніе—въ эпоху разложенія римской республики, въ эпоху исчезновенія гражданъ, упадка чувства политической свободы и личнаго достоинства. Франція конца XVIII-го вѣка не страдала пороками Лукулловъ и рабовъ, но относительно *республиканскихъ* добродѣтелей стояла на самой низкой ступени. Тамъ, въ Римѣ, были равнодушны къ свободѣ, потому что не вѣрили въ нее и гражданскій долгъ считали бременемъ безполезнымъ и непріятнымъ. Здѣсь—въ провинціальной Франціи столь же равнодушно встрѣчали самыя разнообразныя конституціи, потому что почти тысячелѣтняя монархія пріучила народъ къ со-

---

[47]) Juirg. III, 183.

[48]) Bourrienne.

вершенно другой власти, и на гражданскій долгъ нація смотрѣла, какъ на нѣчто чуждое, совершенно ненужное и даже опасное. Въ результатѣ краснорѣчивѣйшая картина: послѣ паденія монархіи никто не хочетъ исполнять даже обязанностей избирателя, изъ десяти человѣкъ девять бѣгутъ отъ урнъ, какъ отъ заразы. Въ Парижѣ, конечно, дѣло идетъ иначе. Но и здѣсь внизу непреодолимый ужасъ предъ дальнѣйшимъ ходомъ революціи, вверху—апатія и скептицизмъ...

Врядъ ли во всей исторіи человѣчества представлялись болѣе благопріятныя обстоятельства для возникновенія сильной единоличной власти. Это понимали даже приближенные Бонапарта. Одинъ изъ его генераловъ разсказываетъ, что главнокомандующаго итальянской арміей во всей Франціи привѣтствовали, какъ освободителя отъ террора, всѣ партіи были готовы облечь его диктатурой [49]). И при этомъ еще Бонапартъ съумѣлъ окружить себя ореоломъ поэзіи, просвѣщенной мысли, гражданскихъ чувствъ!..

Впослѣдствіи во всеоружіи цезарской власти Наполеонъ говорилъ: «на моей сторонѣ народъ и армія: надо быть дуракомъ, чтобы не сумѣть царствовать при такихъ условіяхъ» [50]).

Совершенно тѣ же идеи должны были волновать мозгъ Бонапарта въ Италіи, и онъ не скрывалъ ихъ. «Я не могу болѣе повиноваться», говорилъ онъ своей свитѣ, «я вкусилъ власти и не смогу отъ нея отказаться. Моя участь рѣшена; если я не въ состояніи буду стать господиномъ,—я покину Францію».

Но во Франціи именно господина и жаждали.

Генералу правительство и народные представители устроили торжественный пріемъ. Церемонія вышла необыкновенно величественной и многолюдной, совершенно не соотвѣтствующей республиканскимъ нравамъ и идеямъ. Правда, директора были одѣты въ римскіе костюмы, оркестры играли патріотическіе гимны, балдахинъ надъ правителями былъ составленъ изъ непріятельскихъ знаменъ. И среди всего этого блеска и шума, человѣкъ, немного выше пяти футовъ, въ сюртукѣ желѣзнаго цвѣта, окруженный адъютантами. Они сравнительно съ нимъ великаны, но ихъ безгранично покорныя и благоговѣйныя лица даютъ понять публикѣ всю мощь и весь авторитетъ «маленькаго капрала».

Гремятъ клики, аплодисменты и Талейранъ представляетъ директорамъ генерала. Онъ рекомендуетъ героя почти выраженіями бюллетеней и писемъ къ Жозефинѣ. Бонапартъ—освободитель Италіи... Онъ питаетъ отвращеніе къ роскоши и блеску—у него

49) Bourrienne.

50) Ремюза, ib. 684.

для этого слишкомъ необыкновенная душа! Онъ любитъ поэзію Оссіана именно потому, что она уноситъ человѣка отъ земли. Онъ склоненъ къ мечтательному уединенію, и французамъ не только не слѣдуетъ опасаться его честолюбія,—напротивъ, позаботиться вырвать его изъ труженическаго убѣжища...

Супружеская корреспонденція, очевидно, возымѣла полное дѣйствіе. Талейранъ превратился чуть не въ поэта. Впрочемъ, не стало дѣло и за настоящими поэтами: Шенье сочинилъ гимнъ о «гражданскихъ лаврахъ», о французской республикѣ и о мирѣ—достояніи побѣды. Гимнъ распѣвали по всѣмъ улицамъ Парижа...

Что долженъ былъ чувствовать Бонапартъ?

Его окружали преданные солдаты, на улицахъ его карету встрѣчали оваціями, но въ воздухѣ носились звуки: *свобода*, *республика*, *народъ*. Сухое дерево долго еще стоитъ послѣ того, какъ въ немъ замерла жизнь. Такъ и директорія съ ея римскими декораціями.

Можно, конечно, столкнуть съ мѣста истуканъ, утратившій всякій престижъ. Но Бонапартъ считалъ плодъ не вполнѣ зрѣлымъ, фантазію парижанъ недостаточно распаленной и презрѣніе къ республиканскому правительству еще не дошло до неудержимой ненависти. Требуется дать еще нѣсколько представленій—изъ битвъ, прокламацій и изреченій.

«Человѣкомъ можно управлять только при помощи воображенія: безъ воображенія онъ—животное».

Такъ говорилъ Наполеонъ — цезарь. И это было одновременно выводомъ и правиломъ всей его жизни.

Онъ проситъ у директоріи военной экспедиціи. Ему предлагаютъ завоевать Англію. Но это ужъ очень рискованно; генералъ выбираетъ Египетъ: оттуда онъ завоюетъ Индію. И директорамъ пріятно отдѣлаться отъ подозрительнаго завоевателя. Итакъ, Египетъ,—сказочный востокъ, гдѣ все грандіозно—отъ пустынь и пирамидъ до рабства народовъ и подвиговъ царей! Сколько тамъ поводовъ и случаевъ разыграть сильную роль и сказать эффектное слово! А здѣсь, въ легкомысленномъ, забывчивомъ Вавилонѣ можно потеряться въ толпѣ: парижане не любятъ слишкомъ долго предаваться одному чувству и интересоваться однимъ человѣкомъ, особенно если онъ постоянно предъ глазами. Ввиду этого Бонапартъ даже избѣгалъ бывать въ театрѣ, вообще показываться публично... Египетъ явился истиннымъ спасеніемъ.

Цѣлая эпопея—эта египетская экспедиція!

Всѣмъ было извѣстно, что генералъ взялъ съ собой *Ветхій Завѣтъ*, *Оссіана*, *Вертера* и *Новую Элоизу*, свиту ученыхъ и большой запасъ классическихъ восторговъ предъ античными странами. Но дальше начиналась уже настоящая легенда.

На самого Бонапарта Востокъ произвелъ опьяняющее дѣйствіе. Проснулась натура полудикаго бандита, воспрянули инстинкты дѣтища оригинальнаго европейскаго племени, котораго цивилизованнѣйшая въ мірѣ нація не въ силахъ цивилизовать въ теченіи цѣлаго вѣка. Корсиканецъ очутился въ родной стихіи—даже болѣе: здѣсь не было ни Паоли, ни другихъ конкуррентовъ. И мечты разыгрались на просторѣ.

Сегодня Бонапартъ бесѣдуетъ въ пирамидѣ Хеопса съ муфтіями и муллами. Онъ говоритъ въ восточномъ духѣ, въ стилѣ мусульманскаго пророка.

«Слава Аллаху! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ! Хлѣбъ, похищенный злымъ, превращается въ прахъ въ его устахъ».

И муллы отвѣчали:

— Ты сказалъ, какъ ученѣйшій мулла.

«Всѣ, кѣмъ я начальствую, мои дѣти. Мнѣ дана власть закономъ—защищать ихъ».

— О! какъ это прекрасно! Ты сказалъ, какъ пророкъ!..

Дальше Бонапартъ увѣрялъ шейховъ, что онъ можетъ низвести съ неба огненную колесницу, и шейхи уже съ трудомъ находили отвѣтъ [51]).

Оффиціальная парижская газета печатала всѣ эти чудеса, обозначая событія даже по магометанскому календарю. Парижане могли вообразить себя во времена Шехерезады. Что же касается самого героя, у него совершенно закружилась голова. Онъ принималъ депутацію синайскихъ отшельниковъ и вписалъ въ ихъ книгѣ свое имя рядомъ съ именами Али, Саладина, Ибрагима. Онъ уже помышлялъ о созданіи новой религіи, о шествіи по всей Азіи на слонѣ, съ тюрбаномъ на головѣ, съ новымъ кораномъ въ рукахъ, о преобразованіи всего міра по собственному плану. Европа казалась ему жалкой норой, гдѣ нѣтъ мѣста настоящему дѣлу. Европа, кромѣ того, слишкомъ стара и цивилизованна. На Востокѣ Александръ Македонскій могъ объявить себя сыномъ Юпитера, а если бы онъ, Наполеонъ, объявилъ себя сыномъ Предвѣчнаго Отца—въ Парижѣ послѣдняя торговка освистала бы его [52]).

Это обстоятельство особенно смущало пылкаго вождя. Религіозный вопросъ его рѣшительно не затруднялъ. Даже на островѣ св. Елены Наполеонъ все еще восхищался своими египетскими прокламаціями. Въ одной изъ нихъ онъ выдавалъ себя за послан-

---

[51]) *Mémorial.* I, 120; M-me Staël. XIII, 151; Шатобріанъ. III, 156.

[52]) *Marmont.* II, 242; cp. Bourrienne.

ника Бога. «Это было шарлатанство», объяснялъ развѣнчанный цезарь, «но высшаго полета!». Онъ безъ малѣйшихъ затрудненій принялъ бы исламъ, если бы этого потребовали обстоятельства. Вѣдь сказалъ же когда-то Генрихъ IV: «Парижъ стоитъ обѣдни»,— неужели Азія не стоила бы тюрбана и шароваровъ? А въ сущности этимъ все и кончалось. У арміи только оказался бы лишній поводъ посмѣяться [53]).

Но въ дѣйствительности арміи было совсѣмъ не до смѣха.

Именно во время самыхъ великолѣпныхъ представленій генерала армія терпѣла ужасныя лишенія. Въ Сиріи Бонапартъ во время отлива переходилъ Чермное море, а солдаты гибли отъ зноя, жажды и, наконецъ, отъ моровой язвы. Генерала арабы привѣтствовали именемъ *кебира*—отца огня, онъ расписывался рядомъ съ Саладиномъ, позже на островѣ св. Елены эту эпоху своей жизни онъ находилъ «прекраснѣйшей», а между тѣмъ самые отважные генералы, вродѣ Мюрата и Ланна, въ отчаяніи топтали ногами свои генеральскія шляпы на виду у солдатъ, замышляли похитить знамена. Что же происходило съ солдатами? Наполеонъ сознавался,—не будь армія въ его рукахъ, трудно и представить, до какихъ крайностей она дошла бы. Солдаты бросались въ Нилъ, застрѣливались въ присутствіи главнокомандующаго [54]).

Къ бѣдствіямъ пустыни присоединились неудачи, сначала на морѣ, при Абукирѣ, потомъ на сушѣ при Акрѣ. Звѣзда пророческой миссіи начинала тускнѣть, и пророкъ падалъ духомъ. Это существенный фактъ въ психологіи и исторіи Наполеона. Мы встрѣтимся съ нимъ неоднократно. Не было столь дерзкаго предпріятія, которое бы остановило Бонапарта при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и трудно представить, до какого малодушія доходилъ этотъ несравненный полководецъ въ минуту поворота судьбы. У него не было вѣры въ личную мощь, независимую отъ какихъ бы то ни было случайностей. И не было этой вѣры, потому что натура Бонапарта не знала ни нравственнаго принципа дѣятельности, ни общечеловѣческой цѣли. Отъ начала до конца это азартная игра во имя грубѣйшихъ инстинктовъ самовластія и самолюбія. И, можетъ быть, обезчещенный законъ мірового порядка несравненно сильнѣе отомстилъ себя, обнаруживъ въ тяжелый часъ трусость и отчаяніе въ самомъ властителѣ, чѣмъ продажность и измѣну въ его рабахъ. Это отнюдь не наша мораль и не благонамѣренное резонерство враговъ Наполеона. Это—совершенная правда исторіи

---

[53]) *Mémorial*. I, 467—8; II, 749—50.

[54]) *Mém*. I, 112; Шатобріанъ III, 180; Jung. III, 260.

и чистѣйшая логика дѣйствительныхъ событій. Порукой—свидѣтельства или искреннихъ почитателей Наполеона, или людей, не имѣвшихъ никакого повода и желанія извращать факты.

Египетская армія являла ужасающее зрѣлище. Голодная, полураздѣтая, она бросала по пути раненыхъ и зачумленныхъ. Кругомъ пустыня, выжженныя деревни и поля, солнце едва видное сквозь облака дыма. Все, что можно было взять у населенія, давно отнято. Въ войсковой кассѣ пусто совершенно, сумма неуплаченнаго жалованья арміи простирается до четырехъ милліоновъ. А кругомъ фанатики-мамелюки: съ ними ежедневныя сраженія [55]).

Все это разсказываетъ оффиціальное донесеніе генерала, второго послѣ Бонапарта. И при такихъ условіяхъ главнокомандующій уѣзжаетъ изъ Египта тайно, ночью, сдавъ заочно начальство другому и увозя съ собой послѣднія орудія. Правда, въ письмѣ къ своему преемнику онъ обѣщаетъ быть «душою и сердцемъ» съ покинутой арміей... Это не помѣшало генералу погибнуть и арміи окончательно разстроиться.

Иную судьбу сулилъ Парижъ. Сюда Бонапарта уже давно призывали письма брата Люціана, члена представительнаго собранія. Парижъ снова кишѣлъ заговорами, снова назрѣвали перевороты и судороги мертворожденнаго республиканскаго организма. Энергичнѣйшими заговорщиками снова были роялисты, но подавить какой бы то ни было заговоръ для республики означало прибѣгнуть къ военной силѣ, т. е. конституціонную власть превратить въ безконтрольный произволъ «шпаги», отдѣльныхъ личностей. Это необыкновенно простая логика событій, и ее, конечно, Бонапартъ понималъ не хуже другихъ. «Нужно быть военнымъ», «нужна шпага», его любимыя выраженія о республиканской эпохѣ. «При мнѣ мой мечъ, берегитесь!»—его обычный raison suprême на вершинѣ власти [56]). Но приходилось дѣйствовать въ «старой, слишкомъ цивилизованной Европѣ», и помимо меча требовались еще гражданскіе таланты. Мы уже знаемъ, въ какой степени Бонапартъ обладалъ ими, а теперь, вернувшись въ Парижъ, онъ развернулъ ихъ въ небываломъ блескѣ.

«Это одна изъ эпохъ моей жизни, когда я былъ особенно ловокъ», говорилъ онъ самъ о своей политикѣ наканунѣ рѣшительнаго удара.

---

[55]) Донесеніе генер. Клебера у Jung'a. III, 291.

[56]) Welschinger. *La cenzure sous le premier empire.* Paris. 1882, 45.

IV.

«Наполеонъ I—императоръ французовъ».

«Я не узурпаторъ. Я поднялъ корону съ земли, народъ возложилъ мнѣ ее на голову: да будетъ ненарушимъ этотъ актъ!»

Говорилъ Наполеонъ въ государственномъ совѣтѣ [57]).

Раньше, въ моментъ самаго коронованія, рѣчь была еще торжественнѣе. Надѣвая корону на голову, цезарь произнесъ:

«Богъ мнѣ даровалъ ее: горе, кто коснется ея!» [58]).

И эти слова до такой степени восхищали его самого, что онъ повторялъ ихъ и послѣ церемоніи, во дворцѣ, дамамъ и кавалерамъ.

Между обоими, совершенно подлинными, заявленіями большая разница, даже противорѣчіе. Быть государемъ по волѣ народа или милостію Божіею—не одно и то же. Наполеонъ это сознавалъ и въ теченіи всего царствованія тосковалъ о «принципѣ легитимизма». Странно, гордый побѣдитель монарховъ и безпощадный хозяинъ ихъ коронъ и державъ, чувствовалъ къ «врожденнымъ государямъ» своего рода благоговѣніе и интересовался ихъ интимной жизнью и личностями, совершенно какъ мѣщанинъ во дворянствѣ благоговѣетъ предъ настоящимъ дворяниномъ и собираетъ сплетни великосвѣтскихъ салоновъ.

Этимъ чувствомъ весьма многое объясняется въ психологіи и въ правленіи Наполеона.

«Воля народа»—была просто реторическая фраза. Врядъ ли даже Людовикъ XIV съ такимъ презрѣніемъ относился къ народу, къ сенаторамъ, къ министрамъ и въ особенности къ «идеологамъ», какъ Бонапартъ, и имѣлъ всѣ основанія.

Когда цезарь перешелъ Рубиконъ, ему предстояла весьма опасная борьба и съ соперниками-тріумвирами, и съ республиканцами. Ему даже послѣ побѣды суждено было пасть подъ ударами Брута—истиннаго гражданина, восторженнаго поклонника свободы до полнаго непониманія рабской дѣйствительности.

Когда же изъ Египта явился Бонапартъ, даже безъ арміи, явился, въ сущности, дезертиромъ, Парижъ его встрѣтилъ съ *неописаннымъ энтузіазмомъ*. Самъ онъ потомъ говорилъ, что именно этотъ энтузіазмъ возбудилъ въ немъ идею спасти Францію [59]).

---

[57]) *Mém.* I, 101.

[58]) Lévy, 520.

[59]) Lévy, 585.

«Если бы онъ даже упалъ съ неба», говоритъ очевидецъ, «его появленіе не вызвало бы большаго изумленія и восторга»...

Это—народъ.

Изъ пяти директоровъ двое раздѣляли чувства толпы и въ числѣ ихъ Сійэсъ, Руссо революціи de facto, на бумагѣ, по крайней мѣрѣ. Онъ только-что вернулся изъ Берлина, гдѣ былъ посломъ и за какія-то услуги получилъ блестящій подарокъ отъ прусскаго короля и почетный конвой до границы.

Мы уже знаемъ пристрастіе законодателя къ презрѣнному металлу. Но на свѣтѣ всегда такъ бываетъ: разъ пріобрѣтенъ капиталъ, нужны почести, и Сійэсъ уже носился съ новой конституціей, которая должна была сразу убить всѣхъ враговъ республики, и вознести автора и преобразователя на необычайную высоту. Но, по давно уже заведенному порядку, преобразователями должны быть генералы и гренадеры.

Бонапартъ все-все это обѣщалъ и принялъ расходы по операціи на свой счетъ. Сійэсъ отлично зналъ, что у генерала положено въ парижскихъ банкахъ болѣе тридцати милліоновъ денегъ итальянскаго происхожденія, и какихъ-нибудь полтора милліона для него не составятъ большого лишенія, особенно въ виду реформы.

А реформа состояла въ слѣдующемъ:

Сійэсъ уничтожалъ народные выборы, народъ могъ составлять только списки кандидатовъ и уже сенатъ по этимъ спискамъ назначалъ членовъ законодательнаго корпуса и трибуната. Вся «народная» свобода значитъ сосредоточивалась въ сенатѣ, а сенаторы, въ свою очередь, получали жалованье отъ исполнительной власти, трибунамъ предоставлялись пенсіи изъ того же источника за пять лѣтъ службы. Именно *службы*, а не представительства: такъ Бонапартъ и понялъ всю эту машину.

Но законодатель не прочь былъ пойти и еще дальше. Онъ предлагалъ создать великаго избирателя: пусть бы онъ, пребывая въ Версали, получалъ шесть милліоновъ жалованья и назначалъ двухъ консуловъ—консула *мира* и консула *войны*. Больше ничего отъ него не требовалось.

Здѣсь уже генералъ не выдержалъ: до такой степени былъ наивенъ планъ и для него именно поэтому невыгоденъ!

«Какъ вы, господинъ Сійэсъ, могли вообразить, чтобы человѣкъ съ кое-какимъ талантомъ и нѣкоторымъ чувствомъ чести рѣшился играть роль свиньи, откармливаемой милліонами?...»

Общій хохотъ встрѣтилъ остроту [60]...

---

[60]) *Mém.* I, 777.

И такіе-то господа законодательствовали и стояли на стражѣ республики!

Оставались самые свирѣпые революціонеры, якобинцы. Но мы уже отчасти знакомы съ ихъ гражданскими доблестями, самъ Наполеонъ такъ судилъ о своемъ положеніи наканунѣ цезаризма: твердое рѣшеніе войти въ союзъ съ умѣренными грозило ему великими опасностями, съ якобинцами онъ былъ совершенно безопасенъ: *они сами предложили провозгласить его диктаторомъ* [61]).

Бонапартъ ухаживалъ за всѣми, даже за бурбонской партіей, прятался отъ народа по той же старой системѣ—не примелькаться толпѣ и держать ея любопытство въ состояніи возбужденія.

Наконецъ, наступаетъ восемнадцатое брюмера (8-е октября). Это, въ сущности, извѣстное намъ восемнадцатое фруктидора: только другой генералъ напускаетъ гренадеровъ на народныхъ представителей... И кто бы могъ ожидать! Бонапартъ, было, спасовалъ тамъ, гдѣ Ожеро вышелъ героемъ. Удивительная сцена разсказана самыми разнообразными очевидцами, начиная съ брата героя Луціана и кончая Бернадотомъ и роялистскимъ агентомъ.

Слѣдовательно, сцена безусловно историческая.

Бонапартъ вошелъ въ представительное собраніе пятисотъ съ обычной смѣлостью, не разсчитывая на сопротивленіе. Вдругъ со всѣхъ сторонъ загремѣли крики: «Внѣ закона! Бей его!..»

Герой задрожалъ, поблѣднѣлъ и, падая въ обморокъ, едва успѣлъ склонить голову на плечо гренадера и прошептать: «тащите меня отсюда». Солдаты вынесли его на свѣжій воздухъ; Бонапартъ немедленно пришелъ въ себя, сѣлъ на лошадь, объѣхалъ фронтъ и направилъ гренадеровъ въ залу.

Каждый изъ нихъ заранѣе получилъ по двѣнадцати франковъ, очень многіе, кромѣ того, новое платье; было не мало и пьяныхъ. Луціанъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, отказался пустить на голоса предложеніе объявить его брата внѣ закона. Впослѣдствіи, совершенно справедливо, онъ считалъ этотъ отказъ громадной услугой Наполеону. Такъ думали всѣ, и самъ Наполеонъ. Минуты шли, Бонапартъ уже кричалъ солдатамъ: «За мной! я—богъ сегодняшняго дня!»; приказывалъ убивать всѣхъ, кто станетъ сопротивляться; членамъ собранія не оставалось ничего другого, какъ прыгать въ окна.

Нѣсколько дней спустя, Сійэсъ объявлялъ своимъ друзьямъ, весь исполненный изумленія: «Господа, у васъ есть теперь повелитель! Этотъ человѣкъ все знаетъ, всего хочетъ и все можетъ!»

---

[61]) *Mém.* I, 773.

А еще позже старый королевскій дворецъ видѣлъ слѣдующую сцену.

Къ воротамъ подъѣхала королевская карета; лакеи стремглавъ бросились принимать гостя и выстроились по лѣстницамъ. Сквозь ряды быстрой походкой поднимался все тотъ же маленькій человѣкъ, одѣтый съ солдатской простотой, но всей фигурой обличавшій силу и власть. Длинные республиканскіе волосы исчезли, лицо, по словамъ очевидцевъ, странно походившее на маску, преобразилось, пріобрѣло солидную округлость, изящную матовую бѣлизну и вмѣсто—безобразныхъ косицъ—на открытый лобъ небрежно падала одна только прядь. Глаза смотрѣли въ пространство, будто не видя раболѣпія толпы. На лицѣ лежалъ ясный отпечатокъ презрительнаго равнодушія къ этому бѣдному, возбужденному человѣчеству.

Пока предъ нами первый консулъ, но онъ настоящій монархъ по власти, болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ законнѣйшихъ европейскихъ государей.

Вспоминая свой походъ въ Египетъ, онъ говорилъ поэту Лемерсье: «Вы увидѣли бы страну, гдѣ государь считаетъ за ничто жизнь подданныхъ, и гдѣ подданный считаетъ также за ничто свою жизнь; вы тамъ излечились бы отъ своей философіи».

Въ этомъ поученіи чуется невольное тоскливое чувство... Теперь пришло время насытить его.

И кто можетъ быть препятствіемъ? Кому Наполеонъ обязанъ своимъ головокружительнымъ возвышеніемъ? Спустя четыре года его провозгласятъ императоромъ, и кто будетъ особенно помогать этому? Якобинецъ Фуше, революціонеръ Талейранъ. Но, вѣдь, не считаться же съ мнѣніями подобныхъ господъ: достаточно имъ заплатить. *Я* и только *я*, вездѣ и во всемъ, все ради *я* и все благодаря *я*. Такова мораль Бонапарта. И это не эгоизмъ въ обычномъ смыслѣ слова, это—искреннѣйшій *культъ своей личности*, какъ *единственной* среди окружающаго безличія, это одновременно и природа человѣка, и логика жизни, и принципъ нравственности. Высота монумента зависитъ всегда больше отъ его пьедестала, чѣмъ отъ самой фигуры. Такъ и величіе всякаго дѣятеля, и въ особенности исключительно практическаго, какимъ былъ Наполеонъ.

Его колосссальность, какъ любятъ выражаться современные французы, покоится на громадномъ по количеству матеріалѣ, добровольно легшемъ въ подножіе его. Это—французы самыхъ разнообразныхъ партій и сословій: роялисты, либералы, якобинцы, герцоги и маркизы съ вѣковыми гербами, составители конституцій, ученые и поэты, народные представители и бездомные пролетаріи.

Еще въ тюльерійскихъ залахъ носилось дыханіе бурбонской монархіи, еще будто вчера происходили всякіе *lever* и *coucher*, еще свѣжъ весь этикетъ Людовиковъ, а цѣлыя толпы старой знати тѣснятся уже вокругъ новаго властителя. Зачѣмъ? Какія почести можетъ онъ дать, равныя пергаментамъ крестовыхъ походовъ? Можетъ быть, эти потомки средневѣковыхъ паладиновъ хотятъ служить отечеству, гражданскому порядку, жертвовать кровью и жизнью въ борьбѣ съ внѣшними врагами? Нисколько.

У Монморанси и Рогановъ совершенно другая цѣль. «Я,— говорилъ потомъ Наполеонъ,—предложилъ имъ мѣста въ администраціи и въ арміи,—они предпочли мои переднія».

«Чего же хотите вы?—объясняютъ въ свою очередь Роганы и Монморанси,—надо же у кого-нибудь служить» [62]).

И у императора нѣтъ отбою отъ просьбъ на придворныя должности. И не только у него. У каждаго маршала свита составлена изъ юныхъ отпрысковъ древнѣйшихъ фамилій Франціи. Женское поколѣніе не отстаетъ отъ кавалеровъ. Наполеонъ сразу убѣдился, насколько фрейлины изъ старой знати искуснѣе и, главное, сговорчивѣе, чѣмъ дочери новыхъ, созданныхъ имъ, принцевъ. Услуга, отъ которой уклонится дама изъ третьяго сословія, изъ страха унизить себя, исполняется съ необыкновенной легкостью и граціей руками высокородной герцогини. А герцоги, въ свою очередь, наперерывъ припоминаютъ новому хозяину дворца разныя подробности королевскаго этикета, объясняютъ ему тайну реверансовъ, спеціальные способы подавать его величеству депеши и письма, завѣтныя формулы словеснаго обращенія съ нимъ, вообще всю хитрую науку «придворнаго ласкательства», и Наполеонъ принималъ эти сообщенія съ такой серьезностью какъ будто вопросъ шелъ о спасеніи человѣческаго рода [63]).

Онъ былъ правъ. Спасать человѣческій родъ хотѣли какіе-то «метафизики», давно уже погибшіе на гильотинѣ или задушенные въ тюрьмахъ. Теперь на первомъ планѣ—умѣть повелѣвать, съ одной стороны, и умѣть повиноваться—съ другой. И первое искусство безконечно облегчается необыкновеннымъ прогрессомъ второго.

Да, очевидецъ правъ. Бонапартъ, съ быстротой сказочнаго принца перелетѣвъ изъ мансарды *Отеля свободы* въ Тюльери и, еще консуломъ, видя совершенно восточное раболѣпство самыхъ свѣжихъ республиканцевъ,—съ каждымъ днемъ могъ убѣждаться

---

[62]) M-me Staël. XIII, 222; XV 98. *Mémorial*. I, 366, 716.

[63]) Staël. XIII, 221.

въ одной неотразимой истинѣ: «власть надъ землей—дѣло весьма простое» [64]), точнѣе, власть надъ Франціей начала XIX-го вѣка.

Властитель даже врядъ ли и ожидалъ такого легкаго и въ то же время блестящаго приза. По крайней мѣрѣ, у него явно захватываетъ духъ отъ самодовольства. Онъ не знаетъ, какъ и оцѣнить себя, какое слово произнести публично въ честь своего ума и генія.

Сенатъ, государственный совѣтъ, весь дворъ, приближенные маршалы, даже дамы только и слышатъ слѣдующія рѣчи:

«Вы всѣ не знаете, что̀ такое правительство; вы не имѣете и представленія о немъ; только я, благодаря своему положенію, знаю, что такое правительство» [65]).

О министрахъ:

«Я болѣе старый администраторъ, чѣмъ они; когда надо извлечь изъ собственной головы средство—прокормить, содержать, дисциплинировать, одушевить однимъ и тѣмъ же духомъ и одной и той же волей нѣсколько сотъ тысячъ людей вдали отъ ихъ родины,—тогда скоро познаются всѣ тайны администраціи» [66]).

Это разсужденіе особенно любопытно. Наполеонъ не зналъ иныхъ вопросовъ и цѣлей государственнаго управленія, кромѣ военныхъ и необходимыхъ въ военное время. Эту идею онъ не преминетъ осуществить во всемъ ея объемѣ, попытается всю Францію превратить въ боевой лагерь и, какъ увидимъ, весьма многое успѣетъ сдѣлать на этомъ пути.

Дальше:

«Я люблю власть, да; но люблю ее, какъ артистъ... Люблю ее, какъ музыкантъ любитъ свою скрипку; люблю ее затѣмъ, чтобы извлекать изъ нея звуки, аккорды, мелодіи...» [67]).

Понималъ ли Бонапартъ, что̀ онъ въ сущности говорилъ этимъ артистическимъ сравненіемъ, но на дѣлѣ онъ до конца осуществлялъ идеалъ своего рода чистой художественной власти, т. е. власти ради нея самой, безъ всякаго отношенія къ ея орудіямъ и жертвамъ. Мы это откровеніе должны помнить: оно объяснитъ намъ множество фактовъ, часто въ высшей степени мелкихъ, даже пошлыхъ, но служившихъ необходимыми аккордами въ мелодіи Наполеона.

Еще одно также въ высшей степени краснорѣчивое признаніе: «Моя любовница—это власть. Я слишкомъ много сдѣлалъ, что-

[64]) Ib. 171.

[65]) Raiderer. O. compl. III, 548, 332.

[66]) Mollren. *Mém.* I, 348.

[67]) Raiderer. O c. III, 541, 313.

бы овладѣть ею, и не могу допустить, чтобы ее похитили у меня: не могу стерпѣть, чтобы даже вожделѣли о ней».

Здѣсь не только любовь, но и ревность,—и ревность неумолимо-жестокая,—и болѣе подозрительная, чѣмъ въ письмахъ итальянскаго главнокомандующаго къ легкомысленной супругѣ.

Вотъ два основныхъ психологическихъ факта, данныхъ намъ самимъ героемъ. Сдѣлайте совершенно логическіе выводы, и дѣйствительность подвердитъ ихъ съ поразительной точностью.

Властитель-художникъ и *властитель-ревнивецъ*: въ этихъ типахъ весь Наполеонъ.

Для художника—драгоцѣнна каждая черта его произведенія, для музыканта исполненъ сладости каждый звукъ любимой мелодіи, для поэта—незабвенна каждая минута вдохновенія. Для нихъ ничего нѣтъ мелкаго, второстепеннаго, ничтожнаго. Все до послѣднихъ ударовъ кисти и едва слышной замирающей ноты—все для нихъ сливается въ чудную гармонію.

То же самое для Наполеона неограниченная власть.

Сначала основная тема: вся Франція должна представлять изъ себя послушный, чуткій, безукоризненно настроенный инструментъ. Стоитъ лишь прикоснуться рукѣ артиста, и инструментъ издастъ непремѣнно одинъ изъ звуковъ заранѣе опредѣленнаго аккорда. Инструментъ—громадный и для этого устроены сотни, тысячи смычковъ, цѣлый оркестръ. Это—префекты.

Послушайте, какъ Наполеонъ уже на островѣ св. Елены изображалъ свое управленіе,—вамъ невольно представится великій артистъ.

«Организація префектуръ, ихъ дѣятельность, результаты были восхитительны и сверхъестественны. Одинъ и тотъ же толчекъ въ одно мгновеніе сообщался болѣе чѣмъ сорока милліонамъ людей, и при посредствѣ этихъ центровъ мѣстной дѣятельности движеніе было такъ же быстро на окраинахъ, какъ и въ центрѣ.

«Префекты, при своей власти и мѣстныхъ средствахъ, какими они были снабжены, являлись сами *императорами малаго колибра*; и такъ какъ они получали силу только отъ перваго толчка и были лишь его органами, и такъ какъ все ихъ вліяніе зависѣло исключительно отъ ихъ временныхъ обязанностей и отнюдь не было личнымъ и они вовсе не были привязаны къ краю, которымъ управляли, то въ результатѣ всего этого префекты являли всѣ достоинства старыхъ самодержавныхъ главныхъ правителей, и были чужды всѣмъ ихъ недостаткамъ...

«Было необходимо, чтобы всѣ нити, исходящія отъ меня, находились въ гармоніи съ первоисточникомъ (т.-е. съ диктатурой,

по объясненію Наполеона), иначе не были бы достигнуты результаты. Правительственная сѣть, которой я покрылъ страну, пріобрѣтала страшное напряженіе, чудовищную эластическую силу, если бы пришлось отразить ужасные, вѣчно угрожавшіе удары»[68]).

Наполеонъ въ картину своего художественнаго созданія вводитъ причину его возникновенія и произноситъ длинную рѣчь о необходимости военной диктатуры во Франціи послѣ революціи.

Противъ этого нельзя возражать: наслѣдствомъ террора и директоріи могла быть только сильная власть. Но, во-первыхъ, такая власть требовалась преимущественно въ очагѣ революціонной бури, въ Парижѣ, и то не на пятнадцать лѣтъ наполеоновскаго правленія. Цезарь нашелъ подавляющее большинство населенія готовымъ воспринять какой угодно порядокъ, лишь бы это былъ дѣйствительно порядокъ. Правда, по странѣ расплодились разбойничьи шайки, но въ первые же годы консульства онѣ были совершенно уничтожены, и крестьяне, по словамъ очевидцевъ, снимали даже шапки передъ жандармами [69]). Зачѣмъ же требовалось съ годами не только усиливать «сѣть», но прямо душить страну и превращать ее въ сплошной многомилліонный боевой строй посредствомъ «военной классификаціи»? Зачѣмъ было вводить въ школы барабанъ и военную дисциплину, учителями ставить старыхъ унтеръ-офицеровъ, ретивыхъ служакъ, но наводившихъ ужасъ на родителей грубостью и совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи? Съ какой цѣлью правитель свой *университетъ*, т. е. преподавательскую и начальническую корпорацію народнаго просвѣщенія, стремился организовать по образцу іезуитскаго ордена,—это подлинное выраженіе самого организатора,—ввести цѣликомъ, казарменный режимъ, военную систему взысканій съ этихъ совершенно невѣдомыхъ міру подвижниковъ канцелярскаго аскетизма? Неужели еще въ 1812 году *Лѣтописи* Тацита и похвальное слово Марку Аврелію могли грозить революціей? Съ такимъ ожесточеніемъ эти книги преслѣдовались въ школахъ! И неужели для общественнаго порядка было необходимо, чтобы въ концѣ правленія Наполеона воспитанники Нормальной школы выходили изъ своей учебной тюрьмы не иначе, какъ отрядами, въ формѣ и подъ начальствомъ инспекторовъ? Какую цѣль могли имѣть настоящіе военные походы капитановъ и прочихъ армейскихъ чиновъ для наблюденій надъ казарменной дисциплиной въ школахъ, надъ манежами и смотрами, замѣнявшими рекреаціи и

---

[68]) *Mémorial*. II, 400—1.

[69]) Raiderer. III, 384.

экзамены? Что означало полнѣйшее равнодушіе императора къ начальной, народной грамотности до такой степени, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ на двадцать или тридцать общинъ приходился одинъ учитель и умѣнье читать и писать считалось величайшей ученостью?

Въ самомъ началѣ императорства Наполеона въ русскомъ журналѣ сообщалось, что въ отечествѣ Фенелоновъ и Расиновъ, по волѣ цезаря, говорили и писали слѣдующее: «математика сушитъ сердце, медицина есть наука обмана, физика и химія ведутъ къ безбожію, поэзія—припадокъ праздныхъ головъ, краснорѣчіе—рычагъ къ ниспроверженію государствъ и науки вообще совсѣмъ ненужны обществу, одно только военное дѣло и военныя школы необходимы государству» [70]).

Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Математика и медицина допускались императоромъ, но въ самыхъ узкихъ спеціальныхъ предѣлахъ. По мнѣнію Наполеона, настоящаго довѣрія заслуживають лишь медики, не знающіе естествено-математическихъ наукъ. То же самое и юристы: имъ не зачѣмъ было знать такихъ предметовъ, какъ политическая экономія, исторія права, иностранныя законодательства. Достаточно выучить кодексъ Наполеона.

Такіе взгляды удивляли не только иностранцевъ, они приводили въ крайнее смущеніе самихъ французовъ. «Бонапартъ хотѣлъ дать французскому юношеству организацію мамелюковъ», говорили современники. На счетъ этихъ мамелюковъ упрекалъ Наполеона и его братъ Луціанъ [71]). Система была всѣмъ ясна и становилась яснѣе съ теченіемъ царствованія. Именно подъ конецъ имперіи окончательно восторжествовалъ барабанъ въ школахъ, ученикамъ только и толковали о войнахъ и побѣдахъ, сочиненія давали на темы наполеоновскихъ подвиговъ, по всѣмъ лицеямъ размѣстили тысячи стипендіатовъ — дѣтей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ — съ наказомъ водворять вѣрноподданническій и армейскій духъ въ товарищахъ и, наконецъ, все зданіе увѣнчалось оригинальнѣйшимъ проектомъ *военной классификаціи*.

Онъ остался невыполненной, но «прекраснѣйшей мечтой» Наполеона.

И все это будто бы являлось послѣднимъ словомъ государственной мудрости, неизбѣжнымъ развитіемъ спасительной диктатуры!

Окончательно убить народную жизнь и національную мысль,

---

[70]) Дубровинъ. *Р. В.* 1895, VI, 206.

[71]) Lucien у Jung'a. III, 329.

обезличить всѣхъ, отъ десятилѣтняго школьника до старѣйшаго министра, всѣхъ затянуть въ солдатскій мундиръ и на всю жизнь поставить въ строй или запереть въ казарму,—нѣтъ, это не значитъ водворять порядокъ, не значитъ просто—управлять государствомъ.

И въ этомъ смыслѣ понимали власть Наполеона всѣ, кромѣ его рабовъ; въ той же Россіи сомнѣвались, чтобы въ артиллерійской школѣ можно было научиться управлять имперіями и чтобы «рука, привыкшая дѣйствовать прибойникомъ», могла съ достоинствомъ держать скипетръ [72]).

Наполеону это достоинство было совершенно не по натурѣ. Правда, онъ любилъ давать торжественныя аудіенціи, ввелъ самый пышный и самый мелочной этикетъ, какой только былъ извѣстенъ въ Европѣ, садился на тронъ при всякомъ поводѣ, даже залу государственнаго совѣта устроилъ на манеръ тронной, но весь церемоніалъ и блескъ не мѣшали ему поминутно впадать въ рѣзкій и крайне оскорбительный солдатскій тонъ. Исторія Наполеона знаетъ не мало безпримѣрно пышныхъ церемоній, напримѣръ, освященіе конкордата, коронованіе Бонапарта императоромъ и королемъ. Всѣ эти событія сопровождались ослѣпительными балами и банкетами. Но скука и затаенный страхъ сковывали всякое желаніе веселиться. На вечерахъ присутствовала тысячная толпа, а между тѣмъ кругомъ царило самое глубокое молчаніе. Цезарь изумлялся, но Талейранъ, лукавѣйшій изъ царедворцевъ, съ истинной откровенностью камердинера и «своего человѣка», рѣшалъ вопросъ коротко и ясно:

«Веселье нельзя вести съ барабаннымъ боемъ...»

Всюду этотъ барабанный бой: въ казармахъ, на улицахъ, даже въ придворныхъ салонахъ. Въ школахъ, конечно, при такихъ условіяхъ, трудно было учиться, при дворѣ веселиться, а на улицахъ даже дышать [73]).

Но за то необыкновенно просто становилось играть «на инструментѣ власти», какъ выражался самъ цезарь. Музыка упрощена до послѣдней степени. Въ сущности, вся имперія тянетъ или, по крайней мѣрѣ, должна тянуть одну и ту же ноту. Тонъ заданъ разъ навсегда, и необыкновенно энергичный по военному и освященъ авторитетомъ церкви и св. Писанія.

Наполеонъ, мы уже знаемъ, отнюдь не былъ вѣрующимъ католикомъ. Религія для него заключалась въ костюмѣ и обрядахъ,

---

[72]) Дубровинъ. *Ib.* IV, 217.
[73]) Staël. XIII, 158.

необходимыхъ для управленія чернью. На островѣ св. Елены онъ говорилъ, что у него уже съ тринадцатилѣтняго возраста исчезло всякое опредѣленное религіозное чувство. И трудно было вынести подобное чувство изъ семьи, гдѣ отецъ упражнялся въ «философскихъ» поэмахъ. Въ результатѣ, по мнѣнію цезаря, всѣ религіи и даже различныя философскія системы религіознаго направленія—*идеологія*, какъ и вообще все принципіальное, идейное, общенравственное [74]). Но религія необходима, какъ острастка для невѣжественнаго злодѣя, а духовенство не что иное, какъ gendarmerie sacrée, священная жандармерія, архіепископъ—тотъ же полицейскій префектъ. Наполеонъ даже боялся, какъ бы его подданные не заразились слишкомъ настоящей религіей. Въ школахъ дозволялась лишь казенная молитва, воспитанники не должны быть «ни слишкомъ набожными, ни слишкомъ невѣрующими»; преподавать богословіе повелѣвалось «съ нѣкотораго рода философскимъ и свѣтскимъ» направленіемъ...

И эта странная программа вполнѣ естественна съ точки зрѣнія властителя-артиста. Онъ боится, какъ бы религіозное чувство и искренняя преданность церкви не внесли диссонансъ въ его барабанный оркестръ. И онъ не перестаетъ тосковать о магометанскомъ коранѣ, соединяющемъ въ себѣ и свѣтскіе, и духовные законы. Ему даже недостаточно римскаго папства: онъ хочетъ полнѣйшаго духовнаго и матеріальнаго объединенія власти и ея орудій.

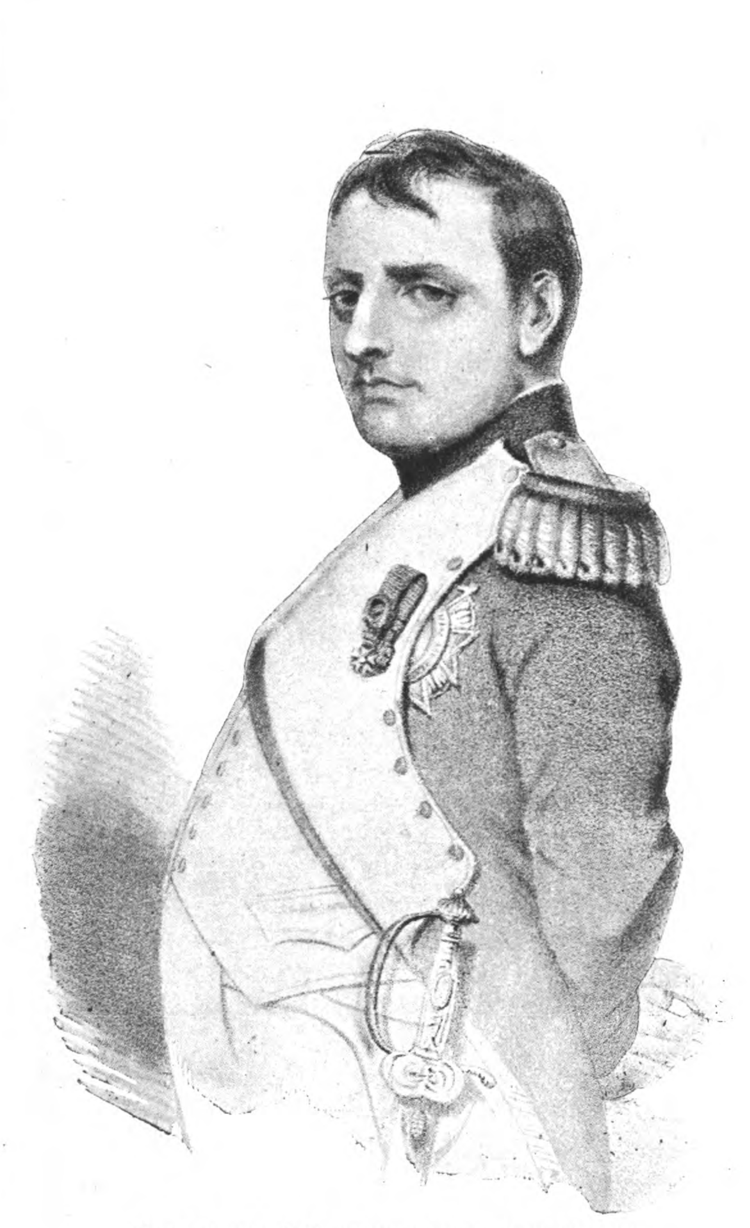
Вводя барабанъ и военную дисциплину, какъ императоръ, Наполеонъ создалъ въ то же время и духовное оружіе, какъ первосвященникъ,—оружіе лично для своего употребленія. Послѣ молитвъ въ умѣренномъ количествѣ, школьники учили слѣдующій *Катехизисъ*. Сначала шло объясненіе, что служить «Наполеону I значитъ служить самому Богу», потомъ:

Вопросъ. Не существуетъ ли особенныхъ причинъ, которыя должны сильнѣе привязывать насъ къ Наполеону I, нашему императору?

Отвѣтъ. Да; потому что онъ тотъ, кого призвалъ Господь въ трудныхъ обстоятельствахъ возстановить общественное отправленіе святой религіи нашихъ отцовъ и быть ея покровителемъ. Онъ возстановилъ и сохранилъ общественный порядокъ, благодаря своей глубокой и дѣятельной мудрости; онъ защищаетъ государство своею мощною рукой, онъ сталъ помазанникомъ Господа черезъ благословеніе, полученное имъ отъ первосвященника, главы всемірной церкви.

---

[74]) Thibaudeau. II, 151. (*Le consulat et l'empire*). Mémorial V, 259.



Наполеонъ I-й, императоръ французовъ.

Вопросъ. Какъ должно думать о тѣхъ, которые нарушаютъ свои обязанности къ нашему императору?

Отвѣтъ. По словамъ святого апостола Павла, они сопротивляются велѣніямъ самого Бога и заслуживаютъ вѣчнаго осужденія.

Это называлось *Катехизисомъ Боссюэта.* Знаменитый прелатъ Людовикъ XIV считался главой галликанской церкви, т. е. національной и независимой.

Чтò собственно слѣдовало понимать подъ Катехизисомъ Боссюэта и его галликанствомъ въ эпоху имперіи, неоднократно объяснялъ самъ Наполеонъ.

Вотъ двѣ вполнѣ краснорѣчивыхъ сцены.

Императоръ узналъ, будто одинъ изъ епископовъ получилъ отъ папы письмо. Переписываться французскому духовенству съ римскимъ первосвященникомъ было запрещено безъ вѣдома правительства. Наполеонъ обратился къ епископу:

«Я слышу, толкуютъ о вольностяхъ галликанской церкви. На всякій случай у меня есть мечъ на готовѣ, берегитесь!»

Другой епископъ разсказывалъ, какъ императоръ пускался съ ними въ богословскія пренія и говорилъ имъ:

«Господа епископы, моя религія это религія Боссюэта; я вижу въ немъ отца церкви, онъ защищалъ наши вольности, я желаю сохранить его дѣло и поддерживать ваше собственное достоинство. Слышите ли, господа?»

«И говоря это, блѣдный отъ гнѣва, онъ хватался рукою за рукоятку шпаги и возбуждалъ во мнѣ трепетъ горячностью, съ какой готовился оборонять насъ».

При всемъ ужасѣ положенія, епископа невольно забавляла «странная амальгама имени Боссюэта, слòва «свобода» и этотъ угрожающій жестъ». Но Бонапартъ былъ вообще мастеръ на подобныя амальгамы. Это тоже своего рода «механизмъ фразъ и понятій».

По поводу преподаванія богословія онъ говорилъ о «философіи», по поводу своего законодательства о «либеральныхъ идеяхъ» и, наконецъ, всю свою систему называлъ «возстановленіемъ и освященіемъ разума», эта система, будто бы, давала подданнымъ Наполеона возможность «вполнѣ пользоваться и невозбранно наслаждаться всѣми человѣческими способностями»...

И это было высказано не въ самый разгаръ власти, а въ минуты самоуглубленія и сравнительнаго покоя на островѣ св. Елены...

Тогда Бонапартъ не хватался за шпагу... Но въ теченіи всего правленія это его инстинктивный и неизбѣжный жестъ, его послѣднее и неопровержимое доказательство. И опять «амальгама».

Доказывать шпагой, по мнѣнію Наполеона, значило «пріурочивать законы къ знанію человѣческаго сердца и уроковъ исторіи».

По истинѣ артистическая игра! Въ оркестрѣ одинъ барабанъ и играется вѣчно одна и та же пьеса изъ *Катехизиса Боссюэта*, а между тѣмъ въ либретто представленія все, что угодно—и сердце. и идеи, и исторія, и разумъ. Надъ страной тяготѣетъ единственный знакъ власти—*мечъ*, и онъ въ то же время дирижерскій жезлъ артиста, а между тѣмъ—народамъ предлагается «вполнѣ пользоваться всѣми человѣческими способностями».

Одно изъ двухъ: или ихъ мысль и слово и знаніе не принадлежатъ къ человѣческимъ способностямъ, или предъ нами одинъ изъ самыхъ талантливыхъ наполеоновскихъ бюллетеней.

Нѣтъ. Пусть цезарь остается при своемъ мѣткомъ и правдивомъ опредѣленіи собственной власти, какъ художественнаго наслажденія. Тогда только мы психологически поймемъ не только пятнадцатилѣтнюю муштру нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, но много и другихъ вещей, на первый взглядъ совершенно недостойныхъ мощнаго властителя. Артисты — народъ необыкновенно мелочной и самолюбивый въ вопросахъ о своемъ искусствѣ и талантѣ. Это фактъ неоспоримый. Наполеонъ изъ ихъ семьи. Правда, его роль превосходитъ грандіозностью роли всѣхъ въ мірѣ трагиковъ, но это не мѣшаетъ ей по *психологическому содержанію* быть крайне простой и однообразной.

Любопытнѣйшая черта въ личности Наполеона—фанатическое пристрастіе къ мелочамъ и поразительная память на вещи, повидимому, безусловно лишнія и микроскопическія при управленіи громадной имперіей. Эти свойства приводятъ въ несказанное умиленіе новыхъ историковъ. Они непремѣнно разскажутъ вамъ, какъ онъ вспомнилъ о двухъ пушкахъ, оставленныхъ въ Остенде [75]). Это обстоятельство стало прямо классической чертой наполеоновскаго генія. И дѣйствительно, оно возможно только при особенномъ направленіи и развитіи ума.

При какомъ же?

Наполеонъ съ трудомъ могъ запомнить александрійскій стихъ, и между тѣмъ легко помнилъ *факты* и *мѣстности*. Математикъ и географъ, знакомый намъ еще изъ Бріеннской школы!

Но не въ этомъ дѣло. Какая математика и какая географія входили въ мозгъ цезаря?

Математика, какъ счетоводство, и географія—какъ топографія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова.

---

[75]) Taine. *O. c.* 32; Lévy. *O.* c. 601.

Наполеонъ родился еще болѣе страстнымъ экономомъ и бухгалтеромъ, чѣмъ солдатомъ, унаслѣдовалъ скопидомческіе таланты матери во всемъ объемѣ. Можно, конечно, быть очень бережливымъ государемъ: такимъ былъ, напримѣръ, Петръ Великій. Можно съ большимъ успѣхомъ копить деньги: этимъ, напримѣръ, отличались многіе прусскіе короли. Но могло ли придти въ голову кому-нибудь изъ названныхъ государей пересчитывать куски сахару, израсходованные на угощеніе двора, провѣрять счета жениной прачки, лично, переодѣвшись, ходить по магазинамъ, справляться о цѣнѣ вещей и продуктовъ [76])? Легко представить эффектъ всѣхъ этихъ артистическихъ выходокъ, въ особенности изумленіе подрядчиковъ и поставщиковъ! По существу, весьма пошлая сцена принимала размѣры настоящаго событія, и въ такомъ именно тонѣ намъ разсказываютъ объ этихъ сценахъ очевидцы и за ними повторяютъ новѣйшіе обожатели закулисныхъ странностей великихъ людей.

Можетъ быть, считать куски сахару, листья салата и гроздья винограда, дѣйствительно, значило сберегать государственную казну?

Отнюдь нѣтъ. Франки, съэкономленные на сахарѣ и салатѣ, составляли буквально милліонную долю въ подаркахъ маршаламъ, въ расходахъ на необыкновенно многочисленныхъ и многообразныхъ шпіоновъ, внутри и внѣ Франціи, на постоянныя раздачи денегъ солдатамъ, уже совершенно по преторіанскому обычаю, и безусловно неизвѣстно, въ какой пропорціи счета прачекъ стояли къ пяти милліардамъ, израсходованнымъ собственно Франціей на наполеоновскія войны съ 1802 года по 1814-й?

Устраивать драматическія сцены изъ-за нѣсколькихъ су и засыпа̀ть золотомъ совѣсть и честь «якобинцевъ, потерявшихъ головы», это врядъ ли признакъ государственнаго ума и серьезной, да еще геніальной политики.

Въ жизни часто встрѣчаются психологическіе курьезы въ родѣ отчаянныхъ мотовъ, прожигающихъ милліоны и считающихъ копѣйки. Никому и въ голову не приходитъ называть ихъ мудрецами. И не потому, чтобы предметы ихъ мотовства слишкомъ низки, напримѣръ, картежная игра. Въ данномъ случаѣ, безразлично съ общей нравственной точки зрѣнія, *на какую страсть* тратятся легко доставшіяся деньги. Наполеонъ совершенно былъ равнодушенъ къ наслажденіямъ кухни и лишь изрѣдка игралъ въ карты, обязательно плутуя при проигрышахъ, но зато его мучилъ

---

[76]) Lévy, 517. *Mémorial* V, 259.

чудовищно развитой аппетитъ въ другомъ направленіи, и цезарь велъ другую, неизмѣримо болѣе азартную и убыточную игру.

Истратить милліарды денегъ, погубить, по крайней мѣрѣ, три милліона однихъ французовъ, и оставить страну униженной и обобранной, стóитъ всякаго эпикурейскаго увлеченія, и копѣечная разсчетливость Наполеона, сама по себѣ, можетъ быть, и очень любопытная, особенно въ смыслѣ анекдота и историческаго курьеза, на самомъ дѣлѣ обыкновенный, отчасти патологическій фактъ—и свидѣтельствуетъ онъ отнюдь не о глубинѣ и силѣ умственныхъ и государственныхъ способностей. Просто, характерная черта азартнаго игрока и страстнаго прожигателя жизни.

Двѣ остендскихъ пушки Наполеонъ прекрасно помнилъ, но зато у него быстро исчезали изъ памяти десятки тысячъ человѣческихъ жизней, загубленныхъ въ томъ или другомъ сраженіи. Онъ рѣшительно ни во что ставилъ цѣлыя арміи. Этотъ фактъ онъ самъ подтвердилъ, разсказывая о своемъ походѣ на Россію.

Походъ этотъ, какъ и всѣ другіе, былъ совершенъ съ быстротой, столь изумительной для почитателей наполеоновскаго генія, но эта именно быстрота стоила арміи величайшихъ лишеній. Наполеонъ не считалъ нужнымъ запасаться фуражемъ, не устраивалъ складовъ продовольствія, движеніе войскъ могло быть очень быстрымъ, но до послѣдней степени рискованнымъ. Первое же замедленіе или неудача отражались на солдатахъ всевозможными бѣдствіями. Это именно произошло въ Россіи и самъ Наполеонъ, уже въ изгнаніи, признавался, что началъ походъ безъ должныхъ приготовленій. Любопытно объясненіе, почему онъ поторопился.

Оно для насъ, въ сущности, не ново, важно только слышать его изъ устъ самаго Наполеона и по поводу величайшаго историческаго событія.

Наполеонъ игралъ изъ себя интереснаго незнакомца, конечно, и на тронѣ, и окружалъ себя «ореоломъ» таинственности, или какъ онъ выражается, «чѣмъ-то смутнымъ, столь чарующимъ толпу». Для этой цѣли ему требовались внезапные и блестящіе подвиги, необходимо было поражать неожиданностями, не давать мѣста разнымъ догадкамъ и пересудамъ. Отсюда, молніеносное предпріятіе завоевать Россію, и гибель полъ-милліоной арміи [77]).

Несомнѣнно, въ подобномъ подвигѣ даже самые горячіе составители наполеоновской легенды не откроютъ ни капли дѣйствительнаго политическаго генія, а просто разсчетъ отчаяннаго авантюриста и азартнаго игрока. Мы приходимъ, слѣдовательно,

---

[77]) *Mémorial* I, 419; Staël, XIII, 235; Taine. *O. c.* 115, 105.

къ нашему общему положенію относительно пресловутаго домостроительскаго таланта Наполеона. Съ этимъ впечатлѣніемъ именно *азартнаго игрока* мы встрѣтимся еще неоднократно.

Дальше. Сверхъестественная способность Наполеона запоминать мѣстности. Но что̀ именно запоминать? Наполеонъ самъ на это отвѣчаетъ: гдѣ и какъ можно дать сраженіе, т. е. онъ помнитъ всѣ подробности относительно природы даннаго края, вродѣ долинъ, горъ, лѣса, рѣки.

Но, мы знаемъ, Наполеонъ не могъ запомнить стиха и прекрасно помнилъ множество цифръ, даже двѣ пушки; здѣсь тоже самое: запоминается страна, какъ безличная мертвая основа для военныхъ маневровъ, но спросите у Наполеона о культурномъ характерѣ страны, т. е. о населеніи, его нравахъ, его политическихъ задачахъ, его гражданскихъ свойствахъ, и вы получите самыя фантастическія свѣдѣнія.

Наполеонъ перебывалъ во всѣхъ странахъ культурной Европы, не былъ въ Англіи, но зато всю жизнь напряженно интересовался ею, какъ, по его мнѣнію, сильнѣйшей соперницей Франціи и его власти. Что же онъ вынесъ изъ своего опыта и изученія?

Отвѣтъ единодушный всѣхъ свидѣтелей, кого только касается вопросъ, и отвѣтъ, снова вызывающій предъ нами фигуру артиста самовластія.

О народахъ Наполеонъ судитъ такъ же презрительно, какъ и о своихъ министрахъ и маршалахъ. Всѣ французы—дѣти сравнительно съ нимъ, а «народы Италіи должны знать и не забывать, что у него въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ ихъ головахъ вмѣстѣ».

Но о маршалахъ и министрахъ Наполеонъ имѣлъ много основаній говорить въ такомъ тонѣ: такіе мудрецы, какъ Бертье, Ожеро, Мюратъ, были извѣстны всѣмъ, даже иностранцамъ. Но зналъ ли Наполеонъ достаточно цѣлые народы, чтобы французовъ и итальянцевъ обзывать глупцами, англичанъ—алчными эгоистами и купцами, испанцевъ—народомъ наканунѣ смерти, нѣмцевъ—годными лишь для полнаго порабощенія и разоренія. Испанію онъ обѣщаетъ возродить, а бѣдствія Германіи Жеромъ, братъ императора, король Вестфальскій, описываетъ по истинѣ кровавыми чертами [78]).

Что же значитъ на языкѣ Наполеона *возродить* страну?

Отвѣтъ необыкновенно характерный и уже его достаточно, чтобы судить о глубинѣ *государственнаго* ума Бонапарта.

---

[78]) Taine. O. c. 104.

Вся Европа должна стать копіей Франціи, одинаково народы и правительства. У Наполеона нѣтъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что называется національностью. Для него всѣ люди—совершенно тождественный по существу матеріалъ для военной классификаціи, разница только, напримѣръ, въ выносливости: «французы могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ, нѣмцы не переносятъ болѣе пяти» [79]). Можно и еще прибавить кое-какія опредѣленія, «французы—нервныя машины», русскіе—«дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя сдѣлать». Но всѣ эти характеристики вызваны военными наблюденіями и пріурочены къ военнымъ событіямъ. Нація, какъ самостоятельная нравственная и культурная единица, для Наполеона не существуетъ.

Онъ можетъ сознавать и цѣнить по достоинству таланты иностранныхъ генераловъ, напримѣръ, Веллингтона, но національныя движенія ему рѣшительно непонятны и глубоко ненавистны. Это совершенно чуждая невѣдомая ему сила и онъ инстинктивно чувствуетъ гнѣвъ и, можетъ быть, тайный ужасъ предъ подъемомъ народнаго духа.

Одна изъ основныхъ чертъ наполеоновской психологіи, инстинктивное отвращеніе ко всему гражданскому въ обширномъ смыслѣ слова. Онъ чувствуетъ себя легко лишь среди людей, одѣтыхъ въ военные мундиры. «Я—солдатъ», «я—военный», постоянныя выраженія Наполеона на тронѣ и въ изгнаніи. Человѣкъ, одѣтый въ гражданское платье, по мнѣнію Наполеона, тѣмъ самымъ лишается извѣстныхъ правъ сравнительно съ военнымъ. Опасности на полѣ битвы для Наполеона не существовали, совершенно другое дѣло въ «добромъ городѣ Парижѣ».

Изъ десяти лѣтъ царствованія Наполеонъ и трехъ лѣтъ не провелъ въ столицѣ, всего 955 дней. Городъ, привыкшій управлять страной, казался ему весьма неблагонадежнымъ. Очевидецъ разсказывалъ, что императоръ блѣднѣлъ при малѣйшемъ намекѣ на народное волненіе. Это было странно со стороны генерала 13-го вандемьера, но тогда Бонапартъ сражался не за свой счетъ, за нимъ стояла республика и представительное собраніе. Иное положеніе было 18-го брюмера и мы знаемъ, какимъ героемъ оказался въ этотъ день будущій цезарь. До конца имперіи, даже въ самую критическую минуту, когда отъ возстанія парижанъ, можетъ быть, зависѣла судьба трона, Наполеонъ не могъ побѣдить инстинктивнаго отвращенія и ненависти къ народу, никогда не могъ видѣть

---

[79]) Богдановичъ. *O.* c. III, 313.

безъ трепета, какъ простые рабочіе бросались къ нему съ прошеніями въ рукахъ.

Тоже самое чувство и относительно цѣлыхъ націй.

Сначала народное движеніе въ Испаніи, потомъ въ Россіи, наконецъ, въ Германіи положили конецъ власти Наполеона. И онъ никакъ не могъ понять *нравственнаго* характера этихъ движеній. Дикость, варварство—одно у него объясненіе. Особенно жестокими, трогически-забавными упреками онъ осыпалъ русскихъ за сожженіе Москвы.

«Пусть проклятіе будущихъ вѣковъ падетъ на виновниковъ этого вандализма! Жечь свои собственные города, ахъ!!.. Эти люди вдохновлены демономъ... Какое страшное преступленіе! Что за народъ! Что за народъ!»

И при этомъ видъ Наполеона, по словамъ очевидца, былъ поистинѣ страдальческій. «Слова вылетали изъ задыхающейся груди отрывисто и рѣзко; мрачный огонь свѣтился въ глазахъ» [80]).

Рѣчь о *демонѣ*, о *дьяволѣ* всякій разъ приходитъ на уста Наполеона, лишь только онъ представитъ себѣ пожаръ Москвы и борьбу русскаго народа съ «великой арміей». Даже на островѣ св. Елены Наполеонъ не можетъ равнодушно вспомнить, не о русскихъ войскахъ и генералахъ, а именно о народѣ, разрушившемъ всѣ его надежды на ослѣпительный эффектъ завоеванія громадной имперіи. Кто могъ ожидать, чтобы какой-либо народъ сталъ жечь свою столицу! — такъ оправдывалъ Наполеонъ свою непростительную опрометчивость въ грандіозномъ предпріятіи... Двѣсти человѣкъ было немедленно разстрѣляно, но подобная казнь имѣла въ данномъ случаѣ единственный смыслъ—на комъ-нибудь сорвать безсильный гнѣвъ противъ цѣлой націи [81]).

Страшная сила, производившая на Наполеона впечатлѣніе чего-то «демоническаго», именно и былъ *національный духъ*. Онъ долженъ былъ возстать противъ всепоглощающаго *я* одного человѣка, и отомстить за попраніе нравственныхъ и историческихъ законовъ. Величайшій дѣятель исторіи совершенно не входилъ въ разсчеты головокружительныхъ приключеній Наполеона. Цезарь составилъ себѣ безконечно простую и спокойную философію исторіи: искусный генералъ и милліоны людей, одѣтыхъ въ военные мундиры, достаточное количество пушекъ и возможная быстрота движеній,—вотъ и все, чтобы и завоевать міръ и царствовать надъ нимъ.

---

[80]) Duc de Vicence. Souvenirs. I, 96.

[81]) Mémorial, II, 342, 590.

Эта идея, мы увидимъ, проводилась Наполеономъ съ неуклонной, въ полномъ смыслѣ военной логикой. И это отнюдь не одинъ лишь инстинктъ полуцивилизованнаго парижанина, геніальнаго полководца, это—цѣлая нравственная и политическая система, это—философія личности, государства и исторіи, это, наконецъ, извѣстный типъ ума.

Кругозоръ этого ума не можетъ быть обширенъ: въ его комбинаціи входитъ слишкомъ мало элементовъ, и притомъ наиболѣе простыхъ. Все, что усложняетъ дѣятельность отдѣльнаго человѣка и жизнь народовъ, разъ навсегда исключено Бонапартомъ изъ его политическаго мышленія. И произошло это вовсе не случайно. Наполеонъ, достигши власти, создалъ весь міръ по образу и по подобію своему. Міръ, мы знаемъ, оказалъ его работѣ существенныя услуги, можно сказать, самъ наталкивалъ его на извѣстную философію. Это сотрудничество будетъ развиваться съ еще бо̀льшимъ усердіемъ съ минуты окончательнаго торжества цезаря. Постепенно будетъ совершенствоваться чудный «инструментъ власти», до крайней степени упрощаться его строй и мелодія, весь многомилліонный оркестръ превратится въ батальонъ непрестанно дѣйствующихъ барабанщиковъ, этого мало: съ теченіемъ времени на сценѣ человѣческой исторіи возникнетъ новая школа нравственности и политики, вполнѣ ясное и развитое міросозерцаніе, своего рода религія. Пророкъ ея, Наполеонъ I, падетъ, погибнетъ изгнанникомъ и узникомъ. Но его дѣло останется жить и по временамъ будутъ наступать эпохи, когда сама личность пророка и его дѣятельность снова станутъ вдохновлять и новыхъ апостоловъ, и новыхъ вѣрующихъ.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЕЛЛО.

Переводъ съ французскаго Т. Криль.

I.

Если обратить вниманіе на то, какимъ образомъ въ «Макбетѣ» источникъ трагедіи человѣческой жизни вытекаетъ изъ соединенія грубости и злобы, точнѣе говоря—грубости, проникнутой злобою, то разстояніе между «Макбетомъ» и «Отелло» не покажется слишкомъ значительнымъ. Но, для освѣщенія человѣческой трагедіи въ ея цѣломъ, т. е. для изображенія зла, какъ общаго двигателя, въ «Макбетѣ» не достаетъ ни увѣренности мысли, ни силы искусства.

Искусство, по истинѣ величавое и увѣренное въ себѣ, поражаетъ насъ въ «Отелло». По распространенному представленію, «Отелло»—простая трагедія ревности, а «Макбетъ»—трагедія честолюбія. Простодушные читатели и критики, въ наивности души своей, воображаютъ, что въ извѣстный моментъ Шекспиръ рѣшилъ изучить нѣкоторыя интересныя и опасныя страсти, съ цѣлью предостеречь людей, и раскрылъ предъ ними драму честолюбія и его опасныхъ слѣдствій, затѣмъ другую—драму ревности и бѣдствій, причиняемыхъ ею. Всѣмъ, однако, хорошо извѣстно, что внутренняя жизнь творческой души идетъ далеко не такъ просто. Драматическій писатель творитъ не по чувству долга.

И въ этомъ произведеніи Шекспиръ пытается раскрыть предъ нами не ревность и не легковѣріе, а всю трагедію человѣческой жизни. Какъ она зарождается, каковы причины ея, какіе законы управляютъ ею?

Его поразило могущественное вліяніе зла. «Отелло» не столько изслѣдованіе ревности, сколько новое и болѣе глубокое изслѣдованіе зла во всемъ его обьемѣ и развитіи. Жизненная нить, связующая это произведеніе съ творцомъ его, приводитъ насъ не къ герою драмы, а къ Яго.

Простодушные мудрецы думали, что Шекспиръ срисовалъ Яго съ исторической личности Ричарда III, что, слѣдовательно, онъ нашелъ его въ книгахъ, разсказахъ, хроникахъ. Повѣрьте мнѣ,— Шекспиръ встрѣчалъ Яго въ жизни. Въ годы зрѣлости, вращаясь среди людей, которые въ большей или меньшей степени могли служить прототипами Яго, повседневно встрѣчая на своемъ пути людей, подобныхъ Яго,—въ одинъ прекрасный день Шекспиръ прочувствовалъ и понялъ, что̀ можетъ совершить существо умное, злое и безчестное; онъ слилъ воедино всѣ отрывочныя впечатлѣнія и создалъ этотъ могучій образъ.

Въ одномъ образѣ Яго больше искусства, въ одномъ этомъ характерѣ больше глубины и высокаго знанія людей, чѣмъ во всемъ «Макбетѣ». Яго—само великое искусство.

Яго—не есть олицетвореніе зла, не глупый чортъ старинныхъ легендъ, не дьяволъ Мильтона, поборникъ независимости, изобрѣтатель огнестрѣльнаго оружія, не Мефистофель Гёте, намѣренно циничный, представляющійся неотвратимымъ и почти всегда правый,—въ то же время, въ немъ нѣтъ грандіозной смѣлости порока, онъ не похожъ на Цезаря Борджіа, который проводитъ жизнь, открыто смѣясь надъ людьми, бросая вызовъ небу, ужасный и неукротимый.

Яго не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, кромѣ личной выгоды. То обстоятельство, что не онъ, а Кассіо получилъ званіе лейтенанта, прежде всего побудило его пустить въ ходъ свое коварство. Онъ хочетъ получить это званіе и пробуетъ добиться его. Но, кромѣ того, онъ беретъ по пути все, изъ чего можетъ извлечь для себя выгоду; не колеблясь ни минуты, онъ завладѣваетъ всѣмъ состояніемъ и всѣми драгоцѣнностями Родриго. Онъ постоянно носитъ маску лжи и лицемѣрія; только маска, имъ избранная, наиболѣе непроницаема: грубая и рѣзкая правдивость, недовольство, просто и прямо высказываемое солдатомъ, которому нѣтъ дѣла до того, что о немъ думаютъ и говорятъ другіе. Никогда не бываетъ онъ слишкомъ любезенъ ни съ Отелло, ни съ Дездемоной, ни даже съ Родриго. Онъ—искренній другъ, имѣющій право говорить свободно.

Но, стремясь къ своей выгодѣ, онъ не забываетъ искоса поглядывать и на другихъ. Все его существо проникается злобной радостью, при видѣ чужого несчастія. Онъ дѣлаетъ зло, чтобы не лишать себя удовольствія приносить вредъ. Онъ чувствуетъ себя въ своей стихіи среди бѣдствій и страданій окружающихъ. Въ немъ живетъ вѣчная зависть, которую возбуждаетъ превосходство и благополучіе другихъ, это не мелкая зависть, которая

жаждетъ отличій и богатствъ другого, которая считаетъ себя болѣе достойной его счастья,—это огромная, злобствующая зависть, которая проявляетъ себя въ жизни человѣческой, какъ сила перваго порядка. Двигателемъ всѣхъ его дѣйствій служитъ непріязнь, которую онъ питаетъ къ совершенству другихъ, его недовѣріе, презрѣніе, отвращеніе къ этому совершенству, врожденная ненависть ко всему чистому, прекрасному, свѣтлому, доброму и великодушному.

Шекспиръ не только зналъ, что это бываетъ,—онъ понялъ это и заклеймилъ. Въ этомъ его вѣчная заслуга, какъ психолога.

Всѣмъ извѣстно мнѣніе, что «Отелло» прекрасная трагедія, такъ какъ герой ея и Дездемона рѣдкіе и художественно вѣрные типы,—но кто знаетъ Яго? Гдѣ искать мотива его дѣйствій? Если бы еще онъ былъ влюбленъ въ Дездемону и вслѣдствіе этого ненавидѣлъ Отелло, или если бы у него была другая подобная причина!

Безъ сомнѣнія, если бы онъ былъ просто негодяй и клеветникъ, влюбленный въ молодую женщину, трагедія сдѣлалась бы менѣе сложной, но, къ несчастью, тогда она превратилась бы въ пошлую, и Шекспиръ не былъ бы тутъ на высотѣ своего генія.

Нѣтъ, о нѣтъ! Именно въ этой кажущейся недостаточности мотивовъ заключается вся глубина драмы. Въ монологахъ Яго постоянно излагаетъ самому себѣ причины своей ненависти. Обыкновенно, читая монологи Шекспира, мы заглядываемъ въ самое сердце его героевъ; оно открывается передъ нами; даже такой негодяй, какъ Ричардъ III, вполнѣ искрененъ въ своихъ монологахъ. Другое дѣло Яго. Этотъ маленькій дьяволъ пытается всегда объяснить самому себѣ свою ненависть,—онъ самъ себя наполовину обманываетъ, представляя себѣ нѣчто вродѣ причинъ, которымъ отчасти, но не вполнѣ, и вѣритъ. Кольриджъ поразительно точно охарактеризовалъ эту наклонность его ума, назвавъ ее «погоней за причинами для безпричинной злобы» (the motive hunting of a motivelles malignity). Много разъ Яго повторяетъ себѣ, что Отелло долженъ былъ имѣть связь съ его женой, и что онъ, Яго, хочетъ отмстить за этотъ позоръ. Для объясненія своей ненависти къ Кассіо, онъ прибавляетъ иногда, что и тотъ также,—какъ онъ подозрѣваетъ,—посмѣялся надъ нимъ съ Эмиліей. Мимоходомъ онъ намекаетъ и на свое собственное увлеченіе Дездемоной, находя и это недурной, хотя и второстепенной причиной для своихъ поступковъ.

Все это попытки понять себя, свой образъ дѣйствій, но попытки недобросовѣстныя, объясненія, сами собой падающія. Желчная, ядовитая зависть всегда находитъ причины, которыя дѣ-

лаютъ ненависть законной и придаютъ видъ заслуженной мести—желанію вредить выше стоящимъ людямъ. Но Яго, самъ называющій душу Отелло «вѣрной, нѣжной и благородной», слишкомъ уменъ, чтобы считать себя обманутымъ имъ; онъ видитъ его насквозь, какъ кристаллъ.

Обладай Яго способностью любить и ненавидѣть по опредѣленной извѣстной причинѣ,—онъ спустился бы съ высшей ступени зла, на которой стоитъ. Ему грозятъ пыткой въ концѣ, когда онъ не хочетъ сказать ни слова въ поясненіе всего происшедшаго. Конечно, губы его будутъ крѣпко сжаты во время пытки,—онъ твердъ и гордъ по своему; но онъ и не могъ бы дать настоящаго объясненія. Медленно, постепенно отравляетъ онъ все существо Отелло. Мы наблюдаемъ за дѣйствіемъ яда на этого довѣрчиваго и легковѣрнаго человѣка и видимъ, какъ успѣшное дѣйствіе отравы все болѣе опьяняетъ Яго и увеличиваетъ его жестокость. Но вопросъ о происхожденіи яда, наполняющаго душу Яго,—праздный вопросъ, на который онъ и самъ не далъ бы отвѣта. Змѣя ядовита по природѣ, она производитъ ядъ, какъ шелковичный червь—коконъ и фіалка—ароматъ.

Въ концѣ трагедіи мы находимъ очень интересный обмѣнъ репликъ, дающій ключъ къ пониманію того, чѣмъ занимался Шекспиръ въ первые года XVII в., къ чему привели его размышленія и изслѣдованія о природѣ зла. При видѣ взрыва ярости Отелло противъ Дездемоны, Эмилія говоритъ ей:

Я дамъ себя повѣсить,
Коль клеветы такой не распустилъ,
Съ желаніемъ добыть себѣ мѣстечко,
Какой-нибудь презрѣнный негодяй,
Какой-нибудь бездѣльникъ, подлипало,
Какой-нибудь подлѣйшій, льстивый рабъ!
Да, это такъ, иль пусть меня повѣсятъ!
Яго. — Фи, да такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ!
Не можетъ быть!
Дездемона. — А если есть такіе —
Прости имъ Богъ!
Эмилія. — Нѣтъ, висѣлица пусть
Проститъ! пусть адъ его всѣ кости сгложетъ!

Всѣ три характера вылились въ этихъ краткихъ репликахъ. Но замѣчаніе Яго наиболѣе важно. Эта фраза — «такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, не можетъ быть»—содержитъ въ себѣ мысль, подъ охраной которой онъ прожилъ свою жизнь. Мысль эта—другіе не вѣрятъ, что это существуетъ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ у Шекспира снова нѣчто однородное съ изумленіемъ Гамлета передъ зломъ, какъ передъ парадоксомъ

(«можно быть негодяемъ и улыбаться»), такое же косвенное обращеніе къ зрителю, какое въ комедіи «*Мѣра за мѣру*» выражается въ словахъ Изабеллы: «Не говорите, что это невозможно! Это только невѣроятно; но вполнѣ возможно, что худшій изъ негодяевъ, жившихъ на землѣ, кажется такимъ справедливымъ, честнымъ, достойнымъ уваженія и чистымъ человѣкомъ, какимъ представляется Анджело». И третій разъ мы слышимъ тотъ же крикъ: «Не говори, не думай, что это невозможно!» Вѣра въ невозможность существованія негодяевъ есть необходимое условіе существованія такого короля, какъ Клавдій, такого судьи, какъ Анджело, такого офицера, какъ Яго. Поэтому, Шекспиръ заканчиваетъ всегда этимъ припѣвомъ: «Правду говорю вамъ, эта высшая ступень злобы—возможна».

Злоба—одинъ изъ факторовъ человѣческой трагедіи. Второй факторъ—глупость. На этихъ двухъ столпахъ покоится вся масса бѣдствій на землѣ.

II.

Одинъ, изданный Галливеллемъ Филипсомъ, документъ могъ бы служить доказательствомъ того, что «Отелло» былъ поставленъ первый разъ на сценѣ 1-го ноября 1605 года, если бы документъ этотъ можно было считать подлиннымъ; къ сожалѣнію, онъ принадлежитъ къ недостовѣрнымъ источникамъ, поддѣланнымъ Кольеромъ. Тѣмъ не менѣе, время, повидимому, указано болѣе или менѣе точно.

Мы имѣемъ указаніе на представленіе этой пьесы, спустя 4 или 5 лѣтъ, въ дневникѣ принца Фридриха-Людовика Вюртембергскаго, писанномъ его секретаремъ Гансомъ Вурмзеромъ. 30-го апрѣля 1610 г. онъ заноситъ (по французски): «Понедѣльникъ, 30. Его свѣтлость посѣтилъ театръ Глобъ, обычное мѣсто, гдѣ разыгрываютъ комедіи; была представлена исторія Венеціанскаго мавра». Въ виду этого свидѣтельства мы не должны принимать во вниманіе того обстоятельства, что въ «Отелло» есть одна строчка, написанная явно позднѣе 1611 года. Трагедія была напечатана первый разъ въ 1622 году, второй разъ in-folio въ 1623 году, съ добавленіемъ 160 строкъ (слѣдовательно, по другой рукописи) и съ пропускомъ всѣхъ бранныхъ словъ и упоминаній имени Божьяго. Поэтому, строчка, о которой идетъ рѣчь, не только *могла*, но *должна* была быть вставлена позднѣе, и ея мѣсто въ пьесѣ достаточно ясно указываетъ на это. Она совершенно не гармонируетъ съ общимъ тономъ и, безъ сомнѣнія, принадлежитъ

не Шекспиру. Когда Отелло проситъ Дездемону дать ему руку и погружается въ размышленія по поводу этой руки, онъ говоритъ:

> Да, щедрая (рука)! Въ былое время сердце
> Намъ руку отдавало, а теперь,
> По нынѣшней геральдикѣ, дается
> Одна рука—не сердце».

Это—намекъ, понятный только современникамъ, на званіе баронета, основанное и продававшееся Іаковомъ I. Получавшіе это званіе имѣли право на гербъ съ изображеніемъ красной руки на серебряномъ полѣ. Естественно, что Дездемона отвѣчаетъ на эти слова: «Не умѣю поддерживать я этотъ разговоръ».

Въ сборникѣ итальянскихъ новеллъ, откуда Шекспиръ заимствовалъ фабулу для «Мѣры за мѣру», онъ нашелъ также сюжетъ и для «Отелло».

Содержаніе этой сказки слѣдующее: молодая итальянка *Дисдемона* влюбляется въ одного мавра, капитана, не по «женскому влеченію», но за его высокія качества, и выходитъ за него замужъ, не смотря на противодѣйствіе родителей. Они жили въ Венеціи въ полнѣйшемъ счастіи. «Никогда между ними не было сказано ни одного неласковаго слова». Когда мавра посылаютъ на Кипръ, чтобы управлять этимъ островомъ, онъ думаетъ только о своей женѣ; онъ одинаково боится подвергать ее опасности морского путешествія и оставить одну въ Венеціи. Она рѣшаетъ вопросъ, заявляя, что предпочитаетъ слѣдовать за нимъ, куда угодно. подвергаясь всѣмъ опасностямъ, чѣмъ жить въ полной безопасности вдали отъ него. Въ восторгѣ онъ обнимаетъ ее, восклицая: «Да сохранитъ васъ Богъ всегда такой милой, моя дорогая супруга!»

Изъ этой новеллы почерпнулъ Шекспиръ картину первоначальной полной гармоніи между супругами.

Одинъ молодой офицеръ, скажемъ—прапорщикъ, стремится разрушить счастье молодой четы. Онъ очень красивъ, но «по натурѣ хуже всѣхъ людей, когда-либо жившихъ на свѣтѣ». Его любитъ мавръ, такъ какъ «онъ не имѣлъ никакого представленія о его низости». Низкій трусъ, онъ умѣлъ облекать свою трусость такими звучными фразами, принималъ такой гордый видъ, что казался Гекторомъ или Ахилломъ. Жена этого офицера, которую онъ привезъ съ собой на Кипръ, молодая женщина, привѣтливая и честная; Дисдемона горячо любитъ ее и проводитъ съ ней большую часть дня. Домъ мавра охотно посѣщаетъ лейтенантъ (il capo di squadra) и часто обѣдаетъ съ нимъ и его женой.

Злодѣй-прапорщикъ страстно влюбленъ въ Дисдемону, но всѣ его старанія добиться ея любви не приводятъ ни къ чему, такъ

какъ она не думаетъ ни о комъ, кромѣ мавра. Прапорщикъ же воображаетъ, будто она отвергаетъ его изъ-за любви къ лейтенанту; онъ рѣшаетъ отдѣлаться отъ своего соперника, и любовь его превращается въ самую жестокую ненависть. Онъ хочетъ не только заставить убить лейтенанта, но и помѣшать мавру наслаждаться счастьемъ съ Диздемоной, которая оттолкнула его. Онъ дѣйствуетъ такъ же, какъ въ драмѣ, хотя въ подробностяхъ драма отступаетъ отъ хода сказки. Такъ, въ сказкѣ прапорщикъ крадетъ платокъ Диздемоны, когда она въ гостяхъ у его жены и играетъ съ ихъ дочкой. Родъ смерти героини въ сказкѣ болѣе безобразенъ, чѣмъ въ трагедіи. По приказанію мавра, прапорщикъ прячется въ комнатѣ, сосѣдней съ спальнею супруговъ. Онъ производитъ шумъ; Диздемона встаетъ посмотрѣть, что случилось, и онъ наноситъ ей страшный ударъ по головѣ чулкомъ, наполненнымъ пескомъ. Она зоветъ мужа, но тотъ отвѣчаетъ ей обвиненіями въ измѣнѣ; напрасно доказываетъ она свою невинность; послѣ третьяго удара она умираетъ. Убійство остается скрытымъ, но мавръ проникается ненавистью къ прапорщику и отпускаетъ его. Этотъ съ отчаянія предаетъ мавра лейтенанту. Совѣтъ подвергаетъ мавра пыткѣ и отправляетъ его въ изгнаніе, такъ какъ онъ не хочетъ сознаться. Одинъ изъ товарищей прапорщика, ложно обвиненный имъ въ убійствѣ, выдаетъ его, и злодѣй умираетъ на плахѣ.

Мы видимъ, что среди дѣйствующихъ лицъ сказки не хватаетъ Брабанціо и Родриго. Одно изъ именъ тутъ уже имѣется— Диздемона. Оно, повидимому, должно было означать «преслѣдуемая демономъ»; Шекспиръ сдѣлалъ изъ него болѣе благозвучное имя Дездемоны. Остальныя имена выдуманы Шекспиромъ; большая часть именъ — итальянскія (даже Отелло — имя одного венеціанскаго дворянина XVI вѣка); другія, какъ Яго, Родриго—испанскія.

Съ своей обычной точностью, Шекспиръ такъ же, какъ Чинтіо, называетъ своего героя мавромъ. Невозможно предполагать, чтобы онъ представлялъ его себѣ чернымъ. Было бы неестественно, чтобы негръ достигъ званія капитана и адмирала на службѣ Венеціанской республики. Названіе страны, куда, по словамъ Яго, хочетъ уѣхать Отелло — Мавританія; это ясно доказываетъ, что герой долженъ считаться принадлежащимъ къ арабской расѣ. Не слѣдуетъ придавать значеніе тому, что люди, которые ненавидятъ его и завидуютъ ему, даютъ ему прозвища, напоминающія негра. Такъ, Родриго называетъ его «губанъ», а Яго — «черный старикъ-баранъ». Но немного далѣе Яго сравниваетъ его съ «варварійскимъ жеребцомъ» (т.-е. изъ Сѣверной Африки). Черный цвѣтъ его кожи

всегда подчеркивается недоброжелательствомъ и ненавистью. Брабанціо, напр., говоритъ о его «закоптѣлой груди». Слово *black*, которое употребляетъ Отелло, говоря о себѣ, означаетъ просто смуглый. Въ самой драмѣ Яго прилагаетъ это слово къ некрасивымъ женщинамъ:

If che be *black*, and thereto have a wit,
She'll finda white that shall her blackness fit.
(Коль умна да некрасива, то красавецъ ужъ найдется,
Для котораго по сердцу дурнота ея придется);

въ сонетахъ и въ «Тщетныхъ усиліяхъ любви» слово черный употребляется именно въ этомъ смыслѣ. Цвѣтъ лица Отелло, какъ араба, достаточно смуглъ, чтобы представлять разительный контрастъ съ бѣлокурой и блѣдной Дездемоной, его семитическій типъ рѣзко отличаетъ его отъ дѣвушки арійской расы. Легко представить себѣ, что крещеный арабъ достигъ высокаго поста въ арміи и флотѣ республики.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что вся легенда о венеціанскомъ маврѣ явилась, быть можетъ, плодомъ недоразумѣнія. Редонъ Броунъ (въ 1875 г.) высказалъ предположеніе, что у Чинтіо поводомъ для созданія его героя послужило непонятое имъ собственное имя. Въ исторіи Венеціи встрѣчается знатный патрицій, по имени Христофоръ *Моръ*, въ 1498 г. онъ былъ градоначальникомъ (podestà) Равенны, позднѣе—правителемъ Кипра, въ 1508 г. онъ командовалъ четырнадцатью кораблями и былъ главнокомандующимъ (proveditore) арміи. Когда этотъ человѣкъ, въ 1508 г., возвращался съ Кипра въ Венецію, жена его (третья), принадлежавшая къ фамиліи Барбариго (сходство съ Брабанціо), по дорогѣ умерла и, повидимому, въ ея смерти было что-то таинственное. Въ 1515 г. онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, по имени *Demonio bianco*, откуда, быть можетъ, было образовано имя *Дездемона*, также какъ изъ имени *Моръ* названіе мавръ.

Черты, прибавленныя Шекспиромъ къ содержанію новеллы—похищеніе Дездемоны, поспѣшное и тайное вѣнчанье, столь естественное для того времени обвиненіе, что, для привлеченія сердца дѣвушки, было пущено въ ходъ колдовство, — все это взято изъ исторіи современныхъ Шекспиру итальянскихъ семействъ.

Во всякомъ случаѣ, развивая эту фабулу, Шекспиръ съумѣлъ расположить ея части такъ, какъ это было нужно для плана дѣйствій Яго, и онъ сдѣлалъ Отелло насколько возможно болѣе доступнымъ дѣйствію того яда, который Яго, подобно королю въ пантомимѣ «Гамлета», капля по каплѣ вливаетъ въ его ухо. Шекспиръ позволяетъ намъ слѣдить за развитіемъ страсти шагъ за

шагомъ, отъ перваго ея зарожденія до того момента, когда, развившись, она разбиваетъ сердце Отелло.

III.

У Отелло простая душа, прямой характеръ солдата. У него нѣтъ житейской опытности, такъ какъ всю свою жизнь онъ провелъ въ походахъ. Какъ честный человѣкъ, онъ вѣритъ честности другихъ, особенно тѣхъ, кто, какъ Яго, выказываетъ особенную прямоту и откровенность, и Отелло не только считаетъ Яго честнымъ,—онъ восхищается его умѣньемъ жить.

Кромѣ того, Отелло принадлежитъ къ тѣмъ благороднымъ характерамъ, которые никогда не думаютъ о своихъ достоинствахъ. У него нѣтъ тщеславія. Ему никогда не приходило въ голову, что геройскіе подвиги, доставившіе ему славу, должны производить гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на воображеніе молодой женщины со склонностями Дездемоны, чѣмъ красивое лицо и пріятные манеры какого-нибудь Кассіо. Онъ такъ мало проникнутъ сознаніемъ своего величія, что ему представляется вполнѣ естественнымъ, если Дездемона охладѣваетъ къ нему.

Отелло—человѣкъ, по происхожденію изъ презираемой расы, съ пылкимъ, африканскимъ темпераментомъ. По сравненію съ Дездемоной, онъ старъ, сверстникъ ея отца скорѣе, чѣмъ ея самой. Онъ самъ говоритъ, что не обладаетъ ни молодостью, ни красотой, чтобы сохранить ея любовь; онъ не можетъ даже возлагать надеждъ на сродство расъ.

То обстоятельство, что Дездемона могла почувствовать влеченіе къ нему, окружающимъ кажется припадкомъ безумія или дѣйствіемъ колдовства. Дездемона далеко не увлекающаяся и не кокетливая женщина; она, напротивъ, чрезвычайно сдержана и цѣломудренна. Она воспитана, какъ балованное дитя патриціанскаго семейства въ богатой и счастливой Венеціи. Она видѣла вокругъ себя золотую молодежь республики и ни разу не была увлечена ни кѣмъ. Отелло, съ своей стороны, былъ съ перваго взгляда очарованъ Дездемоной. Его плѣняетъ не только тонкая, нѣжная дѣвушка,—онъ видитъ въ ней исключительное существо. Если бы онъ не любилъ ея пламенно и страстно, онъ никогда не женился бы на ней. Дикій и независимый, онъ питаетъ отвращеніе къ женитьбѣ и нисколько не чувствуетъ себя польщеннымъ, вступивъ въ бракъ съ дѣвушкой аристократической семьи. Онъ самъ изъ царскаго рода и самъ разсказываетъ, какъ онъ содрогался при мысли связать себя. Но не грубое, чисто внѣшнее очарованіе овладѣло имъ, какъ подозрѣвали окружающіе, а то нѣжное,

покоряющее душу очарованіе, которое таинственно приковываетъ другъ къ другу мужчину и женщину.

Всѣ восхищаются защитительной рѣчью Отелло въ залѣ Совѣта, когда онъ объясняетъ дожу, какъ онъ возбудилъ интересъ и пріобрѣлъ любовь Дездемоны. Это—мужественная и трогательная рѣчь. Эта защита доказываетъ, что Дездемона была очарована рѣчами Отелло, а не наружностью его, хотя, надо думать, у него была статная фигура. «Въ его лицѣ мнѣ духъ его являлся», говоритъ она и отдается ему за то, что онъ много страдалъ и много совершилъ.

Ихъ связь основывается на взаимномъ влеченіи противоположностей. Все противъ нея: различіе расъ, различіе возрастовъ и отсутствіе самоувѣренности у Отелло, проистекающее изъ сознанія своей необычной внѣшности.

Яго объясняетъ Родриго, почему эта связь не можетъ долго длиться; Дездемона полюбила мавра «за его хвастовство и фантастическія росказни». Кто повѣритъ, что любовь можетъ питаться болтовней? Чтобы зажечь огонь въ крови, нужно сходство возрастовъ, характера, красоты, а всего этого не достаетъ мавру. Послѣднему эти соображенія вначалѣ совсѣмъ не приходятъ въ голову, и почему?—потому что Отелло вовсе не ревнивъ.

Это странно звучитъ, но это истинная правда. Отелло не ревнивъ! Тогда можно сказать, что вода не мокра и огонь не горитъ. Но по природѣ Отелло не ревнивъ; ревнивые люди думаютъ не такъ, какъ онъ, и поступаютъ совсѣмъ иначе. У него нѣтъ подозрѣній, онъ довѣрчивъ, легковѣренъ до глупости,—нѣтъ, онъ не настоящій ревнивецъ. Когда Яго начинаетъ нашептывать ему клеветы на Дездемону, онъ, прежде всего, лицемѣрно предостерегаетъ его отъ ревности. Отелло отвѣчаетъ, что онъ предоставляетъ полную свободу своей молодой женѣ, и безъ всякой ревности, даже съ удовольствіемъ узнаетъ, какой успѣхъ она имѣетъ въ обществѣ, на балахъ; онъ кончаетъ такъ:

«И даже то, что у меня такъ мало
Заманчивыхъ достоинствъ, не способно
Въ меня вселить малѣйшую боязнь,
Малѣйшее сомнѣнье: вѣдь имѣла
Она глаза и выбрала меня».

Поэтому, не смотря на исключительныя обстоятельства, онъ не находитъ при обычномъ положеніи вещей поводовъ для безпокойства. Безполезная увѣренность, — нападеніе готовится съ той стороны, съ которой онъ менѣе всего ожидаетъ. Онъ также довѣрчивъ по отношенію къ тому, кого онъ называетъ «добрый Яго», «честный Яго», какъ подозрителенъ впослѣдствіи къ Дез-

демонѣ. Онъ припоминаетъ предсказаніе стараго Брабанціо: «Она отца родного обманула, такъ и тебя, пожалуй, проведетъ». И это проклятіе вызываетъ въ его памяти всѣ подсказанныя Яго основанія для ревности: его раса, его возрастъ и т. п.

Онъ страдаетъ, чувствуя, какъ трудно проникнуть въ душу другого, какъ немыслимо управлять чувствами и желаніями молодой женщины, даже когда по закону она принадлежитъ ему,—и онъ доходитъ до такой невыносимой муки, что никакое снотворное средство,—какъ злорадно восклицаетъ Яго,—не вернетъ ему съ этой минуты спокойнаго сна. Вслѣдъ затѣмъ Отелло грустно прощается со всей своей прошлой жизнью, но отъ грусти онъ вновь переходитъ къ подозрѣніямъ и упрекаетъ себя за эти подозрѣнія:

«Мнѣ кажется—жена моя невинна
И кажется, что не честна она;
Мнѣ кажется, что правъ ты совершенно
И кажется, что ты несправедливъ».

Наконецъ, все это сливается въ одну мысль о мести, въ жажду крови.

Не ревнивый отъ природы, онъ становится ревнивымъ изъ-за низкой, дьявольски разсчитанной клеветы, понять и разрушить которую онъ, по своей наивности, не можетъ.

Въ этихъ главныхъ сценахъ 3-го акта больше заимствованій изъ другихъ поэтовъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ пьесахъ Шекспира: заимствованія эти представляютъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ указываютъ, что читалъ Шекспиръ во время работы.

Слова Яго:

«Кто у меня похититъ
Мой кошелекъ—похититъ пустяки...
Но имя доброе мое кто крадетъ,
Тотъ крадетъ вещь, которая не можетъ
Обогатить его, но разоряетъ
Меня въ конецъ»,—

заимствованы изъ «Orlando Innamarato» Берни:

«Chi ruba un corno, un cavallo, un anello
E simil cose, ha qualche discrezione,
E potrebbe chiamarsi ladranello,
Ma quel che ruba la riputazione,
E de l'altrui fatiche si fa bello,
Si pou chiamare assassino e ladrane» (Ch. 51, Strophe, I). *)

*) Кто лошадь похититъ, рожокъ иль кольцо,
Все въ родѣ такомъ же,—сравнительно сдержанъ
И скроменъ,—къ лицу ему имя «воришка».
Кто жъ доброе имя чужое похититъ,
Въ чужія заслуги тайкомъ нарядится,
Тотъ долженъ быть названъ—«убійца и воръ»!

*

Великолѣпное прощанье Отелло съ жизнью воина заключаетъ въ себѣ также заимствованіе. Когда Шекспиръ влагаетъ въ уста мавра слова: «Прощайте, рыцарскія битвы! прощайте войны самолюбія, дѣлающія честолюбіе добродѣтелью! Прощай, мой добрый конь!» и т. д., онъ, вѣроятно, вспоминалъ подобное же восклицаніе, находящееся въ старинной пьесѣ «Веселая комедія», которую Шекспиръ еще безбородымъ юношей долженъ былъ видѣть въ Стратфордѣ.

Тамъ герой восклицаетъ:

«Прощай, мой добрый конь, готовый на битву,
«И вы также прощайте, забавы съ красивымъ соколомъ и собакою!
«Прощайте, всѣ доблестные! Прощайте, храбрые рыцари!
«Прощайте, прекрасныя лэди, восхищавшія меня!»

Но всего замѣчательнѣе, что чтеніе итальянскаго Аріосто также оставило свои слѣды. Говоря о платкѣ, Отелло разсказываетъ, что онъ былъ сотканъ изъ нитокъ священныхъ шелковичныхъ червей двухсотлѣтней пророчицей Сибиллой, въ священномъ неистовствѣ. Въ «Неистовомъ Орландѣ» мы находимъ слѣдующія строки:

«Una donzella della terra d Ilia
Ch'avea il *furor profetico* congiunto,
Con studio di gran tempo e con vigilia
La fece di sua mano di tutto punto.» *)

Здѣсь сходство не можетъ быть случайнымъ, очевидно также что Шекспиръ имѣлъ передъ глазами итальянскій подлинникъ, такъ какъ слова *священное неистовство*, встрѣчающіяся и у него, и у Аріосто, пропущены въ англійскомъ переводѣ Гаррингтона, единственномъ, имѣвшемся въ то время. Онъ, повидимому, интересовался Орландо, когда писалъ свою трагедію о Маврѣ, и на столѣ передъ нимъ должны были лежать произведенія Берни и Аріосто.

Подобно Отелло, проявляющему въ этихъ сценахъ чрезвычайную, истинно трагическую наивность, и Дездемона также наивна въ своей невинности. Сначала она увѣрена, что мавръ, дошедшій до состоянія полной невмѣняемости, не можетъ быть охваченъ ревностью. На вопросъ Эмиліи она отвѣчаетъ, «что солнце его страны страсть эту *выжгло* въ немъ». Поэтому, она дѣйствуетъ съ безумной неосторожностью и продолжаетъ мучить Отелло просьбами о возвращеніи Кассіо, хотя хорошо видитъ, что этотъ разговоръ приводитъ его въ ярость.

---

*) То дѣва изъ дальней Илійской страны,
Страдая *безумьемъ пророчества*, долго
Трудилась надъ дивной работой, отъ нитки
До нитки сотkавъ ее собственноручно.

Слѣдуютъ еще болѣе ужасныя выдумки Яго: подслушанный, будто бы, бредъ Кассіо; предположеніе о подаренномъ Кассіо рѣдкомъ платкѣ; наконецъ, утвержденіе, что разсказъ Кассіо, объ его связи съ женщиной легкаго поведенія—Біанкой, касается его предполагаемыхъ отношеній съ Дездемоной. Отелло приходитъ въ ярость, слыша, какъ оскорбляютъ его жену, его возлюбленную.

Это такой искусный обманъ, что во всей исторіи мы найдемъ, быть можетъ, только одинъ подобный примѣръ: исторія съ ожерельемъ, когда кардиналъ Роганъ былъ также нагло обманутъ и доведенъ до преступленія, какъ здѣсь Отелло.

Въ концѣ концовъ Отелло доходитъ до такого состоянія, что можетъ думать и говорить только безсвязными восклицаніями: «Онъ? съ ней?.. О, это отвратительно! Платокъ!.. Признался... Платокъ!» и т. д.

Онъ представляетъ себѣ, что они цѣлуютъ другъ друга. Съ нимъ дѣлается нервный припадокъ, и онъ падаетъ, какъ пораженный громомъ.

Это изображеніе не природной ревности, а ревности искусственно вызванной, т. е. довѣрчивости, отравленной клеветою. Первая причина зла—не ревность Отелло, а его довѣрчивость; благородная прямота Дездемоны, съ своей стороны, также способствуетъ развитію трагедіи; однимъ словомъ, все удается такому человѣку, какъ Яго.

Когда Отелло заливается слезами передъ Дездемоной, не подозрѣвающей о причинѣ этихъ слезъ, онъ произноситъ трогательныя слова; онъ говоритъ, что могъ бы перенести все — горе и стыдъ, бѣдность и рабство, но для него невыносимо, что та, которую оно обожалъ, вызываетъ теперь его презрѣнье. Онъ страдаетъ больше всего не отъ ревности. Онъ полонъ глубокой и чистой грусти, оттого, что его кумиръ оскверненъ, и только потомъ онъ предается грубой и дикой ярости при мысли, что кумиръ его предпочелъ ему другого.

Съ тою тонкою граціею, какая свойственна истинной силѣ, Шекспиръ передъ самой ужасной катастрофой помѣстилъ народную пѣсенку Дездемоны про ивушку,—пѣсенку, въ которой дѣвушка горюетъ о томъ, что ея возлюбленный, любя ея, цѣлуетъ другую. Дездемона трогаетъ насъ, когда она умоляетъ своего жестокаго господина пощадить ея жизнь еще хоть на нѣсколько мгновеній, но она становится великой въ минуту смерти, когда умираетъ съ прекрасной ложью на устахъ, единственной за всю ея жизнь—ложью, которой она хочетъ спасти своего убійцу отъ обвиненія въ убійствѣ.

Офелія, Дездемона, Корделія — какое тріо! Онѣ похожи другъ на друга, какъ сестры, онѣ всѣ выражаютъ собой любимый типъ Шекспира въ ту эпоху. Былъ ли у нихъ одинъ и тотъ же оригиналъ? Встрѣчалъ ли Шекспиръ молодую, изящную женщину, окруженную облакомъ грусти, несправедливости, непониманія, которая была бы сама нѣжность и сердечность, но безъ искры ума? Мы можемъ предполагать это, но ничего положительнаго не знаемъ.

Образъ Дездемоны прелестнѣе всѣхъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ. Она—болѣе женщина, чѣмъ другія женщины, какъ Отелло—болѣе мужчина, чѣмъ всѣ остальные. Влеченіе, которое они чувствуютъ другъ къ другу, поэтому вполнѣ понятно: женщину, наиболѣе женственную, привлекаетъ наиболѣе мужественный мужчина.

Второстепенныя лица изображены почти съ тѣмъ же искусствомъ, какъ и основные характеры трагедіи. Особенно прекрасно очерчена Эмилія. Добрая и честная, она не легкомысленна, но все же она истинная дочь Евы, совершенно чуждая невиннаго до наивности ригоризма Дездемоны.

Эта послѣдняя спрашиваетъ ее въ концѣ четвертаго акта, неужели дѣйствительно есть на свѣтѣ женщины, которыя дѣлаютъ то, въ чемъ обвиняетъ ее Отелло? Эмилія отвѣчаетъ утвердительно. Ея госпожа снова спрашиваетъ:

«А ты такъ поступить рѣшилась бы,
Когда бъ тебѣ давали хоть цѣлый міръ?»

И получаетъ шутливый отвѣтъ, что міръ—большая вещь и слишкомъ дорогая цѣна за маленькій проступокъ. «Конечно, я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька, изъ-за нѣсколькихъ аршинъ матеріи, изъ-за платьевъ, юбокъ, чепчиковъ или подобныхъ пустяковъ; но за цѣлый міръ?!.. вѣдь низость считается низостью только въ мірѣ, а если вы этотъ міръ получите за трудъ свой, такъ эта низость очутится въ вашемъ собственномъ мірѣ, и тогда вамъ сейчасъ же можно будетъ уничтожить ее».

Эта нота веселья слышна въ «Отелло» гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ драмахъ Шекспира. Но все же по привычкѣ и согласно театральнымъ обычаямъ того времени, Шекспиръ ввелъ комическій элементъ въ лицѣ «шута», слуги Оттело, но веселость его заглушена, какъ веселость самого Шекспира въ этотъ періодъ его жизни.

Въ построеніи «Оттело» есть много общаго съ «Макбетомъ». Только въ этихъ двухъ трагедіяхъ нѣтъ вставочныхъ эпизодовъ. Дѣйствіе развивается постоянно, не разбрасываясь. Но «Отелло» превосходитъ «Макбета», дошедшаго до насъ, впрочемъ, въ иска-

женномъ спискѣ, по идеальной пропорціональности всѣхъ частей драмы. Здѣсь ростъ трагедіи проведенъ съ изумительнымъ мастерствомъ; страсть разъигрывается поистинѣ музыкально, дьявольскій планъ Яго выполняется постепенно, съ полнѣйшей правильностью, всѣ частности связаны вмѣстѣ, въ одинъ неразрывный узелъ; невниманіе Шекспира къ необходимымъ промежуткамъ между различными частями дѣйствія, только усиливаетъ впечатлѣніе строгаго единства, сближая событія, происходившія годами и мѣсяцами, на протяженіи нѣсколькихъ дней.

Въ концѣ пьесы есть мѣсто, вставленное, повидимому, для какого-нибудь спеціальнаго представленія. Когда узелъ трагедіи разрубленъ и остается только нѣсколько послѣднихъ фразъ Отелло, Лодовико дѣлаетъ нѣкоторыя разъясненія по поводу происшедшаго, на основаніи писемъ, найденныхъ, по его словамъ, въ карманѣ трупа,—разъясненій, совершенно лишнихъ для зрителя. Эти пять, шесть тусклыхъ фразь должны бы быть вычеркнуты. Онѣ не принадлежатъ перу Шекспира и представляютъ маленькое пятно на его прекрасномъ произведеніи.

А произведеніе это дѣйствительно прекрасно. Я не только нахожу въ немъ нѣкоторыя величайшія свойства Шекспира, но съ трудомъ могу найти въ немъ хоть одинъ недостатокъ. Это единственная трагедія поэта, которая не затрогиваетъ политическихъ событій; это семейная трагедія; но ея превосходство надъ всѣми произведеніями этого рода чувствуется особенно сильно, при сравненіи ея съ драмой Шиллера «Коварство и любовь», которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ подражаніе «Отелло».

Мы видимъ и тамъ человѣка сильнаго и въ то же время настоящаго ребенка, честнаго, съ пылкимъ характеромъ, довѣрчиваго и искренняго. Мы видимъ и молодую женщину, великодушную и нѣжную, живущую только для того, кого она избрала, и умирающую съ сердцемъ, исполненнымъ заботливой любовью къ своему убійцѣ. Мы видимъ два прекрасныхъ существа, погибающихъ отъ своей наивности, дѣлающей ихъ жертвою злобы.

И такъ, «Отелло»—великое произведеніе; но все-таки «Отелло»—монографія. Это вещь, которой не достаетъ широты, отличающей обыкновенно драмы Шекспира, изслѣдованіе одной весьма исключительной страсти—роста подозрѣнія у человѣка влюбленнаго и съ африканской кровью въ жилахъ, — словомъ, довольно узкая тема, которая пріобрѣла значеніе только благодаря исполненію.

Ни одна изъ драмъ Шекспира не носитъ настолько «монографическаго» характера. Онъ, конечно, почувствовалъ это и, съ свойственнымъ великому художнику сремленіемъ восполнять одно

произведеніе слѣдующимъ, создалъ трагедію, которая менѣе всѣхъ походитъ на монографію, трагедію, сдѣлавшуюся по истинѣ міровой, трагедію бѣдствій всего человѣчества, изображенныхъ съ величайшимъ искусствомъ и воплощенныхъ въ одномъ могучемъ образѣ.

Онъ перешелъ отъ Отелло къ Лиру.

Изъ «Cosmopolis», **Георга Брандеса.**

Богатство! Знаете-ль, его я не хочу!
Не то, чтобъ презиралъ я суетныя блага,
Не то, чтобъ нищета пришлась мнѣ по плечу,
Какъ цинику его суровая отвага,—
А просто потому, что все же я богатъ,—
Землевладѣлецъ даже, если вы хотите;
Но только роскоши расписанныхъ палатъ,
Пировъ торжественныхъ—вы отъ меня не ждите.
Есть уголокъ земли, и онъ безспорно мой!
Стоятъ надъ нимъ, какъ стражи, липы вѣковыя,
И шепчутъ въ полуснѣ таинственной листвой,
И отгоняютъ прочь страданія земныя.
Когда же мѣсяца холодный, блѣдный лучъ
Освѣтитъ рядъ могилъ, какъ факелъ погребальный,
Онѣ пробудятся, и ропотъ ихъ могучъ,
И мѣсяцу въ отвѣтъ звучитъ ихъ гимнъ печальный.
Не правда-ль, онъ хорошъ, мой уголокъ земли?!
Онъ мой, и принесетъ мнѣ дань свою—забвенье.
Тамъ сердцу близкіе давно уже легли,
И липы шепчутъ имъ про вѣчность и... прощенье.

Вл. Ладыженскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Обиліе изящной словесности въ прозѣ и стихахъ.—Разсказы г. Длусскаго.— Произведенія г. Ельца.—Романъ г. Свѣтлова.—Сборникъ разсказовъ г. Зарина.—Его повѣсть изъ еврейскаго быта «Азріэль Лейзеръ».—«Новые люди» г-жи Гиппіусъ.—«Первая ступень къ новой красотѣ».—Поэты.—«Въ безбрежности», сборникъ стихотвореній г. Бальмонта. — «Стихотворенія» г. Минскаго.

Если судить по обилію произведеній изящной словесности, обогатившихъ литературный рынокъ въ началѣ этого года, по массѣ романовъ, разсказовъ, повѣстей и стихотвореній, послѣднихъ въ особенности,—не оскудѣваетъ талантами земля русская. Остается только радоваться, въ надеждѣ, что изъ этого обилія, быть можетъ, возникнетъ и что-либо крупное, выдающееся, смѣлое, сильное, о чемъ такъ давно уже тоскуетъ сердце читателя. А если бы даже эта надежда и не оправдалась,—ничему эти безчисленныя произведенія не мѣшаютъ. Вѣдь, «не все-жъ намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существенныхъ, на минуту позабудемся мы въ сказаніи красныхъ вымысловъ».

Есть, конечно, вымыслы и вымыслы, и извѣстная разборчивость необходима, хотя бы ради сбереженія мѣста и времени. Напримѣръ, «Цвѣтокъ олеандра» г. Длусскаго пусть цвѣтетъ на радость автору, огорчать котораго было бы просто грѣшно. Такъ безобиденъ и простъ г. Длусскій и такъ довѣрчиво выпустилъ свою весьма изящную по внѣшности книгу. Чтобы пускать въ свѣтъ, да еще по рублю, такіе плоды ума своего, надо быть очень... наивнымъ. Совершенно иное, напримѣръ, нѣкій г. Елецъ, у котораго рѣшительно во всемъ замѣтенъ «столичный поведенцъ». Заглавіе—прямо «Изъ жизни», ни больше, ни меньше. На обложкѣ портретъ хорошенькой дамы, знаменующій, что и содержаніе преизобилуетъ ими. На другой сторонѣ списокъ твореній почтеннаго автора, обнаруживающихъ въ немъ, судя по заглавіямъ, душу высокую и умъ обширный: «Болѣзнь вѣка», ро-

манъ въ 3-хъ частяхъ; «Отъ Варшавы до Константинополя», съ предисловіемъ члена французской академіи Пьера Лотти—тонкій намекъ на франко-русскую дружбу, о чемъ свидѣтельствуетъ также «Русская эскадра во Франціи въ октябрѣ 1893 года»; а далѣе совсѣмъ по Щедрину—«Исторія лейбъ-шампанскаго полка» и проч.

Столь обширный репертуаръ г-на Ельца внушаетъ намъ вполнѣ понятное опасеніе запутаться въ немъ. Нѣтъ, не намъ, не намъ, а имени своему пусть онъ будетъ обязанъ славою среди читателей.

Минуя г. Свѣтлова, который задумчиво остановился надъ глубокомысленнымъ вопросомъ—«Семья или сцена», посвятивъ ему цѣлый романъ, но такъ и не рѣшивъ его,—перейдемъ къ двумъ авторамъ, заслуживающимъ, безспорно, вниманія. Не помнимъ, чтобы раньше встрѣчались намъ разсказы г. Зарина, и тѣмъ пріятнѣе было познакомиться съ ними теперь, когда въ отдѣльномъ изданіи, собранные вмѣстѣ, они даютъ возможность составить болѣе или менѣе ясное представленіе о литературной физіономіи ихъ автора. А физіономія эта несомнѣнно симпатична. Вдумчивый тонъ разсказовъ, простой и образный языкъ, въ нѣкоторыхъ, какъ увидимъ ниже, глубокое общественнаго значенія содержаніе—все это выдвигаетъ г-на Зарина изъ ряда обычныхъ поставщиковъ матеріала для легкаго чтенія. Авторъ не просто пишетъ, чтобы получить слѣдуемое, а живетъ горестями и радостями своихъ невидныхъ героевъ, раскрывая предъ читателями душевный міръ обиженныхъ и обойденныхъ людей, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Подворотная идиллія» или «Нашъ грѣхъ». Въ первомъ разсказѣ простая исторія изъ жизни прислуги, той меньшей братіи, которая изъ всѣхъ нашихъ братьевъ едва-ли не больше обездолена жизнью. Подобныя исторіи обычны и такъ примелькались намъ въ жизни, что нужно много дарованія, чтобы заинтересовать ими читателя,—и автору вполнѣ удалось это. Когда на послѣднихъ страницахъ герой разсказа, денщикъ, отбывшій службу, бѣжитъ изъ города, гдѣ его одолѣлъ развратъ столичной подворотной жизни, а городъ, какъ бы въ догонку, посылаетъ ему послѣдній привѣтъ бывшаго «предмета» героя,—жутко становится читателю. Невольно мысль сама собой вызываетъ тысячи такихъ погибшихъ существованій, у которыхъ «тоже вѣдь *мать* была», какъ выражается одинъ изъ суровыхъ персонажей у Достоевскаго. А если авторъ вызвалъ у читателя это чувство жгучаго стыда и жалости,—цѣль его достигнута и куплено право на существованіе его творенія.

Но авторъ затрогиваетъ и не столь обычныя темы. Разсказъ,

которымъ начинается книжка, «Азріэль Лейзеръ», вводитъ насъ въ сферу, совсѣмъ необычную для русскаго читателя. Эта сфера—бытъ еврейской массы, той націи, о которой нашъ читатель только и слышитъ отъ разныхъ «патріотовъ своего отечества» одни клеветы да глумленія.

Не знаемъ, быть можетъ, мы ошибаемся, но намъ такъ кажется,—ничто не вызоветъ въ русскомъ человѣкѣ будущаго болѣе жгучей краски стыда, какъ воспоминаніе о той дикой травлѣ инородцевъ, которою запятнана исторія русскаго общества послѣдняго десятилѣтія. Эта травля обошла почти всѣ органы печати, широкой волной разлилась по всѣмъ слоямъ общества и дошла до народныхъ глубинъ, до сихъ поръ остававшихся нетронутыми ею.

У Гл. Успенскаго есть прелестный типъ стараго солдата Кудиныча, который изъ своихъ многочисленныхъ скитаній по лицу земли родной вынесъ только самыя лестныя воспоминанія о населяющихъ эту землю «націяхъ».

«— А поляки? Какъ?..

«— Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый...

«— Добрый?

«— Поляки народъ, надо сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни-за-что тебя, напр., не допуститъ въ сапогахъ... напримѣръ, заснуть ежели...

«— Не допуститъ?

«— Ни Боже мой!.. ходи чисто! благородно!

«— А черкесы? Ты дрался съ черкесами?

«— Эва! Мы черкеса перебили смѣты нѣту! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ, лучше этого народа, надо такъ сказать прямо, не сыщешь» («Больная совѣсть»).

И такъ всѣ «народы»,—одинъ, «надо такъ-сказать прямо», лучше другого, что не мѣшало Кудинычу перебить ихъ «смѣты нѣтъ», но изъ этого столкновенія злобы онъ не вынесъ.

Но если бы тотъ же великій художникъ заглянулъ въ душу Кудиныча теперь,—врядъ ли нашелъ бы онъ тамъ то же незлобіе и ту же кротость. Систематическая травля, неустанное наускиваніе, клеветническіе извѣты и лганье—лганье безъ конца, длящееся не годъ и не два, отражающееся и въ жизни, въ формахъ болѣе или менѣе реальныхъ,—не можетъ пройти безслѣдно. Капля долбитъ камень не силой, а частотою паденія, а душа народа—не камень. Вѣдь читаетъ же кто-нибудь всѣ эти ламентаціи объ утѣсненіи Кудиныча то «полякомъ», то «черкесомъ», то финномъ, то евреемъ. Спросъ вызывается предложеніемъ, но и самъ вызываетъ его, а если

изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю преподносятъ Кудинычу и оптомъ, и въ розницу доносы на всѣ національности, его окружающія, травятъ его ими и натравливаютъ его на нихъ,—не можетъ онъ при всемъ незлобіи не почувствовать извѣстной горечи за свои мнимыя и дѣйствительныя обиды. И горекъ будетъ плодъ, который выростетъ изъ этого сѣмени.

Какъ это ни печально, но лучшая часть литературы мало, почти совсѣмъ не давала отпора дикому шовинизму. Въ беллетристикѣ, именно той литературной формѣ, которая сильнѣе всего способна воздѣйствовать на душу читателя, мы почти не встрѣчаемъ такого отпора. Если припомнить беллетристическія произведенія послѣдняго времени, то кромѣ чуднаго разсказа г. Вл. Короленко «Іомъ-кипуръ» да разсказа Наумова (уже умершаго) «Въ глухомъ городкѣ», кажется, ничего и не найдется больше, посвященнаго изображенію гонимыхъ, или, по терминологіи патріотовъ — торжествующихъ насчетъ русскаго народа національностей.

Разсказъ г. Зарина принадлежитъ къ тому же роду, что и упомянутые разсказы гг. Короленко и Наумова. Конечно, онъ не блещетъ яркостью красокъ и богатствомъ образовъ, отличающихъ произведенія перваго изъ этихъ художниковъ. Тѣмъ не менѣе, задуманъ онъ хорошо и въ общемъ выполненъ такъ же Это исторія еврейскаго юноши, стремящагося выбиться изъ тьмы, въ которую погружена еврейская масса, жаждущаго «учиться, чтобы знать, какъ живутъ другіе люди, какъ надо жить самому». Въ бѣдномъ глухомъ городишкѣ польскаго края, съ населеніемъ почти сплошь еврейскимъ, «знающимъ только еврейскій языкъ, вѣрящимъ въ непогрѣшимость Талмуда, слушающимъ только своего раввина и управляемымъ кагаломъ», въ семьѣ бѣднаго ремесленника растетъ сынишка Азріэль, надежда и гордость отца, мечтающаго видѣть своего сына великимъ ученымъ, раввиномъ, можетъ быть, даже цадикомъ (такъ называются мѣстные святые мужи у евреевъ). О, эти мечты весьма реальнаго содержанія! Потому что,— какъ это ни странно для русскаго читателя, — въ душѣ практическаго племени, націи гешефтмахеровъ, обиралъ и эксплуататоровъ, таится почти священное уваженіе къ людямъ науки, рыцарямъ духа, тѣмъ избранникамъ божіимъ, которые, «треволненія мірскаго далекіе», погружены въ изученіе мудрости и откровеній. Каждый въ этомъ народѣ «свято чтитъ высокоумныя наставленія своихъ раввиновъ, добродѣтельныхъ хуседовъ (праведниковъ) и въ тайникѣ души своей желаетъ только сдѣлать одного изъ

сыновей своихъ ученымъ талмудистомъ. Тогда ихъ счастье обезпечено. Ученый талмудистъ всегда найдетъ богатаго тестя, современемъ сдѣлается раввиномъ; съ ученымъ талмудистомъ неразлучны довольство и почести». Типъ такого ученаго знакомъ нашей читающей публикѣ въ чудномъ изображеніи «Самсона Сильнаго» г-жи Ожешковой.

Маленькій Азріэль—будущій Самсонъ Сильный. Это необыкновенный ребенокъ, весь погруженный въ изученіе хитрыхъ и высокомудрыхъ толкованій Талмуда. И учителя, и отецъ не налюбуются имъ, когда на любой, внезапно заданный вопросъ у него готовъ немедленный отвѣтъ. «Почему надо обрѣзать ногти въ пятницу?» Азріэль весь вспыхиваетъ и такъ и чешетъ: «Реби Шимонъ-бенъ-Локишъ говоритъ: ногти надо обрѣзывать въ пятницу, потому что они обыкновенно отростаютъ на третій день, и если бы обрѣзать ногти въ четвергъ, то они начали бы рости въ субботу, значитъ, не имѣли бы отдыха». Много премудрости поглотилъ уже Азріэль, и близка къ осуществленію мечта его отца—видѣть сына великимъ раввиномъ. Но недремлющій бѣсъ суемудрія и познанія, «сей прелестникъ рода человѣческаго», заглядываетъ въ дѣвственную душу будущаго свѣтила Талмуда и вноситъ туда разладъ и сомнѣніе. Подъ вліяніемъ товарища, знающаго русскій языкъ, читавшаго не только священныя толкованія и видѣвшаго не только глухую нору, гдѣ учится Азріэль, послѣдній проникается желаніемъ и самому заглянуть въ этотъ міръ, столь чуждый ему и далекій, и вырывается изъ семьи, изъ школы, изъ Талмуда. «И въ этомъ заключается катастрофа», жертвой которой падаетъ бѣдный жиденокъ, не выдержавъ бремени, требовавшаго болѣе крѣпкихъ плечъ и болѣе стойкаго сердца.

Какъ могутъ судить читатели, разсказъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ г-жи Ожешковой. Въ сущности, это исторія Мейера Іозефовича, хотя съ инымъ концомъ. Мейеръ уходитъ разбитый, но не побѣжденный, нашъ герой кончаетъ самоубійствомъ, подавленный роковой неудачей (потерей паспорта, безъ котораго его не принимаютъ въ гимназію). Но это не лишаетъ разсказа ни достоинствъ, ни значенія. Авторъ вездѣ съумѣлъ выдержать естественный, простой тонъ, который только отчасти нарушается мелодраматическимъ концомъ. А значеніе разсказа заключается въ человѣчномъ отношеніи автора къ своей темѣ, въ умѣньи показать читателю уголокъ темной, безотрадной жизни, уголокъ, какихъ много за такъ называемой «чертой осѣдлости», гдѣ гонимое племя, скученное на небольшомъ пространствѣ, ведетъ жестокую борьбу за существованіе, полное лишеній, нужды и горя,

но не лишенное порывовъ туда, «надъ звѣзды, въ области вѣчнаго безмолвія», гдѣ, какъ мы вѣримъ, «царство вѣчной юности и вѣчной красоты».

Не той, конечно, красоты, первою ступенью къ которой г-жа Гиппіусъ считаетъ сборникъ своихъ разсказовъ «Новые люди». Да, такъ, именно этими словами и выражается она, посвящая свою книжку г-ну Волынскому. «Разными путями,—пишетъ она въ посвященіи,—можно идти къ цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе которымъ вы боретесь—иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣе встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю вамъ эту книгу—*первую ступень къ новой красотѣ*, которая дорога намъ обоимъ».

Сильно выражается г-жа Гиппіусъ, но будемъ снисходительны и, не взирая на внѣшность, заглянемъ «въ корень», по совѣту «стараго человѣка» Кузьмы Пруткова. Не все же врутъ старые люди. На первой страницѣ читаемъ первыя строчки: «Зачѣмъ она такъ сдѣлала, что я не умѣю жить безъ нея? Это она сдѣлала, я не виноватъ...» Доходимъ до послѣдней страницы и читаемъ послѣднія строчки: «Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Она съ радостью отвѣтила ему—и Андрей опять невольно подумалъ, какія у нея мягкія, пріятныя губы и какая она вся милая».

Однако, готовъ подумать «старый человѣкъ», у «новыхъ людей» совсѣмъ какъ и у насъ грѣшныхъ. Вѣдь, и намъ «она» порядочно-таки надѣлала всякихъ бѣдъ, такъ что и безъ нея жить не можешь, и съ нею — тоже, какъ выражается «старый» поэтъ,

Nec sine te, nec tecum vivere possum. *)

Точно также и «старые люди», подобно «новому» Андрею, цѣловали «ее», находя ее «*всю* милой»,—«und das war die eigentliche Katastrophe», какъ говоритъ другой, тоже «старый» поэтъ. И если бы совѣты старыхъ людей могли имѣть значеніе, они, умудренные опытомъ, посовѣтовали бы новымъ людямъ—не увлекаться въ подобныхъ случаяхъ. Ибо и въ любви немножко критики никогда не мѣшаетъ. Къ сожалѣнію, они заранѣе знаютъ, что всѣ совѣты безсильны, когда приходитъ «она» и кладетъ свою властную руку на склоненную голову «его». И новымъ людямъ придется много пережить, и много выстрадать, прежде чѣмъ поймутъ они, что «тѣ слова и слезы были ложь», какъ говоритъ третій, не такъ чтобы ужъ очень молодой поэтъ.

---

*) Ни безъ тебя, ни съ тобою я жить не могу.

Но если не въ любви, то въ своей литературной дѣятельности немножко критики—насущная необходимость. Г-жа Гиппіусъ совсѣмъ «новый человѣкъ», судя по ея ооткровенной самовлюбленности, но при чемъ же тутъ «новая красота», и гдѣ она въ этихъ разсказахъ.—«Подъ яблонею», «Богиня», «Миссъ Май», въ которыхъ все та же вѣчная канитель любовныхъ терзаній?

Пусть судятъ читатели.

Въ «Богинѣ» повѣствуется о нѣкоемъ студентѣ Пустоплюнди (фамилія, должно, быть, ради вящей красоты такая), какъ онъ увлекается нѣкоей барышней Попочкой. Все пока въ порядкѣ вещей, и тотъ не студентъ, кто не увлекается, по крайней мѣрѣ, одной барышней. Дальше описывается пикникъ, все идетъ, какъ слѣдуетъ,—барышня кокетничаетъ, студентъ млѣетъ, читатель зѣваетъ. И вдругъ все это благополучіе нарушается слѣдующей неожиданной катастрофой. На обратномъ пути пришлось переходить рѣчку по жердочкамъ. Пустоплюнди, какъ галантный кавалеръ, хотя и новый человѣкъ, предлагаетъ барышнѣ руку, ведетъ ее по жердочкамъ, какъ вдругъ:

«Ея каблучекъ скользнулъ по тонкой корѣ круглаго ствола, она хотѣла удержаться и не могла, Пустоплюнди выпустилъ ея руку—и тѣло ея грузно упало въ воду, а кверху полетѣлъ цѣлый столбъ брызгъ.

Одно мгновеніе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Попочка скрылась подъ водой. Пустоплюнди это мгновеніе простоялъ на мосту, потомъ также стремимительно бросился внизъ (*браво, молодой человѣкъ!*) и, погрузившись на секунду, поплылъ, причемъ отфыркивался, билъ ногами, обутыми въ сапоги (*что за художественная точность!*), плашмя по водѣ и держалъ руки «граблями» (*кавычки автора*), съ раздвинутыми пальцами, какъ всѣ люди, скверно плавающіе (*почему—скверно? Не вѣрнѣе ли, не умѣющіе плавать?*). Въ зубахъ онъ тянулъ платье Попочки, но это было совершенно безполезно, потому что Попочка не плыла, а шла по дну рядомъ, и вода едва доходила ей до пояса. Наконецъ, и Пустоплюнди сообразилъ, что онъ плыветъ напрасно, сталъ на ноги и пошелъ пѣшкомъ (*подробность весьма необходимая, чтобы иной читатель изъ «новыхъ людей» не подумалъ, что герой въ этотъ моментъ ѣхалъ въ каретѣ*). Вода на самой серединѣ не была глубже полутора аршина: Попочка скрылась подъ водой, вѣроятно, потому, что не успѣла стать на ноги (*не только вѣроятно, но даже несомнѣнно*),

Все это случилось скорѣе и стремительнѣе, чѣмъ кто-либо успѣлъ произнести слово. Когда Попочка вышла на берегъ—всѣ бросились къ ней. Но Попочки больше не было. Мокрый Пустоплюнди широкими отъ ужаса глазами глядѣлъ на нее, на себя и припоминалъ все случившееся. Онъ ясно помнилъ, какъ она тяжело упала, какъ онъ бросился и какъ глупо плылъ, ударая сапогами воду плашмя. И эти сапоги были ему смѣшны и противны, и противно илистое дно, гдѣ онъ сразу схватилъ Попочку за лицо, а потомъ за платье, противна эта мокрая рыдающая барышня, всхлипывающая, какъ въ истерикѣ. Бѣлаго платья, похожаго на паръ, больше не было: въ грязи, въ тинѣ, въ илѣ, намокшее, повисшее, облипшее—оно было страшно. Волосы Попочки упали; тонкая коса, выше пояса, почернѣла и заострилась на кончикѣ, и съ кончика тихо капала вода».

Получивъ холодную ванну, герой очувствовался—и дѣлу конецъ.

Гдѣ здѣсь красота, да еще новая? Къ чему разсказана вся эта смѣхотворная исторія, годная развѣ въ газетный фельетонъ?

Среди разсказовъ г-жи Гиппіусъ не все однѣ потуги на оригинальность, а есть кое-что дѣйствительно интересное и не безъ таланта написанное. Таковы ея разсказы—«Простая жизнь», напечатанный въ свое время въ «Вѣстн. Европы», «Ближе къ природѣ, «Смиреніе». Въ нихъ нѣтъ ничего новаго въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ это слово г-жа Гиппіусъ. Это простые разсказы о простыхъ людяхъ, написанные безъ претензій, тепло и живо, обнаруживающіе въ авторѣ несомнѣнную наблюдательность и умѣнье проникать въ душу людей. Каждый вызываетъ въ читателѣ извѣстное настроеніе, не нарушаемое съ начала и до конца никакимъ неудачнымъ кувырканьемъ героевъ и героинь, во вкусѣ новѣйшей декадентской техники.

То же самое можно сказать и о стихотвореніяхъ г-жи Гиппіусъ, между которыми есть два-три недурныхъ, выдержанныхъ по формѣ и содержанію. Такова баллада въ романтическомъ стилѣ «Гризельда», которую позволимъ собѣ привести цѣликомъ, чтобы дать понятіе читателямъ о талантѣ г-жи Гиппіусъ, никогда не измѣняющемъ ей,когда она остается вѣрной завѣтамъ «старой красоты»: быть правдивой, не манерничать и не жеманиться.

Гризельда.

Надъ озеромъ, высоко,
Гдѣ узкое окно,
Гризельды свѣтлоокой
Стучитъ веретено.

Въ покоѣ отдаленномъ
И въ замкѣ—тишина.
Лишь въ озерѣ зеленомъ
Колышется волна.

Гризельда не устанетъ,
Свивая блѣдный ленъ,
Не выдастъ, не обманетъ
Вѣрнѣйшая изъ женъ.

Неслыханныя бѣды
Она перенесла:
Искалъ надъ ней побѣды
Самъ Повелитель Зла.

Любовною отравой
И дерзостной игрой,
Манилъ ее онъ славой,
Весельемъ, красотой...

Ей были искушенья
Таинственныхъ утѣхъ,
Всѣ радости забвенья,
И все, чѣмъ сладокъ грѣхъ.

Но сатана смирился,
Гризельдой побѣжденъ,
И врагъ людской склонился
Предъ лучшею изъ женъ.

Чье нынѣ злое око
Нарушитъ тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уѣхалъ на войну?

Рядъ мирныхъ утѣшеній
Гризельдѣ предстоитъ:
Обнявъ ея колѣни
Кудрявый мальчикъ спитъ.

И въ сводчатомъ покоѣ
Святая тишина:
Ихъ двое, только двое—
Ребенокъ и она.

У ней льняныя косы
И бархатный уборъ.
За озеромъ утесы
И цѣпи вольныхъ горъ.

Гризельда смотритъ въ воду,
Нежданно смущена,
И мнится, про свободу
Лепечетъ ей волна.

Про волю, дерзновенье,
И поцѣлуй, и смѣхъ...
Лепечетъ, что смиренье
Есть величайшій грѣхъ.

Прошли былыя бѣды,
О вѣрная жена!
Но радостью-ль побѣды
Душа твоя полна?

Все тише ропотъ прялки,
Не вьется блѣдный ленъ...
О міръ обмана жалкій,
О добродѣтель женъ!

Гризельда побѣдила,
Душа ея свѣтла...
А все-жъ какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой мужъ далеко
И помнитъ ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя въ плѣну.

И снова сердце жаждетъ
Таинственныхъ утѣхъ...
Зачѣмъ оно такъ страждетъ,
Зачѣмъ такъ силенъ грѣхъ?

О, мудрый соблазнитель,
Злой духъ, ужели ты—
Непонятый учитель
Великой красоты?

Досадно за г-жу Гиппіусъ и жалко становится, когда на ряду съ такими граціозными вещицами начинается декадентское оригинальничаніе, безсильные порывы къ какой-то «новой красотѣ», въ которой и самъ авторъ, видимо, не даетъ себѣ отчета. Можно сказать, не опасаясь впасть въ грубую ошибку, что въ маленькой книжечкѣ г-жи Гиппіусъ съ большими претензіями все, что ново,— плоско, даже пошло и неостроумно, а все дѣйствительно достойное вниманія—не ново. Талантомъ г-жа Гиппіусъ обладаетъ, но талантъ этотъ маленькій, почти крошечный, и тѣмъ болѣе осторожнаго обращенія требуетъ, выдавая автора головой, лишь только г-жа Гиппіусъ начинаетъ заводить на всѣ лады, весьма негармоничные, «мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ!» («Пѣсня»).

Тогда г-жа Гиппіусъ теряетъ всякую оригинальность, уподобляясь декодентской вереницѣ «поэтовъ», опять осчастливившихъ міръ твореніями, въ которыхъ каждый не знаетъ, какъ блеснуть очаровательнѣе, чѣмъ превзойти другого, а всѣ вмѣстѣ наводятъ убійственную скуку. На Парнасѣ можно говорить, что угодно и какъ угодно, лишь бы было интересно, живо, увлекательно. Но разъ изъ этихъ разговоровъ ничего, кромѣ скуки, не получается, этимъ подписанъ смертный приговоръ для говоруновъ, кто бы они ни были, декаденты ли, жрецы ли чистаго искусства или проповѣдники гражданскихъ чувствъ. Фебъ—веселый, вѣчно юный богъ, и, проводя все время въ обществѣ плѣнительныхъ музъ, не терпитъ уродства, а скука есть проявленіе душевнаго уродства. Человѣкъ, здоровый и нормальный, никогда не скучаетъ. Ему не-

когда, жизнь такъ богата, такъ искрится и сверкаетъ, непрестанно мѣняя цвѣта, гдѣ же тутъ скучать? Можно страдать, мучиться, тосковать то отъ любви, то отъ ненависти, но скучаютъ только живые мертвецы и... декаденты.

Изъ ихъ унылой толпы выдѣляется одинъ только г. Бальмонтъ, который выпустилъ новый томикъ своихъ стихотвореній, насколько помнится, уже второй, и первый, вышедшій года три тому назадъ, намъ больше нравится. Онъ меньше по объему, но содержательнѣе, пьесы подоброны въ немъ тщательнѣе, каждая вещь выдается то оригинальностью формы, то содержаніемъ. Нельзя сказать того же про новый сборникъ, озаглавленный «Въ безбрежности». Вычурность заглавія, къ сожалѣнію, отвѣчаетъ вычурности большинства стихотвореній, которыя, за немногими исключеніями, неудовлетворительны. Нѣтъ прежней, свойственной стиху г. Бальмонта звучности, образности и настроенія. Въ большинствѣ звучитъ какая-то болѣзненная нотка, слышится надорванность, чувствуется ослабленіе художественной чуткости. Напрасно также г. Бальмонтъ помѣстилъ стихотворенія въ прозѣ, которыя мало удаются ему. Вотъ, напр., начало одного «Прощальный взглядъ».

«Когда юность уходитъ отъ насъ, она рѣдко оглядывается, и если оглядывается, мы видимъ, что все лицо у нея заплакано.

Кто скажетъ, почему? Вы думаете, быть можетъ, что ей жалко покидать насъ, жалко видѣть, что у вчерашняго юноши, еще недавно смѣявшагося такъ безаботно, засеребрилась сѣдина?

Быть можетъ... Но я думаю другое... Мнѣ кажется, что ей жалко не насъ, а себя: она могла бы уйти отъ насъ богатой, а уходитъ всегда нищей. И какъ горько тому, кто встрѣтитъ ея прощальный взглядъ,—какая въ этомъ взорѣ мука, какой безмолвный упрекъ!

Никто не избѣгнетъ ея прощальнаго взгляда. Для каждаго наступаетъ своя очередь. И сегодня была очередь за мной. О, я никогда не забуду этого дня!»

Гдѣ здѣсь поэзія? Гдѣ образы, настроеніе, чувство? Это — глубокомысленныя разсужденія на тему о суетѣ мірской. или что угодно, только не стихотвореніе въ прозѣ.

Но не всѣ вещи новаго сборника такъ неудачны, и было бы болѣе, чѣмъ невѣрно, отмѣтить только ихъ. Вотъ, напр., безупречное по выдержанности стихотвореніе, со всѣми особенностями г. Бальмонта, какъ поэта.

Первая любовь.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,

*

Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлые скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

Г. Бальмонту лучше всего удаются неопредѣленные затуманенные образы, полные чарующей тоски и сладостной печали.

То, что принято называть общественными мотивами, не свойственно душѣ г. Бальмонта, но когда настроеніе, хотя бы возникшее на почвѣ нѣсколько иной, чѣмъ жизнь общественная, сближаетъ его съ чувствомъ любви къ родинѣ, тогда и у него можетъ вылиться прекрасная строфа, какъ показываетъ слѣдующее стихотвореніе, красивое и прочувствованное:

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.
Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится мятель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы въ даль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!
Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

Какъ поэтъ, г. Бальмонтъ—истинное дитя нашихъ дней, туманныхъ и сырыхъ, гдѣ безъ расцвѣта отцвѣтаютъ мечты, ничего не оставляя послѣ себя, кромѣ душевной усталости. До болѣзненности натянутые нервы не выносятъ ничего рѣзкаго, сильнаго, за то способны воспринимать едва уловимые нюансы «несуществующихъ чувствъ». Отсюда этотъ минорный тонъ его поэзіи, проникнутой тихой скорбью, никогда не переходящей въ крикъ отчаянія, вопль страсти и гнѣва. «Я жилъ еще немного, но слишкомъ долго жилъ», жалуется его больной.

Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
И пылъ своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.

«Уснуть, на вѣкъ уснуть!»—вотъ все, къ чему приходитъ его «Больной» — и невольно напрашивается сравненіе съ другимъ «Больнымъ» другого поэта.

Это одно изъ лучшихъ стихотвореній г-на Минскаго, вдохновленное трагической судьбой императора Фридриха, процарствовавшаго три мѣсяца, не успѣвъ осуществить ни одной благородной мечты, выношенной имъ въ душѣ въ долгіе часы молчаливыхъ страданій. Предъ нами больной, наканунѣ смерти, но онъ не жалуется на безплодную жизнь, на преждевременную усталость, на недостатокъ интереса къ жизни. Въ одинокихъ думахъ, вдали отъ блеска и суеты жизни, многое представляется ему теперь въ иномъ видѣ, вызывая горькое сожалѣніе, что слабѣющія силы не даютъ надежды исправить ошибку прежней дѣятельности. Онъ страстно жаждетъ продлить жизнь хотя на мигъ —

и предъ лицомъ природы
Онъ повторяетъ вслухъ души свой обѣтъ:
Ничѣмъ не жертвовать для славы безразсудной,
Съ любовью направлять державныя бразды,
И никогда въ нашъ міръ, и такъ отрадой скудный,
Не призывать страданій и вражды.

Это—смерть борца, надъ головой котораго и въ часъ смерти витаютъ образы жизни, а въ сердцѣ звучитъ угасающій призывъ къ борьбѣ.

И эта нота громче другихъ звучитъ въ стихотвореніяхъ г. Минскаго, третьимъ изданіемъ вышедшихъ въ этомъ году *). Непонятно, поэтому, зачѣмъ авторъ снабдилъ ихъ туманнымъ и неяснымъ «посвященіемъ», вовсе не отвѣчающимъ содержанію, которое, въ огромномъ большинствѣ его стихотвореній, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ лучшихъ изъ нихъ, вполнѣ ясно, не можетъ вызвать никакихъ двусмысленныхъ толкованій. Тогда какъ «Посвященіе» весьма странно, какъ могутъ судить читатели:

Я цѣпи старыя свергаю,
Молитвы новыя пою.
Тебѣ, далекой, гимнъ слагаю,
Тебя, свободную, пою,

*) Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Ты страсть отъ сердца отрѣшила,
Твой блѣдный взоръ надежду сжегъ.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтобъ я постичь свободу могъ.

Но впавшей въ океанъ бездонный
Возврата нѣтъ волнѣ ручья.
Въ твоихъ цѣпяхъ освобожденный.
Я—вѣчно твой, а ты—ничья.

Но, повторяемъ, не надо судить по этому «Посвященію» о содержаніи всей книги. «Посвященіе» — просто маленькое антраша въ декадентскомъ вкусѣ, что въ возрастѣ г. Минскаго немножко рискованно, и во всякомъ случаѣ «и не къ лицу, и не пристало».

«Съ отрадой, многимъ незнакомой», но вполнѣ понятной для любителей невымученной поэзіи, далекой «неуловимыхъ нюансовъ неощутимыхъ ощущеній», читаете вы стихотворенія г. Минскаго,— и его «гражданскіе мотивы», и «элегіи», и «сонеты». Когда отъ декадентской поэзіи переходишь къ такимъ стихамъ, испытываешь ощущеніе свѣжей, холодной, рѣжущей струи чистаго воздуха, ворвавшагося въ душную атмосферу больничной палаты.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею.

Не грусти, что во innerhalb мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это лай—предъ зарею...

Вотъ настоящій голосъ г. Минскаго, его стихъ, его манера, и всегда, когда онъ остается вѣренъ себѣ, онъ производитъ впечатлѣніе. Его стихъ нѣсколько холоденъ, иногда отдаетъ реторикой, но это холодъ шпаги, блестя и сверкая разсѣкающей воздухъ. Его образы всегда ясны, безъ того дымчатаго покрывала, которымъ старательно закутываютъ ихъ новѣйшіе творцы, словно боясь нарушить очарованіе слишкомъ рѣзкой наготой своихъ

созданій. Напрасно, красота не боится наготы, лишь безобразіе кутается въ покрывало. А впрочемъ, быть можетъ, и не безцѣльно они такъ поступаютъ, ибо это—«новая красота», которая при ближайшемъ разсмотрѣніи можетъ оказаться совсѣмъ особенной. Намековъ на это разсѣяно въ произведеніяхъ ея поклонниковъ достаточно...

Не такъ поступаетъ пѣвецъ «старой» красоты.

Къ ласкамъ свиданія
Друга зовешь ли, страстнѣе зови!
Пой! Не стыдися признанія.
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, что движется, правитъ.
Счастливъ, кто въ пѣснѣ любовь свою славитъ.

Если же счастія
Грезу мгновенную жребій унесъ,—
Плачь! Не стыдися участія.
Нѣтъ ничего благотворнѣе слезъ.
Черная скорбь все живущее гложетъ.
Счастливъ, кто скорбь свою выплакать можетъ.

Міра безбрежнаго,
Вѣчности темной не бойся, пѣвецъ.
Міръ безъ восторга мятежнаго,
Міръ безъ страданій—огромный мертвецъ.
Вѣчность мертва безъ живого мгновенья,
Жизнь холодна безъ огня вдохновенья.

Видишь: печальнѣе
Мѣсяцъ склонился челомъ золотымъ,
Небо разверзлося дальнее.
Полночь прислушалась къ стонамъ твоимъ.
Слушаетъ ночь,—и, эфиръ обжигая,
Грустныя звѣзды катятся, сверкая.

Въ истинной поэзіи есть чарующая свѣжесть, какъ въ воздухѣ ясной морозной ночи, будетъ ли мотивомъ ея гражданская скорбь, или порывы личнаго чувства, или созерцаніе чистой красоты. И г. Минскій всегда является истиннымъ поэтомъ, когда отдается во власть искренняго чувства. Также хороши и его элегіи, которыя могутъ служить образцами чистой лирики. Въ особенности хороша первая, на мотивъ изъ Мюссэ:

Adieu! Ta blanche main sur le clavier d'ivoire,
Durant les nuits d'été, ne voltigera plus *).

Позволимъ себѣ привести начало ея, въ надеждѣ, что читатели не посѣтуютъ за длинную выдержку.

*) Прости! Твоя бѣлая рука, въ теченіе лѣтнихъ ночей, не будетъ больше пробѣгать слегка по клавишамъ изъ слоновой кости.

Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый,
Въ моей душѣ проснулся и звучитъ.
Прогнать его нѣтъ силъ. То замолчитъ,
То, какъ нагорный ключъ неудержимый,
Опять польетъ безсонную струю
И шепчетъ средь безмолвія ночного,—
Нагорный ключъ, ниспавшій въ грудь мою
Съ вершинъ замерзшихъ счастія былого.

Какъ много мнѣ напомнили они—
Созвучія любви и сладкой муки:
Нашъ мирный уголокъ, рояль въ тѣни,
По клавишамъ порхающія руки,
Вечерній часъ, досугъ, любовь, покой...
И всякій разъ, когда напѣвъ любимый
Изъ-подъ любимыхъ рукъ лился волной,
Мнѣ грудь сжималъ восторгъ невыразимый.

И звуки претворялися въ мечты,
Неясныя, какъ шопотъ въ часъ полночный.
Мнѣ снились волны, горы и цвѣты.
Я снился самъ себѣ, но безпорочный,
Рожденный жить и умереть, любя.
Такъ ива, наклонясь къ рѣкѣ зеркальной,
Въ ней видитъ небо, звѣзды и себя,
Но болѣе прекрасной и печальной.

И часто, чуть въ струнахъ стихала дрожь,
Она ко мнѣ садилась и шептала
Слова любви и отъ любви рыдала,—
И тѣ слова и слезы были ложь...
. . . .

Трудно было бы перечислить лучшія пьесы въ сборникѣ г. Минскаго; большая часть ихъ давно пользуются вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ, напр., его «Бѣлыя ночи», «Прокаженный», сонеты и проч. Мѣстами, однако, попадаются и у него какъ бы робкія попытки къ декадентскому стилю. Можетъ быть, мы и ошибаемся, и въ этомъ опять сказывается невольное вліяніе отголосковъ декадентской поэзіи, отъ которыхъ нелегко отдѣлаться. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе производитъ странная, чтобы не сказать болѣе, поэма «Городъ смерти». Такъ это или нѣтъ, но произведеніе это болѣе, чѣмъ неудачное, и если отвѣчаетъ чему, такъ развѣ только «Посвященію», которому оно составляетъ превосходнѣйшій pendant. Драматическая поэма «Смерть Кая Гракха», заканчивающая книгу, тоже не принадлежитъ къ числу лучшихъ вещей г. Минскаго. Въ ней реторика подавила поэзію, и, не смотря на величавый сюжетъ, читатель остается къ нему совершенно холоднымъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Второй всероссійскій съѣздъ дѣятелей по техническому образованію. Второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, происходившій въ Москвѣ съ 27 декабря по 7 января, привлекъ къ участію въ своихъ трудахъ большое количество членовъ, работавшихъ чрезнычайно энергично. Характерной чертой этого съѣзда было господствующее въ средѣ его сознаніе тѣсной связи профессіональнаго образованія съ общимъ. Съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества дѣятели по профессіональному образованію съ рѣдкимъ единодушіемъ отстаивали общеобразовательный характеръ начальной школы, и вполнѣ присоединились къ взгляду, высказанному товарищемъ предсѣдателемъ съѣзда, А. Г. Неболсинымъ, въ его рѣчи на открытіи съѣзда, а именно—что «общее начальное образованіе составляетъ основу всякаго техническаго и профессіональнаго». Даже въ такихъ спеціальныхъ секціяхъ съѣзда, какъ, напр., секція ручного труда, сельско-хозяйственнаго образованія, секція женскаго профессіональнаго образованія—вездѣ высказывались пожеланія, чтобы сообщеніе спеціальныхъ свѣдѣнійимѣло общеобразовательный, а не профессіональный характеръ, и чтобы оно не шло въ ущербъ преподаванію общихъ предметовъ.

Изъ 14-ти секцій съѣзда наибольшій интересъ представляла IX-я секція общихъ вопросовъ, которая поставила себѣ двѣ основныя задачи: во-первыхъ, выяснить, подготовлено ли населеніе Россіи къ усвоенію техническихъ знаній. Съ этой цѣлью директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ были разосланы вопросные листы, въ которыхъ спрашивалось о количествѣ начальныхъ училищъ по губерніямъ, о числѣ учениковъ, учителей, о средствахъ, затрачиваемыхъ на народное образованіе, и пр. Считая всеобщее обученіе существенно важнымъ условіемъ распространенія въ народѣ техническихъ и профессіональныхъ знаній, секція разослала также листы съ вопросами по этому предмету. Во-вторыхъ, секція поставила себѣ задачей выяснить вліяніе общаго и профессіональнаго образованія на производительность труда и прогрессъ техники въ кустарной и фабричной промышленности и въ земледѣліи. Въ своей рѣчи въ общемъ собраніи при открытіи съѣзда, предсѣдатель секціи общихъ вопросовъ, профессоръ московскаго университета Духовскій, въ общихъ чертахъ сформулировалъ заключенія, какія могутъ быть сдѣланы на основаніи доставленнаго секціи матеріала по вопросу о подготовленности населенія къ воспріятію техническихъ и профессіональныхъ знаній. По его словамъ, изъ этихъ свѣдѣній вы-

ясняется, какъ ничтожно въ Россіи количество школъ по отношенію къ населенію. «Народная школа въ земскихъ губерніяхъ Россіи приходится на 3.052 сельскихъ жителей, а въ неземскихъ — на 5.223 жителя. По числу селеній въ земскихъ губ. одна школа въ среднемъ приходится на 11 селеній, а въ неземскихъ— на 51». Въ виду такой отсталости Россіи въ дѣлѣ начальнаго образованія, являющейся крупной помѣхой и для техническаго и профессіональнаго образованія, вопросъ о введеніи всеобщаго обученія имѣетъ огромное значеніе, и естественно привлекаетъ къ себѣ общій интересъ. Въ секціи общихъ вопросовъ ему было посвящено нѣсколько рефератовъ. Первымъ референтомъ по вопросу о всеобщемъ обученіи выступилъ В. П. Вахтеровъ, развившій въ своемъ докладѣ слѣдующіе тезисы: «Осуществленіе всеобщаго обученія не потребуетъ отъ страны чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ способностей, будетъ встрѣчено большинствомъ населенія не враждебно и найдетъ достаточное число людей, готовыхъ работать для проведенія этого начала въ жизнь. Всеобщее обученіе можетъ быть достигнуто слѣдующими мѣрами: мѣстныя компетентныя учрежденія разрабатываютъ поуѣздныя сѣти, планы и смѣты всеобщаго обученія; на основаніи этихъ работъ закономъ опредѣляются minimum'ы школъ и расходовъ съ точнымъ распредѣленіемъ послѣднихъ между казною, земствомъ, городскими и сельскими обществами и т. д. Въ случаѣ неисполненія кѣмълибо закономъ опредѣленныхъ постановленій по осуществленію плана всеобщаго обученія, каждому родителю дѣтей школьнаго возраста должно быть предоставлено право привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Это же право принадлежитъ и учрежденіямъ, на кои возложено попеченіе о начальномъ народномъ образованіи. Когда число училищъ будетъ достаточнымъ для всеобщаго обученія, настанетъ время провозгласить обязательнымъ посѣщеніе школъ дѣтьми школьнаго возраста».

Дополненіемъ этого доклада явился рефератъ А. Ѳ. Гартвига: «Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи», въ которомъ доказывались слѣдующія положенія: «1) Вопросъ о всеобщемъ обученіи является настолько назрѣвшимъ какъ въ сознаніи населенія, такъ и среди лицъ, завѣдующихъ дѣломъ народнаго образованія, что разрѣшеніе этого вопроса представляется дѣломъ неотложнымъ. 2) Въ виду спорности вопроса о личной обязательности обученія, при которой всякое лицо обязывается посылать своихъ дѣтей въ школу подъ угрозою штрафа, а также въ виду крайняго недостатка школъ и ихъ отдаленности, первымъ по времени долженъ быть поставленъ лишь вопросъ о всеобщемъ обученіи, при которомъ число школъ въ данной мѣстности должно соотвѣтствовать числу дѣтей, посылаемыхъ въ школу. 3) Послѣ необходимаго удовлетворенія права населенія на обученіе дѣтей, необходимо поставить вопросъ и о лично обязательномъ обученіи хотя бы въ виду громаднаго значенія самаго принципа обязательности, выдвигаемаго западно-европейскими государствами; для своего разрѣшенія этотъ вопросъ потребуетъ тщательнаго изученія условій, при которыхъ такая обязательность явится цѣлесообразной».

Оба доклада возбудили самыя оживленныя пренія и возраженія со стороны гг. Ольденбурга, Чехова, Н. А. Скворцова и др. Большинство высказалось противъ личной и общественной обязательности обученія и противъ нормировки дѣятельности земствъ въ области его заботъ о народномъ образованіи, въ которой если и случаются порой колебанія, то съ послѣдними легче ми-

риться, чѣмъ съ тѣми колебаніями, которыя были и, безъ сомнѣнія, будутъ и у командующихъ учрежденій, на обязанности которыхъ будетъ возложена нормировка дѣятельности земствъ въ отношеніи устройства достаточнаго количества школъ для осуществленія всеобщаго обязательнаго обученія. При этомъ большинство указало на матеріальныя условія, какъ на условія невозможности и нецѣлесообразности придачи обязательнаго характера всеобщему обученію. Члены съѣзда дружнымъ рукоплесканіемъ выразили свое единомысліе съ вышеуказанными оппонентами. Затѣмъ Н. А. Скворцовъ замѣтилъ, что, кромѣ только-что указанныхъ, матеріальныхъ препятствій по введенію обязательности обученія, существуютъ еще препятствія нравственнаго характера. Препятствіе это заключается въ слѣдующемъ: извѣстный типъ народныхъ школъ пришпиливаетъ къ основной задачѣ народной начальной школы еще миссіонерскія обязанности, что крайне тормозитъ успѣшность распространенія начальнаго образованія въ виду существованія въ Россіи массы различныхъ вѣроисповѣданій, вѣроученій и сектъ. Считаться съ религіозно-нравственнымъ факторомъ должно и неизбѣжно приходится. Вторымъ препятствіемъ является то свойство образованія, которое, оказывая извѣстное вліяніе на поднятіе общаго уровня развитія, одновременно съ этимъ, увеличиваетъ у человѣка чувство личнаго достоинства. Насаждая грамотность среди русскаго крестьянства, не изъятаго отъ позорнѣйшаго тѣлеснаго наказанія, мы увеличимъ нравственный гнетъ, производимый этой формой наказанія. Въ виду всего этого, оппонентъ предложилъ съѣзду, присоединившись къ многочисленнымъ ходатайствамъ, высказать пожеланіе, чтобы введеніе всеобщаго обученія было соединено съ отмѣной тѣлеснаго наказанія. Собраніе рукоплесканіемъ приняло эти пожеланія. Послѣ оживленныхъ и продолжительныхъ преній приняты были слѣдующія резолюціи: 1) выразить пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обученія народа; 2) осуществленіе этого дѣла должны взять на себя органы общественнаго самоуправленія, при матеріальной помощи со стороны государства; 3) государство должно законодательнымъ порядкомъ опредѣлить извѣстный обязательный minimum школьныхъ расходовъ для земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ; 4) ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи созвать 1-й всероссійскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію; мѣстомъ этого съѣзда избрана Москва. Кромѣ того, признана необходимость подобныхъ же областныхъ съѣздовъ; 5) необходимо образовать особое учрежденіе для подготовительныхъ работъ къ 1-му всероссійскому съѣзду дѣятелей по народному образованію.

Для разрѣшенія второй задачи, которую поставила себѣ секція общихъ вопросовъ, т.-е. для разрѣшенія вопроса о вліяніи школы на производительность труда, секція разослала рядъ вопросныхъ пунктовъ сельскимъ хозяевамъ, фабрикантамъ, дѣятелямъ по кустарнымъ промысламъ. Всѣ полученные отвѣты сводятся къ признанію, что грамотность дѣлаетъ трудъ рабочаго безусловно продуктивнѣе, что рабочій, прошедшій народную школу, болѣе смѣтливъ, лучше понимаетъ характеръ даннаго ему дѣла, лучше умѣетъ охранять и экономить матеріалъ. Такой рабочій скорѣе усваиваетъ управленіе механическими приспособленіями, и притомъ не только фабричными, но и земледѣльческими. Многіе фабриканты и сельскіе хозяева писали въ своихъ отвѣтахъ, что они предпочитаютъ брать грамотныхъ рабочихъ, но часто это оказывается невозможнымъ, потому что ихъ неоткуда взять. Затѣмъ слѣдуютъ указанія на то, что трудъ грамотнаго ра-

бочаго оплачивается лучше, чѣмъ трудъ неграмотнаго.

Секція общихъ вопросовъ удѣлила много вниманія обсужденію тѣхъ мѣръ, которыми можно было-бы поднять образовательный уровень взрослаго рабочаго населенія. Первымъ референтомъ по этому вопросу выступилъ А. Ѳ. Гартвигъ. Сущность его доклада—«О типахъ школъ для распространенія профессіональныхъ знаній среди взрослаго населенія»—можетъ быть выражена въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ: 1) воскресно-вечернія школы могутъ служить наиболѣе цѣлесообразными учрежденіями для распространенія знаній среди населенія внѣшкольнаго возраста; 2) для поднятія производительныхъ силъ населенія необходимо прежде всего повсемѣстное распространеніе безплатныхъ общеобразовательныхъ начальныхъ воскресно-вечернихъ школъ; 3) второю ступенью для распространенія знаній должны быть вечерне-воскресные курсы, профессіональныя школы и спеціальные курсы; 4) профессіональныя школы должны давать общія начала съ указаніемъ на ихъ практическія примѣненія, которыя позволили бы человѣку сознательно относиться къ тому дѣлу, которому онъ себя посвятилъ; 5) широкое распространеніе знаній среди взрослаго населенія не можетъ быть выполнено безъ дружнаго содѣйствія всего образованнаго общества; поэтому должны быть приняты всѣ мѣры къ облегченію частнымъ лицамъ открытія и веденія школъ.

Слѣдующіе за тѣмъ рефераты г-на Абрамова, г-жъ Кислинской и Кайдановой касались положенія у насъ воскресныхъ школъ. Референты обратили вниманіе съѣзда на тѣ затрудненія, съ которыми приходится считаться у насъ устроителямъ и преподавателямъ въ воскресныхъ школахъ. Воскресныя школы поставлены у насъ въ совершенно ненормальныя условія, благодаря отсутствію опредѣленнаго закона относительно этого типа школъ и необходимости руководствоваться исключительно временными правилами, издаваемыми въ видѣ циркуляровъ. Насколько мы еще бѣдны воскресными школами, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ ихъ: частныя городскія воскресныя школы имѣются въ 39 губернскихъ городахъ, въ 43 уѣздныхъ и въ 5 пунктахъ иныхъ наименованій. Такимъ образомъ, даже изъ губернскихъ и областныхъ городовъ ровно половина не имѣютъ и по одной воскресной школѣ и только двадцатая часть низшихъ уѣздныхъ городовъ обзавелась такими школами. Изъ общаго числа школъ—мужскихъ 56, женскихъ 70, смѣшанныхъ 8. Всѣхъ воскресныхъ школъ въ Россіи въ настоящее время имѣется только 138. Такое незначительное количество школъ объясняется отчасти тѣми затрудненіями, о которыхъ только-что упоминалось. Въ виду этого референты предложили секціи возбудить передъ правительствомъ слѣдующія ходатайства: во-первыхъ, возбудить ходатайство о томъ, чтобы какъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, такъ и по духовному вѣдомству было сдѣлано распоряженіе объ обязательномъ отводѣ всѣми учебными заведеніями, какъ низшими, такъ и средними, классныхъ комнатъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для занятій въ нихъ учениковъ и ученицъ воскресныхъ школъ всюду, гдѣ таковыя открываются, и независимо отъ того, какимъ вѣдомствомъ, учрежденіемъ или лицомъ они устраиваются; во-вторыхъ, о томъ, чтобы программа воскресныхъ школъ была расширена законодательнымъ порядкомъ до программъ уѣздныхъ и городскихъ четырехклассныхъ школъ; въ-третьихъ, о томъ, чтобы относительно своего состава библіотеки воскресныхъ школъ были приравнены къ

народнымъ читальнямъ, т.-е. чтобы въ нихъ допускались книги, разрѣшенныя для средне-учебныхъ заведеній.

Во время дебатовъ, возбужденныхъ докладами, было указано на необходимость ходатайствовать еще и о томъ, чтобы всякое лицо, права котораго не ограничивались, могло свободно преподавать въ воскресной школѣ и чтобы этого права преподаватели лишались только послѣ произведеннаго надъ ними суда и слѣдствія.

Затѣмъ IX-я секція обсуждала также вопросъ о положеніи народныхъ учителей. В. А. Латышевъ сдѣлалъ сообщеніе о мѣрахъ къ улучшенію быта учащихъ въ народныхъ школахъ. По мнѣнію докладчика, мѣры эти могли бы выразиться въ слѣдующемъ: 1) въ помощи учащимъ въ изданіи ихъ литературныхъ работъ; 2) въ устройствѣ лекцій, по примѣру дирекціи народныхъ училищъ Петербургской губерніи; 3) въ учрежденіи въ городахъ пріютовъ для дѣтей сельскихъ учителей, съ цѣлью облегчить послѣднимъ возможность дать образованіе ихъ дѣтямъ; 4) образовать общій вспомогательный фондъ для помощи учителямъ. П. М. Шестаковъ, говоря объ Обществахъ взаимопомощи учащихъ, какъ средствѣ къ улучшенію быта учителей, указывалъ на необходимость, чтобъ эти Общества возможно шире развивали свою дѣятельность по удовлетворенію духовныхъ нуждъ своихъ членовъ. Нормальный уставъ этихъ Обществъ, утвержденный 5-го іюня 1894 г., не предусматриваетъ этой стороны дѣла, вслѣдствіе чего на практикѣ имѣли мѣсто такіе случаи, какъ, напримѣръ, воспрещеніе Казанскому Обществу учителей открыть библіотеку для своихъ членовъ. Въ виду этого г. Шестаковъ предложилъ секціи возбудить въ подлежащихъ сферахъ ходатайство о пополненіи нормальнаго устава пунктами, разрѣшающими Обществамъ устройство для своихъ членовъ библіотекъ, лекцій, музеевъ и т. п.

Вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи вызвалъ чрезвычайно оживленныя и рѣзкія пренія. Какъ уже сказано, большинство членовъ съѣзда были безусловными противниками проведенія сельскохозяйственныхъ знаній въ народъ черезъ народную школу. А. Г. Неболсинъ и проф. Стебутъ представили съѣзду «системы послѣдовательной преемственности школъ при условіи связи общаго образованія съ профессіональнымъ». По мнѣнію г. Неболсина, раздѣляемому и съѣздомъ, сельскохозяйственная, техническая, вообще всякая профессіональная школа должна служить продолженіемъ начальной школы, и поступать въ нее должны только ученики, окончившіе курсъ послѣдней. По его мнѣнію, въ настоящее время необходимо создать типъ такой народной школы, въ которой дѣти 10—11 лѣтъ, окончившія курсъ въ начальныхъ училищахъ, могли бы продолжать свое образованіе до 15—16-лѣтняго возраста, т. е. до того возраста, ранѣе котораго едва ли слѣдовало бы приступать къ серьезному профессіональному обученію, потому что дѣти моложе 14 лѣтъ недостаточно физически окрѣпли и способности ихъ къ тому или другому занятію еще не выяснились. Въ такихъ «высшихъ» народныхъ школахъ, по мнѣнію г. Неболсина, наряду съ общеобразовательными предметами было бы полезно ввести преподаваніе рисованія, черченія, счетоводства и обученіе ручному труду, способствующему развитію ловкости рукъ и вѣрности глаза и, слѣдовательно, облегчающему въ будущемъ изученіе всякаго ремесла. Дѣти, окончившія курсъ въ такихъ школахъ, могутъ затѣмъ поступать въ спеціальныя профессіональныя училища. Но среди членовъ съѣзда находились и лица (правда, немногочисленныя), которыя придерживались другихъ взглядовъ на народную школу. Къ числу ихъ принадлежалъ земскій

начальникъ г. Жеденевъ, прочитавшій рефератъ «о сельскохозяйственныхъ пріютахъ», и В. А. Сладковъ, читавшій «о возможности и желательности распространенія раціональныхъ сельскохозяйственныхъ знаній среди крестьянъ чрезъ народныхъ учителей». Н. Н. Жеденевъ развивалъ мысль о возможности и цѣлесообразности замѣнить для народа школы существующаго типа сельскохозяйственными пріютами; В. А. Сладковъ—о необходимости и возможности возложить на народныхъ учителей обязанности распространять внѣшкольной дѣятельностью раціональныя сельскохозяйственныя знанія, для чего предлагалъ ходатайствовать о повсемѣстномъ устройствѣ для народныхъ учителей спеціальныхъ систематическихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, о введеніи въ курсъ учительскихъ и духовныхъ семинарій предметовъ сельскохозяйственнаго образованія.

Рефераты эти вызвали рядъ возраженій: говорили, что нельзя возлагать непосильную работу на плечи одного и того же народнаго учителя, говорили объ его полной матеріальной необезпеченности и т. п. Н. А. Малиновскій и В. В. Кирьяковъ отъ имени народныхъ учителей заявили, что время у начальной школы не хватаетъ даже и для выполненія ея основной задачи. Н. А. Скворцовъ сказалъ, что всякое знаніе онъ признаетъ полезнымъ, въ томъ числѣ и профессіональное: всякое знаніе увеличиваетъ и матеріальное, и духовное богатство человѣка, но только при одномъ условіи—чтобы это было дѣйствительное, прочное, систематически построенное знаніе. Урывки по 2 часа въ недѣлю не дадутъ такихъ знаній, а потому и само занятіе сельскимъ хозяйствомъ обратится въ безрезультатныя «подмазки и затычки». Для народа необходимы знанія сельскохозяйственныя, а чтобы они были прочными и систематическими, нужно очень многое. Пусть школа дастъ народу и знанія физики и химіи, всей естественной исторіи, геометріи, юридическихъ наукъ, политической экономіи, ветеринаріи и пр.; но вѣдь народъ безграмотенъ и одна начальная школа не въ состояніи дать всего—слѣдовательно, надо учить его грамотѣ, а потомъ создавать рядъ школъ—до университета включительно,—гдѣ бы онъ могъ получить не урывки и клочки, а прочныя знанія, какія необходимы для сельскаго хозяина, желающаго поставить свое хозяйство на раціональную точку.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить докладъ А. Н. Страннолюбскаго (за отсутствіемъ автора прочитанный г-номъ Острогорскимъ). «О женскомъ профессіональномъ образованіи лицъ, пріобрѣвшихъ законченное общее образованіе». Докладъ развиваетъ слѣдующія основныя положенія: 1) въ жизненныхъ интересахъ народнаго здоровья, особенно въ бѣдной врачебной помощью деревенской средѣ и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также въ интересахъ семьи и въ видахъ удовлетворенія законнаго желанія русскихъ женщинъ получать высшее медицинское образованіе, не покидая родины, въ высшей степени *желательно*: *скорѣйшее открытіе въ Россіи женскаго медицинскаго института*, согласно Высочайше утвержденному о немъ положенію. 2) Въ тѣхъ же интересахъ народнаго здоровья, въ виду крайней недостаточности у насъ вспомогательнаго медицинскаго персонала и доказанной повсюду особенной способности женщинъ къ врачебной дѣятельности, въ высшей степени желательно: наибольшее, по возможности, развитіе женскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія получившихъ достаточное общее образованіе женщинъ въ вспомогательной врачебной дѣятельности. Типы этихъ заведеній должны быть выработаны спеціальными медицинскими съѣздами, при непремѣнномъ участіи земствъ.

3) Въ интересахъ правильной постановки женскаго образованія вообще и необходимаго поднятія уровня и достоинства преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ, подобныхъ имъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ высшей степени желательно: a) учрежденіе въ Россіи особыхъ, женскихъ педагогическихъ институтовъ съ широко поставленнымъ курсомъ педагогики и наукъ историко-филологическихъ, физико-математическихъ и естественныхъ, для приготовленія учительницъ и воспитательницъ для вышеупомянутыхъ женскихъ учебныхъ заведеній; b) соотвѣтствующее осуществленію этой мѣры измѣненіе, въ порядкѣ пріобрѣтенія женщинами учительскихъ правъ. 4) Настоятельно необходимо приступить безъ замедленія *къ учрежденію повсемѣстно женскихъ учительскихъ семинарій* съ достаточно продолжительнымъ курсомъ ученія, для приготовленія учительницъ указанныхъ выше школъ. 5) Настоятельно необходимо, въ видахъ расширенія сферы женскаго профессіональнаго труда и установленія справедливаго равенства въ образованіи обоихъ половъ, *расширить программу женскихъ гимназій, особенно въ научной ея части*, и для сего въ высшей степени желательно нынѣ же приступить путемъ частныхъ совѣщаній компетентныхъ лицъ и путемъ литературнымъ къ разработкѣ вопросовъ, касающихся постановки курса женскихъ гимназій. 6) Въ справедливомъ вниманіи къ интересамъ семьи и праву женщинъ на профессіональный трудъ желательно открытіе для женщинъ доступа къ дѣятельностямъ: формацевтической, ветеринарной, сельскохозяйственной, строительной, инженерной, геодезической, химико-технической, художественно-технической и пр. и пр. 7) Для общаго научнаго подготовленія къ специальностямъ, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, независимо отъ усовершенствованія курса гимназій, указаннаго въ пунктѣ 5-мъ, необходимо учрежденіе высшаго женскаго учебнаго заведенія для изученія основъ физико-математическихъ наукѣ, химіи и естественныхъ наукъ. Лицамъ, окончившимъ курсъ этого учебнаго заведенія, для дальнѣйшаго пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, долженъ быть открыть доступъ въ существующія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Докладъ былъ встрѣченъ полнымъ сочувствіемъ многолюднаго собранія.

Въ заключительномъ засѣданіи секціи по ремесленному ученичеству приняты были слѣдующія постановленія для всесторонняго упорядоченія ученичества въ мастерскихъ: 1) Учрежденіе особаго института ремесленной инспекціи съ цѣлью: а) надзора за ремесленными мастерскими, по исполненію ими какъ правилъ дѣйствующаго устава по отношенію къ ремесленному ученичеству, такъ и правилъ, имѣющихъ быть по этому предмету изданными, и б) участія въ разборѣ возникающихъ между мастерами и учениками споровъ и взаимныхъ жалобъ. Ремесленная инспекція должна быть организована въ составѣ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, представителей ремесленнаго сословія, въ лицѣ мастеровъ, избираемыхъ ремесленными управами, а гдѣ нѣтъ ремесленныхъ управленій, — мастеровъ, назначаемыхъ губернской администраціей. 2) Образованіе при ремесленныхъ обществахъ особой ученической коммиссіи для производства экзаменовъ ученикамъ и разбора споровъ и жалобъ между мастерами и учениками, причемъ предсѣдательствовать въ коммиссіи долженъ одинъ изъ членовъ ремесленной инспекціи. 3) Возложеніе на инспекцію ближайшаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ правилъ, чтобы работа учениковъ въ мастерскихъ не продолжалась болѣе 10 часовъ въ сутки, чтобы на зав-

тракъ и обѣдъ дано было времени не менѣе 2-хъ часовъ и чтобы съ 10 ч. веч. до 6 ч. утра ученики вовсе не были заняты работой. 4) Сохраненіе въ проектѣ новаго уголовнаго Уложенія статей изъ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ относительно перехода учениковъ отъ одного мастера къ другому, дурного обращенія и содержанія учениковъ. По вопросу объ ученическихъ общежитіяхъ секція признала желательнымъ устройство общежитій для учениковъ-ремесленниковъ, съ цѣлью выдѣленія ихъ изъ среды взрослыхъ рабочихъ подмастерьевъ, причемъ, такія общежитіи предпочтительно должны быть устраиваемы при самыхъ мастерскихъ; въ случаяхъ же невозможности такого устройства—общежитія могутъ быть создаваемы на средства самого ремесленнаго сословія, попечительствъ, но при этомъ однимъ изъ главнѣйшихъ условій является возможность постояннаго и правильнаго надзора за учениками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, секція признала желательнымъ устройство патронатовъ для несовершеннолѣтнихъ, обучающихся въ мастерскихъ, и организацію защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія. По вопросу о праздничномъ отдыхѣ секція признала желательнымъ для обучающихся въ ремесленныхъ мастерскихъ въ воскресные и праздничные дни устройство раціональныхъ развлеченій подъ руководствомъ лицъ или Обществъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ воспитанія и развитія молодого поколѣнія, причемъ, наиболѣе цѣлесообразной была бы въ этомъ отношеніи иниціатива и участіе самого ремесленнаго сословія.

Все вышеизложенное далеко не обнимаетъ собою всѣхъ работъ профессіональнаго съѣзда, а касается лишь тѣхъ вопросовъ, которые представляютъ до извѣстной степени общій интересъ. Кромѣ этого, на съѣздѣ поднималось еще множество чисто спеціальныхъ вопросовъ, которыхъ мы здѣсь затрогивать не будемъ. Но и помимо практическаго значенія работъ съѣзда, онъ имѣлъ огромное значеніе въ смыслѣ объединенія дѣятелей по образованію, закинутыхъ по разнымъ угламъ и закоулкамъ провинціи.

Всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ въ Москвѣ. Шестой всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, состоявшійся въ Москвѣ въ концѣ декабря минувшаго года, послѣ 17-ти-лѣтняго промежутка, собралъ болѣе тысячи сельскихъ хозяевъ. Среди множества спеціальныхъ вопросовъ, обсуждавшихся сельскими хозяевами (напр., объ организаціи сельскохозяйственныхъ опытныхъ станцій, о скотоводствѣ, объ искусственныхъ удобреніяхъ, о нуждахъ сельскохозяйственнаго машиностроенія, и пр.) были и вопросы общаго характера, представляющіе интересъ не для однихъ спеціалистовъ. Таковы, напр., были вопросы, обсуждавшіеся въ XVII-й секціи съѣзда, въ которой разсматривалась сельскохозяйственная дѣятельность земствъ.

По словамъ «Хозяина», въ этой секціи были затронуты три вопроса, имѣющіе чрезвычайно важное общественное значеніе: «Первый изъ нихъ былъ поставленъ на очередь докладомъ В. М. Хижнякова о всесословной волости. Докладчикъ исходилъ изъ совершенно правильной мысли, уже принятой съѣздомъ ранѣе, что земскія мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства, только тогда могутъ быть успѣшно проведены въ жизнь, когда земство будетъ располагать особыми мелкими сельскохозяйственно - экономическими органами. Г. Хижняковъ находилъ излишнимъ учреждать для этого какія-либо новыя единицы, когда возможно воспользоваться уже существующими

органами сельскаго и волостного управленія. Въ послѣреформенное время общественныя и экономическія отношенія въ нашихъ селеніяхъ измѣнились на столько радикально, что удовлетвореніе новыхъ назрѣвшихъ потребностей не можетъ исходить отъ сельскихъ и волостныхъ управленій въ ихъ настоящемъ видѣ, такъ какъ они учреждались при совершенно другихъ условіяхъ и имѣли въ виду другія цѣли. По мысли г. Хижнякова, какъ сельское, такъ и волостное управленіе должны быть преобразованы въ органы всесословнаго самоуправленія. Сельскіе сходы должны, однако, оставаться въ прежнемъ видѣ и дѣйствовать самостоятельно по вопросамъ о передѣлѣ земель, распредѣленіи участковъ, устройствѣ выгоновъ, пастьбѣ скота и т. п. Въ составъ сельскаго всесословнаго схода могутъ входить и женщины, или какъ домохозяйки, или какъ замѣняющія домохозяевъ. Къ предметамъ вѣдѣнія сельскаго схода должны относиться исчисленіе и расходованіе мірскихъ сборовъ, выборы и удаленіе старостъ, заботы объ общественномъ призрѣніи, школахъ и т. п. Исполнителемъ рѣшеній схода является староста. Волостной всесословный сходъ избираетъ земскихъ гласныхъ и имѣетъ общее наблюденіе за всѣми учрежденіями волости: библіотеками, больницами, сельскохозяйственными складами и т. д. Исполнительнымъ органомъ его является волостная управа, которая находится въ такихъ же отношеніяхъ къ волостному сходу, какъ земская управа къ земскому собранію. Всѣ должностныя лица сельскаго и волостного управленія и всѣ члены сельскихъ и волостныхъ сходовъ должны быть изъяты отъ всякихъ административныхъ взысканій, и безусловно освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Настоящая организація волостного суда должна быть радикально преобразована. Какъ въ сельскомъ, такъ и въ волостномъ управленіи всѣ сословія должны быть включены въ число плательщиковъ на общественныя нужды. Преобразованныя въ такомъ направленіи сельское общество и волость обратятся въ мелкія земскія безсословныя учрежденія и должны находиться съ земствомъ въ непосредственной, тѣсной связи».

Послѣ продолжительныхъ преній по этому вопросу секція пришла къ слѣдующему рѣшенію: завѣдываніе дѣлами сельскохозяйственнаго управленія въ территоріи, меньшей чѣмъ уѣздъ, должно быть возложено на органы мѣстнаго управленія, которые необходимо организовать по типу земскихъ учрежденій.

Другимъ важнымъ вопросомъ, обсуждавшимся въ XVII-й секціи, былъ вопросъ о «необходимости объединенія дѣятельности отдѣльныхъ земствъ, направленной къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Вопросъ этотъ былъ поднятъ при обсужденіи земскаго страхованія, причемъ было высказано положеніе о желательностя земскаго страхового съѣзда; затѣмъ перешли и къ вопросу объ общихъ земскихъ съѣздахъ. Гг. Костромитиновъ, Гулевичъ, Хижняковъ и др. настаивали на безусловной необходимости разрѣшенія обще губернскихъ и областныхъ съѣздовъ земскихъ представителей по всѣмъ отраслямъ земской дѣятельности. Секція постановила ходатайствовать, чтобы были организованы областные съѣзды представителей земскихъ учрежденій для обсужденія вопросовъ о земскихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ. Само собой разумѣется, что, кромѣ этихъ съѣздовъ, не менѣе необходимы земскіе общегубернскіе съѣзды и не только по сельскохозяйственнымъ вопросамъ, но и по всѣмъ другимъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Наконецъ, 3-мъ важнымъ вопросомъ, возбудившимъ самыя оживлен-

ныя преніи, было предложеніе г-на Шатилова ходатайствовать о томъ, чтобы земскія сельскохозяйственныя организаціи были признаны органами министерства земледѣлія. Это предложеніе вызвало цѣлый рядъ возраженій. Такъ, кн. Шаховской вѣрно замѣтилъ, что между органами земства и министерствомъ не можетъ быть единенія и простой связи, а будетъ подчиненіе земства министерству. Гг. Петрово-Соловово и Скобельцынъ находили, что земскіе сельскохозяйственные органы, ставъ органами министерства, сдѣлаются вполнѣ бюрократическими учрежденіями, а та живая ихъ связь съ министерствомъ, о которой хлопочетъ г. Шатиловъ, въ концѣ-концовъ, обратится въ связь чисто бумажную, поддерживаемую безчисленными циркулярами. Ту же мысль проводилъ г. Племянниковъ, доказывавшій, что сельскохозяйственныя нужды могутъ изучаться только на мѣстахъ и отъ мѣстныхъ же дѣятелей должны исходить указанія способовъ ихъ удовлетворенія. Г. Хижняковъ признавалъ безусловно необходимымъ, чтобы земскіе сельскохозяйственныя органы находились въ полномъ и исключительномъ распоряженіи земства. Всѣ ораторы проводили ту общую идею, что объединеніе должно идти снизу вверхъ, а если оно является сверху, то становится насильственной централизаціей. Они настаивали на томъ, что дѣйствительное объединеніе земской дѣятельности, разумѣется, очень важно, но отнюдь не въ формѣ поглощенія земства центральной канцеляріей. Для обезпеченія же живой, непосредственной связи между земствами и министерствомъ земледѣлія, необходимо организовать при послѣднемъ сельскохозяйственный совѣтъ изъ земскихъ представителей.

Въ виду всѣхъ этихъ возраженій, г. Каблуковъ предлагалъ секціи принять слѣдующую формулировку: 1) сельскохозяйственныя нужды на мѣстахъ вѣдаетъ земство; 2) особыхъ мѣстныхъ органовъ отъ министерства земледѣлія не должно быть; 3) должна быть установлена живая, непосредственная связь между земствомъ и министерствомъ.

Но защитники земской самостоятельности остались въ меньшинствѣ, а большинство секціи приняло предложеніе г на Шатилова.

Засѣданія секціи, обсуждавшей отношеніе между сельскими хозяевами и рабочими, также отличались большимъ оживленіемъ и многолюдствомъ.

Свѣдѣнія о ходѣ преній заимствуемъ изъ «Рус. Вѣд.». Въ качествѣ мѣры для непосредственнаго установленія правильныхъ отношеній между хозяевами и рабочими кн. А. Г. Щербатовъ рекомендовалъ ходатайствовать объ изданіи спеціальнаго закона о рабочихъ, который вводилъ бы, между прочимъ, порядокъ разрѣшенія недоразумѣній на мѣстѣ административнымъ путемъ, съ правомъ обжалованія суду. В. В. Марковниковъ, также высказываясь въ пользу спеціальнаго кодекса, полагалъ, кромѣ того, необходимымъ учрежденіе для сельскохозяйственной промышленности инспектората, на подобіе того, какой существуетъ уже въ промышленности фабричной. Нѣкоторые сельскіе хозяева предлагали ходатайствовать о введеніи для рабочихъ особой разсчетной книжки, которая служила бы имъ паспортомъ и въ которой хозяиномъ могли бы дѣлаться соотвѣтствующія отмѣтки объ ея владѣльцѣ. Г. Энгельмейеръ, въ особомъ, прочитанномъ имъ, докладѣ, полагалъ, что отношенія между хозяевами и рабочими значительно измѣнились бы, если бы первые задались задачею поднять, при посредствѣ образовательныхъ и иныхъ мѣропріятій, культурный и матеріальный уровень окружающаго ихъ крестьянства. Д. Ѳ. Бурлюкъ полагалъ, что вина въ ненормальности этихъ отношеній

лежитъ на сторонѣ хозяевъ, разсчитывающихся обыкновенно съ рабочимъ не деньгами, а ярлыками, а если и деньгами, то не въ срокъ, а когда имѣютъ ихъ, нерѣдко дурно кормящихъ рабочихъ и вообще подающихъ часто поводы къ неудовольствію рабочихъ. Въ такомъ же, приблизительно, смыслѣ высказались и нѣкоторые другіе члены съѣзда (И. І. Шатиловъ, Н. Е. Кушенскій и др.). В. И. Стемповскій предлагалъ ходатайствовать о введеніи договорныхъ книжекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказался противъ заключенія договоровъ съ земледѣльческими рабочими въ періодъ взысканія податей, когда крестьянинъ за безцѣнокъ продаетъ свой трудъ и заключаетъ договоръ отнюдь не добровольно.

Большинство съѣзда высказалось, однако, противъ введенія обязательныхъ книжекъ. Они указывали, что введеніе книжекъ было бы нежелательно, такъ какъ оно, съ одной стороны, повело бы къ закрѣпощенію труда, а съ другой—не принесло бы никакихъ практическихъ результатовъ: рабочіе все таки продолжали бы уходить отъ тѣхъ хозяевъ, жить у которыхъ находили бы невыгоднымъ. В. П. Муромцевъ полагалъ, что лишь подъемъ экономическаго уровня крестьянства и его умственнаго и нравственнаго развитія можетъ кореннымъ образомъ разрѣшить этотъ вопросъ. Законодательное урегулированіе взаимныхъ отношеній земледѣльцевъ и рабочихъ, по его мнѣнію, желательно, но вопросъ этотъ требуетъ тщательнаго обсужденія въ сельскохозяйственныхъ Обществахъ и земскихъ собраніяхъ. П. А. Скобельцынъ находилъ: 1) что для степныхъ мѣстностей Россіи вопросъ о рабочихъ есть, въ сущности, вопросъ о народонаселеніи,—въ смыслѣ переселенія крестьянъ на югъ съ тѣмъ, чтобы имъ сдавалось тамъ въ аренду достаточное количество земли; 2) что вопросъ о наймѣ рабочихъ, какъ онъ поставленъ нашимъ законодательствомъ, не требуетъ измѣненій въ смыслѣ репрессіи; 3) что введеніе договорныхъ книжекъ нежелательно; 4) что отвѣтственность за неисполненіе рабочими договоровъ должна быть только гражданская; 5) что разборъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими долженъ производиться судебнымъ порядкомъ; 6) что, въ виду конкурренціи на міровомъ рынкѣ, желательно имѣть рабочихъ, пригодныхъ для пользованія усовершенствованными орудіями, каковыхъ можетъ доставить только школа, почему и ходатайствовать объ обязательномъ обученіи всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Н. Е. Кушенскій полагалъ, что никакіе репрессивные законы не помогутъ дѣлу, и предлагалъ, въ видахъ поднятія нравственнаго уровня рабочаго населенія, ходатайствовать: 1) о введеніи всеобщаго первоначальнаго обученія, 2) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и 3) объ образованіи мелкой земской единицы, на почвѣ которой крестьяне и землевладѣльцы были бы членами одной и той же организаціи. О первостепенномъ значеніи въ настоящемъ вопросѣ народнаго образованія говорили многіе члены съѣзда. М. Н. Соболевъ, прочитавшій небольшой докладъ по обсуждаемой темѣ, указывалъ, что центральный пунктъ заключается въ неравномѣрности распредѣленія рабочихъ силъ по разнымъ районамъ Россіи, почему мѣры относительно рабочихъ должны, по его мнѣнію, быть направлены въ сторону урегулированія спроса и предложенія труда, а не стѣсненія и ограниченія его. Одною изъ главныхъ мѣръ этого рода докладчикъ признавалъ учрежденіе спеціальныхъ посредническихъ конторъ въ мѣстахъ найма и скопленія земледѣльческихъ рабочихъ; но, кромѣ этого, онъ находилъ желательнымъ возможно скорѣйшее изданіе общаго гражданскаго кодекса въ соотвѣтствіи съ потребностями времени, введеніе стра-

хованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ несчастныхъ случаяхъ и на случай инвалидности и учрежденіе особаго инспектората.

Послѣ долгихъ и бурныхъ преній, секція приняла слѣдующія постановленія:

1) Высказать пожеланія объ организаціи какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ бюро труда.

2) Выразить пожеланія о выработкѣ способа вознагражденія рабочихъ за долговременную службу, а также обезпеченія ихъ на старость и въ несчастныхъ случаяхъ.

3) Выразить желательность развитія сельскохозяйственныхъ артелей, на которыя должна возлагаться отвѣтственность за исполненіе договора.

Искъ земскаго начальника противъ своего кучера. Въ «Рус. Вѣд.» помѣщена слѣдующая любопытная корреспонденція изъ Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ. Мѣстный земскій начальникъ г. Дорошенко фигурировалъ недавно въ качествѣ тяжущагося въ одномъ изъ подвластныхъ ему волостныхъ судовъ. Приводимъ дословно (съ сохраненіемъ орѳографіи и оборотовъ рѣчи) выдержку изъ копіи рѣшенія чернухскаго волостнаго суда. «Объясненіе истца». «Землевладѣлецъ кандидатъ правъ Акимъ Александровичъ Дорошенко прошеніемъ 15 октября 1895 года поданнымъ и уполномоченный отъ него козакъ Мокіенко лично на судѣ объяснилъ, что къ вѣрителю его Мокіенки договорился въ годичное услуженіе съ іюня мѣсяца сего 1895 года кучеромъ козакъ Акимъ Бѣликъ и впослѣднее время предался пьянству, оставилъ безъ всякаго попеченія свою многочисленную малолѣтнюю семью, состоящую изъ жены и дѣтей и возимѣлъ намѣреніе оставить службу, о чемъ неоднократно заявлялъ дворовымъ людямъ и въ этихъ видахъ дѣлалъ всевозможныя пакости, чтобы быть удаленнымъ со службы, и наконецъ 9-го числа октября, заѣзжая изъ м. Городище въ м. Чернухи въ квартиру доктора перекормить лошади, гдѣ Бѣликъ, напившись до безсознанія водки, перепугалъ лошади, которыя убѣжали въ поле и владѣлецъ г. Дорошенко вынужденъ былъ возвратиться домой почтовыми лошадьми и послать нѣсколькихъ человѣкъ для розыска, предполагая, что лошади украдены и лишь на другой день лошади найдены и вороной конь оказался больнымъ, по поводу чего Бѣликъ со службы удаленъ, просилъ разобрать дѣло и приговорить Бѣлика къ наказанію по 17 и 38 ст. правилъ о волостномъ судѣ въ высшей мѣрѣ за неисполненіе договора о наймѣ, за пьянство и буйство въ ночное время и присудить *за убытки 50 рублей по договору* въ доказательство сослался на свидѣтелей». Приговоръ суда по этому дѣлу состоялся слѣдующій: «казака Акима Бѣлика за пьянство и небрежное исполненіе служебныхъ обязанностей подвергнуть тѣлесному наказанію десяти ударамъ розогъ и взыскать съ него Бѣлика въ пользу обвинителя Дорошенка за убытки на розыскъ лошадей 6 рублей и повреждение лошади 10 р.; въ остальной части искъ отклонить по недоказанности». Дѣло само за себя говоритъ. *Кандидатъ правъ* Дорошенко жалуется въ волостной судъ на своего кучера «за неисполненіе договора о наймѣ» и проситъ присудить убытки въ его пользу, въ суммѣ 50 рублей. *Земскій начальникъ* Дорошенко предлагаетъ волостному суду разсмотрѣть дѣло по обвиненію казака Бѣлика въ буйствѣ, пьянствѣ, разстройствѣ хозяйства и раззореніи своей семьи (на осн. 38 ст. правилъ о вол. судѣ), присоединяетъ къ этому обвиненіе въ какомъ то «намѣреніи» и ходатайствуетъ о примѣненіи къ нему высшей мѣры наказанія. Волостной судъ сохранилъ нѣкоторую долю само-

стоятельности и призналъ убытки въ суммѣ 16 р. вмѣсто требуемыхъ 50 рублей, а также опредѣлилъ тѣлесное наказаніе 10 ударами вмѣсто предложенной высшей мѣры (20 ударовъ).

По справедливому заключенію газеты, дѣло это наводитъ на грустныя размышленія: «Несомнѣнно, не мало грустныхъ вопросовъ возбуждаетъ это дѣло, но мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ. Какимъ образомъ и личное дѣло Дорошенко, и проступки обвиняемаго по отношенію къ семьѣ, и буйство его въ ночное время—какимъ образомъ все это спутано въ одно дѣло? Какъ могъ не только допустить это, но по собственному почину произвести эту путаницу земскій начальникъ? Какимъ образомъ «служебныя обязанности» (какъ выражается судъ) кучера могли имѣть для него столь печальныя послѣдствія? Какимъ образомъ предполагаетъ г. земскій начальникъ воспользоваться своимъ правомъ, изложеннымъ въ ст. 29 врем. прав. о вол. судѣ? Въ концѣ этой статьи говорится: «рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію, исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе» и т. д. Кто же будетъ утверждать рѣшеніе въ томъ случаѣ, если Бѣликъ не обжалуетъ его,—не тотъ ли раздраженный на своего кучера баринъ, который и поднялъ все это дѣло? Единственное ли это дѣло или же слухъ о дѣлахъ подобнаго рода не расходится далѣе тѣхъ 3-хъ волостей, гдѣ царитъ начальническая воля образованнаго судьи-администратора и ретиваго хозяина?»

Обѣдъ въ честь Вл. Гал. Короленко. 4-го января нижегородская интеллигенція устроила обѣдъ въ честь Вл. Гал. Короленко. На обѣдѣ собралось до 150 человѣкъ. По сообщенію «Нижегородскаго Листка», здѣсь были представители дворянства, земства, города, мировые судьи, присяжные повѣренные, врачи, преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, коммерсанты, студенты, представители печати и др. лица. Было также около 30 дамъ.

За обѣдомъ были произнесены многочисленныя рѣчи, въ которыхъ В. Г. Короленко привѣтствовался не только какъ писатель-художникъ, но и какъ общественный дѣятель, служащій своимъ перомъ защитѣ народныхъ интересовъ; указывалось между, прочимъ, на его дѣятельность въ голодный годъ и на недавнюю, завершившуюся столь блестящимъ успѣхомъ, защиту Мултанскихъ вотяковъ. На эти привѣтствія В. Г. отвѣчалъ слѣдующею рѣчью, въ которой онъ высказалъ свои впечатлѣнія отъ 10-ти-лѣтняго пребыванія въ провинціи.

«Говорятъ, столицы отнимаютъ силы у провинціи. Еще не такъ давно, однако, было время, когда столицы, наоборотъ, очень много силъ отъ себя отбрасывали, разсѣвая ихъ по разнымъ угламъ разныхъ провинцій. «Лѣсъ рубятъ щепки летятъ»—говоритъ пословица. Одной изъ такихъ щепокъ носился и я по обширному житейскому морю, пока, наконецъ, меня не принесло къ нижегородскимъ берегамъ. Это было ровно 11 лѣтъ назадъ; въ январѣ 1885 г., вечеромъ, я подъѣзжалъ по Волгѣ къ Нижнему. Долго мимо меня мелькали огоньки налѣво и направо, въ Подновьи, на Бору, потомъ на городскомъ берегу. Все казалось мнѣ холодно, угрюмо и незнакомо. Наконецъ, наши сани стали подыматься по Магистратскому съѣзду, на набережную. Одинокій фонарь освѣщалъ крупную надпись на каменной стѣнѣ: «чаль за кольца, рѣшетку береги, стѣны не касайся». Эти слова,—если не ошибаюсь, и теперь еще сохранившіяся на стѣнѣ, — произвели на меня тогда очень сильное и своеобразное впечатлѣніе. Это были первыя

слова, которыми меня встрѣтилъ Нижній.

Я послушался и причалилъ за кольцо. Не могу сказать точно, вполнѣ ли исполнено мною предостереженіе: очень можетъ быть, что порой я и не поберегъ ту или другую рѣшетку, коснулся той или другой стѣны, пользовавшейся неприкосновенностью, но причалилъ все-таки такъ плотно, что вотъ уже 11 лѣтъ я съ вами и теперь считаю себя почти нижегородцемъ. Провинцію сравнили какъ-то съ водоемомъ. Идеи, зарождающіяся въ столицахъ, проникаютъ въ провинцію, откладываются здѣсь, накопляются, растутъ и часто затѣмъ питаютъ самые центры этой живой, сохранившейся силы тогда, когда въ столицахъ источники порой уже изсякли. Есть извѣстная глубина, до которой не достигаютъ колебанія, происходящія на поверхности. Правда, первое ощущеніе человѣка, попадающаго въ водоемъ болѣе или менѣе внезапно — есть ощущеніе холода и нѣкоторой жуткости. Но слѣдующія же минуты несутъ лишь ободряющую свѣжесть. Чувствуешь, что это жизнь и что источники этой жизни никогда не изсякнутъ, какія-бы порой изсушающія вѣянія ни шли «изъ центровъ».

Говорятъ, провинція затягиваетъ, говорятъ, здѣсь люди спиваются и не знаютъ другихъ интересовъ кромѣ картъ и вина. Правда и теперь я стою со стаканомъ вина, но все же думаю, что не подвергался съ этой стороны особенной опасности. Тѣмъ не менѣе, скажу и я: да, провинція затягиваетъ! Не картами и виномъ, а проснувшимися въ ней живыми мѣстными интересами. Жизнь — всюду! Есть жизнь и въ столицахъ, кипучая и интересная! Но тутъ есть одна черта существеннаго отличія: то, что въ столицѣ является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью,—здѣсь мы видимъ въ лицахъ, осязаемъ, чувствуемъ, воспринимаемъ на себѣ. Поэтому поневолѣ то самое, что въ столицѣ является борьбой идей, — здѣсь принимаетъ форму реальной борьбы живыхъ лицъ и явленій... Да, это затягиваетъ, и именно потому, что это такъ живо, и въ особенности потому, что оно особенно живо именно въ послѣдніе годы. Это затягиваетъ въ такой степени, что еще совсѣмъ недавно я стоялъ на распутьи, выбирая свою дальнѣйшую дорогу. Въ Нижнемъ я — корреспондентъ и горжусь этимъ званіемъ. Если-бы удалась попытка моя и моихъ друзей относительно газеты,— я сталъ бы окончательно работникомъ провинціальнаго печатнаго слова. Она не удалась, — къ лучшему ли, къ худшему ли, сказать очень трудно. Теперь новая волна несетъ меня обратно изъ провинціи въ столицу. Но она несетъ туда уже не того человѣка, который много лѣтъ назадъ выѣхалъ изъ столицы.

Еще одно, послѣднее сравненіе, и я закончу эту нѣсколько затянувшуюся рѣчь. Каждый годъ мы видимъ одно и то же явленіе: послѣ суровой зимы приходитъ весна, вскрываются рѣки, бѣгутъ по нимъ пароходы, закипаетъ новая жизнь. Гдѣ и когда она начинается? Начинается она съ маленькихъ, почти незамѣтныхъ ручейковъ. Первые лучи, первыя капли, первыя струйки рождаютъ ручьи и потоки. Въ дальнихъ поляхъ, на холмахъ и въ оврагахъ уже идетъ движеніе и шумъ. Все это, сливаясь, стремится впередъ, къ одной цѣли и наполняетъ еще неподвижныя, еще холодныя, скажемъ — еще консервативныя большія рѣки. Но это множество слабыхъ сами по себѣ, но живыхъ, говорливыхъ, звенящихъ струекъ — даетъ ту силу, которая разламываетъ ледъ. И вотъ, ледъ уносится и таетъ, а по рѣкѣ, гудя и шумя, несется первый пароходъ, оглашая берега радостнымъ извѣстіемъ, что это онъ открылъ навигацію.

Но открылъ навигацію не онъ. Это сдѣлали тѣ безчисленныя струи, которыя прибѣжали сюда съ дальнихъ полей... Это не мѣшаетъ помнить,— и теперь, возвращаясь въ столицу, я возвращаюсь съ глубокимъ сознаніемъ значенія и силы этихъ провинціальныхъ струекъ въ нашей русской жизни. И чтобы ни пришлось мнѣ дѣлать дальше, хорошо или плохо, сильно или слабо, — я непремѣнно внесу въ эту работу это свое сознаніе, постараюсь напомнить тѣмъ, кто плаваетъ на большихъ корабляхъ, что имъ нельзя было бы совершать свое большое плаваніе, если бы разныя маленькія рѣчки, носящія маленькія лодки, не сдѣлали своего дѣла.

Надѣюсь, я могу сказать, какъ очевидецъ, что маленькія рѣки уже дѣлаютъ свое тихое дѣло. Во всякомъ случаѣ, — что бы ни было со мной дальше, — нижегородской полосы я уже никогда не вычеркну изъ своей жизни и, повѣрьте искренности моихъ словъ, всегда буду дорожить живой связью съ провинціей вообще,— съ нижегородскимъ Поволжьемъ въ частности. Ваше здоровье, господа, и—за весну въ провинціяхъ»!

Одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ ознаменовать 11 - ти - лѣтнее пребываніе Вл. Г. въ Нижнемъ добрымъ дѣломъ и придти на помощь городской народной читальнѣ. Объ учрежденіи послѣдней всесено предложеніе въ думу, но «тамъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ денегъ». Поэтому «соберемте здѣсь денегъ—съ міру по ниткѣ, голому рубаха, — и пошлемъ эти деньги въ городскую управу».

Предложеніе это было горячо поддержано. Тутъ же было собрано около 300 р. новой читальнѣ, съ тѣмъ, чтобы ей было присвоено имя нижегородца Николая Александровича Добролюбова. Это предложеніе было принято съ самымъ живымъ сочувствіемъ.

Великіе поэты предъ судомъ каторги. Въ декабрьской книгѣ «Рус. Бог.», въ статьѣ г. Мельшина «Изъ міра отверженныхъ» сообщаются интересныя свѣдѣнія о томъ, какое впечатлѣніе производили произведенія нашихъ классическихъ поэтовъ на каторжанъ. Авторъ статьи, интеллигентный человѣкъ, задумалъ ознакомить своихъ товарищей по каторгѣ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими писателями, которыхъ онъ читалъ имъ вслухъ. Для перваго опыта онъ выбралъ «Братья разбойники» Пушкина. Результатъ получился довольно неожиданный. Съ первыхъ же строчекъ нѣсколько голосовъ закричало: «это про насъ». Всѣ слушали съ восторгомъ и выражали явное сочувствіе братьямъ-разбойникамъ. Вообще, по словамъ г. Мельшина, «Пушкинъ понравился и былъ понятъ почти весь, безъ исключенія. Наибольшимъ, однако, тріумфомъ увѣнчались «Борисъ Годуновъ», «Капитанская дочка» и «Дубровскій». Между прочимъ, извѣстная сцена въ корчмѣ вызвала такое неудержимое веселье и хохотъ, что многіе въ судорогахъ катались по нарамъ... Личность Годунова настолько была понята всѣми, что именемъ его прозвали впослѣдствіи одного арестанта, и оно вообще сдѣлалось въ Шелайской тюрьмѣ синонимомъ всякаго лицемѣрія и политиканства. Но на ряду съ хорошими впечатлѣніями отъ чтенія этихъ произведеній Пушкина, у меня остались и мрачныя, тяжелыя воспоминанія. Сцена убійства Ѳеодора и Ксеніи въ «Годуновѣ», отъ которой мнѣ стало жутко и страшно, въ нѣкоторыхъ изъ слушателей вызвала сочувствіе.

«— А, гады, закричали,—сказалъ Чирокъ, и былъ поддержанъ Тарбаганомъ, который сталъ хохотать неизвѣстно надъ чѣмъ.

«Такихъ случаевъ я помню множество, когда какое-нибудь трагическое, захватывающее духъ мѣсто вызывало въ арестантахъ внезапный

взрывъ веселости и цинизма... По прочтеніи «Капитанской дочки», «Дубровскаго» и даже «Годунова» нѣкоторые говорили съ искреннимъ сожалѣніемъ:

«— Вотъ времячко-то было! Вотъ, кабы при насъ такая каша заварилась! Мы бы тоже себѣ руки погрѣли!»

Впрочемъ, г. Мельшинъ замѣчаетъ, что дѣлать на основаніи такихъ случаевъ какіе-нибудь общіе выводы, было бы крайне несправедливо. Въ общемъ, Пушкинъ производилъ на всѣхъ слушателей глубокое впечатлѣніе, и неумѣстныя шутки и выходки отдѣльныхъ лицъ показывали только одно—неразвитость художественнаго вкуса. «Не мало помню я и такихъ случаевъ,—говоритъ г. Мельшинъ,—когда самые безнадежные циники и негодяи заражались, въ свою очередь, гуманнымъ настроеніемъ большинства и разсуждали здраво и человѣчно. Не могу позабыть того сердечнаго трепета, съ какимъ приступилъ я къ чтенію «Короля Лира» и «Отелло», единственныхъ произведеній Шекспира, которыя у меня были. Мнѣ думалось, что великанъ-поэтъ долженъ потерпѣть въ этой средѣ полное пораженіе... Но каково же было мое удивленіе, когда обѣ трагедіи произвели небывалый, невиданный мною фуроръ, и поняты были приблизительно такъ, какъ ихъ и слѣдуетъ понимать! При чтеніи первыхъ 2-хъ дѣйствій «Отелло» настроеніе публики было сдержанное, даже холодное; одинъ только изъ арестантовъ поразилъ меня удивительно тонкимъ замѣчаніемъ относительно Яго, котораго онъ раскусилъ послѣ первой же сцены:

«— Ну, этотъ ихъ всѣхъ окрутитъ!»

Но съ начала 3-го дѣйствія настроеніе внезапно перемѣнилось. Многіе повскакали съ наръ и съ горящими глазами обступили меня кругомъ. Впечатлѣніе отъ драмы вышло потрясающее.

По окончаніи чтенія всѣ сразу зашумѣли и заговорили. Жалѣли Дездемону, жалѣли и Отелло; «Ягу» ругали единогласно и строили догадки, какую пытку выдумаетъ для него Кассіо. «Король Лиръ» произвелъ почти одинаково сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ эти двѣ драмы чаще всего остального имѣли спросъ на чтеніе».

Лермонтовъ въ Шелайской тюрьмѣ пользовался большей популярностью, чѣмъ Пушкинъ. Даже его мелкія лирическія стихотворенія нравились арестантамъ больше пушкинскихъ. «Демона» въ первый разъ прослушали довольно холодно, но потомъ всѣ вдругъ почему-то увлеклись имъ и готовы были слушать его хоть каждый вечеръ. «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» смѣло могла соперничать съ «Демономъ». Большимъ успѣхомъ пользовалась также юношеская драма Лермонтова «Испанцы».

Но главнымъ кумиромъ Шелайскихъ каторжанъ былъ Гоголь. «Герои Гоголя стали въ нашей тюрьмѣ нарицательными именами — лучшій признакъ громадныхъ размѣровъ успѣха», говоритъ г. Мельшинъ. Наибольшій фуроръ произвели, конечно, «Мертвыя души» и «Шинель». Одинъ изъ арестантовъ до того восхитился личностью Ноздрева при первомъ же его появленіи на сцену, что не удержался и воскликнулъ:

«— Да это я! Ей-Богу, я, братцы!..»

Съ тѣхъ поръ прозвище Ноздрева такъ и установилось за нимъ.

«Замѣчательно, что даже юмористическія отступленія Гоголя не оставались безъ вниманія. То мѣсто, гдѣ Гоголь говоритъ о чиновникѣ, который передъ начальникомъ отдѣленія является куропаткой, а передъ подчиненными — Прометеемъ, чрезвычайно понравилось. Запомнилось почему-то даже непонятное слово Прометей и долгое время послѣ того называли этимъ именемъ самого начальника тюрьмы—Лучезарова».

Курьезно также, что Собакевичъ былъ принятъ не за отрицательный, а положительный типъ, который очень понравился арестантамъ.

Изъ народныхъ изданій, бывшихъ у г. Мельшина, большимъ успѣхомъ пользовались книжечки о Сократѣ, Колумбѣ и Александрѣ Великомъ.

За границей.

Эритрея. Когда Европа, послѣ цѣлаго столѣтія, посвященнаго открытіямъ и завоеваніямъ, рѣшилась, наконецъ, цивилизовать внутренность Африки, то, въ видахъ предупрежденія возможныхъ конфликтовъ въ будущемъ прежде всего приступлено было къ разграниченію сферъ вліянія и европейскія державы раздѣлили между собою поле дѣятельности на черномъ континентѣ. Италія, однако, не участвовала въ этомъ раздѣлѣ, но, тѣмъ не менѣе, и она пожелала имѣть свою долю. Такъ какъ она не могла изгнать Францію, водворившуюся въ Алжирѣ, турокъ—изъ Триполи, англичанъ—изъ Египта, и т. д., не могла отнять у португальцевъ Мозамбикъ или у нѣмцевъ—Восточную Африку, то ей оставалось только поискать гдѣ-нибудь на берегу моря такого прохода, который далъ бы ей возможность пробраться къ свободной территоріи внутри, миновавъ разныя «сферы вліянія», установленныя договорами. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Непривѣтливый берегъ Краснаго моря не привлекалъ европейцевъ, устраивавшихся въ другихъ, лучшихъ мѣстахъ, и поэтому Италія безъ особеннаго труда могла утвердиться въ одномъ изъ пустынныхъ заливовъ этого берега. Въ 1869 году одинъ итальянскій кораблестроитель, Рубаттино, купилъ у одного изъ «расовъ» или начальниковъ племени Афаръ, гавань Ассабъ и всѣ прибрежные островки и коралловые утесы за 47.000 фр. Въ этомъ мѣстѣ итальянскіе предприниматели думали устроить центръ, куда должны были стекаться караваны изъ Шоа и гдѣ можно было бы устроить складъ товаровъ.

Племя Афаровъ или Данакилей, у которыхъ итальянцы купили берегъ, обитаетъ на всемъ пространствѣ между горами Эфіопіи, долиною Ауша и Краснымъ моремъ. Это очень воинственное племя, и горе европейцу, который рѣшится проникнуть въ ихъ пустыню, не запасшись заранѣе разрѣшеніемъ, или же не явившись къ нимъ въ качествѣ гостя, такъ какъ гостепріимство составляетъ священный обычай въ странѣ. Въ послѣднемъ случаѣ гость долженъ подвергнуться церемоніямъ, устанавливающимъ братство крови, и тогда онъ уже можетъ считать себя въ полной безопасности среди данакилей. Насколько воинственны и храбры эти послѣдніе, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: въ 1875 году, Мунцингеръ-паша со своими 350-ю египетскими солдатами, хорошо вооруженными, и со своею артиллеріей, не могъ противостоять данакилямъ, вооруженнымъ только копьями. Несмотря на такое вооруженіе, данакили перебили почти всѣхъ. Не даромъ у нихъ существуетъ поговорка, что «ружья пугаютъ только трусовъ!»

Маленькая итальянская колонія, только-что народившаяся, возбудила, однако, тревогу и неудовольствіе Англіи. Пошли обычные дипломатическіе запросы и заявленія о лойяльности. Италіи, впрочемъ, удалось успокоить Англію и увѣрить ее, что, устраивая эту колонію на берегу Краснаго моря, Италія имѣла въ виду лишь обезпечить своимъ путешественникамъ без-

опасное убѣжище и поддержать другія державы въ ихъ борьбѣ съ негроторговлей. Послѣ этихъ объясненій, въ 1879 г. въ Ассабѣ оффиціально водворился итальянскій коммиссаръ.

Таковы были скромныя начинанія колонизаторской дѣятельности итальянцевъ въ Африкѣ. Свою колонію на Красномъ морѣ итальянцы окрестили античнымъ именемъ Эритреи и это имя, очевидно, возбуждало у нихъ самыя радужныя мечты, такъ какъ итальянскіе патріоты съ этого момента только и помышляли о томъ, какъ бы стать твердою ногою въ Африкѣ и расширить свои владѣнія. Съ этою цѣлью были отправлены: миссія Біанки, погибшая въ пути, и миссія Антонелли, явившаяся къ властителю Шоа Менелику съ подарками и предложеніями вступить въ соглашеніе съ Италіей. Это было какъ разъ въ самый разгаръ махдистскаго возмущенія, взятія Хартума и убійства англійскаго генерала Гордона. Англійская армія что-то ужъ очень медлила идти на помощь пострадавшимъ; Италія же не преминула выказать тревогу по поводу успѣховъ мусульманскаго фанатизма въ Африкѣ и тотчасъ же отправила въ Красное море вооруженную экспедицію. Въ 1885 году, итальянскіе моряки высадились на островѣ Массова и подняли свой національный флагъ рядомъ съ египетскимъ флагомъ. Италія объявила, что она дѣлаетъ это лишь въ видахъ защиты своихъ морскихъ владѣній, которымъ угрожаютъ махдисты. Хедивъ протестовалъ и даже въ своемъ протестѣ назвалъ незаконное занятіе Массовы итальянцами «поступкомъ пиратовъ». Турецкій султанъ, сюзеренъ Египта, съ своей стороны, также пожаловался Европѣ на такой поступокъ итальянцевъ и сдѣлалъ даже спеціальныя представленія римскому правительству по этому поводу, на которыя римское правительство возразило, что оно и не думаетъ посягать «на священныя права султана»; оккупація же острова является лишь простою мѣрою охраненія общественнаго порядка, которую должны одобрить всѣ европейскія державы, сторонницы порядка и мира. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ дипломатическихъ запросовъ и отвѣтовъ, Европа объявила себя удовлетворенной разъясненіями Италіи и признала ея образъ дѣйствій безкорыстнымъ и лойяльнымъ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ разъясненій Италіи, какъ уже вмѣсто египетскаго флага въ Массовѣ сталъ развѣваться одинъ только итальянскій флагъ, египетстій гарнизонъ былъ изгнанъ и, вмѣсто него, водворился итальянскій военный комендантъ во главѣ военнаго отряда. Въ виду такого явнаго нарушенія своихъ правъ, Порта снова возобновила протесты, но на этотъ разъ никто не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Сила даетъ право и Италія осталась въ Массовѣ, а оттуда уже начала двигаться далѣе. Казалось, мечты итальянскихъ патріотовъ близились къ выполненію.

Разумѣется, итальянскія владѣнія по берегу Краснаго моря были только первою ступенью къ колоніальному владычеству; ни Массова, ни Ассабъ сами по себѣ не могли удовлетворить итальянцевъ и дѣйствительно въ нихъ мало привлекательнаго. Массова представляетъ коралловый островъ длиною въ тысячу метровъ и шириною въ триста, безъ всякихъ признаковъ растительности и безъ воды. Лѣтомъ это настоящій адъ. Воздухъ тамъ насыщенъ парами, вслѣдствіе страшно сильнаго испаренія, и дышать въ этой огненной атмосферѣ, не освѣжаемой ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, составляетъ истинное мученіе для европейца. Средняя температура въ январѣ, самомъ холодномъ мѣсяцѣ въ году, $+25^{0}$, а въ Іюнѣ термометръ почти не спускается ниже 48^{0} даже ночью. Въ этомъ пеклѣ теперь оби-

таютъ около 5.000 чел. самаго смѣшаннаго населенія. Кого - кого тутъ не встрѣтишь! Арабы, эѳіопы, данакили, галласы, индусы, греки, масса авантюристовъ, національность которыхъ весьма трудно опредѣлить, бывшіе торговцы невольниками и т. п. люди, не стѣсняющіеся въ средствахъ наживы — все это переполняетъ городъ, дѣлая жизнь въ немъ, вмѣстѣ съ ужасающимъ климатомъ, болѣзнями, лихорадкой, дизентеріей и солнечными ударами, довольно невыносимой для европейца. Впрочемъ, европейская колонія и гарнизонъ обитаютъ за городомъ и въ фортѣ. Растительности на островѣ, какъ мы уже говорили, нѣтъ никакой; даже нѣтъ травы, которая могла бы служить кормомъ для скота; Массова служитъ только рынкомъ и складомъ товаровъ. Плотина въ 1.500 метровъ длины соединяетъ Массову съ островкомъ Таулудъ, откуда идетъ другая плотина къ континенту. Плотины эти были выстроены однимъ изъ египетскихъ губернаторовъ для проведенія водопровода, доставляющаго воды потока въ цистерны города Массовы.

Но въ стратегическомъ отношеніи положеніе Массовы очень важно, и это именно и заставило итальянцевъ овладѣть городомъ. Массова—это сѣверныя ворота въ Абиссинію, наиболѣе доступныя и ближайшія къ морю. Южныя ворота, Обокъ, находятся въ рукахъ французовъ. Укрѣпившись въ Массовѣ, итальянцы обратили свои взоры на Абиссинію; они мечтали объ утвержденіи своего протектората въ этой прекрасной странѣ и старались проникнуть къ ней какъ можно ближе. Но не одна природа воздвигала имъ препятствія. Абиссинскій народъ, состоящій изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, а также начальники отдѣльныхъ племенъ — «расы» и самъ негусъ, не очень благосклонно смотрѣли на итальянцевъ въ своихъ владѣніяхъ и недовѣрчиво относились къ ихъ выгоднымъ торговымъ предложеніямъ, какъ бы чувствуя западню. Но, вотъ, негусъ Іоаннъ, боровшійся и съ нашествіемъ итальянцевъ, и съ неповиновеніемъ подвластныхъ ему расовъ, погибъ отъ руки махдистовъ, въ 1889 г., къ великому удовольствію итальянцевъ, для которыхъ теперь явилась возможность осуществить свои планы,— и Менелика, раса въ Шоа, давно уже питавшаго виды на абиссинскій престолъ. Менеликъ заранѣе постарался заручиться союзничествомъ итальянцевъ и оказывалъ всяческое покровительство итальянскимъ миссіонерамъ и купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Шоа. Итальянцы, дѣйствительно, помогли ему вступить на абиссинскій престолъ, и Менеликъ нашелъ ихъ дружбу очень выгодной для себя, тѣмъ болѣе, что итальянцы предложили ему покорить его власти бунтующихъ расовъ провинціи Тигре, Мангашу и Аллула. Съ этою именно цѣлью, генералы Бальдиссера и Отеро заняли Керенъ, плоскогоріе Асмару и Богосъ и, наконецъ, прошли безпрепятственно въ Адуа, столицу Тигре.

Сначала все шло хорошо. Главный совѣтникъ и довѣренное лицо Менелика, расъ Маконненъ, былъ приглашенъ въ Римъ, гдѣ его чествовали, какъ представителя негуса. Онъ присутствовалъ на смотрахъ и маневрахъ итальянскихъ войскъ, на разныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ его честь, и уѣхалъ, увозя съ собою пріятныя воспоминанія объ итальянскомъ гостепріимствѣ и подарки для негуса, въ числѣ которыхъ находилась даже цѣлая баттарея.

Но Криспи, итальянскій министръ-президентъ, не даромъ такъ ухаживалъ за Меникомъ; онъ надѣялся, такъ или иначе, заставить его согласиться на протекторатъ Италіи. Однако, понимая, что врядъ ли прямыми средствами ему удается достигнуть своей цѣли, Криспи прибѣгнулъ къ

хитрой уловкѣ. Его уполномоченный, графъ Антонелли, пустивъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, уговорилъ Менелика подписать союзный договоръ съ Италіей. Это былъ пресловутый Уччіальскій договоръ, въ который была включена статья, утверждавшая протекторатъ Италіи, хотя самаго этого слова и не было произнесено въ договорѣ. Но въ этой статьѣ говорилось, что «всѣ сношенія Абиссиніи съ европейскими державами должны происходить черезъ посредство итальянскихъ министровъ», а это было равносильно учрежденію протектората, о чемъ Криспи и не замедлилъ довести до свѣдѣнія всѣхъ европейскихъ державъ. Итальянскіе патріоты ликовали, итальянская печать прославляла подвиги итальянской дипломатіи и Криспи потиралъ себѣ руки отъ удовольствія при мысли объ успѣхахъ своей политики. Но «не хвали день раньше вечера», и въ этомъ Криспи пришлось убѣдиться самымъ прискорбнымъ для себя и Италіи образомъ. Менеликъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что онъ подставляетъ свою шею подъ ярмо протектората, подписывая договоръ. Цѣня услуги Италіи, онъ согласился на предложеніе Антонелли включить въ договоръ статью о томъ, что Италія *можетъ* быть посредницею въ сношеніяхъ Менелика съ иностранными державами. Но хитрый дипломатъ, пользуясь тѣмъ, что Менеликъ былъ несвѣдущъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ, замѣнилъ слово *можетъ* словомъ *долженъ*, и весь договоръ сразу получилъ другой смыслъ. Протекторатъ былъ установленъ, и кромѣ того Италія снабдила деньгами ничего не подозрѣвающаго Менелика, но, разумѣется, взявъ съ него долговыя обязательства, невыполненіе которыхъ давало Италіи извѣстныя права. Недолго, однако, ликовали итальянцы. «Кто - то» отправилъ Менелику копію съ парламентской Зеленой Книги (собраніе документовъ, относящихся къ итало-абиссинскому договору) и среди приближенныхъ Менелика нашелся услужливый и ловкій человѣкъ, который разъяснилъ ему значеніе пресловутой статьи Уччіальскаго договора, посягающей на независимость Абиссиніи.

Менеликъ пришелъ въ страшную ярость. Разсказываютъ, что онъ изорвалъ въ клочки и присланную копію и хранившійся у него протоколъ его договора съ итальянцами. Затѣмъ онъ тотчасъ же написалъ королю Гумберту протестъ. «Я соглашался лишь на то, что Абиссинія можетъ прибѣгать къ посредничеству Италіи въ случаѣ нужды и Италія, изъ дружбы, можетъ помогать въ устройствѣ абиссинскихъ дѣлъ,—писалъ негусъ,—но я вовсе не имѣлъ въ виду брать на себя какихъ бы то ни было обязательствъ въ этомъ отношеніи. Никакое независимое государство никогда не подписало бы подобнаго договора!» Менеликъ требовалъ, чтобы былъ исправленъ текстъ договора и разъяснена европейскимъ державамъ «дурно понятая» статья.

Криспи старался замять этотъ непріятный инциндентъ. Антонелли былъ снова посланъ въ Абисинію, но Менеликъ даже не принялъ его. Италіи пришлось поневолѣ примириться со своимъ пораженіемъ и она имѣла благоразуміе не настаивать на выполненіи Уччіальскаго договоря, тѣмъ болѣе, что негусъ, чтобы окончательно освободиться отъ итальянской опеки, выплатилъ деньги, взятыя у Италіи.

Но Италія, повидимому, и не думала отказываться отъ своихъ колоніальныхъ замысловъ, хотя и согласилась на фиктивный протекторатъ вмѣсто дѣйствительнаго. Мало - по - малу она распространяла свои владѣнія, блокируя крѣпость, отказавшуюся капитулировать. Генералъ Баратіери завладѣлъ Кассалой, выгнавъ оттуда махдистовъ, и затѣмъ два раза предпри-

нималъ походъ въ Тигре, противъ Мангаши. Онъ захватилъ Адуа и Адижатъ и, изгнавъ раса Мангашу, на мѣсто его посадилъ другого раса, Агоса Тафари. Казалось, нечего было сомнѣваться въ успѣхахъ итальянской кампаніи въ Африкѣ. Однако Менеликъ вооружался, въ разныхъ мѣстахъ сосредоточивались абиссинскіе отряды, хотя въ то же время велись разговоры о мирѣ и итальянскій полководецъ, плохо освѣдомленный о положеніи дѣлъ, не разглядѣлъ опасности. Нужна была кровавая битва въ Амба-Аладжи и гибель цѣлаго итальянскаго отряда, чтобы раскрыть глаза итальянцамъ, не считавшимъ Абиссинію сильнымъ врагомъ. Теперь передъ Италіей встаетъ роковой вопросъ: какъ быть дальше? Отступить не позволяетъ національное достоинство; продолжать африканскую кампанію — это значитъ окончательно истощить страну, и безъ того изнемогающую подъ тяжестью вооруженій и налоговъ. Врагъ неожиданно оказался гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали итальянцы, и положеніе итальянцевъ сдѣлалось довольно критическимъ. Предсказать исходъ африканской кампаніи теперь еще трудно, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что послѣдствія колоніальныхъ замысловъ итальянскаго правительства, каковы бы они ни были, очень вредно отзовутся на странѣ, хотя, быть можетъ, все-таки будутъ имѣть ту хорошую сторону, что убѣдятъ Италію во вредѣ колоніальной завоевательной политики.

Юбилей Песталоцци. Въ первыхъ числахъ января этого года исполнилось 150 лѣтъ со дня рожденія Песталоцци, великаго дѣятеля по народному образованію и основателя народной школы. Песталоцци былъ швейцарецъ и поэтому Швейцарія отпраздновала его юбилей съ должною пышностью. Имена такихъ дѣятелей, какъ Песталоцци, должны вѣчно жить въ народѣ и о нихъ не мѣшаетъ почаще напоминать послѣдующимъ поколѣніямъ. Характеръ Песталоцци и его личность лучше всего обрисовываются слѣдующими словами, выраженными на его памятникѣ въ Ивердонѣ: «Все для другихъ—ничего для себя». Дѣйствительно, вся жизнь Песталоцци была безкорыстнымъ служеніемъ великой идеѣ просвѣщенія народа. Онъ служилъ этому дѣлу съ самоотверженіемъ мученика идеи, отдалъ ему всю свою жизнь, терпѣлъ гоненія и притѣсненія, но ни разу не отступилъ отъ своихъ убѣжденій и заставилъ, наконецъ, весь міръ признать справедливость своихъ взглядовъ. Душа Песталоцци, чистая и безкорыстная, выказалась во всей своей красотѣ въ слѣдующемъ посвященіи, которое онъ сдѣлалъ къ одному изъ своихъ сочиненій: «Низшему классу Гельвеціи (Швейцаріи). Я долго смотрѣлъ на твое жалкое, тяжелое положеніе, и сердце мое наполнялось скорбью. Дорогой мой народъ, сказалъ я себѣ, я приду къ тебѣ на помощь. Я не искусенъ, не вооруженъ наукой, въ этомъ свѣтѣ я ничто, совсѣмъ ничто, но я хорошо знаю тебя и отдаю тебѣ все, что успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе всей своей трудовой жизни. Я отдаю тебѣ всего себя. Читай, что я предлагаю, безъ предвзятой мысли, и если кто-нибудь дастъ тебѣ лучшее, то брось меня; пусть въ твоихъ глазахъ я превращусь въ прежнее «ничто», какимъ я былъ всю свою жизнь. Но если никто не скажетъ тебѣ того, что говорю я, никто не скажетъ такъ доступно и пригодно, какъ говорилъ я, то подари мою память, мою жизнь, мою, угасшую для тебя, дѣятельность, слезою—одною только слезою».

Жизнь Песталоцци дѣйствительно можетъ служить примѣромъ самаго идеальнаго самоотверженія. Ему приходилось бороться съ самыми трудными и неблагопріятными условіями. Въ его время въ Швейцаріи господ-

ствовала величайшая грубость нравовъ и сельское населеніе отличалось невѣжествомъ и даже рабскою приниженностью, такъ какъ города оказывали величайшій гнетъ на крестьянъ и всячески притѣсняли ихъ. Вездѣ господствовалъ величайшій произволъ, но приниженное невѣжественное населеніе и не пробовало протестовать противъ этого. Крестьяне, имѣли право заниматься только земледѣліемъ, торговля же и ремесла составляли монополію городскихъ жителей. Произвольное ограниченіе правъ крестьянъ шло еще дальше: имъ не позволялось продавать другъ другу свои произведенія и крестьянинъ все долженъ былъ покупать въ городѣ и платить втрое дороже; онъ не смѣлъ даже ткать полотно для себя или самъ выкрасить свой домъ, а долженъ былъ ѣхать за этимъ въ городъ и тамъ покупать полотно и нанимать маляра. Даже деньги взаймы крестьяне не могли давать другъ другу не иначе, какъ подъ городскіе проценты. Такое порабощеніе крестьянъ возмущало лучшихъ людей того времени, и Песталоцци, съ дѣтства обнаруживавшій сильно развитое чувство состраданія, проникся сочувствіемъ къ угнетеннымъ крестьянамъ и только и думалъ о томъ, какъ бы помочь имъ выбраться изъ своего безправнаго положенія. Поэтому-то онъ такъ и старался о подъемѣ населенія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, понимая, что, лишь сознавъ свое приниженное положеніе, люди въ состояніи стремиться къ его измѣненію.

Изъ своего пребыванія въ городской школѣ Песталоцци вынесъ полное убѣжденіе въ ея неприглядности. «Школы,—писалъ онъ впослѣдствіи,—ничто иное, какъ искусственныя машины, заглушающія всѣ слѣды силы и опыта, влагаемыя въ душу дѣтей природою. Представьте себѣ на минуту весь ужасъ такого убійства!» Песталоцци возмущался, что дѣтей отрываютъ отъ природы, останавливаютъ непринужденное свободное развитіе, скучиваютъ ихъ толпами какъ овецъ, засаживаютъ въ душную комнату и заставляютъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы и годы зубрить неинтересныя и непривлекательныя вещи и жить жизнью, совершенно противоположной той, которой они жили до сихъ поръ. Поэтому-то Песталоцци и совѣтовалъ замѣнить школьное обученіе обученіемъ въ семьѣ.

Съ самой ранней юности Песталоцци мечталъ о служеніи народу и думалъ о томъ, на какомъ поприщѣ онъ болѣе всего можетъ принести пользы народу. Сначала онъ рѣшилъ быть юристомъ, но эта профессія рѣшительно не соотвѣтствовала его характеру и онъ отказался отъ нея. Тогда онъ задумалъ быть пасторомъ; но и тутъ его постигла неудача. Послѣ этого Песталоцци пришелъ къ убѣжденію, что вліять на крестьянъ онъ можетъ лишь сдѣлавшись самъ поселяниномъ - земледѣльцемъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ. Отчасти на это рѣшеніе Посталоцци повліяли идеи Руссо, которыми Песталоцци не могъ не увлечься по самому существу своей природы. Однако, опытъ занятія сельскимъ хозяйствомъ оказался неудачнымъ для Песталоцци; непрактичность его и довѣрчивость повредили ему. Онъ и его семья очутились безъ всякихъ средствъ послѣ этого опыта.

Пришлось отложить мечты объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства и надо было позаботиться о томъ, какъ бы прокормить семью. Своимъ трудомъ Песталоцци могъ бы обезпечить себѣ болѣе или менѣе безбѣдное существованіе, но онъ увлекся новымъ дѣломъ, которое опять привело его къ нищетѣ. Бѣдственное положеніе крестьянскаго населенія Швейцаріи заставляло Песталоцци болѣть душой и особенно огорчало его то, что множество дѣтей оставалось безъ приста-

нища и погибало. Песталоцци задумалъ спасти хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ и рѣшилъ пріютить ихъ въ своемъ маленькомъ помѣстьи, сколько будетъ можно и постараться воспитать ихъ. Въ своемъ домѣ, въ Нейгофѣ (такъ называлось его помѣстье), онъ устроилъ пріютъ для бездомныхъ дѣтей. Не имѣя средствъ нанять себѣ помощника, Песталоцци, вмѣстѣ со своею женою, несъ на себѣ всѣ заботы по учрежденію и училъ дѣтей, которыя очень быстро привязались къ нему и старались учиться и хорошо вести себя, чтобы не огорчать своего «отца» — такъ они называли Песталоцци. Такъ какъ у пріюта не было никакихъ средствъ, то Песталоцци рѣшилъ, что средства къ жизни будетъ доставлять посильный трудъ дѣтей и пріютъ будетъ самъ содержать себя; дѣти же пріобрѣтутъ практическія познанія въ области домашняго и сельскаго хозяйства, которыя впослѣдствіи имъ могутъ пригодиться.

Къ сожалѣнію, и эта, прекрасная въ теоріи, идея оказалась на практикѣ невыполнимой. Песталоцци набралъ слишкомъ много дѣтей и стоимость ихъ содержанія превышала всѣ рессурсы пріюта. Буржуазное же общество не отозвалось на воззваніе Песталоцци и не пришло къ нему на помощь. Напротивъ, его упорство и самотверженіе многими считалось признаками безумія. Бѣдному Песталоцци пришлось вынести не мало насмѣшекъ на этотъ счетъ, и онъ даже боялся гдѣ-нибудь показываться, чтобы не возбуждать этихъ насмѣшекъ и не слышать порою даже прямыхъ отзывовъ о своемъ безуміи.

Когда Песталоцци пришлось поневолѣ отказаться отъ практическаго примѣненія своихъ идей, онъ обратился къ литературѣ и въ ней началъ разработывать и распространять начала своей педагогической системы. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ ушло на эту пропаганду, но, наконецъ, идеи Песталоцци взяли верхъ и онъ получилъ возможность снова приложить ихъ къ практикѣ.

На литературномъ поприщѣ Песталоцци имѣлъ очень большой успѣхъ Его разсказъ «Лингардтъ и Гертруда» сразу сдѣлалъ его знаменитымъ. Хотя онъ написалъ это беллетристическое произведеніе, какъ и многія другія, главнымъ образомъ, съ цѣлью раздобыть кусокъ хлѣба для своей голодающей семьи, но все же онъ старался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ пропагандировать свои идеи, облекая ихъ въ форму, болѣе доступную для читателей. Благодаря этому обстоятельству, идеи его быстро распространились; о немъ заговорили газеты и журналы, но прошло еще много времени, пока Песталоцци представился случай примѣнить къ дѣлу неоцѣненныя сокровища своей души и осуществить свою мечту. И тутъ Песталоцци пришлось натерпѣться въ началѣ много мукъ и невзгодъ, но идеи его все-таки уже начали приносить плоды.

Явился интересъ къ дѣлу народнаго образованія и книги его, въ которыхъ онъ говорилъ о важности и необходимости просвѣщенія народа, сдѣлались настольными книгами у тогдашнихъ швейцарскихъ дѣятелей. Песталоцци сдѣлался предметомъ общаго вниманія и, конечно, при такихъ условіяхъ его мечты объ устройствѣ образцоваго учебно - воспитательнаго заведенія встрѣтили общее сочувствіе. Такое заведеніе было устроено въ Бургсдорфскомъ замкѣ. Но и тутъ судьба не дала успокоиться бѣдному мученику идеи. Песталоцци не понравился Наполеону и швейцарское правительство, состоявшее изъ ставленниковъ французскаго императора, закрыло Бургсдорфскій институтъ, приказавъ Песталоцци убираться, со своими питомцами куда ему угодно. Но тутъ возмутилась уже вся страна и множество городовъ прислали къ

Песталоцци депутаціи, предлагая ему общественныя зданія для устройства института. Песталацци выбралъ Ивердонъ на берегу Невшательскаго озера. Это заведеніе пріобрѣло со временемъ всемірную извѣстность и существовало съ 1805 по 1825 г. Институтъ посѣщали разныя лица, желавшія ознакомиться съ методою Песталоцци и между ними попадались даже коронованныя особы, короли голландскій и прусскій и императоръ Александръ I, интересовавшійся идеями Песталоцци. Но не смотря на свою громкую славу заведеніе все-таки въ концѣ концовъ пришло въ упадокъ и должно было закрыться, за неимѣніемъ средствъ. Такова была роковая судьба всѣхъ практическихъ начинаній Песталоцци, такъ какъ онъ былъ прежде всего мыслитель и въ практической жизни всегда терпѣлъ неудачу, закрытіе Ивердонскаго института было послѣднимъ ударомъ, который пришелся на долю Песталоцци. Ему было тогда 79 лѣтъ. Черезъ три года онъ умеръ. За гробомъ его шли сельскіе учителя и школьники, питавшіе къ нему самую горячую привязанность. Но если на практикѣ Песталоцци и терпѣлъ неудачу, то все же идеи его и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Онъ основалъ дѣло народнаго образованія своею пропагандой и создалъ педагогическую систему, въ основу которой положена любовь къ дѣтямъ и уваженіе къ ихъ умственной и нравственной личности.

Зейтунскіе армяне. Армянскія дѣла, въ послѣднее время, уже не такъ поглощаютъ вниманіе Европы, отвлеченное въ другую сторону новыми событіями: войною итальянцевъ съ Абиссиніей, столкновеніемъ Англіи съ Соединенными Штатами изъ за Венецуэллы и съ трансваальской республикой и т. п. Общественное мнѣніе Европы какъ-то перестало уже волноваться сообщеніями о звѣрствахъ въ Арменіи и если въ англійскихъ газетахъ и попадаются еще разсказы объ этихъ звѣрствахъ, то во всякомъ случаѣ они не заполняютъ собою столбцовъ газетъ и проходятъ почти незамѣченными въ массѣ другихъ политическихъ новостей. Чувствительность европейской публики, повидимому, уже притупилось и бѣдствія армянъ Малой Азіи, впрочемъ, страдающихъ теперь болѣе отъ холода и голода и неимѣнія пристанища, нежели отъ кровожадности и фанатизма курдовъ, не такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе европейцевъ, какъ дѣйствовали описанія Сассунскихъ убійствъ и т. п. Султанъ обѣщалъ реформы; надо ждать—таковъ лозунгъ европейской политики по отношенію къ Арменіи въ настоящее время.

Между тѣмъ, нѣкоторыя событія, совершающіяся въ Арменіи въ данную минуту, представляютъ не малый историческій интересъ. Горсть армянскихъ горцевъ въ Зейтунскомъ округѣ, овладѣвъ турецкою крѣпостью и гарнизономъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ выдерживаютъ правильную осаду турецкаго регулярнаго войска, и турки, потерявъ надежду покорить этихъ удальцевъ, обратились опять къ посредничеству европейскихъ державъ, любезно предложившихъ помогать Турціи въ ея затрудненіяхъ. Пусть европейскіе консулы вступятъ въ переговоры съ непокорными бунтовщиками и выработаютъ условія сдачи крѣпости, отъ которыхъ не слишкомъ бы пострадало достоинство Турціи и она все-таки сохранила бы видъ побѣдителя! Въ данную минуту, когда пишутся эти строки, переговоры еще не начаты; вслѣдствіе неблагопріятнаго времени года, путешествіе по Арменіи сопряжено съ величайшими затрудненіями, особенно для европейца, и поэтому консулы еще не добрались до мѣста назначенія. Что же касается условій, на которыхъ Тур-

ція *согласна принять покорность Зейтуна*, то въ этомъ отношеніи консулы, конечно, облечены широкими полномочіями, но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что султанъ особенно настаиваетъ на полномъ разоруженіи зейтунскихъ жителей и на выдачѣ зачинщиковъ—оба условія, одинаково трудно выполнимыя, такъ какъ горцы не привыкли разставаться со своимъ оружіемъ, да и ихъ собственная безопасность требуетъ, чтобы они не разставались съ нимъ; что же касается выдачи зачинщиковъ, то врядъ ли, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть зачинщики среди горцевъ, тамъ есть, безъ сомнѣнія, вожди или вождь, организовавшій защиту, стремленіе же сохранить свою независимость живетъ въ душѣ каждаго зейтунца. Эти прямые наслѣдники древней Арменіи до настоящаго времени жили совершенно изолированными отъ всего остального міра, сохраняя вѣрность своимъ національнымъ обычаямъ и вѣрѣ своихъ предковъ. О нихъ ничего не было слышно и никто не интересовался ихъ исторіей и не старался опредѣлить точнымъ образомъ ихъ историческое происхожденіе и перечислить ихъ подвиги въ вѣковой борьбѣ съ исламомъ. До событій послѣдняго времени, обратившихъ всѣ взоры на Арменію, врядъ ли кто-нибудь въ Европѣ интересовался Зейтуномъ, а обыкновенная читающая публика не могла, по всей вѣроятности, въ точности опредѣлить, гдѣ это находится Зейтунъ или «Zeitounlis», что означаетъ страна оливокъ. Надо, впрочемъ, сказать правду, что округъ этотъ лежитъ въ сторонѣ отъ большого движенія и жители его пріобрѣли такую репутацію разбойничества, что немногіе изъ путешественниковъ рѣшались пускаться въ ихъ неприступныя владѣнія.

Округъ Зейтунскій, гористый, покрытый утесами, перерѣзанный глубокими ущельями, имѣетъ не болѣе 34 миль въ окружности. Только въ южной его части находятся три плоскогорья. Округъ состоитъ изъ трехъ селъ и двадцати армянскихъ деревушекъ и трехъ мусульманскихъ поселеній. Опредѣлить, болѣе или менѣе точнымъ образомъ, число жителей этого округа невозможно: однако, приблизительно считаютъ, что онъ населенъ 15.350 жителями, изъ которыхъ 14.650 христіане, а 1.270 мусульмане.

Въ центрѣ округа, въ глубинѣ очень узкой долины, на южномъ склонѣ горы Кадеръ находится деревня Зейтунъ, какъ бы назначенная самою природою служить убѣжищемъ всего христіанскаго населенія округа въ случаѣ опасности. Деревня эта, точно средневѣковой замокъ, ютится на верхушкѣ горы, между двумя горными потоками, свергающимися въ ущельяхъ и окружающими съ трехъ сторонъ возвышенность, у подошвы которой оба потока сливаются вмѣстѣ. Позади Зейтуна возвышается скалистая цѣпь горъ, представляющихъ непреодолимую преграду. Гора, на которой расположена деревня, такъ крута, что дома, выстроены уступами и крыша одного служитъ дворомъ для другого, и добраться до деревни можно лишь по очень узкой тропинкѣ, извивающейся между утесами, по которой едва могутъ пройти маленькія мѣстныя лошадки. Это настоящее орлиное гнѣздо, обитатели котораго, благодаря такому выгодному положенію, не опасались никакого нашествія и не заботились объ укрѣпленіи своего убѣжища, представлявшаго и такъ неприступную крѣпость.

Деревня Зейтунъ раздѣляется на четыре квартала, носящихъ названіе четырехъ главныхъ династій или семействъ, управлявшихъ округомъ, такъ какъ до 1864 года Зейтунъ представлялъ чистѣйшую форму республиканской олигархіи, во главѣ которой находились четыре почетныхъ

лица «шиканы», представители четырехъ вышеназванныхъ династій: Суренъ-Оглу, Іени-Дуніо-Оглу, Якубъ-Оглу и Шеръ-Оглу. Каждый изъ этихъ представителей или «шикановъ», должность которыхъ была наслѣдственною, управлялъ своимъ кварталомъ Зейтуна и всѣми семьями, живущими въ его кварталѣ и находящимися въ родствѣ съ его семьей. Онъ назначалъ «каба-даи» (стариковъ), членовъ совѣта, собиравшагося въ торжественныхъ случаяхъ, всякій разъ, когда представлялась необходимость оказать сопротивленіе оттоманскимъ властямъ. Народъ также участвовалъ въ этихъ совѣщаніяхъ и рѣшенія совѣта всегда руководствовались мнѣніемъ большинства. Правосудіе, находившееся въ рукахъ почетныхъ лицъ Зейтуна, также въ своихъ приговорахъ руководствовалось только здравымъ смысломъ да личными качествами виновнаго, не принимая при этомъ въ соображеніе никакихъ законовъ и не подчиняясь никакой спеціальной кодификаціи. Но что всего любопытнѣе, судьи не обладали никакими средствами заставить присужденныхъ подчиниться приговору и, объявляя имъ свой приговоръ, предоставляли имъ самимъ, признавъ его справедливость, выполнить его. Если же осужденные отказывались отъ исполненія приговора, то единственнымъ для нихъ наказаніемъ было: объявленіе презрѣнія, и они лишались права сами прибѣгать къ правосудію, если имъ это понадобится, и приносить свои жалобы судьямъ.

Высшее духовное лицо въ Зейтунѣ, епископъ, не пользовался никакою политическою властью, поэтому онъ проводилъ большую часть времени въ двухъ большихъ зейтунскихъ монастыряхъ: «Avtiazatsin» (Св. Дѣвы) и «Surb-Gerguitch» (Спасителя).

Разумѣется, не всегда все шло гладко въ этой оригинальной республикѣ. Среди «шикановъ» попадались дурные люди, совершавшіе много несправедливостей; но лишь только дѣло заходило о томъ, чтобы противодѣйствовать туркамъ, обнаруживавшимъ стремленіе завладѣть орлинымъ гнѣздомъ, — немедленно всѣ личные интересы отходили на второй планъ и каждый изъ зейтунцевъ, не колеблясь, жертвовалъ всѣмъ, даже жизнью, только бы сохранить независимость своего орлинаго гнѣзда, такъ какъ зейтунцы скорѣе дали бы изрубить себя въ куски, нежели согласились бы превратиться въ такихъ рабовъ, въ какихъ обратились ихъ единовѣрцы и соплеменники въ сосѣдней области Мараша. Совершенную противоположность зейтунцамъ составляютъ мусульмане, населяющіе этотъ округъ, такъ какъ они отличаются всѣми свойствами и недостатками рабовъ, всегда повергающихся въ прахъ передъ власть имущими и сильными.

Средства къ жизни зейтунцы добываютъ изъ земли; они разводятъ виноградники и сѣютъ хлѣбъ и овесъ, гдѣ это допускаетъ почва. Но больше всего доходовъ доставляютъ имъ лѣса и желѣзные рудники. Торговый обмѣнъ въ Зейтунѣ очень незначителенъ и во всемъ округѣ врядъ ли найдется хоть одна лавка. Зейтунецъ всѣмъ, что ему необходимо, запасается самъ; онъ разводитъ хлопокъ, табакъ и виноградъ, изъ котораго дѣлаетъ вино, для себя и самъ изготовляетъ нужныя ему орудія. Желѣзная руда и дровяной матеріалъ, доставляемый ему лѣсомъ, онъ продаетъ въ сосѣднія провинціи и, такимъ образомъ, раздобываетъ то, чего ему не достаетъ въ его хозяйствѣ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ богатство представляетъ рѣдкое явленіе въ Зейтунѣ.

Когда губернаторъ Мараша (вали) ввелъ свою систему налоговъ, потребовавъ отъ Зейтуна правильной уплаты ихъ, то зейтунцы наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе, и съ той поры началась скрытая борьба

между турками и зейтунцами, не разъ вызывавшая настоящіе походы на Зейтунъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ турки всячески старались смирить зейтунцевъ и съ этою цѣлью организовано было нѣсколько военныхъ экспедицій. Но всѣ эти экспедиціи потерпѣли неудачу. Зейтунцы перенесли осаду, голодъ, но когда захватили ихъ паломниковъ, въ качествѣ заложниковъ, то они набросились на Марашъ и разграбили его.

Но турецкіе вали не хотѣли признать свое безсиліе; они продолжали предъявлять свои требованія Зейтуну. Въ 1856 году Мунибъ-паша явился во главѣ вооруженнаго войска и потребовалъ уплаты 100.000 піастровъ. Зейтунцы отвѣтили: «приди и возьми!» затѣмъ прогнали и его, и его войско. Въ слѣдующемъ году Куршидъ-паша устроилъ блокаду Зейтуна, и зейтунцы какъ будто покорились, объявивъ, что примутъ оттоманскаго мудира (чиновника), который и былъ посланъ къ нимъ. Это былъ первый оттоманскій чиновникъ, проникшій въ Зейтунъ, но ему пришлось ограничиться лишь опредѣленіемъ на бумагѣ суммы налога, который надлежало уплатить зейтунцамъ, и тѣмъ дѣло и ограничилось. Понадобилась новая военная экспедиція, также не имѣвшая успѣха, какъ и всѣ предыдущія. Упорство Порты въ данномъ случаѣ замѣчательно, и въ теченіе нынѣшняго столѣтія 40 разъ турки пробовали усмирять зейтунцевъ, но тѣ геройски защищали свое орлиное гнѣздо, куда еще не проникала нога врага. Въ 1862 году вали Мараша, Азизъ-паша, не дожидаясь приказаній изъ Константинополя, организовалъ новый походъ въ Зейтунъ, во главѣ 13.000 войска, преимущественно состоящаго изъ черкесовъ. Благодаря искусной агитаціи, въ Марашѣ произошелъ взрывъ мусульманскаго фанатизма, и христіане, живущіе въ городѣ, спасены были только благодаря вмѣшательству консуловъ въ Алеппо, но за-то весь гнѣвъ обратился на зейтунцевъ. Зажиточные жители Мараша пожертвовали крупныя суммы для покрытія расходовъ на экспедицію, на тотъ случай, если бы правительство отказалось поддержать ее. Армія Азиза двинулась въ походъ, предшествуемая 200 знаменами и драгоцѣннымъ ковчегомъ, въ которомъ хранился клокъ изъ бороды Магомета—эту священнѣйшую реликвію Азизъ нарочно выписалъ изъ Мекки для этой цѣли. Болѣе 300 имамовъ, хаджей, дервишей и софтъ шли вмѣстѣ съ турецкими колоннами, проповѣдуя «газаватъ»—священную войну и произнося громко молитвы.

Во всѣхъ окрестностяхъ Зейтуна, въ Алабахѣ и въ монастырѣ Спасителя произведены были всевозможныя звѣрства и головы убитыхъ армянъ отправлены были въ Марашъ для выставки на площади. Но когда дѣло дошло до атаки самого Зейтуна,—туркамъ пришлось плохо. Зейтунцы вышли къ нимъ на встрѣчу толпой, предшествуемые епископомъ, который несъ крестъ и евангеліе, и съ нимъ четыре священника въ полномъ облаченіи, распѣвавшіе священные псалмы. Иррегулярное войско Азиза было разбито на голову и обратилось въ дикое бѣгство, оставивъ на полѣ сраженія 350 убитыхъ, 50 раненыхъ и клокъ бороды Магомета. Самъ Азизъ такъ струсилъ, что его едва усадили на лошадь. Въ паническомъ ужасѣ войско бѣжало въ Марашъ, пройдя двѣнадцать миль, отдѣляющія отъ Мараша, менѣе чѣмъ въ шесть часовъ.

Зейтунъ, однако, дорого заплатилъ за эту побѣду. Его стали тревожить со всѣхъ сторонъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не сдался, вынужденный къ тому голодомъ. Но даже покорившіеся зейтунцы отказались выдать пять требуемыхъ заложниковъ, и тогда турки заманили шикановъ въ западню и уморили ихъ въ тюрьмѣ.

*

Таковъ былъ конецъ олигархической республикѣ въ Зейтунѣ. Мало-по-малу, тамъ водворилась оттоманская администрація. Въ Зейтунъ посадили турецкаго каймакама, выстроили казарму для турецкихъ солдатъ, и Зейтунъ былъ названъ крѣпостью. Но зейтунцы, тѣмъ не менѣе, сохранили свой независимый нравъ и очень нетерпѣливо переносили иго турецкой администраціи. Въ 1878 году вспыхнуло новое возстаніе въ Зейтунѣ, и потомокъ одной изъ династій, правившихъ Зейтуномъ, Бабикъ, принялъ титулъ шикана и сталъ во главѣ бунтовщиковъ. Портѣ удалось тогда усмирить Зейтунъ посредствомъ обѣщаній, которыя, однако, она и не думала исполнить. Теперь этотъ самый Бабикъ снова вышелъ на сцену и руководитъ нынѣшнимъ возстаніемъ, и событія указываютъ, что оттоманское правительство не такъ-то легко можетъ овладѣть этимъ горнымъ гнѣздомъ.

Наука въ Китаѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ очень древнія времена китайцы обладали довольно высокою степенью культуры и познанія ихъ въ нѣкоторыхъ наукахъ были достаточно глубоки для той отдаленной эпохи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что императоръ Яо, царствовавшій за 2357 лѣтъ до Р. Х., самъ научилъ своихъ астрономовъ узнавать по нѣкоторымъ свѣтиламъ начало временъ года. Онъ предписывалъ имъ вычислять и наблюдать движенія солнца, луны и планетъ, сообщилъ имъ, что годъ заключаетъ въ себѣ немного менѣе 366 дней, и такъ какъ онъ раздѣлилъ годъ на лунные мѣсяцы, то указалъ астрономамъ, какіе года должны быть высокосными. Китайцы, впрочемъ, знали уже тогда разницу между экваторомъ и эклиптикой и первый назывался у нихъ равноденственною линіей—«Tche-Tao», а вторая—желтою дорогой «Hoang-Tao». Имъ были уже извѣстны пять планетъ: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурій, они вычисляли затмѣнія и имѣли годовой календарь. Вообще, свѣдѣнія ихъ по астрономіи были довольно велики и разнообразны; замѣчательно, что китайцы не прибѣгали ни къ какимъ теоретическимъ построеніямъ или доказательствамъ, а пользовались самыми простыми способами наблюденій и дѣлали изъ нихъ совершенно правильные выводы, соотвѣтствующіе нашимъ современнымъ теоріямъ. Такимъ образомъ, астрономія стояла въ Китаѣ на большой высотѣ въ эти отдаленныя эпохи и всегда была тѣсно связана съ астрологіей; она служила, между прочимъ, для устанавливанія разныхъ публичныхъ церемоній и назначенія административныхъ работъ. Но теперь уже давно наука эта сошла со своей высоты и находится въ полномъ пренебреженіи; календарь же служитъ лишь для того, чтобы поддерживать и распространять въ народѣ знаніе различныхъ таинственныхъ формулъ и оракуловъ, составленныхъ на основаніи разнообразныхъ положеній планетъ. Въ собраніи китайскихъ законовъ говорится, напримѣръ, о томъ, какія надо устраивать церемоніи для освобожденія свѣтила во время затмѣнія: барабаны должны бить тревогу и, затѣмъ, являются вооруженные мандарины, творятъ заклинанія и освобождаютъ свѣтило.

Когда іезуитскіе миссіонеры явились въ Китай въ XVII вѣкѣ, то нашли тамъ обсерваторію, снабженную инструментами. Все это пришло уже въ сильный упадокъ, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовало, что нѣкогда наука о небесныхъ свѣтилахъ стояла на большой высотѣ, только, вмѣсто того, чтобы совершенствоваться и идти впередъ съ годами, она постепенно спускалась все ниже и ниже, пока, наконецъ, о ней осталось только одно славное воспоминаніе.

Что касается другихъ наукъ, то, очевидно, геометрія и тригонометрія не были извѣстны китайцамъ, такъ какъ императоръ Конгъ-Хи научился этимъ наукамъ у миссіонера-іезуита въ XVII вѣкѣ. До какой степени китайцы всегда высокомѣрно относились къ иностранцамъ и иностранной наукѣ доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: когда императоръ Конгъ-Хи задумалъ возстановить и исправить старинный китайскій календарь, то онъ поручилъ это дѣло миссіонеру, научившему его тригонометріи, и приказалъ астрономическому бюро работать по указаніямъ этого миссіонера. Тогда къ императору явился президентъ бюро и сказалъ: «зачѣмъ намъ помощь иностраннаго ученаго? Развѣ у насъ нѣтъ науки, которой насъ обучилъ императоръ Яо? Развѣ же это не будетъ профанаціей памяти этого знаменитаго монарха, если мы порвемъ со священною традиціей, завѣщанной намъ нашими предками? Какъ можетъ этотъ человѣкъ, явившійся сюда изъ дальнихъ странъ, освѣщаемыхъ совершенно не такимъ небомъ, какъ наше, производить такія наблюденія и вычисленія, которыя могутъ быть для насъ полезны? Не выйдетъ ли тутъ какой-нибудь большой путаницы?»

Конгъ-Хи, выслушавъ президента, сказалъ ему: «Ну, такъ сдѣлай самъ эту работу!» Президентъ подумалъ и, сообразивъ, что его знаній недостаточно для совершенія этой работы, преклонился передъ волею монарха, и, такимъ образомъ, составленіе календаря было поручено миссіонеру.

Химія у китайцевъ не вышла изъ предѣловъ алхиміи, поисковъ философскаго камня и элексира безсмертія. Она такъ и осталась на этой точкѣ и дальше не пошла, хотя китайцы и не занимаются уже больше алхиміей, но колдовство и магія, бывшія ея неизмѣнными спутницами, до сихъ поръ практикуются въ Китаѣ, не смотря на то, что законъ караетъ это занятіе.

Извѣстно, что гончарное искусство стояло на очень большой высотѣ въ Китаѣ, но способы производства были и остаются чисто эмпирическими. Китайцамъ также приписывается изобрѣтеніе пороха, однако, согласно нѣкоторымъ документамъ, въ IX вѣкѣ одинъ персидскій полкъ, находившійся на службѣ китайскаго монарха, научилъ китайцевъ приготовлять особенное вещество, которое, затѣмъ, употреблялось китайцами для приготовленія фейерверка. Китайцы эксплуатировали свои ископаемыя богатства, но самымъ примитивнымъ образомъ, безъ помощи какихъ бы то ни было машинъ. Они добывали каменный уголь уже во второмъ вѣкѣ до Р. Х. и знали о существованіи рудничнаго газа, но такъ какъ они не копали ни глубокихъ колодцевъ, ни галлерей, то газъ этотъ былъ для нихъ не опасенъ. Того количества угля, который они добывали своими первобытными способами, хватало имъ для ихъ потребленія, но съ теченіемъ времени китайцамъ пришлось-таки прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ для лучшей эксплуатаціи своихъ минеральныхъ богатствъ.

Познанія китайцевъ въ естественныхъ наукахъ были всегда довольно слабы. Понятія китайцевъ о строеніи организмовъ были очень смутны и, вѣроятно, на томъ основаніи, что имъ были извѣстны пять планетъ, они признавали существованіе пяти органовъ у человѣка и животныхъ, пяти металловъ, пяти цвѣтовъ и т. д. Ихъ зоологическія классификаціи совершенно фантастичны и не имѣютъ ровно никакого научнаго значенія. То же самое надо сказать о ботаникѣ и медицинѣ. Послѣдняя не могла достигнуть высокой степени развитія, такъ какъ китайцы не имѣютъ ровно никакихъ познаній, ни въ анатоміи, ни въ физіологіи, да и пріобрѣсти

ихъ не могли, потому что ихъ религія воспрещаетъ вскрытіе труповъ. Въ храмѣ Конфуція находилась бронзовая статуя и на ней были указаны разныя мѣста, на которыя долженъ былъ дѣйствовать врачъ, при лѣченіи различныхъ болѣзней. Отсюда китайскій врачъ черпалъ всѣ свои теоретическія познанія по медицинѣ, остальное же онъ получалъ эмпирическимъ путемъ, и нельзя все-таки не признать, что китайскіе врачи обладали часто большою клиническою проницательностью въ распознаваніи и даже лѣченіи болѣзней. Они пришли эмпирическимъ путемъ ко многимъ выводамъ и способамъ, до сихъ поръ не потерявшимъ значеніе въ медицинѣ, и путемъ наблюденія установили признаки многихъ болѣзней, также какъ и отношенія, существующія между отправленіями различныхъ органовъ. Но дальше этого китайцы не пошли.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Cosmopolis». — «Monde Moderne».

Не разъ уже указывалось на замѣчательное противорѣчіе, которое наблюдается въ наше время во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ народовъ. Съ точки зрѣнія политической и соціальной недовѣріе между ними доведено до настоящей враждебности, выражающейся въ вооруженіяхъ, протекціонизмѣ, шпіономаніи и т. п. Однимъ словомъ: иностранецъ — синонимъ врага, это съ одной стороны, съ другой же, въ интеллектуальной области замѣчается совершенно противоположное стремленіе, стремленіе къ объединенію. Для искусства, науки, литературы, границы какъ будто перестали существовать, и Пастеръ, напримѣръ, французскій патріотъ, все таки чувствовалъ себя ближе къ Вирхову и Спенсеру, не смотря на политическія разногласія, нежели къ кому-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, французскихъ буржуа. Въ этомъ явленіи, однако, не заключается ничего неестественнаго, и оно является непосредственнымъ результатомъ столкновенія одного изъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи съ новымъ, возникающимъ принципомъ, прямо ему противоположнымъ. Принципъ военнаго могущества и царства силы и капитала сталкивается съ принципомъ мира, братства народовъ, и вслѣдствіе этого всѣ противорѣчія современнаго общественнаго строя выступаютъ очень ярко и отражаются въ явленіяхъ общественной жизни, изумляющихъ подчасъ своею кажущеюся непослѣдовательностью.

Между тѣмъ, если вникнуть поглубже въ современныя общественныя теченія, то эта непослѣдовательность уже не поражаетъ болѣе. Всѣ эти теченія, равно какъ и всѣ явленія европейской общественной жизни Европы имѣютъ въ настоящее время по преимуществу международный характеръ. Въ умственной жизни и особенно въ литературѣ современной, «ощетинившейся штыками» Европы, этотъ характеръ выражается особенно рѣзко. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ появилась масса международныхъ изданій, спеціально имѣющихъ цѣлью познакомить читающую публику съ литературою различныхъ странъ, также какъ и съ идеями, господствующими въ нихъ. Нѣкоторые журналы сдѣлали попытку привести авторовъ различныхъ странъ въ непосредственное соприкосновеніе съ публикою различныхъ націй. Такъ поступаютъ, напримѣръ, «Revue des Revues» и «Ма-

gazin international», отводящіе очень много мѣста переводнымъ статьямъ иностранныхъ авторонъ и знакомящіе, такимъ образомъ, публику съ ихъ произведеніями. Въ журналѣ «Etranger» статьи иностранныхъ авторовъ воспроизводятся на своемъ отечественномъ языкѣ, но радомъ помѣщается французскій переводъ статей. Редакція-же новаго журнала «Cosmopolis», ознаменовавшаго своимъ появленіемъ начало литературнаго 1896 года, и представляющаго дальнѣйшій шагъ на почвѣ международнаго литературнаго сближенія, устранила переводы оригинальныхъ статей, соединивъ въ одной книгѣ три отдѣльныхъ журнала: англійскій, французскій и нѣмецкій. Но хотя это соединеніе чисто искусственное, заключающееся въ общей обложкѣ, все-таки всѣ три журнала указываютъ на общую идею этого оригинальнаго литературнаго органа,—вызвать сближеніе умовъ, такое широкое міровоззрѣніе, для котораго политическія границы уже теряютъ свое значеніе.

Въ составленіи первой книжки редакція «Cosmopolis» обнаружила довольно большое искусство, постаравшись сгруппировать столько блестящихъ литературныхъ именъ. Въ англійскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены: начало романа извѣстнаго англійскаго романиста Стивенсона, не оконченнаго за смертью автора; статья сэра Чарльза Дилька о происхожденіи войны 1870 года, критическая статья Эдмонда Госса и начало повѣсти Генри Джемса. Во французскомъ отдѣлѣ находятся: граціозная вещица Поля Бурже, художественный разсказъ изъ античной жизни Анатоля Франса, начало очень интересной статьи о движеніяхъ идей во Франціи Эдуарда Рода, статья объ «Отелло» Георга Брандеса, написанная знаменитымъ датскимъ критикомъ по-французски, и статья Франциска Сарсэ о Дюма-сынѣ.

Нѣмецкая часть журнала также блещетъ литературными именами: Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ, Моммзенъ, Эрихъ Шмидтъ, Шпильгагенъ и Германъ Гельферихъ. Затѣмъ хроника: литературная, драматическая и иностранная для каждой страны, подъ которыми подписаны такія извѣстныя имена, какъ Эндрью Лангъ, Эмиль Фаге, Жюль Леметръ. Беттельгеймъ, Норманнъ и др. Такимъ образомъ, читатели получаютъ возможность ознакомиться со взглядами литературныхъ и политическихъ представителей различныхъ государствъ. Разумѣется, во взглядахъ писателей различныхъ странъ, особенно по политическимъ вопросамъ, могутъ обнаружиться разногласія, но это не мѣшаетъ имъ соединять свои труды общаго идеала правды и добра, и политическое несходство взглядовъ не можетъ препятствовать честному и добросовѣстному, а также всестороннему обсужденію вопросовъ, волнующихъ общественное мнѣніе Европы. Во всякомъ случаѣ, появленіе этого международнаго сборника на европейскомъ литературномъ горизонтѣ нельзя не привѣтствовать, какъ новый симптомъ европейскаго единенія въ области идей, обмѣна и сближенія взглядовъ различныхъ націй, протягивающихъ другъ другу руки въ лицѣ своихъ лучшихъ литературныхъ представителей.

Вѣроятно, названіе «Cosmopolis» было принято редакціей журнала оттого, что это слово одинаково пишется и произносится на разныхъ языкахъ, такъ какъ, въ сущности, идея журнала не заключаетъ въ себѣ ничего космополитическаго. Литература каждаго народа сохраняетъ свою отдѣльную физіономію и происходитъ лишь международное сближеніе, а не сліяніе и обезличеніе.

Журналъ издается одновременно въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Амстердамѣ и Нью-Іоркѣ и общедоступная цѣна этого изданія, конечно,

должна способствовать его распространенію.

Г. Поль Гуло предпринялъ въ журналѣ «Monde Moderne», не лишенное историческаго интереса, изслѣдованіе памфлетовъ во Франціи въ прошломъ вѣкѣ. Дурная привычка оскорблять и клеветать въ печати на людей, несогласныхъ въ мнѣніяхъ съ авторомъ памфлета, существуетъ уже давно, но въ прежнія времена, когда ежедневная періодическая печать была еще въ младенческомъ состояніи, памфлетъ представлялъ въ нѣкоторомъ родѣ политическое оружіе. Авторы ихъ не разъ платились головою за смѣлость и дерзость своихъ нападокъ, особенно въ періодъ 1789—91 г. Въ этотъ періодъ времени впервые появились иллюстрированные памфлеты и большинство событій этой эпохи воспроизведены въ довольно плохихъ литографіяхъ, но дающихъ, однако, понятіе о главныхъ перипетіяхъ великой исторической драмы. Памфлетовъ появлялось такое множество въ періодъ французской революціи, что даже названія ихъ невозможно перечислить. Большинство этихъ памфлетовъ, конечно, отличается грубостью выраженій, но, во всякомъ случаѣ, въ стилѣ ихъ и въ формѣ существуетъ много различій. Нѣкоторыя поражаютъ своею дѣтскою наивностью, какъ, напримѣръ, «Litanies du Tiers Etat», гдѣ авторъ воспользовался формою католической молитвы, для обращенія къ королю, королевѣ, принцамъ и принцессамъ съ жалобами на несправедливости и просьбою объ освобожденіи французовъ отъ продажности, отъ деспотизма сутаны, отъ дороговизны, отъ инквизиціи, которой подвергается печать, отъ темницъ Бастиліи и т. п. И все это оканчивалось воззваніемъ къ Неккеру: «Necker! Necker! qui faites l'espoir de la France, secondez nous!» (Неккеръ! Неккеръ! надежда Франціи, поддержите насъ!) и т. п. Наибольшею яркостью стиля отличались, конечно, знаменитые памфлеты, посвященные «Фонарю» (Lanterne).

Знаменитый авторъ «Свадьбы Фигаро», Бомарше, не избѣжалъ общей участи и памфлеты не пощадили его; онъ также фигурируетъ въ спискѣ «отвратительныхъ и свирѣпыхъ животныхъ, на которыхъ учреждена охота». Въ памфлетѣ «la Chasse aux bêtes puantes et féroies» Бомарше изображенъ въ видѣ совы, за уничтоженіе которой обѣщается награда въ 20 фр. Странно, что писатель, изощрявшій свое остроуміе надъ сильными міра и осмѣивавшій духовенство, аристократію и магистратуру, самъ попалъ въ списки враговъ народа, но, между тѣмъ, это такъ. Интриги, въ которыхъ участвовалъ Бомарше, несомнѣнно, были причиною того, что его имя попало въ этотъ странный списокъ.

Сравнивая сатирическіе памфлеты современной эпохи съ памфлетами періода французской революціи, мы ясно можемъ видѣть, какой большой путь прошла этого рода печать съ тѣхъ поръ, и какого развитія она достигла въ современную эпоху. Политическія оскорбленія процвѣтаютъ во Франціи уже давно, но самая форма ихъ измѣнилась; личность въ нихъ играетъ теперь гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ прежде, и нынѣшніе памфлеты чаще служатъ орудіемъ личной мести или средствомъ интриги, нежели общимъ политическимъ орудіемъ. Во всякомъ случаѣ, памфлеты теперь не такъ изобилуютъ и полемика переносится на столбцы газетъ. Желательно было бы, конечно, чтобъ эта полемика прониклась стариннымъ правиломъ: «Tolerance pour les idées. indulgence pour les personnes» (терпимость въ отношеніи идеи и снисходительность къ личностямъ).

Издательница А. Давыдова. **Редакторъ Викторъ Острогорскій.**

первый разъ животнаго по внѣшнему виду безъ вскрытія. Такое угадываніе становится еще болѣе легкимъ, если можно прослѣдить животное при выполненіи функцій его организма». Высказанное воззрѣніе въ общихъ чертахъ замѣчательно сходно съ *принципомъ условій существованія*, который Кювье изложилъ позже почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Какъ Галенъ, Кювье соединяетъ этотъ принципъ съ принципомъ конечныхъ причинъ и пользуется имъ для того, чтобы установить законъ соотношенія между внѣшней формой животнаго и его внутреннимъ строеніемъ, соотношенія, такъ прекрасно подмѣченнаго уже Галеномъ. Этотъ самый законъ, распространенный Кювье на взаимныя отношенія органовъ, помогъ ему впослѣдствіи реставрировать общій видъ ископаемыхъ животныхъ по разсмотрѣніи нѣкоторыхъ частей ихъ тѣла. И такъ, ученые, приписавшіе произведенія Аристотеля его предшественникамъ, съ одинаковымъ правомъ могли бы приписать славу работъ Кювье Галену. Они могли бы еще, какъ мы видѣли, воздать Галену честь и за то, что Жоффруа Сентъ-Илеръ почерпнулъ у него идею единства плана творенія.

Глава IV.

Средніе вѣка и эпоха возрожденія.

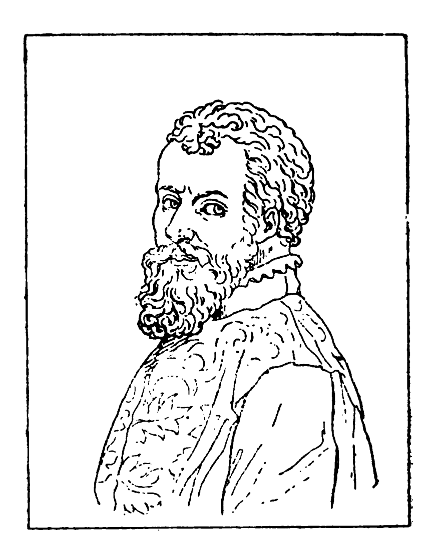
Арабскіе врачи.—Алхимики.—Альбертъ Великій.—Начало великихъ путешествій.—Возрожденіе анатоміи. — Белонъ.— Ронделе. — Францискъ Бэконъ. — Прогрессъ въ области анатоміи и физіологіи. — Первые микроскописты. — Предразсудки, еще господствующіе въ XVI столѣтіи.

Галенъ—послѣдній философъ, послѣдній свѣтлый умъ, блеснувшій въ эпоху паденія имперіи. Вскорѣ варвары вторглись въ ея предѣлы и положили конецъ римской цивилизаціи. Язычество доживало послѣдніе дни; на развалинахъ его созидалось христіанство, которому отдавали свои духовныя силы всѣ тѣ, кто не принималъ участія въ непрерывныхъ войнахъ того времени. На Западѣ исчезли даже слѣды былой культуры, и только народы далекаго Востока сохранили человѣчеству въ той мѣрѣ, насколько это отвѣчало ихъ потребностямъ, научныя богатства, накопленныя въ древности. Въ средніе вѣка первенство въ области науки принадлежитъ арабамъ. Съ IX-го столѣтія у нихъ процвѣтаютъ медицинскія науки. Гиппократъ и Аристотель были переведены на общедоступный языкъ. Эль-Кинди (860), Эль-Джадидъ, авторъ исторіи животныхъ, Абу-Ганифа, ученый ботаникъ, Ибнъ-Вахшидъ—вотъ выдающіеся ученые той странной эпохи, когда точ-

ная наука шла рука объ руку съ магіей и метафизикой. Разесъ (850—923), Авицена, Авензогаръ (1070—1161), его ученикъ Аверроэсъ оставили по себѣ славу ученыхъ и искусныхъ врачей, но, тѣмъ не менѣе, они отдаютъ еще слишкомъ большое предпочтеніе умозрительному методу предъ наблюденіемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Это скорѣе философы, чѣмъ ученые, и хотя они въ значительной степени сохранили намъ научныя традиціи древнихъ, но въ анатоміи, физіологіи и діагностикѣ болѣзней не сдѣлали большихъ успѣховъ. Между тѣмъ они обладали глубокими познаніями относительно свойствъ растеній, и мы имъ обязаны введеніемъ въ терапію многихъ до того времени неизвѣстныхъ медикаментовъ. Кацвини, Ибнъ-эль-Дерейхимъ, Эль-Демири, которые жили въ XIV вѣкѣ, Эль-Калкахенди (1418), Эль-Шеби и Эль-Союти (1445) написали замѣчательныя работы по исторіи животныхъ; Эль-Демири, въ частности, составилъ нѣчто въ родѣ естественноисторическаго словаря, заключающаго описаніе 931 животнаго.

У арабовъ европейскіе ученые среднихъ вѣковъ позаимствовали свои первыя научныя познанія и, главнымъ образомъ, вліянію арабовъ надо приписать характеризующее эту эпоху странное смѣшеніе истинной науки съ астрологіей и алхиміей, которыми увлекались тогда даже великіе умы. Такое смѣшеніе заставило впослѣдствіи чернь смотрѣть на ученыхъ, какъ на колдуновъ. Роджеръ Бэконъ (1214 — 1292), отрицая значеніе магіи, въ то же время съ увлеченіемъ занимается алхиміей. Между тѣмъ, это былъ человѣкъ, обладавшій обширнымъ умомъ, остроумный изыскатель, искусный экспериментаторъ. Читая нѣкоторыя страницы его *Opus majus*, можно думать, что онъ предугадалъ лучшія изобрѣтенія новѣйшихъ временъ; ему, кажется, было даже извѣстно искусство приготовлять порохъ. Роджера Бэкона можно поставить въ ряду людей, наиболѣе способствовавшихъ тому, что ученые вернулись къ наблюденію природы. Впрочемъ, изслѣдователи той эпохи одновременно занимались всѣми науками, тѣсно соединяя медицинскую практику и философскіе или даже теологическіе диспуты съ отысканіемъ философскаго камня и способа превращенія металловъ. Въ естественной исторіи они ограничиваются теологическими комментаріями на текстъ Аристотеля. Если встрѣчаются какія-нибудь примѣчанія со стороны самихъ комментаторовъ, то они обнаруживаютъ такое смутное пониманіе природы, такое неумѣніе отличать кажущееся отъ дѣйствительнаго, что приходится, можетъ быть, пожалѣть, что эти трудолюбивые писатели не придерживались строго древняго текста. Въ числѣ та-

кихъ комментаторовъ, не смотря на прославившія ихъ работы и сочиненія по другимъ отраслямъ науки, можно упомянуть алхимиковъ Арно Вилленева (1238 — 1314), открывшаго алкоголь, Раймонда Луллія (1235—1315), которому мы обязаны открытіемъ азотной кислоты или крѣпкой водки, и наконецъ Альберта Великаго, доминиканца, впослѣдствіи епископа Регенсбургскаго, отказавшагося отъ епископскаго сана, съ тѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя изученію и преподаванію наукъ. Альбертъ Великій оказалъ, между прочимъ, большое вліяніе на своихъ современниковъ многочисленными работами по алхиміи и естественной исторіи, представляющими родъ энциклопедіи, въ которой преобладаетъ теологическая точка зрѣнія. Изъ его учениковъ особенно выдается св. Ѳома Аквинскій (1227 — 1274), которому Пикъ де-ля-Мирандоль приписываетъ сочиненіе по алхиміи и котораго католическая церковь ставитъ высоко въ ряду людей науки.



Везалій.

Въ теченіе XIII-го столѣтія, нѣкоторыя путешествія, какъ напр., путешествія Гильома Рубрикисъ и Марко Поло, ознакомили европейцевъ съ восточной Азіей; Марко Поло первый проникъ въ Китай и Японію, но въ виду того, что разсказы о его путешествіяхъ не всегда согласны съ показаніями Аристотеля, ихъ долгое время считали за вымыселъ.

Ни изобрѣтеніе книгопечатанія (1431), ни великія путешествія Христофора Колумба и открытіе Америки не разсѣяли научныхъ заблужденій XIII и XIV столѣтій; XV вѣкъ еще не могъ отрѣшиться отъ нихъ; но въ XVI столѣтіи начинается нѣкоторое просвѣтленіе умовъ, и предпринимаются важныя научныя изысканія. Андрей Везалій (1514—1564) положилъ начало эпохи возрожденія анатоміи. Имена Фаллопія, Евстахія, Спигеля, Инграссіаса, Боталія, Варолія соединены съ открытіемъ новыхъ органовъ, новыхъ особенностей въ строеніи человѣческаго тѣла. Изысканія Фабриціо Аквапенденте (1537 — 1619), Коломбо и Цезальпина, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ ботаникомъ, подготовили открытіе кровообращенія. Цезальпинъ даетъ даже до-

вольно точное описаніе этого процесса, а несчастный Мишель Серветъ (1509—1555), котораго Кальвинъ сжегъ въ Женевѣ, какъ еретика, довольно ясно представлялъ себѣ легочное кровообращеніе. Въ ту же эпоху жилъ знаменитый хирургъ Генриха II-го Амбруазъ Паре (1517—1590), который кромѣ славы практическаго врача, пріобрѣлъ еще извѣстность и въ наукѣ сравненіемъ скелета млекопитающихъ и птицъ. Возрожденіе ботаники и зоологіи идетъ на ряду съ возрожденіемъ анатоміи. Жанъ и Гаспаръ Богенъ, умершіе, первый въ 1613 г., второй въ 1624, занимаясь

Геснеръ.

медициной, вмѣстѣ съ тѣмъ издали въ свѣтъ солидныя сочиненія о растеніяхъ. Пьеръ Белонъ, родившійся въ 1518 году, убитый въ Булонскомъ лѣсу въ 1564 г., написалъ естественную исторію морскихъ животныхъ и исторію птицъ; онъ сравнивалъ органы различныхъ животныхъ, которыя являлись для него предметомъ изученія, и такимъ образомъ открылъ путь сравнительной анатоміи. Въ заголовкѣ своей *Орнитологіи* онъ помѣстилъ скелетъ птицы и скелетъ человѣка, обозначивъ одинаковыми буквами тѣ

части, которыя, по его мнѣнію, соотвѣтствовали другъ другу въ этихъ двухъ скелетахъ. Въ ту же эпоху появилась универсальная исторія рыбъ Ронделе (1507—1566), гдѣ былъ сдѣланъ опытъ естественной классификаціи. Но самыми замѣчательными по своимъ познаніямъ натуралистами были Конрадъ Геснеръ (1516 — 1565) и Альдровандъ (1527 — 1605). *Геснеръ*, кромѣ различныхъ научныхъ и философскихъ трудовъ, обнародовалъ исторію животныхъ въ 4-хъ томахъ in-folio и много ботаническихъ сочиненій, гдѣ онъ устанавливаетъ въ первый разъ научную классификацію растеній по органамъ размноженія. Онъ говоритъ также о кристаллахъ и допускаетъ, что окаменѣлости могутъ быть остатками живыхъ существъ. Альдровандъ—авторъ обширной естественной исторіи, въ которой онъ разсуждаетъ о трехъ царствахъ природы, и которая была частью напечатана подъ покровительствомъ сената въ Болоньѣ.

Знаменитый Бернардъ Палисси пріобрѣлъ извѣстность въ наукѣ тѣмъ, что энергично защищалъ мнѣніе Леонардо де-Винчи, высказанное этимъ послѣднимъ еще въ началѣ столѣтія. Это мнѣніе заключалось въ томъ, что окаменѣлости представляютъ остатки животныхъ, большею частью морскихъ, и что, слѣдовательно, моря покрывали нѣкогда материкъ на большомъ протяженіи. Такимъ образомъ, въ эту эпоху здравый смыслъ мало-по-малу беретъ перевѣсъ надъ воображеніемъ, а наблюденіе и опытъ окончательно подрываютъ вѣру въ авторитетъ древнихъ учителей. Безконечные схоластическіе споры по поводу тѣхъ и другихъ взглядовъ этихъ авторитетовъ прекращаются.

Начинается горячая проповѣдь наблюденія природы, чему Аристотель, очевидно, положилъ только начало. Многочисленные изслѣдователи даютъ примѣръ такого отношенія къ дѣлу, самые слѣпые изъ нихъ, какъ Аржантье, высказываютъ исключительную вѣру въ доводы разума.

Такимъ образомъ подготовляется постепенно появленеіе сочиненія Франциска Бэкона (1561—1626), *Instauratio magna*, «Великое возрожденіе наукъ», гдѣ въ первый разъ со временъ Аристотеля мы встрѣчаемъ истинно-философскіе принципы и научный методъ.

Бэконъ признаетъ, что человѣкъ науки долженъ основывать всѣ свои положенія на опытѣ; онъ прилагаетъ экспериментальный методъ въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи живыхъ существъ. Въ своемъ сочиненіи «Nova Atlantis», «Новая Атлантида», представляющемъ родъ проекта учрежденія, исключительно посвященнаго развитію естественныхъ наукъ, онъ рекомендуетъ *«производить опыты*

надъ измѣненіемъ органовъ и, заставляя варіировать виды, изслѣдовать вопросъ о томъ, какъ произошло увеличеніе ихъ числа и ихъ разнообразіе». Это первое научное выраженіе той мысли, что растительныя и животныя формы не были созданы въ опредѣленномъ количествѣ и что онѣ измѣняются. Слѣдовательно, всѣ нынѣ существующіе организмы достигли современнаго состоянія

Францискъ Бэконъ.

путемъ медленныхъ и постепенныхъ измѣненій. Еще при жизни знаменитаго философа было сдѣлано одно изъ величайшихъ открытій, которымъ мы обязаны экспериментальному методу. Въ 1619 году Гарвей, медикъ королей Іакова I и Карла I, ученикъ Фабриціо Аквапенденте и его ассистентъ при опытахъ надъ

заслонками въ венахъ, открылъ кровообращеніе. Это открытіе повлекло за собой новыя анатомическія изслѣдованія. Азеллій нашелъ млечные сосуды. Пеке показалъ, что ихъ назначеніе почерпать изъ кишекъ ассимилируемыя вещества, нести ихъ въ грудной протокъ, изливающійся въ систему кровеносныхъ сосудовъ. Рудбекъ и Бартолинъ одновременно открыли лимфатическіе сосуды; Вирзунгъ—каналъ железы панкреатической; Бартолинъ и Стенонъ дополнили свѣдѣнія о слюнныхъ железахъ. Вепферъ, Шнейдеръ, Виллисъ, Вьесенсъ распространили пріобрѣтенныя познанія на мозгъ и опредѣлили его роль въ организмѣ; наконецъ, Рюйшъ сдѣлалъ громадные успѣхи въ познаніи сосудистаго аппарата, примѣняя способъ иньекціи сосудовъ и полостей тѣла окрашенными жидкостями.

Гарвей.

Въ ту же эпоху примѣненіе другого метода изслѣдованія при изученіи организмовъ дало еще болѣе богатые результаты. Почти одновременно Мальпигій, профессоръ медицины въ Болоньѣ (1628—1694), Левенгукъ (1632—1723), де-Дельфтъ и Сваммердаммъ вводятъ въ употребленіе при естественноисторическихъ изслѣдованіяхъ увеличительныя стекла; замѣчательныя открытія были наградой этимъ ученымъ. Мальпигій указалъ многія особенности въ строеніи органовъ человѣческаго тѣла, онъ открылъ трахеи насѣкомыхъ и изучилъ развитіе цыпленка. Левенгуку мы обязаны открытіемъ инфузорій, которое, въ свою очередь, поспособствовало открытію сперматозоидовъ. Тому же естествоиспытателю, кажется, было извѣстно дѣвственное размноженіе тлей, окончательно доказанное Бонне изъ Женевы; тотъ Левенгукъ же дѣлаетъ нѣсколько наблюденій надъ размноженіемъ полиповъ по способу почкованія, что было забыто впослѣдствіи до изслѣдованій Трамбле по этому же вопросу. Сваммердамъ, издавшій большую часть своихъ работъ подъ заглавіемъ «*Biblia naturae*», особенно прославился своими изслѣдованіями надъ превращеніемъ насѣкомыхъ.

Въ эту эпоху возникаютъ великіе вопросы, которые потомъ

еще долго волновали ученый міръ. Реди (1626—1698) опровергаетъ точными опытами гипотезу самопроизвольнаго зарожденія, представляющую въ настоящее время только химическую загадку. Однако, онъ допускаетъ такой способъ размноженія у червей, встрѣчающихся внутри фруктъ и у живущихъ во внутренностяхъ человѣка и животныхъ, но черви эти, по его мнѣнію, зарождаются подъ вліяніемъ жизненныхъ силъ, душъ—зародышей, *растительныхъ душъ*. Ньютонъ уже отмѣчаетъ въ концѣ своего сочиненія «Оптика» однообразіе строенія животныхъ, доказательству чего Жоффруа Сентъ-Илеръ долженъ былъ впослѣдствіи посвятить всю свою ученую дѣятельность. Паскаль идетъ дальше Бэкона, предполагая, что живыя существа при первомъ появленіи на землѣ представляли изъ себя безформенныхъ и неопредѣленныхъ индивидуумовъ, строеніе которыхъ опредѣлялось дѣйствіемъ постоянныхъ причинъ въ той средѣ, гдѣ жили» [1]). Сильвій Лебое изъ Лейдена утверждаетъ, что всѣ явленія, происходящія во внутренностяхъ аналогичны реакціямъ, которыя совершаются въ ретортахъ въ химической лабораторіи, а Валлиснери пытается объяснитъ размноженіе теоріей вложенныхъ зародышей, тѣмъ самымъ ученіемъ, котораго Кювье былъ однимъ изъ послѣднихъ сторонниковъ. Сваммердаммъ полагаетъ основаніе ученію о развитіи животныхъ путемъ постепеннаго формированія частей или *эпигенезиса*.

Таковы были основныя зоологическія идеи того времени. Однако, умы еще не были подготовлены къ надлежащей оцѣнкѣ всѣхъ этихъ открытій. Въ 1595 году Фрей, пасторъ въ Швейнфуртѣ, разсматриваетъ еще животныхъ, какъ учителей, данныхъ намъ Богомъ. Вольфгангъ Францъ въ 1612 г., въ своей «*Священной исторіи животныхъ*», которая выдержала нѣсколько изданій и заключаетъ довольно искусную классификацію животныхъ, описываетъ настоящихъ драконовъ, имѣющихъ три ряда зубовъ на каждой челюсти, и прибавляетъ невозмутимо: «главный драконъ— дьяволъ.» П. Кирхеръ, образованный физикъ, разсуждаетъ о томъ, какихъ животныхъ Ной взялъ въ ковчегъ; въ числѣ ихъ онъ упоминаетъ сиренъ и гриффоновъ, и это въ 1675 году! Здѣсь дѣло идетъ, конечно, скорѣе о духовныхъ писателяхъ, чѣмъ объ ученыхъ, но вышеупомянутые факты показываютъ, съ какимъ множествомъ предразсудковъ приходилось тогда бороться при малѣйшемъ открытіи.

---

[1]) Эта фраза приписывается Паскалю Этьенъ-Жоффруа Сентъ-Илеромъ, и по строенію она дѣйствительно напоминаетъ фразы автора «Provinciales»; но старанія Исидора Жоффруа Сентъ-Илера и Жюля Сури найти ее въ трудахъ Паскаля не увѣнчались успѣхомъ; мы не были счастливѣе ихъ въ этомъ отношеніи, поэтому остается нѣкоторое сомнѣніе въ ея подлинности.

Глава V.

Развитіе идеи вида.

Выдающіяся описательныя работы: Уоттонъ, Геснеръ, Альдровандъ.—Первые опыты номенклатуры.—Рей: опредѣленіе вида.—*Линней*; постоянство вида; двойная номенклатура.

Между тѣмъ описательная зоологія много подвинулась впередъ. Уоттонъ въ 1552 году сдѣлалъ первый опытъ систематическаго распредѣленія животныхъ по Аристотелю. Въ томъ же году Конрадъ Геснеръ собралъ въ своей «*Исторіи животныхъ*» всѣ извѣстныя въ его время свѣдѣнія о живыхъ существахъ и облегчилъ сравнительное изученіе ихъ, придерживаясь въ описаніяхъ строго опредѣленнаго плана. Съ 1599 года Альдровандъ издаетъ цѣлую серію серьезныхъ сочиненій о животныхъ. Къ тому времени матеріалъ для такого рода работъ былъ уже настолько богатъ и обширенъ, что Альдрованду надо было употребить всѣ силы для того, чтобы довести свой трудъ до конца. Методъ классификаціи отчасти заимствованъ имъ у Уоттона, частью выработанъ самимъ авторомъ. Хотя сказочныя животныя: гарпіи, гриффоны, поставлены въ этомъ сочиненіи на ряду съ существующими въ дѣйствительности, хотя въ немъ мы встрѣчаемъ еще разсказы о происхожденіи гуся изъ дубовыхъ желудей, но, тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ представляетъ крупный шагъ впередъ. Джонсонъ на основаніи предыдущихъ сочиненій написалъ свой *Всемірный театръ животныхъ*. Всѣ авторы того времени придерживаются одного метода: они описываютъ внѣшній видъ животныхъ, ихъ пищу и ихъ нравы.

Постепенно число извѣстныхъ въ наукѣ животныхъ формъ возрастаетъ; становится все труднѣе и труднѣе распознавать ихъ по длиннымъ, неяснымъ описаніямъ. Шперлингу первому пришла мысль опредѣлять ихъ посредствомъ короткихъ діагнозовъ, которые онъ называетъ preceptes (1661). Тѣмъ не менѣе, различныя группы животнаго царства, для которыхъ были составлены эти діагнозы, еще не получили особаго наименованія, хотя и совершенно ясно различаются зоологами. По примѣру Аристотеля, слова родъ и видъ примѣняются безразлично для обозначенія группъ какъ большого, такъ и малаго объема. Употребляются такія выраженія: видъ птицъ заключаетъ въ себѣ много меньшихъ видовъ; видъ млекопитающихъ подраздѣляется на нѣсколько родовъ. О видѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь, существуетъ также очень смутное понятіе, Не смотря на старанія Реди показать не-

состоятельность ученія о самопроизвольномъ зарожденіи насѣкомыхъ, ученые описываемаго періода свободно допускаютъ, что животныя способны производить на свѣтъ дѣтей, совершенно непохожихъ на своихъ родителей, что многія животныя родятся изъ росы, гнили и тины. Между тѣмъ, потребность въ большей точности чувствуется все сильнѣе и сильнѣе. Рей — первый смѣло выступилъ на путь, которому въ настоящее время слѣдуемъ и мы. Онъ окончательно опредѣляетъ значеніе, которое надо давать слову «видъ» и такимъ образомъ ясно выражаетъ идею вида, остававшуюся до тѣхъ поръ смутною для большинства. Съ этого времени названіе *«видъ»* дается наименьшей изъ всѣхъ тѣхъ группъ, которыя назывались прежде этимъ именемъ; совокупность такихъ группъ, имѣющихъ общій характеръ, составляетъ *родъ*. Родъ, слѣдовательно, можетъ подраздѣляться на виды, но видъ отнынѣ единица недѣлимая. Опредѣленіе этой единицы слагается на основаніи ежедневныхъ наблюденій надъ размноженіемъ животныхъ. Всѣ животныя и растенія, которыя мы знаемъ, ведутъ свое происхожденіе отъ совершенно подобныхъ имъ растеній и животныхъ; генеалогически связанныя между собою, эти подобныя другъ другу животныя и эти растенія образуютъ виды. Та же идея высказывалась еще Аристотелемъ, но онъ не употреблялъ самаго слова видъ, да и названная идея для него не была совсѣмъ ясной. Аристотель говоритъ объ этомъ вопросѣ только вскользь и нерѣшительно по поводу трудностей, возникающихъ при объясненіи происхожденія нѣкоторыхъ животныхъ. Рей, наоборотъ, высказывается очень опредѣленно: «Формы, специфически отличающіяся другъ отъ друга, сохраняютъ навсегда это различіе; никогда одинъ видъ не родится отъ сѣмени другого». Какъ кажется, въ этой фразѣ Рей не только точно устанавливаетъ критеріумъ вида, но говоритъ даже о безусловномъ постоянствѣ этихъ специфическихъ формъ. Впрочемъ, едва ли Рей заходилъ такъ далеко во взглядѣ на постоянство формъ. Онъ указываетъ, напримѣръ, сначала, на то, что между животными одного вида могутъ быть значительныя половыя различія, и прибавляетъ при этомъ, что его характеристика вида можетъ быть небезъошибочна. Въ самомъ дѣлѣ, опыты показываютъ, что нѣкоторыя сѣмена могутъ вырождаться, что отъ того или другаго растенія въ исключительныхъ случаяхъ можетъ родиться растеніе другого вида и такимъ образомъ возможно превращеніе видовъ. Вскорѣ, однако, эти оговорки утратили свое значеніе.

Предметомъ изученія для Рея была ботаника и всѣ отдѣлы зоологіи, которой онъ занимался то одинъ, то въ сотрудничествѣ

со своимъ, рано умершимъ, другомъ Виллугби, произведенія котораго онъ издалъ впослѣдствіи. Мало-по-малу число животныхъ, собранныхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, настолько увеличилось, что натуралисты принуждены были ограничиваться изученіемъ частныхъ коллекцій, которыя были описаны до мельчайшихъ подробностей, какъ въ наши времена описываютъ коллекціи рѣдкостей. Такимъ образомъ, появились *Thesaurus* Себы, сочиненіе Румфіуса объ Амбоинскихъ рѣдкостяхъ (1705), Gazophilacium naturae et artis (Сокровищница предметовъ природы и искусства) Петивера (1711) и другія подобныя изданія.

Съ другой стороны, въ виду обилія накопившагося матеріала въ области зоологіи, можно было удовлетворяться описаніемъ животныхъ какой-нибудь опредѣленной категоріи, животныхъ, имѣющихъ между собою нѣкоторое сходство; подраздѣленіе на эти категоріи влекло за собою развитіе представленія о существованіи естественныхъ группъ. Такимъ путемъ шли въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ Мартинъ Листеръ, занимавшійся раковинами, Брейнъ, изучавшій морскихъ ежей, и Линкъ, работавшій надъ морскими звѣздами. Монографическія работы этихъ ученыхъ не отличаются, конечно, серьезными обобщеніями, но при составленіи ихъ необходимо было продолжительное изученіе живущихъ формъ; эти формы были точно опредѣлены и даже тщательно изображены, какъ, напр., въ книгѣ Линка, трактующей о морскихъ звѣздахъ, помѣченной 1733 годомъ. Въ этомъ сочиненіи морскія звѣзды, наиболѣе похожія другъ на друга, сгруппированы въ *роды*, которые, такимъ образомъ, въ свою очередь, становятся единицами для подраздѣленія болѣе обширныхъ группъ, о которыхъ авторъ говоритъ, но которымъ еще не даетъ особаго названія. Въ произведеніяхъ Линка и Брейна каждый родъ получаетъ спеціальное названіе, каждый видъ отличается отъ другихъ однимъ или двумя эпитетами, присоединенными къ родовому названію. Такая система наименованій, очень напоминающая нашу современную, все болѣе и болѣе вводится въ зоологію. Сначала приложеніе этой системы составляетъ явленіе болѣе или менѣе случайное; часто еще употребляютъ нѣсколько названій для обозначенія одного и того же рода.

Линней понялъ, наконецъ, необходимость установить опредѣленныя правила въ языкѣ натуралистовъ. Въ 1749 г., въ своей вступительной рѣчи, сдѣлавшейся извѣстной подъ именемъ *Pan suecica,* онъ сначала совершенно случайно употребилъ для обозначенія видовъ, свойственныхъ Скандинавіи, родовыя имена съ однимъ только видовымъ названіемъ при каждомъ, но впослѣдствіи, въ 1751 году, въ философіи ботаники онъ показалъ всѣ преиму-

щества такого способа номенклатуры. Въ 1753 году онъ сдѣлалъ первое примѣненіе его къ растеніямъ въ сочиненіи Species plantarum,—«Виды растеній», а въ 1766 году въ книгѣ Systema naturae,—«Система природы» распространилъ выработанныя правила на виды обоихъ царствъ природы. Этотъ способъ наименованія, принятый съ тѣхъ поръ всѣми натуралистами, и есть такъ-называемая *двойная номенклатура*.

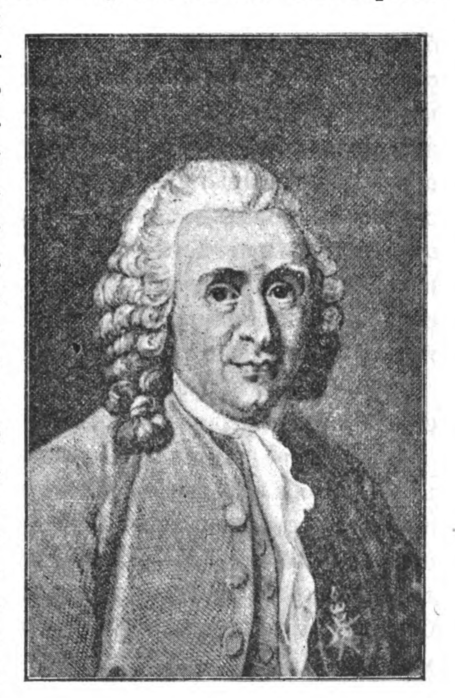
Аристотель не могъ выяснить понятія о видѣ, благодаря неточности номенклатуры, а въ данномъ случаѣ къ тѣмъ же результатамъ привела причина, совершенно противуположная. Какъ только группы были точно опредѣлены и обозначены особыми, легко запоминаемыми именами, на эти группы стали смотрѣть, какъ на нѣчто реальное, хотя опредѣленіе ихъ было очевидно искусственно. Въ наступившій періодъ натуралисты дѣйствительно мало-по-малу забываютъ, что они сами при помощи группировки особей установили виды, и разсматриваютъ видъ какъ отвлеченную форму, по которой созданы всѣ животныя извѣстной группы.

Зоологи того времени занимаются перечисленіемъ этихъ формъ, сдѣлавшихся для нихъ чѣмъ-то реальнымъ, они видятъ конечную цѣль науки въ познаніи всѣхъ живущихъ формъ и въ составленіи возможно полнаго списка ихъ. Самымъ типичнымъ представителемъ такого направленія можно считать Клейна. Въ своихъ работахъ онъ стремится дать списокъ животныхъ, которымъ было бы удобно пользоваться для справокъ и въ основу котораго положена система классификаціи по внѣшнимъ признакамъ. Если хотятъ составить только перечень представителей животнаго царства и доставить возможность скорѣе опредѣлять, къ какому отдѣлу этого перечня относится данное животное, то вполнѣ естественно, что при этомъ отдаютъ предпочтеніе признакамъ, которые наиболѣе бросаются въ глаза и легче всего могутъ быть констатированы; при этомъ не только природа признаковъ, положенныхъ въ основу классификаціи, но даже то, какъ ими пользуются, такъ сказать, самый процессъ классифицированія пріобрѣтаетъ большое значеніе. Такимъ образомъ стали смотрѣть на дихотомическія таблицы ботаниковъ, хотя онѣ совершенно искусственны, какъ на чрезвычайно полезное изобрѣтеніе только потому, что, благодаря этимъ таблицамъ, значительно сокращалось время при отысканіи именъ растеній. Являясь сторонникомъ того мнѣнія, что нельзя обязывать натуралиста, который желаетъ дать названіе какому-либо животному, открывать этому животному ротъ и пересчитывать его зубы, Клейнъ находилъ полное сочувствіе всѣхъ натуралистовъ, занимавшихся описаніемъ видовъ, натуралистовъ, которые

и въ наши дни сожалѣютъ еще о томъ, что всѣ методы классификаціи не основаны на выработанныхъ Клейномъ принципахъ.

Линней первый явился противникомъ такого направленія въ наукѣ. Онъ утверждалъ, что естественная исторія имѣетъ цѣли болѣе высокія, чѣмъ тѣ, которыя преслѣдуютъ Клейнъ и другіе авторы, занимавшіеся исключительно номенклатурой животныхъ. Поэтическій умъ Линнея видѣлъ въ природѣ дивную гармонію. истолкователемъ которой долженъ былъ явиться натуралистъ, съ честью носящій это имя.

Онъ не отрицалъ, что особыя условія, въ которыя поставлена развивающаяся наука, заставляютъ прибѣгать къ нѣкоторымъ искусственнымъ пріемамъ для составленія списка живыхъ существъ, съ помощью котораго легко можно было бы опредѣлять уже извѣстныя формы и безъ затрудненій указывать въ этомъ спискѣ мѣсто для новыхъ формъ. Онъ самъ былъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своей блестящей репутаціей въ высшей степени остороумному опредѣленію понятія о видѣ и введенію его въ общее употребленіе. Но то, что онъ называлъ системами, являлось для него лишь допущеніемъ, необходимымъ въ данную минуту для цѣлей номенклатуры, и не составляло самой науки. По его мнѣнію природѣ все распредѣлено въ въ строгой послѣдовательности.



Карлъ Линней.

Онъ былъ убѣжденъ, что подобно тому, какъ наши мысли составляютъ одну непрерывную цѣпь, такъ и всѣ существа должны быть связаны другъ съ другомъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Такимъ образомъ онъ воспользовался афоризмомъ Лейбница *Natura non facit saltum*, «природа не дѣлаетъ скачковъ». Въ длинной серіи живущихъ формъ каждый видъ долженъ являться промежуточнымъ звеномъ между предшествующимъ ему и послѣдующимъ. Наука не должна останавливаться, пока всѣ виды не будутъ расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ, удовлетворяющемъ этому

условію; тогда только можно сказать, она она обладаетъ окончательно выработанной системой классификаціи. Эта окончательная система должна быть *единственной* и ей слѣдуетъ присвоить имя *естественной классификаціи.* Линней думалъ, что осуществленія его идеи можно достигнуть постепеннымъ совершенствованіемъ ряда системъ, приближающихся мало-по-малу къ естественной. Такимъ образомъ каждая такая система должна представлять нѣчто въ родѣ нашихъ теорій, дающихъ только приблизительное объясненіе явленій. Теоріи имѣютъ значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока путемъ изученія подробностей не будетъ установлена прочная и неизмѣняемая связь между явленіями.

Этотъ методъ классификаціи, заключающійся въ точномъ изображеніи природы въ вѣрной передачѣ мысли Творца, долженъ считаться со всѣми фактами, которые могутъ встрѣтиться въ исторіи животныхъ; не только ихъ внѣшніе признаки, но также анатомическое строеніе, способности, образъ жизни должны быть приняты во вниманіе для того, чтобы расположить виды въ естественномъ порядкѣ. Линней, ограничиваясь опредѣленіемъ того, что онъ называетъ системой природы, пользуется, насколько это возможно въ его время, въ своихъ подраздѣленіяхъ животнаго царства особенностями животныхъ. Такимъ образомъ онъ пролагаетъ въ наукѣ новый путь, которому впослѣдствіи слѣдовалъ Кювье.

Кромѣ того, знаменитый шведъ оказалъ философіи зоологіи еще болѣе важную услугу.

Для того, чтобы приблизиться къ намѣченной имъ высокой цѣли, надо было ввести въ науку точность, которой ей до сихъ поръ не доставало. Линней всегда старается точно опредѣлить все, о чемъ говоритъ. Кажется, было бы безполезно объяснять, что такое минералы, растенія и животныя. Путемъ ежедневныхъ наблюденій сложилось точное представленіе о значеніи этихъ терминовъ. Между тѣмъ, Линней настаиваетъ на такомъ опредѣленіи ихъ:

Минералы растутъ.

Растенія растутъ и живутъ.

Животныя растутъ, живутъ и чувствуютъ.

Такъ охарактеризованы три царства природы и ихъ характерные признаки расположены въ удивительно остроумной градаціи. Классифицируемыя формы опредѣлены съ неменьшей точностью.

«Мы насчитываемъ, — говоритъ Линней, — столько видовъ, сколько паръ животныхъ вышло изъ рукъ Создателя».

Здѣсь опредѣленіе страдаетъ даже черезчуръ большой точ-

ностью, потому что выраженное въ подобной формѣ оно предрѣшаетъ множество вопросовъ, поспѣшное рѣшеніе которыхъ является большой неосторожностью. Линней высказывается такъ, какъ будто ему въ самомъ дѣлѣ извѣстно, что животныя были созданы попарно, что всѣ животныя одного вида произошли отъ этихъ паръ *и* связаны съ ними непрерывной цѣпью поколѣній; что ни одинъ изъ этихъ естественно создавшихся видовъ не исчезъ съ лица земли, ни одинъ не образовалъ помѣсей, не усовершенствовался, не выродился и даже нисколько не измѣнился.

Ни наблюденіе, ни опытъ не давали ему основаній приходить къ такимъ заключеніямъ; такое опредѣленіе вида сдѣлано не на научной почвѣ.

Здѣсь, очевидно, Линней вдохновляется библейскимъ ученіемъ о твореніи живыхъ существъ; въ данномъ случаѣ мы, стало быть, имѣемъ дѣло *не съ научнымъ выводомъ, а съ религіознымъ вѣрованіемъ, съ догматомъ*. Этотъ догматъ Линней и вводитъ въ науку. Самъ онъ, впрочемъ, не придаетъ ему исключительнаго значенія, что видно изъ того, что онъ же предпринимаетъ изслѣдованія, ведущія къ выясненію измѣненій, которымъ подвержены живыя существа. Тотъ же Линней позже допускалъ, что въ первобытную эпоху растенія были представлены очень небольшимъ количествомъ видовъ, и что число ихъ увеличилось путемъ скрещиванія между основными видами. На основаніи всего этого можно думать, что, давая вышеприведенное опредѣленіе вида, Линней уступаетъ только необходимости облечь это опредѣленіе въ удобопонятную форму. Не такъ отнеслись къ этому его ученики и послѣдователи, слишкомъ безусловно понимавшіе эти опредѣленія и сдѣлавшіе болѣе богословскій, чѣмъ научный; принципъ неизмѣняемости видовъ краеугольнымъ камнемъ зоологіи. Линней сказалъ: «всякій видъ является промежуточнымъ звеномъ между предъидущимъ и послѣдующимъ», онъ сказалъ также «природа не дѣлаетъ скачковъ» и эти два положенія обнаруживаютъ въ Линнеѣ сознаніе непрерывности всей цѣпи представителей царства животнаго и растительнаго. Такое сознаніе значительно смягчаетъ рѣзкость его опредѣленій, но его послѣдователи единственно признавали, что каждый живущій видъ созданъ отдѣльнымъ творческимъ актомъ.

Школу Линнея часто обвиняютъ въ томъ, что она тормозила всѣ научныя изслѣдованія, путемъ которыхъ могло бы выясниться происхожденіе и возможныя измѣненія живыхъ существъ. Этотъ упрекъ не совсѣмъ основателенъ. Точныя наблюденія, независимо отъ того, съ какой цѣлью они сдѣланы, ведутъ къ по-

знанію истины по одному уже тому, что они точны. Линней ввелъ въ науку именно точность, недостатокъ которой такъ сильно чувствовался до него. Если бы оказалось справедливымъ, что живущія формы не измѣняемы и созданы въ ограниченномъ количествѣ, натуралисты вскорѣ пришли бы къ полному соглашенію относительно числа и характерныхъ признаковъ этихъ формъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Наоборотъ, если формы эти способны измѣняться, то рвеніе, съ которымъ каждый стремился описать видъ, показавшійся ему новымъ, неизбѣжно привело бы къ тому, что число видовъ увеличилось бы до безконечности; вмѣстѣ съ тѣмъ между рѣзко отличающимися формами чрезъ цѣлую серію нынѣ живущихъ или нѣкогда жившихъ, а теперь исчезнувшихъ, формъ, мало-по-малу установился бы постепенный переходъ. Нужно ли говорить что произошло? Число видовъ, описанныхъ со временъ Линнея, такъ быстро возрасло, что натуралисты, ихъ описывавшіе, пришли въ ужасъ и стали обвинять другъ друга въ изобрѣтеніи новыхъ фантастическихъ видовъ. Одни стали разнообразить до безконечности названія; другіе, наоборотъ обозначали однимъ именемъ формы, которыя можно бы считать совершенно различными, если бы не были извѣстны промежуточные члены, ихъ связывающіе. Такъ какъ относительно видовъ расходились во мнѣніяхъ даже тѣ, кто считалъ ихъ постоянными, то видъ сталъ группой индивидуумовъ, болѣе или менѣе сходныхъ между собой, группой, границы которой были очень неопредѣленны и условны. Разумѣется, вскорѣ бросилось въ глаза, насколько произвольно было разграниченіе этихъ группъ, но когда пожелали точно установить ихъ границы, пришлось столкнуться съ массой трудностей, при которыхъ каждый давалъ свое собственное опредѣленіе вида. Для того, чтобы придти къ какому-либо соглашенію по этому поводу, оказалось необходимымъ обратиться не только къ внѣшнимъ признакамъ, которыми въ качествѣ единственныхъ признаковъ рекомендовалъ пользоваться Клейнъ, не достаточно было и анатомическаго строенія, на которое сталъ обращать вниманіе Линней, необходимо было призвать еще на помощь одну чисто физіологическую особенность, а для того чтобы пользоваться ей, требовались опыты, часто невыполнимые. Это—та самая особенность, на которую указала Аристотелю скорѣе житейская практика, чѣмъ его личное наблюденіе и которая заключается въ способности индивидуумовъ давать или не давать потомство при скрещиваніи, смотря по тому, принадлежатъ ли они къ одному виду или къ разнымъ.

Опредѣливъ такъ, какъ никто до него не дѣлалъ, понятіе о

видѣ, указавъ своимъ ученикамъ опредѣленную точку зрѣнія на видъ и давъ конкретную форму этому, до сихъ поръ туманному, понятію, Линней обратилъ вниманіе людей науки на явленія, которыя навѣрно долгое время оставались бы для нихъ незамѣченными, заставилъ ихъ искать рѣшенія трудныхъ задачъ, которыхъ, быть можетъ, они избѣгали бы, вмѣсто того, чтобы встать къ нимъ лицомъ къ лицу.

Даже увеличеніе количества воображаемыхъ видовыхъ формъ, которыми натуралисты школы Линнея обременили науку, принесло пользу, потому что, чѣмъ многочисленнѣе становились эти формы, тѣмъ точнѣе приходилось ихъ описывать для того, чтобы различать ихъ, и тѣмъ обширнѣе дѣлались наши познанія относительно различныхъ измѣненій, къ которымъ способны индивидуумы одного и того же вида.

Всѣ виды, различные и вмѣстѣ представлявшіе нѣкоторое сходство, предшественниками Линнея соединялись въ болѣе или менѣе обширныя группы, которымъ давали названіе рода, или совсѣмъ не давали никакого названія. Линней первый опредѣляетъ различныя степени сходства; въ его произведеніяхъ виды, наиболѣе близкіе, всегда группируются въ *роды*; роды, между которыми существуютъ общія черты, соединены въ *порядки*, порядки въ *классы*. Взаимныя отношенія этихъ различныхъ подраздѣленій были установлены въ таблицѣ, гдѣ указаны нѣсколько ступеней іерархіи и гдѣ равнозначущіе термины расположены по одной вертикальной линіи.

Классъ.	Порядокъ.	Родъ.	Видъ.	Разновидность.
Родъ въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.	Средній родъ.	Родъ въ самомъ узкомъ смыслѣ.	Видъ.	Индивидуумъ.
Провинція.	Департаментъ.	Община.	Мѣстечко.	Домъ.
Полкъ.	Батальонъ.	Рота.	Капральство.	Солдатъ.

Послѣднее изданіе «*Systema naturae*» относится къ 1766 г. Позже въ 1780 г. между порядкомъ и родомъ Батшъ ввелъ новое подраздѣленіе, *семейство*, получившее почти всеобщее признаніе. Очевидно, что эта градація сходства между животными должна была навести на мысль о большей или меньшей степени родства между ними. Уже Линней позаимствовалъ изъ обыденной жизни систему двойной номенклатуры, называя однимъ именемъ существа одного и того же рода и сравнивая ихъ такимъ образомъ до нѣкоторой степени съ членами одного племени. Слово *семейство*, избранное Батшемъ, показываетъ, что и онъ склоненъ былъ къ подобнымъ же сравненіямъ, а слово колѣно, которое поз-

же точно также вошло въ употребленіе, еще болѣе подтверждаетъ, что такое уподобленіе въ дѣйствительности имѣлось въ виду. Но сравненія вообще дѣлаются, такъ сказать, безсознательно; они вызываются самой природой явленій, которыя хотятъ сдѣлать понятными. Такъ и въ этомъ случаѣ: подмѣчены были различныя степени сходства между животными, замѣчено также убывающее сходство между членами человѣческой семьи по мѣрѣ удаленія ихъ отъ общаго предка, сдѣлано было сравненіе этихъ двухъ фактовъ, но никому не пришло въ голову объяснять сходство животныхъ тѣми же причинами, отъ которыхъ зависитъ сходство родственниковъ. Вмѣсто того, чтобы представлять классификацію животныхъ въ видѣ генеалогическаго дерева съ многочисленными развѣтвленіями, видятъ ея подобіе въ отношеніяхъ, существующихъ между мѣстечками, городами и провинціями, обозначенными на географической картѣ, какъ это было указано Линнеемъ, или, подобно Бонне, изображаютъ классификацію въ видѣ колецъ цѣпи, ступеней лѣстницы. Это ученіе о лѣстницѣ существъ, взятое у Лейбница, оставило большой слѣдъ въ умахъ философовъ; оно сохранилось въ различныхъ формахъ на многіе годы, поэтому, намъ необходимо познакомиться съ тѣмъ, какъ представлялъ себѣ это ученіе авторъ его, Шарль Бонне.

Глава VI.

Философы XVIII столѣтія.

III. Бонне: цѣпь существъ; катастрофы на земномъ шарѣ; прошлое и будущее растеній, животныхъ и человѣка. Теорія вложенныхъ зародышей. — Робине: его идеи эволюціи. — Де-Малліе: ископаемые. — Эразмъ Дарвинъ: трансформизмъ, основанный на эпигенезисѣ.—Превращеніе животныхъ подъ вліяніемъ привычки; аналогія съ Ламаркомъ и Чарльсомъ Дарвиномъ. — Мопертюи: чувствительность матеріи и трансформизмъ.—Дидеро: жизнь вида и жизнь индивидуума.

Линней былъ прежде всего ученый, хотя порой попутно онъ затрогивалъ нѣкоторые философскіе вопросы, но главною цѣлью его было познаніе и наблюденіе твореній природы. Шарль Бонне, будучи прежде всего философомъ, обращается къ самой природѣ съ вопросами и въ ней же самой ищетъ ихъ рѣшенія; онъ экспериментируетъ, наблюдаетъ и отъ открытыхъ имъ фактовъ немедленно приходитъ къ высшимъ метафизическимъ умозаключеніямъ. Какъ философъ, Бонне является горячимъ послѣдователемъ Лейбница; всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы приложить къ тѣламъ матеріальнымъ и даже къ нематеріальнымъ,

существованіе которыхъ онъ допускаетъ, *законъ непрерывности*, уже принятый Линнеемъ. По мнѣнію, Бонне, всѣ существа образуютъ непрерывную цѣпь, внѣ которой стоитъ только Богъ. Минералы постепенно переходятъ въ организованныя существа, а эти послѣднія связаны между собой цѣлымъ рядомъ еле замѣтныхъ переходовъ. Различныя подраздѣленія, установленныя нашими системами и нашими методами, даже сами виды, только на первый взглядъ кажутся строго разграниченными. На самомъ дѣлѣ, благодаря безчисленнымъ видоизмѣненіямъ, которыя могутъ быть свойственны индивидуумамъ, виды тѣсно связаны между собою. Возможно, что умъ, болѣе проницательный, нежели нашъ, подмѣтитъ больше различій между индивидуумами, принадлежащими, по нашему мнѣнію, къ одному виду, чѣмъ мы находимъ этихъ различій между особями далекихъ другъ отъ друга родовъ. Такимъ образомъ, этотъ высшій умъ можетъ насчитать въ той лѣстницѣ, которую представляетъ нашъ міръ, столько ступеней, сколько существуетъ индивидуумовъ. То же можно сказать о лѣстницѣ всѣхъ міровъ; каждая изъ нихъ является послѣдовательнымъ рядомъ, первый членъ котораго атомъ, а послѣдній высшій изъ херувимовъ [1]). Какъ выводъ изъ этихъ идей, Бонне признаетъ, что существуетъ нѣсколько обитаемыхъ міровъ, что эти міры, по степени ихъ совершенства, представляютъ градацію, что есть міры низшіе сравнительно съ нашимъ міромъ и что есть также и высшіе.

«Земные предметы могутъ быть раздѣлены на четыре класса: тѣла неорганическія и неорганизованныя, существа организованныя и неодушевленныя, существа организованныя и одушевленныя и, наконецъ, существа организованныя, одушевленныя и разумныя [2]). Подобный подборъ существъ, свойственный нашему земному шару, по всей вѣроятности, не повторяется больше ни на одномъ изъ обитаемыхъ міровъ. Въ каждомъ изъ нихъ существуетъ свой порядокъ вещей, свои законы, свои естественныя произведенія. Могутъ быть и міры, настолько несовершенные, сравнительно съ нашимъ, что на нихъ имѣются тѣла только перваго и второго класса. Въ другихъ, болѣе совершенныхъ, наоборотъ, встрѣчаются только высшіе классы существъ. Въ этихъ мірахъ скалы *организованы*, растенія чувствуютъ, животныя мыслятъ, а люди тамъ ангелы.

Какъ же прекрасенъ долженъ быть небесный Іерусалимъ, гдѣ ангелы—низшіе изъ разумныхъ существъ» [3])?

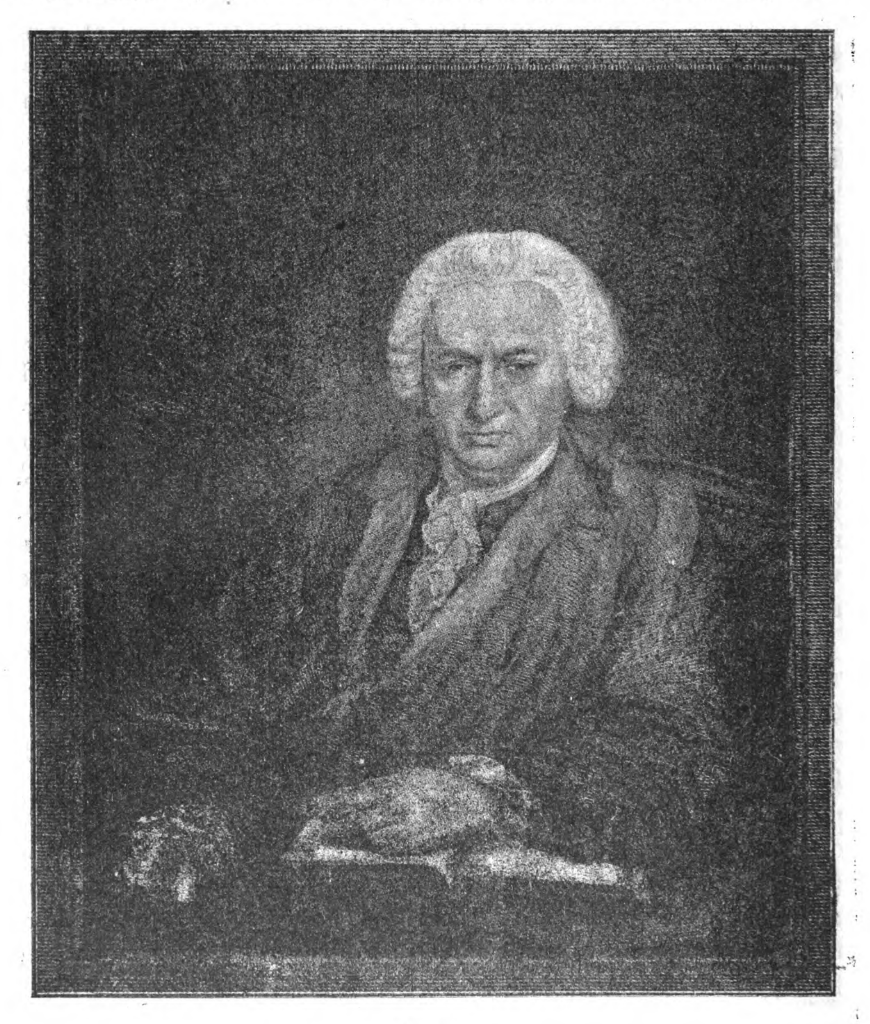
---

[1]) Ch. Bonnet. Contemplations de la Nature, Amsterdam, 1764 t. 1-er, p. 29

[2]) Ch. Bonnet. ibid., p. 21.

[3]) Ch. Bonnet. ibid., p. 25.

Бонне, какъ видно по этому отрывку, отъ научныхъ разсужденій переходитъ къ богословскимъ отъ матеріальныхъ предметовъ къ душамъ. Его попытки составить путемъ индукціи и исходя изъ закона непрерывности нѣчто въ родѣ естественной исторіи небесныхъ существъ, кажутся намъ теперь очень наивными. Съ одной стороны, примѣненіе принципа, созданнаго путемъ изученія



Бонне.

видимаго міра, къ міру, недоступному нашимъ чувствамъ, ведетъ къ заключеніямъ, которыя представляютъ только продуктъ работы воображенія. Но, съ другой стороны, примѣненіе этого же принципа при опредѣленіи взаимныхъ отношеній организованныхъ существъ даетъ, наоборотъ, богатые и интересные результаты.

Тщательное сравненіе растеній и животныхъ между собою наводитъ Бонне на мысль, такъ хорошо развитую Клодъ-Бернаромъ въ послѣдніе годы его жизни,—ту мысль, что не существуетъ безусловно ни одного признака, отличающаго два большихъ органическихъ царства природы. Скажите простолюдину, что философы съ трудомъ отличаютъ кошку отъ тростника, онъ посмѣется надъ философами и замѣтитъ: да есть ли на свѣтѣ что-нибудь, что легче различить? Но простолюдинъ не способенъ къ отвлеченіямъ, онъ судитъ по частнымъ признакамъ, а для философа важны идеи общія. Отбросьте изъ понятій о кошкѣ и тростникѣ всѣ свойства, присущія виду, роду, классу, и удержите только самыя общія свойства, характеризующія животное или растеніе, и вы увидите, что между этими двумя понятіями нельзя провести рѣзкой границы [1]).

Растенія и животныя ничто иное, какъ видоизмѣненія органической матеріи, сущность ихъ одинакова, и признакъ, отличающій ихъ другъ отъ друга, намъ неизвѣстенъ» [2]).

Растеніе такимъ образомъ представляетъ родъ низшаго животнаго. Существуетъ постепенный переходъ отъ человѣка къ животному, отъ животнаго къ растенію и отъ растенія къ минералу. Многія изъ этихъ переходныхъ формъ еще неоткрыты. Извѣстныя ступени представлены Бонне въ видѣ нижеслѣдующей лѣстницы, которую мы воспроизводимъ слово въ слово.

Человѣкъ.

Орангъ-утанъ.

Обезьяна.

Четвероногія.

Бѣлка летяга.

Летучая мышь.

Страусъ.

Птицы.

Птицы водяныя.

Птицы земноводныя.

Летающія рыбы.

Рыбы.

Рыбы ползающія.

Угри.

Водяныя змѣи.

Змѣи.

Голые слизни.

Улитки.

Раковины.

Черви трубчатники.

Бабочки вѣерницы (Teignes).

Насѣкомыя.

Кошенилевыя.

Лентецъ или солитеръ.

Полипы.

Актиніи.

Чувствительныя растенія (мимоза etc.).

Растенія.

Лишайники.

Плѣсень.

Грибы.

Трюфели.

Кораллы и коралловидныя.

Каменистыя водоросли.

Горный ленъ.

Талькъ, гипсъ, селенитъ.

Сланцы.

---

1) Ch. Bonnet. ibid., t. II, p. 74.

2) Ch. Bonnet, ibid., t. II, p. 77.

Камни.

Узорчатые камни.

Кристаллы.

Соли.

Купоросы.

Металлы.

Полуметаллы.

Сѣра.

Горныя смолы.

Земли.

Чистыя земли.

Вода.

Воздухъ.

Огонь.

Матеріи болѣе тонкія.

Трудно узнать опытнаго, проницательнаго наблюдателя въ этомъ длинномъ перечнѣ твореній природы,—перечнѣ, гдѣ связь между тѣлами основана на самомъ поверхностномъ сходствѣ. Трудно повѣрить, чтобы этотъ списокъ былъ составленъ экспериментаторомъ, равнымъ по значенію Трамбле и Реомюру, экспериментаторомъ, которому мы обязаны многими важными открытіями въ наукѣ. Онъ точно опредѣлилъ условія дѣвственнаго размноженія водяныхъ блохъ, открылъ и изучилъ размноженіе при помощи почкованія червей изъ рода Nais и возстановленіе потерянныхъ частей тѣла у земляныхъ червей а также наблюдалъ явленіе размноженія у прѣсноводныхъ мшанокъ, сувоекъ и трубачей [1]). Бонне, очевидно, не былъ проникнутъ сознаніемъ необходимости сравнивать анатомическое строеніе нынѣ живущихъ формъ; классификація въ ея деталяхъ не особенно занимаетъ его. Онъ разсматриваетъ царство животныхъ съ общей точки зрѣнія, не стараясь найти той связи, которая можетъ существовать между второстепенными группами; онъ сразу ставитъ себѣ и долго обсуждаетъ вопросъ, который Линней считаетъ рѣшеннымъ à priori: были ли существа, составляющія теперешнее населеніе земного шара, всегда такими, какъ мы видимъ ихъ теперь, и останутся ли они вѣчно такими, каковы они въ настоящее время? [2]). Женевскій философъ проявляетъ замѣчательную независимость ума, расходясь въ воззрѣніяхъ на прошлое земли и ея обитателей съ авторомъ книги Бытія, которая такъ повліяла на Линнея. Земной шаръ, по мнѣнію Бонне, былъ театромъ катастрофъ, числа которыхъ мы не знаемъ, и которыя могутъ быть и впослѣдствіи. Хаосъ, описанный Моисеемъ, есть результатъ послѣдней изъ этихъ катастрофъ; твореніе, о которомъ говоритъ Моисей, есть по высказанному раньше предположенію Уистона ничто иное, какъ воскресеніе уничтоженныхъ этой катастрофой животныхъ. Такъ какъ міръ, предшествовавшій тому, который описанъ въ книгѣ Бытія, отли-

[1]) Трубачъ (Stentor)—инфузорія, напоминающая по формѣ тѣла трубу.

[2]) Ch. Bonnet. Palingénésie philosophique, ou idées sur l'état passé et sur l'état futur des êtres vivants. 1768.

чался отъ современнаго, то и древнія животныя не походили на тѣхъ, которыя живутъ въ наше время, а тѣ, которыя будутъ жить на землѣ послѣ новой катастрофы, предсказываемой Библіей, будутъ отличаться отъ животныхъ двухъ предъидущихъ періодовъ. Такимъ образомъ, живыя существа съ каждой катастрофой земного шара претерпѣваютъ глубокія измѣненія. Въ концѣ каждаго періода живущія формы вымираютъ, ихъ мѣсто заступаютъ другія, рѣзко отъ нихъ отличающіяся; между тѣмъ, собственно говоря, здѣсь нѣтъ новаго творенія: новыя животныя происходятъ изъ зародышей прежнихъ и посредствомъ этихъ зародышей, которые, какъ предполагали, неразрушимы, устанавливается связь между фауной и флорой двухъ смежныхъ періодовъ. Что же такое эти зародыши? Въ чемъ состоитъ измѣненіе живущихъ формъ? Какая сила производитъ эти измѣненія? Эти вопросы занимаютъ насъ и въ настоящее время.

Поспѣшимъ сказать, что ученіе о трансформизмѣ, принадлежащее Бонне, ни въ чемъ не сходно съ ученіемъ нашего времени. Положимъ, въ IV главѣ своей Palingénésie philosophique (Возрожденіе философій) онъ говоритъ, что когда «цыпленокъ становится замѣтнымъ въ яйцѣ, онъ походитъ на маленькаго червяка», что «если бы несовершенство нашего зрѣнія и нашихъ инструментовъ не мѣшали намъ прослѣдить появленіе зародыша въ яйцѣ еще въ болѣе раннемъ періодѣ, то мы нашли бы его еще болѣе измѣненнымъ», что «различныя фазы, въ которыхъ онъ послѣдовательно появляется намъ, позволяютъ намъ судить о томъ, какія измѣненія претерпѣли организованныя тѣла, чтобы принять, наконецъ, ту форму, въ которой они намъ извѣстны», что, наконецъ, «все это помогаетъ намъ составить понятіе о новыхъ формахъ, въ которыя будутъ облечены животныя будущаго». Если эти фразы свидѣтельствуютъ о томъ, что Бонне уже думалъ о нѣкоторомъ параллелизмѣ между зародышевыми превращеніями индивидуума и измѣненіями, нѣкогда испытанными видомъ, къ которому этотъ индивидуумъ принадлежитъ, то, во всякомъ случаѣ, представленіе этого философа о развитіи живыхъ твореній природы таково, что оно не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта на вопросъ о происхожденіи организованныхъ существъ. По мнѣнію Бонне, между различными частями тѣла животнаго существуетъ полная гармонія; эти части очевидно предназначены къ одной общей цѣли: образованію единицы, называемой животнымъ, этого организованнаго цѣлаго, которое живетъ, растетъ, чувствуетъ, движется, охраняетъ себя и размножается». Въ силу этого само собой является убѣжденіе, что «это, такъ чудесно построенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое гармони-

ческое цѣлое не могло быть составлено, подобно часамъ, изъ наборныхъ частей, и не могло представлять изъ себя собранія безчисленнаго множества молекулъ, получившееся путемъ постепеннаго ихъ наростанія. Такое цѣлое носитъ неизгладимый отпечатокъ творенія, созданнаго сразу» [1]). Бонне, такимъ образомъ, высказывается противъ всякой попытки механическаго объясненія возникновенія животныхъ; онъ является рѣшительнымъ противникомъ эпигенезиса и предполагаетъ для каждаго живого существа предсуществованіе организованнаго зародыша. Такой взглядъ вытекаетъ изъ того же разсужденія, при помощи котораго пытались доказать вообще невозможность эволюціи, при чемъ ссылались также на изумительныя приспособленія животныхъ и растеній къ какимъ-нибудь особымъ условіямъ ихъ существованія. Въ самомъ дѣлѣ, если къ этимъ вопросамъ относиться поверхностно или съ предвзятыми идеями, если не принимать въ разсчетъ основныхъ свойствъ животныхъ и растеній, то кажется невѣроятнымъ, чтобы дивная гармонія, въ которой протекаетъ ихъ существованіе, не была бы тщательно обдумана и создана безконечно высокимъ умомъ, обладавшимъ предвидѣніемъ, способнымъ смутить наше воображеніе.

Гипотеза предсуществованія зародыша приводитъ Бонне къ отрицанію двоякаго способа размноженія· онъ удивляется, что Реди могъ допустить два способа размноженія для червей, находящихся во фруктахъ, и для глистовъ. Присутствіе ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они наблюдаются, можно объяснить болѣе естественнымъ путемъ; по крайней мѣрѣ, относительно лентецовъ факты, въ большинствѣ случаевъ, говорятъ въ пользу того, что глисты эти могутъ переселяться» [2]).

Глисты, какъ всѣ другія живыя существа, происходятъ изъ зародыша, а Бонне разумѣетъ подъ зародышемъ «всякое предраспредѣленіе, всякое предформированіе частей, способное, само по себѣ, опредѣлить существованіе животнаго или растенія». Яица, не смотря на всю простоту ихъ строенія, съ которымъ мы теперь знакомы, прекрасно подходятъ къ этому опредѣленію [3]), тѣмъ болѣе, какъ это прибавляетъ Бонне, что не надо думать, будто «всѣ части организованнаго тѣла находятся въ зародышѣ въ миніатюрѣ въ такомъ же отношеніи, какъ части тѣла совершенно

---

[1]) Bonnet. Palingénésie philosophique, Oeuvres complètes t. VII, p. 65, ed de Neufchâtel. 1783.

[2]) Bonnet. Considerations sur les corps organisés, Oeuvrers complètes, t. III p. 37 et 38.

[3]) Bonnet. Oeuvres, t. VII, p. 28.

развитаго существа» [1]). Въ этомъ взглядѣ надо видѣть уже нѣкоторую уступку, сдѣланную въ виду многочисленныхъ наблюденій надъ меаморфозомъ насѣкомыхъ. Въ сущности, Бонне видитъ въ зародышѣ очень сложное организованное существо, и онъ явно высказываетъ свою радость, когда ему удается указать на открытіе въ яйцѣ или зародышѣ частей, о существованіи которыхъ раньше не подозрѣвали.

Зародыши, будучи почти такъ же сложны, какъ взрослыя существа, могли быть созданы подобно этимъ послѣднимъ, только за одинъ разъ, однимъ актомъ творенія. Бонне предполагаетъ, что они были созданы всѣ вмѣстѣ и заключены въ живыя тѣла, внутри которыхъ, какъ это впервые было предположено Валиснери, они были вложены одинъ зародышъ въ другой, ожидая каждый своей очереди рости и развиваться.

Собственно говоря, размноженія не существовало, не было никогда рожденія новаго живого существа; было только развитіе существовавшаго раньше зародыша. Необходимость допустить, что зародыши живыхъ существъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, заключены одинъ въ другомъ, приводитъ къ новому предположенію, что послѣдній изъ нихъ неизмѣримо малъ въ сравненіи со всѣмъ, что мы можемъ представить. Но въ этомъ допущеніи нѣтъ ничего страшнаго для ума, и Бонне заранѣе устраняетъ всѣ возраженія, которыя можно ему сдѣлать. Онъ заявляетъ что теорія вложенныхъ зародышей кажется ему «одной изъ блестящихъ побѣдъ, которую чистый разумъ одержалъ надъ чувствами. Я показалъ,—прибавляетъ онъ,—какъ нелѣпо опровергать эту гипотезу вычисленіями, которыя поражаютъ только воображеніе, но которымъ просвѣщенный умъ всегда дастъ надлежащую оцѣнку. Воображеніе, способное все нарисовать, все воспринять, не должно играть роли въ сужденіяхъ о тѣхъ вещахъ, которыя исключительно доступны разсудку и которыя должны быть разсматриваемы съ философской точки зрѣнія» [2]). Если признавать такое различіе между умственными очами и очами тѣлесными, между чувствами, которыя могутъ насъ обманывать, и разсудкомъ, никогда не заблуждающимся, то всякія возраженія противъ всякихъ теорій устраняются. Самую поразительную иллюстрацію идеи эпигенезиса представляютъ намъ растенія съ ихъ сучьями, вѣтвями и листьями; это вполнѣ независимые индивидуумы, которыхъ мы видимъ растущими одинъ на другомъ. Бонне имѣетъ о ра-

---

[1]) Ibid. p. 67.

[2]) Ch. Bonnet. Oeuvres, t. VII, p. 152.

стеніи то же представленіе, какое существуетъ и въ настоящее время. «Дерево,—говоритъ онъ,—не есть что-нибудь нераздѣльное цѣлое, оно составлено изъ столькихъ деревьевъ и деревцевъ, сколько въ немъ главныхъ и побочныхъ вѣтвей. Всѣ эти деревья и деревца, такъ сказать, привиты другъ къ другу и, такимъ образомъ, прикрѣплены къ главному дереву во множествѣ точекъ. Каждое второстепенное дерево, каждая вѣтвь и ея вторичныя развѣтвленія имѣютъ свои органы, живутъ своей собственной жизнью. Каждая изъ этихъ частей представляетъ сама по себѣ цѣльный небольшой индивидуумъ, который въ миніатюрѣ болѣе или менѣе походитъ на то общее, въ составъ котораго эта часть входитъ [1]).

Полипы, почкованіе которыхъ было такъ хорошо изучено Трамбле, солитеръ (глистъ), состоящій изъ подобныхъ другъ другу члениковъ, черви изъ родовъ Nais, Tubifex и земляные черви, со способами размноженія которыхъ и со способностью ихъ разчленяться, такъ хорошо былъ знакомъ Бонне, въ этомъ отношеніи приближаются къ растеніямъ. Это настоящіе *зоофиты*. Одно и то же толкованіе фактовъ даетъ возможность привести явленія размноженія зоофитовъ и растеній къ теоріи вложенныхъ зародышей. Зародыши расположены во всѣхъ частяхъ тѣла, которое, такимъ образомъ, представляетъ нѣчто вродѣ одного общаго яичника. Въ растеніяхъ, которыя даютъ отростки, въ полипахъ, которые отдѣляютъ почки, эти зародыши, развиваясь самостоятельно, образуютъ индивидуумы; послѣдніе могутъ жить вмѣстѣ съ материнскимъ организмомъ или отдѣльно отъ него.

Для червей необходимы особыя случайности для того, чтобы вызвать у нихъ развитіе зародышей, такъ какъ части этихъ животныхъ становятся новыми индивидуумами, только будучи отдѣлены другъ отъ друга. Такимъ образомъ, благодаря гипотезѣ невидимыхъ зародышей, самые факты эпигенезиса очевиднымъ образомъ стали говорить въ пользу идеи эволюціи.

Невидимыя тѣла можно надѣлить какими угодно свойствами, безъ опасенія встрѣтить протестъ со стороны чувствъ. Бонне предполагаетъ, что эти невидимые зародыши неразрушимы. Когда живое тѣло, или хотя бы яйцо, умираетъ, зародыши этого тѣла, не подвергаясь разрушенію, становятся свободными и размѣщаются въ другихъ тѣлахъ. «Неразрушимые зародыши могутъ быть разсѣянными во всѣхъ тѣлахъ, насъ окружающихъ. Они могутъ пребывать въ томъ или другомъ тѣлѣ до момента его пол-

---

[1]) Ch. Bonnet. ibid. p., 163.

наго разложенія, переходить послѣ этого безъ малѣйшаго измѣненія въ другое тѣло, изъ него въ третье и т. д. Я свободно допускаю, что зародышъ слона могъ находиться сначала въ частицѣ земли, перейти потомъ въ завязь плода, оттуда въ ногу клеща и т. д.» [1]). Эти зародыши, сотворенные вмѣстѣ съ міромъ, «недоступны вреднымъ вліяніямъ стихій и вѣковъ». Ничто не противорѣчитъ воззрѣнію, что «высшее могущество заключило въ первомъ зародышѣ каждаго организованнаго существа послѣдовательный рядъ зародышей, соотвѣтствующій ряду катастрофъ, которыя должна была претерпѣть наша планета».

Какъ Лейбницъ признавалъ существованіе предустановленной гармоніи между мыслями нашей души и движеніями нашего тѣла, гармоніи, настолько полной, что наши тѣлесныя движенія всегда соотвѣтствуютъ нашимъ мыслямъ, такъ и Бонне предполагаетъ совершенный параллелизмъ между астрономической системой міровъ и системой организмовъ, между различными состояніями земли, разсматриваемой, какъ планета или какъ одинъ изъ міровъ, и между различными состояніями существъ, которыя должны были населять ея поверхность. Зародыши, созданные для каждаго періода, будучи скрыты въ организмѣ, назначенномъ для ихъ храненія, ожидаютъ наступленія этого періода, которому присущи условія, необходимыя для ихъ развитія. Такимъ образомъ, существа, свойственныя каждому періоду, въ одно и то же время связаны съ существами предыдущаго періода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, независимы отъ нихъ, такъ какъ всѣ зародыши были созданы одновременно. Благодаря гармоніи, установленной между развитіемъ органическихъ зародышей и катастрофами, происходящими на нашей планетѣ, флора и фауна новыхъ періодовъ появляется сама собой, не требуя новаго акта творенія.

Не смотря на присущую ему, вообще, смѣлость, Бонне ограничивается разсмотрѣніемъ только трехъ періодовъ въ исторіи земного шара: періода, предшествовавшаго катастрофѣ, описанной въ книгѣ Бытія, современнаго періода и, наконецъ, того, который наступитъ послѣ конца міра и который, согласно предсказаніямъ пророковъ, наступитъ послѣ истребленія современнаго міра огнемъ. Интересно прибавить, что Бонне имѣетъ довольно странное представленіе о будущемъ состояніи животныхъ. Зародыши, изъ которыхъ они произойдутъ, не избѣжали бы общаго разрушенія, если бы не были созданы изъ матеріи болѣе тонкой, чѣмъ обыкновенная, и представляющей родъ эфира. «Исходя изъ того предположенія,

---

[1]) Ch. Bonnet. Oeuvres, t. III, p. 152.

что зародыши—маленькія эфирныя тѣла, заключающія въ безконечно малыхъ размѣрахъ всѣ органы будущаго животнаго, мы должны допустить, что тѣла животныхъ въ ихъ новомъ состояніи будутъ составлены изъ матеріи, настолько рѣдкой и такъ устроенной, что она не будетъ подвергаться тѣмъ вреднымъ вліяніямъ, которымъ подвержены грубыя тѣла, и которыя различными способами постепенно эти тѣла разрушаютъ. Новыя живыя тѣла, безъ сомнѣнія, не будутъ нуждаться въ томъ возстановленіи, безъ котораго не обходятся тѣла современнаго періода. Механизмъ возстановленія ихъ будетъ болѣе совершеннымъ, нежели тотъ, которому мы удивляемся въ современныхъ живыхъ тѣлахъ. Нѣтъ никакихъ основаній допускать, что животныя въ ихъ новомъ состояніи будутъ размножаться.

Такимъ образомъ, мы входимъ здѣсь въ міръ духовъ и безсмертія; мы въ царствѣ фантазіи. Странное сочетаніе строго логическихъ разсужденій, опирающихся на мало извѣстные немногочисленные факты, съ библейскими положеніями, принятыми буквально, ведетъ къ печальнымъ результатамъ. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ умовъ эпохи, богатой геніями, знаменитый наблюдатель даетъ полную волю своему воображенію, не только не провѣряя своихъ идей на опытѣ, но даже заранѣе отвергая всякое свидѣтельство чувствъ, противорѣчащее выводамъ, которые самъ мыслитель считаетъ основательными.

Бонне не единственный изъ философовъ, занимавшихся этимъ вопросомъ. Происхожденіе животныхъ и человѣка интересовали и другихъ людей науки, философовъ и даже скромныхъ мечтателей того времени.

Робине въ своихъ книгахъ *De la nature* (1766) [1] и *Considérations philosophiques sur la gradations naturelle des formes de l'être* (1768) [2]) излагаетъ идеи, которыя, не смотря на то, что были осмѣяны Кювье, довольно сходны съ идеями Бонне. Ихъ исходной точкой служитъ тотъ же законъ непрерывности Лейбница.

Доводя этотъ принципъ до крайности, Робине предполагаетъ что всей матеріи свойственна жизнь, что звѣзды, солнце, земля, планеты—животныя; что всѣ существа образуютъ непрерывную цѣпь, что нѣтъ ни классовъ, ни порядковъ, ни родовъ, ни видовъ, что есть только индивидуумы, въ которыхъ несовершенство нашихъ чувствъ позволяетъ намъ различать однѣ только видовыя особенности. Индивидуумы родятся изъ зародышей, которые одинъ

---

[1]) О природѣ.

[2]) Философскія разсужденія о естественной постепенности формъ живыхъ существъ.

за другимъ послѣдовательно развиваются; а зародыши непосредственно созданы природой. Видимый міръ управляется міромъ невидимымъ, состоящимъ изъ силъ. Природа никогда не повторяется; быть можетъ, наступитъ время, когда не будетъ ни единаго существа, имѣющаго строеніе, одинаковое съ нашимъ; живущія формы возникли путемъ прогрессивнаго совершенствованія, путемъ перехода отъ простого къ сложному; выше человѣка могутъ быть безплотныя творенія, между человѣкомъ и простѣйшимъ изъ живыхъ существъ устанавливается связь посредствомъ безконечнаго числа формъ, безконечно дифференцирующихся. Всѣ эти промежуточныя формы суть отдѣльныя творенія природы, пытающейся сотворить человѣка, самое совершенное изъ ея созданій въ настоящее время. Это созданіе можетъ быть усовершенствовано въ будущемъ, если человѣкъ, сдѣлавшись гермафродитомъ, соединитъ въ себѣ красоту Венеры и Аполлона. Впрочемъ, такое воззрѣніе на совершенствованіе человѣчества въ будущемъ немного развѣ болѣе странно, нежели воззрѣніе Бонне на этотъ предметъ.

Де-Маллье, болѣе извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ Тельямеда, искалъ, какъ Бонне и Робине, объясненія происхожденія живыхъ существъ въ сотвореніи безконечнаго числа зародышей; но, по его мнѣнію, море есть вмѣстилище всѣхъ этихъ зародышей. Всѣ животныя и даже человѣкъ вначалѣ были морскими. Море, впрочемъ, имѣло нѣкогда гораздо большое протяженіе, чѣмъ теперь. Де-Маллье доказывалъ это фактомъ нахожденія безчисленнаго множества морскихъ раковинъ въ землѣ даже на самыхъ высокихъ горахъ. По мѣрѣ того, какъ материки выступали изъ моря, извѣстное количество морскихъ животныхъ, случайно очутились внѣ воды на берегахъ, сохранившихъ еще нѣкоторую влажность, и оттуда попали на матерую землю. Индивидуумы, попавшіе такимъ образомъ въ чуждую имъ стихію, приспособились къ новому образу жизни, который принуждены были вести въ силу необходимости, и передали потомству пріобрѣтенныя ими новыя привычки и новые органы. Безполезно останавливаться на странныхъ аргументахъ, которыми Де-Маллье поддерживаетъ свою гипотезу, но надо отдать ему справедливость, что онъ вѣрно понялъ истинную природу ископаемыхъ и уяснилъ себѣ ихъ значеніе въ то время, когда многіе ученые не хотѣли видѣть въ нихъ остатковъ нѣкогда жившихъ существъ. Ему же, кромѣ того, принадлежитъ мысль, что живые организмы, способные къ измѣненіямъ, могутъ передавать эти измѣненія потомству, слѣдовательно, онъ понялъ и правильно оцѣнилъ значеніе такъ хорошо извѣстныхъ и такъ мало принимавшихся во вниманіе явленій наслѣдственности. Допу-

ская возможность наслѣдственныхъ измѣненій въ строеніи живыхъ существъ, Де-Маллье опередилъ Бонне и Робине, которые видятъ въ измѣненіяхъ населенія земли только продолженіе чуда первичнаго творенія.

Докторъ Эразмъ Дарвинъ, дѣдъ знаменитаго преобразователя трансформизма, идетъ, въ свою очередь, дальше Де-Маллье. Онъ изложилъ въ своей *Zoonomia* идеи, очень сходныя съ идеями Ламарка, и привелъ нѣсколько доказательствъ, свидѣтельствующихъ о его въ высшей степени проницательномъ умѣ. Желая сдѣлать свою систему болѣе удобопонятной, онъ прежде всего изслѣдуетъ эмбріологическое развитіе индивидуума и предполагаетъ, что, видъ претерпѣлъ въ минувшія времена измѣненія, аналогичныя тѣмъ, которыя претерпѣваетъ принадлежащій къ нему индивидуумъ во время своего эмбріональнаго развитія, но измѣненія вида совершались въ неизмѣримо большій промежутокъ времени. Эразмъ Дарвинъ не признаетъ теоріи вложенныхъ зародышей, допускающихъ существованіе живыхъ тѣлъ безконечно меньшихъ размѣровъ, нежели тѣ діаволы, которые искушали св. Антонія и которые въ количествѣ 20.000 свободно могли танцовать неистовую сарабанду на кончикѣ самой тонкой иголки. По мнѣнію Эразма Дарвина, зародышъ представляетъ волоконце изъ окончанія двигательнаго нерва. Это волоконце обладаетъ нѣкоторыми особыми свойствами: одни присущи ему самому, другія переданы ему организмомъ родителей, по отношенію къ которому волоконце является отпрыскомъ, продолженіемъ, потому что въ извѣстное время оно составляло часть вещества родительскаго тѣла. Это зародышевое волоконце одарено раздражимостью, чувствительностью, волей; оно имѣетъ также способность питаться, оно растетъ, усложняется, и, наконецъ, совершествуется путемъ прибавленія новыхъ частей, что достигается присоединеніемъ къ матеріи волоконца большаго или меньшаго количества новой живой матеріи. Это прибавленіе живой матеріи сначала происходитъ подъ вліяніемъ первичныхъ свойствъ зародышевыхъ волоконъ, но по мѣрѣ того, какъ накопленная матерія создаетъ новые органы, съ ними появляются и новыя способности. Эти способности порождаютъ потребности, потребности обусловливаютъ образъ жизни, привычки, которыя до нѣкоторой степени участвуютъ въ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ каждымъ индивидуумомъ въ теченіе его жизни.

Точно таковъ же былъ и ходъ развитія видовъ. Первые живые организмы были въ высшей степени просты; они напоминали живыя волоконца, первоначальную форму каждаго индивидуума. Эти простѣйшіе оргинизмы были созданы въ весьма ограниченномъ количествѣ видовъ. Подобно химическимъ тѣламъ, одарен-

нымъ особыми свойствами, опредѣляющими характеръ сложнаго тѣла, въ составъ котораго они входятъ при тѣхъ или другихъ условіяхъ, живыя волоконца обладаютъ различными способностями, въ широкой мѣрѣ опредѣляющими ходъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Принимая во вниманіе очевидное сходство всѣхъ теплокровныхъ животныхъ, можно преположить, что они происходятъ отъ одно рода примитивныхъ волоконецъ, можетъ быть, отъ этихъ же волоконецъ произошли другія животныя, также съ красной, но холодной кровью. Совершенно особый образъ жизни рыбъ заставляетъ предположить, что онѣ неодинаковаго происхожденія съ теплокровными животными, но, съ другой стороны, въ пользу ихъ родства съ этими послѣдними говоритъ цѣлый рядъ существующихъ между тѣми и другими промежуточныхъ формъ.

«Безкрылыя нисѣкомыя, отъ паука до скорпіона или отъ блохи до омара, насѣкомыя крылатыя отъ комара или муравья до осы или стрекозы, наоборотъ, до такой степени отличаются другъ отъ друга и такъ далеки отъ животныхъ съ красной кровью, по формѣ тѣла и по образу жизни, что совершенно нельзя допустить, чтобы они произошли отъ тѣхъ же живыхъ волоконецъ, которыя были родоначальниками животныхъ съ красной кровью. Существуетъ еще другой классъ животныхъ, которыхъ Линней называетъ червями и которыя имѣютъ болѣе простое строеніе тѣла, чѣмъ вышеупомянутыя животныя. Простота ихъ строенія ничего не говоритъ, между прочимъ, противъ ихъ происхожденія отъ одного общаго для всѣхъ ихъ живого волоконца». Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія Эразмъ Дарвинъ разсматриваетъ позвоночныхъ, суставчатыхъ и червей, какъ три типа организмовъ, развившихся одновременно и параллельно отъ одинаково простыхъ, но одаренныхъ различными свойствами формъ.

Если три категоріи типовъ, отмѣченныхъ англійскимъ ученымъ, не соотвѣтствуютъ нашимъ современнымъ познаніямъ объ отношеніи организмовъ между собою, то самая идея возникновенія нѣсколькихъ типовъ, развивавшихся вполнѣ самостоятельно, можетъ быть разсматриваема и въ наше время, какъ единственная форма трансформизма, согласующаяся съ данными палеонтологіи. Приведеніе всѣхъ животныхъ формъ къ тремъ рѣзко отличающимся другъ отъ друга типамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что съ 1794 года, слѣдовательно, за нѣсколько лѣтъ до появленія первыхъ работъ Кювье, Эразмъ Дарвинъ уже уловилъ близкое родство животныхъ, составляющихъ первые четыре класса Линнея[1]),

[1]) Линней дѣлилъ все царство животныхъ на слѣдующіе шесть классовъ: 1) млекопитающія; 2) птицы; 3) земноводныя; 4) рыбы; 5) насѣкомыя; 9) черви. *(Перев.)*.

и тѣ существенныя различія, которыя отдѣляютъ ихъ отъ пятаго. Что касается шестого класса, то англійскій философъ оставилъ вопросъ о немъ невыясненнымъ и нѣсколько лѣтъ спустя Кювье разобрался въ этомъ вопросѣ.

Каждое изъ живыхъ волоконъ, которыя дали начало тремъ большимъ отдѣламъ животнаго царства, какъ бы заключало въ себѣ самомъ свою будущность, что зависѣло отъ свойствъ, которыми оно первоначально было одарено, но въ каждомъ частномъ случаѣ его развитіе регулировалось ощущеніями, которыя испытало животное, достигшее опредѣленнаго развитія, страданіемъ или удовольствіемъ, которыя оно пережило, усиліями, которыя оно сдѣлало, чтобы продолжить свое счастье или избавиться отъ страданій. Кромѣ потребности въ водѣ и воздухѣ, которыми животныя пользуются въ изобиліи, существуютъ еще потребности другого порядка, возбуждающія въ нихъ желанія и, такимъ образомъ, способствующія измѣненію ихъ формъ: это потребность размножаться, питаться и жить въ безопасности. Животныя пріобрѣли необходимыя орудія для того, чтобы защищать отъ враговъ своихъ подругъ, свою пищу и избранныя ими убѣжища. Эразмъ Дарвинъ, описывая развитіе этихъ потребностей, почти доходитъ до идеи о борьбѣ за существованіе и естественнаго подбора; это видно изъ того, что онъ говоритъ въ концѣ концовъ: «Цѣль этихъ битвъ между самцами, кажется, обезпечиваетъ сохраненіе вида при помощи болѣе сильныхъ и болѣе дѣятельныхъ индивидуумовъ» [1]). Вмѣсто того, чтобы сказать *цѣль*, Чарльзъ Дарвинъ сказалъ бы слѣдствіе. Это различіе намъ необходимо отмѣтить. Относительно того, что естественный подборъ существуетъ въ дѣйствительности, дѣдъ и внукъ сходятся, но философская точка зрѣнія ихъ на этотъ предметъ различна. По мнѣнію Эразма Дарвина и Ламарка, животныя пріобрѣтали органы въ виду тѣхъ или другихъ потребностей; по мнѣнію же Чарльза Дарвина, эти органы явились случайно, естественный подборъ сохраняетъ и совершенствуетъ тѣ, которые полезны, и уничтожаетъ безполезные. Такимъ образомъ, животныя и растенія приспособляются къ извѣстнымъ условіямъ существованія, но эти условія не дѣйствуютъ на отдѣльныхъ особей и не измѣняютъ ихъ; индивидуумы сами не пытаются приноровляться къ этимъ условіямъ.

Гипотезы Эразма Дарвина, очень остроумныя сами по себѣ, оставляютъ насъ все же въ полномъ невѣдѣніи относительно причины перваго появленія организмовъ. Онѣ доходятъ до сотворенія

---

[1]) Zoonomia, vol. I, p. 507.

Появленіе въ кофейнѣ онбашія дало возможность Марко тотчасъ же разобраться. Изъ его разсказовъ онъ увидѣлъ, что докторъ—жертва страшной ошибки полиціи, а также и то, что Краличъ избѣжалъ ея когтей. Марко несказанно обрадовался.

— Я даю голову на отсѣченіе, что докторъ невиненъ!—обратился онъ къ онбашію.

— Дай-то Богъ, хотя не знаю, будетъ ли онъ въ силахъ оправдаться,—сказалъ онбашій.

— Будетъ, будетъ, лишь бы не извели до тѣхъ поръ человѣка. Когда бей пріѣдетъ въ конакъ?

— Черезъ часъ; онъ всегда рано приходитъ.

— Вы должны выпустить доктора, я стану за него поручителемъ; заложу для этого домъ и дѣтей,—онъ невиненъ!

Онбашій удивленно посмотрѣлъ на хаджи Марко.

— Нѣтъ нужды въ поручителѣ,—сказалъ онъ,—его уже увезли.

— Когда, куда? — вскрикнулъ Марко.

— Еще ночью мы его отправили пѣшкомъ съ жандармами въ Карлово.

Марко вспыхнулъ отъ негодованія, которое не ускользнуло отъ вниманія турка. Онбашій, уважавшій его, дружески, но внушительно сказалъ ему:

— Марко чорбаджій, лучше сдѣлаете, если не станете впутываться въ это темное дѣло. На что вамъ? Въ теперешнія времена, знаете, гораздо лучше сторониться отo всѣхъ и ни съ кѣмъ не быть знакомымъ.— И кончивъ свое кофе, онбашій добавилъ:—Черезъ полчаса и я ѣду въ Карлово, везу письмо отъ бея и бунтовскія бумаги доктора. Если хочешь знать, эти бумаги только и важны, и онѣ-то погубятъ доктора... потому что другое, пораненіе Османа докторомъ... Здѣсь есть наша ошибка, это обнаружилось по ранѣ... впрочемъ, начальство тамъ разберетъ все... Ганко, дай-ка мнѣ какую-нибудь ненужную бумажку завернуть беевское письмо, чтобы не пачкалось.

И онбашій, вытащивъ изъ-за пазухи большой конвертъ съ красной сургучной печатью, старательно завернулъ его въ данный ему кафеджіемъ листъ бумаги. Выкуривъ еще одну папиросу, полицейскій распрощался съ Марко и вышелъ изъ кофейни.

Марко, задумавшись, все сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Кафеджій, спиной къ нему, уже намыливалъ голову Петки Базуняка, готовясь его брить. Наконецъ, Марко всталъ и поспѣшно направился домой.

— Въ добрый часъ, бай Марко! Что это вы какъ скоро уходите?— кричалъ ему въ догонку цирульникъ, сильно намыливая голову своего кліента,—или идешь хлопотать за доктора? Кто кашу заварилъ, тотъ пусть и расхлебываетъ. Почему не придетъ арестовать бей Петку Базуняка? Базунякъ! Какъ ты думаешь?

Голова что-то пробурчала сквозь пѣну, но ничего нельзя было разобрать. Цирульникъ вымылъ Базуняка, вытеръ ему лицо и голову сомнительной чистоты полотенцемъ и, подавъ ему треснувшее зеркало, сказалъ: «на здоровье!» потомъ вышелъ на улицу вылить помои. У самаго порога онъ столкнулся съ бай Марко.

— Я забылъ у тебя свою табакерку,—сказалъ Марко, подходя къ диванчику, на которомъ лежала его табакерка. Базунякъ въ это время положилъ свою плату на зеркало и ушелъ. Ганко вернулся.

— Послушай, Ганко, ну-ка, пока есть время, дай мнѣ счетъ расплатиться. Ты знаешь, я въ концѣ мѣсяца люблю расплачиваться.

Ганко указалъ пальцемъ на потолокъ, гдѣ была проведена мѣломъ масса черточекъ.

— Вотъ тебѣ моя торговая книга, считай и плати!

— Да здѣсь не отмѣчено моего имени.

— Это излишне, и безъ того ясно.

— Съ такимъ счетоводствомъ ты скоро долженъ будешь закрыть лавочку,—шутилъ Марко, доставая кошелекъ.—Э, смотри-ка, тотъ забылъ свое письмо! — сказалъ онъ, показывая на одну изъ полочекъ.

— Ахъ, письмо онбашія!—вскрикнулъ удивленный Ганко, вопросительно смотря на Марко, какъ бы спрашивая его мнѣнія.

— Отошли его, пошли ему скорѣе,—сказалъ Марко, хмурясь.—На 28 грошей и рупъ *) разорилъ меня кафеджій!—Ганко растерянно оглянулся и прошепталъ: «Чудной человѣкъ этотъ бай Марко! Закладываетъ домъ и дѣтей для этого медвѣжьяго поводыря, а не хочетъ бросить письмо въ огонь: въ одинъ мигъ — было и нѣтъ»! Но тутъ вошли новые посѣтители, и скоро вся кофейня наполнилась облаками дыма и безконечными разговорами о докторскомъ несчастіи.

*) Грошъ—20 сант., рупъ—мелкая турецкая монета.

VII.

Рѣшеніе Кралича.

Солнце уже стояло высоко и пронизывало своими лучами листья винограда, растущаго на монастырскомъ дворѣ. Этотъ дворъ, такой непривѣтливый и мрачный ночью, когда всѣ предметы принимали очертанія какихъ-то привидѣній, теперь имѣлъ мирно веселый и привѣтливый видъ. Даже мрачные балконы вокругъ, со своими суровыми кельями, глядѣли теперь веселѣе и привѣтливѣе, оглашаемые лепетомъ ласточекъ, свившихъ здѣсь свои гнѣздышки.

Посреди двора, подъ вьющимися лозами, прогуливался величавый старецъ, одѣтый въ темно-кофейный подрясникъ, съ непокрытой головой, съ бѣлой, до пояса, волнистой бородой. Это былъ 95-лѣтній отецъ Іерофей, величественный обломокъ прошлаго вѣка, уже почти развалина, но развалина могучая и глубоко чтимая. Онъ тихо доживалъ послѣдніе дни своей долгой жизни въ Бѣлоцерковскомъ монастырѣ. Каждое утро прогуливался онъ здѣсь, вдыхая свѣжій горный воздухъ, радуясь, какъ ребенокъ, солнцу и небу, на пути къ которому онъ былъ уже самъ.

Недалеко отъ него, какъ бы въ контрастъ этому памятнику прошлаго, стоялъ съ книгой въ рукахъ дьяконъ Викентій (онъ готовился поступить въ одну изъ русскихъ семинарій и подучивался русскому языку). Молодостью и надеждой вѣяло отъ юношескаго лица дьякона; силою и жизнью сверкали его мечтательные глаза. Этотъ юноша былъ весь въ будущемъ и всматривался въ него съ такимъ же беззавѣтнымъ довѣріемъ, съ какимъ старецъ взиралъ въ вѣчность.

Только безмятежная жизнь въ монастырской оградѣ можетъ настраивать такъ созерцательно двѣ столь различныя натуры.

На каменныхъ ступеняхъ церкви сидѣлъ шарообразный отецъ Гедеонъ, весь погруженный въ созерцаніе. Углубившись въ благочестивыя размышленія, отецъ Гедеонъ спокойно ждалъ благословеннаго звона къ обѣду, сладость котораго онъ уже предвкушалъ, глотая несшійся изъ кухни вкусный запахъ.

На порогѣ кухни, на самомъ солнцепекѣ, стоялъ косоглазый монастырскій дурачекъ, товарищъ Мунча. Онъ съ неменьшимъ философскимъ глубокомысліемъ созерцалъ домашній бытъ ин-

дюковъ, вѣрнѣе, впрочемъ, созерцалъ весь горизонтъ, такъ какъ одинъ его глазъ смотрѣлъ на западъ, а другой на востокъ.

Рядомъ съ нимъ помѣщался Мунчо, который, ломая руки и крутя головой, пугливо поглядывалъ на верхній балконъ.

Почему? Онъ одинъ зналъ объ этомъ.

Вдругъ неожиданно появился верхомъ на своемъ конѣ игуменъ и, подавая поводья косоглазому дурачку, хмуро обратился къ Викентію:

— Сейчасъ изъ города и везу плохія вѣсти. — И игуменъ разсказалъ всѣ подробности несчастія доктора Соколова. — Бѣдный Соколовъ, бѣдный Соколовъ!—закончилъ онъ, вздыхая.

Игуменъ Нафанаилъ былъ крупный, сильный мужчина съ мужественнымъ лицомъ и гибкими тѣлодвиженіями. Если бы снять съ него монашескую рясу, въ немъ осталось бы очень мало монашескаго. Стѣны его кельи всѣ были увѣшаны ружьями, онъ самъ былъ искуснѣйшимъ стрѣлкомъ, умѣлъ лѣчить, мѣтко наносить ружейныя раны и молодецки ругаться. Онъ совершенно случайно попалъ въ игумены монастыря, вмѣсто того, чтобы быть воеводой въ Балканахъ. Говорили, впрочемъ, что воеводой онъ и былъ прежде, а теперь въ монастырѣ на покаяніи.

— Гдѣ же отецъ Гедеонъ?—спросилъ игуменъ, озираясь.

— Вотъ я! — крикнулъ пискливымъ голосомъ от. Гедеонъ, показываясь изъ кухни.

Онъ ходилъ туда посмотрѣть, скоро-ли, наконецъ, поспѣетъ обѣдъ.

— Ты опять забрался на кухню, от. Гедеонъ? Вѣдь, знаешь же, что чревоугодіе смертный грѣхъ.

И игуменъ велѣлъ ему нагрузить осла и отправиться въ село Войняково, провѣдать косарей, работающихъ на монастырскомъ лугу.

Отецъ Гедеонъ былъ монахъ тучный, круглый, лоснящійся, какъ намазанный деревяннымъ масломъ мѣхъ. Небольшое путешествіе въ кухню вызвало обильный потъ на его жирномъ лицѣ.

— Отче игуменъ!—заговорилъ онъ умоляющимъ, задыхающимся голосомъ, сложивъ свои коротенькія ручки на кругломъ брюшкѣ, которому ни въ коемъ случаѣ не хотѣлось пускаться въ путешествіе по грѣшному міру,— отче игуменъ, не разрѣшите-ли вы, чтобы миновала вашего покорнаго брата сія горькая чаша?—И онъ низко поклонился.

— Какая же горькая чаша? Развѣ я посылаю тебя пѣшкомъ? Ты будешь на ослѣ, и весь твой трудъ по селамъ будетъ состоять въ томъ, чтобы одной рукой держать поводъ, а другой благословлять.

И игуменъ насмѣшливо оглядѣлъ его.

— Отче Нафанаилъ, не о трудѣ рѣчь! Для трудовъ и подвижнической жизни находимся мы въ этой святой обители; да время плохое!

— Развѣ теперь плохое время? Для твоего здоровья очень полезно сдѣлать прогулку въ маѣ.

— Времена, отче, времена! — быстро перебилъ его от. Гедеонъ.—Смотрите, доктора уже связали и, можетъ быть, христіанская душа пошла на погибель. Агарянскій родъ немилостивый...“ упаси Богъ, заподозрятъ и обвинятъ меня, что я бунтую народъ! Тогда и монастырь пострадаетъ! Опасность великая!

Игуменъ громко расхохотался, держась за бока и глядя на круглую тушу отца Гедеона.

— Неужели турки будутъ имѣть на тебя подозрѣніе? От. Гедеонъ—политическій агитаторъ! Ха, ха, ха! Не даромъ говорится: «заставь лѣнтяя работать, чтобы научилъ онъ тебя уму-разуму»! Грѣхъ на твоей душѣ: заставилъ меня смѣяться, когда сердцу вовсе не до смѣха. Дьяконъ Викентій, дьяконъ Викентій! Иди, послу-

шай, что говоритъ Гедеонъ... Мунчо, позови Викентія!..

Услыша приказаніе, Мунчо, съ выступившими изъ орбитъ глазами, въ которыхъ отражался тупой, животный страхъ, завертѣлъ головой еще ужаснѣй.

— Руссіанъ!—крикнулъ онъ, весь задрожавъ, и, показывая пальцемъ на тотъ балконъ, куда пошелъ дьяконъ, проворно побѣжалъ въ противоположную сторону.

— Руссіанъ? Что за руссіанъ?

— Привидѣніе, ваше преподобіе,—таинственно проговорилъ от. Гедеонъ.

— Съ которыхъ это поръ Мунчо сталъ такимъ пугливымъ? Онъ жилъ до сихъ поръ, какъ филинъ, въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ.

— Во-истину, отецъ Нафанаилъ, духъ нощный ходитъ по балконамъ. Въ эту ночь Мунчо пришелъ ко мнѣ полумертвый отъ страха: Мунчо видѣлъ привидѣніе въ бѣлой одеждѣ, выходящее изъ стеклянной кельи... Онъ мнѣ разсказывалъ про другія вещи, но его развѣ Господь пойметъ! Нужно будетъ освятить воду на верхнемъ балконѣ.

Отбѣжавъ подальше, Мунчо остановился и снова вперилъ взоръ на верхній балконъ.

— Да что же онъ видѣлъ тамъ? Ну-ка, отче, пойдемъ, обойдемъ все,—сказалъ игуменъ, которому пришло на умъ, что къ нимъ забрались воры.

— Храни Боже!—отвѣтилъ Гедеонъ, пятясь и крестясь. Игуменъ махнулъ на него рукой и направился самъ къ дальнему балкону.

Дьяконъ Викентій, какъ только выслушалъ отъ игумена исторію съ Соколовымъ, незамѣтно скрылся и пошелъ къ Краличу.

— Что новенькаго, отче дьяконъ?—спросилъ его Краличъ, видя его разстроенное лицо.

— Ничего опаснаго,—поторопился его успокоить дьяконъ;—игуменъ привезъ изъ города крайне непріятное извѣстіе. Въ эту ночь арестовали Соколова и отвезли въ Карлово.

— Кто это Соколовъ?

— Докторъ въ нашемъ городкѣ, славный парень. Нашли, говорятъ, въ карманахъ его платья революціонныя изданія. Я знаю, онъ страшный патріотъ. Когда, ночью, погнался за нимъ караулъ, онъ выстрѣлилъ изъ револьвера и ранилъ полицейскаго, который сорвалъ съ него пальто. Пропадетъ бѣдный докторъ! Слава Богу, что вы вырвались! О васъ въ городѣ, должно быть, ничего неизвѣстно, потому что ничего не слышно.

Кончивъ разсказъ, дьяконъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что Краличъ, схватившись обѣими руками за голову, какъ безумный, заметался по комнатѣ.

При этихъ признакахъ безпредѣльнаго отчаянія дьяконъ стоялъ, пораженный, рѣшительно ничего не понимая.

— Что съ тобой, душа моя, что сталось? Ничего, слава Богу, нѣтъ!—говорилъ растерявшійся дьяконъ.

Краличъ остановился передъ нимъ съ искривившимся отъ боли лицомъ и почти яростно крикнулъ:

— Ничего нѣтъ, ничего нѣтъ, а? Легко сказать!—онъ сильно хлопнулъ себя по лбу.—Да развѣ ты не понялъ въ чемъ дѣло? Ахъ, Боже мой! Вѣдь я забылъ сказать тебѣ, что это несчастное пальто было на мнѣ! Вчера вечеромъ, на самомъ краю города, одинъ любезный молодой человѣкъ, который и указалъ мнѣ домъ бая Марка, подарилъ мнѣ свое пальто, такъ какъ я весь былъ ободранъ, а послѣ это самое пальто осталось въ рукахъ у полицейскаго. Дорогой я сунулъ изъ разодраннаго кармана своего пиджака въ карманъ пальто номеръ «Независимости» и одну прокламацію, которую мнѣ дали въ одной троянской деревушкѣ, гдѣ я ночевалъ. Этого мало! Взвели еще на него, что онъ стрѣлялъ въ полицейскаго, когда

я даже и не прикасался къ своему револьверу. О, проклятье! Догадываешься теперь? Этотъ человѣкъ сталъ жертвой за меня!.. Нѣтъ, я, должно быть, проклятъ судьбой и осужденъ дѣлать несчастными всѣхъ, кто оказываетъ мнѣ добро!

— Ужасное несчастіе, — горестно бормоталъ Викентій. — Тѣмъ болѣе жаль, что ему ничѣмъ нельзя помочь... такъ сложились обстоятельства...

Краличъ повернулся къ нему съ пылающимъ лицомъ.

— Какъ нельзя помочь? Неужели я допущу такого человѣка и, какъ ты говоришь, хорошаго патріота погибнуть изъ-за меня? Это будетъ подлость!

Дьяконъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

— Нѣтъ! Я спасу его, хотя бы пришлось поплатиться собственной головой.

— Что можно сдѣлать? Говори, я готовъ на все! — воскликнулъ Викентій.

— Я самъ спасу его!

— Ты?

— Да я, я его избавлю, только я въ состояніи и долженъ спасти его! — кричалъ въ изступленіи Краличъ, бѣгая по кельѣ съ выраженіемъ непоколебимой рѣшимости на лицѣ.

— Ты думаешь напасть на тюрьму? — спросилъ Викентій, удивленный, даже перепуганный. У него мелькнула мысль — не рехнулся-ли Краличъ?

— Господинъ Краличъ, какъ ты думаешь спасти доктора? — спросилъ онъ.

— Неужели ты самъ не догадываешься? Пойду и отдамся въ руки жандармовъ.

— Какъ?.. Отдаться?.. Самому?..

— Или ты думаешь, что я стану просить кого-нибудь другого? Слушай, отецъ Викентій, я человѣкъ честный и не хочу покупать своей жизни цѣной людскихъ страданій. Не за тѣмъ я иду за шестьсотъ часовъ пути, чтобы совершить подлость. Если я не могу жертвовать своею жизнью славно, то могу честно. Понялъ-ли ты? Я сегодня же предстану предъ турецкими властями и скажу: «этотъ человѣкъ невиненъ, я съ нимъ не имѣлъ никакихъ сношеній, пальто сняли съ моихъ плечъ, книжки мои, я виновенъ, даже, если угодно, я стрѣлялъ въ жандарма! Дѣлайте со мной, что хотите!» Вѣдь иначе докторъ Соколовъ погибъ, въ особенности въ виду того, что онъ не хочетъ или не можетъ оправдываться. Развѣ есть другое средство, скажи?

Дьяконъ молчалъ. Въ глубинѣ своей души онъ сознавалъ, что Краличъ правъ. Къ такому самопожертвованію обязывало Кралича чувство чести и справедливости. Онъ казался теперь Викентію еще выше, еще привлекательнѣе. Лицо его свѣтилось тѣмъ благороднымъ и тихимъ свѣтомъ, который вызывается одной только великой доблестью. Правдивая, смѣлая, прочувствованная рѣчь Кралича отдавалась въ душѣ Викентія сладостно и торжественно. Ему хотѣлось быть на мѣстѣ Кралича, хотѣлось сдѣлать то, что задумалъ Краличъ. Его глаза затуманились слезами.

— Покажи мнѣ дорогу въ Карлово, — обратился Краличъ къ Викентію. Но тутъ въ окнѣ неожиданно появилась косматая голова игумена, шаговъ котораго, въ пылу горячей бесѣды, они не разслышали. Краличъ смутился и вопросительно посмотрѣлъ на дьякона.

Дьяконъ быстро выскочилъ въ коридоръ, отвелъ игумена къ периламъ балкона и долго говорилъ съ нимъ, взволнованный, съ сильной жестикуляціей, бросая частые взгляды на келью, гдѣ нетерпѣливо ждалъ Краличъ. Когда дверь отворилась снова, и въ келью вошли дьяконъ и братъ Нафанаилъ, Краличъ приблизился къ игумену, чтобы поцѣловать его руку.

— Стой! Я не достоинъ, чтобы ты

цѣловалъ мою руку! — воскликнулъ игуменъ, прослезившись, и обнялъ обѣими руками голову Кралича, горячо цѣлуя его въ губы, какъ отецъ обнимаетъ сына послѣ долголѣтней разлуки.

VIII.

У чорбаджія Юрдана.

По случаю имянинъ главы дома, у чорбаджія Юрдана съ утра собрались гости: всѣ его родные и пріятели.

Юрданъ Діамандіевъ, человѣкъ пожилой, болѣзненный и желчный, былъ изъ такихъ болгарскихъ чорбаджіевъ, которые сдѣлали это имя противнымъ народу. Его богатство расло съ каждымъ днемъ, многочисленное его семейство благоденствовало, его слова имѣли вѣсъ, но никто его не любилъ. Старыя его неправды и вымогательства, его братанье съ турками дѣлали его ненавистнымъ и до сихъ поръ, когда онъ уже не дѣлалъ или не могъ дѣлать зла. Это былъ человѣкъ прошлаго... Единственное зло, которое онъ еще себѣ позволялъ— это преслѣдованіе учителей, которые не кланялись при встрѣчѣ съ нимъ. Волкъ мѣняетъ шерсть, а не зубы, говоритъ пословица...

Не смотря, однако, на желчность Юрдана, именинный обѣдъ проходилъ весело. Гинка, его замужняя дочь, еще хорошенькая, своенравная и невоздержанная на языкъ, колотившая при случаѣ своего покорнаго мужа, занимала гостей шуточками и прибаутками, которыя такъ и сыпались съ ея неутомимаго язычка. Больше всѣхъ смѣялись три монашенки. Одна изъ нихъ, госпожа Хаджи Ровоамо, сестра Юрдана, хромая злючка и сплетница, поддерживала свою племянницу и время отъ времени отпускала язвительныя остроты по адресу отсутствующихъ. Хаджи Сміонъ, зять хозяина, то и дѣло заливался хохотомъ, давясь кускомъ; хаджи Павелъ, сватъ, также вовлеченный въ общую бесѣду и смѣхъ, по разсѣянности, ѣлъ съ вилки своего сосѣда, Михалаки Алафранка, который счелъ себя обиженнымъ такимъ къ нему небреженіемъ и надуто смотрѣлъ вокругъ себя. Михалаки вполнѣ заслуженно носилъ прозвище «Алафранка»: онъ былъ первый, который, 30 лѣтъ тому назадъ, облекся въ европейскіе панталоны и произнесъ первыя въ своемъ городѣ французскія слова. Но на этомъ онъ и остановился. Покрой его пальто не измѣнился со времени Крымской войны, а французскій лексиконъ не обогатился ни однимъ новымъ словомъ. Но все-таки слава ученаго вмѣстѣ съ ласкательнымъ прозвищемъ остались за нимъ и до днесь, и Махалаки чрезвычайно гордился ими: онъ держался надменно, говорилъ медленно и никому не позволялъ называть себя «бай Михалъ», потому что былъ еще одинъ Михалъ, полицейскій, съ которымъ онъ вовсе не хотѣлъ быть смѣшиваемымъ.

ПротивъАлафранки помѣщался Дамьянъ Григоръ, 50-лѣтній человѣкъ, длиннолицый, сухой, черный, съ дьявольски лукавымъ взглядомъ, но съ важной серьезностью на всемъ лицѣ; его считали тоже за дипломата, но онъ былъ совершенной противоположностью Алафранки; словоохотливый, неутомимый разсказчикъ, онъ обладалъ умомъ острымъ и глубокимъ, и фантазіей, богатой, какъ сокровищница Халима изъ «Тысячи и одной ночи»: онъ былъ способенъ сдѣлать изъ капли море, изъ зернышка гору, а если не было зернышка, обходился и безъ него. Главное—онъ самъ се-

бѣ вѣрилъ, единственный способъ внушить вѣру и другимъ. При всемъ томъ Дамьянъ былъ однимъ изъ первыхъ купцовъ въ городѣ и каждому готовъ былъ подать полезный совѣтъ.

Мужъ Гинки смиренно ѣлъ, не подымая глазъ отъ своей тарелки; каждый разъ, какъ онъ позволялъ себѣ что-нибудь сказать или громко засмѣяться, супруга метала на него свирѣпые взгляды, которые сразу отнимали у него всякую смѣлость. Слабохарактерный и малосильный, онъ всегда стушевывался. Рядомъ съ нимъ—Нечо Пиронковъ, совѣтникъ, время отъ времени что-то нашептывалъ на ухо франтовски одѣтому Киріаку Стефчову, который дѣлалъ видъ, что слушаетъ его, въ дѣйствительности же бросалъ ласковые взгляды на вторую дочь Юрдана—Лалку. За такое невниманіе онъ былъ наказанъ, потому что Нечо взбрело на умъ чокнуться съ нимъ, и стаканъ краснаго вина весь пролился на новые панталоны Стефчова.

Этотъ молодой человѣкъ, котораго мы уже видѣли у бея и который будетъ играть роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ, былъ сынъ чорбаджія изъ рода Діамандіева. Онъ былъ весь пропитанъ устарѣлыми взглядами и остался недоступенъ идеямъ освободительнаго теченія въ Болгаріи. Можетъ быть, потому-то онъ и былъ на хорошемъ счету у турокъ, что заставляло остальную молодежь сторониться Стефчова, получившаго прозвище «турецкихъ ушей». Этому еще болѣе способствовали его горделивый характеръ, черствое сердце и злобная, завистливая душа. Не смотря на это, или, вѣрнѣе, благодаря всему этому, онъ былъ слабостью чорбаджія Юрдана, который нигдѣ не скрывалъ своего расположенія и хорошаго мнѣнія о Стефчовѣ.

На этомъ основаніи молва—вѣрно или невѣрно—прочила Стефчова въ будущіе зятья Юрдана.

Со стола убрали, и кофе подала высокая, румяная, черноокая дѣвушка, вся въ черномъ, которая не обратила на себя ничьего вниманія. Разговоры, начатые за столомъ, продолжались и послѣ обѣда, умѣло поддерживаемые неисчерпаемой болтливостью живой Гинки. Скоро добрались и до злобы дня — приключенія съ Соколовымъ. Эта тема сразу сосредоточила всеобщее вниманіе и дала новое, пріятное оживленіе собравшемуся обществу.

— Что-то теперь подѣлываетъ докторша? — смѣялась г-жа Серафима, одна изъ монахинь.

— Какая докторша? — спросила сватья.

— Клеопатра, матушка.

— Надо отправиться, надоумить ее написать доктору письмо; онъ, вѣрно, тоскуетъ о своей госпожѣ,—вмѣшалась Гинка.

— Михалаки,—обратилась сваха къ Алафранки, — что это за слово «Клеопатра»? Баба Куна никакъ не можетъ его выговорить и говоритъ «Калевра» (башмакъ).

Михалаки насупился, глубокомысленно помолчалъ, потомъ медленно процѣдилъ: Клеопатра—слово эллинское, сирѣчь греческое, «Клеопатра» значитъ—«пла́чу по комъ-нибудь».

— «Пла́чу по докторѣ», попросту скажи,—ухмыльнулся хаджи Сміонъ, и безъ нужды пошарилъ руками въ карманахъ своего пиджака.

— Ха, по шерсти и кличка,—проговорила г-жа Ровоама, — но есть кто-то другой, кто еще больше будетъ плакать по немъ. И—нагнувшись къ хаджи Сміоновой и какой-то еще другой женщинѣ, она потихоньку шепнула имъ что-то на ухо. Всѣ три лукаво засмѣялись. Этотъ смѣхъ заразилъ и другихъ.

— Не говори, Гинка! Неужели сама жена бея?—удивлялась Мачо.

— Ничего, волкъ ѣстъ и откор-

мленное,—отвѣтила Гинка. И опять общій смѣхъ.

— Кирьякъ! Какія книжки нашли у Соколова?—спросилъ Юрданъ, тщетно усиливавшійся понять причину смѣха на женской половинѣ.

— Бунтовскія отъ первой до послѣдней строчки! Бей ночью позвалъ меня перевести ихъ. Это, бай Юрданчо, была такая дичь, такія помои, какія могутъ придти на умъ только пустоголовымъ. Это опять прокламація бухарестскаго комитета приглашаетъ насъ обратить все въ прахъ и пепелъ, лишь бы освободиться.

— Умремъ всѣ для того, чтобы освободиться! — иронически вставилъ Нечо Пиронковъ.

— Эти бродяги жгутъ и превращаютъ все въ прахъ и пепелъ, но чье все? Чужое. У нихъ нѣтъ ни кола, ни двора, имъ-то хорошо! Прахъ и пепелъ—легко-ли? Негодяи изъ негодяевъ! — сердито сказалъ чорбаджій Юрданъ.

— Истые разбойники — вмѣшался и хаджи Сміонъ.

— Если они хотятъ все сжечь, сожгутъ и монастыри?—спросила инокиня Серафима.

— Чтобы сжегъ ихъ небесный огонь!—сердито проворчала хаджи Ровоама.

— Представьте себѣ,—вмѣшался опять Стефчовъ,—вѣдь это страшный развратъ—распространеніе подобныхъ безобразій! Это губитъ нашу молодежь и дѣлаетъ изъ нея бездѣльниковъ или приводитъ ее на висѣлицу. Возьмите Соколова, вѣдь жаль его!

— Да, очень жаль!—подтвердилъ хаджи Сміонъ; отозвался и Алафранка:

— Еще вчера, изъ моего разговора съ докторомъ, я уже видѣлъ, чьему Богу онъ кланяется: онъ плакался, что у насъ нѣтъ Любобратичей *).

*) Вождь герцоговинскаго возстанія въ 1875 г.

— А ты что ему отвѣтилъ?

— Отвѣтилъ, что есть висѣлицы, если нѣтъ Любобратичей!

— Настоящій отвѣтъ!—похвалилъ хозяинъ.

— Послушайте, что это за Любобратичи?—спросила любопытная сваха.—Генко Гинкинъ, который регулярно читалъ вѣстникъ «Право» и былъ au courant политики, раскрылъ, было, ротъ, чтобы отвѣтить, но жена сразу осадила его взглядомъ и отвѣтила за него:

— Воевода въ Герцеговинѣ, бабушка Дана. Ха! если бы у насъ былъ хоть одинъ Любобратичъ, я первая стану подъ его знамя и айда сѣчь капусту!

— Если бы у насъ былъ Любобратичъ,—другое дѣло... тогда и я бы пошелъ подъ его команду,—сказалъ хаджи Сміонъ.

Юрданъ строго посмотрѣлъ на нихъ.

— Такія вещи, Гина, не должны говориться и въ шутку, а ты, хаджій, пустое болтаешь.—И, обернувшись къ Алафранкѣ, спросилъ:—что ждетъ теперь доктора?

— Согласно законамъ,—отвѣчалъ за него Стефчовъ,—за посягательство на жизнь царскаго человѣка полагается или смерть, или пожизненное заключеніе въ Діарбекирѣ.

И онъ побѣдоносно оглядѣлъ всѣхъ, желая видѣть эффектъ своихъ словъ.

Гинка, между тѣмъ, стала искать глазами свою младшую сестру Лалку.

— Куда дѣвалась Лалка, Рада?—спросила она дѣвушку въ черномъ платьѣ.—Иди-ка, позови ее!—повелительно обратилась къ Радѣ хаджи Ровоама.

Лалка, послѣ словъ Стефчова о Соколовѣ, высказанныхъ съ такимъ жестокимъ хладнокровіемъ, потихоньку вышла и спряталась въ одну изъ дальнихъ комнатъ; тамъ она бросилась на диванъ и громко зарыдала. Ручьи слезъ полились изъ ея глазъ. Не въ силахъ перевести духъ, бѣд-

ная дѣвочка захлебывалась отъ плача. Мука и жалость переполняли ея сердце. Эти люди, которые такъ противно издѣвались надъ докторскимъ несчастьемъ, возмущали ее до глубины души.

— Боже мой, Боже мой! Какъ у нихъ нѣтъ жалости!—твердила она.

Слезы облегчаютъ и безнадежное горе, а докторская судьба была еще неизвѣстна и еще было мѣсто надеждѣ, и Лалка, наплакавшись вдоволь, встала наконецъ, вытерла свое красивое бѣлое личико и сѣла къ открытому окошку, чтобы поскорѣе прошли слѣды слезъ. Она смотрѣла разсѣяннымъ, ничего не видящимъ взглядомъ на улицу, гдѣ проходили равнодушные и беззаботные люди; этотъ жестокій свѣтъ теперь не существовалъ для нея, и она не хотѣла никого ни видѣть, ни слышать; вся она была полна однимъ...

Вдругъ быстрый конскій топотъ привлекъ ея вниманіе. Лалка посмотрѣла и замерла пораженная: докторъ Соколовъ, верхомъ на бѣломъ конѣ, возвращался домой! Онъ вѣжливо поклонился дѣвушкѣ и проѣхалъ мимо. Лалка, въ своей радости, даже не догадалась отвѣтить ему на поклонъ, и, какъ бы толкаемая неодолимой силой, быстро вбѣжала къ гостямъ и взволнованно крикнула:

— Докторъ Соколовъ вернулся!

На лицѣ у большинства изобразилось непріятное удивленіе. Хаджи Ровоама злобно стиснула зубы, а Стефчовъ поблѣднѣлъ и проговорилъ какъ будто небрежно:

— Должно быть, привели для новаго допроса. Не легко ему избѣжать Діарбекира или петли.—Въ этотъ мигъ онъ встрѣтилъ пронзительный взглядъ Рады, который его жестоко уязвилъ и вызвалъ краску гнѣва на его лицѣ.

— Не говори, Кирьякъ! Авось вырвется, бѣдняга, жаль его молодости,— съ чувствомъ сказала Гинка. Первоначальныя ея насмѣшки надъ докторомъ срывались только съ языка, но не шли изъ сердца. Свѣтлая искорка всегда готова разгорѣться въ человѣческой душѣ, лишь бы она тамъ была. Къ чести хаджи Сміона должно сказать, что и онъ искренно обрадовался докторскому освобожденію, но не смѣлъ заявить объ этомъ громко при Юрданѣ, какъ это сдѣлала избалованная его дочка Гинка.

IX.

Разъясненіе.

Доѣхавъ до дому, докторъ оставилъ лошадь и вышелъ на улицу. Быстро пройдя мимо кофейни Ганка, откуда многіе поздравляли его съ освобожденіемъ, а болѣе и усерднѣе всѣхъ самъ кафеджій, Соколовъ направился къ Марковымъ. Дорогой онъ встрѣтилъ и Стефчова выходившаго отъ Юрдана.

— А! Привѣтъ вамъ, господинъ переводчикъ!—крикнулъ ему докторъ съ презрительной усмѣшкой, но Стефчовъ даже не взглянулъ на него.

Марко, уже пообѣдавшій, сидѣлъ на своемъ диванчикѣ между зелеными буксами и пилъ кофе. Онъ встрѣтилъ доктора съ восторгомъ. Весело поздоровавшись со всѣми и поблагодаривъ за поздравленія, Соколовъ началъ:

— Разскажу я тебѣ сейчасъ цѣлую комедію, бай Марко!

— Какъ это, голубчикъ, случилось?

— Да я и самъ удивляюсь!... Все мнѣ кажется какой-то сказкой, въ которую съ трудомъ вѣрится. Едва я отъ васъ вернулся, берутъ меня ночью изъ дому и отводятъ въ конакъ. Ты уже, я думаю, слышалъ, меня обвиняли и допрашивали. Кто бы могъ подумать, что мое старое пальто подниметъ такую исторію!

Запираютъ меня. Прошло съ полчаса—входятъ ко мнѣ двое жандармовъ: «Собирайся, докторъ!»—Куда?—«Пойдешь въ Карлово, бей приказываетъ». — Отлично! Выходимъ; трогаемся,—одинъ жандармъ передо мной, другой за мной, оба съ ружьями. Доходимъ до Карлова къ разсвѣту. Запираютъ и тутъ, потому что было еще слишкомъ рано, и судъ не былъ еще открытъ. Пробылъ я взаперти часа 4, показавшіеся мнѣ годами. Наконецъ, выводятъ меня къ судьѣ; тутъ же съ нимъ нѣсколько совѣтниковъ и почетнѣйшихъ гражданъ. Прочитываютъ какой-то протоколъ, изъ котораго я ровно ничего не понялъ. И опять допросы, и опять все тѣ же глупости, все о томъ же несчастномъ пальто. Оно тутъ же, такъ жалостливо посматриваютъ на меня съ зеленаго стола! Кадій (судья) распечаталъ какой-то пакетъ, должно быть, отъ нашего начальства — бея, вытащилъ оттуда книжки и спрашиваетъ: «эти книжки твои?»—«Я ихъ первый разъ вижу»!—«Какимъ же образомъ онѣ очутились въ твоемъ пальто?»—«Моя рука не клала ихъ туда». — Онъ продолжаетъ читать письмо. Бай Тишко Балтоглу беретъ газету и разсматриваетъ. «Ефендимъ,—тихо говоритъ онъ судьѣ,—въ этой газетѣ нѣтъ ничего противозаконнаго, она печатается въ Царьградѣ!» и, посмѣиваясь, глядитъ на меня. Я положительно ничего не понимаю и стою, какъ бревно. Судья спрашиваетъ: «не комитетскій ли это вѣстникъ изъ Румыніи?»—«Нѣтъ, ефендимъ, — отвѣчаетъ Балтоглу,—въ немъ о политикѣ нѣтъ ни полслова; онъ толкуетъ о вѣрѣ, это протестантскій вѣстникъ». —Тутъ я гляжу, бай Марко, и глазамъ своимъ не вѣрю: «Зорница» *). Тишко Балтоглу беретъ прокламацію, читаетъ, смотритъ на меня и опять смѣется.—«Эфендимъ и это не антиправительственная бумага: это просто объявленіе». И принимается громко читать: «практическій лѣчебникъ доктора Ивана Богорова».—Судья удивленно оглядывается, всѣ смѣются! Разсмѣялся и онъ, разсмѣялся и я, да развѣ можно было удержаться отъ смѣха? Главное, какъ свершилось это чудотворное превращеніе? Какъ бы то ни было, послѣ краткаго совѣщанія со своими совѣтниками, судья и говоритъ мнѣ: «Докторъ, здѣсь вышла ошибка; извини за безпокойство» (подъ безпокойствомъ онъ разумѣлъ мое ночное путешествіе изъ конака въ конакъ и пребываніе въ тюрьмѣ), «представь, говоритъ, какого-нибудь поручителя и отправляйся себѣ на здоровье». Я стоялъ, какъ оглашенный.

— А о раненомъ жандармѣ не поднимали вопроса?

— О немъ даже и не спрашивали. Насколько я могъ понять, нашъ бей,—надоумилъ-ли его кто, или самъ сообразилъ,—разобралъ получше дѣло, прибавилъ въ своемъ письмѣ, что въ пораненіи полицейскаго онъ меня виновнымъ не считаетъ. Должно быть, самъ раненый сознался, что вретъ.

Лицо Марко все засіяло отъ удовольствія: онъ былъ увѣренъ, что сынъ дѣда Монола стрѣлялъ, и страшно безпокоился о послѣдствіяхъ.

— Ну, слава Богу, ты теперь свободенъ!

— Какъ видишь. Но постой, есть еще нѣчто, еще необычайнѣе,—сказалъ докторъ, оглядываясь, чтобы убѣдиться, что никого изъ домашнихъ нѣтъ вблизи—Ѣду я домой на конѣ бай Николчо, ставшаго и моимъ поручителемъ, выѣзжаю изъ Карлова и едва доѣхалъ до еврейскаго кладбища, смотрю, со стороны Балкана спускаются двое: какой-то незнакомый и дьяконъ Викентій, который машетъ мнѣ и кричитъ, чтобы я

*) «Зорница»—протестантская газета, выходящая и до сихъ поръ въ Константинополѣ и занимающаяся исключительно вопросами вѣры.

остановился. «Куда это госп. Соколовъ?» удивляется Викентій, видя меня свободнымъ. Домой, говорю, все кончилось. Онъ дѣлаетъ вотъ такіе глаза. Я принимаюсь разсказывать ему, какъ было все дѣло, а онъ бросается мнѣ на шею и ну меня цѣловать!

— «Позвольте васъ познакомить съ господиномъ... Бойчо Огняновымъ». И показываетъ на своего попутчика. Я сталъ вглядываться въ него, — онъ! Узналъ! Тотъ самый, которому я отдалъ вечеромъ свое пальто.

— Какъ? Дѣда Манола сынъ?—перебилъ Марко.

— А развѣ ты съ нимъ знакомъ?—спросилъ удивленный докторъ. Марко спохватился.

— Продолжай, увидимъ, — взволнованно проговорилъ онъ.

— Ну, подали мы другъ другу руки, поздоровались. Онъ опять принялся благодарить меня за пальто и просить извиненія.—Ничего, господинъ Огняновъ, я никогда не раскаиваюсь въ томъ маленькомъ добрѣ, которое иной разъ дѣлаю людямъ. Вы это куда шли?—спрашиваю.«Огняновъ шелъ искать васъ здѣсь», отвѣчаетъ дьяконъ.—«Меня? Зачѣмъ»?—«Но онъ хотѣлъ освободить васъ».—«Освободить меня»?—«Да, васъ, предавшись въ руки властей и признавъ себя во всемъ виновнымъ». — «Неужели вы за этимъ шли въ Карлово? О, г. Огняновъ! Что вы могли надѣлать»...—«Это былъ мой долгъ», отвѣтилъ онъ просто. Я не могъ удержаться отъ слезъ и тутъ же, посередь дороги, обнялъ его, какъ родного брата. А? Что за благородство, бай Марко, какое рыцарство! Вотъ какіе люди нужны нашей Болгаріи.

Марко молчалъ. Двѣ крупныя слезы потекли по его загорѣлымъ щекамъ. Онъ гордился за стараго своего пріятеля, дѣда Манола Кралича.

Послѣ минутной паузы докторъ продолжалъ:

— Мы разстались: они пошли напрямки полями, а я—сюда, и вотъ до сихъ поръ не могу опомниться отъ встрѣчи, а еще болѣе отъ случая съ книгами. Я же тебѣ говорю, что здѣсь, въ конакѣ, я собственными своими глазами видѣлъ газету «Независимость» и дѣйствительную, настоящую революціонную прокламацію! А потомъ все это оказывается «Зорница» и Богоровское объявленіе. Какъ это случилось, кто ихъ подмѣнилъ, ошибка ли это бея? Я всячески ломаю себѣ голову и ничего не придумаю. Скажи ты свое мнѣніе, бай Марко!—и докторъ, въ ожиданіи отвѣта, сталъ шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, скрестивъ руки.

— Не думаешь ли ты, что это сдѣлалъ кто-нибудь изъ пріятелей? Какая же это ошибка, и откуда возьмутся у бея протестантская «Зорница» и богоровскія писанія?

— Но кто же этотъ неизвѣстный благодѣтель, спасшій меня отъ опасности, а Огнянова отъ явной гибели? Помоги догадаться... долженъ же я отблагодарить его

Марко нагнулся къ доктору и тихо сказалъ:

— Слушай, докторъ! То, что я скажу тебѣ, ты долженъ держать въ тайнѣ до гробовой доски!

— Даю честное слово!

— Книги перемѣнены мною...

— Что? Тобой, бай Марко!?—крикнулъ докторъ, вскочивъ.

— Садись и потерпи... Слушай, какъ было дѣло. Сегодня, рано утромъ, пошелъ я въ кофейню Ганки, и отъ кафеджія впервые узналъ о твоемъ арестѣ. Я совершенно растерялся. Какъ разъ въ это время входитъ въ кофейню онбашій и передаетъ мнѣ, что тебя въ эту же ночь отправили въ Карлово, куда и онъ самъ долженъ отправиться съ письмомъ отъ бея, въ которомъ запечатаны и твои опасныя книги. Я не зналъ, что дѣлать. Онбашій выпилъ кофе и вы-

шелъ. Гляжу, — онъ забылъ свое письмо! Ганко былъ занятъ мытьемъ чьей-то головы. Мнѣ сейчасъ же пришло на умъ — спрятать, разорвать письмо, но это тебѣ мало бы помогло: тебя бы все-таки мотали, потому что сомнѣніе осталось бы. Что дѣлать? А долго думать не было времени. Тутъ мнѣ пришло въ голову нѣчто такое, которое не приходило мнѣ во всю мою долгую жизнь. Вотъ видишь ли, докторъ, я посѣдѣлъ въ торговлѣ, а чужого письма никогда не распечатывалъ. Прости мнѣ Богъ! Я сдѣлалъ это сегодня въ первый и въ послѣдній разъ!.. Бѣгу домой, запираюсь въ своей конторѣ, полегонечку отлѣпливаю на конвертѣ сургучъ, достаю оттуда книжки и вкладываю на ихъ мѣсто другія бумаги—первыя, попавшіяся подъ руку. Турки, ты знаешь, недогадливы. Потомъ я отнесъ письмо на старое мѣсто, такъ что кафеджій и не замѣтилъ... Слава Богу, все кончилось благополучно. Теперь, по крайней мѣрѣ, не такъ меня будетъ мучить совѣсть.

Докторъ, пораженный и тронутый, сидѣлъ неподвижно.

— Бай Марко! Всю жизнь тебѣ буду благодаренъ. Ты вытащилъ двухъ человѣкъ изъ пропасти, подвергая себя большой опасности. Такую услугу не оказалъ бы и отецъ сыну!...

Докторъ отъ волненія не могъ дальше говорить. Марко продолжалъ:

— Вчера, вечеромъ, меня дѣйствительно посѣтилъ сынъ дѣда Манола, но пришелъ черезъ крышу и поднялъ шумъ, который привелъ къ намъ полицію.

— Бойчо Огняновъ?

— Такъ, что ли, вы его называете? Онъ, онъ. Его отецъ—мой большой пріятель, и онъ, бѣдняга, не зная здѣсь никого, хотѣлъ скрыться у меня. Ты его и привелъ. Вчера не хотѣлось говорить тебѣ о немъ.

— Откуда онъ пришелъ? — спросилъ докторъ, глубоко заинтересовавшись этой необыкновенной личностью.

— Онъ не говорилъ тебѣ? Бѣжалъ изъ Діарбекира.

— Изъ Діарбекира?

— Тише! А гдѣ онъ теперь?

— Въ монастырѣ, скрывается у дьякона. Мнѣ нужно съ нимъ повидаться. Можно ли мнѣ разсказать ему обо всемъ? Надо же ему знать, кому онъ обязанъ своимъ спасеньемъ; вѣдь онъ предался бы, если бы меня не выпустили.

— Нѣтъ, нѣтъ! Заклинаю тебя не говорить, пока живъ будешь, никому! Постарайся забыть обо всемъ. Я открылъ это только тебѣ, чтобы немного облегчить свою душу. Кланяйся отъ меня сыну дѣда Манола, скажи, пусть зайдетъ ко мнѣ какъ-нибудь, но только черезъ ворота.

Докторъ распрощался и ушелъ.

X.

Женскій монастырь.

Женскій монастырь въ Бѣлой Церкви*) былъ совершенной противоположностью мужскому, приткнувшемуся къ горамъ и вѣчно глухому и безлюдному. Здѣсь, напротивъ, 60—70 монашекъ, старыхъ и молодыхъ, цѣлый день шмыгали по корридорамъ и по широкому двору, оглашая его своимъ веселымъ говоромъ и смѣхомъ.

Общежитіе монахинь славилось, какъ самый дѣятельный разсадникъ городскихъ новостей. Здѣсь была колыбель всѣхъ сплетень, обходившихъ

*) Такъ зовется по турецки городокъ Сопотъ, мѣсто дѣйствія разсказа.

и смущавшихъ очаги грѣшныхъ мірянъ; здѣсь предсказывались и подготовлялись помолвки и разстраивались свадьбы; отсюда же вели начало всякія невинныя исторійки, которыя, обойдя цѣлый городъ, опять возвращались сюда цѣлыми и невредимыми, но уже принявшими колоссальные размѣры, или, наоборотъ, входили сюда соломинками, а выходили цѣлыми горами. Такой шумный центръ естественно привлекалъ сюда, въ особенности въ праздничные дни, толпы мірянъ, которыхъ благочестивыя жены угощали городскими анекдотами и вишневымъ вареньемъ.

Госпожа хаджи Ровоама, съ которой мы познакомились на именинахъ ея брата Юрдана, славилась своимъ необыкновеннымъ даромъ узнавать всякія городскія тайны и была признана искуснѣйшей сплетницей. Когда-то игуменья, потомъ низложенная возстаніемъ этой своеобразной республики, она и до днесь держитъ нравственное главенство въ монастырѣ. Всѣ и обо всемъ старались всегда узнать мнѣніе хаджи Ровоамы.

Въ послѣднее время госпожа хаджи Ровоама была раздосадована освобожденіемъ доктора Соколова, опаснаго врага монастырей, по ея мнѣнію. Она втайнѣ злобствовала, удивляясь, кто бы могъ ему помочь? Кто лишилъ ее удовольствія слушать всякій день, да и самой приплетать все новыя и новыя подробности о его судьбѣ? Вотъ уже 4 или 5 дней, какъ она изъ за этого не знала покоя и сонъ бѣжалъ ея глазъ. Она всячески билась, чтобы отгадать, почему докторъ не хотѣлъ открыть бею, гдѣ онъ былъ въ ту знаменательную ночь, когда его арестовали? Наконецъ, кто подмѣнилъ газеты? Вдругъ блестящая мысль осѣнила хаджи Ровоаму въ то время, какъ она читала вечернія молитвы. Она, уже раздѣтая, немедленно побѣжала къ сестрѣ Серафимѣ и дрожащимъ голосомъ начала:

— Сестра! Ты знаешь, гдѣ былъ докторъ въ ту ночь, когда не хотѣлъ открыться бею?

Сестра Серафима насторожила уши.

— У беевой жены!

— Неужели, хаджіюшка?

— Конечно, тамъ, Серафима! Потому-то онъ и не хотѣлъ говорить. Не сумасшедшій же онъ!

— Святая Богородичка! И я-то не догадалась раньше! — обратилась къ иконѣ хаджи Ровоама, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.—А знаешь ли ты, кто выпустилъ доктора?

— Кто, кто, хаджійка?

— Да она же, сестра, она же, беева жена!

— Что ты говоришь, хаджіюшка!?

— Боже, святая Богородичка! И гдѣ былъ мой несчастный умъ?

На другой день, утромъ, уже все общежитіе было занято однимъ и тѣмъ же разговоромъ. Исторія доктора и беевой жены разросталась и принимала угрожающіе размѣры.

Два часа спустя исторія уже обошла весь городъ.

Но, увы! Всякая новость, даже любопытнѣйшая, въ три дня старѣется... Для общины, которая начала уже было скучать, нужна была новая пища. Появленіе въ городкѣ Кралича, котораго никто не зналъ, внесло оживленіе въ женское общежитіе. Община заволновалась.— «Кто онъ? Какой изъ себя? Откуда? Зачѣмъ пришелъ?» Никто ничего не зналъ. Болѣе любопытные отправились за свѣдѣніями въ городъ, но, за исключеніемъ имени, принесли самыя противорѣчивыя извѣстія.

Сестра Ровоама слушала всѣ предположенія, да посмѣивалась. Она знала, въ чемъ дѣло, но ей хотѣлось помучить сестеръ. Лишь поздно вечеромъ оракулъ заговорилъ...

На другой день, утромъ, уже всѣ сестры знали, что этотъ незнакомый Огняновъ никто иной, какъ *турецкій шпіонъ!..*

Одной изъ главныхъ, а можетъ быть и единственной причиной, по которой хаджи Ровоама распустила такой скверный слухъ объ Огняновѣ, было то, что онъ не почтилъ ее своимъ посѣщеніемъ. Это была кровная обида ея славолюбію, и Огняновъ пріобрѣлъ себѣ въ ней опаснѣйшаго врага.

Было воскресенье.

Обѣдня кончилась. Цѣлый потокъ мірянъ вышелъ изъ церкви, разбрелся по двору и разсѣялся по кельямъ монахинь.

Маленькая, уютная, богато убранная келья хаджи Ровоамы едва вмѣщала всѣхъ собравшихся гостей. Улыбающаяся монахиня принимала и провожала всѣхъ, а Рада въ чистенькомъ черномъ платьѣ и такомъ же платочкѣ на головѣ подавала гостямъ на красномъ подносѣ кофе и варенье. Черезъ часъ толпа гостей поубавилась. Хаджи Ровоама частенько посматривала въ окошко, точно ожидая какихъ-то необычайныхъ посѣтителей. Наконецъ, пришло еще нѣсколько новыхъ гостей и между ними Алафранка, Стефчовъ, попъ Ставра, Нечо Пиронковъ и какой-то учитель. Лицо монахини засіяло; видно было, что она ихъ-то и ждала, когда она дружески здоровалась со входящими, которые подавали руку и Радѣ; Стефчовъ даже съ силой стиснулъ ей ручку, подмигнувъ при этомъ. Это бросило молодую дѣвушку въ краску, и она раскраснѣлась отъ стыда, какъ піонъ.

— Кирьякъ, я хочу снова спросить тебя, какъ это произошла исторія съ докторомъ? — обратилась монашка къ Стефчову послѣ первыхъ привѣтствій.—Знаешь, говорятъ всякую всячину.

— А что говорятъ? — спросилъ Стефчовъ.

— Да то, что, будто, ты нарочно передъ беемъ сдѣлалъ газеты революціонными, чтобы только подвести Соколова.—Стефчовъ вспыхнулъ.

— Кто говоритъ это, тотъ оселъ и подлецъ! Газета «Независимость» 30-й номеръ и прокламація были вытащены изъ кармана его пальто. Пусть скажетъ бай Нечо. Нечо охотно подтвердитъ.

— Да нѣтъ нужды и спрашивать Нечо, что знаетъ Нечо?—отозвался попъ Ставръ.—Мы знаемъ эту птицу давно! Куда бы ни пошелъ докторъ, туда онъ несетъ и свою петлю. Я еще третьяго дня говорилъ это самое Селямызу. Я пошелъ къ нему пробовать его новую водку... и знаетъ же этотъ Селямызъ класть въ мѣру анисъ! Ну, а ты, хаджійка, жива ли здорова?

— Какъ видишь, дѣдъ попъ! Снова молодѣю съ молодыми,—отвѣтила монахиня и опять обратилась къ Стефчову:—но кто же ему подмѣнилъ бумаги?—У хаджи Ровоамы чесался языкъ разсказать поскорѣе о своемъ открытіи.

— Полиція раскроетъ.

— Ваша полиція не стоитъ ни гроша. Я тебѣ скажу кто; сказать?—смѣялась госпожа хаджи Ровоама, и, наклонившись къ самому уху Стефчова, прошептала одно имя, но такъ громко, что тайну услышала всѣ. Совѣтникъ Нечо подбросилъ свои четки вверхъ, расхохотавшись въ потолокъ; учитель значительно посмотрѣлъ на своихъ сосѣдей. а попъ Ставръ пробормоталъ: «Сохрани, Боже, отъ соблазна нечестивыхъ!» Застыдившаяся Рада спряталась въ другую комнату.

— Вотъ онъ, вотъ онъ!—вскрикнулъ Стефчовъ, показывая на проходившаго по двору Соколова съ двумя товарищами. Одинъ нихъ былъ дьяконъ Викентій, а другой Краличъ.— Всѣ бросились къ окнамъ. Это дало поводъ госпожѣ Ровоамѣ сказать и о второмъ своемъ открытіи.

— Знаете ли, кто этотъ съ Соколовымъ и дьякономъ?

— Чужой-то? Это нѣкій Бойчо Огняновъ—отвѣтилъ Стефчовъ;—кажется мнѣ, что и онъ изъ тѣхъ, что волокутъ съ собой свою петлю.

Хаджи Ровоама отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ?—спросилъ Стефчовъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ другое! Держу пари...

— Бунтовщикъ?

— Нѣтъ! Шпіонъ!—сказала монахиня торжественно. Стефчовъ глядѣлъ на нее пораженный.

— И глухой царь слышалъ объ этомъ, одинъ ты не слыхалъ.

— Анафема, — пробормоталъ попъ Ставра.

Сестра Ровоама злобно слѣдила за тѣмъ, куда пойдетъ докторъ со своими спутниками.

— Къ сестрѣ Христинѣ,—воскликнула она.

Сестра Христина пользовалась между сестрами дурной славой. Ее считали патріоткой, имѣвшей сношенія съ революціонными комитетами. У нея однажды даже ночевалъ знаменитый революціонеръ—дьяконъ Левскій.

— И любятъ же дьяконы эту сестру Христину! — желчно добавила хаджи Ровоама.—Знаете ли вы, что Викентій хочетъ сбросить камилавку? И хорошо сдѣлаетъ, молодецъ. Кто его, такого молодого, постригъ?

— Такъ и надо: или молодымъ женись, или молодымъ постригись,—возразилъ попъ Ставръ.

— Кажется, онъ сдѣлаетъ первое, дѣдъ попъ.

— Избави Боже!

— Да онъ хочетъ засылать сватовъ къ Орляновой дочери. Если только примутъ кольцо, дьяконъ сбрасываетъ камилавку и вѣнчается въ Румыніи. Но кажется мнѣ, онъ ошибается...—и монашка покровительственно посмотрѣла на молодого учителя, которому она прочила эту же дѣвушку. Учитель покраснѣлъ.

Въ это время на дворѣ показались новые гости.

— Ахъ! братецъ идетъ!—воскликнула хаджи Ровоама, бросаясь на встрѣчу Юрдану Діамандіеву. Всѣ вышли за ней. Стефчовъ остался позади всѣхъ, и, взявъ Раду за руку, что-бы распрощаться, поцѣловалъ ее въ раскраснѣвшуюся щечку. Она съ силой ударила его по лицу и отскочила.

— Какъ тебѣ не стыдно!—проговорила она подавленнымъ голосомъ съ глазами полными слезъ.

Стефчовъ поправилъ свернувшійся на бокъ фесъ, свирѣпо погрозилъ Радѣ и поспѣшно вышелъ вслѣдъ за другими.

XI.

Волненія Рады

Рада Госпожина,—такъ ее звали, для обозначенія ея принадлежности госпожѣ хаджѣ Ровоамѣ,—была высокой, стройной, красивой дѣвушкой, съ простодушнымъ и свѣтлымъ взглядомъ, съ миловиднымъ, блѣднымъ личикомъ, которое черный платокъ на головѣ оттѣнялъ еще болѣе. Сирота съ самого дѣтства, Рада уже много лѣтъ жила подъ одной кровлей съ хаджи Ровоамой, которая взяла ее къ себѣ въ воспитанницы. Потомъ ея покровительница сдѣлала ее помощницей, т. е. дѣвушкой, готовящейся стать монахиней, и нарядила ее въ обязательное черное платье. Въ послѣднее время Рада состояла учительницей перваго класса дѣвичьяго училища, получая въ годъ тысячу грошей жалованья.

Рада выросла въ удушливой келейной атмосферѣ, подъ строгимъ бездушнымъ надзоромъ старой сплетницы, подъ гнетомъ женщины съ каменнымъ сердцемъ, не испытавшимъ никогда святого чувства матери. Хаджѣ

Ровоамѣ даже не приходило въ голову, что возможно болѣе человѣческое отношеніе къ Радѣ. Поглощенная вся сплетнями и интригами, она не имѣла даже времени замѣтить, насколько ея деспотизмъ становился съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе и несноснѣе для Рады, по мѣрѣ постепеннаго пробужденія въ послѣдней сознанія и человѣческаго достоинства. Мы видѣли уже, какъ хаджи Ровоама не стѣснялась заставлять Раду, уже взрослую дѣвушку, учительницу, прислуживать за чорбаджійскимъ столомъ ея брата Юрдана.

Въ послѣдніе дни Рада была очень занята въ училищѣ, такъ какъ приближался день годичныхъ экзаменовъ. Наконецъ этотъ день наступилъ. Еще съ ранняго утра дѣвичье училище стало наполняться ученицами и матерями, ради такого дня причесанными и разряженными, какъ бабочки.

Церковная служба кончилась, и народъ,согласно установившемуся обычаю, заполнилъ все училище, чтобы видѣть успѣхи ученицъ. Красивые вѣнки украшали всѣ двери и окна и учительскую каѳедру, а образъ святыхъ Кирилла и Меѳодія глядѣлъ изъ великолѣпной рамки изъ розъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ и зеленыхъ вѣтокъ букса и ели. Скоро всѣ скамейки заняты были ученицами, остальное пространство публикой: болѣе почетные гости размѣстились впереди, нѣкоторые даже на стульяхъ. Между ними были и наши знакомцы. Оставалось еще нѣсколько стульевъ для имѣющихъ придти почетнѣйшихъ гостей.

Рада стыдливо разсаживала своихъ ученицъ по мѣстамъ, внушая имъ тихо наставленія. Ея лицо, оживленное волненіями торжественной минуты, озаренное большими влажными глазами, было обаятельно прелестно. Неровный румянецъ, игравшій на ея щекахъ, выдавалъ трепетъ ея души. Она чувствовала, что сотня любопытныхъ глазъ направлены на нее, и ей становилось неловко—она теряла самообладаніе. Но какъ только главная учительница начала свою рѣчь, и привлекла на себя вниманіе собравшейся публики, Радѣ стало легче, яснѣе на душѣ, и она бросила вокругъ себя болѣе смѣлый взглядъ; она съ радостью замѣтила отсутствіе Стефчова, и самообладаніе къ ней вернулось. Рѣчь главной учительницы кончилась при торжественной тишинѣ.

Экзаменъ по программѣ начался съ первоклассницъ. Добродушное и спокойное лицо главнаго учителя, Климента, его поощрительныя слова вдохнули увѣренность въ ученицъ. Рада съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за отвѣтами дѣвочекъ, и ихъ случайныя запинки болѣзненно отражались на ея лицѣ. Эти звонкіе, чистые голоски, эти маленькіе розовые ротики рѣшали теперь ея судьбу. Она поддерживала ученицъ своимъ свѣтлымъ взглядомъ, ободряла ихъ улыбкой и, казалось, готова была вложить всю свою душу въ ихъ дрожавшія губки.

Толпа у дверей разступилась и пропустила двухъ запоздавшихъ посѣтителей, которые тихонько сѣли на свободные стулья.

Рада подняла глаза. Одинъ, старшій изъ нихъ, былъ попечитель училища, чорбаджій Мичо, а другой—Кирьякъ Стефчовъ. Неровная тонкая блѣдность покрыла лицо учительницы, и она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы не глядѣть на этого непріятнаго человѣка, смущавшаго и пугавшаго ее.

Кирьякъ Стефчовъ обмѣнялся поклонами съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ, но не поздоровался съ Соколовымъ, своимъ сосѣдомъ, который даже не посмотрѣлъ въ его сторону.

Стефчовъ закинулъ нога на ногу и свысока сталъ глядѣть по сторонамъ. Онъ разсѣянно слушалъ отвѣты ученицъ, больше вглядываясь въ толпу, гдѣ была Лалка Юрданова. Только раза

два онъ строго и пренебрежительно смѣрилъ Раду съ ногъ до головы.

Учитель Климентъ подошелъ съ книжкой къ Михалакѣ Алафранки, предлагая ему задать нѣсколько вопросовъ ученицамъ. Михалаки отказался, сказавъ, что онъ будетъ экзаменовать по французскому языку. Климентъ повернулся направо и повторилъ свое приглашеніе Стефчову. Стефчовъ взялъ книжку и подвинулся со своимъ стуломъ впередъ,

По толпѣ пронесся глухой шепотъ. Всѣ устремили свои взгляды на Кирьяка. Предметъ, по которому экзаменовали, былъ краткая болгарская исторія. Стефчовъ положилъ книжку на столъ, потеръ себѣ пальцемъ високъ, какъ бы желая разбудить свой мозгъ, и громко задалъ какой-то вопросъ. Ученица молчала. Его непривѣтливый взглядъ пронизывалъ холодомъ дѣтскую душу дѣвочки, и она до того смутилась, что забыла даже вопросъ и жалобно смотрѣла на Раду, какъ бы прося ея помощи. Стефчовъ повторилъ вопросъ. Опять молчаніе.

— Пусть идетъ, — сухо сказалъ онъ учительницѣ,—вызовите другую.

Вышла другая дѣвочка. И ей былъ заданъ вопросъ. Она его слышала, но не поняла и осталась безмолвной. Безмолвствовала и публика, которая начинала чувствовать какую-то неловкость, какое-то мучительное состояніе. Дѣвочка стояла, какъ скованная; глазки ея наполнились страдальческими слезами, которыя, какъ будто, не смѣли закапать. Она съ усиліемъ попыталась хоть что-нибудь отвѣтить, но запнулась и замолчала. Стефчовъ окинулъ Раду ледянымъ взглядомъ и проговорилъ:

— Преподавалось, какъ видно, довольно небрежно. Вызовите еще одну ученицу.—Рада глухимъ голосомъ произнесла еще одно имя. Третья ученица отвѣтила совсѣмъ другое: она не поняла вопроса.

Прочитавъ въ глазахъ Стефчова неодобреніе, она сначала удивилась, потомъ безнадежно оглядѣлась кругомъ. Стефчовъ задалъ ей другой вопросъ. На этотъ разъ дѣвочка уже ничего не отвѣтила. Смущеніе затуманило ея глаза, безъ кровинки губы вдругъ задрожали и, сразу громко заплакавъ, она убѣжала и спряталась подлѣ своей матери.

У всѣхъ на душѣ было тягостно.

Общество, будучи не въ силахъ болѣе переносить это напряженное состояніе, безпокойно зашумѣло. Удивленные зрители переглядывались между собой, какъ бы спрашивая: «въ чемъ тутъ дѣло?»

Вдругъ опять воцарилась гробовая тишина, и взгляды всѣхъ устремились впередъ: стоявшій до сихъ поръ въ сторонѣ Бойчо Огняновъ вышелъ изъ публики и, адресуясь къ Стефчову, твердо и рѣзко произнесъ:

— Сударь,—не имѣю чести васъ знать,—но извините: ваши неясные и отвлеченные вопросы затруднили бы ученицу и 5-го класса. Надо пожалѣть дѣтей. Потомъ, повернувшись въ сторону Рады, спросилъ:—Сударыня, позволите?—Все стоя, Огняновъ попросилъ вызвать одну изъ спрошенныхъ дѣвочекъ.

Огняновъ спросилъ у дѣвочки то же самое, что и Стефчовъ, но, благодаря другой редакціи вопроса, дѣвочка тотчасъ же отвѣтила. Матери свободно перевели духъ и благодарно посмотрѣли на незнакомца. Его имя обошло всю публику и запечатлѣлось въ памяти у всѣхъ.

Вызвали и вторую срѣзавшуюся ученицу; и она также отвѣтила удовлетворительно. Послѣ этого всѣ дѣти, запуганныя, было, Стефчовымъ до одурѣнія, воспрянули духомъ и стали даже препираться между собой, кому выйти раньше, чтобы отвѣчать этому доброму человѣку.

Рада изъ одной крайности впала въ другую. Тронутая, удивленная, ничего подобнаго не ожидавшая, она съ бла-

годарностью смотрѣла на великодушнаго человѣка, пришедшаго къ ней на помощь въ такую критическую минуту. Она въ первый разъ встрѣчала, да еще въ совершенно незнакомомъ человѣкѣ, такое братское участіе къ себѣ. И это шпіонъ? Онъ, который смялъ Стефчова, какъ червяка, и стоялъ теперь передъ нею, какъ ея ангелъ хранитель?! Она торжествовала. Она опять выросла въ своихъ и чужихъ глазахъ, и гордо и счастливо смотрѣла на всѣхъ и у всѣхъ встрѣчала сочувственные дружескіе взгляды. Ея сердце переполнилось признательностью къ этому человѣку, и она готова была заплакать отъ радости.

Третьей изъ спрошенныхъ Стефчовымъ дѣвочекъ Огняновъ задалъ слѣдующій вопросъ:—Райна, скажи-ка намъ, при какомъ изъ болгарскихъ князей нашъ народъ крестился и сталъ христіанскимъ?—И онъ дружески посмотрѣлъ въ глаза дѣвочки, еще не высохшіе отъ слезъ. Дѣвочка немножко подумала, раскрыла губки, и оттуда послышался тоненькій, ясный и звонкій, какъ у жаворонка, голосокъ:

— Болгарскій царь Борисъ крестилъ всѣхъ болгаръ.

— Хорошо, отлично! А теперь скажи, кто изобрѣлъ болгарскую азбуку?

Этотъ вопросъ немного затруднилъ дѣвочку; она подумала, потомъ собралась отвѣтить и снова остановилась, неувѣренная и готовая опять смутиться.

— Наши а, б, Райна,—кто ихъ первый написалъ?—помогъ ей Огняновъ.

Глазки дѣвочки просіяли; не говоря ни слова, она протянула свою голую до локтя ручку къ иконѣ, откуда благосклонно смотрѣли на нее Кириллъ и Меѳодій.

— Да, да! Святые Кириллъ и Меѳодій,—проговорило нѣсколько человѣкъ въ переднихъ рядахъ.

— Будь здорова, Райна! Пусть святители Кириллъ и Меѳодій помогутъ и тебѣ стать царицей *)—проговорилъ тронутый попъ Ставро.

— Отлично, Райна. Можешь теперь идти на мѣсто!—отпустилъ ее Огняновъ.

Сіяющая Райна побѣдоносно побѣжала къ матери, которая обняла ее, крѣпко прижала къ груди и осыпала поцѣлуями ея личико.

Огняновъ хотѣлъ, было, опять удалиться въ публику и подалъ книжку учителю Клименту.

— Господинъ, спросите и нашу Станку!—остановилъ его чорбаджій Мичо. Живая, съ русыми кудрями, дѣвочка уже стояла передъ нимъ и смѣло глядѣла ему въ глаза. Огняновъ остался.

— Станка, кто изъ царей освободилъ болгаръ отъ греческаго рабства?

— Отъ турецкаго рабства освободилъ болгаръ...—ошибочно начала дѣвочка. Чорбаджій Мичо перебилъ ее:

— Станка, стой! Ты скажи, тятина дѣвочка, о царѣ, освободившемъ болгаръ отъ греческаго рабства, а отъ турецкаго—есть какому царю освободить ихъ...

— Что предопредѣлено Богомъ, то и сбудется!—сказалъ попъ Ставро.

Простодушная прибавка чорбаджія Мичо у многихъ вызвала сочувственныя улыбки. По залѣ пронесся шопотъ и едва сдерживаемый смѣхъ.

Станка, плохо понявшая слова своего отца, громко отвѣтила:

— Отъ греческаго рабства освободилъ болгаръ царь Асень, а отъ турецкаго ихъ освободитъ царь Александръ изъ Россіи!

Послѣ словъ Станки въ залѣ настала мертвая тишина. На многихъ лицахъ изобразилось недоумѣніе и безпокойство. Всѣ взоры машинально обратились къ Радѣ, которая, вся покраснѣвъ, въ смущеніи опустила голову; отъ волненія грудь ея высоко

*) У болгаръ была царица Райна.

вздымалась. Одни смотрѣли на нее укоризненно, другіе одобрительно, но всѣмъ было неловко. Стефчовъ, незадолго передъ тѣмъ приниженный и уничтоженный, опять поднялъ голову и смотрѣлъ побѣдоносно. Всѣ отлично знали о его близкихъ отношеніяхъ къ бею и о его приверженности къ туркамъ, а потому старались прочесть на его лицѣ, что онъ думаетъ. Общее сочувствіе къ Радѣ и Огнянову начало постепенно остывать и даже перемѣшиваться съ глухимъ недовольствомъ. Приверженцы Стефчова злорадствовали и громко высказывали свое неудовольствіе, а друзья учительницы трусливо молчали. Дѣдъ, попъ Ставро, перепугался за свои необдуманныя слова и читалъ мысленно «Помилуй мя, Боже!» На женской половинѣ лагери обозначились еще рѣзче. Громче всѣхъ шумѣла хаджи Ровоама, разъяренная еще раньше посрамленіемъ Стефчова, и теперь свирѣпо метавшая молніи въ сторону Рады и Огнянова. Она даже громко назвала Огнянова бунтовщикомъ, совершенно забывая, что за нѣсколько дней до этого она же объявила его турецкимъ шпіономъ. Но были и другія, которыя не менѣе громко высказывались въ пользу Рады и Огнянова. Гинка Діамандіева, не стѣсняясь, крикнула на всю залу:

— Да что вы такъ перепугались? Бога, что ли, дѣвочка распяла? Сказала правду, вотъ и все! И я вотъ утверждаю, что насъ освободитъ царь Александръ, а не кто другой!

— Молчи, сумасшедшая!—шептала ей перепуганная на смерть мать. Бѣдная Станка стояла совершенно растерявшаяся. Она каждый день слышала и отъ отца, и отъ гостей, бывавшихъ у нихъ, именно то, что она сказала тутъ, а между тѣмъ всѣ такъ странно зашушукались.

Стефчовъ всталъ, выпрямился и, обращаясь къ переднимъ стульямъ, внушительно произнесъ:

— Господа! Здѣсь распространяются революціонныя идеи противъ власти его величества султана. Я здѣсь не могу больше оставаться, потому и ухожу.

Нечо Пиронковъ и еще двое или трое послѣдовали за нимъ.

Послѣ первыхъ минутъ смущенія, всѣ увидѣли, что дѣло не заслуживаетъ такого большого вниманія. Ребенокъ, по неопытности, сказалъ нѣсколько неумѣстныхъ, хоть и вѣрныхъ словъ,—что-жъ изъ этого? Въ залѣ опять наступила тишина, а вмѣстѣ съ нею вернулись и первоначальныя симпатіи къ Огнянову, который опять встрѣчалъ кругомъ дружескіе взгляды: онъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣхъ матерей и всѣ честныя сердца, и былъ героемъ дня.

Экзамены продолжались и кончились при полномъ спокойствіи. Ученицы спѣли на прощаніе пѣсню и публика начала расходиться.

Когда Огняновъ подошелъ къ Радѣ проститься,молодая учительница взволнованно сказала ему:

— Сердечно благодарю васъ, господинъ Огняновъ, за себя и за моихъ дѣвочекъ! Я никогда не забуду этой услуги.—И она обдала его лучами своихъ глубокихъ, прекрасныхъ глазъ.

— Я самъ былъ учителемъ, госпожица, и поэтому вошелъ въ ваше положеніе,—вотъ и все. Поздравляю васъ съ прекрасными успѣхами вашихъ учениць — проговорилъ онъ, крѣпко пожимая ей руку.

Огняновъ вышелъ. Послѣ его ухода Рада не видала уже никого изъ гостей, подходившихъ къ ней прощаться.

Глава XII.

Бойчо Огняновъ.

На общемъ совѣщаніи новыхъ пріятелей Кралича было рѣшено, что онъ поселится открыто въ городѣ, сохранивъ имя Бойчо Огнянова, которымъ его невольно назвалъ Викентій. Пріятели сначала не соглашались, но Огняновъ скоро обезоружилъ ихъ страхи. Онъ убѣдилъ ихъ, что въ дальнемъ Видинѣ, куда никто, кромѣ Марко Иванова, не ходитъ, врядъ ли кто о немъ услышитъ, или, что еще труднѣе, узнаетъ его: восьмилѣтнее заточеніе въ Азіи, страданія и климатъ состарили его и сдѣлали неузнаваемымъ. Тюрьма и страданія не охладили въ Огняновѣ преданности идеѣ, за которую онъ пострадалъ, но, наоборотъ, сдѣлали его еще болѣе восторженнымъ идеалистомъ, смѣлымъ до самозабвенія, влюбленнымъ въ Болгарію до фанатизма и честнымъ до самопожертвованія. Онъ шелъ въ Болгарію, чтобы отдаться дѣлу ея освобожденія. Человѣка, который бѣжалъ изъ заточенія, жилъ здѣсь подъ ложнымъ именемъ, безъ всякихъ общественныхъ и семейныхъ связей, безъ будущаго, безъ зари въ жизни, котораго каждый часъ могли выдать или узнать,—такого человѣка только одна великая идея могла привести въ Болгарію и только она могла его здѣсь удержать послѣ двухъ совершенныхъ имъ убійствъ. Въ какомъ отношеніи онъ могъ быть здѣсь полезнымъ? Какая здѣсь имѣлась почва для дѣятельности? И для какой дѣятельности? Достижима ли вообще его цѣль? Онъ всего этого не зналъ. Онъ зналъ только, что встрѣтитъ великія препятствія и трудности.

Въ первые дни, вслѣдствіе слуха, пущеннаго хаджи Ровоамой, отъ Огнянова отвертывались всѣ, съ кѣмъ его хотѣли познакомить пріятели. Но великодушный порывъ его на экзаменѣ, вызванный низостью Стефчова, въ одинъ мигъ открылъ ему всѣ двери и сердца. Огняновъ сталъ желаннымъ гостемъ цѣлаго городка. Онъ принялъ приглашеніе Марко Иванова и Мича Бейзедета и сдѣлался учителемъ, чтобы имѣть въ городкѣ болѣе опредѣленное общественное положеніе. Его товарищами по школѣ были: Климентъ Бельчевъ — главный учитель, Франчовъ, Поповъ и учитель пѣнія Стефанъ Мердвенджіевъ, который преподавалъ также и турецкій языкъ. Первый былъ русскій семинаристъ и, какъ таковой, добродушенъ, непрактиченъ и восторженъ; онъ декламировалъ настоятелю, который его посѣщалъ, оду «Богъ» Державина и стихи Хомякова. Бай Марко предпочиталъ имъ разсказы изъ исторіи— о величіи Россіи и о Бонапартѣ. Поповъ былъ буйный, горячій парень, нѣкогда пріятель Левскаго. Онъ восторженно встрѣтилъ своего новаго товарища и страстно къ нему привязался.

Только Мердвенджіевъ былъ непріятнымъ человѣкомъ, съ любовью къ турецкому языку и туркамъ.

Огняновъ давалъ уроки и въ женскомъ училищѣ и, слѣдовательно, всякій день видѣлся съ Радой.

Всякій разъ онъ открывалъ новыя привлекательныя черты въ душѣ этой дѣвушки и незамѣтно для себя влюбился въ нее.

Нужно-ли говорить, что и Рада уже любила его?

Еще въ тотъ день, когда онъ такъ великодушно ее защитилъ, она была охвачена тѣмъ сильнымъ чувствомъ женской благодарности, которое есть благодарность только въ первый моментъ, во второй оно превращается въ любовь. Это бѣдное сердце, такъ сильно нуждавшееся въ нѣжной лас-

кѣ и сочувствіи, полюбило Огнянова пламенно, чисто и безгранично. Въ немъ она увидѣла неясный идеалъ своихъ грезъ и надеждъ; и, подъ вліяніемъ этого животворящаго чувства, Рада похорошѣла и расцвѣла, какъ майская роза.

Немного потребовалось времени, чтобы эти чистыя, честныя сердца открылись другъ другу. Всякій день Огняновъ разставался съ нею все болѣе счастливый и плѣненный ею. Эта новая любовь цвѣла и благоухала въ душѣ его рядомъ съ его старою любовью къ свободѣ Болгаріи.

Но часто тяжелыя мысли, какъ туманъ, нависали надъ его сердцемъ. Что станется съ этимъ невиннымъ созданіемъ, которое онъ связалъ со своимъ неизвѣстнымъ будущимъ? Куда онъ ее поведетъ? Куда они направятся вдвоемъ? Онъ—человѣкъ борьбы, столкновеній и случайностей, увлекаетъ на свой страшный путь ясное, любящее дитя, которое только что начало жить, согрѣтое благодатными лучами любви. Она ищетъ, ожидаетъ отъ него счастливаго и яснаго будущаго, дней радостныхъ и безмятежныхъ; по какому же праву онъ направитъ на голову этой дѣвушки удары, которые до сихъ поръ судьба готовила лишь ему одному?

Нѣтъ, онъ долженъ ей все открыть, онъ обязанъ снять съ ея глазъ повязку, чтобы она знала, съ какимъ человѣкомъ она связала свою жизнь. Эти мысли тяготѣли страшно надъ душой Огнянова, и онъ рѣшилъ искать облегченія въ откровенной и честной исповѣди.

Онъ отправился къ Радѣ.

Рада переселилась изъ монастыря въ училище, гдѣ она занимала маленькую, скромно убранную комнату. Единственнымъ пріятнымъ украшеніемъ этой комнаты была сама ея обитательница.

Огняновъ толкнулъ дверь и вошелъ. Рада встрѣтила его съ улыбкою сквозь слезы.

— Рада, ты плакала? Почему эти слезы, моя пташка? — и онъ нѣжно взялъ ее за голову и сталъ ласкать ея зарумянившіяся щеки.

Она высвободилась, вытирая свои глаза.

— Почему это? — спросилъ онъ тревожно.

— Госпожа хаджи Ровоама только что была тутъ,—отвѣтила она прерывающимся голосомъ.

— Оскорбила тебя эта монашка? Опять тиранила! Объясни мнѣ, Радочка, что она сдѣлала... Стой, это мои стихи, кто ихъ топталъ?

— Видишь, Бойчо, госпожа хаджи Ровоама ихъ топтала, бросила на полъ. «Бунтовскія пѣсенки!»—крикнула и сказала такія страшныя слова про тебя... какъ же мнѣ не плакать?

Огняновъ сдѣлался серьезнымъ.

— Какія страшныя слова могла она сказать про меня?

— Да какихъ она не говорила? Бунтовщикъ, гайдукъ, злодѣй!... Боже мой, какъ нѣтъ жалости у этой женщины!..

Огняновъ посмотрѣлъ задумчиво на Раду и сказалъ ей:

— Слушай Рада, мы подружились, но другъ друга мы еще не знаемъ, или, вѣрнѣе, ты меня не знаешь... Это моя вина... Скажи, любила ли бы ты меня, если бъ я былъ такимъ, какимъ тебѣ называли меня?

— Не говори, Бойчо, я тебя знаю хорошо, ты самый благородный человѣкъ; и за это я тебя люблю.—И она дѣтски обвилась вокругъ его шеи и смотрѣла ему въ глаза.

Онъ горько улыбнулся, тронутый ея простодушныхъ довѣріемъ.

— И ты меня знаешь, милый? Иначе, мы не полюбили бы другъ друга,—шептала Рада, глядя на него своими большими глазами.

Огняновъ нѣжно поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Радочка, дитя мое, чтобы быть честнымъ человѣкомъ, какъ ты меня называешь, я долженъ открыть тебѣ вещи, которыхъ ты не знаешь. Моя любовь не позволяетъ мнѣ тебя огорчать, но совѣсть говоритъ иное. Ты должна знать, съ какимъ человѣкомъ ты связана... Я не имѣю права молчать долѣе...

— Скажи мнѣ все, сядемъ,—сказала она смущенная.

Огняновъ усадилъ ее и самъ сѣлъ подлѣ.

— Радочка, хаджи Ровоама сказала, что я бунтовщикъ. Она не знаетъ, она считаетъ всякаго молодого и честнаго человѣка бунтовщикомъ.

— Да, да, Бойчо, она очень злая женщина,—быстро проговорила Рада.

— Но я на самомъ дѣлѣ такой, Радочка.

Рада посмотрѣла на него удивленно.

— Да, Рада, я бунтовщикъ, и не на словахъ только, я тотъ, который подготовляетъ возстаніе.

Онъ помолчалъ. Она ничего не отвѣтила.

— Я думаю поднять знамя возстанія весной. Потому я и нахожусь въ этомъ городѣ.—Рада молчала.

— Это—мое будущее, темное будущее, полное опасности...

Рада смотрѣла на него смущенная, но ничего не сказала. Огняновъ видѣлъ въ этомъ холодномъ молчаніи свой приговоръ. Съ каждымъ его словомъ, его привязанность къ этой дѣвушкѣ испарялась. Онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и продолжалъ свою исповѣдь.

— Вотъ мое будущее. Теперь я разскажу тебѣ мое прошлое.

Рада вперила въ него безпокойные глаза.

— Оно еще темнѣе, Рада, если не бурнѣе. Знай, что я восемь лѣтъ находился въ заточеніи въ Азіи по политическому дѣлу; и я бѣжалъ изъ Діарбекира, Рада!

Рада стояла еще болѣе смущенная.

— Скажи, Рада, монашка и объ этомъ тебѣ говорила?

— Не знаю,—коротко отвѣтила Рада.

Огняновъ съ минуту помолчалъ, мрачно задумавшись, затѣмъ продолжалъ:

— Она меня назвала злодѣемъ и убійцей!.. Она не знаетъ; она меня раньше называла шпіономъ. Но слушай...

На этотъ разъ Рада почувствовала, что предстоитъ нѣчто страшное и поблѣднѣла.

— Слушай, я убилъ двухъ человѣкъ, и недавно!

Рада невольно отшатнулась.

Огняновъ не смѣлъ взглянуть на нее; онъ говорилъ лицомъ къ стѣнѣ. Сердце его трепетало, сдавленное точно желѣзными клещами.

— Да, я убилъ двухъ турокъ; я, который мухи не обидѣлъ... Я долженъ былъ ихъ убить, потому что они хотѣли на моихъ глазахъ жестоко обидѣть дѣвочку—на глазахъ моихъ и ея отца, котораго они связали. Да, я—убійца, и мнѣ снова грозитъ Діарбекиръ, или висѣлица.

Рада обернулась и посмотрѣла на него странно.

— Говори, говори...—прошептала она упавшимъ голосомъ.

— Ты знаешь теперь все... я все сказалъ,—отвѣтилъ Огняновъ.

Онъ готовился услышать свой страшный приговоръ, который онъ читалъ на ея лицѣ.

Рада бросилась ему на шею.

— Ты мой, ты благороднѣйшій человѣкъ,—воскликнула она.—Ты герой, мой милый....

Глава XIII.

Любовное свиданіе.

По лѣстницѣ послышались тяжелые шаги, отъ которыхъ задрожало все старое деревянное зданіе.

Бойчо прислушался и сказалъ:

— Это походка доктора.

Рада бросилась къ окну и приложила свое разгорѣвшееся лицо къ стеклу, чтобы скрыть свое волненіе.

Докторъ ввалился въ комнату шумно, какъ всегда.

— Читайте,—сказалъ онъ, подавая какую-то брошюру Огнянову— Огонь, братъ, настоящій огонь. Обезумѣешь!.. Надо цѣловать золотыя руки, что написали это!

Огняновъ развернулъ брошюру. Это было эмиграціонное изданіе въ Румыніи. Какъ большая часть подобныхъ книгъ, и эта представляла собой посредственное произведеніе, наполненное патріотическими избитыми фразами, пустой риторикой и отчаянными возгласами и ругательствами противъ Турціи. Но именно поэтому она и возбуждала энтузіазмъ въ читателяхъ Болгаріи, жаждавшихъ свободнаго слова. По жалкому состоянію страницъ, скомканныхъ, запачканныхъ, совершенно захватанныхъ, видно было, что она прошла черезъ сотни рукъ и дала пищу тысячамъ сердецъ.

Соколовъ былъ опьяненъ прочитаннымъ. Самъ Огняновъ, болѣе развитой, чѣмъ Соколовъ, былъ очарованъ и не могъ оторвать глазъ отъ книги. Докторъ съ завистью смотрѣлъ на него и нетерпѣливо рвалъ книгу изъ его рукъ.

— Постой, дай, я тебѣ прочту!— и началъ читать громкимъ голосомъ, который съ каждой фразой все болѣе и болѣе шелъ crescendo, онъ разсѣкалъ лѣвой рукой воздухъ, при каждой сильной фразѣ топалъ ногой и кидалъ молніеносные взгляды на Бойчо и Раду, въ душѣ которыхъ прежнее сладостное волненіе смѣнилось воинственнымъ восторгомъ Соколова. Комната и все училище гремѣло отъ его голоса, который достигъ самыхъ высшихъ нотъ. Когда онъ, наконецъ, дошелъ до длиннаго стихотворенія, которымъ заканчивалась брошюра, онъ остановился, трепетный и обливаясь потомъ, и обернулся къ Огнянову:

— Огонь, огонь, братъ! На, читай ты дальше... Я усталъ... Нѣтъ, давай сюда, ты читаешь стихи, какъ попъ Ставро «Отче нашъ», ты мнѣ испортишь впечатлѣніе. Возьми ты, Радка!..

— Возьми, Рада, ты хорошо декламируешь!—сказалъ Огняновъ.

Дѣвушка начала читать.

Стихотвореніе, какъ и проза брошюры, отличалось обиліемъ восклицаній и паѳоса, но было бездарно. Однако, звонкій голосъ и волненіе Рады придавали каждому стиху особую силу и жизнь.

Докторъ жадно глоталъ каждое слово и сопровождалъ его сильнымъ постукиваніемъ ногой о полъ. На самомъ интересномъ мѣстѣ дверь вдругъ раскрылась и вошла монастырская прислужница.

— Вы меня звали?—спросила она.

Докторъ посмотрѣлъ на нее свирѣпо, вытолкалъ ее изъ комнаты, не сказавъ ей ни слова, и съ силой захлопнулъ за ней дверь. Бѣдная женщина, жившая внизу, сошла смущенная къ себѣ и прикрикнула на своихъ дѣтей, чтобы они замолчали, такъ какъ учительница даетъ урокъ учителю и доктору.

Только-что убралась изъ комнаты женщина, какъ въ дверь снова постучались.

— Кой дьяволъ снова лѣзетъ? — отчаянно заоралъ докторъ.— Погоди, вотъ я его вышвырну изъ окошка! И онъ открылъ дверь.

Вошла маленькая дѣвочка съ письмомъ въ рукахъ.

— Кому это письмо? — спросилъ онъ грубо.

Дѣвочка подошла къ Радѣ и подала ей письмо.

Рада посмотрѣла на адресъ, написанный незнакомымъ ей почеркомъ, удивленно раскрыла письмо и принялась читать. Бойчо смотрѣлъ на нее тревожно. Онъ замѣтилъ, что неровный румянецъ заигралъ на ея лицѣ, и что улыбка затѣмъ изобразилась на немъ.

— Кто это писалъ? — спросилъ Бойчо.

— Да, вотъ, прочти!

Бойчо взялъ письмо и прочиталъ слѣдующее:

«Прекрасная госпожа моя! Простите мою дерзсcть, что осмѣливаюсь писать вамъ настоящее письмо. Однако, хотя мы еще и не знакомы, и я не имѣлъ чести быть вамъ представленнымъ, но, о! прекрасная госпожа, я денно и нощно тоскую о васъ, и мое нѣжное сердце рвется къ вамъ, какъ весенній цвѣтокъ къ солнцу.

«Не отворачивайтесь съ презрѣніемъ отъ этого письма, оно вызвано пламенной любовью къ вамъ. Ваши прекрасные очи прострѣлили самое дно моего сердца. Увы! Увы! Осмѣлюсь ли я вамъ сказать, что даже въ церкви, въ этомъ храмѣ Божіемъ, когда я пою Херувимскую, ваше прекрасное лицо я вижу между нотами; голосъ мой въ церкви, но мысль моя витаетъ вокругъ вашего прекраснаго образа и увѣнчиваетъ его райской короной. Простите мою душевную смѣлость и сердечную слабость, въ которыхъ исповѣдуюсь передъ вами, какъ передъ духовникомъ. И всю жизнь я готовъ отдать за васъ и готовъ умереть за вашу любовь. Даже теперь, какъ вашъ искренній пріятель, я готовъ собой пожертвовать за васъ; потому я васъ осторожно предувѣдомляю, чтобы вы были осмотрительны въ словахъ и поступкахъ съ извѣстнымъ вамъ Огняновымъ, такъ какъ онъ *подогрительная личность* (т.-е., шпіонъ!!!). Это извѣстіе вызвано чистой къ вамъ любовью. А чтобы еще больше доказать мою любовь, я готовъ научить васъ новой пѣснѣ Армодіуса Папаригопуло, за которую не прошу никакого воздаянія, кромѣ вашего благороднаго взгляда. Ласкаю себя надеждой, что вы мнѣ отвѣтите благосклоннымъ письмомъ и не оставите мое нѣжное сердце на погибель и отчаяніе...

«Вашъ вѣчный рабъ

«Стефанъ Х. Д. Мердевенджіевъ».

Бойчо расхохотался.

— Ахъ, этотъ Мердевенджіевъ! Такъ это мой соперникъ, Рада, да еще какой страшный. Я удивляюсь, какъ эта глупая голова могла настрочить и такое письмо. Нужно посмотрѣть письмовникъ, откуда онъ его выкралъ.

Рада, смѣясь, изодрала письмо.

— Зачѣмъ ты рвешь? Отвѣть ему!—воскликнулъ Соколовъ.

— Да что-жъ я ему отвѣчу?

— Пиши ему: «О-о-о-о, сладкогласнѣйшій соловей! О-о-о-о, музыкорѣчивая канарейка! О-о-о-о, нѣжносердечнѣйшая птичка! Я имѣла высокую честь сегодня, въ шесть часовъ»,—продолжалъ Соколовъ, поглядывая на часы и, затѣмъ, замѣтилъ Огнянову:

— Ты видишь, какой страшный негодяй этотъ бульдогъ! Какой гнусный интриганъ! Шпіонъ, а? Мои тебѣ комплименты! На твоемъ мѣстѣ я бы ему пощечину отвѣсилъ...

— Чудакъ, брось его!

— Нѣтъ, нѣтъ, подлецовъ должно не презирать, а наказывать. Предоставь его мнѣ! — сказалъ докторъ угрожающе...

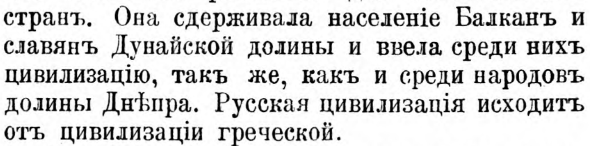
разрывъ. Фотій оспаривалъ власть римскаго архіепископа и, поддерживаемый константинопольскимъ дворомъ, остался главою греческой церкви. Не одинъ разъ дѣлались попытки къ примиренію обѣихъ церквей, но онѣ не имѣли успѣха; въ 1054 г. раздѣленіе церквей было признано окончательнымъ.

Это раздѣленіе, имѣвшее скорѣе политическую, нежели духовную основу, должно было повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Римъ терялъ власть надъ извѣстною частью христіанства. Кромѣ того, славянскій міръ, примыкавшій къ Константинополю, былъ обращенъ въ греческую вѣру. И теперь еще вся Восточная Европа не признаетъ власти Рима. Папы, раздраженные отпаденіемъ Восточной имперіи, оставляли безъ вниманія жалобы ея правителей, тѣснимыхъ турками. Только тогда, когда они увидали, что Европѣ угрожаетъ серьезная опасность, они вызвали движеніе, называемое Крестовыми походами.

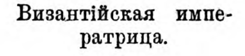
Византійская имперія прожила болѣе тысячи лѣтъ и во все это время казалась близкой къ гибели. Это—одна изъ историческихъ задачъ, недостаточно привлекавшихъ къ себѣ вниманіе ученыхъ, которымъ, быть можетъ, не хотѣлось вдаваться въ исторію Византійскаго двора, исполненную трагическихъ событій, не рѣдко ужасныхъ—умерщвленій цѣлыхъ семействъ, отравленій, истязаній, сценъ разврата и жестокости.

Въ Византіи не было опредѣленнаго порядка престолонаслѣдія. Престолъ отдавался по выбору возмутившагося войска или вслѣдствіе дворцовой революціи, или же захватывался путемъ преступленія. Судьба и интрига возводили на него людей всѣхъ національностей,—ѳракійцевъ, африканцевъ, фригійцевъ и проч., и всякаго происхожденія—пастуховъ, сдѣлавшихся воинами, а затѣмъ министрами, земледѣльцевъ и т. д. Не смотря на видимую демократичность такого правленія, прихоть императоровъ или императрицъ была единственнымъ закономъ. На продажную и рабскую толпу, окружавшую ихъ, Востокъ оказывалъ свое роковое вліяніе, и у самыхъ безнравственныхъ правителей всегда оказывались многочисленные приверженцы. Знаменитая *Ирина*, современница Карла Великаго, велѣла выколоть глаза своему родному сыну, чтобы вступить послѣ него на престолъ; она была низвергнута дворцовымъ заговоромъ и отправлена на Лесбосъ, гдѣ должна была заниматься пряжей шерсти. Левъ V, армянинъ, былъ убитъ въ своей часовнѣ, у подножія креста. Михаилъ III (842—867) велъ свое происхожденіе отъ Нерона, которому желалъ во всемъ подражать. Онъ раздавалъ государственную казну самымъ низменнымъ личностямъ диктовалъ свои кровавые приказы среди оргій, оскорблялъ религію и нарушалъ со своими развратными друзьями порядокъ крестныхъ ходовъ, встрѣчая ихъ на улицахъ Константинополя. Онъ только-что далъ титулъ августа простому матросу, когда былъ убитъ самъ вмѣстѣ со своимъ преемникомъ, будучи погруженъ въ полное опьяненіе. Въ XI в. смута увеличилась еще болѣе, и почти невозможно слѣдить за дворцовыми возмущеніями, передававшими власть въ руки все болѣе и болѣе недостойныя. Двѣ женщины, Зоя и другая Теодора, играли въ этихъ трагедіяхъ отвратительную роль.

Византійская имперія, однако, долго сопротивлялась этому разложенію и погибла лишь подъ ударами внѣшнихъ враговъ. Многочисленные и могущественные враги, въ теченіе десяти вѣковъ, почти не давали ей отдыха; это были на сѣверѣ *авары* и *болгары*, а впослѣдствіи *русскіе*, на югѣ *персы*, затѣмъ *арабы*, и, наконецъ, *турки*. Счастливое положеніе Константинополя и даровитые полководцы долгое время устраняли опасность. Греческая имперія, при всѣхъ ея порокахъ, служила защитою для Европы. Въ теченіе многихъ вѣковъ, она не допускала въ нее турокъ, господство которыхъ должно было оказаться роковымъ для занятыхъ ими странъ. Она сдерживала населеніе Балканъ и славянъ Дунайской долины и ввела среди нихъ цивилизацію, такъ же, какъ и среди народовъ долины Днѣпра. Русская цивилизація исходитъ отъ цивилизаціи греческой.



Кромѣ того, Византійская имперія сохранила греческую литературу: въ ней было множество ученыхъ и учителей, которые впослѣдствіи, должны были распространить на Западѣ свою науку и сокровища древности. Безъ сомнѣнія, этотъ народъ находился въ упадкѣ; онъ утратилъ энергію, погрязъ въ ничтожныхъ пререканіяхъ, для которыхъ богословскіе вопросы были лишь предлогомъ, а настоящей причиной служила склонность къ умственной изворотливости. Подгнившая имперія держалась лишь своею массою, и обитатели ея были подавлены неразумнымъ гнетомъ. Древніе авторы никого уже не могли вдохновить; къ ихъ мужественному голосу всѣ оставались глухи. Произведенія ораторовъ, историковъ, философовъ, поэтовъ украшали библіотеки, не оживляя умовъ. Тѣмъ не менѣе, они хранились тамъ на пользу другихъ народовъ.



Византійская императрица.

Въ то время, когда томился Востокъ, въ VIII и IX вѣкахъ Западъ жилъ среди невыразимой смуты. Впрочемъ, можно уже было предвидѣть, что этой смутѣ настанетъ конецъ. Дѣйствительно, положеніе стало болѣе опредѣленнымъ при *Карлѣ Великомъ* (768—814), который продолжалъ, съ еще большимъ блескомъ, дѣло Пепина Геристальскаго и Карла Мартела.

Военное главенство франковъ чувствовалось всѣми новыми народами, появившимися въ прежней Римской имперіи. Карлъ Великій выступаетъ уже изъ предѣловъ Галліи, сражается въ Испаніи, Италіи и Германіи, оттѣсняетъ арабовъ, уничтожаетъ ломбардцевъ, обуздываетъ баварцевъ, подавляетъ саксовъ, сдерживаетъ аваровъ. Это — воинъ, который въ теченіе сорока лѣтъ переносится съ Пиренеевъ на Эльбу, съ Эльбы на Пиренеи, на Альпы, на Дунай; онъ всегда въ движеніи, неутомимъ, свирѣпъ и безпощаденъ къ врагамъ; это—полуотесанный варваръ, побиваю-

щій другихъ варваровъ. Въ одинъ день онъ велѣлъ обезглавить въ Верденѣ 4.500 саксхихъ плѣнниковъ. Чувствуется, что онъ принадлежитъ къ роду Хлодовика и къ семьѣ Карла Мартела.

Но отличительная черта его заключается въ томъ, что его увлекаетъ не одна лишь страсть къ войнѣ. Карлъ испыталъ притягательность римскихъ идей: подобно Аларику и Теодерику, онъ проникнутъ честолюбнымъ стремленіемъ возстановить римское единство, и это удается ему одному. Въ душѣ этого суроваго завоевателя живетъ какое-то смутное влеченіе къ порядку, къ утвержденію мира, которымъ управляются многіе его походы и объясняются страшныя вспышки гнѣва. Карлъ хочетъ прикрѣпить народы, даже помимо ихъ воли, къ той странѣ, гдѣ они сидятъ. Онъ хочетъ задержать вторженіе, всегда готовое проявиться вновь, и направить его обратно, противупоставляя германцамъ франковъ, потомковъ этихъ послѣднихъ. Повсюду его можно видѣть въ овечьей шкурѣ и грубомъ костюмѣ франковъ, но въ сопровожденіи ученыхъ клириковъ. Повсюду онъ занятъ установленіемъ порядка среди народовъ и распространеніемъ среди нихъ своеобразнаго просвѣщенія. Этотъ грубый воинъ повсюду вводитъ римскія традиціи.

Но всего болѣе занимаетъ его защита и распространеніе христіанской вѣры. Онъ оттѣсняетъ исламъ по ту сторону Эбро. Война его съ саксами длится долго, потому что онъ хочетъ вынудить ихъ оставить языческія суевѣрія и принять крещеніе. Онъ выказалъ въ этой своеобразной миссіи насиліе, противорѣчившее началамъ вѣры, въ которую хотѣлъ обратить язычниковъ. Карлъ Великій, кромѣ того, былъ защитникомъ папы: онъ освободилъ его отъ ломбардцевъ и, подтвердивъ даръ Пепина, укрѣпилъ свѣтскую власть папскаго престола. Церковь торжествовала, найдя новаго Константина.

Папѣ *Льву III* естественно пришла мысль возстановить древнее императорское достоинство въ пользу этого франкскаго воина, возродившаго римскій порядокъ и распространившаго христіанскую вѣру. 25-го декабря 800 года, въ день Рождества Христова и начала года, Карлъ Великій находился въ Римѣ. Онъ присутствовалъ при божественной службѣ въ базиликѣ св. Петра и Павла. Въ то время, когда онъ стоялъ колѣнопреклоненный у гробницы апостоловъ, папа Левъ III, возложивъ на его голову золотую корону, воскликнулъ: «Карлу Августу, императору римскому, жизнь и побѣда!» Духовенство и народъ трижды повторили это восклицаніе, къ которому присоединили свои грубые голоса франкскіе воины. Карлъ облекся въ великолѣпныя одежды—расшитую золотомъ тунику, плащъ, съ вышитыми на немъ золотыми вѣтками, и обувь, сверкавшую драгоцѣнными камнями. Весь Римъ ликовалъ, какъ будто помолодѣвъ отъ этого обряда, напоминавшаго его изчезнувшее величіе. Императорскій титулъ былъ возстановленъ, что было торжествомъ римскихъ идей; возобновленный въ пользу вождя варваровъ, онъ былъ въ то же время торжествомъ германцевъ, а будучи дарованъ папой, онъ становился торжествомъ христіанской вѣры. Новый императоръ, впрочемъ,

*

старался примирить между собою всѣ традиціи, и его законодательство, дѣлающее ему больше чести, чѣмъ его завоеванія, проникнуто, одновременно, мудростью римлянина, ревностью христіанина и простодушіемъ франкскаго воина.

Управленіе Карла Великаго было сколкомъ съ древней императорской администраціи. Онъ носилъ титулъ императора и проявлялъ принадлежавшую ему власть; законъ объ оскорбленіи величества, заимствованный у Рима, служилъ для него охраной. Вокругъ императора группировались сановники съ римскими титулами—*дворцовые комиты* или *графы*, *канцлеръ*, *апокризіарій* или начальникъ капеллы, *камергеръ* и проч. Имперія была раздѣлена на провинціи, надзоръ за которыми ввѣренъ былъ *герцогамъ*, *графамъ*, *намѣстникамъ* (викаріямъ), *сотникамъ*, *десятникамъ* и т. п. Эти должностныя лица сами находились подъ наблюденіемъ лицъ, посылавшихся императоромъ (missi dominici). Послѣднимъ приходилось проѣзжать обширныя пространства, такъ какъ Германія была раздѣлена на четыре области: Ретію и Баварію, Кельнскую и Майнцскую. Карлъ Великій обнародовалъ множество писанныхъ законовъ, или *капитуляріевъ* (раздѣленныхъ на небольшія главы). Онъ оставилъ ихъ *шестьдесятъ*, содержащихъ 621 статью гражданскихъ законовъ, и, кромѣ того, оставилъ множество дипломовъ, документовъ и писемъ, свидѣтельствующихъ объ его громадной умственной дѣятельности, не уступавшей дѣятельности физической.

Церковный строй занималъ Карла Великаго столько же, сколько и политическій. Въ провинціяхъ, давно уже принявшихъ христіанство, ему нечего было измѣнять, но онъ тщательно устранялъ изъ церквей и аббатствъ неспособныхъ кандидатовъ. Въ Германіи ему все приходилось создавать. Онъ раздѣлилъ эту страну на діоцезы и учредилъ восемь епископскихъ каѳедръ; онъ основалъ много аббатствъ, получившихъ значеніе религіозныхъ центровъ, и всю свою власть отдавалъ на служеніе христіанству. Онъ же ввелъ порядокъ во взиманіи *десятины*, десятой части жатвы, уплачивавшейся духовенству. Его капитуляріи содержатъ болѣе 400 статей, относящихся къ церковной дисциплинѣ, постамъ, воздержанію и даже правиламъ нравственности; эти статьи—столько же уставы, сколько и проповѣдь. Карлъ касался въ нихъ мельчайшихъ подробностей и повсюду вводилъ грегоріанское пѣніе, которымъ, въ своей капеллѣ, руководилъ самъ голосомъ и движеніями.

Его забота объ улучшеніи церковныхъ порядковъ отражается и въ его преданности наукѣ: онъ всего болѣе имѣетъ въ виду подготовить клириковъ, достойныхъ своего назначенія, и именно въ монастыряхъ и епископствахъ открываетъ школы. Ученые, окружающіе его—по большей части, епископы или аббаты: монахъ *Алкуинъ*, архіепископъ ліонскій *Лейдрадъ*, епископъ орлеанскій *Теодульфъ*, аббатъ монастыря св. Михаила *Смарагдъ*, аббатъ Фульдскій *Рабанъ Мавръ*, св. *Бенедиктъ Аніанскій*, второй преобразователь западныхъ монастырей.

Карлу Великому приходилось поддерживать и латинскую ли-

тературу. Если въ дворцовой школѣ или академіи онъ заставлялъ называть себя Давидомъ, другіе ученые принимали имена языческихъ авторовъ: *Ангильбертъ* называлъ себя Гомеромъ, Алкуинъ—Флаккомъ, Теодульфъ—Пиндаромъ. Карлъ Великій говорилъ по латыни и даже выучился по гречески. *Петръ Пизанскій* училъ его грамматикѣ. Другой итальянецъ, *Павелъ Дьяконъ*, написалъ при немъ исторію лoмбардцевъ.

Какъ ни любилъ императоръ латинскую науку, онъ далекъ былъ отъ мысли отвергать свое германское происхожденіе. Въ дворцовой академіи были и германцы. *Эгингардъ*, секретарь и историкъ и, быть можетъ, зять Карла Великаго, происходилъ изъ Оденвальда. Рабанъ Мавръ былъ изъ Майнца; Алкуинъ былъ англо-саксъ. *Климентъ* прозывался Гибернійскимъ, такъ какъ вышелъ изъ Ирландіи. Карлъ Великій начерталъ планъ грамматики и нѣмецкаго языка; онъ придумалъ новыя нѣмецкія названія для двѣнадцати мѣсяцевъ года. Онъ не навязывалъ латинскаго языка саксамъ, заставляя ихъ молиться на родномъ языкѣ, и приказалъ, чтобы законъ Божій излагался въ Германіи на языкѣ *тудесковъ*, такъ же, какъ въ Галліи онъ излагался на романскомъ языкѣ.

Не смотря на древнеримскія воспоминанія, правленіе его оставалось чисто франкскимъ. Рядомъ съ дворцовыми графами и канцлеромъ, его окружали сановники варварскаго происхожденія — коннетабль (главный конюшій), сенешаль (главный дворецкій), кравчій и т. п. Это были его вассалы, которымъ онъ давалъ герцогское или графское достоинство; это — храбрые воины, которымъ въ награду онъ ввѣряетъ управленіе провинцій. Впрочемъ, у Карла Великаго относительно администраціи не было опредѣленныхъ взглядовъ императоровъ IV-го вѣка. Онъ не различаетъ одинъ родъ власти отъ другого, смѣшивая ихъ въ лицѣ графовъ, военныхъ и гражданскихъ начальниковъ. Онъ не отдѣляетъ и духовной власти: missi отправляются по двое — свѣтское лицо и епископъ. Онъ поддерживаетъ варварское судопроизводство и, стараясь создать сословіе судей, онъ лишь вводитъ порядокъ въ выборъ помощниковъ для судебной дѣятельности графа, представляющихъ собою лицъ *равныхъ* обвиняемому. Если онъ старается уничтожить судебный поединокъ и пеню, онъ въ то же время поддерживаетъ варварскія испытанія на судѣ, которыя долго еще будутъ жить послѣ него.

У Карла Великаго не было финансовъ въ нашемъ смыслѣ слова. Система римскихъ налоговъ давно уже исчезла, и доходами франкскаго императора были только дань, собиравшаяся съ побѣжденныхъ народовъ, приношенія свободныхъ людей и доходы съ его собственныхъ земельныхъ владѣній. Уступки земель или *бенефиціи*, начавшіяся еще при Меровингахъ, лишали короля доходовъ съ этихъ земель, и Карлъ, ограниченный лишь доходами со своихъ имѣній, обращаетъ особое вниманіе на ихъ хозяйство. Не слѣдуетъ поэтому удивляться, какъ это дѣлалъ Монтескьё, при видѣ могущественнаго властелина, занимающагося столько же «своими птичными дворами и овощами своихъ огородовъ», сколько и нравственными интересами обширной имперіи.

Нельзя не признать, впрочемъ, что Карлъ и не нуждался въ большихъ доходахъ: онъ не платилъ ни своимъ графамъ, жившимъ на счетъ управляемыхъ ими провинцій, ни воинамъ, которые сами должны были одѣвать себя. При всей своей многочисленности, армія сохраняла простоту германскаго отряда. Военное искусство утратилось и римскій легіонъ былъ забытъ. Карлъ полагалъ, что дѣлаетъ нѣчто весьма разумное для организаціи своей арміи, обезпечивая законами правильное пополненіе ея. Всякій владѣлецъ четырехъ мызъ долженъ былъ, при обнародованіи приказа объ ополченіи, явиться къ графу съ копьемъ, щитомъ, лукомъ, двумя веревками и двѣнадцатью стрѣлами. Собственникъ двѣнадцати мызъ долженъ былъ являться съ лошадью и полнымъ вооруженіемъ. Карлъ имѣлъ, такимъ образомъ, съ небольшими издержками, пѣхоту и конницу. Войско кормилось на войнѣ и, послѣ похода, распускалось, возвращаясь къ своей простой жизни.

Гордясь своей императорской властью, Карлъ Великій все-таки считалъ себя обязаннымъ поддерживать правильныя собранія франковъ, превратившіяся изъ мартовскихъ въ майскія. Эти собранія утратили, однако, свой прежній характеръ, такъ какъ армія была слишкомъ многочисленна, чтобы обсуждать вопросы на такихъ совѣщаніяхъ. Графы и герцоги отдѣлялись отъ нихъ и обсуждали, вмѣстѣ съ епископами, все болѣе и болѣе вступавшимися въ политику, проекты законовъ, изготовлявшіеся непосредственными совѣтниками Карла. Во время этихъ обсужденій, Карлъ производилъ смотръ войскамъ различныхъ народностей, принималъ оказывавшіяся ему почести, и, что̀ было для него особенно пріятно, подати. Затѣмъ, провозглашались капитуляріи и утверждались общимъ согласіемъ. Началу германской свободы, такимъ образомъ, оказывался видимый почетъ; впослѣдствіи ему предстояло уцѣлѣть среди самыхъ тяжелыхъ смутъ и сдѣлаться самымъ энергичнымъ дѣятелемъ новѣйшей цивилизаціи.

«Территорія Германіи была раздѣлена на графства въ политическомъ отношеніи и на діоцезы въ отношеніи церковномъ. Она была поставлена на военное положеніе на границахъ. Земельная собственность перестала быть временною, когда населеніе перестало быть подвижнымъ; вмѣсто того, чтобы распредѣляться ежегодно, она оставалась въ тѣхъ же рукахъ. Западное земледѣліе замѣнило въ значительной части германское скотоводство. Образовались города и деревни рядомъ съ церквами, аббатствами, императорскими дворцами и крѣпостями. Эти города строились сперва изъ дерева, потомъ — изъ камня, по римскому способу, и служили убѣжищами и мастерскими. Туда были перенесены искусства и ремесла образованныхъ странъ, сдѣлавшіяся наслѣдіемъ всего міра» [1].

Имперія Карла Великаго имѣла, такимъ образомъ, лишь мнимое сходство съ тою, которую она пыталась возстановить. Един-

---

[1] Mignet, *Mémoire sur l'introduction de l'ancienne Germanie dans la société civilisée.*

ство поддерживалось, безъ сомнѣнія, желѣзной рукою страшнаго завоевателя, но оно недостаточно обезпечивалось дурно слаженнымъ управленіемъ, представлявшимъ лишь смутное и плохое подражаніе остроумному механизму римскаго государства. Различныя національности, составлявшія имперію, подчинились вліянію франковъ, но послѣдніе были слишкомъ малочисленны, чтобы слить съ собою побѣжденные народы, да и не помышляли объ этомъ. Сажая франкскихъ графовъ въ Италіи, въ *мархіяхъ* (пограничныхъ мѣстностяхъ) Испаніи, Эльбы и Дуная, въ долинѣ Майна, гдѣ цѣлая страна сохранила имя франковъ (Франконія), Карлъ имѣлъ въ виду лишь обезпечить повиновеніе себѣ. Чтобы поддержать связь между этими безпокойными и воинственными народами, нуженъ былъ цѣлый рядъ такихъ правителей, какъ Карлъ Великій. Между тѣмъ, фамилія Пепиновъ изсякла, и дѣлу Карла суждено было держаться только при его жизни.

Многія другія причины, которыя мы укажемъ далѣе, содѣйствовали распаденію этой имперіи, повидимому, столь крѣпкой. Но если она пала, можно-ли сказать, что отъ нея ничего не осталось? Карлъ Великій не сохранилъ бы въ исторіи почетнаго мѣста, отведеннаго ему потомствомъ, если бы былъ только счастливымъ завоевателемъ. Онъ остановилъ вторженіе, укрѣпилъ на ихъ мѣстахъ саксовъ, баварцевъ и аваровъ. Онъ создалъ Германію въ такой степени, что нѣмецкіе писатели причисляютъ его къ своей націи, хотя его франкскія войска раздавили Саксонію. Карлъ Великій пріучилъ къ порядку новые народы, утвердившіеся въ его имперіи, заставилъ ихъ жить осѣдлою земледѣльческой жизнью, насадилъ въ средней Европѣ епископства и аббатства въ качествѣ очаговъ цивилизаціи. Своими могучими руками, однимъ словомъ, онъ скрѣпилъ составныя части новѣйшей Европы. Его имперія распалась, но изъ кусковъ ея образовались націи, развитію которыхъ мы удивляемся въ настоящее время. На полѣ менѣе обширномъ, но болѣе трудномъ для вспашки, потому что плугъ надо было глубже врѣзывать въ почву, онъ совершилъ трудъ, подобный дѣлу Александра. Онъ былъ безпощаднымъ колонизаторомъ, усиливавшимся распространять повсюду латинскія традиціи и знанія.

Съ IX вѣка Западная Европа уже начинаетъ свое существованіе. Послѣ Карла Великаго она покрывается мракомъ, но общество, скрѣпленное имъ, руководимое слабымъ свѣтомъ, который онъ зажегъ, понемногу придетъ къ разсвѣту и къ цивилизаціи, сохранивъ живое воспоминаніе объ императорѣ римскомъ, франкскомъ и христіанскомъ, который въ своей личности, въ своихъ войнахъ и законодательствѣ, какъ будто является символомъ единенія древняго и новаго міра.

ГЛАВА III.

АРАБЫ.—БАГДАДСКІЙ И КОРДОВСКІЙ КАЛИФАТЫ.— МУСУЛЬМАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

Вторженіе Юга; его характеръ; арабы.—Магометъ и его вѣра.—Коранъ.— Нѣсколько изреченій изъ Корана.—Улемы и имамы.—Общественное и политическое вліяніе магометанства.—Проповѣдь съ помощью меча.—Арабское царство; два калифата.—Процвѣтаніе багдадскаго калифата; торговля.— Кордовскій калифатъ; процвѣтаніе Испаніи.—Литература арабовъ.—Науки.— Искусства.—Характеръ и значеніе арабской цивилизаціи.

Долгое время опасались только вторженій съ сѣвера; въ VII в. вторженіе новаго рода направилось съ юга и, притомъ, изъ страны, которой въ древности удѣляли лишь мало вниманія. Этой страной была Аравія, считавшаяся пустынной. Оттуда появились разомъ нація и религія, поддерживавшія другъ друга и распространившіяся съ необычайной быстротой по Азіи, Африкѣ и даже Европѣ. «Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Магометъ его пророкъ»,— такова простая формула, связавшая арабскія племена. Въ видѣ побѣднаго крика, они испускали ее отъ востока до запада, подчиняя испуганные народы закону меча и корана, неразрывно связанныхъ между собою.

Вторженіе юга имѣло, такимъ образомъ, совершенно иной характеръ, чѣмъ вторженіе сѣвера. Это была вооруженная проповѣдь новой вѣры, религіозное и политическое господство расы, принадлежавшей къ семитическому семейству. Остается единственнымъ въ своемъ родѣ фактомъ, что отъ этого семейства исходятъ важнѣйшія религіозныя движенія. Въ небольшой странѣ на окраинѣ Азіи, въ Палестинѣ, появились религія іудейская и христіанская; въ сосѣдней странѣ, почти на границѣ Іудеи, зародилось магометанство.

Зная объ этомъ сосѣдствѣ, мы не должны удивляться извѣстной связи магометанства съ предшествовавшими ему религіями. Библія и Евангеліе извѣстны были Магомету, и онъ дѣлалъ изъ нихъ обширныя заимствованія. Онъ имѣлъ притязаніе возвратиться къ религіи Авраама и патріарховъ и закончить собою рядъ пророковъ. Ученіе его, долгое время остававшееся мало извѣстнымъ на Западѣ, было ближе оцѣнено въ нашемъ вѣкѣ, который произвелъ столько работъ по исторіи религіи. Постоянство успѣха и громадное количество послѣдователей достаточно свидѣтельствуютъ объ его жизненности.

Магометъ жилъ среди арабовъ-язычниковъ. Онъ отвлекъ ихъ отъ поклоненія идоламъ, и уничтожилъ идоловъ, окружавшихъ старинный храмъ, почитавшійся въ Меккѣ, съ глубокой древности, *Каабу*. Онъ сохранилъ почитаніе Каабы, превративъ ее какъ бы въ религіозный центръ: тамъ находился камень, нѣкогда бѣлый, а теперь почернѣвшій, принесенный, по преданію, Архангеломъ Гавріиломъ. Онъ связывалъ, такимъ образомъ, свое ученіе со старыми арабскими традиціями, которыя, несмотря на

языческія суевѣрія, сохранили воспоминанія объ Авраамѣ, отцѣ Измаила, родоначальника племени. Зная какъ нельзя лучше умственный характеръ своего народа, поэтическій, но простой и мало доступный отвлеченному сужденію, Магометъ проповѣдывалъ объ *единствѣ Бога*, легко усвоиваемомъ догматѣ, Его всемогуществѣ, славѣ, вѣчности, о *безсмертіи души* и о *будущей жизни*. Описанія его матеріальнаго и чувственнаго рая привлекали къ себѣ людей Востока, неспособныхъ подняться до отвлеченной идеи нравственнаго счастья и считавшихъ загробную жизнь лишь безпрепятственнымъ повтореніемъ самыхъ сладкихъ утѣхъ земной жизни.

Магометъ умѣлъ приспособить свою религію къ нравамъ арабовъ, пастушескимъ и, въ то же время, воинственнымъ, облегчивъ исполненіе обрядовой стороны, ограниченной немногими предписаніями, полезными въ теплыхъ странахъ, вродѣ омовеній, и проповѣдью мечомъ, въ высшей степени возбуждавшей мужество арабовъ. Магометъ, кромѣ того, проповѣдывалъ ученіе, чрезвычайно соблазнительное для лѣнивыхъ обитателей Востока—ученіе о полной преданности волѣ Божіей. *Исламъ* значитъ предоставленіе себя воли Божіей; *мусульманинъ* — человѣкъ, предоставившій себя этой волѣ. Жители Востока оказались слишкомъ склонными преувеличивать эту преданность и пришли къ фатализму, столь пагубному для развитія личности и народа.

Богъ ислама—безпощадный и мстительный, и магометанство—жестокая религія. Магометъ, впрочемъ, относился съ уваженіемъ къ христіанству; онъ считалъ Іисуса Христа пророкомъ и признавалъ за Нимъ даръ чудесъ, котораго самъ былъ лишенъ. Коранъ считаетъ святою и Пресв. Дѣву Марію. Многія правила и притчи изъ Евангелія внесены почти буквально въ книгу Магомета. Но, по мнѣнію этой книги, христіане и евреи исказили религію первоначальнаго откровенія, и Магометъ былъ посланъ, чтобы исправить всѣ заблужденія и распространить слова, какія архангелъ Гавріилъ написалъ въ его сердцѣ. Магометъ предполагалъ, что, во время уединенія въ пещерѣ горы Гиры, его посѣтило видѣніе, и архангелъ Гавріилъ внушилъ ему наставленія, которыя, передаваемыя ученикамъ, составили коранъ.

Слово *коранъ* — значитъ устная передача. Откровенія, проповѣди, правила и законы, изложенные устно Магометомъ, были собраны послѣ него *Сеидомъ* и приведены въ порядокъ по приказанію калифа Османа. Съ 33-го года *Геджры* (мусульманской эры, начинающейся отъ бѣгства Магомета въ Медину) коранъ былъ окончательно установленъ, и никогда не возбуждалось никакого сомнѣнія относительно его подлинности. Въ дѣйствительности, это—не книга, но безпорядочное собраніе *суръ* или главъ неравной длины и различнаго характера, поэтическихъ и восторженныхъ, повѣствовательныхъ и дидактическихъ. Это — кодексъ, гимнъ, исторія и молитва.

Чтобы дать понятіе, если не объ идеѣ, то, по крайней мѣрѣ, о формѣ этой книги, мы приведемъ нѣсколько извлеченій изъ нея: «Когда Богъ создалъ землю, она колебалась въ ту и въ

другую сторону, пока Богъ не создалъ горъ, укрѣпившихъ ее. Тогда ангелы спросили Его: «О Господи! Есть ли въ твореніи что-нибудь крѣпче горъ?» Богъ отвѣтилъ имъ: «Желѣзо; желѣзо крѣпче горъ, потому что оно раздробляетъ ихъ. — А есть ли въ Твоемъ твореніи что-либо крѣпче желѣза? — Да, огонь крѣпче желѣза, потому что онъ расплавляетъ его.—А есть ли что-либо сильнѣе воды?—Да, вѣтеръ, потому что онъ поднимаетъ ее. — О, наша высшая опора, есть ли въ твореніи что-нибудь сильнѣе вѣтра? — Да, добрый человѣкъ, творящій милостыню. Если онъ даетъ правой рукой такъ, что не знаетъ лѣвая, онъ превышаетъ все».

«Каждое доброе дѣло—милостыня. Когда ты улыбаешься въ лицо твоему брату, когда ты указываешь настоящую дорогу путнику, когда ты даешь пить жаждущему, когда ты побуждаешь твоего ближняго къ хорошему поступку, ты дѣлаешь благочестивое дѣло. Истинное богатство человѣка въ другой жизни — добро, какое онъ сдѣлалъ въ этой жизни спутникамъ своего существованія. Когда онъ умираетъ, народъ спрашиваетъ: «Какое богатство оставилъ онъ послѣ себя?» Но ангелы спрашиваютъ: «Какія добрыя дѣла посылаетъ онъ передъ собою?»

...«Молитесь и подавайте милостыню: добро, какое вы дѣлаете, найдете вы вблизи Бога, потому что Онъ видитъ ваши дѣла. Чтобы быть праведнымъ, недостаточно обращать лицо къ востоку или къ западу: надо, кромѣ того, вѣрить въ Бога, помогать ближнимъ, сиротамъ, бѣднымъ и путникамъ, выкупать плѣнныхъ, читать въ свое время положенныя молитвы, не измѣнять своему слову, выносить терпѣливо превратности и бѣдствія войны. Таковы обязанности правовѣрныхъ».

Мусульманинъ не имѣетъ надобности въ другихъ книгахъ, кромѣ корана: въ немъ онъ находитъ догматъ своей религіи—*единство Божіе*, и предписанія ея обрядовъ, столь же простыхъ, какъ догматъ—*пять молитвъ* ежедневно съ *омовеніями*, *постъ* въ мѣсяцъ *Рамадана* (или Рамазана), *воздержаніе отъ вина* и перебродившихъ напитковъ (необходимое гигіеническое правило въ климатахъ Востока), освященіе *пятницы* молитвою и *паломничество въ Мекку*. Мусульманинъ находитъ въ коранѣ всю свою религіозную философію: «Избранный и отверженный предназначены одинъ къ вѣчному счастію, а другой къ вѣчному несчастію еще во чревѣ своей матери.»—«Человѣкъ умираетъ лишь по волѣ Божіей, какъ это написано въ книгѣ, опредѣляющей предѣлъ его жизни». Это предназначеніе не могло возбуждать въ человѣкѣ желанія самоусовершенствованія, составляющаго высокую и сильную сторону христіанства, и еще менѣе могло возбуждать утонченность совѣсти, ищущей приблизиться какъ можно болѣе къ идеальной добродѣтели. Вѣры, молитвы, милостыни, точнаго соблюденія нѣкоторыхъ обрядовъ достаточно для мусульманина, который не дѣлаетъ никакихъ усилій, чтобы становиться лучше, и не подозрѣваетъ, что нравственность можетъ быть выше установленнаго закона.

Текстъ корана истолковывался *имамами*, изъ которыхъ че-

тыре, въ концѣ второго вѣка Геджры, заслужили наименованіе великихъ *). Эта священная литература приняла такіе размѣры, что впослѣдствіи пришлось привести ее въ порядокъ въ царствованіе константинопольскихъ султановъ Магомета II и Солимана I. У мусульманъ, впрочемъ, нѣтъ священства, и толкователи священныхъ книгъ не считаются непогрѣшимыми. Калифы, тѣмъ не менѣе, покровительствовали классу ученыхъ, называемыхъ *улемами*, на которыхъ они возлагали судебныя обязанности. Имамы совершали богослуженіе въ мечетяхъ. *Муэдзины* призывали правовѣрныхъ къ молитвѣ съ высоты башень или *минаретовъ*. Не образуя касты или даже привилегированной корпораціи, имамы и улемы, благодаря глубокому знанію корана и каноническихъ книгъ, обладали дѣйствительною властью.

Магометъ возродилъ Аравію. Племена, передвигавшіяся по этому полуострову со своими палатками и стадами, находились въ глубочайшемъ упадкѣ. Арабы закапывали живыми въ землю маленькихъ дѣвочекъ, которыхъ не хотѣли кормить. Магометъ положилъ конецъ всѣмъ варварскимъ обычаямъ. Онъ поддерживалъ, конечно, многоженство, такъ какъ самъ подалъ ему примѣръ, но совѣтывалъ также единобрачіе, запрещалъ временные браки и тщательно установилъ семейные порядки. Матеріальные интересы женщины были охранены; ей предоставлено было участіе въ наслѣдствѣ; овдовѣвъ, она пользовалась обезпеченнымъ существованіемъ въ теченіе цѣлаго года на счетъ наслѣдства, оставшагося послѣ мужа, и получала вдовью часть.

Магометъ, впрочемъ, не поднялъ женщину выше приниженнаго положенія, въ которомъ она находилась и которое граничило съ рабствомъ. Нисколько не сопротивляясь нравамъ Востока, Магометъ освятилъ подчиненность женщины, столь рѣзко отличающую восточное общество отъ западнаго. Покупаемая, по большей части, какъ товаръ, живя въ домашнемъ заточеніи, выходя лишь подъ покрываломъ, женщина на Востокѣ томится безъ образованія, всегда находясь въ сторонѣ отъ жизни, предаваясь безсмысленнымъ занятіямъ. Въ этомъ отношеніи магометанство, которое могло усовершенствовать грубыя племена Аравіи, не можетъ считаться прогрессивнымъ и было гибельнымъ для общества въ Азіи и въ Африкѣ.

Магометъ называлъ себя пророкомъ. Онъ смѣшивалъ еще болѣе, чѣмъ въ древнія времена, духовную и свѣтскую власть. Преемники его, *калифы*, такіе же религіозные и политическіе вожди, никогда не различали правъ гражданскаго и политическаго общества, установленнаго кораномъ. Отсюда исходилъ деспотизмъ, отъ котораго никуда нельзя было укрыться, такъ какъ нельзя было найти убѣжища даже въ своей совѣсти. Калифы разили во имя Божіе жертвы, обязанныя почитать ихъ смертоносную руку. Мусульманская религія не была, такимъ образомъ, передовымъ движеніемъ для Востока: деспотизмъ тамъ былъ, безъ сомнѣнія, традиціоннымъ, но эта религія навсегда закрѣпила его.

---

*) Абу-Ганифахъ, Ешъ-Шафей, Малекъ и Ганбалъ.

Фанатизмъ, которому порабощенныя народности легко подчинились, ослаблялъ всѣ попытки къ сопротивленію. Какое бы страданіе ни испытывалъ мусульманинъ, онъ говоритъ: «такъ написано». Это освобождаетъ его отъ усилія, необходимаго, чтобы избавить его отъ страданія. Восточная лѣнь, такимъ образомъ, прибѣгаетъ къ соучастію неба, и судьба, объясняя для нея всѣ бѣдствія, не позволяетъ уклониться ни отъ одного изъ нихъ.

Магометъ, изгнанный изъ Мекки корейшитами, удалился въ Медину. Не довѣряясь одной силѣ своего слова, для торжества своего дѣла онъ обратился къ помощи меча. Мечъ подчинилъ ему Аравію. Коранъ прямо говоритъ: «Убивайте невѣрныхъ вездѣ, гдѣ вы ихъ встрѣтите», и въ другомъ мѣстѣ: «Я посланъ убивать невѣрныхъ, пока они скажутъ: Нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха. Какъ скоро они произнесутъ эти слова, они спасутъ свою жизнь и имущество; что касается до ихъ вѣры, то въ ней они сочтутся съ Богомъ». По ученію Магомета, міръ раздѣляется на два большихъ отдѣла: *муслимовъ* (мусульманъ) и *кафировъ* (невѣрныхъ). Онъ дѣлилъ землю на двѣ части: *Даръ-уль-Исламъ*, домъ ислама, и *Даръ-уль-Гарбъ*, домъ войны; онъ говорилъ своимъ ученикамъ: «Докончите мое дѣло, распространите домъ ислама по всей землѣ; Богъ дастъ намъ домъ войны.» Еще онъ говорилъ имъ: «Сражайтесь до полнаго истребленія; нѣкоторые изъ васъ падутъ въ битвѣ: тѣмъ, кто погибнетъ достанется рай, тѣмъ, кто уцѣлѣетъ—побѣда». Магометъ, правда, прибавлялъ къ этимъ правиламъ нѣсколько предписаній терпимости относительно христіанъ и евреевъ: «Скажите тѣмъ, кто получилъ писаніе и слѣпымъ: обратитесь въ мусульманство, и вы будете просвѣщены. Если они будутъ противиться, ты обязанъ лишь проповѣдывать имъ. Богъ знаетъ, какъ отличить своихъ слугъ». Но воинственная пылкость арабовъ заставляла ихъ предпочитать другія правила, и этотъ народъ, почти неизвѣстный, менѣе, чѣмъ въ одно столѣтіе, совершилъ завоеванія болѣе удивительныя, чѣмъ завоеванія римлянъ.

Три первые преемника Магомета, Абу-Бекръ, Омаръ и Османъ (632—656) увлекали свой народъ къ завоеваніямъ на Востокѣ и на Западѣ. Выйдя изъ Аравіи черезъ Палестину и Пелузійскій перешеекъ, арабы покрыли своими летучими отрядами Сирію, Персію и Египетъ. Послѣ царствованія Али, зятя пророка (656—660) и ожесточеннаго врага первыхъ калифовъ, расколъ нарушилъ религіозное единство мусульманъ, которые раздѣлились съ тѣхъ поръ на *шіитовъ*, отрицающихъ законность трехъ первыхъ калифовъ, и *суннитовъ*, признающихъ ее. Этотъ расколъ не остановилъ, однако, завоевательнаго движенія, продолжавшагося при *Оммiадахъ* (661—750), во времена которыхъ арабское царство простиралось отъ береговъ Инда и Оксуса (Аму-Дарьи) до Атлантическаго океана и Пиренеевъ. Господствуя на всемъ южномъ побережьи Средиземнаго моря, арабы имѣли флотъ и не одинъ разъ угрожали Константинополю.

Это царство, протягивавшееся на 1.800 миль съ востока на западъ и охватывавшее, съ одной стороны, царства Востока, а съ другой—владѣнія франковъ, раздѣлилось на двѣ половины, вслѣд-

ствіе насильственнаго воцаренія *Аббасидовъ* и вѣрности запада потомку Омміадовъ (или Омайядовъ), Абдъ-ер-Рахману (755). Но въ обоихъ калифатахъ, восточномъ и западномъ, воспроизводившихъ подобное же раздѣленіе христіанскаго царства, арабская цивилизація пришла одновременно, при багдадскомъ дворѣ Аббасидовъ и при королевскомъ дворѣ Омайядовъ, къ той же степени утонченности; она затмила своимъ блескомъ цивилизацію христіанскую, находившуюся въ упадкѣ на Востокѣ и едва возрождавшуюся на Западѣ.

Арабы любили и производили торговлю гораздо ранѣе Магомета, который самъ былъ погонщикомъ верблюдовъ. Войска расчищали дорогу караванамъ въ Азіи и Африкѣ. Изъ Багдада и Мосула на Тигрѣ, купцы направлялись во всѣ стороны—на западъ черезъ Сирійскую пустыню къ Антіохіи, Алеппо и Дамаску, получавшимъ, кромѣ того, изъ портовъ Триполи и Птолемаиды произведенія Запада; на сѣверъ къ Діарбекиру, Арзеруму, Черному морю и его главному порту Трапезонду; на сѣверо-западъ къ Малой Азіи, къ Саталіи, Смирнѣ, Никеѣ и Бруссѣ; на востокъ—къ Индіи, Хорасану чрезъ Гамаданъ и Гератъ. Сдѣлавшись моряками, умѣя уже пользоваться грубымъ компасомъ, заимствованнымъ у китайцевъ, арабы плавали по Красному морю и Персидскому заливу и доходили до Индостана и Индо-Китая.

Африканская торговля служила связью между Востокомъ и Западомъ. Порты Триполи, Тунисъ и Танжеръ унаслѣдовали значеніе Карѳагена вандаловъ; Даміетта и Александрія продолжали свою прежнюю дѣятельность, а Египетъ, при разумномъ управленіи, сохранялъ свое удивительное плодородіе. Арабы пытались даже возобновить каналъ, прорытый между Ниломъ и Краснымъ моремъ фараонами и Птоломеями. Спускаясь вдоль восточныхъ береговъ Африки, арабы внесли свою религію и торговлю даже въ Занзибаръ и Мозамбикъ.

Аббасиды, Абу-Джіафаръ или Аль-Манзоръ (Побѣдоносный), Гарунъ-аль-Рашидъ (Справедливый), затѣмъ Аль-Мамунъ выказывали въ Багдадѣ въ концѣ VIII и въ началѣ IX вѣка неслыханную роскошь. Дворцы, украшенные мраморными колоннами и богатыми коврами, какіе Востокъ выдѣлываетъ до сихъ поръ, великолѣпные сады, освѣжаемые фонтанами съ мраморными водоемами, нарядныя свиты изъ нѣсколькихъ тысячъ невольниковъ, обиліе шелковыхъ тканей, привезенныхъ изъ Индіи, драгоцѣнные камни, всѣ утонченности нѣги и весь блескъ древнихъ восточныхъ монархій,—такова была пышность калифовъ, тратившихъ щедрой рукою подати, взимавшіяся съ сотни различныхъ народовъ. У калифа Моктадера было во дворцѣ 38.000 ковровъ, изъ которыхъ 12.500 были изъ шелка и золота. Когда онъ совершалъ паломничество въ Мекку, онъ принесъ въ жертву 40.000 коровъ и 50.000 овецъ. У матери калифа Мотассема было 12.000 верблюдовъ. Арабскіе поэты, повидимому, не слишкомъ преувеличивали богатства багдадскихъ властителей, наслѣдниковъ сокровищъ Египта и Азіи.

Кордовскіе калифы были не менѣе богаты. Благодаря мудрому правленію Абд-ер-Рахмана I, Хешама I, Абд-ер-Рахмана II, Аль-

Хакема I, Абд-ер-Рахмана III, Аль-Хакема II, земледѣліе сдѣлало изъ многихъ частей Испаніи какъ бы непрерывный садъ (*huerta* Валенсіи, *vega* Гренады въ Андалузіи), гдѣ росли самыя красивыя растенія южныхъ странъ. Изобрѣтательные арабы придумали способъ искусственнаго орошенія, чтобы умѣрить сухость климата: вода, сберегаемая въ искусственныхъ прудахъ, доставлялась водопроводами на поля. Арабы разводили въ Испаніи рисъ, хлопчатникъ, сахарный тростникъ, шафранъ, финиковую пальму. Аль-Хакемъ II, по словамъ хроникеровъ, «превратилъ копья и мечи въ заступы и грабли. Самые знаменитые шейхи считали за честь обрабатывать лично свои сады, а *кади* и *альфаки* спокойно наслаждались тѣнью въ своихъ виноградникахъ. Наконецъ, цѣлые племена, слѣдуя древней привычкѣ жителей пустыни, возобновляли кочевую жизнь бедуиновъ въ цивилизованной средѣ; занятые исключительно разведеніемъ стадъ, они, смотря по времени года, переходили изъ одной провинціи въ другую, кочуя вмѣстѣ съ стадами и отыскивая пастбища, которыя лѣтомъ засыхаютъ на равнинахъ и сохраняются въ горахъ» [1]).

Города были наполнены фабриками *шелковыхъ*, *бумажныхъ и шерстяныхъ тканей*. Арабы ввели въ Испаніи употребленіе индиги и кошенили, дорогія издѣлія изъ фарфора и раскрашенной глины и бумагу изъ тряпокъ. Они превосходно умѣли красить кожи и различныя матеріи. Кордовскія кожи и толедское оружіе прекрасной закалки имѣли всемірную извѣстность. Въ Толедо было около двухсотъ тысячъ жителей, въ Севильѣ — триста тысячъ и шестьдесятъ тысячъ ткацкихъ станковъ для однѣхъ только шелковыхъ матерій.

Испанія вела обширную торговлю не только съ Африкой, но и съ Азіей и съ Восточной имперіей. Изъ странъ, лежащихъ по берегамъ Дуная, она вывозила множество невольниковъ, въ которыхъ нуждались арабскіе калифы и шейхи. Калифы Кордовы, по примѣру калифовъ Багдада, содержали большой флотъ, въ которомъ насчитывалось болѣе тысячи торговыхъ кораблей.

Кордовскіе калифы были вѣротерпимы по отношенію къ христіанамъ, которые, платя подати, могли исповѣдывать свою религію, но они особенно покровительствовали евреямъ, народу семитической расы, религія которыхъ была ближе къ мусульманской. Евреи завладѣли почти всей торговлей Испаніи, въ особенности, торговлей драгоцѣнными металлами.

Несомнѣнно, что первые калифы хотѣли ограничить знаніе изученіемъ Корана, но они вовсе не были варварами въ той мѣрѣ, какъ это имъ приписывали, и Омаръ никогда не давалъ приказанія сжечь Александрійскую библіотеку. Аббасиды, и въ особен-

---

[1]) Зимнее время называлось *mesta*. Это названіе сохранилось въ Испаніи для обозначенія главнаго собранія, на которомъ устанавливаются передвиженія большихъ стадъ въ Эстремадурѣ. Въ Валенсіи уцѣлѣли до сихъ поръ преданія объ орошеніи и земледѣліи арабовъ. Земледѣлецъ знаетъ точный срокъ, когда вода достигнетъ его поля, нужное ему количество ея и время, въ теченіе котораго она останется у него; поэтому онъ своевременно открываетъ или закрываетъ затворъ шлюзовъ, заграждающихъ воду.

ности, *Гарунъ-аль-Рашидъ*, обязаны своею славой покровительствомъ наукѣ: Гарунъ путешествовалъ не иначе, какъ со свитою ученыхъ, сопровождавшихъ его даже на войну. Онъ желалъ, чтобы при каждой мечети находилась безплатная школа. *Аль-Мамунъ* приказывалъ отыскивать повсюду драгоцѣнныя рукописи и оплачивалъ переводы ихъ на вѣсъ золота. Десять тысячъ учениковъ обучалось въ одной только школѣ въ Багдадѣ.

У арабовъ была обширная поэтическая литература, хотя и напыщенная, но богатая образами, живая, веселая и легкая. У нихъ было много историковъ, разсказы которыхъ простодушны, безъискусственны, слишкомъ многословны, но поучительны, такъ какъ они проникнуты подробностями бытовой жизни. Особенно извѣстны *Амри* (IX в.), *Месоди* или *Масуди* (X в.), повѣствующій въ своей книгѣ, озаглавленной *Золотые луга*, о войнахъ Абдер-Рахмана III противъ христіанъ; *Ахмедъ-ель-Рази*, *Ибнъ-Гайянъ*, *Паскуаль Кордовскій* и др. Но всего болѣе арабамъ удавались сказки и романы, какъ, напр., своеобразное произведеніе *Тысяча и одна ночь*,—настоящее зеркало арабскаго общества. Въ *философіи* арабы ограничивались переводомъ Аристотеля, тонкій умъ котораго имъ нравился, но былъ, впрочемъ, далеко не вполнѣ понятенъ. Изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ толкователей Аристотеля надо упомянуть, главнымъ образомъ, *Авицену* (XI в.), *Аверроеса* Кордовскаго (XII в.) и *Газали* (XIV вѣка).

«Всей этой литературѣ не доставало жизни, т. е. свободы. Не слѣдуетъ вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ оріенталистовъ, будто въ то время у арабовъ были ораторы, равные Демосѳену: при калифахъ не могло быть ни одного великаго оратора, а въ академіяхъ Багдада и Куфы процвѣтало пустое и напыщенное краснорѣчіе, единственное, какое доступно рабскому народу. Эта литература лишена была во всемъ, что̀ не было игрой воображенія, возвышенности и энергіи, но она отличалась блестящей поэзіей и искусными формами.

«...Существуетъ каталогъ, составленный ученымъ Иріартэ. При просмотрѣ этого каталога, поражаетъ громадное число арабскихъ авторовъ, родившихся въ Испаніи, и множество трудовъ по философіи, поэзіи, краснорѣчію, промышленнымъ искусствамъ и земледѣлію, остающихся погребенными въ библіотекахъ Эскуріала, нѣкогда представленныхъ королямъ Гренады и Кордовы... Въ X вѣкѣ, Гербертъ, ученый, учившійся въ монастырѣ Орильяка, желая расширить свои познанія и проникнуться глубже искусствами Востока, отправился въ Толедо. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ изучалъ тамъ математику, астрологію и магію, подъ руководствомъ арабскихъ ученыхъ. Изъ арабской школы вышелъ одинъ изъ римскихъ первосвященниковъ!

«...Какова же была тогда эта арабская поэзія? Утонченная и страстная, какъ Востокъ, воинственная, какъ исламъ при своемъ зарожденіи, она не вдавалась въ длинные разсказы; для этого у нея не доставало терпѣнія. Это была поэзія лирическая. *Газель* и *кассида* были ея любимыми формами. Названіе газели, повидимому, рисуетъ намъ эту стройную и граціозную поэзію; по формѣ ничто

не напоминаетъ болѣе любовныхъ пѣсенъ Прованса. У арабовъ нѣтъ драматическихъ поэмъ. Геній ихъ чисто сказочный и склонный къ чудесному; впрочемъ, въ ихъ поэтическихъ произведеніяхъ можно найти нѣсколько образцовъ діалога или разсужденія между поэтомъ и несчастнымъ любовникомъ или между двумя поэтами соперниками; то же самое встрѣчается въ такъ-называемыхъ *tensons* провансальцевъ.

«Другой элементъ новѣйшей поэзіи, *риѳма*, зародился на Востокѣ... По словамъ оріенталистовъ, если не всѣ поэтическія произведенія арабовъ, то большая часть ихъ, имѣютъ риѳмы; эта риѳма иногда простое созвучіе, а часто бываетъ полной, удвоенной, смѣшанной; арабская поэзія, столь смѣлая въ своихъ образахъ, столь пылкая и прихотливая, до нельзя выработанная, симметрична и искусна въ своихъ формахъ». [1])

Громадное пространство арабскаго государства благопріятствовало успѣхамъ *географіи*. Аль-Хакемъ II велѣлъ сдѣлать статистическое описаніе Испаніи. *Эбризи* (XII в.) изготовилъ для Роджера II Сицилійскаго небесный глобусъ изъ серебра и написалъ обширную географію, которая дошла до насъ только въ сокращеніи. *Абуль-Феда* (XIII и XIV в.в.) писалъ также любопытные географическіе трактаты.

Но на общую цивилизацію арабы мало оказали вліянія своими собственными произведеніями; главная заслуга ихъ заключается въ томъ, что они сохранили и распространили въ своихъ переводахъ произведенія древнихъ. Они послужили соединительной чертой между древнимъ міромъ и средними вѣками, такъ какъ, въ дѣйствительности, европейскіе народы познакомились, только благодаря арабамъ, съ произведеніями Аристотеля и греческихъ писателей. Они перенесли также въ Европу преданія внутренней Азіи и этимъ еще болѣе сблизили Востокъ съ Западомъ.

Въ наукахъ арабы преуспѣвали, во всякомъ случаѣ, болѣе, чѣмъ въ литературѣ. Безъ сомнѣнія, они заимствовали у Аристотеля его *Естественную исторію*, но разработали ее. трудами своихъ изслѣдователей. Будучи для того времени превосходными *врачами*, они усовершенствовали медицину. задержанную въ своемъ развитіи у грековъ. Въ одномъ Багдадѣ насчитывалось 860 врачей; христіанскіе государи ѣздили совѣтоваться съ Кордовскими медиками. Арабы узнали многія цѣлебныя свойства растеній, и ихъ ученіе о лѣкарствахъ было разумнѣе, чѣмъ ихъ врачебное искусство.

Народъ этотъ, обладавшій живымъ воображеніемъ, былъ склоненъ и къ изученію предметовъ отвлеченныхъ; онъ доказывалъ это своимъ пристрастіемъ къ Аристотелю. *Ариѳметика* обязана арабамъ важными успѣхами: если они и не изобрѣли сами, то передали намъ *цифры*, которыми мы пользуемся для счисленія и которыя замѣнили столь неудобные римскіе знаки. *Алгебра* была также арабской наукой, на что указываетъ ея названіе (аль-джеберъ). Арабы переводили труды Архимеда и греческихъ

---

[1]) Villemain, *La littérature au moyen âge*, leçon IV.

геометровъ. Прочность и размѣры ихъ зданій указываютъ, что они должны были имѣть значительныя познанія въ геометріи и механикѣ; они разработывали и *тригонометрію*. Унаслѣдовавъ азіатскія суевѣрія, они предались изученію *астрологіи*, которая, впрочемъ, привела ихъ къ астрономіи. Они переводили труды грека Птоломея. Ими были опредѣлены косвенное положеніе эклиптики, годовое движеніе равноденствій и продолжительность тропическаго года. Подъ покровительствомъ Аль-Мамуна, былъ измѣренъ градусъ меридіана, два раза на равнинахъ Синжара, затѣмъ на равнинахъ Куфы, и опредѣлена окружность земли въ 24.000 миль или 9.000 французскихъ льё. Арабы строили обсерваторіи; одною изъ нихъ была прекрасная башня Жиральда въ Севильѣ; ихъ обсерваторіи встрѣчались даже въ Туркестанѣ и въ Самаркандѣ.

Химія получила свое названіе отъ арабовъ (*аль-кимійя*). Эта наука, вполнѣ принадлежащая нашему времени, не могла развиваться тогда потому, что арабы думали лишь о превращеніи металловъ, о философскомъ камнѣ и объ элексирахъ, могущихъ сдѣлать человѣка безсмертнымъ. Распространившись въ Европѣ въ средніе вѣка, эта тайная наука была названа *алхиміей* народами, незнакомыми съ арабскимъ языкомъ и сливавшими членъ *аль* со словомъ *кимійя*. Мы сохранили эту ошибку для обозначенія фантастическихъ опытовъ *алхиміи*, но отличаемъ настоящую науку, отбрасывая арабскую частицу *аль*, и говоримъ просто *химія* [1]).

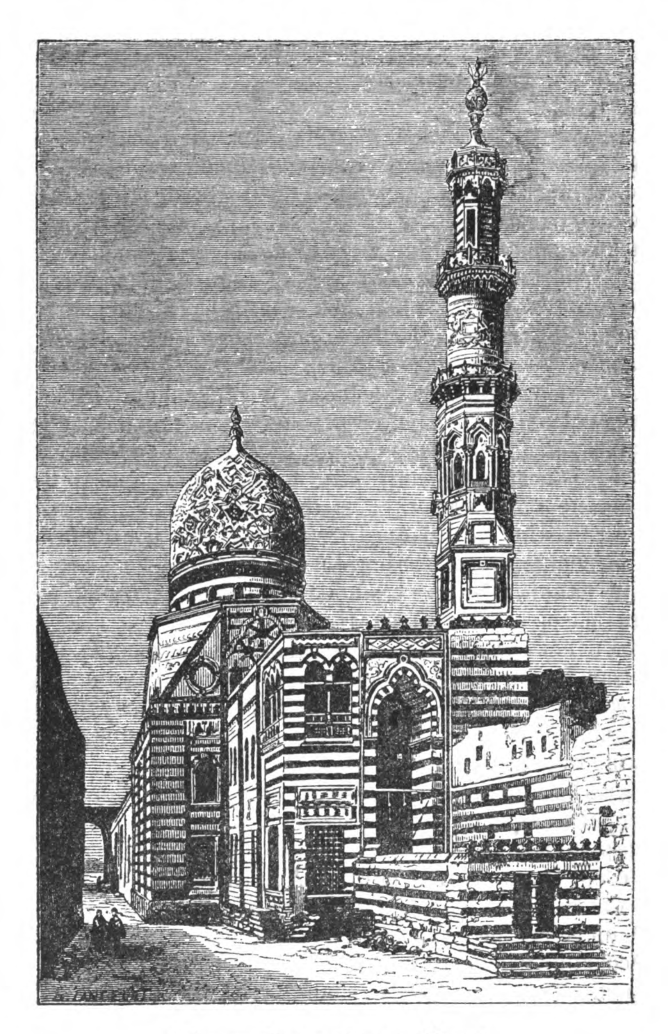
Если бы не было строгаго запрещенія Магомета—изображать человѣка и животныхъ, арабы, безъ сомнѣнія, воспользовались бы своимъ умственнымъ развитіемъ и воображеніемъ для искусства живописи и ваянія. Они ограничились *архитектурой*, въ которой и достигли высокаго совершенства.

Въ этомъ искусствѣ арабы подражали не древнимъ грекамъ, а грекамъ византійскимъ. Они воспользовались сводами византійскихъ базиликъ, строя ихъ еще ниже, съ цѣлью дѣлать внутренность зданія прохладной, болѣе закрытой отъ солнечныхъ лучей. Въ мечетяхъ съ толстыми стѣнами и крышами не было смѣлыхъ куполовъ, но внутренность зданія изобиловала колоннами и украшеніями, мозаикой и раскрашенной лѣпной работой. Дворцы еще тяжелѣе мечетей: ихъ наружный видъ и стѣны напоминаютъ крѣпости. Все ихъ великолѣпіе сосредоточивается внутри. Арабы измѣнили римскія арки; ихъ арка была раздѣлена на нѣсколько частей и *изрѣзана*, что́ придавало ей несравненную легкость. Фигура въ видѣ *трилистника* присоединяла свои красивыя очертанія къ правильному изгибу арки. Разнообразіе и изящество преобладаютъ въ этой причудливой архитектурѣ. Эти каменные фестоны украшались множествомъ рисунковъ, сохранившихъ свое названіе *арабесокъ*, къ которымъ присоединялись еще листья и цвѣты; стѣны покрывались эмалью и бѣлымъ и голубымъ фаянсомъ (azulejos). Извилистыя письмена, вырѣзанныя золотомъ на черномъ фонѣ, служили также украшеніемъ; надписи дополняли эти разнообразные орнаменты.

---

[1]) Многія слова, употребляемыя въ химіи, сохранили свое произношеніе вмѣстѣ съ членомъ—алкоголь, алькали и т. п.

Мечеть Омара въ Іерусалимѣ (VII в.) была однимъ изъ первыхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ арабами, которые покрыли стѣны ея четвероугольниками голубой эмали и богато украсили ее колоннами, похищенными изъ церквей Виѳлеема и Св. Гроба Господня. Въ Египтѣ, городъ Каиръ былъ украшенъ великолѣп-



Мечеть Каитъ-Бея въ Каирѣ.

ными мечетями, каковы, напр., мечети *Эбн-Тулуна* (IX в.), *Эль-Ахзара* (X в.) съ четырьмя стами древнихъ колоннъ, *Хакема* (XI в.) и *Гассана* (XIV в.). Усыпальницы царственныхъ династій въ Каирѣ были собраніемъ дворцовъ и мечетей; среди этихъ послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить мечеть *Каитъ-Бея* (XV в.) наиболѣе строгаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящнаго стиля.

Оммайяды въ Испаніи также оставили величественныя свидѣтельства своей славы. *Кордовская мечеть*, оконченная лишь въ концѣ X вѣка, была для арабовъ тѣмъ же, чѣмъ былъ храмъ св. Софіи для византійскихъ грековъ. Башни городскихъ стѣнъ Севильи были украшены рядами кирпичей, цѣпями бѣлыхъ камней и арабскими надписями. Севильскій *Альказаръ* (al-kasar, дворецъ) представляетъ цѣлый рядъ садовъ и залъ со стѣнами, покрытыми фаянсами и украшенными арабесками, съ мраморными колоннами, съ арками, изрѣзанными выступами, и красивыми куполами въ видѣ половины апельсина.

Альказаръ принадлежитъ къ послѣднему періоду мавританскаго владычества, такъ же, какъ и *Альгамбра*, самый знаменитый изъ арабскихъ памятниковъ. Крѣпость, стѣны которой имѣютъ не менѣе мили въ окружности и которая и теперь еще внушительно возвышается надъ «вегою» Гренады, Альгамбра внутри—чудесные чертоги, представляющіе самыя разнообразныя перспективы перемѣшивающихся дворовъ, комнатъ и залъ, украшенія которыхъ не поддаются никакому описанію. Въ особенности тамъ поражаетъ *Дворъ львовъ*, прямоугольникъ въ 150 квадр. саженъ, окруженный галлереей изъ легкихъ колоннъ. Повсюду украшенія въ видѣ фестоновъ, тонко вырѣзанныхъ изъ камня и покрытыхъ арабесками; повсюду богатое сочетаніе изящества, гармоніи и блеска; вездѣ фаянсы, покрытые всевозможными красками, мозаики, кажущіяся коврами, вырѣзки въ видѣ листьевъ на окнахъ, пропускающія, сквозь рисунокъ, смягченный свѣтъ, розетки, банты, зигзаги, надписи, затѣмъ водоемы и бассейны, поддерживавшіе постоянную прохладу въ этихъ обширныхъ залахъ. Мрамора, впрочемъ, въ Альгамбрѣ немного; кирпича, гипса и штукатурки было достаточно, чтобы построить этотъ единственный въ своемъ родѣ дворецъ, въ которомъ арабскіе повелители послѣднихъ временъ скрывали свою изнѣженность и причудливую тиранію.

Тиранія! Это слово заключаетъ въ себѣ крайнее выраженіе и въ то же время осужденіе арабской цивилизаціи, напоминающей не однимъ только именемъ древнія цивилизаціи Востока. Несомнѣнно, религія арабовъ стояла значительно выше религій языческихъ народовъ и африканскихъ ордъ. Но эта религія не благопріятствовала свободному развитію способностей человѣка; чтобы покровительствовать наукамъ и смягчать общественные нравы, калифы должны были искажать смыслъ текстовъ Корана. Какъ только сильная рука Гаруновъ и Аль-Хакемовъ перестала поддерживать науку, послѣдняя быстро склонилась къ упадку.

Эта цивилизація, впрочемъ, была весьма поверхностной; она всего болѣе жила заимствованіями у Китая, Индіи и Византійской имперіи. Она была не долговѣчна, какъ всякое подражаніе, и, подобно скороспѣлымъ растеніямъ, быстро увяла. Число арабскихъ поэтовъ и ученыхъ на первыхъ порахъ было слишкомъ велико, и вскорѣ въ этой націи явились признаки истощенія. Арабы, кромѣ того, почти въ самомъ началѣ вдались въ утонченность и напыщенность; они не умѣли подчинять свою пылкость разсудку.

Слѣдуетъ прибавить, что арабскій геній сдѣлался жертвою

своихъ собственныхъ завоеваній. Арабы основали обширное государство, но они не были народомъ, достаточно многочисленнымъ, чтобы сохранить свое владычество. Туземцы Африки задушили своимъ варварствомъ нѣжный цвѣтокъ арабской цивилизаціи, попранный, кромѣ того, турками, другими варварами, пришедшими изъ центральной Азіи.

Во всякомъ случаѣ, арабы въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ играли замѣчательную роль въ исторіи цивилизаціи. На нѣкоторое время они подняли страны Востока и заставили процвѣтать Испанію. Они распространили свѣтъ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Азіи. Они внесли въ Европу драгоцѣнныя знанія, которымъ предстояло оказать Западу огромную пользу. Воины и торговцы, поэты и ученые, они, на огромномъ пространствѣ, развивали свою плодотворную дѣятельность. Царство ихъ разрушилось, литературная слава ихъ затмилась, но арабы, тѣмъ не менѣе, гордятся своимъ прошлымъ величіемъ, и, быть можетъ, оно просуществовало бы дольше, если бы они не были поглощены другими народами, еще менѣе поддававшимися истинной цивилизаціи.

Въ особенности поражаетъ насъ значеніе, доставшееся на долю ихъ религіи, столь несовершенной. Она вполнѣ овладѣла народами, принявшими ее. Мусульманъ невозможно обратить въ христіанство; они привержены къ своей вѣрѣ съ упорствомъ, приводившимъ въ отчаяніе самыхъ неутомимыхъ миссіонеровъ.

Правила этой религіи исполняются всѣми ея послѣдователями искренно и усердно. Правда, обряды ея просты, и она не требуетъ, чтобы душа подчиняла себѣ тѣло. Религія Магомета до сихъ поръ насчитываетъ сотни милліоновъ послѣдователей и раздѣляетъ съ христіанствомъ цивилизованный міръ; этотъ раздѣлъ стоилъ усиленной борьбы, такъ какъ въ средніе вѣка происходила великая война между магометанствомъ и христіанскою религіей, цивилизаціей Сѣвера и цивилизаціей Юга.

ГЛАВА IV.

ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА.

Распаденіе имперіи Карла Великаго. — Феодализмъ. — Происхожденіе феодализма.—Подчиненность земель; Мерсенскій эдиктъ (847).--Наслѣдственность общественныхъ должностей; эдиктъ въ Кьерси-на-Уазѣ (877). — Общественное устройство; дворянство.—Духовенство.—Низшіе классы.—Политическое разложеніе; феодальное государство.—Феодальная администрація, армія, правосудіе, финансы.—Повсемѣстное разложеніе общества.—Дѣятельность и независимость феодаловъ.—Недостатки феодальнаго строя.

Въ IX вѣкѣ міръ былъ раздѣленъ на три царства: арабское, Византійскую имперію и франкскую имперію Карла Великаго. Въ дѣйствительности, существовало два рѣзко разграниченныхъ общества: мусульманское и христіанское. Первое, столь блестящее, вскорѣ должно было придти къ упадку; его религія и характеръ составлявшихъ его расъ обрекали его на полную неподвижность.

Въ настоящее время мусульманскій міръ стоитъ гораздо ниже христіанскаго, и послѣдній составляетъ образованный міръ. Слѣдовательно, намъ предстоитъ прослѣдить въ особенности его превращенія и успѣхи.

Въ IX и X вѣкахъ нельзя было предвидѣть этихъ успѣховъ. Порядокъ, временно установившійся при Карлѣ Великомъ, вскорѣ исчезъ, и его имперія быстро распалась.

Раздѣленная, сперва Людовикомъ Добрымъ, а затѣмъ его сыновьями на три части, имперія Карла Великаго подверглась въ то же время новому вторженію, нашествію *норманов*. Сухимъ путемъ варвары не могли проникнуть туда: они избрали морской путь. Воспользовавшись смутами, происшедшими вслѣдствіе ссоры сыновей Людовика Добраго, они опустошали берега, проникали чрезъ устья рѣкъ и по ихъ притокамъ, внутрь страны, такъ сказать, по всѣмъ ея артеріямъ. Ихъ набѣги присоединились къ безпорядкамъ междоусобныхъ войнъ, и всѣ эти смуты облегчили *захватъ власти вассалами*, не хотѣвшими болѣе признавать королевской власти. Такимъ образомъ, распаденіе имперіи Карла Великаго увеличивалось все болѣе и болѣе; въ 843 г. Верденскимъ трактатомъ имперія была раздѣлена на три части; въ 887 г. этихъ частей уже было семь, и даже девять. Затѣмъ, въ каждомъ изъ государствъ, образовавшихся изъ этого раздѣленія, продолжалось дробленіе въ такой мѣрѣ, что имперія распалась на тысячи частей, и образовалось общество, раздѣленное до безконечности, получившее названіе феодальнаго общества.

Слово феодализмъ происходитъ отъ германскаго слова *феодъ* [1]) (ленъ). Обозначало-ли это слово жалованье, награду, или же вѣрность, подъ этимъ терминомъ въ средніе вѣка подразумѣвалась совокупность законовъ и обычаевъ, происходившихъ отъ системы *леновъ. Феодализмъ было политическое и общественное состояніе, которое установилось во Франціи и Западной Европѣ между IX и XI вѣками, развилось въ XII, дошло до извѣстнаго блеска въ XIII и склонилось къ упадку въ XIV вѣкѣ.* Изъ этого хаотическаго общества выдѣлилось общество новаго времени.

Своеобразное общество, не имѣвшее подобія въ древности, хотя нѣкоторые и видятъ его въ Спартѣ, сохранило наименованіе *феодальнаго.* Основою его былъ ленъ (древняя бенефиція) на условіи подчиненія правящему лицу. Ленъ былъ основою этого подчиненія и источникомъ власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимости: онъ связывалъ собственниковъ между собою и съ королемъ. Ленъ былъ исходной точкой всѣхъ обязательствъ, основаніемъ всѣхъ договоровъ и началомъ всѣхъ обязанностей; въ немъ заключалась такая сила, что люди того времени не допускали ничего внѣ предѣловъ ленныхъ правилъ и законовъ. Всѣ отношенія превратились въ отношенія феодальныя; всѣ права стали ленными и вытекали изъ обяза-

---

[1]) Происхожденіе слова feod объясняется двумя способами. По мнѣнію Кюжаса, это—измѣненіе слова *fides* (вѣрность); по мнѣнію нѣмецкихъ авторовъ, оно происходитъ отъ *fe* или *fee*—жалованье, награды, и *od*—собственность, владѣніе; такимъ образомъ feodum означаетъ собственность. данную въ награду. Это слово появляется впервые въ хартіи Карла Толстаго 854 года.

тельствъ, которыми человѣкъ отдавалъ себя другому, обѣщая ему вѣрность, не утрачивая при этомъ ни свободы, ни достоинства, и даже гордясь зависимостью, доказывавшей лишь цѣнность его вѣрности и его услугъ.

Это было полнымъ торжествомъ германскихъ идей. Онѣ подавили римскія идеи и превратили преданность воиновъ своимъ вождямъ въ общественную связь. Римъ и древній міръ всего болѣе укрѣпили понятіе о государствѣ; въ средніе вѣка это понятіе исчезло. Значеніе отдѣльнаго лица и личное отношеніе его къ своему вождю стали настоящей основой феодальнаго общества. Новое общество среднихъ вѣковъ, противуположно древнему, признавало только личные законы, интересъ отдѣльнаго лица и волю этого лица, повиновавшагося лишь вождю, избранному имъ самимъ, и даже чаще противившагося, чѣмъ повиновавшагося ему. Тогда образовалось общество, составленное изъ множества маленькихъ отдѣльныхъ обществъ, слабо соединенныхъ между собою связью, порывавшеюся ежеминутно; оно состояло изъ королевствъ, включавшихъ въ себѣ сотни другихъ. Неограниченная власть принадлежала въ немъ не одному лицу, даже не одной корпораціи лицъ высшаго происхожденія, а тысячѣ властителей, непосредственно проявлявшихъ ее на извѣстной ограниченной власти территоріи; господства ихъ было тѣмъ труднѣе избѣжать, чѣмъ ближе оно было къ тѣмъ, на кого распространялось его давленіе.

Это странное общество, возникшее вслѣдствіе захватовъ власти и насилій, имѣло, однако, своихъ теоретическихъ защитниковъ, своихъ законовѣдовъ и даже своихъ поэтовъ. У него была своя литература и архитектура. Въ теченіе вѣковъ оно настолько господствовало надъ Западной Европой, что его необходимо понять съ полною ясностью, чтобы прослѣдить развитіе новѣйшихъ государствъ

«Феодальные законы,—говоритъ Монтескьё, — представляютъ величественное зрѣлище. Поднимается старинный дубъ, листва котораго видна издалека; съ приближеніемъ къ нему, замѣтенъ только стволъ, но нельзя видѣть корней; чтобы найти ихъ, надо взрыть землю». Дѣйствительно, надо обратиться за нѣсколько вѣковъ назадъ до установленія феодализма, чтобы найти его элементы и корни, хотя и нѣтъ надобности искать ихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, въ римскомъ обществѣ. Безъ сомнѣнія, въ послѣднія времена Римской имперіи дворянство увеличилось всѣми должностными лицами, и титулы сановниковъ, созданные Константиномъ, должны были навсегда упрочиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличилось значеніе крупной земельной собственности, поглощавшей мелкую и собственники обширныхъ владѣній пріобрѣли надъ своими поселенцами и рабами настоящую власть, юридическое право. Но каково бы ни было значеніе земельной собственности, называвшейся тогда *временною* и удерживавшейся на извѣстныхъ условіяхъ, оно еще не было феодализмомъ.

Феодализмъ произошелъ отъ лена, а ленъ былъ ничто иное, какъ древняя бенефиція Меровинговъ. Это была земля, уступав-

шаяся подъ условіемъ, чтобы тотъ, кто ее получаетъ, обязался вѣрностью тому, кто ее даетъ. Являясь наградой услугъ, уже оказанныхъ, и залогомъ послѣдующихъ услугъ, земля стала могущественной связью между древними воинами германскаго отряда. Земля была единственнымъ капиталомъ, единственнымъ богатствомъ въ эпоху, когда римская промышленность исчезла; она оказывала неодолимую притягательную силу на всѣхъ, требовавшихъ отъ королей обширныхъ владѣній, чтобы жить въ нихъ широкою жизнью со своими спутниками, и не желавшихъ возвращать того, что было дано имъ лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Феодализмъ произошелъ отъ этихъ захватовъ земельной собственности, отъ личныхъ стремленій франкскихъ вождей, которые вели неустанную борьбу, желая превратить бенефиціи въ неотъемлемую собственность и оставить своимъ семьямъ земли, уступленныя на время.

Аллоды, свободныя земли, все болѣе и болѣе уменьшались въ числѣ, вслѣдствіе захватовъ, сдѣлавшихся возможными, благодаря общему безпорядку послѣ смерти Карла Великаго, и облегчавшихся набѣгами норманновъ и постройкою замковъ. Окончательное уничтоженіе свободной собственности произошло путемъ, такъ называемой, *рекомендаціи*. Бѣдность принуждала многихъ мелкихъ собственниковъ отдавать свои земли болѣе богатому и сильному сосѣду, чтобы получать ихъ отъ него въ видѣ лена и пріобрѣтать въ немъ покровителя. Карлъ Лысый поощрялъ и даже сдѣлалъ обязательной эту рекомендацію *Мерсенскимъ эдиктомъ* (847 г.), вынуждая свободныхъ людей выбирать себѣ *сеньёра*.

Настоящій собственникъ зависѣлъ теперь отъ того, кто прежде получалъ простое право пользованія его землею. Собственникъ бенефиціи, прежде, лишь временно владѣя ею сдѣлался настоящимъ владѣльцемъ, а тотъ, кто нѣкогда имѣлъ несомнѣнно принадлежавшую ему землю, теперь только пользовался ею, потому что уступилъ сеньёру право собственности. Земли, кромѣ того, зависѣли одна отъ другой, такъ же, какъ и лица. Старинная общественная лѣстница, установленная таксой wergeld'а, укрѣпилась, такъ сказать, превратившись въ градацію земель. Она стала наглядной, и неравенства земель воспроизводили неравенства лицъ, закрѣпляя ихъ.

И, что было еще страннѣе—въ силу отождествленія земли съ тѣмъ, кто владѣлъ ею или обработывалъ ее, земля различалась по достоинству владѣльцевъ. Смотря по тому, принадлежала ли она сеньёру или находилась въ пользованіи крестьянина (вилана), она называлась дворянской или крестьянской. Крѣпостничество, такъ же, какъ и дворянство, связывалось теперь съ полемъ. Хлѣбные посѣвы, виноградники, луга носили, такъ сказать, отпечатокъ знатности или низменности своихъ владѣльцевъ, хотя они цвѣли подъ однимъ и тѣмъ же солнцемъ и одинаково очаровывали или радовали взоръ.

Каково бы ни было неравенство между собственниками земли, оно не могло вліять на политическій порядокъ, если существовала центральная власть, которой всѣ повиновались одинаково. Такъ

оно и было при Меровингахъ и при самыхъ могущественныхъ государяхъ Каролингской фамиліи. У земли являлись различные собственники, но это нисколько не мѣшало уваженію и повиновенію такому государю, какъ Карлъ Великій. Тѣмъ не менѣе, совершился весьма важный фактъ: центральная власть ослабѣла, королевское достоинство было уничтожено расточительностью и вынуждено было уступать не только свои владѣнія, но и свои права.

Въ междоусобныхъ войнахъ, ознаменовавшихъ царствованія Людовика Добраго и его сыновей, повиновеніе вассаловъ настолько ослабѣло, что Карлъ Лысый, играя словами, называлъ своихъ слугъ вмѣсто *вѣрныхъ—невѣрными*. Въ 877 г. капитуларіемъ въ Кьерси на Уазѣ, значеніе котораго напрасно отрицается теперь, этотъ король, желая увлечь за собою своихъ сеньёровъ въ Италію, постановилъ, что вѣрному герцогу или графу будетъ наслѣдовать въ томъ же достоинствѣ его сынъ. Однимъ словомъ, общественныя должности сдѣлались наслѣдственными. Служебныя обязанности, съ которыми при Карлѣ Великомъ связывалась идея власти, исходящая отъ короли, становились своего рода собственностью. *Провинціи* сдѣлались *ленами*, потому что герцоги и графы, возвращая себѣ свободу, не отказывались признать, что ихъ власть надъ этою областью дарована имъ королемъ. Они становились во главѣ сеньёровъ своихъ провинцій и дополняли мѣстную іерархію, управляя ею. Они сохранили *королевскія права*, какія были ввѣрены имъ въ силу ихъ назначенія. Они оставались вождями, но уже за свой личный счетъ. Административное назначеніе прекратилось и осталась только власть. Герцоги и графы управляли не для королей, а для самихъ себя, и сдѣлались королями.

Такимъ образомъ, выше собственниковъ аллодовъ стояли владѣльцы бенефицій, а надъ тѣми и другими—герцоги и *великіе вассалы* короля. Внизу лѣстницы, надъ этими классами, были соотвѣтственныя ступени; за свободными людьми шли арендаторы, личность и имущество которыхъ были свободны, но земли которыхъ были обременены податями; за ними слѣдовали прежніе колоны, зависимость которыхъ отъ владѣльца усилилась и, наконецъ, *крѣпостные*, привязанные къ землѣ.

Изъ феодальнаго хаоса выдѣлились три большихъ класса—*дворянство*, *духовенство и народъ*, которымъ предстояло дожить до современной намъ эпохи со своими неравными правами и со своимъ соперничествомъ. Форма, отлившись въ которую европейское общество продержалось въ теченіе восьми вѣковъ, была найдена.

Дворяне, гордые своими земельными владѣніями, своей силой и мужествомъ, составляли классъ болѣе надменный, чѣмъ древняя аристократія. Владѣющіе землей и людьми, вооруженные правами суда, войны и финансовъ, не считая множества другихъ правъ насильственнаго или своеобразнаго характера, они представляются намъ какъ будто людьми другой расы. Ученые прошлаго столѣтія усиливались даже видѣть въ учрежденіи дворянства послѣдствія завоеванія, навсегда поставившаго франковъ выше угнетенныхъ римлянъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія философіи.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Лесажъ. «Тюркаре», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. *А. Курсинскій.* «I. Полутѣни, стихотворенія. II. Изъ Томаса Мура».

Лесажъ. «Тюркаре», ком. въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ г-жи Шерстобитовой подъ редакціей и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Изд. Ледерле. С.-Петербургъ. 1895 г. Цѣна 40 к. Ни одинъ жанръ современной художественной литературы не подвергается столь рѣзкимъ и въ то же время справедливымъ нареканіямъ, какъ драматургія. И эти нареканія краснорѣчивѣйшимъ образомъ подтверждаются ежедневно. Въ наши дни относительно современныхъ драмъ и комедій наблюдается совершенно исключительное явленіе—полное единодушіе литературной критики и театральной публики. На какомъ же уровнѣ должно стоять произведеніе, чтобы самый нетребовательный, чаще всего безсознательный вкусъ совпалъ съ дѣйствительно-художественными идеями! И горе въ томъ, что и конца не предвидится этому порядку вещей. Остается развѣ разсчитывать на появленіе какого-нибудь необыкновеннаго таланта: но это—вопросъ, выходящій за предѣлы человѣческихъ соображеній. Единственное спасенье—старая литература. Она для насъ—то же, чѣмъ часто бываютъ добрыя *молодыя* воспоминанія изъ лучшаго прошлаго. Они при благопріятныхъ условіяхъ способны оказать на черствую душу изжившаго человѣка несравненно болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ какія угодно краснорѣчивыя поученія и доводы. А если эта старая литература, помимо художественной красоты, еще полна жизненнаго историческаго смысла,—говоритъ о стародавней борьбѣ лучшихъ людей за правду и истину, за мертвыми страницами рисуетъ мужественный образъ общественнаго дѣятеля!..

Именно такова пьеса Лесажа. Именно ей выпала съ самаго начала рѣдкая доля—служить одновременно превосходной исторической иллюстраціей нравовъ эпохи, сатирой на неумирающіе човѣческіе пороки и источникомъ того благороднаго смѣха, о которомъ мечталъ геніальный авторъ русской, столь же безпощадной и столь же спокойно-художественной общественной сатиры.

Тюркаре имѣетъ за собой длинную исторію: она въ общихъ чертахъ разсказана въ предисловіи къ русскому переводу. Французы до послѣдняго времени не перестаютъ интересоваться новыми документами къ этой исторіи. Давно рѣшивъ, что никакіе критическіе и литературные разборы не прибавятъ ничего новаго къ давнишнимъ восторгамъ предъ комедіей Лесажа, они подвергаютъ ее научно-историческому изслѣдованію, какъ точный документъ, и успѣли до сихъ поръ вокругъ чуть ли не каждой мелкой черты комедіи сплотить множество бытового и культурнаго матеріала изъ эпохи Людовика XIV.

Изъ старыхъ мемуаровъ и оффиціальныхъ записокъ возсталъ длинный рядъ прообразовъ героя нашей комедіи. Постепенно выяснялось, что почти чуть ли не всякая сцена основана или на дѣйствительномъ фактѣ, или на литературномъ источникѣ. Особенную большую услугу оказали Лесажу памфлеты, цѣлой тучей предшествовавшіе его произведенію. Самый рѣзкій и остроумный изъ нихъ носилъ названіе *Новая общественная школа финансовъ* (*Nouvelle école publique des finances ou l'Art de voler sans ailes*). Памфлетъ вышелъ вторымъ изданіемъ одновременно съ пьесой Лесажа и съ страшной силой поименно клеймилъ современныхъ финансистовъ. Иныя выраженія напоминаютъ послѣдовавшія много лѣтъ спустя демократическія нападки вообще на привилегированныхъ. Слѣдовательно, насколько строго касался онъ общественнаго мнѣнія, Лесажъ являлся только его краснорѣчивымъ выразителемъ. Но противъ автора была едва ли не самая грозная для драматурга сила-актера. Въ прошломъ вѣкѣ они рѣже всего стояли на уровнѣ благородныхъ общественныхъ теченій, во всякую минуту готовы были принести въ жертву какого угодно автора и какое угодно произведеніе капризу перваго вліятельнаго и просто богатаго покровителя. Разнымъ Тюркаре ничего не стоило повліять на артистическую «компанію» и потребовался приказъ принца, чтобы побудить актеровъ сыграть пьесу. Этотъ приказъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ XVIII вѣка, въ архивѣ французскаго театра онъ не сохранился, но дошелъ до насъ въ копіи, сдѣланной старинными историками театра—братьями Парфэ. Имя принца въ точности неизвѣстно; есть основанія предполагать, что приказъ принадлежалъ герцогу Бургонскому и состоялся подъ вліяніемъ знаменитаго Фенелона, ожесточеннѣйшаго врага откупщиковъ: онъ предполагалъ просто довести ихъ до банкротства, отнявъ у нихъ главнѣйшіе источники дохода на основаніи церковнаго запрещенія роста. Такимъ образомъ поэты шли однимъ путемъ съ симпатичнѣйшимъ представителемъ духовенства и литературы въ эпоху Людовика XIV.

Въ предисловіи г. В. Острогорскаго указана общая исторія типа Тюркаре. Можно бы было пополнить эти указанія многочисленными частностями, прямо заимствованными Лесажемъ у другихъ авторовъ. Напримѣръ, въ комедіи Данкура—*Le Retour des officiers* на сценѣ та же самая комбинація дѣйствующихъ лицъ и эпизодовъ, какая растраиваетъ планы Тюркаре на счетъ баронессы. У Данкура откупщикъ мечтаетъ жениться на знатной ба-

рынѣ, но планы разбиваетъ его братъ, играющій роль, аналогичную роли сестры Тюркаре. Онъ мститъ своему брату-богачу за жестокое отношеніе къ его благосостоянію, и во всеуслышаніе выдаетъ его низкое происхожденіе.

Но всѣ подобныя заимствованія, конечно, нисколько не отнимаютъ у автора чести—считаться оригинально-художественнымъ живописцемъ нравовъ. Это доказывается самой судьбой пьесы. Послѣ перваго представленія она прошла еще шесть разъ и была снята съ репертуара, безъ всякаго сомнѣнія, по интригамъ заинтересованныхъ лицъ. Актеры легко подчинились давленію уже потому, что авторъ менѣе всего способенъ былъ ухаживать за владыками сцены, что и доказалъ безпощадной насмѣшкой надъ ними въ своемъ романѣ. Долженъ былъ произойти извѣстный періодъ раньше, чѣмъ страсти улеглись, и въ 1830 году *Тюркаре* былъ возобновленъ, въ маѣ того года, въ теченіе двухъ недѣль имѣлъ девять представленій съ громадными сборами. Съ тѣхъ поръ пьеса не сходитъ съ французскаго репертуара. Искренне можно пожелать ея появленія на русскихъ сценахъ, тѣмъ болѣе, что она одобрена и цензурой и театрально-литературнымъ комитетомъ для репертуаровъ русскихъ театровъ.

А. Курсинскій. I. Полутѣни, стихотворенія. II. Изъ Томаса Мура. Москва. 1896 г. Тоненькая книжка стиховъ г. Курсинскаго раздѣлена на двѣ разнородныя половины: въ первой помѣщены оригинальныя стихотворенія, во второй—десятокъ переводныхъ изъ Томаса Мура. Эта вторая половина намъ кажется болѣе интересной уже потому, что воспроизводитъ (хотя и не въ удовлетворительныхъ переводахъ) образцы несомнѣнной поэзіи, между тѣмъ какъ къ стихотвореніяхъ первой половины названіе поэзіи съ трудомъ можетъ быть примѣнимо. Въ оригинальныхъ своихъ стихотвореніяхъ г. Курсинскій примыкаетъ къ все болѣе и болѣе увеличивающемуся сонму современныхъ стихотворцевъ, дарящихъ русскую публику то искусственно декадентскими chef d'œuvre'ами, то альманахными стишками, гдѣ на каждомъ шагу риѳмуютъ неизбѣжныя «слезы» и «грезы». Г. Курсинскій альмахный пѣвецъ въ духѣ сентиментальнаго романтизма — отклики декадентства лишь изрѣдка слышатся у него («Блѣдно-бѣлая пелена», «безотвѣтная улица» въ стихотвореніи, посвященномъ В. Брюсову и т. п.); вмѣсто погони за необычайными образами и передачи неуловимыхъ, чуждыхъ жизни настроеній, онъ воспѣваетъ «любви и счастія чертогъ», «міръ любви и счастья», «оковы грезъ», «власть упоенія» и т. д.—весь репертуаръ чувствительной альбомной поэзіи. Среди этихъ пошлыхъ перепѣвовъ встрѣчаются, однако, поэтическія строки, и рядомъ съ пустыми крикливыми пьесами, вродѣ терцинъ «Молчанье. Тьма», попадаются болѣе удачныя стихотворенія какъ «Береза». Въ общемъ, стихотворенія г. Курсинскаго не лишены нѣкотораго таланта, но подражательны по содержанію и обнаруживаютъ отсутствіе художественнаго вкуса въ авторѣ—характерно по своему безвкусію, напр., стихотвореніе «Хороводъ», гдѣ встрѣчаются риѳмы «балалайка» и «молодайка».

Въ небольшомъ примѣчаніи ко второй половинѣ книги г. Кур-

синскій заявляетъ, что, изучая англійскихъ романтиковъ, онъ, между прочимъ, перевелъ тѣ изъ стихотвореній Томаса Мура, которыя, по его мнѣнію, представляютъ болѣе нежели историко-литературный интересъ. Выбранныя переводчикомъ стихотворенія принадлежатъ къ лучшимъ изъ сборника Мура «Irish melodies» и интересны какъ образчики творчества сравнительно мало извѣстнаго поэта. Эпоха, представителемъ которой являвляется Томасъ Муръ въ англійской поэзіи, одна изъ самыхъ блестящихъ по обилію перво-классныхъ поэтовъ, и вліяніе творчества той поры особенно сильно въ настоящее время. Поэзія послѣднихъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ особенности англійская поэзія, прямо примыкаетъ къ традиціямъ романтической школы, создавшей въ Англіи культъ чистой красоты и свободы личности. Представители этой школы тщательно изучаются въ настоящее время въ Англіи, въ особенности двое—Шелли и Китсъ; Байрону Англія до сихъ поръ не можетъ простить его презрительнаго отношенія къ обществу и не признаетъ великаго поэта въ гордомъ атеистѣ. Къ этому же поколѣнію принадлежитъ и Томасъ Муръ, одинъ изъ созидателей «возрожденія» въ англійской поэзіи, спавшей мертвымъ сномъ въ творчествѣ холодныхъ риторовъ XVIII вѣка. Муръ, къ тому же, былъ самымъ старшимъ изъ названныхъ нами поэтовъ, и это обуславливаетъ его историко-литературное значеніе. Родившись въ 1779 г., онъ былъ на девять лѣтъ старше Байрона, на 13 лѣтъ старше Шелли и на 16 лѣтъ старше Китса, а между тѣмъ все то, что есть общаго въ творчествѣ этихъ поэтовъ, т. е. ихъ протестъ противъ условности ложно-классическихъ переживаній, ихъ тяготѣніе къ широкой непосредственной красотѣ свободныхъ чувствъ, ихъ стремленіе создать новый міръ красоты, яркой и полной жизненныхъ силъ—все это уже имѣется въ зачаткахъ у Томаса Мура. Вотъ почему такъ велика была его слава у современниковъ: Томасъ Муръ былъ смѣлымъ новаторомъ для своего времени: онъ ввелъ въ англійскую поэзію Востокъ съ его яркимъ колоритомъ и открылъ новый источникъ красоты въ національныхъ преданіяхъ; онъ сталъ стремиться къ мелодичности стиха и разнообразію поэтическихъ формъ. Все это было совершеннымъ откровеніемъ и объясняетъ обаяніе Томаса Мура въ глазахъ его современниковъ. Его превосходство надъ всѣми выступавшими въ то время поэтами казалось несомнѣннымъ при жизни Мура: когда, послѣ преждевременной смерти Байрона, Муръ издалъ его біографію и провозгласилъ его первенство, всѣ считали искреннее мнѣніе Мура только признакомъ его чрезмѣрной скромности и ставили біографа выше превозносимаго имъ поэта. Но Муръ оказался правымъ въ своемъ безпристрастіи и потомство подтвердило его литературныя сужденія. Муръ первый ввелъ нѣкоторые элементы въ англійскую поэзію, но въ разработкѣ ихъ его современники и непосредственные преемники оказались значительно выше по таланту и ихъ слава затмила болѣе блѣдное и тяжелое въ длинныхъ поэмахъ творчество Мура. За блескомъ и силой восточнаго элемента у Байрона исчезаетъ искусственный условный Востокъ въ «Лалла-Рукъ» Мура, въ сравненіи съ красотой мелодій Китса «ирландскія мелодіи» кажутся блѣд-

ными, а философская глубина и пламенная проповѣдь свободы въ поэмахъ Шелли оставляютъ далеко за собой «Огнепоклонниковъ» Мура и другія его поэмы на гражданскія тэмы. Вотъ почему значеніе Томаса Мура преимущественно историческое и общая масса его произведеній интересна лишь какъ ступень отъ условной, дидактической поэзіи XVIII вѣка къ расцвѣту индивидуализма и красоты въ англійской поэзіи нашего вѣка.

Современники Мура цѣнили очень высоко его эпическое творчество: «Лалла Рукъ» съ ея вводными поэмами, «Рай и Пери» (Paradis and the Peri), «Огнепоклонники» (The Fireworshippers), «Свѣтило Гарама» (The Light of Haram) и др. имѣли громадный успѣхъ при своемъ появленіи въ 1877 г. Современнаго читателя эта поэма испугаетъ прежде всего своими непомѣрными длиннотами и фальшивыми описаніями Востока, но среди чисто условныхъ рамокъ и не смотря на скрывающуюся подъ восточнымъ колоритомъ сатиру современности, отдѣльные эпизоды «Лалла Рукъ» сохраняютъ до сихъ поръ обаяніе поэтичности и красоты вымысла. Таковъ, напр., разсказъ о Пери, которая должна купить себѣ право возврата въ закрывшійся передъ нею рай принесеніемъ самаго драгоцѣннаго для неба дара; она присутствуетъ при борьбѣ молодого воина съ поработителемъ его страны, видитъ пораженіе доблестнаго юноши — «тиранъ живетъ, а герой палъ» — и каплю крови, пролитой за свободу, несетъ на небо, чтобы открыть себѣ двери рая; но это еще не есть высшій даръ, требуемый небомъ. Не открывается небо передъ изгнанницей и тогда, когда она несетъ второй свой даръ—«драгоцѣнный вздохъ чистой, самоотверженной любви»; есть нѣчто болѣе драгоцѣнное — «слеза раскаянія», и только тогда, когда Пери является съ этой слезой передъ лицомъ ангела, стерегущаго входъ въ рай, двери растворяются передъ прощенной грѣшницей. Самыя картины бѣдствій, среди которыхъ пери находитъ небесныя дары, написаны трогательно и нѣжно. Нѣкоторые эпизоды поэмы, какъ, напр., «Огнепоклонники», представляютъ политическую сатиру, и мѣткость разныхъ намековъ на событія того времени утратила теперь интересъ. Нѣкоторыя другія изъ наиболѣе извѣстныхъ произведеній Мура носятъ характеръ политической или общественной сатиры; въ нихъ поэтъ обнаруживаетъ много чисто ирландскаго юмора и является однимъ изъ наслѣдниковъ сфифтовской манеры, перенесенной въ поэзію.

Всѣ эти произведенія, однако, опредѣляютъ лишь историческое значеніе Томаса Мура и сами по себѣ представляютъ мало интереса съ художественной стороны. Исключеніе составляетъ лишь сборникъ «Ирландскія мелодіи» (Irish Melodies), на которомъ и основана, главнымъ образомъ, слава Т. Мура, какъ поэта. Это сборникъ національныхъ пѣсенъ, гдѣ любовь къ родинѣ, къ «зеленому Ерину» облечена въ истинно поэтическіе образы и отражается въ нѣжныхъ, меланхолическихъ настроеніяхъ. Главное качество этихъ пѣсенъ—ихъ мелодичность, передающая наивность народныхъ мотивовъ и возобновляющая въ англійской поэзіи прозрачность лирики елизаветинской поры. Общій характеръ «ирланд-

скихъ мелодій» нѣжный и грустный. Это поэзія солнечныхъ закатовъ и воспоминаній: если поэтъ говоритъ о любви, то она является у него отраженной въ воспоминаніи о пережитыхъ страданіяхъ и сливается съ общимъ смутнымъ стремленіемъ къ неизвѣданному въ жизни, къ высшему счастью и покою. Эта неудовлетворенность земными чувствами и воспѣваніе въ природѣ того, что будитъ мечту въ недостижимомъ и совершенномъ, составляетъ главное обаяніе «ирландскихъ мелодій» и роднитъ ихъ съ настроеніями лирики нашего времени. Вотъ, напр., одно стихотвореніе, показывающее, какъ гармонично сливаются у Мура душевныя настроенія съ картинами природы и насколько этотъ поэтъ романтической поры уже является поэтомъ изысканныхъ настроеній. Приводимъ это стихотвореніе въ прозаическомъ переводѣ—стихотворный переводъ г. Курсинскаго, къ сожалѣнію, далеко не передаетъ оттѣнковъ оригинала: «Какъ отраденъ мнѣ часъ»,—поетъ Т. Муръ,—«когда умираетъ дневной свѣтъ,—И солнечные лучи таютъ на поверхности тихаго моря;—Тогда пробуждаются сны объ иныхъ дняхъ,—И память шлетъ вечерній вздохъ тебѣ.—И, слѣдя за линіей свѣта, что играетъ—Вдоль мягкой волны по пути къ пламенному западу,—Мнѣ хочется идти вдоль золотого пути лучей.—Мнѣ кажется, что онъ приведетъ къ какому-то блестящему острову покоя».

Послѣднее четверостишіе совершенно пропадаетъ въ переводѣ г. Курсинскаго, замѣняющаго живописныя строки англійскаго поэта ничего не говорящими клише, и искажающаго даже самый смыслъ стихотворенія:

«И я скорблю, зачѣмъ бы я не могъ
За свѣтомъ дня пройти за грань заката,
Гдѣ сталъ средь волнъ сіяющій чертогъ,
Чертогъ забвенія, откуда нѣтъ возврата».

Какой риторическій и пошлый оттѣнокъ принимаютъ стихи Мура въ этой передачѣ. Остальные переводы тоже не лучше сдѣланы—особенно это замѣтно въ переводѣ знаменитаго стихотворенія Мура «Послѣдняя Роза». Самый выборъ стихотвореній Мура сдѣланъ г. Курсинскимъ вполнѣ удачно: онъ въ самомъ дѣлѣ приводитъ лучшія изъ «ирландскихъ мелодій», тѣ, которыя затрагиваютъ вѣчныя струны души. Жаль только, что самый переводъ такъ мало воспроизводитъ красоту оригинала.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКА.

В. Зелинскій. «Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева».

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ 1-й и 2-й. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1895. Обѣ названныя книги стоятъ по два рубля и вышли вторымъ изданіемъ; очевидно, книги расходятся и читаются. Составитель ихъ нѣкто В. Зелинскій. Чтобы познакомиться съ его

литературной личностью, слѣдуетъ обратиться къ двумъ источникамъ. Во-первыхъ, «предисловіе къ первому изданію»,—собственное произведеніе составителя. Здѣсь. выясняются задачи предпринимаемаго труда — перепечатки критическихъ статей. Авторъ видѣлъ въ библіотекахъ, «какъ легкія беллетристическія произведенія талантливыхъ авторовъ буквально (!) поглощаются публикою», а «листы въ критическихъ отдѣлахъ журналовъ даже въ болѣе или менѣе многолюдныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія» остаются «неразрѣзанными». Въ результатѣ авторъ возжелалъ «заставить большинство не игнорировать литературной критикой». Но какъ этого достигнуть? «Чего-либо существеннаго,— разсуждаетъ авторъ, — въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, пока нельзя сдѣлать. Въ порядкѣ вещей *прежде* чувствовать, а *потомъ* мыслить (?!), такъ и общество: пока оно покоится въ болѣе доступной ему и сродной съ его душевными способностями области конкретнаго (?), до тѣхъ поръ немного пользы принесутъ какія-либо искусственныя усилія (?) заставить его подняться въ сферу болѣе или менѣе отвлеченнаго...» Слѣдовательно, дѣло автора, по его же мнѣнію, нѣчто *не существенное* для публики, по крайней мѣрѣ, и онъ даже не знаетъ, полезенъ ли его трудъ («объ этомъ судить не мнѣ»). Ему ясенъ одинъ лишь вопросъ:— разойдутся его сборники,—онъ напечатаетъ другіе.

Такова психологія и таковы литературныя задачи автора, на сколько онъ самъ считаетъ нужнымъ выяснить ихъ. Отвлеченному элементу, какъ видитъ читатель, соотвѣтствуетъ и стиль, о которомъ авторъ, вѣроятно, имѣетъ столь же опредѣленныя представленія, какъ и о внутреннихъ достоинствахъ своего труда.

Другой источникъ для знакомства съ составителемъ—реклама журнала *Нови* о преміяхъ. Здѣсь читаемъ: «къ первому тому предлагаемаго новаго изданія сочиненій Писемскаго приложенъ спеціально составленный для этого изданія и не бывшій еще въ печати обширный и подробный критико-біографическій очеркъ, принадлежащій перу извѣстнаго знатока русской литературы, В. А. Зелинскаго».

И такъ, теперь мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о г. Зелинскомъ и обращаемся къ его трудамъ,—прежде всего къ оригинальнымъ, *спеціально* составленнымъ, — къ очерку для преміи *Нови*. Открываемъ первый томъ Писемскаго и съ первыхъ же страницъ попадаемъ въ какую-то совершенно особенную область, только не литературную. Бѣдная редакція *Нови!* Она гордится, что напечатанный ею очеркъ г-на Зелинскаго «не былъ въ печати». Смѣемъ увѣрить почтенную редакцію, что ни одинъ изъ существующихъ печатныхъ органовъ не напечаталъ бы у себя *труда* г-на Зелинскаго по очень простой причинѣ: это не *трудъ* и не *г. Зелинскій*, а просто склеенныя вырѣзки изъ чужихъ статей, какъ это бываетъ въ газетахъ для составленія хроники. «Перу» г-на Зелинскаго рѣшительно нечего было дѣлать при этой операціи: любой переписчикъ совершилъ бы ее съ такими же и, можетъ быть, даже лучшими результатами, потому что самъ г. Зелинскій по временамъ, дѣйствительно, оставлялъ ножницы и бралъ

перо: въ такихъ случаяхъ его глубокомысліе производило, напримѣръ, такія остроумныя соображенія. Возражая г-ну Венгерову на счетъ незначительнаго вліянія *университета* на Писемскаго, оригинальный составитель восклицаетъ: «Да откуда же онъ (Писемскій) взялся у насъ? Какія другія вліянія и вѣянія подготовили его на столь выдающуюся дѣятельность (о стиль!). Въ самомъ дѣлѣ, не случайно же сѣлъ человѣкъ за письменный столъ и вдругъ, по мановенію волшебной палочки, сталъ удивлять общество блестящими произведеніями? Должны же быть гдѣ-нибудь начало и причина (?!) этой дѣятельности»...

Не правда ли, сильно сказано и особенно убѣдительно, — и этимъ все кончается со стороны критика; дальше все та же исторія: «приведемъ выдержку»—три страницы труда *Б. Алмазова*, дальше «читаемъ мы»—полстраницы труда *Анненкова* и т. д. Весь очеркъ, дѣйствительно, очень большой, но въ немъ г. Зелинскому принадлежатъ только чернила и бумага.

Это, очевидно, идеально *безсознательное* творчество, потому что трудъ въ результатѣ сводится къ механическимъ упражненіямъ въ преступленіи, весьма караемомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но для г. Зелинскаго, какъ «извѣстнаго знатока русской литературы», переписываніе чужихъ сочиненій, очевидно, добродѣтель. Извѣстно, вѣдь, что большому барину не вмѣняется въ грѣхъ многое, за что страдаетъ мелкая сошка...

Такимъ образомъ, оба источника, изъ которыхъ мы могли почерпнуть свѣдѣнія о составителѣ «собранія критическихъ матеріаловъ», привели насъ къ одному и тому же результату: у составителя мало развито или даже совершенно отсутствуетъ сознаніе того, что онъ творитъ. Объ этомъ онъ даже въ минуты откровенности самъ заявляетъ, при чемъ искренность, при извѣстныхъ достоинствахъ формы заявленія, не подлежитъ сомнѣнію.

Открываемъ сборники, и на каждомъ шагу находимъ, на сколько г. Зелинскій остается вѣренъ своей «преобладающей наклонности» къ безсознательному труду. Прежде всего составитель позволяетъ себѣ обращаться съ чужими статьями, какъ портной со штукой матеріи,—разница только въ томъ, что у портного въ результатѣ выходитъ нѣчто дѣльное, а у г. Зелинскаго простое крошево, гдѣ уловить идею критика становится рѣшительно невозможнымъ. Стоитъ, напримѣръ, взглянуть во что превратились разсужденія Писарева объ *Отцахъ и дѣтяхъ*: это уже совершенно возмутительная торговля въ розницу чужими мыслями и словами. Неужели г-ну Зелинскому не ясна совершенно простая идея, что человѣкъ, въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти, ведетъ свою бесѣду по законамъ логики и внутренней связи, и выкраивать изъ этой бесѣды лоскутья значитъ убивать логическую связь и совершенно извращать мысль автора... Впрочемъ, гдѣ же г-ну Зелинскому понимать подобныя вещи: его *faculté maîtresse*—безсознательность.

Такъ обращается составитель съ наиболѣе интересными своими жертвами. Другія являются у него въ такомъ видѣ:

«Николай Петровичъ, какъ слѣдуетъ, настоящій сынъ своего

вѣка. Въ немъ нѣтъ ни единой яркой черты и хорошаго только одно, что онъ человѣкъ, хотя и простѣйшій человѣкъ».

И только: подпись *И. Страховъ*... Конечно, если бы почтенный критикъ оставилъ послѣ своей смерти лишь эти строки, ихъ, можетъ быть, и слѣдовало бы сохранить для потомства. А теперь что они говорятъ самому г-ну Зелинскому? А между тѣмъ, подобными истинами и отрывками переполнены его книги, и авторъ еще «желалъ нѣсколько помочь читателямъ», не поднимающимся «въ сферу болѣе или менѣе отвлеченнаго». Много вынесутъ читатели изъ подобныхъ *отвлеченностей!*

Но довольно для безсознательности г-на составителя. Еще прискорбнѣе его другое качество, заставляющее насъ окончательно усомниться въ его правахъ на титло «извѣстнаго знатока русской литературы». Г. Зелинскій очень мало проявляетъ свои *знанія*, если не считать библіографическихъ свѣдѣній для переписчика. но *незнанія*—внѣ сомнѣнія. Откройте, напримѣръ, 296-ю страницу втораго выпуска «собранія»: перепечатывается статья О. Миллера и его слѣдующія слова: «А между тѣмъ, вѣдь, и самое слово *нигилистъ* было употреблено у насъ еще до г. Тургенева, а именно въ тридцатыхъ годахъ, въ *Телескопѣ*, гдѣ, подъ заглавіемъ *Сонмище нигилистовъ*, покойный Надеждинъ помѣстилъ статью, въ которой обрисованы люди, не признающіе никакихъ руководящихъ началъ въ искусствѣ и литературѣ»...

Вопросъ, какъ видите, очень любопытный и, несомнѣнно, открытіе покойнаго профессора какъ нельзя болѣе способно стать общимъ достояніемъ. Но, къ сожалѣнію, критикъ сдѣлалъ ошибку библіографическаго характера: статья Надеждина, *Сонмище нигилистовъ*, напечатана не въ *Телескопѣ* и не въ тридцатыхъ годахъ, а въ журналѣ *Вѣстникъ Европы*, *въ началѣ 1829-го года*. Для безсознательнаго и *мало* знающаго г-на Зелинскаго до этого нѣтъ дѣла: онъ отдаетъ въ типографію все, что ему приготовилъ переписчикъ, и смѣло подписываетъ свое имя на чужомъ трудѣ.

Извольте послѣ того «разрѣзывать» продукты подобнаго составителя и подниматься подъ его руководствомъ въ «болѣе или менѣе отвлеченную» сферу. Нѣтъ, г. Зелинскій съ этой сферой не имѣетъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ того, *существеннаго*, на что онъ намекаетъ въ концѣ своего предисловія: на сколько ходкимъ окажется мой товаръ? Вотъ весь смыслъ предпріятія г-на Зелинскаго, не только не отвлеченный, а даже не литературный, просто-на-просто промышленный.

Издать статьи русскихъ критиковъ въ сборникахъ было бы весьма желательнымъ дѣломъ, но за него долженъ браться *литературный* человѣкъ, т.-е. знающій и понимающій литературу, а главное, *уважающій* ее. А то предложить публикѣ какое-то мѣсиво за *два рубля* серебромъ, т. е. пустить въ оборотъ чужой трудъ по самымъ высокимъ процентамъ — подобныя «аферы» свойственны совершенно не тѣмъ сферамъ, гдѣ обитаетъ литература, и могутъ быть оцѣнены по достоинству развѣ только стилемъ самого г-на «предпринимателя».

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.

И. Тэнъ. «Французская философія первой половины XIX-го вѣка».

И. Тэнъ. Французская философія первой половины XIX-го вѣка. Переводъ съ 6-го франц. изданія Ю. В., подъ редакціей Е. Васьковскаго. Спб., 1896 г., цѣна 1 р. 50 к. Въ послѣднее время вышли два философскія сочиненія Тэна—новымъ изданіемъ трактатъ *объ умѣ и познаніи* и впервые появляется русскій переводъ одного изъ самыхъ раннихъ философскихъ произведеній Тэна—*Les philosophes français du XIX-e siècle.* Авторъ предисловія къ русскому переводу, неизвѣстно почему, счелъ нужнымъ оговариваться, что въ русскомъ заглавіи опущены слова *классическіе* философы. Тэнъ также издалъ въ первый разъ свою книгу, не воспользовавшись этимъ эпитетомъ (Изданіе 1857 года). Отдѣльныя статьи, вошедшія въ составъ книги, стали появляться въ 1855 году и были направлены противъ эклектизма. Въ эту эпоху школа, сильная въ тридцатыхъ годахъ, сильно упала подъ давленіемъ позитивизма, и автору не требовалось большой смѣлости развѣнчивать метафизиковъ и риторовъ въ эпоху Конта, Литтре, Милля. Оригинальны были не нападки, а тонъ и пріемы критики. Современные журналисты были крайне шокированы безпощадными насмѣшками надъ личностью Кузена: Тэнъ навязывалъ философу фантастическую біографію проповѣдника XVII-го вѣка, — необыкновенно легкимъ объясненіемъ возникновенія нѣкоторыхъ философскихъ системъ: напримѣръ, Ройэ Колларъ основалъ свою философію, купивъ на набережной за тридцать су «иностранную книжечку»—«Изслѣдованія о человѣчсскомъ духѣ» Томаса Рида, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей новой психологіи. Наконецъ, самая популярность эклектизма объяснялась болѣе чѣмъ странно: все дѣло, будто бы, въ любви французовъ начала XIX-го вѣка къ морали и отвлеченнымъ словамъ! Молодой критикъ не обращалъ никакого вниманія на важнѣйшіе симптомы общественнаго настроенія эпохи реставраціи, не хотѣлъ по справедливости оцѣнить усилія цѣлаго ряда поколѣній, слѣдовавшихъ послѣ революціи,—создать положительныя основы нравственности и даже религіи—на мѣсто старыхъ принциповъ, разрушенныхъ философіей XVIII-го вѣка. Тэнъ крайне насмѣшливо отзывался о Гамлетахъ, созерцающихъ концы своихъ сапогъ и мечтающихъ облагодѣтельствовать человѣчество (стр. 179 — 180). Молодой философъ, очевидно, не признавалъ никакой душевной борьбы по пути къ новымъ философскимъ ученіямъ,—и это въ тѣхъ же статьяхъ подтверждалось необычайной легкостью, съ какой онъ предлагалъ собственный философскій методъ.

Критики всевозможныхъ лагерей единогласно признали неосновательными претензіи автора на оригинальность метода и, главное, совершенно опрометчивой его самоувѣренность въ созданіи своей теоріи. Каро, Шереръ, Гюставъ Планшъ сошлись въ общей оцѣнкѣ мнимаго открытія Тэна,—разнились только въ указаніи источника этого открытія: одни признавали Тэна матеріалистомъ, другіе—

атеистомъ, третьи—позитивистомъ. (Caro: L'idée de Dieu dans une jeune école. M. Renan et M. Taine—*Revue Contemp.* 1857, 30 dec.; Planche — *Le Pantheisme dans l'histoire*, *Revue de deux Mondes*, 1 avr. 1857; Shérer—*M. Taine et la critique systematique*—*Bibliothèque universelle*, 1858, T, 497). Мы указываемъ эти статьи съ цѣлью рекомендовать русскимъ читателямъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ особенности со статьей Шерера. Это будетъ хорошей поправкой къ излишне лирическому предисловію русскаго переводчика. Въ краткой замѣткѣ не мѣсто разбирать содержаніе книги Тэна: наиболѣе важная часть ея не критика философовъ XIX-го вѣка, а нѣсколько страницъ, озаглавленныхъ *о методѣ*. Въ критикѣ философовъ любопытны страницы, написанныя на тему, ставшую впослѣдствіи предметомъ важнѣйшихъ работъ Тэна—историческаго содержанія. Въ высшей степени поэтому поучительно сопоставить характеристику стараго режима въ раннемъ сочиненіи съ отзывами Тэна о томъ же режимѣ въ послѣднемъ его сочиненіи, въ первомъ томѣ *Le regime moderne*. Для тѣхъ, кто интересуется общей картиной идей Тэна, мы предлагаемъ сравнить стр. 73—75 изъ сочиненія о философахъ и третью главу третьей книги въ названномъ томѣ — *Les origines de la France contemporaine*. Первыя страницы написаны противъ Кузэна, идеализировавшаго XVII-й вѣкъ, а позднѣйшая глава—противъ демократическаго строя современной Франціи. И въ то время, когда раньше очень краснорѣчиво указывались неудобства аристократическихъ привилегій и, вообще, неравенства гражданскаго и общественнаго,—позже рисовались идиллическія картины по поводу даже такихъ вопіющихъ злоупотребленій, какъ купля и продажа судебныхъ должностей (pp. 311 etc). Дѣло въ томъ, что настроенія историка при третьей республикѣ безусловно склонились въ пользу аристократическихъ порядковъ, Тэнъ не побоялся увѣнчать аристократію, какъ спеціальный разсадникъ государственныхъ дѣятелей (La Révolution I, 188 etc.) и тѣмъ впасть въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ изображеніемъ французскаго дворянства накануне революціи въ столь популярной книгѣ о старомъ порядкѣ. Рекомендуемъ также читателямъ въ книгѣ о философахъ XIX вѣка обратить вниманіе на отраженіе въ ней одной изъ капитальнѣйшихъ идей Тэна—идею о «господствующей способности»—*faculté maîtresse*. Эта способность, по представленію философа, причина и источникъ всей нравственной и практической дѣятельности данной личности. Впервые эту теорію Тэнъ примѣнилъ къ характеристикѣ Тита Ливія, какъ историка (книга вышла въ 1856 году), потомъ на французскихъ философахъ и позже на англійскихъ писателяхъ и еще позже—на дѣятеляхъ революціи 1789 года. Въ разбираемомъ сочиненіи читаемъ: Ройэ-Колларъ—диктаторъ, Жуффруа—человѣкъ, живущій внутренней жизнью, Кузэнъ—ораторъ, а де-Биронъ—олицетвореніе отвлеченнаго мыслителя. Всѣ, слѣдовательно, философы сведены къ нѣсколькимъ отвлеченнымъ понятіямъ—и по ихъ натурѣ, и по ихъ литературной и философской работѣ, вполнѣ согласно основному взгляду Тэна на все разнообразіе духовной природы человѣка и

ея проявленій: «всякаго человѣка и всякую книгу можно резюмировать въ трехъ страницахъ и эти три страницы—въ трехъ строкахъ». Легко представить, сколько, при такомъ резюмэ, приходилось Тэну совершать насилій надъ живыми фактами и способностями характеризуемыхъ имъ людей. Для примѣра мы предлагаемъ сравнить характеристику *Кузэна-оратора* съ Ливіемъ, тоже *ораторомъ*, и оцѣнить, до какой степени произвольно примѣнялся Тэномъ его руководящій психологическій принципъ. Ливій и Кузэнъ—люди, конечно, въ высшей степени различные, оказались подъ одной рубрикой, и въ результатѣ одному *навязано*, чего у него нѣтъ, у другого—*отнято*, что ему принадлежитъ по природѣ и по свойствамъ его произведеній. Что касается метода, исходная точка тэновскихъ разсужденій—въ отождествленіи процессовъ нравственнаго и физическаго міра, не въ параллелизмѣ и аналогіи, а именно отождествленіи, такъ какъ философъ считаетъ одинаково возможнымъ изслѣдовать путемъ опыта и математическаго метода и человѣческую душу, и историческія явленія, и организмъ животнаго, и химическія соединенія и реакціи. Разбирать самого метода мы, повторяемъ, въ библіографической замѣткѣ, не можемъ, но обратимъ вниманіе читателя на слѣдующія обобщенія и метафоры Тэна, на которыхъ онъ строитъ свою теорію: душу историка онъ сравниваетъ съ термометромъ; наблюденія надъ душевно-больными—съ пріемомъ химиковъ, когда тѣ «посредствомъ разрѣзовъ, вымочекъ, инъекцій, химическихъ операцій»—*видоизмѣняютъ наблюдаемый предметъ*; наконецъ, пользованіе изслѣдователями въ области опытныхъ наукъ инструментами, т. е. измѣненіе *способа наблюденія*, Тэнъ на почвѣ нравственныхъ явленій объясняетъ слѣдующимъ туманнымъ совѣтомъ: «Она (психологія) замѣняетъ этотъ способъ (прямого наблюденія), когда вмѣсто непосредственнаго наблюденія примѣняетъ изученіе знаковъ, предшествующихъ воспріятію или слѣдующихъ за ними и служащихъ указательными реактивами» (стр. 203). Но въ сравненіяхъ и аналогіяхъ нѣтъ еще большаго зла: дѣло въ томъ, что Тэнъ *аналогіями* пользуется какъ несомнѣнными научными положеніями. Для того, чтобы читатель вошелъ въ этотъ процессъ мышленія, мы совѣтуемъ прочесть предисловіе къ *Essais de critique et d'histoire*: здѣсь цѣлыя страницы наполнены аналогіями между физическими и нравственными явленіями. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ, возражавшіе Тэну противъ его пріема, не отвергали существованія опредѣленныхъ законовъ, управляющихъ внутреннимъ міромъ человѣка и историческимъ развитіемъ общества. Вопросъ только въ томъ, насколько при современномъ положеніи психологіи мы имѣемъ право психическія явленія сводить на почву математическаго изслѣдованія и подчинять крайне мало извѣстную намъ область умственнымъ операціямъ, заимствованнымъ изъ опытныхъ наукъ. Дѣятельность самого Тэна неминуемо должна была привести къ отрицательному отвѣту. Онъ, для оправданія заранѣе составленной нравственной и психологической формулы для каждой интересующей его личности, долженъ былъ прибѣгать къ *уродованію дѣйствительности*, какъ выражается его искреннѣйшій поклонникъ и личный другъ, историкъ Моно.

Во всякомъ случаѣ, появленіе книги Тэна на русскомъ языкѣ — фактъ не лишній: можетъ быть, ближайшее знакомство русскихъ читателей съ основными идеями философа и съ его пріемами критики въ области философіи, — поможетъ этимъ читателямъ составить болѣе точное представленіе о научностя трудовъ Тэна и объ его пріемахъ натуралиста, о которыхъ онъ говоритъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, кончая *Старымъ порядкомъ*. Въ заключеніе, по поводу этого мнимаго натурализма, мы укажемъ на взглядъ человѣка, принадлежащаго къ той же литературной школѣ, какъ и Тэнъ, и признающаго себя во многихъ отношеніяхъ ученикомъ Тэна. Взглядъ—не ученый, но полный здраваго смысла и фактическихъ основаній,—именно впечатлѣнія Эмиля Золя въ *Парижскихъ письмахъ—Вѣст. Евр.*, май, 1878. Жаль только, что весьма дѣльныя соображенія относительно натуралистическихъ пріемовъ Тэна въ области исторіи революціи Золя забываетъ отнести къ своему творчеству въ области романа: и тамъ, и здѣсь современный натурализмъ одинаковой научной цѣнности.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Мюллеръ. «Исторія ислама».

А. Мюллеръ: Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкато подъ редакціей Мѣдникова. Томы III и IV. Спб. 1896. Въ свое время («Міръ Божіи», сентябрь 1895) мы дали отчетъ о первыхъ двухъ томахъ этого капитальнаго труда покойнаго нѣмецкаго профессора, причемъ сожалѣли, что небрежный переводъ могъ помѣшать распространенію столь полезнаго сочиненія. Вышедшее теперь окончаніе «Исторіи ислама» отличается бо́льшею опрятностью: лишь изрѣдка встрѣчаются невозможныя на русскомъ языкѣ фразы. Сверхъ того, редакція приложила исправленіе многихъ погрѣшностей въ I-мъ томѣ. Въ концѣ сочиненія приложено 6 картъ, обозначающихъ границы ислама въ разныя эпохи. Нѣтъ только прекрасныхъ рисунковъ, украшающихъ трудъ Мюллера въ извѣстномъ изданіи Онкена; но при нихъ, конечно, нельзя бы было продавать два тома за 5 рублей.

Лежащіе передъ нами томы представляютъ особый интересъ: здѣсь авторъ доводитъ изложеніе своего крайне общирнаго и богатаго предмета «до новѣйшихъ временъ». А, вѣдь, историки обыкновенно не исполняютъ подобныхъ благихъ пожеланій: задавшись крупною задачей, они углубляются въ зародыши явленій и, пока дойдутъ до «новѣйшихъ временъ», или охладѣваютъ къ своему предмету, или сами представляютъ собой «хладный трупъ». Мюллеръ исполнилъ свое обѣщаніе, но также не безъ грѣха. Онъ, очевидно, старался лишь очистить свое обязательство передъ издателемъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе комкаетъ онъ массу фактовъ въ ущербъ обычной яркости его изложенія. А главное,авторъ довелъ до конца только давно скончавшіяся исламскія

государства; живущія же и представляющія для насъ теперь захватывающій интересъ покинуты имъ въ самые любопытные моменты: исторія персовъ доведена до 1852 г., остальныхъ турокъ—до 1521 г. *) И то сказать: недодѣланное потребовало бы отдѣльнаго сочиненія, и тѣмъ болѣе обширнаго, что именно новѣйшая исторія Персіи и Турціи особенно важна и весьма мало извѣстна. Но нужно отдать справедливость Мюллеру: съ свойственною ему добросовѣстностью и глубокомысліемъ, онъ умѣлъ, разставаясь съ своимъ предметомъ, освѣтить его такъ, что читатель можетъ самъ составить довольно правильное, научно-обоснованное понятіе о дальнѣйшемъ.

Въ разбираемыхъ нами книгахъ обстоятельно и живо изложена судьба множества исламскихъ государствъ, возникавшихъ на развалинахъ багдадскаго халифата. При этомъ вездѣ указывается на ихъ культурныя отличія и на глубокія причины превратностей въ ихъ судьбахъ. Тутъ богатый матеріалъ для соціологическихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что главное вниманіе историка было сосредоточено, совершенно правильно, на арабахъ въ Испаніи, а слѣдовательно, и на соотношеніяхъ между исламскою и западноевропейскою культурами: этому предмету посвященъ весь IV-й томъ. Но мы остановимся на болѣе важномъ для настоящей минуты и на менѣе извѣстномъ, а именно на нѣкоторыхъ крупныхъ вопросахъ изъ новой исторіи Востока. Здѣсь же обнаружатся передъ читателемъ важность и занимательность труда Мюллера.

Здѣсь, прежде всего, выясняется сложеніе персидской имперіи и ея характерныя отличія. Персіане—народъ талантливый, съ живымъ умомъ, съ предпріимчивостью и подвижностью. Но онъ лживъ (не въ укоръ сказать старику Геродоту), лишенъ патріотизма и общественныхъ стремленій. Его солдатъ горячъ и храбръ, но лишь при первомъ натискѣ: ему не хватаетъ выдержки. «Высшіе классы въ Персіи, какъ и почти вездѣ на Востокѣ, сильно опустились нравственно». Эти классы, а также вообще горожане, представляютъ смѣсь разныхъ инородцевъ—арабовъ, турокъ, монголовъ; настоящій персъ—житель селъ, глуши съ ея старинными національными преданіями; здѣсь національно даже низшее земельное дворянство (дикханы), которое, при лучшихъ условіяхъ, могло бы съиграть роль англійской джентри.

Персіане недаромъ заклятые враги турокъ. Этихъ двухъ народовъ всегда раздѣляли не одни оттѣнки въ религіи (персіане—шіиты, турки—сунниты), но разница въ характерахъ и культурѣ. Мюллеръ относится съ нескрываемою враждебностью ко всѣмъ вѣтвямъ турецкаго племени—отъ татаръ, владѣвшихъ Россіей, до османовъ, хозяйничающихъ теперь въ Константинополѣ и Персидской Азіи. Турки заимствовали у персіанъ только ложь и

---

*) Въ извѣстномъ изданіи Онкена (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen), часть котораго составляетъ трудъ Мюллера, этотъ пробѣлъ заполненъ другими сочиненіями въ особенности: 1) Kertzburg: Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16 Jahrhunderts.— 2) *Schiemann*: Russland, Polen und Livland.—3) *Bamberg*: Geschichte der orientalischen Angelegenheit im Zeitraume des Pariser und des Berliner Friedens.

коварство и сохранили свою первобытную дикость и тупоуміе: среди нихъ не имѣли успѣха просвѣтительныя попытки нѣкоторыхъ султановъ-выродковъ. «Турецкій полумѣсяцъ — символъ варварства, стремящійся все разрушить кругомъ себя». Отъ того турки истребили всѣ исламскія государства, съ ихъ задатками культуры, и даже Византію, и держали въ рабствѣ Россію, но, лишенные развитія, движенія впередъ, они не могли нигдѣ укрѣпиться. Ими самими тайно повелѣвала даже такая шайка разбойниковъ, какъ ассассины, значеніе которыхъ уяснено Мюллеромъ по новымъ даннымъ. Ихъ били сначала нѣкоторые крестоносцы, помогшіе разложенію ихъ господства, потомъ такіе же дикари, какъ они, монголы. Они погибали и отъ внутреннихъ раздоровъ: лишенные культурныхъ задачъ, ихъ сильные люди могли заниматься только игрой во власть, политическими кознями. Эти раздоры особенно хорошо описаны Мюллеромъ при разложеніи сельджукскаго царства въ эпоху крестовыхъ походовъ, причемъ авторъ искренно высказывается не въ пользу крестоносцевъ и горячо восхваляетъ такихъ героевъ ислама, какъ Нуррединъ и Саладинъ.

Послѣ Саладина, хотя пѣсня крѣстоносцевъ была уже спѣта, владычество сельджуковъ окончательно падало само собою. «Какъ курдскія, такъ и турецкія династіи западной Азіи выказали туже ужасающую неспособность водворить, среди своихъ земель и народовъ, хоть сносный порядокъ». А восточныя государства ислама, за Тигромъ, съ просвѣщенною Газной во главѣ, подвергались опустошеніямъ со стороны новыхъ турецкихъ ордъ, гонимыхъ съ востока монголами. Немудрено, что эти свирѣпые монголы легко уничтожили сельджукскихъ турокъ, этихъ «наѣздниковъ и головорѣзовъ», которые, въ два вѣка, «не сдѣлали ничего» даже для Востока, не говоря уже обо всемъ человѣчествѣ. Мюллеръ горячо опровергаетъ новѣйшихъ историковъ, затѣвавшихъ «обѣлить и спасти» даже такихъ чудовищъ, какъ турокъ Чингизъ-Ханъ и его монголы, истребившіе почти всю культуру ислама въ Азіи. «Съ этого времени—говоритъ Мюллеръ—міросозерцаніе исламскихъ народовъ остановилось на той точкѣ, какой оно достигло въ началѣ 13-го в., и въ теченіи вѣковъ совершено застыло. И если турки отличались еще въ многочисленныхъ войнахъ, а отчасти достигли и блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ, то все же нигдѣ не было дѣйствительнаго движенія, а тѣмъ болѣе усовершенствованія внутренней жизни».

Османліи, которые начали выдвигаться въ Малой Азіи около половины 13-го в., не поправили бѣды. Вотъ приговоръ имъ нашего знатока восточныхъ дѣлъ: «не столь падкіе къ поголовнымъ избіеніямъ, какъ монголы, турки, обыкновенно державшіе себя даже доброжелательно по отношенію къ покорнымъ подданнымъ, были вполнѣ на своемъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло о возстановленіи или поддержаніи внѣшняго порядка; но въ другихъ отношеніяхъ они оказали на внутренній характеръ ислама столь же пагубное вліяніе, какъ и ихъ противники, варварскіе монголы. Мы хорошо знаемъ одно свойство турокъ — ихъ ограниченность въ общихъ

вопросахъ, которая, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вполнѣ допускаетъ довольно большую дипломатическую ловкость, но мѣшаетъ имъ понимать нужды обширнаго государства и, въ силу сильной привязанности ихъ къ преданіямъ суннитскаго толка, заставляетъ относиться враждебно ко всякому проявленію самостоятельнаго мышленія. Монголъ раззоряетъ города и избиваетъ жителей, подъ владычествомъ же турокъ—первые падаютъ, а у вторыхъ постепенно изсякаютъ источники благосостоянія, равно какъ и живые родники духовнаго прогресса». Вотъ почему судьба ислама съ 14-го в., вообще безъисходна: «Всюду полная пустота и безплодіе. Внѣшнія войны и внутреннія возстанія смѣняютъ другъ друга; но, въ общемъ, не измѣняются ни формы проявленія ислама, ни судьба подданныхъ, которые тамъ и сямъ, благодаря особымъ условіямъ, правда, иногда создавали себѣ до нѣкоторой степени пріятное существованіе, но, подъ гнетомъ деспотичныхъ и безпощадныхъ государей, медленно погружались все въ бо́льшую бездѣятельность, даже неподвижность». Жизнь поддерживалась лишь наслѣдіемъ крестовыхъ походовъ—торговлей между итальянскими республиками и странами Востока. Но она была подорвана двумя почти одновременными великими событіями—открытіемъ воднаго пути въ Индію (1498) и завоеваніемъ Констанстантинополя османліями (1453): эти событія прекратили левантскую торговлю и ускорили экономическое паденіе Востока, равно какъ паденіе Генуи и Венеціи.

Разставаясь съ турками, Мюллеръ снова подводитъ итогъ ихъ дѣятельности до начала XVI-го в., когда они захватили всю Западную Азію и Египетъ. Этотъ итогъ весьма поучителенъ и важенъ особенно для нашихъ дней. «Ни одна изъ крупныхъ областей, захваченныхъ ими, не могла опять достигнуть хоть какого-нибудь благосостоянія подъ турецкимъ управленіемъ, задавшимся лишь цѣлью поддерживать внѣшній порядокъ и высасывать всѣ соки изъ провинцій. Мало того. Тамъ, гдѣ жалкіе остатки прежней культуры пережили ужасныя опустошенія послѣднихъ столѣтій, и они исчезаютъ, такъ какъ не дѣлается ничего для ихъ поддержанія. Малая Азія,—страна при сельджукахъ все еще населенная и богатая, а потомъ колыбель самого османскаго царства,—теперь совсѣмъ опустѣла. Месопотамія, нѣкогда почти неслыханно-богатый Иракъ и восточная полоса Сиріи погребены подъ песками пустыни, на которой шатаются почти однѣ толпы кочующихъ курдскихъ и арабскихъ бедуиновъ. Сирія и Палестина живутъ жалкими и все убывающими остатками своей прежней промышленности. И остается болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ сомнѣніемъ, будетъ ли долговѣчное плодородіе Нильской долины еще разъ дѣйствительно полезно ея жителямъ. А неутѣшительному внѣшнему положенію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало уничтоженіе умственной жизни... Подъ гнетомъ столѣтнихъ бѣдствій и вѣковой привычки, ограниченное фаталистически-апатическое міросозерцаніе вошло въ плоть и кровь всѣхъ слоевъ общества. Со времени владычества монголовъ на магометанскомъ Востокѣ, подъ умственною работой разумѣютъ ничего болѣе, какъ вѣчное

пережевываніе однихъ и тѣхъ же грамматическихъ, логическихъ, юридическихъ и носологическихъ положеній, причемъ единственною цѣлью остроумія служитъ украшеніе ихъ съ внѣшней стороны съ помощью все новыхъ тонкостей. Извлечь изъ тысячи книгъ 1001-ую, и не для того, чтобы подвинуться въ знаніи,—это невозможно, такъ какъ истина давно уже твердо установлена,—а чтобы доказать свою ученость и остроуміе или составить удобныя руководства для пріобрѣтенія знаній и практики — вотъ чѣмъ ограничивается научная дѣятельность Востока уже въ теченіе столѣтій... Существуютъ и процвѣтаютъ только сонники, каббалистическая, астрологическая и германтическая (оракуловъ) литература».

Немудрено, что Мюллеръ не сулитъ исламу добра въ будущемъ. Послѣ весьма любопытнаго разсказа о злодѣйскихъ подвигахъ Тимура, онъ говоритъ: «Теперь намъ остается присутствовать только при послѣдней сценѣ эпилога, хотя и нѣсколько растянутаго. Она кончится въ тотъ самый моментъ, когда европейскія государства соединятся для раздѣла между собою мухаммеданскихъ государствъ съ колонизаторскими цѣлями, что едва-ли будетъ сопровождаться значительными матеріальными затрудненіями. Каждый знаетъ, что, *къ сожалѣнію, это соединеніе состоится еще не такъ скоро*; и мертвенное окоченѣніе мусульманскаго Востока, только при случаѣ нарушаемое судорожными подергиваніями, продолжится еще нѣкоторое время, пока какой-нибудь болгарскій или армянскій камешекъ не сдвинетъ съ мѣста нависшую лавину». Подчеркнутыя нами слова значительно ослабляютъ увѣренность въ справедливости колонизаторскаго взгляда на будущее ислама. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что есть еще и признаки внутреннихъ движеній на Востокѣ *).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ланге. «Рабочій вопросъ». *Адольфъ Гельдъ.* «Фабрика и ремесло».

Ланге. Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Перев. А. Б. Блёка. Изд. Павленкова. П. 1895 г. Ц. 1 руб. 25 коп. Рабочій вопросъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ своимъ предметомъ положеніе наемныхъ рабочихъ и преимущественно той категоріи ихъ, которая занята въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Однако, авторъ разсматриваемой нами книги придаетъ такое громадное значеніе рабочему вопросу, что отъ того или иного рѣшенія его, по его мнѣнію, зависитъ «быть или не быть» всей міровой цивилизаціи. Онъ полагаетъ, что, хотя рабочіе составляютъ сравнительно и небольшой % всего населенія государствъ Стараго и Новаго Свѣта, тѣмъ не менѣе, они представляютъ тотъ базисъ, на которомъ зиждется частная, общественная, государственная и даже международная жизнь цивили-

*) См. статью профессора Трачевскаго о судьбѣ ислама въ «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» за прошлый годъ.

зованныхъ націй. Понимая такъ широко рабочій вопросъ, придавая ему первенствующее значеніе предъ всѣми другими злобами дня и жизни, Ланге не скрываетъ и той трудности, какая вполнѣ естественна и неизбѣжна при разрѣшеніи столь сложной задачи, какъ рѣшеніе этого вопроса. Почтенный авторъ полагаетъ, что удовлетворительное рѣшеніе рабочаго вопроса можетъ послѣдовать только тогда, когда въ немъ примутъ участіе какъ правительства, такъ и сами рабочіе, равно и всѣ тѣ, которые именуются интеллигентами.

И, прежде всего, къ правительствамъ Ланге предъявляетъ то общее требованіе, чтобы ихъ законодательства принимали во вниманіе потребности рабочаго сословія. Въ частности, требуется, по мнѣнію автора, чтобы каждое отдѣльное мѣропріятіе было направлено *къ дѣйствительной и полной эмансипаціи рабочихъ* отъ зависимости и подчиненности предпринимателямъ. Ланге рѣшительный противникъ палліативныхъ мѣръ. «Слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—отвергать всякое мѣропріятіе, направленное къ тому, чтобы посредствомъ мелкихъ улучшеній въ матеріальномъ положеніи рабочихъ поддерживать и закрѣплять ихъ вѣковую зависимость и нравственное подчиненіе работодателямъ».

Во-вторыхъ, по мнѣнію Ланге, *поднятіе матеріальнаго уровня рабочихъ должно идти рука объ руку съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ*. Повышеніе уровня общенароднаго образованія уничтожаетъ ту пропасть, какая существуетъ теперь между высшими и низшими классами. Программа и методъ преподаванія, въ особенности же въ школахъ, предназначенныхъ для болѣе зрѣлаго юношества, должны быть принаровлены къ тому, чтобы пріучать личность оріентироваться въ природѣ, обществѣ и государствѣ, пріучать ее къ самостоятельной защитѣ своихъ интересовъ какъ въ одиночку, такъ и въ союзѣ съ другими,—повышеніе нравственнаго уровня, на сколько оно зависитъ отъ государства, должно быть направлено прежде всего къ возстановленію этической связи между рабочими и всѣми сферами общества, въ которомъ они живутъ. А это можетъ осуществиться единственно при томъ условіи, если рабочіе будутъ въ качествѣ равноправныхъ членовъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, да и участіе это должно быть проникнуто такимъ духомъ, который давалъ бы рабочимъ реальное основаніе вѣрить въ пользу узъ, соединяющихъ ихъ съ общиной, съ школьнымъ округомъ, съ государствомъ и со всѣмъ обществомъ.

Въ-третьихъ, поставляя рѣшеніе рабочаго вопроса въ тѣсную связь съ вопросомъ соціальнымъ, Ланге намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій, имѣющихъ своею задачей улучшеніе быта рабочей массы теперь. Таковы мѣры, направленныя къ пересмотру наслѣдственнаго права, къ раздробленію крупнаго землевладѣнія и постепенной національзаціи земли. Ланге упоминаетъ здѣсь также и о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи податныхъ тягостей между богатыми центрами и бѣдными захолустными общинами, напримѣръ, посредствомъ предоставленія государствомъ значительныхъ суммъ на школы, на призрѣніе бѣдныхъ и т. д.

Какъ на четвертый и послѣдній основной принципъ, Ланге указываетъ на необходимость самой широкой *свободы* въ примѣненіи рабочими всѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ они стараются выбиться изъ своего современнаго безсилія. Сюда относятся не только попытки самопомощи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, но, главнымъ образомъ, и всѣ національные и международные союзы рабочихъ, ихъ ассоціаціи, ихъ пресса и т. п.

Хотя книжка эта написана четверть вѣка тому назадъ, тѣмъ не менѣе, достоинства ея такъ велики, что, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы можно было замѣнить превосходный трудъ Ланге. Лучшимъ доказательствомъ ея цѣнности и значенія служитъ то, что изъ богатой литературы, существующей по рабочему вопросу на Западѣ, переведено не новѣйшее какое-либо сочиненіе, а именно выбранъ трудъ Ланге. По сжатости, богатству содержанія и спокойному, безпристрастному изложенію, эта книга почти не имѣетъ равной и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Адольфъ Гельдъ. Фабрика и ремесло. Перев. съ нѣм. Ю. Спасскаго. Москва. 1896. Цѣна 25 к. Небольшая брошюрка Гельда появляется на русскомъ языкѣ какъ нельзя болѣе кстати. Теперь у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, интересуются вопросомъ о хозяйственномъ развитіи Россіи. Какъ извѣстно, споръ ведется, главнымъ образомъ, о томъ, пойдетъ-ли наше экономическое развитіе по западно-европейскому типу, или же намъ удастся, благодаря сохраненію у насъ примитивныхъ хозяйственныхъ формъ—общины и артели, выработать новый хозяйственный строй, отличный отъ западно-европейскаго и болѣе совершенный, чѣмъ этотъ послѣдній. Сторонники второго взгляда обыкновенно ссылаются на преобладаніе въ Россіи мелкаго производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ обрабатывающей промышленности, чѣмъ яко-бы отличается Россія отъ Западной Европы. Книжка Гельда тѣмъ именно и интересна, что она показываетъ, какъ мало самобытна въ этомъ отношеніи Россія. Въ Пруссіи по переписи 1875 г. оказалось, что изъ числа лицъ, занятыхъ въ промышленности, 62% заняты въ мелкомъ производствѣ, и только 38%—въ крупномъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что мелкая промышленность преобладаетъ въ Пруссіи сравнительно съ крупной? Нисколько. Все дѣло въ томъ, что нужно различать форму *производства* и форму *промышленности*. Мелкое производство еще не значитъ мелкая промышленность. Крупная капиталистическая промышленность исторически развивалась въ двухъ формахъ—въ формѣ такъ называемой домашней системы крупной промышленности и въ формѣ фабрики. Вотъ эта-то первая система—при которой производство остается мелкимъ—предприниматель-капиталистъ раздаетъ сырой матеріалъ для обработки рабочимъ на дому, не соединяя ихъ въ одной мастерской или фабрикѣ, эта система и пользуется значительнымъ распространеніемъ въ настоящее время въ Пруссіи, а также, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ переводчикъ г-нъ Спасскій, и въ Россіи. Нашъ кустарь, въ большинствѣ случаевъ, не есть самостоятельный производитель работающій для рынка; въ большей или меньшей сте-

пени онъ находится въ зависимости отъ капиталиста торговца, или прямо раздающаго работу кустарямъ по домамъ за извѣстную плату, или выдающаго сырой матеріалъ въ долгъ и затѣмъ скупающаго произведенія кустаря. Широкое развитіе въ Россіи этой формы капиталистической промышленности объясняетъ, почему у насъ до сихъ поръ сохранилось мелкое кустарное производство. Но, какъ справедливо указываетъ Гельдъ, домашняя промышленность есть только переходная ступень къ фабричной. Въ Англіи въ XVIII-мъ вѣкѣ преобладала домашняя промышленность; мелкіе производители въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще сохраняли свою самостоятельность, но въ большинствѣ случаевъ они были наемными рабочими крупныхъ капиталистовъ. Крупное производство было мало развито, благодаря отсутствію машинъ. Изобрѣтеніе машинъ повело къ быстрому замѣщенію домашняго производства фабричнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ окончательному подчиненію производителя капиталисту, и Англія сдѣлалась типичной страной крупнаго фабричнаго производства.

Въ Германіи дѣло шло нѣсколько иначе. Еще полстолѣтія назадъ (въ 30—40-хъ годахъ) въ Германіи преобладало ремесло—мелкое самостоятельное производство. Постройка желѣзныхъ дорогъ и покровительственный тарифъ двинули впередъ національную промышленность. Городское населеніе стало быстро возрастать насчетъ деревенскаго, и Германія мало-по-малу превратилась въ богатую промышленную страну, какой она является теперь. Но въ то время какъ въ Англіи смѣна промышленныхъ формъ—замѣщеніе ремесла домашней промышленностью и этой послѣдней фабрикой,—произошла послѣдовательно, въ Германіи обѣ формы капиталистической промышленности развивались одновременно. Ремесло падало, но на смѣну ему являлась не только фабрика, но и домашняя промышленность. Тѣмъ не менѣе, и въ Германіи, какъ и въ Англіи, домашняя промышленность есть только переходная форма—прогрессъ техники, введеніе новыхъ машинъ, неизбѣжно ведутъ къ распространенію фабричнаго производства, которое какъ указано выше, уже въ 70-хъ годахъ занимало въ Пруссіи болѣе $^1/_3$ всѣхъ рабочихъ рукъ, занятыхъ въ промышленности, а теперь играетъ въ Германіи еще большую роль.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія брошюры Гельда можно видѣть, насколько она интересна именно для русскаго читателя. Безъ обстоятельнаго знакомства съ формами промышленности на Западѣ, гдѣ эти формы не только вполнѣ опредѣлились, но и имѣютъ за собой цѣлую исторію, невозможно понять хозяйственныя условія Россіи, гдѣ еще многое не успѣло опредѣлиться и находится въ періодѣ созиданія. Поэтому, нельзя не пожелать брошюрѣ нѣмецкаго экономиста возможно большаго распространенія среди нашей читающей публики.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ч. Диксонъ. «Перелетъ птицъ».

Чарльсъ Диксонъ. Перелетъ птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ. Перев. съ англійскаго граф. Е. П. Шереметевой, подъ редакціей Дм. Кайгородова. Спб. 1895 г. 269 стр. Ц. 1 р. 50 к. Періодическія миграціи принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ и наименѣе изученныхъ явленій въ жизни птицъ. Съ давнихъ временъ естествоиспытатели останавливали свое вниманіе на той правильности, съ какою ежегодно повторяются нѣкоторыя обстоятельства этихъ переселеній, напр., время появленія весеннихъ гостей, порядокъ, въ которомъ прилетаютъ къ намъ различныя птицы и т. д. Многія подробности явленія и до сего времени остаются загадочными. Не выясненъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, чѣмъ руководятся птицы въ выборѣ того или другого пролетнаго пути, какъ и при помощи какого чувства отыскиваютъ онѣ дорогу, какое мѣсто слѣдуетъ считать первоначальной родиной той или другой породы птицъ, будетъ ли этой родиной мѣсто лѣтняго пребыванія, гдѣ птица гнѣздится, или мѣсто зимовки, или, можетъ быть, этотъ вопросъ не имѣетъ одного общаго разрѣшенія для всѣхъ птицъ, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается различно. Еще недавно, пытаясь объяснить загадочныя стороны миграцій птицъ, орнитологи считали всѣ подробности правильныхъ періодическихъ переселеній проявленіемъ особаго миграціоннаго инстинкта. Въ доказательство существованія такого инстинкта приводили тотъ фактъ, что дикія птицы, находящіяся въ неволѣ, при наступленіи времени прилета или отлета, начинаютъ обнаруживать явное безпокойство. Понимая подъ словомъ инстинктъ безсознательное побужденіе, заставляющее животныхъ поступать такъ или иначе, но непремѣнно въ интересахъ собственноой породы, мы, конечно, должны считать миграціи птицъ явленіемъ инстинктивнымъ; однако, какъ бы мы ни называли явленіе, интересующій насъ вопросъ ни мало не выигрываетъ въ ясности. Считать какую-нибудь особенность въ жизни животныхъ проявленіемъ инстинкта,—это еще не значитъ объяснить эту особенность; необходимо еще показать, какія причины первоначально вызвали тотъ или другой инстинктъ и какъ онъ развивался. Въ этомъ смыслѣ самыя замысловатыя проявленія безсознательной дѣятельности муравьевъ, пчелъ или птицъ при постройкѣ ими гнѣздъ, не кажутся намъ загадочными. Не составляетъ, напримѣръ, никакихъ затрудненій объяснить, какимъ путемъ сложился удивительный рабовладѣльческій инстинктъ у муравьевъ. Достаточно представить себѣ, что когда-то, чисто случайно, колонія муравьевъ затащила въ свое гнѣздо личинку муравья другой породы и выкормила эту личинку; новый муравей превратился въ работника и своей персоной увеличилъ могущество колоніи. Тѣмъ самымъ порода, изъ которой эта колонія состояла, получила извѣстныя преимущества въ борьбѣ за существованіе, пріобрѣла новый шансъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ и оставить послѣ себя потомство. Обычай таскать въ свое гнѣздо чужихъ личи-

нокъ, какъ полезная особенность, путемъ естественнаго подбора легко могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ и принять форму инстинкта. Столь же понятны намъ и многіе другіе виды безсознательной дѣятельности животныхъ, напр., обыкновеніе собирать запасы, строить гнѣзда и проч. Нѣчто иное представляетъ переселенческій инстинктъ птицъ. Мы не можемъ объяснить, по какой причинѣ та или другая порода этихъ животныхъ, первоначально жившая осѣдло, вдругъ полетѣла на сѣверъ или на югъ, и какъ она узнала, что именно въ томъ направленіи, куда она полетѣла, имѣются лучшія условія для ея существованія въ теченіе опредѣленнаго времени года. Еще болѣе неяснымъ кажется намъ вопросъ о томъ, при помощи какихъ чувствъ птицы узнаютъ дорогу во время своихъ періодическихъ переселеній, амплитуда которыхъ равняется иногда 10.000 верстъ. Если допустить, что птицы отличаются превосходной памятью, то остается непонятнымъ, какъ могутъ находить дорогу молодыя птицы, ту самую дорогу, по которой онѣ летятъ въ первый разъ; извѣстно, что у многихъ породъ молодыя птицы летятъ отдѣльно отъ старыхъ, стало быть, не пользуются указаніями своихъ опытныхъ товарищей. До какой степени точно знаютъ свои пролетные пути мигрирующія птицы, показываетъ тотъ фактъ, замѣченный, напримѣръ, на ласточкахъ и аистахъ, что птицы хотя бы Сѣверной Европы, перезимовавшія въ центральной Африкѣ, возвращаются весной не только въ тотъ районъ, гдѣ онѣ гнѣздились въ предшествовавшемъ году, но даже въ свое прежнее гнѣздо.

За послѣднее десятилѣтіе появилось не мало научныхъ работъ, въ которыхъ многіе изъ этихъ темныхъ вопросовъ въ значительной степени разъяснены. Въ особенности много способствовало разъясненію ихъ одно довольно прочно установленное научное положеніе, со времени появленія котораго, по нашему мнѣнію, надо считать новую эру въ исторіи вопроса о переселеніяхъ птицъ. Это положеніе заключается въ томъ, что современныя перелетныя птицы во время своихъ миграцій летятъ по одному изъ тѣхъ направленій, по какому ихъ предки разселялись шагъ за шагомъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе вѣковъ, занимая все большій и большій участокъ земного шара. Къ такому выводу приходятъ на томъ основаніи, что многія птицы, гнѣздящіяся въ средней или даже восточной Сибири, летятъ на зимовку исключительно въ Африку, а не въ Индію, до которой онѣ могли бы долетѣть скорѣе, и гдѣ онѣ нашли бы тѣ же условія зимовки, что и въ Африкѣ. Точно также нѣкоторыя породы, вьющія гнѣзда въ средней Европѣ, улетаютъ на зиму исключительно въ Индію, а не въ Африку. Очевидно, эти птицы не подозрѣваютъ того, что прямо на югъ отъ мѣста ихъ гнѣздованія находится страна, гдѣ онѣ съ большимъ удобствомъ могли бы провести зиму. Фактъ такой непроизводительной траты времени и силъ на огромный перелетъ чрезъ Сибирь въ Африку, или чрезъ Европу въ Индію объясняется тѣмъ, что породы птицъ, летящія по такимъ окольнымъ дорогамъ, первоначально появились въ опредѣленной точкѣ на линіи этихъ путей. Изъ этой точки, какъ изъ центра, по мѣрѣ раз-

множенія изъ поколѣнія въ поколѣніе особи данной породы разселялись во всѣ стороны по радіусамъ, между прочимъ, и въ томъ направленіи, въ какомъ современные ихъ потомки совершаютъ свои ежегодныя переселенія. Другими словами, современныя птицы въ своихъ миграціяхъ ежегодно повторяютъ тотъ путь, по которому предки ихъ медленно и постепенно разселялись по лицу земли.

Хотя литература по вопросу о миграціяхъ птицъ довольно обширна, но она чрезвычайно разбросана, и до появленія въ свѣтъ разсматриваемаго сочиненія Диксона не было ни одной попытки свести ее въ одно цѣлое. Заслуга этого автора именно и заключается въ томъ, что онъ приводитъ къ одному знаменателю главнѣйшія изслѣдованія по названному вопросу, не упуская изъ виду и работъ послѣдняго десятилѣтія. Во всемъ, что касается изложенія содержанія иностранныхъ сочиненій, трудъ Диксона выполненъ достаточно обстоятельно, и, что всего важнѣе для неспеціалистовъ, написанъ довольно популярно; русскую же литературу авторъ систематически игнорируетъ, или, вѣрнѣе, обнаруживаетъ полное незнакомство съ ней. Такова, видно, ужъ участь нашихъ изслѣдованій. Между тѣмъ, не изъ патріотизма только ставимъ мы этотъ упрекъ Диксону. Познакомившись съ нашей литературой, авторъ убѣдился бы, что блестящая мысль о совпаденіи пролетныхъ путей мигрирующихъ птицъ съ путями, по которымъ ихъ предки разселялись изъ вѣка въ вѣкъ, первоначально была высказана не англичаниномъ Зибомомъ, а русскимъ ученымъ Мензбиромъ, который двумя годами раньше Зибома заявилъ это положеніе нисколько не менѣе ясно. Изъ сочиненія русскаго академика Миддендорфа Диксонъ познакомился бы съ изопинтезами, т. е. съ линіями одновременнаго прилета, о которыхъ авторъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ. Труды того же Мензбира, а также Сѣверцова показали бы ему, что въ Россіи хорошо изучены и нанесены на карту пролетные пути многихъ птицъ. Съ такимъ игнорированіемъ русскихъ работъ можно было бы помириться, если бы онѣ были напечатаны на русскомъ языкѣ, между тѣмъ, указанныя сочиненія русскихъ авторовъ написаны на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ.

Къ числу недостатковъ сочиненія Диксона мы относимъ также слишкомъ довѣрчивое отношеніе автора къ показаніямъ многихъ мало авторитетныхъ натуралистовъ. Ссылаясь на свидѣтельство этихъ наблюдателей, онъ высказываетъ увѣренность въ возможность зимней спячки у птицъ, при чемъ самъ Диксонъ разсчитываетъ на то, что ему придется «подвергнуться безпощадной критикѣ за такую ересь». Безпощадной критикой мы заниматься не станемъ, отмѣтимъ только тотъ фактъ, что всѣ предположенія относительно возможности зимней спячки птицъ основаны или на неточныхъ наблюденіяхъ, или на нелѣпыхъ басняхъ писателей прошлаго столѣтія. Въ настоящее время, когда жизнь птицъ изучается достаточно полно, едва ли можно серьезно говорить о подобныхъ предположеніяхъ. Точно также намъ кажется ошибочнымъ увѣреніе Диксона, заимствованное, вѣроятно, у гельголанд-

скаго наблюдателя Гетке, будто стрижи летятъ со скоростью 200 миль въ часъ. Считая обыкновенную англійскую милю равной, приблизительно $1^1/_4$ версты, мы получимъ поистинѣ космическую скорость 350 верстъ въ часъ. На самомъ же дѣлѣ точныя наблюденія надъ быстротой полета почтовыхъ голубей, птицъ, какъ извѣстно, летающихъ быстро, показали, что скорость его при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не превосходитъ 80—100 верстъ въ часъ.

Не смотря на указанные недостатки, книга Диксона является очень полезнымъ вкладомъ въ научную литературу. Такъ какъ сочиненіе изложено достаточно популярно и вопросъ, затронутый въ немъ, можетъ заинтересовать всякаго любителя природы, то намъ остается только порадоваться, что книга Диксона появилась въ русскомъ переводѣ. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ нельзя считать вполнѣ удачнымъ. Прежде всего непріятно поражаетъ тяжелый, подчасъ неточный, языкъ. Въ качествѣ примѣровъ укажемъ: птицы проводятъ зиму «выше изотермической линіи преобладающаго снѣга и мороза» (стр. 146). Размѣры перелетовъ «превосходятъ почти всякое невѣроятіе» (стр. 213). «Краткость перелетнаго полета» (стр. 24) и т. д. Мѣстами англійскіе научные термины, переводимые вполнѣ опредѣленными терминами и по русски, переданы, такъ сказать, своими словами. Такъ, вмѣсто выраженія «постъ-пліоценовый», переводчица всюду употребляетъ «попліоценовый»; ледниковую эпоху на стр. 26 она называетъ также и ледяной эпохой. Астрономическое выраженіе «equinoctical precession» г-жа Шереметева переводитъ выраженіемъ «равноденственная прецессія» (стр. 131), тогда какъ въ русскомъ языкѣ для названнаго явленія имѣется опредѣленный терминъ «предвареніе равноденствій». Мѣстами мысль автора передана неясно и не совсѣмъ точно. Такъ, на стр. 115 Диксонъ говоритъ: «More local, but none tle less certain, causes of emigrition may be found in tle great numerical increase of species». Г-жа Шереметева переводитъ: (стр. 106) «Не менѣе очевидная, хотя и болѣе мѣстная, причина переселенія заключается *въ огромномъ увеличеніи численности видовъ*». На самомъ же дѣлѣ авторъ говоритъ не объ увеличеніи численности видовъ, а о численномъ возростаніи вида, т. е. объ увеличеніи количества особей вида. Названіе таблицъ, показывающихъ продолжительность перелета птицъ въ Англіи «Table showing the duration of flight» переведено: «таблица, показывающая продолжительность полета». Хотя слово «*flight*» въ дѣйствительности и значитъ полетъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь, безъ всякаго сомнѣнія, идетъ не о продолжительности полета, т. е. не о времени, въ теченіе котораго птицы могутъ летѣть, не присаживаясь, и не о томъ промежуткѣ времени, который нуженъ птицѣ для того, чтобы изъ мѣстъ зимовки достигнуть Англіи, —въ этихъ таблицахъ Диксонъ отмѣчаетъ періодъ времени, въ теченіе котораго перелетъ разныхъ птицъ начинается въ Англіи и кончается, т. е. продолжительность перелета. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ исправить ошибку или описку Диксона, вошедшую и въ русскій переводъ. Млекопи-

тающее Rhinoceros lemitaechus авторъ называетъ гиппопотамомъ, между тѣмъ это носорогъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія книжнаго склада А. М. Муриновой. — Изданія «Посредника». — Изданія И. Ѳ. Жиркова. — Изданія Дм. Ив. Тихомірова. — Изданія книжнаго склада А. М. Калмыковой. — Изданія С.-Петербургскаго Комитета грамотности. Книжный складъ А. М. Муриновой очень недавно началъ свою издательскую дѣятельность и выпустилъ уже девятнадцать номеровъ народныхъ книжекъ. Этой фирмой издано нѣсколько разсказовъ Н. Златовратскаго, Вл. Короленко, Вас. И. Немировича-Данченко, Д. Мамина-Сибирика, нѣсколько книжекъ дѣлового содержанія, по естествознанію, по исторіи, нѣсколько біографій писателей. Не говоря о тѣхъ изданіяхъ, на которыхъ стоятъ имена извѣстныхъ авторовъ, всѣ остальные номера можно смѣло рекомендовать для школъ и народа. Если не всѣ книжки одинаково хороши, то каждая изъ нихъ все же обладаетъ извѣстными достоинствами. Передъ нами недавно вышедшая брошюрка г. Ч. Вѣтринскаго «Н. В. Гоголь и его произведенія» съ очень недурнымъ портретомъ на обложкѣ и передъ текстомъ. Это кратко, но хорошимъ литературнымъ языкомъ написанная біографія Гоголя въ связи съ его главнѣйшими произведеніями, содержаніе которыхъ тоже передано живо и интересно. Въ концѣ приложено пятое дѣйствіе изъ комедіи «Ревизоръ». Г-мъ Ч. Вѣтринскимъ составлены и ранѣе изданныя складомъ А. М. Муриновой біографіи А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенева. Всѣ эти біографіи заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и біографія Н. В. Гоголя. Книжка, написанная г. В. Я. Я—въ, «Георгъ Вашингтонъ» представляетъ обстоятельно изложенную исторію Америки и основанія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Книжка очень полезная, но нужно замѣтить, что она доступна пониманію читателя уже съ нѣкоторой подготовкой и съ значительнымъ навыкомъ въ чтеніи серьезныхъ книгъ. Составленныя г. А. Сельскимъ «Бесѣды о землѣ» даютъ читателю понятія о формѣ земли и разъясняютъ законы взаимнаго притяженія. Темы, взятыя авторомъ, безспорно, принадлежатъ къ наиболѣе труднымъ для разработки въ народномъ изданіи.

Фирма «Посредника» выпустила за послѣднее время еще нѣсколько книжекъ. Между ними особенно выдѣляется «Натанъ Мудрый», драма Г. Лессинга, въ переводѣ г. С. А. Порѣцкаго. Эта книжка представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе въ народной литературѣ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ и хотя съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника, но не нарушающими цѣлостности драмы. Деревенскія сцены г. С. Т. Семенова «Не все то золото, что блеститъ или по одежкѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ» направлены противъ обольщенія внѣшнимъ лоскомъ,

пріобрѣтаемымъ простымъ деревенскимъ человѣкомъ въ городахъ. Читаются сцены съ интересомъ, написаны довольно живо и въ бытовомъ отношеніи вѣрны дѣйствительности, но тенденція пришита къ нимъ бѣлыми нитками и слишкомъ ужъ выглядываетъ наружу. Брошюра г. І. А. Клейбера «о томъ, что видно на небѣ» отчасти трактуетъ о томъ же, о чемъ говорится и въ «Бесѣдахъ о землѣ» г. А. Сельскаго, но разница между ними большая. Не мудрствуя лукаво, спокойно и просто повѣствуетъ авторъ о формѣ земли и о силѣ притяженія. Это не главная тема его брошюры, но ему все это нужно объяснить, чтобы перейти къ главному предмету, къ тому, что видно на небѣ. Объ этомъ разсказано тоже очень хорошо и литературнымъ языкомъ, что вмѣстѣ съ помѣщенными кстати чертежами даетъ читателю возможность вынести изъ брошюрки не мало свѣдѣній. Въ концѣ приложено прекрасное стихотвореніе А. Хомякова «Звѣзды».

Изданныя И. Ѳ. Жирковымъ «Басни Крылова» подобраны въ четыре книжечки: для младшаго, средняго, старшаго и зрѣлаго возрастовъ. Подборъ сдѣланъ удачно, а мысль раздѣлить басни по доступности пониманія въ разные возрасты нужно признать правильною. Въ публикѣ существуетъ относительно басенъ Крылова такое же заблужденіе, какъ и относительно сказокъ Андерсена — будто бы всѣ онѣ писаны для дѣтей. Это, конечно, невѣрно, и такія басни, какъ «Вельможа», «Лисица и сурокъ», «Рыцарь», «Лещи» и многія другія дѣтямъ совершенно непонятны и объяснить ихъ трудно. Книжки изданы чисто и каждая стоитъ 5 коп., заключая въ себѣ отъ 47 до 54 басенъ.

Книжка, изданная Дм. Ив. Тихомировымъ, «Два разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка», стоитъ довольно дорого—за 37 страницъ крупной печати 10 коп. Въ книжкѣ, правда, двѣ картинки, но исполнены онѣ такъ плохо, что лучше бы ихъ и не прикладывать. Оба разсказа г. Мамина-Сибиряка очень хороши, но лучшій изъ нихъ «Ангелочки».

Изданный отдѣльно книжнымъ складомъ А. М. Калмыковой разсказъ покойнаго профессора петербургскаго университета М. Н. Богданова «Карпушкинъ родникъ», входитъ въ составъ сборника талантливыхъ статей покойнагв автора подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ жизни русской природы». Раньше всѣ эти статьи печатались въ дѣтскомъ журналѣ «Родникъ». Изданный теперь разсказъ написанъ на тему: «знанье—сила». Разсказъ написанъ такимъ же хорошимъ языкомъ, какъ и все, написанное покойнымъ М. Н. Богдановымъ. Другой разсказъ, напечатанный въ этой же книжкѣ, о Жозефѣ Реми, открывшемъ способъ искуственнаго разведенія рыбы, также написанъ очень хорошо и дышетъ жизненной правдой.

Издательская дѣятельность Петербургскаго Комитета грамотности при Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ послѣднее время его существованія все возрастала. Цѣлый рядъ его изданій выпущенъ былъ въ концѣ октября и въ ноябрѣ 1895 года. Имена авторовъ изданныхъ разсказовъ достаточно свидѣтельствуютъ, съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относился Комитетъ къ важному дѣлу распространенія среди народа хорошихъ книгъ.

Ф. Д. Нефедовъ, А. А. Потѣхинъ, Марко Вовчокъ, Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко писали свои произведенiя для всего народа, совершенно понятныя для него вещи и на понятномъ ему языкѣ. Петербургскiй Комитетъ грамотности постоянно задавался цѣлью знакомить народъ съ произведенiями только лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Всѣ изданiя Комитета отличались дешевизной и изяществомъ. Многiя книжки украшены хорошими рисунками. Напримѣръ, разсказы Л. Н. Толстого: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» и «Кавказскiй плѣнникъ», соединенныя въ одну брошюру, стоютъ всего 3 коп., и очень недурно иллюстрированы. Эти разсказы были изданы ранѣе г. Сытинымъ по той же цѣнѣ, но далеко не такъ изящно. Прелестные разсказы Марко Вовчка давно уже ожидали своей очереди попасть «въ народъ», откуда они и были почерпнуты покойнымъ авторомъ. Теперь, благодаря Петербургскому Комитету грамотности, двери для нихъ туда открыты. «Саша», «Казачка», «Одарка», «Горпина», «Сестра», «Лядащая», изданныя раньше, и вышедшiя теперь: «Павло Чернокрылъ», «Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ» и «Маруся» разнесутъ по всей Россiи добрыя чувства, волновавшiя ихъ творца, разнесутъ вмѣстѣ съ его именемъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ колоритомъ, который такъ свойственъ малорусской поэзiи. Произведенiя Ф. Д. Нефедова и А. А. Потѣхина тоже принесутъ не мало наслажденiя и прочтутся всѣми грамотными людьми, до кого только дойдутъ. А нужно думать, что, благодаря своей дешевизнѣ, дойдутъ они всюду. Насколько дешевы были изданiя Комитета можно судить хоть бы потому, что повѣсть А. А. Потѣхина «На мiру» въ 196 стр. (больше 12 печатныхъ листовъ), стоитъ всего 18 коп. Можно съ полною увѣренностью сказать, что издательская дѣятельность Петербургскаго Комитета грамотности не прошла безслѣдно и не одно спасибо будетъ сказано по его адресу въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россiи. «Указанiя къ устройству читаленъ и пр.» появляется третьимъ изданiемъ въ самое короткое время. Одно это уже указываетъ на несомнѣнную его пользу. И, дѣйствительно, при томъ распространенiи народныхъ библiотекъ-читаленъ, которое замѣчается въ послѣднее время, книжка эта служитъ необходимымъ руководствомъ и указателемъ. Помимо узаконенiй, касающихся безплатныхъ читаленъ, она заключаетъ примѣрные уставы такихъ читаленъ, кѣмъ бы онѣ ни учреждались, а также формы прошенiй объ ихъ открытiи и примѣрный каталогъ для библiотеки въ 290 руб. Такая брошюра можетъ быть полезной справочной книжкой для всякаго и стоитъ очень дешево, всего 10 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le roman en France pendant le XIX siècle» par Eugène Gilbert (Plon, Nourrit et C⁰). Paris. (Романъ во Франціи въ XIX вѣкѣ). Романическая литература во Франціи достигла очень большого развитія въ концѣ этого вѣка и романъ теперь занялъ первенствующее мѣсто. Въ XVII и даже XVIII вѣкѣ къ этому роду литературы относились довольно-таки презрительно, и онъ считался легкомысленнымъ жанромъ, стоящимъ гораздо ниже другихъ, благородныхъ жанровъ литературы. Но въ XIX вѣкѣ романъ, мало-по-малу, сталъ выдвигаться на первый планъ и даже заслонилъ собою другіе роды литературнаго творчества. Авторъ вышеуказанной книги разсматриваетъ развитіе романической литературы во Франціи съ исторической, философской, эстетической и нравственной точки зрѣнія. Онъ указываетъ, какъ отразились въ романѣ различныя литературныя и общественныя теченія и настроенія, и знакомитъ съ современными литературными школами во Франціи. Читатель, интересующійся современною французскою литературой, найдетъ въ этой книгѣ много разъясненій и цѣнныхъ указаній.

(Revue des Revues).

«The Making of the Nation 1783—1817» by Francis A. Walker (Sampson Lowand C⁰). (Образованіе націи). Очень интересная книга, въ которой подробно разсказывается исторія борьбы Соединенныхъ Штатовъ Америки за свою независимость и первые шаги великой американской республики, достигшей самостоятельности и свободы. Авторъ схватываетъ главныя черты великаго американскаго движенія и указываетъ на причины успѣха американцевъ на поприщѣ гражданской самостоятельности и независимости.

(Daily News).

«La femme devant la science» par Jacques Lourbet, Paris. (Женщина передъ наукой). Авторъ этой книги, французскій философъ, принадлежитъ къ числу защитниковъ и сторонниковъ женщинъ въ ихъ борьбѣ за самостоятельность и равноправность. Въ очень основательномъ и изобилующемъ фактическими данными трудѣ онъ старается, по возможности, безпристрастно разсмотрѣть всѣ доводы pro и contra, выдвигаемые на сцену противниками и сторонниками женской равноправности. Заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, могутъ подѣйствовать ободряющимъ образомъ на женщинъ, добивающихся самостоятельности и желающихъ вступить въ состязаніе съ мужчиной на различныхъ поприщахъ общественной и научной дѣятельности. (Journal des Débats).

«The Evolution of Industry» by Henry Dyer (Macmillian and C⁰). (Эволюція промышленности). Авторъ этой книги пользуется извѣстностью, какъ писатель по различнымъ вопросамъ политической экономіи. На этотъ разъ онъ касается въ своей книгѣ одной изъ важныхъ проблемъ политической экономіи, выдвинутыхъ на сцену необычайнымъ ростомъ промышленности и введеніемъ машиннаго производства.

(Popular Science Monthly).

«The Art of Newspaper Making» Three Lectures. By Charles A. Dana (D. Appleton and C⁰). New-York. (Искусство дѣлать газету). Изданіе газеты, которая могла бы привлечь огромный контингентъ читателей, безъ сомнѣнія, представляетъ не легкое дѣло. Авторъ, однако, можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ; онъ изучилъ это искусство въ Америкѣ, гдѣ считается старѣйшимъ изъ газетныхъ издателей и поэтому обладаетъ большою опытностью.

(Daily News).

«*The Story of primitive man*» *by Edward Clodd* (*Appleton and C°*) *Illustrated.* (*Исторія первобытнаго человѣка*). Въ этой книгѣ собраны результаты новѣйшихъ изслѣдованій въ области первобытной исторіи человѣческой расы. Такъ же, какъ и предшествующее сочиненіе автора «Story of the Stars» (Исторія звѣздъ), эта книга написана яснымъ, сжатымъ и образнымъ языкомъ, безъ всякихъ лишнихъ техническихъ выраженій и фразъ и даетъ полное понятіе о ранней исторіи человѣчества. Текстъ сопровождается и поясняется множествомъ прекрасно исполненныхъ иллюстрацій.

(Popular Science Monthly).

«*The Making of the Body*» *by M-rs S. A. Barnett.* (*London and New-York: Longmans, Green and C°*). (*Строеніе тѣла*). Книга написана съ цѣлью заинтересовать дѣтей и взрослыхъ, не имѣющихъ никакихъ, даже элементарныхъ понятій о физіологіи, въ строеніи собственнаго тѣла. Благодаря ясности изложенія, отсутствію техническихъ выраженій, поясненію примѣрами и разсказами, книга эта вполнѣ достигаетъ своей цѣли. (Daily News).

«*The Education of the Greek People and its influence on civilization*» *by Thomas Davidson. International Education Series. New-York* (*D. Appleton and C°*). (*Воспитаніе греческаго народа и его вліяніе на цивилизацію*). Цѣль автора—показать, «какъ воспитался постепенно греческій народъ и достигъ той степени культуры, которая сдѣлала изъ него учителей всего міра и каковы были результаты этого воспитанія». Послѣ вступительной главы, въ которой авторъ говоритъ о цѣляхъ и общей формѣ воспитанія, онъ переходитъ къ изображенію древнегреческой жизни и ея идеаловъ и системы воспитанія, существовавшей до и послѣ появленія философскихъ ученій. Онъ указываетъ далѣе, какое огромное вліяніе на греческую культуру оказали двѣ великія религіи Востока, религія Зороастра и іудейское ученіе, а также гражданскій строй Рима. Вообще изъ этой книги можно почерпнуть гораздо болѣе основательное знаніе античнаго міра, нежели изъ всѣхъ до нынѣ существующихъ учебниковъ по исторіи Греціи и литературѣ.

(Popular Science Monthly).

«*The Natural History of Aquatic insects*» *by Professor J. C. Miall. F. R. S. With Illustrations by A. R. Hammond* (*Macmillian and C°*). (*Естественная исторія водяныхъ насѣкомыхъ*). Появленіе этой книги знаменуетъ какъ бы новую эру въ біологіи. Въ прошломъ столѣтіи «натуръ-философы», изучавшіе органическую жизнь нѣсколько иначе, нежели обыкновенные собиратели коллекцій и классификаторы, не считали лишнимъ наблюдать и повѣствовать о нравахъ и привычкахъ животныхъ, надъ которыми они производили свои изслѣдованія. Но изученіе этого важнаго отдѣла естественной исторіи предоставлено было затѣмъ окончательно любителямъ, и только теперь профессора и студенты обнаруживаютъ стремленіе вернуться на старый путь, бывшій весьма плодотворнымъ для науки. Вышеназванная книга указываетъ на такое возвращеніе къ старому методу; она очень хорошо написана, прекрасно иллюстрирована и полна интереса.

(University Extension Journal).

«*Hans Christian Andersen*» *a Biography. By M. Nisbet Bain Illustrated* (*Lawrence and Bullens*). (*Гансъ Христіанъ Андерсенъ, біографія*). Кому неизвѣстно имя Андерсена, сказками котораго зачитываются до сихъ поръ дѣти всѣхъ цивилизованныхъ странъ? Сказки Андерсена переведены на всѣ европейскіе языки и имя его пользуется огромною популярностью; біографія его, конечно, должна представить не малый интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ высшей степени оригинальный человѣкъ и о немъ трудно составить себѣ понятіе изъ его литературныхъ произведеній. Онъ очень много путешествовалъ по Европѣ и находился въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ со всѣми литературными знаменитостями своего времени. (Athaeneum).

«*How to write Fiction*» (*Bellairs and C°*). (*Какъ писать повѣсти*). Можно обучить живописцевъ рисованію, музыкантовъ—композиціи, — почему же нельзя обучить писателей сочинять хорошенькіе разсказы? Авторъ названной книги полагаетъ, что это возможно, и на этомъ основаніи издаетъ свое оригинальное руководство къ писанію повѣстей. Въ предисловіи авторъ увѣряетъ, что методъ его былъ испробованъ на практикѣ и далъ хорошіе результаты. Во всякомъ случаѣ, его оригинальное руководство, навѣрное, прочтется съ интересомъ не одними только настоящими или будущими авторами повѣстей. (Bookseller).

«*A woman's words to women*» *by Mary Sharlieb. M. D.* (*Swan Sonnenschein and C°*). (*Слово женщины къ женщинамъ*). Авторъ этой небольшой, но очень полезной книги—женщина, докторъ медицины, долго практиковавшая въ Англіи и Индіи. Совѣты, которые она препо-

даетъ женщинамъ въ своей книгѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ они являются результатомъ долговременнаго опыта и наблюденія.

(Bookseller).

«*Village Tales and Jungle Tragedies*» *by B. M. Croker (Chatts and Windus)*. (*Деревенскіе разсказы и трагедіи джунглей*). Авторъ этихъ разсказовъ, мисстриссъ Крукеръ, основательно знакома съ условіями жизни въ Индіи и характеромъ ея населенія и поэтому ея разсказы, написанные очень живо и увлекательно, представляютъ особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что обрисовываютъ жизнь глухихъ уголковъ Индіи, деревень, затерявшихся въ лѣсахъ или въ джунгляхъ. Передъ глазами читателя проходятъ картины индійской природы, ея красотъ и опасностей, угрожающихъ человѣку на каждомъ шагу. Очень хорошъ разсказъ, гдѣ героемъ является слонъ, и другой, мѣсто дѣйствія котораго происходитъ въ одной изъ интереснѣйшихъ мѣстностей Индіи, въ Раджпутанѣ.

(Bookseller).

«*The Darleys of Dingo Dingo*» *by J. C. Mac Cartee (Gay and Bird)*. (*Разсказы изъ австралійской жизни*). Эти современные австралійскіе разсказы интересны въ томъ отношеніи, что они прекрасно обрисовываютъ постепенное исчезаніе первобытной дикости въ странѣ, насажденіе цивилизаціи и появленіе цвѣтущихъ колоній и городовъ. Эпизоды колоніальной жизни, борьба съ природой и первобытными обитателями, которыхъ европейцы изгнали изъ ихъ владѣній, разсказаны очень увлекательно и живо.

(Bookseller).

«*Thirteen Doctors*» *by M-rs J. K. Spender (Junes and C⁰)*. (*Тринадцать врачей*). Врачамъ, безъ сомнѣнія, уже вслѣдствіе своей профессіи, приходится наталкиваться на очень любопытные эпизоды человѣческой жизни и имѣть дѣло съ весьма разнообразными проявленіями человѣческой природы и характера; опытъ ихъ въ этомъ отношеніи долженъ быть очень великъ. Исходя изъ этого убѣжденія, авторъ и собралъ въ своей книгѣ разсказы тринадцати врачей, могущіе заинтересовать читателей.

(Bookseller).

«*The River Kongo*» *by H. H. Sohnston (Low, Marston and C⁰)*. (*Рѣка Конго*). Путешествія всегда возбуждаютъ интересъ читателей, особенно если они описаны живымъ, увлекательнымъ языкомъ, какимъ владѣетъ авторъ названной книги, въ которой онъ разсказываетъ свои приключенія и наблюденія въ Конго.

(Bookseller).

«*The Chemistry of the Farm*» *by R. Warington (Vinton and C⁰)*. (*Химія фермы*). Эта небольшая книга вышла уже девятымъ изданіемъ и ужъ это одно указываетъ на то, что она удовлетворяетъ своей цѣли — служить хорошимъ руководствомъ для фермеровъ при веденіи хозяйства, (Bookseller).

«*The Training of Teachers in the United States of America*» *by Amy Blanche Bramwéll and H. Millicent Hugues (Sonnenschein and C⁰)*. (*Приготовленіе учителей въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки*). Миссъ Брамвелль и миссъ Гюгсъ отправились въ Америку съ цѣлью познакомиться поближе съ принципами и практикою педагогической подготовки въ Америкѣ и собрать какъ можно болѣе фактовъ, которые могли бы способствовать разрѣшенію многихъ очень важныхъ вопросовъ, касающихся современнаго воспитанія. Американская воспитательная система во многихъ отношеніяхъ отличается отъ европейской и поэтому уже представляетъ огромный интересъ для европейцевъ. Американцы примѣнили на практикѣ многія теоретическія идеи педагогики и европейцы имѣютъ возможность видѣть уже результаты и судить о нихъ, что вдвойнѣ поучительно. Вотъ почему вышеназванная книга должна представить не малый интересъ для читателей, занимающихся вопросами воспитанія.

(Literary World).

«*Methods of Education in the United States*» *by Alice Zimmern (Sonnenschein and C⁰)*. (*Методы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ*). Авторъ этой книги, миссъ Циммернъ, обращаетъ свое вниманіе на воспитаніе дѣвочекъ въ Соединенныхъ Штатахъ и описываетъ смѣшанныя школы, коллегіи и университеты, въ которыхъ американскія дѣвушки заканчиваютъ свое образованіе. Не смотря на то, что миссъ Циммернъ не располагала достаточно временемъ, чтобы изучить во всѣхъ подробностяхъ систему американскаго воспитанія, такъ какъ въ каждомъ штатѣ существуетъ своя собственная школьная организація и во всей странѣ насчитывается не менѣе 600 воспитательныхъ учрежденій или коллегій, дающихъ ученыя степени, она все-таки видѣла много и «видѣла хорошо» и поэтому ея книга представляетъ огромный интересъ. Миссъ Циммернъ особенно отмѣчаетъ «общую заботливость о воспитаніи», которая составляетъ характерную черту каждаго штата въ Америкѣ: Въ системѣ преподаванія, господствующей въ Америкѣ, выражается главное ея отличіе отъ евро-

пейской педагогической системы. Во всѣхъ американскихъ школахъ устнымъ занятіямъ отдается предпочтеніе передъ письменными. Отъ американскаго школьника требуется, чтобы онъ умѣлъ говорить «ясно и отчетливо» и выражать мысли толково и безъ лишнихъ словъ. Все это ведетъ къ тому, что какъ дѣвочки, такъ и мальчики уже съ раннихъ лѣтъ пріучаются говорить публично и впослѣдствіи безъ всякихъ затрудненій выступаютъ въ качествѣ ораторовъ на митингахъ. (Athaeneum).

«*Men, Cities, and Events*» *by W. Beatty Kingston* (*Bliss, Sand and Faster*). (*Люди, города и событія*). Авторъ этой, очень занимательной книги, въ теченіе тридцати лѣтъ былъ корреспондентомъ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ, «Daily Telegraph». Разумѣется, благодаря своей профессіи журналиста, ему пришлось перебывать въ разныхъ странахъ и перезнакомиться со многими выдающимися личностями; поэтому, его повѣствованіе о личныхъ встрѣчахъ и разговорахъ и приключеніяхъ, выпавшихъ на его долю, во время поисковъ матеріала для корреспонденцій, весьма интересно и мѣстами преисполнено юмора. Нѣкоторыя изъ современныхъ знаменитостей встаютъ какъ живые передъ глазами читателя въ разсказѣ журналиста, описывающаго свое «interview» съ ними. Тридцатилѣтній опытъ журналиста, конечно, что-нибудь да значитъ и автору естественно пришлось быть свидѣтелемъ многихъ интересныхъ событій и встрѣчаться со многими интересными личностями въ своей жизни. (Athaeneum).

«*Life and Labour or Characteristics of Men of industry, Talent and Genius*». *By V-r Smiles.* (*Жизнь и трудъ или характеристики промышленныхъ дѣятелей, таланта и генія*). Никакая другая книга не сдѣлала столько для того, чтобы поставить трудъ на должную высоту, какъ это сочиненіе, преисполненное самаго горячаго и возвышеннаго энтузіазма. Авторъ (Смайльсъ) настолько извѣстенъ читающей публикѣ, что хвалить его книгу было бы безполезно. (Athaeneum).

«*Missionary Heroines in Eastern Lands*». *By M-rs E. R. Pitman* (*S. W. Partridge and C°*). (*Героини миссіонерской дѣятельности въ восточныхъ странахъ*). Миссіонерская дѣятельность зачастую бываетъ сопряжена съ опасностями для жизни и требуетъ подвиговъ высокаго самоотверженія и героизма. Многія женщины, воодушевленныя желаніемъ поработать на этомъ поприщѣ, выказали себя истинными героинями. Въ своемъ очеркѣ авторъ стремится познакомить читателей съ миссіонерскою дѣятельностью такихъ женщинъ и очертить образъ нѣкоторыхъ изъ этихъ героинь. (Literary World).

«*My Lifetime*» *by John Hollingshead* (*Sampson, Low, Marston and C°*). (*Моя жизнь*). Уважаемый авторъ и журналистъ собралъ въ этой книгѣ свои воспоминанія о событіяхъ и людяхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Онъ хорошо зналъ Теккерея, Диккенса, лорда Литтона и др., и его разсказы о нихъ очень интересны. Также интересны картинки литературной жизни Англіи, описанія литературной богемы и знаменитаго «клуба дикихъ». (Literary World).

«*The Afghan and Hindu Highlands of the Punjab*». *By F. St. J. Gore B. A.* (*John Murray*). (*Афганскія и индустанскія высоты Пенджаба*). Автору этого интереснаго описанія мѣстности, мало извѣстной и не посѣщаемой обыкновенными путешественниками, пришлось по дѣламъ службы совершить поѣздку въ Гималаи и изучить жизнь горныхъ племенъ, отличающихся многими особенностями и не вступающихъ въ сношенія съ населеніемъ Индіи. Къ описанію приложены превосходно исполненные фотографическіе снимки гималайскихъ видовъ и карта мѣстности, изслѣдованной авторомъ. (Daily News).

«*Wild Nature won by kindness*» *by M-rs Brightwen* (*T. Fisher Unwin*). (*Дикая природа, побѣжденная добротой*). Мистриссъ Брайтуэнъ, авторъ этой книги, выказываетъ большую любовь къ природѣ и животнымъ, нравы которыхъ она старательно изучаетъ. Въ своихъ разсказахъ о различныхъ представителяхъ животнаго царства, прирученіемъ которыхъ она занималась, мистриссъ Брайтуэнъ обнаруживаетъ большую наблюдательность. Очень хороши главы: «Studying Nature» (изученіе природы) и «Teaching village Children to be humane» (обученіе деревенскихъ дѣтей состраданію). Любители природы прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ. (Daily News).

«*Lao-Tsze*» *by Major-General Alexander, C. B. Kegan Paul French and C°*. (*Лао-Тсе*). Въ предисловіи къ этой книгѣ, представляющей переводъ поученій великаго китайскаго проповѣдника Лао-Тсе, основателя религіи, называемой теперь «таоизмомъ», авторъ, знатокъ китайской исторіи и китайскаго языка, говоритъ, что современная китайская религія представляетъ лишь грубое искаженіе первоначальнаго ученія, которое онъ и старается изобразить читателямъ

въ его первобытной чистотѣ. Лао-Тсе былъ реформаторомъ браминской религіи; онъ былъ современникомъ Пиѳагора, Езекіиля и Конфуція. Его ученіе представляетъ чистѣйшій монотеизмъ и врядъ ли въ религіозной литературѣ всего свѣта можно найти болѣе возвышенное понятіе о Богѣ и нравственности, чѣмъ то, которымъ проникнута проповѣдь Лао-Тсе. (Daily News).

«Society in China» an Account of the every-day life of the Chinese people, Social, Political and Religions. Library edition with 22 illustrations. (*Общество въ Китаѣ; соціальная, политическая и религіозная жизнь китайскаго народа*). Эта книга—лучшая изъ всѣхъ, которыя когда-либо писались о Китаѣ, и даетъ очень полное представленіе о жизни китайскаго народа, его воззрѣніяхъ и характерѣ. (Athaeneum).

«The moving Finger» Chapters from the Romance of australian Life. By Mary Gount (Methuen and C°). (*Двигающійся палецъ; главы изъ австралійской жизни*). Всѣ эти разсказы, обрисовывающіе жизнь среди первобытнаго народа и первобытной природы, написаны очень увлекательно и живо. Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ жизнью въ австралійскихъ лѣсахъ и описанія его отличаются яркостью красокъ и мѣстами представляютъ большой драматическій интересъ. (Athaeneum).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го декабря по 15-е января.

Альфредъ Теннисонъ. *Магдалина* — поэма. Перев. А. М. Өедорова. Со вступ. статьей Ив. Иванова съ портр. Теннисона. Москва. Изданіе Д. В. Байкова. 1895 г. Ц. 50 к.

А. Курсинскій. I. *Полутѣни.* II. *Изъ Томаса Мура.* Стихотворенія. Москва. 1896 г. Ц. 50 к..

Данте Аллигіери. *Божественная комедія.* Ч. I. *Адъ.* Перев. съ англ. Н. Голованова. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Минскій. *Стихотворенія.* Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Родныя пѣсни. *Сборникъ стихотвореній.* Н. Некрасова, И. Никитина, И. Сурикова и друг. Сост. Вл. Бончъ-Бруевичъ. Москва. 1896 г. Изданіе книжн. склада А. М. Муриновой.

К. Бальмонтъ. *Въ безбрежности.* Стихотворенія. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

Л. Афанасьевъ. *Стихотворенія.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Ф. Сологубъ. *Стихотворенія.* Книга I. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

З. Гиппіусъ. *Новые люди.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ю. Елецъ. *Изъ жизни*—очерки и разсказы съ 37 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Д. А. Линевъ (Далинъ). *Не сказки.* Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

Д. Маминъ - Сибирякъ. *Послѣдняя треба*— разсказъ. Изданіе Д. И. Тихоміpова. Ц. 10 к. Москва. 1895 г.

С. И. Шохоръ - Троцкій. *Чему и какъ учить на урокахъ первоначальной ариөметики въ школѣ и дома.* Спб 1896 г. Ц. 20 к.

Ф. Камиллъ-Дрейфусъ. *Міровая и соціальная эволюція.* Изданіе Д. В. Байкова и К°. Ц. 1 р. 50 к. Москва. 1896 г.

Библіотека «Русской Мысли». II. *Клеопатра*— картины античной жизни (по Henry Houssaye) М. Н. Ремезова. Москва. 1896 г. Ц. 40 к.

К. Фламмаріонъ. *Въ небесахъ.* Астрономич. романъ съ 89 рис. въ текстѣ, перев. съ франц. Е. А. Предтеченскаго. 3 изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 75 к. Изданіе Павленкова.

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. IX. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Библіотека полезныхъ знаній. *На всякій случай* — научно - практическіе совѣты по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству и проч. Сост. Ал. Альмедингенъ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб 1896 г. Ц. 50 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Изданіе Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 25 коп. *Эмиль Золя* — его жизнь и литературная дѣятельность—біографич. очеркъ М. В. Барро. *Р. Декартъ*—его жизнь и философская дѣятельность—біографич. оч. Г. А. Паперна. *О. Бальзакъ*—его жизнь и литоратурная дѣятельность—біографич. оч. А. Н. Анненской.

Шарль Жидъ. *Основы политической экономіи.* Перев. съ 4 франц. изданія Л. И. Шейниса. Изданіе Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Я. П. Полонскій. *Полное собраніе стихотвореній* въ пяти томахъ. Изданіе, просмотрѣнное авторомъ, съ 2 портр. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1896 г. Ц. за пять т. 6 р., съ перес. 7 р.

Памяти Надежды Васильевны Стасовой съ портр. Въ пользу фонда имени Стасовой при О—вѣ вспомож. оконч. курсъ наукъ на высш. женск. курсахъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Орловской губерніи. Т. VIII. Орелъ. 1895 г. Орловскій уѣздъ. Ц. 2 р. 50 к.

Ялта по однодневной переписи 15 декабря 1892 г. обраб. санит. врачемъ г. Ялты П. П. Розановымъ. Симферополь 1895 г.

Отчетъ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая за 1894 г. Барнаулъ. 1895 г.

Полтавская губернская сельско - хозяйственная выставка 1893 г. Сост. С. Н. Велецкій. Полтава. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

К. Н. Россиковъ. *Состояніе ледниковъ сѣвернаго склона центральнаго Кавказа.* Тифлисъ 1895 г.

А. Е. Россикова. *Путешествіе по центральной части Черной Чечни.* Тифлисъ. 1895 г.

Отчетъ-ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана. Кіевъ. 1895 г.

Отчетъ о состояніи Оренбургской киргизской учительской школы и начальнаго при ней училища за 1894 г. Оренбургъ. 1895 г.

Библіотека для самообразованія. *Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны.* Вып. I. Сборникъ статей. Перев. подъ ред. Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ о дѣятельности Кіевскаго славянскаго благотворительнаго Общества за 1895 г. Кіевъ. 1895 г.

А. І. Степовичъ. *Борьба и смѣна главнѣйшихъ теченій и направленій въ новой сербской словесности.* Вступит. лекція. 1895 г. Кіевъ.

А. Степовичъ. Главнѣйшія направленія въ новой чешской словесности, ихъ смѣна и взаимное отношеніе. Лекція. Кіевъ. 1895 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

XX-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

съ участіемъ первоклассныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ

«ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» выходитъ въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, приспособленныхъ къ возрасту читателей, а именно:

«ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО»—журналъ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 10 лѣтъ). Въ годъ 52 выпуска въ 16 страницъ большого 8-ми-дольнаго формата, крупной четкой печати, съ 400—500 иллюстраціями, въ текстѣ.

Въ немъ помѣщаются: большіе разсказы, со множествомъ рисунковъ, коротенькія повѣсти, сказки, стишки, басни, разсказы изъ священной исторіи; легкіе очерки изъ жизни животныхъ и растеній; первоначальное чтеніе, наглядное обученіе, игры, занятія, загадки, театральныя пьесы, анекдоты, пѣсни съ нотами и т. д.

всѣ статьи богато иллюстрированы.

Въ особомъ же отдѣлѣ журнала, подъ названіемъ **«ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ»**, помѣщаются: письма и отвѣты дѣтей по всѣмъ интересующимъ ихъ вопросамъ; небольшія статьи серьезнаго содержанія по всѣмъ отраслямъ знанія, насколько онѣ доступны дѣтямъ; забавы, игры и другія занятія для развлеченія; юмористическіе рисунки, и т. п.

б) **«ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО»**—журналъ для дѣтей старшаго возраста (отъ 10 до 14 лѣтъ). Въ годъ: 52 выпуска въ 16 страницъ большого 8-ми-дольнаго формата, съ 400—500 рисунками лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Въ немъ помѣщаются: длинные разсказы, со множествомъ рисунковъ, короткія повѣсти, путешествія и приключенія на сушѣ и на морѣ, разсказы изъ жизни отдѣльн. народовъ, историческіе разсказы и біографіи замѣчательныхъ людей; разсказы изъ географіи и естественныхъ наукъ, популярныя, занимательно и живо написанныя статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ и знаній; стихотворенія; театральныя пьесы; игры и занятія на всѣ времена года; анекдоты, юмористическіе стишки, ноты и т. п.

всѣ статьи иллюстрированы.

Въ особомъ отдѣлѣ, подъ названіемъ **«ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ»**, помѣщается переписка молодыхъ читателей. т.-е. письма, вопросы, отвѣты, замѣчанія и совѣты касательно всего, что интересуетъ дѣтей въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ.

Всѣ безъ исключенія подписчики «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», какъ для старшаго, такъ и для младшаго возраста, получаютъ:

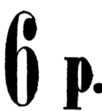
ДВА ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

1) **«ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА»**, иллюстрированный журналъ воспитанія и обученія, для родителей, наставниковъ и наставницъ.

2) **«ДѢТСКІЯ МОДЫ ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА»**, иллюстрированный журналъ новѣйшихъ дѣтскихъ платьевъ, костюмовъ, бѣлья и пр., съ рисунками парижскихъ дѣтскихъ модъ, рукодѣлій и пр.

Кромѣ того, подписчикамъ будутъ разосланы въ теченіе года еще другія приложенія и преміи, о которыхъ будетъ объявлено особо.

Подписная цѣна на **«ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО» ДЛЯ СТАРШАГО ИЛИ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА** (по выбору подписчика) съ приложеніемъ **«ДѢТСКИХЪ МОДЪ»**, **«ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЛИСИКА»** и со всѣми другими принадлежащими къ каждому отдѣлу преміями и приложеніями съ пересылкою и доставкою, въ годъ. . . . .



Подписка принимается **исключительно** въ главной конторѣ періодическихъ изданій **товарищества М. О. Вольфъ**, въ **С.-Петербургѣ**, Гостинный дворъ, № 21, и въ **Москвѣ**, въ книжномъ магазинѣ, Кузнецкій мостъ, № 12.

1—2

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ:

При помощи Божіей вознамѣрились Мы въ маѣ мѣсяцѣ сего года въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ Нашихъ, возложить на Себя корону и воспріять по установленному чину святое Миропомазаніе, пріобщивъ къ сему и любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ въ предстоящій торжественный день коронованія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ незабвеннаго Родителя Нашего, коего жизнь и труды на пользу дорогого отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ*».

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

Манифестомъ въ сей день даннымъ возвѣстивъ объ имѣющемъ совершиться въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года коронованіи Нашемъ, признали Мы за благо призвать къ сему времени въ первопрестольный градъ Нашъ Москву, по примѣру коронованія въ Бозѣ почившаго Родителя Нашего, сословныхъ и другихъ представителей Россійской Имперіи на точномъ основаніи утвержденнаго Нами особаго положенія.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

и

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. **Въ Москвѣ**: въ отдѣленіи конторы—книжный магазинъ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха, и въ конторѣ *Печковской,* Петровскія линіи.

1) *Рукописи,* присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны,* снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица,* адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 70 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 35 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 1 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ безъ доставки **6** руб., съ доставкой и пересылкой въ Россіи **7** руб., за границу **10** руб.

Подписка на 1895 годъ ПРЕКРАЩЕНА, за израсходованіемъ всѣхъ экземпляровъ.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.